

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXXII. — 1/14 НОЯБРЯ 1907.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

ноябрь

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій-Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3684

Н. П. ОГАРЕВЪ

И

ЕГО ЛЮБОВЬ

Оставивъ, въ первыхъ числахъ декабря 1841 года, жену Марію Львовну въ Неаполѣ и направляясь, чрезъ Римъ, Вѣну, Берлинъ, въ Россію, Огаревъ, послѣ двухъ съ половиною дней пути изъ Неаполя, писалъ женѣ о своемъ прибытіи въ Римъ:

13 *).

1841.—Середа (декабря) 8 [1]).

Вотъ я и въ Римѣ. Пріѣхалъ грустный, усталый, недовольный. Два дня съ половиной—съ глупѣйшими англичанами и съ моимъ сосѣдомъ сициліанцемъ (peintre en miniature—много таланта), съ которымъ мы съ трудомъ объяснялись на французскомъ языкѣ. За неимѣніемъ комнатъ, на ночлегахъ я спалъ съ нимъ вмѣстѣ и не могъ ни за что приняться—иначе я тебѣ уже нѣсколько разъ писалъ бы съ дороги. Маша! Знаешь ли ты, что̀ такое одиночество, совершенное одиночество между людьми? Ни одного лица дружнаго, ни одного горячаго рукопожатія, ни одного поцѣлуя, полнаго любви, и въ сердцѣ такая пустота, и въ головѣ такая смѣсь,—это невыносимо!—Я думалъ о тебѣ. Что̀ ты теперь? Боже мой! твое одиночество еще хуже. Ты не имѣешь даже этого движенія кареты, которое по неволѣ успокаиваетъ

*) См. выше: октябрь, стр. 650.

1) Безъ сомнѣнія, описка: среда приходилась *7-го* дек. нов. ст. (1841 г.).

всѣ чувства, даже воспоминаніе. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что я никогда не могу тебя оставить, и ты—меня. Докончимъ нашъ путь вмѣстѣ, онъ вмѣстѣ все же счастливѣе, чѣмъ порознь. Счастья совершеннаго, блаженства мечтательнаго я не ищу; его, быть можетъ, вовсе нѣтъ на свѣтѣ. Оно мелькаетъ въ воображеніи первой юности и исчезаетъ съ лѣтами. Покоряюсь судьбѣ—съ желчнымъ ропотомъ, конечно, но покоряюсь. Гляжу назадъ, гляжу на настоящее:

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью...

О! Маша, Маша! если бъ намъ обоимъ было по пятнадцати лѣтъ! какъ тепло, какъ всепреданно бросились бы мы въ объятія другъ друга! Но жизнь и мы сами—по крайней мѣрѣ я самъ—стерли съ души возможность этой дѣтской, полной любви, которая не вѣритъ, что можетъ кончиться, и себялюбіе и какая-то задняя мысль выглядываютъ изъ-подъ лоска, оставленнаго юностью. Грустно! Но это такъ! Иногда мнѣ кажется, что я никому неспособенъ вполнѣ отдать самого себя, кромѣ самого себя, своего самолюбія и человѣчества, которое болѣе или менѣе живетъ во мнѣ, какъ абстрактъ... Но, можетъ быть, я еще ошибаюсь. Напиши мнѣ, убѣди меня, что я еще ошибаюсь, что во мнѣ много теплаго, юношескаго чувства. Можешь ли ты меня убѣдить въ этомъ? Если бъ ты знала, какъ я страдаю отъ своего собственнаго нравственнаго ничтожества, отъ способности увлекаться низкими страстями, отъ этой глупой слабости характера, которая дѣлаетъ меня, можетъ быть, болѣе себялюбивымъ, нежели я могу быть. Гамлетъ! — ты не читала, не вникала въ Гамлета,—вѣдь это я, чисто я. Это тотъ человѣкъ, который способенъ наплевать себѣ въ лицо за слабость своей души и неспособенъ преодолѣть этой слабости и сдѣлать что-нибудь.

Я взялъ этотъ листъ бумаги, потому что тутъ—Эмсъ. Мнѣ хорошо было въ Эмсѣ. Да скажи, Бога ради, отчего всякое воспоминаніе о времени, проведенномъ съ тобой, даже грустно, печально проведенномъ,—такъ мнѣ мило, такъ мнѣ дорого, такъ хочется плакать объ этомъ времени? Маша! мы любимъ другъ друга! Чортъ возьми всѣ анализы—мы любимъ другъ друга. Послушай! еслибъ я сдѣлался горькимъ пьяницей, распутникомъ, еслибъ я безъ памяти влюбился въ другую; еслибъ ты безъ памяти влюбилась въ другого, отдалась другому — еслибъ все это сдѣлалось какъ нельзя хуже,—это были бы уклоненія, и черезъ

нѣсколько времени мы опять бы сошлись, обнялись, забыли бы все худое и—любили бы другъ друга. Правда? Я думаю, что правда. Дай мнѣ руку, обними и поцѣлуй меня! Мы не плакали, какъ разставались,—а теперь, когда думаемъ другъ о другѣ. О, больно, больно! Три мѣсяца, четыре мѣсяца, глупое путешествіе—скучно, досадно! Ну! да надо имѣть твердость мужа. А гдѣ я ее возьму! Ужъ не въ себѣ ли? Какъ же! Какой я твердый человѣкъ! Я смѣшонъ и жалокъ.

Но были хорошія минуты на пути: Molle di Gaeta, Terracina, Идри, Альбано. О! какъ это все хорошо! Какъ Римъ хорошъ съ горы Альбано! Народъ въ римскихъ владѣніяхъ въ 20 разъ красивѣе неапольскаго. Что̀ за чудесныя лица! — Колизей поражаетъ красотой; всѣ развалины Рима удивительно живописны, сто̀ятъ моря Неапольскаго. И какъ живо чувствуешь эту историческую почву! Римъ древній, Римъ Теодориха, Римъ католическій; исторія человѣчества вся тутъ. Но какъ это все грустно! Какъ все это пахнетъ могилой! и какъ посмотришь, какой блѣдный цвѣтокъ выросъ на этихъ развалинахъ! Сициліанецъ мнѣ плохо разсказывалъ объ отношеніяхъ Сициліи къ Неаполю. Бѣдная Сицилія! Бѣдный Неаполь! Сегодня мы ночевали въ Cisterno. Я вскочилъ въ часъ ночи и намаралъ какіе-то стихи. Потомъ легъ и въ четыре часа былъ опять на ногахъ. Ходилъ по комнатѣ и думалъ о тебѣ. Время шло, я сталъ будить сициліанца. Онъ мнѣ сказалъ: „Et moi — j'étais avec ma pauvre femme!“ — „Vous êtes marié?“ — „Je suis veuf, monsieur!“ — Я чуть не расплакался и не обнялъ этого бѣднаго человѣка. Вотъ была бы порядочная глупость! Жаль, что не онъ сдѣлалъ твой портретъ: онъ за 200 фр. сдѣлалъ бы отличную вещь.

Въ Римъ я пріѣхалъ въ три часа. Остановился въ Hôtel Servy. Пообѣдалъ. Пошелъ въ Café. Пошелъ въ другой Café. Нашелъ Etienne'а Мишелева, который завтра везетъ къ тебѣ это письмо. Пошелъ въ Café Nuovo, гдѣ по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ. Театра нѣтъ. Скучно! Походилъ по темнымъ улицамъ. Пришелъ. Пишу. Боже мой, какая тоска! Хочу спать, или нѣтъ,—ничего не понимаю. Мнѣ кажется, ты умнѣе этого письма отъ меня не получишь, благодаря вліянію дороги.

Но ты, мой другъ, ищи развлеченія, если только можешь. Ступай въ Парижъ, дѣлай такъ, чтобъ быть счастливой — если можешь. Я бы заложилъ самого себя или бы продалъ, чтобъ ты была совершенно счастлива; я вѣдь такой неуклюжій, что ничего не могу устроить для этого.

Прощай! Обними меня, благословимъ другъ друга, поцѣлуемся.

Да какъ же это, три мѣсяца — и даже руки не пожать другъ другу?

Прощай! еще разъ цѣлую тебя!

14.

Четвергъ (8 дек.).

Я спокойнѣй, я разсѣяннѣй. Римъ, Римъ! Только одинъ Римъ на свѣтѣ. Чтò за жизнь для художника! Чтò за роскошь артистическая! Я ожилъ. Потомъ у меня нашлось маленькое общество русскихъ артистовъ; между ними Митюша Бибиковъ. (Не думай, чтобъ я пьянствовалъ, не хочу, не стану — ради тебя). Артисты меня оживили. Сколько талантовъ, сколько способностей въ Россіи! О! надежда, надежда! Опять я вѣрю въ будущность моей родины, опять люблю ее, опять чувствую, что во мнѣ есть жизнь молодая, сильная. Но мнѣ грустно! Я желалъ бы слушать музыку и плакать, и много-много плакать. Но Митюша не умѣлъ устроить на сегодняшній вечеръ, чтобъ я могъ слышать русскихъ пѣвцовъ (одинъ Михайловъ, ученикъ и любимецъ Рубини; говорятъ, отлично поетъ). Завтра я ихъ услышу. Кстати—въ субботу я отправляюсь черезъ Болонью въ Венецію; въ Анконѣ мнѣ нечего дѣлать, потому что пароходъ въ Тріестъ изъ Анконы идетъ только 27-го. До Венеціи съ курьеромъ (всегда сопровождаемымъ жандармомъ)—три дня. Былъ на почтѣ — письма отъ тебя не было. Зачѣмъ ты не со мною? я тебя выучилъ бы наслаждаться искусствомъ. Развей въ себѣ эту сторону, лучшую въ человѣкѣ.

Утромъ былъ въ соборѣ св. Петра. Чтò за площадь, чтò за колоннады, чтò за куполъ! Но онъ невыгодно окруженъ домами, такъ что нѣтъ точки, съ которой было бы видно весь куполъ, а фасадъ самой церкви уродливъ, хотя имѣетъ важность. Но внутри — чудо! Огромно, величаво, благородные размѣры! Но надо все это видѣть, пересказать нельзя. Потомъ я встрѣтилъ Матьё. Кое-какъ пообѣдалъ у ресторатора, гдѣ собираются всѣ артисты. Русскіе артисты въ Римѣ выше всѣхъ. Потомъ пошли мы въ Ватиканъ. Боже великій!! чтò за зданіе, чтò за залы! Я видѣлъ Аполлона Бельведерскаго, я видѣлъ „Бойцовъ“ Кановы, Лаокоона, я видѣлъ кучу древнихъ статуй. Я потерялся въ этомъ мірѣ. Я отдохнулъ и блаженствовалъ въ созерцаніи. Природа въ Неаполѣ и искусство въ Римѣ — можно прожить вѣкъ въ какой-то блаженной дремотѣ. Когда я пришелъ въ картинную галерею, уже начинали запирать. Завтра пойду нарочно. Се-

годня Ватиканъ былъ открытъ, а завтра надо заплатить. Вообрази, что открытъ съ $^1/_2$ третьяго до четырехъ часовъ. $1^1/_2$ или два часа. Какъ глупо! Завтра—форумъ, картины и кн. Трубецкая. Сейчасъ жду Матюшу и Воробьева изъ турнкласса. Ужо́ еще напишу.

Пятница.

Вчера Матьё и Воробьевъ ушли поздно; мы много хохотали, и несмотря на то мнѣ было скучно, и когда я остался одинъ, я впалъ въ хандру невыносимую; не сталъ писать къ тебѣ, а написалъ стихи, которые покажутъ тебѣ расположеніе моего духа. Стихи, которые я тебѣ послалъ въ прошлый разъ, очень скверны, не вписывай ихъ въ тетрадку. А эти впиши. Сегодня я проснулся въ семь час. и какъ то мнѣ было легче; я докончилъ картину Неаполя; впиши это вслѣдъ за стихами, которые у тебя подъ заглавіемъ „Неаполь", и выставь надъ ними № 5. Только кончилъ, явился ко мнѣ сициліанецъ-артистъ, compagnon de voyage, Faia, о которомъ я тебѣ писалъ. Это мнѣ помѣшало писать къ тебѣ. А теперь я отправляюсь въ Ватиканъ.

Когда утро проходитъ, я начинаю тревожиться; тоска и безпокойство растутъ, растутъ, и я не знаю, куда дѣваться. Думаю о тебѣ. Когда представлю себѣ, что ты вечеромъ, усталая, наслушавшись разныхъ несносныхъ пустяковъ, приходишь ложиться одна, — мнѣ такъ хочется плакать, мнѣ такъ тебя жаль; ужъ мнѣ начинаетъ казаться, что я виноватъ передъ тобой и собою, что уѣхалъ, что можно было бы какъ-нибудь уладить и остаться. А между тѣмъ это судьба. Но куда она выведетъ мою жизнь, эта судьба? Что̀ такое твоя жизнь? Все загадка, все темно; я самъ себя не понимаю. Тоска! тоска!

Ужъ поскорѣй бы быть въ Москвѣ; тамъ по крайней мѣрѣ дружній привѣтъ—а это великое дѣло. Какъ я боюсь потерять внутреннюю полноту, которая меня всегда дѣлала чистымъ и тихимъ; ужасно боюсь! Мнѣ кажется, что жизнь сдѣлала то, что я ни къ людямъ, ни къ вещамъ не приступаю какъ къ святынѣ, не вѣрю и не благоговѣю. А такъ жить слишкомъ горько. Свята любовь, свята дружба! Знаешь ли ты это чувство, когда жмешь кого за руку и чувствуешь въ этомъ рукопожатіи какую-то святыню, какое-то таинство великое? Ну, вотъ это-то чувство было во мнѣ, и вотъ оно-то и гаснетъ. Глубина и тишина и свѣтъ пропадаютъ. Неужто я старѣю, Маша?

Ну! прощай, другъ мой!! Завтра я еще пошлю тебѣ письмо, послѣднее изъ Рима. Обними меня! Все дальше, все дальше мой путь. Получу ли я отъ тебя письмо здѣсь? Дай Богъ! Не

могу долго не знать, что̀ ты дѣлаешь. Прощай! будь здорова, спокойна, тверда, счастлива, если можешь.

Addio, carissima!

15.

Суббота (10 дек.).

Въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ изъ Рима! Сегодня вечеромъ я уже буду еще дальше. Какъ грустно покидать Италію! Но ты не будешь грустить по ней, ты никого не оставишь такъ, какъ я тебя, и выѣдешь изъ Неаполя, уѣдешь отъ людей, съ которыми скучала и ничего не имѣла общаго. Но уѣхать отъ тебя, да еще изъ Италіи, да еще въ Петербургъ, это изъ рукъ вонъ. Вчера я видѣлъ картины Ватикана; это чудо—этого я и не воображалъ; это нѣсколько картинъ сряду, стоящихъ Рафаэлевой Мадонны della Sedia, т.-е. еще его двѣ Мадонны и Преображенье. Вѣнчаніе Богородицы, Мадонна Foligno—это удивительно. Рафаэль одинъ изъ всѣхъ живописцевъ схватилъ возможный типъ Христа. Онъ понялъ въ немъ двѣ стороны—любовь и пророческое вдохновеніе, вдохновеніе, которое говоритъ: Я сынъ Божій! Въ этомъ случаѣ Рафаэль болѣе христіанинъ и выше, какъ художникъ, всѣхъ другихъ. Другіе поняли въ Христѣ смиреніе, спокойствіе жертвы; онъ понялъ покой самосознанія, самоувѣренности, лучше сказать — покой вѣры. Христосъ, вѣнчающій Богородицу,—именно это лицо любящее, но вмѣстѣ съ полнымъ сознаніемъ своей силы; я лучше этого Христа не видалъ. А Мадонна! какая непорочность, какая женственная тишина! Неподражаемо! Лицомъ Христа въ Преображеніи я не совсѣмъ доволенъ: оно также не менѣе выразительно, но на меня оно произвело непріятное впечатлѣніе шириной лица. Но что̀ за композиція! А въ Мадоннѣ Foligno, не говоря уже о самой Мадоннѣ и Младенцѣ — что̀ за Іоаннъ Креститель! Вотъ пророкъ-то! — Потомъ Причащеніе св. Іеронима Доминикино, потомъ три Ангела на гробѣ Спасителя и Іоаннъ Креститель Guercini и многое еще, Спаситель Correggio — ну! просто ты живешь въ волшебномъ мірѣ. Наконецъ, фрески Рафаэля. Нѣтъ, Маша! если ты пріѣдешь въ Римъ, ты проживешь годъ, и никого тебѣ не нужно, и только будетъ хотѣться жить, жить, наслаждаться; вся мелочь, вся грязь жизни пропадутъ, здѣсь становишься безпеченъ, чистъ и глубокъ, какъ художникъ. Даже Митюша Бибиковъ поумнѣлъ и очень порядоченъ, и многое для него доступно, чего я и не думалъ. — Обѣдаемъ мы во 2-мъ часу. Послѣ обѣда я поѣхалъ въ Forum и Колизей. Что̀ передъ этимъ

вся Помпея! Ничто. Въ Колизеѣ была процессія монаховъ; заходящее солнце освѣщало одну часть внутренней стѣны; огромныя развалины, на которыхъ всюду наросла трава и плющъ, удивительное освѣщеніе, арки, которыя составляютъ перспективы невообразимыя;—я стоялъ, какъ въ какомъ-то волшебномъ снѣ, и чуть не заплакалъ; слезы все-жъ были и будутъ выраженіемъ всего лучшаго. Христіанство здѣсь вездѣ настроилось надъ древнимъ міромъ—à la lettre; не говоря о церквахъ, прилѣпленныхъ къ древнимъ портикамъ,—Римъ древній на два аршина глубже въ землѣ Рима христіанскаго. Даже эта superposition des siècles поражаетъ.

А письмо отъ тебя не пришло. Это дурно, Маша! Ну! если ты не писала — это непростительно, потому что теперь до Питера, можетъ, ничего не будетъ отъ тебя. Да и ты ждешь не дождешься письма отъ меня; сегодня получишь первое, завтра 2-е, послѣ-завтра 3-е. А я—можетъ, ни одного! Какъ же это глупо! Положимъ, Римъ оживилъ меня — а дорога, можетъ, скучнѣе города,—чортъ возьми, какъ несносно. Пиши, Бога ради; по крайней мѣрѣ чтобъ я зналъ, что ты дѣлаешь, не тревожился и не падалъ духомъ. Мы друзья съ тобой, Маша, дай руку,—въ широкомъ значеніи слова. Много смутнаго прошло по нашей жизни, не станемъ поминать это; она могла бы быть безконечно полна... но и теперь хорошо! Каждому изъ насъ можно поплакать на груди другого — и это много, это большее, что жизнь можетъ дать, потому что спокойнаго, свѣтлаго счастія жизнь не можетъ дать. Да будетъ это сказано! Вечеромъ былъ я у кн. Трубецкой, говорилъ объ искусствѣ; я просидѣлъ больше часа, былъ очень краснорѣчивъ. Потомъ ужиналъ съ артистами. Сегодня укладываюсь, ѣду въ Palazzo Borghese и смотрѣть Моисея Микель-Анджело, обѣдаю, ѣду къ кн. Трубец. за какимъ то письмомъ, сажусь въ карету и скачу въ Болонью. — Я теперь еще въ горячкѣ, послѣ всего, что я вчера видѣлъ, и не могу придти въ настоящую тарелку; а настоящее расположеніе духа—тоска. Слава Богу, что хотя на минуту выходишь изъ нея. Это письмо отправится съ кондукторомъ. Я буду уже въ Болоньѣ, когда оно дойдетъ до тебя. Теперь я нигдѣ не замѣшкаюсь, увлекательнѣе Рима ничего нѣтъ.—Сегодня еще съѣзжу, посмотрю вещи, чтобъ тебѣ что-нибудь послать съ кн. Трубецк., который ѣдетъ въ Неаполь 26-го декабря и ergo къ 29-му доставитъ. Что это будетъ, не знаю; надо разсчитать, чтобъ было хорошо и недорого, потому что почты нестерпимо дороги,—до Болоньи 120 фр. кромѣ ѣды. Прощай!—Прощай, Маша! Обнимаю, цѣлую

и благословляю тебя. Вѣрь — разлука для меня тяжела, вѣрь, что мнѣ жаль оставлять тебя безъ друга; положи голову ко мнѣ на плечо въ воображеніи и отдохни спокойно. Addio, addio... еще разъ—addio.

16.

Болонья, вторникъ (13 дек. нов. ст.).

Вотъ уже другая недѣля, какъ мы разстались, Маша! Уѣхалъ я не далеко; но зато теперь помчусь. Какъ ни ждалъ въ Римѣ письма отъ тебя, но вѣчный „niente“ звучалъ мнѣ изъ-за рѣшетки почтамта. Грустно! Можетъ, въ Вѣнѣ найду письмо. Да какъ же это такъ долго не знать, что̀ ты дѣлаешь? Я въ какомъ-то странномъ снѣ, гдѣ дивныя мѣста, дивныя статуи, дивныя картины вдругъ смѣняются на одиночество невыносимое, тоска гнететъ, а потомъ опять виды: картины, зданія, статуи. Гдѣ я? что̀ со мною? Я не могу придти въ себя. Вотъ сегодня я шатался въ Пинакотекѣ съ глупымъ бельгійцемъ и почти не замѣчалъ его; а видѣлъ одни чудеса, видѣлъ мученичество св. Агнесы Доминикино, еще двухъ мучениковъ его, еще Мадонну его же, Цецилію Рафаэля, Богоматерь надъ тѣломъ Іисуса—Гвидо, избіеніе младенцевъ Гвидо, распятіе Гвидо, Мадонну Гверчини. Ахъ! Маша! далъ же мнѣ Богъ способность забываться въ этомъ мірѣ! Такъ хорошо становится на душѣ, такъ много задумываешься. Глядя на картины, я много думалъ о христіанствѣ, и именно о христіанствѣ католическомъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, убѣдился я въ истинѣ, высказанной Фейербахомъ, что христіанство есть обожаніе des Gemüths. Что̀ можетъ быть такъ gemüthlich, какъ созданіе святой дѣвы, обожаніе непорочной женственности? Да посмотри ты на всѣхъ Мадоннъ Рафаэля: какая кротость и чистота, какое умиленіе и молитва въ этихъ лицахъ! Эта чистая женщина—это идеалъ женщины! И смотря на эти картины, ты просто убѣждаешься въ истинѣ католической Богородицы; ты не можешь вѣрить, чтобъ это существо было запятнано чѣмъ-нибудь плотскимъ, это поэзія des Gemüths, поэзія женственности. И какая глубокая поэзія въ этомъ соединеніи дѣвы и матери! женской непорочности и женской любви! Чистота, нѣжность, тишина и полнота души женщины—тутъ все есть. И не подумай подойти къ ней съ земной любовью, нѣтъ! на эту женщину довольно смотрѣть, довольно обожать, и поцѣлуя не нужно, одно колѣнопреклоненіе и безмолвное созерцаніе—и только! и довольно!

Das Ewig-weibliche
Zieht uns hinan! (Goethe).

Бракъ — уступка, которую das Gemüth дѣлаетъ тѣлу. Но бракъ съ этой точки зрѣнія нерасторгаемъ, потому что das Natürliche все же теряется im Gemüthlichen; любовь внутренняя (платоническая), христіанская, die Liebe aus dem Gemüthe heraus, освѣщаетъ и просвѣщаетъ все. Эту любовь расторгнуть — грѣхъ. Но нашъ вѣкъ интеллигентный не можетъ дать мѣста этой гордости des Gemüths; у насъ освѣщаетъ и просвѣщаетъ все разумъ, сознаніе, der Geist, который всему покажетъ свое святое мѣсто въ мірѣ и не допуститъ человѣчество остановиться ни на непосредственности чувственности (der Natürlichkeit, — міръ древній), ни на непосредственности чувства (des Gemüths, — міръ христіанскій). Можетъ быть, на сознаніи и духѣ разовьется новый міръ, полнѣе и величавѣе міра древняго и міра христіанскаго (конечно, индустріальный фурьеризмъ не есть порожденіе духа). Но элементъ духа не проникъ еще дѣйствительное общество, — отъ этого христіанство существуетъ; но элементъ духа (сознаніе) проникаетъ въ общество, — отъ этого христіанство болѣе и болѣе становится внѣшней формою. Современному художнику написать Мадонну, или мученика, или чудо — натяжка ума, которая не будетъ внутренно согрѣта. — Не рви этого письма; оно намъ обоимъ послужитъ.

Сейчасъ на улицѣ раздалась неаполитанская пѣсня, и у меня чуть слезы не брызнули. Какъ я глупъ! и въ какомъ хаосѣ моя голова насчетъ моей жизни и моихъ чувствъ и желанія — это просто страданіе!

Я путешествую съ итальянцемъ-негоціантомъ и бельгійцемъ-фабрикантомъ à tiers frais, что сдѣлаетъ, что я до Венеціи доѣду за 15 рублей. Мы выѣзжаемъ въ ночь и послѣ завтра въ Венеціи. Мои товарищи тупы насчетъ искусства, но добрые малые. Бельгіецъ тоскуетъ по Бельгіи и скучаетъ, какъ я же, одиночествомъ. Итальянецъ ѣдетъ по дѣламъ въ Вѣну. Жандармовъ съ нами никакихъ не было; а о разбойникахъ ни слуху, ни духу.

Въ комнатѣ становится темно. Скоро обѣдать. Вечеромъ докончу письмо къ тебѣ. Пока жму тебѣ руку, душа моя. Въ комнатѣ холодно, и мнѣ — чортъ знаетъ, какъ скучно и грустно — и некому руку подать...

Вечеромъ.

Я гулялъ по городу съ моими пріятелями-непріятелями. Они встрѣчали друзей — а я былъ одинъ. Скучно! Воротился домой. Сходилъ въ café, почитать procès Quenisset — занятъ. Чортъ возьми! Прошелся по улицѣ, видѣлъ кукольный театръ на пло-

щади,—оригинально и смѣшно! Но все же скучно. Пришелъ домой. Спать никакъ не хочется. Виноватъ! спросилъ бутылку вина и пью ее одинъ. Просто для того, чтобъ произвести физическую экситацію, которая мѣшала бы совершенной тоскѣ овладѣть мною. Такъ я проведу время до 3-хъ часовъ; а въ 4-мъ уѣду. Чѣмъ больше смотрю въ себя, тѣмъ больше удивляюсь. Что я за странный уродъ! смѣсь самой грубой чувственности и самаго утонченнаго спиритуализма. Право! я истинное выраженіе вѣка, борьба der Natürlichkeit и des Gemüths, не разрѣшенная, но разрѣшаемая въ сознаніи, разумѣ, духѣ. Потому-то и борьба, что это противорѣчіе въ эту минуту разрѣшается, но не разрѣшено; еслибъ вовсе не было потребности разрѣшенія—я былъ бы счастливъ въ святости христіанства; еслибъ было разрѣшеніе—я блаженствовалъ бы въ новѣйшей философіи. Но я прямое дитя вѣка, борюсь и не нахожу примиренія. Если бъ ты знала это внутреннее страданіе, невозможность побѣдить ни мысль, ни обстоятельства — ты заплакала бы надо мной. Если ты уронишь слезу на эти строки, которыя льются изъ души, я сцѣлую ее съ твоихъ глазъ, и мнѣ будетъ легче. Я давно не плачу—и мнѣ вдвое тяжелѣе; жизнь утомила и нервы, и душу, и ни на что не нахожу въ себѣ слезъ.

Когда я пришелъ домой, я думалъ о произведеніяхъ искусства и написалъ стихи. Походилъ по комнатѣ—и написалъ другіе. Читай ихъ и посмотри, что за уродъ человѣкъ, въ которомъ такая смѣсь ощущеній! И всѣ меня любятъ и хвалятъ! Чортъ знаетъ, какъ это досадно! Поймите, ради Бога, что я уродъ нравственный, мученикъ тѣла, души и духа. Пожалѣйте обо мнѣ, а не хвалите меня. Поплачь обо мнѣ, Маша! Твои слезы всего отраднѣе. О! еслибъ ты была моя Мадонна! Но ты такое же тревожное существо, какъ и я.

1.

Поэзія.

Когда сижу я ночью одиноко
И образы святые въ тишинѣ
Такъ изъ души я вывожу глубоко,
И звонкій стихъ звучитъ чудесно мнѣ;—

Я счастливъ! мнѣ ужъ никого не надо.
Весь міръ во мнѣ! Созданіе души
Самой душѣ есть лучшая отрада,
И такъ его лелѣю я въ тиши...

И вижу я тогда, какъ дерзновенно,
Исполненъ мыслью, дивный Прометей
Унесъ съ небесъ огонь священный
И въ тишинѣ творитъ своихъ людей...

2.

Тоска.

Дайте же звуки мнѣ, звуки тревожные,
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!
Развѣ не видите, люди холодные,—
Жаркія слезы нужны для меня!

Слезы ль тѣ будутъ—мольбы, умиленія,
Страсти тоскующей, полной огня,
Или страданія, или стремленія,—
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!

Если вы видите, люди холодные,
Если дѣйствительно вы мнѣ друзья,
Дайте же звуки мнѣ, звуки тревожные,
Сдѣлайте такъ, чтобъ расплакался я!..

И ни единаго друга около меня не было. Моя жалоба ударилась объ стѣну и заглохла. Этимъ двумъ стихотвореніямъ разстояніе полчаса. Что за хаосъ, Маша! Пожалѣй обо мнѣ. Теперь я еще могу написать 500 стиховъ, но не стану изъ уваженія къ искусству. Могу написать тебѣ 20 страницъ, но не стану, чтобъ не разорвать твоего сердца. Сейчасъ возьму пакетъ и запечатаю и буду до 3-хъ часовъ ночи шляться изъ угла въ уголъ и топить печь въ моей холодной комнатѣ. Кстати, я сдѣлалъ небольшія поправки въ стихотвореніи „Le Cauchemar“—и не имѣю къ нему ненависти. Чортъ возьми! Неужели я изъ самолюбія говорю о моихъ стихахъ? Еще этого недоставало—глупаго самолюбія!

Прощай! Маша! прощай. Напишу изъ Ровиго и изъ Венеціи. Цѣлую бѣднаго Сталю,—мой типъ въ уродливомъ видѣ.

17.

Венеція 15 (3). Четвергъ.

Вотъ я наконецъ и въ Венеціи! Дорога меня утомила. Мы пріѣхали вечеромъ; солнце садилось. За два льё до Венеціи мы

сѣли въ гондолу и поплыли по Лагунамъ. По водамъ игралъ лиловый отблескъ, на небѣ было не совсѣмъ чисто, и Венеція смутно сквозь туманы вставала изъ воды. Я былъ въ очарованьи. Звонъ колоколовъ встрѣчалъ насъ. Мнѣ было хорошо и грустно! Я не говорилъ ни слова съ моими спутниками. А глядя на Венецію, думалъ о тебѣ и о Неаполѣ, а слушая звонъ колоколовъ, думалъ о Москвѣ и о давно прошедшемъ. Среди самыхъ лучшихъ впечатлѣній я какъ-то умѣю наводить на себя грусть, тревожить себя сомнѣніями и воспоминаніями. Это часто тебя смущало, Маша, и ты сердилась на меня. Но въ воспоминаніи и въ грусти есть что-то такъ глубоко тихое и святое, что не надо слишкомъ винить меня. Стремленіе къ блаженству такъ естественно; а признайся, что всякое блаженство въ будущемъ—фантазія, между тѣмъ какъ блаженство прошедшее—дѣйствительность. Я стремлюсь назадъ, потому что я знаю мое прошедшее блаженство. Самая лучшая минута въ настоящемъ меня уноситъ въ даль блаженную, но все же въ даль прошедшаго блаженства. Когда солнце гаснетъ, мнѣ становится грустно; я помню другія минуты при захожденіи солнца. Помню, какъ мы его провожали когда-то съ балкона маленькаго деревенскаго дома, и отецъ мой былъ тогда живъ, и ты такъ тепло меня любила, и я такъ тепло любилъ тебя, — и я плачу—какъ дитя, почти самъ не зная о чемъ. Потомъ мелькаетъ передо мной синенькое платье и пунцовый платочекъ, и какъ все это было скромно, и какъ все это было тихо и какъ хорошо! и какъ казалось, что ничего въ мірѣ больше не надо! Мертвый человѣкъ прошедшее, Маша! его разбудишь въ воображеніи, а въ самомъ дѣлѣ, какъ ни тревожь его,—лежитъ себѣ, не воскресая. Ахъ! Боже мой! какъ я въ то время былъ спокоенъ! какъ чистъ въ душѣ! какъ полонъ теплой вѣры въ жизнь! Стихи я писалъ скверные, а въ душѣ было столько любви и упованія; теперь стихъ мой становится (не всегда) звученъ и полонъ, я это чувствую; а на душѣ тоска и, страшно сказать, кажется—холодъ. Ну, если не холодъ, то по крайней мѣрѣ теплота юноши страшно борется съ опытомъ, съ разувѣреніемъ въ самомъ себѣ, съ скукой жизни. Что изъ меня выйдетъ? Но что бы ни вышло, едва ли лучше того, что во мнѣ было.

Долго мы гуляли по Венеціи. Площадь св. Марка, огромная, съ безсчетнымъ множествомъ освѣщенныхъ лавокъ—чудесно хороша. Бельгіецъ мой удивительно тупъ, ему Венеція нравится какъ только глупому, но доброму человѣку можетъ нравиться.— Онъ купилъ черешневый чубукъ и стамбулку и куритъ турецкій

табакъ, и въ наслажденіи великомъ. Мой неаполитанецъ—человѣкъ практическій, купецъ настоящій, но добрый малый. Съ нимъ путешествовать очень экономно. Если онъ къ тебѣ явится съ письмомъ отъ меня,—пожалуйста, въ мое воспоминаніе прими его хорошенько; онъ очень недуренъ собою, славно говоритъ по-французски и будетъ радъ служить въ чемъ надо, и купитъ мебель, сдѣланную въ Неаполѣ, потому что хочетъ жениться и все говоритъ о своей невѣстѣ. Право, есть добрые люди на свѣтѣ, но какъ они невыносимо скучны, этого высказать нельзя. Есть также и умные люди, которые невыносимо скучны. Но что жъ изъ этого! Надо жить со всѣми. Сатина, кажется, нѣтъ въ Венеціи. Мнѣ очень грустно будетъ съ нимъ разъѣхаться. Я очень знаю, что вся его жизнь въ другихъ, а я его любимецъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, я все писалъ очень скверные стихи, надо въ этомъ сознаться. Но вотъ сегодняшніе не дурны.

(Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе Огарева: „Когда тревогою безплодной“...)

О тебѣ мнѣ подумать страшно! Ты должна находиться въ такой ужасной пустотѣ, что морозъ бѣгаетъ по кожѣ, когда объ этомъ вздумаешь; а я нерѣдко объ этомъ думаю. Но надо однако намъ обоимъ быть потверже духомъ. Да какъ это сдѣлать, чортъ возьми? Глупыя обстоятельства, скука, досада, все это мѣшается въ головѣ и сердцѣ, и поневолѣ впадаешь въ нестерпимую тоску.

Думаю о нашихъ отношеніяхъ къ Сталинькѣ. Вотъ еще горе и испытаніе! Чтò онъ? каковъ? Если Циммерманъ его не возьметъ — неужели оставить его съ Анетой? Да какъ же быть съ этимъ, что объ этомъ ребенкѣ можно жалѣть, а любить его нельзя, такая антипатическая натура? А между тѣмъ какая-то отвѣтственность лежитъ на совѣсти. Постарайся его хорошенько пристроить, или не бросай его и таскай съ собой и няней. Да вѣдь это изъ рукъ вонъ несносно,—право, не придумаю, чтò тутъ дѣлать, какъ поступить благородно, съ любовью—если не къ самому ребенку, то по крайней мѣрѣ къ его дѣтству.—Ну, онъ умретъ безъ тебя? И зà то ты будешь укорять себя. Où est l'issue?

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты меня обняла и поцѣловала теперь! Я бы такъ хорошо заснулъ... Два часа ночи. Спать хочется, и не могу рѣшиться итти. Скучно, а кажется все лучше не спать, лучше прибавить еще строки двѣ къ письму. И ничего ими не скажешь—а все будто легче. Изъ Тріэста, куда я отправлюсь завтра вечеромъ на пароходѣ,—не знаю, успѣю ли

написать нѣсколько словъ. Постараюсь. Но въ тотъ же день я долженъ уѣхать въ „эйльвагенѣ“ въ Вѣну. Изъ Вѣны напишу много. Но едва проночую болѣе одной ночи. Надо спѣшить. А возятъ скверно. Можетъ быть, въ Вѣнѣ найду письмо отъ тебя. — Свѣча моя догораетъ, Маша! видно, надо лечь. Завтра рано встать и идти смотрѣть Венецію. Запечатаю теперь письмо. Прощай, другъ мой! Благословляю и цѣлую тебя сотни и тысячи разъ. Маша! другъ мой! Вотъ просто напишешь—Маша! другъ мой,—и какъ-то ужъ легче, будто не такъ одинъ.

Прощай.

18.

Тріестъ 16 (4).

Пишу къ тебѣ отсюда нѣсколько словъ, другъ мой, милая моя Маша! пишу только для того, чтобы ты не подумала, что я пропалъ въ морѣ. Противный вѣтеръ или, лучше, противная буря сдѣлала то, что вмѣсто семи час. утра мы пріѣхали вечеромъ. Я видѣлъ въ самомъ дѣлѣ бурю на морѣ. Чудесно! Я, ты знаешь, не страдаю на морѣ, и потому цѣлый день просидѣлъ на палубѣ. Качка была такъ велика, что стоять было невозможно, и волны переплескивались черезъ бортъ. Но я наслаждался. Я не боялся, вѣрю въ свою звѣзду (je crois à mon étoile), и вотъ я въ Тріестѣ, гдѣ смотрѣть нечего и, кажется, очень скучно.— Завтра въ восемь час. отправляюсь взять мѣсто въ эйльвагенѣ, и въ два час. уѣду.—Въ Венеціи я узналъ, что Сатинъ уѣхалъ въ Миланъ. Мнѣ стало грустно. Зачѣмъ судьба не захотѣла, чтобъ я его встрѣтилъ? Я отдохнулъ бы возлѣ его любящаго сердца. Изъ Вѣны напишу и къ нему. Къ тебѣ же я напишу изъ Вѣны предлинное посланіе. А теперь усталъ до смерти и спать хочется. Милый другъ! длинна дорога, скучна дорога. Гдѣ я буду на мѣстѣ? Нигдѣ, кажется. Весь вѣкъ пройдетъ въ томъ, что мѣста себѣ не сыщу.

Прощай! Обнимаю и цѣлую тебя. Когда-то что-нибудь объ тебѣ узнаю. Пора бы. Прощай! Христосъ съ тобой, Маша моя! Addio! Все дальше и дальше я. Addio!

Кланяйся Сатину и всѣмъ.

Помиришься ли ты съ нимъ во имя мое? Друга моя! Не умѣешь ты разгадывать людей.

19.

Тріестъ 20 (8) дек.

Еще разъ Тріестъ. Вчера писалъ тебѣ отсюда, и сегодня еще разъ. Не нашелъ мѣста въ дилижансѣ въ Вѣну, и долженъ былъ цѣлый день проскучать въ Тріестѣ. И въ самомъ дѣлѣ проскучалъ. Претошный городъ. Я исходилъ его вдоль и поперекъ; здѣсь рѣшительно меркантильный духъ. И зданія, и люди, и разнообразіе націй — все дышетъ неэлегантнымъ корыстолюбіемъ. Вчера я писалъ къ тебѣ письмо — отвѣтъ, начатый въ Монтрэ, — это была лучшая минута изъ всего дня. Ты получишь то письмо въ концѣ января.

Кой-какъ добивая день, я пошелъ вечеромъ въ концертъ. Отрывки изъ „Нормы", славно игранные на флейтѣ Г. Морнизи, вытянули у меня слезинку. Арія была, очень хорошо исполненная, изъ „Норманновъ" Mercadante, мнѣ понравилась. Но кошачій голосъ примадонны и непроходимый оркестръ выгнали меня изъ концерта прежде конца. Итальянская музыка и ты бродите у меня въ головѣ. Съ музыкой легче, грусть тише и тоска не такъ томительна. Въ концертѣ я увидалъ лицо — мнѣ показалось, это Дингельштедтъ (я о немъ тебѣ говорилъ иногда). Я вспыхнулъ или поблѣднѣлъ — не знаю, но знаю, что не могъ свести съ него глазъ. Потребность симпатическаго рукожатія такъ сильно заговорила, что сердце забилось, и я не вытерпѣлъ, подошелъ: — Sind Sie Herr Dingelstedt? — „Nein". — Verzeihen Sie; eine wunderbare Aenlichkeit mit einem alten Freunde... и я ушелъ. Но грудь стѣснилась, душѣ было больно. Давно прошедшее отозвалось. Раздольная жизнь, тысячи надеждъ, тысячи мечтаній, потомъ луна сквозь замерзшее окно казарменной комнаты, потомъ ты и все-все — и это все такъ разлетѣлось, и я одинъ, въ чужомъ городѣ, съ чужими людьми, сходство, обманувшее меня, и всѣ эти люди, все, что было такъ безмолвно, такъ далеко. Звукъ раздался и смолкнулъ, и ничего не осталось, кромѣ воспоминанія, а широкая дѣйствительность исчезла... Въ какихъ отношеніяхъ я съ моими дорожными товарищами? Надоѣли они мнѣ оба ужасно. Но я ужъ свыкся съ ихъ лицами, мелкими потребностями и простодушнымъ дружелюбіемъ. Мнѣ лучше, когда я могу сказать имъ какую-нибудь глупость. Въ очень оригинальной тавернѣ я встрѣтилъ русскаго, который 25 лѣтъ изъ Россіи и учителемъ англійскаго языка въ Тріестѣ. Я заговорилъ съ нимъ. Онъ навѣкъ простился съ родиной. Какое

впечатлѣніе произвели на него звуки родного языка? Чтò поворотилось въ его сердцѣ? Не знаю... Я больше вижу въ людяхъ, чѣмъ въ нихъ въ самомъ дѣлѣ есть. Можетъ, это худо—а можетъ, хорошо. По крайней мѣрѣ, въ этомъ есть теплота.

Сатинъ у меня изъ головы не выходитъ. Какъ же это было разъѣхаться? А мы такъ много сдѣлали бы теперь другъ для друга!..

Я тебѣ писалъ въ письмѣ, которое дойдетъ до тебя послѣ, что желаніе и страданіе—одно. О, какъ это правда! Я писалъ, что этому нѣтъ конца, нѣтъ разрѣшенія. Вѣчно желать и страдать. Святость грусти, блаженство стремленій—они тяжелы: но я ихъ беру съ резигнаціей. Слезы изъ глубины души, слезы любви къ чему-то недостижимому—я ихъ люблю. Плачу и благословляю. Во мнѣ нѣтъ желчи. О! я еще чувствую юношескую теплоту, которая можетъ отогрѣть многихъ. Скажи это Сатину.—Вечеромъ хотѣлъ писать къ тебѣ; хотѣлъ писать стихи; но заснулъ. Первую ночь спалъ безъ кошмара. — Мое мѣсто взято. Черезъ 4 часа ѣду. Теперь уложусь. Я очень аккуратно укладываюсь ради тебя. Тучкову писалъ. Схожу купить шубу-бурнусъ,—лучше ничего не нахожу для дороги и дешевле.

Прощай! Прощай, моя Маша! Помни меня, люби меня. Помни любящаго ребенка и во имя любви прощай ему глупости прошедшія и будущія. Обними и поцѣлуй меня. Дай ручку. Хорошо бы хоть ¼ часа посидѣть вмѣстѣ. Прощай. Addio. Благословляю тебя.

20.

Вѣна 25 (13) дек.

Наконецъ два письма отъ тебя, два письма, которыя дышутъ любовью. Благодарю. Долго я ихъ ждалъ и не былъ покоенъ. Теперь знаю, чтò ты дѣлаешь, какъ живешь,—и доволенъ, доволенъ тѣмъ болѣе, что ты лучше живешь, нежели я думалъ. Я думалъ—домашнее преслѣдованіе, болтовня—еще болѣе тебѣ надоѣдаютъ. Въ графинѣ Сухт. находилъ афектацію, которой, можетъ быть, и нѣтъ, и вѣроятно, глухота производитъ un semblant d'affectation. Но скажи ей, что я цѣлую ея руки за дружбу къ тебѣ. Ты нашла въ себѣ раскрытое чувство къ изяществу неаполитанской природы... О! въ такомъ случаѣ ты дольше проживешь въ Неаполѣ, чѣмъ думаешь; я не могъ разстаться съ этой природой, и теперь не могу ее забыть.—Ты учишься пѣть, ты была на музыкальномъ вечерѣ. Я долго могъ бы прожить

этой жизнью. Ѣзди въ музей еще — ужъ будто тебя одну не будетъ это занимать? — никогда не повѣрю. Живи, живи въ этомъ роскошномъ мірѣ прекраснаго, въ природѣ и искусствѣ, и среди одиночества, среди печали—ты все еще выищешь минуты чудеснаго блаженства. Долгор. говоритъ, что надо жить такъ и потомъ иногда предаваться обществу и шуму людскому, когда потребность разсѣянія слишкомъ заговоритъ. Я не люблю балъ и не вижу въ немъ поэзіи, или—если вижу—то очень удушливую. Потребность общества выражается во мнѣ иначе,—это потребность сказать и услышать симпатическое слово, или вдругъ увидѣть себя увлеченнымъ какою-нибудь людскою дѣятельностью въ лучшемъ смыслѣ. Есть минуты, когда одиночество тяжело; надо говорить и слушать,—но, ради Бога, не пустословіе,—не тупое пустословіе свѣтскихъ людей. Теплыя рѣчи, теплыя рукожатія, остроты въ припадкѣ веселости — безъ претензій, безъ злости, безъ тупости—движеніе гуманное—вотъ чего мнѣ надо. О! какъ жизнь могла бы быть полна, согрѣта, роскошна! И отчего же этого нѣтъ? Зачѣмъ судьба даетъ столько возможности блаженства и такъ мало блаженства въ дѣйствительности? Обстоятельства, люди, ежедневность — все это такъ невыносимо душитъ-душитъ, и едва ли одинъ день можно прожить въ полномъ наслажденіи. Зачѣмъ я *теперь* съ тобой разстался. Знаешь ли, что мы въ послѣднее время много сблизились? Были минуты, когда мы смотрѣли другъ на друга исподлобья — говорю откровенно. Въ Неаполѣ это какъ-то прошло. Въ обоихъ зазвенѣли симпатическія струны, и мы были такъ близки, такіе нѣжные друзья мы были, Маша, — и вотъ надо было уѣхать. Сатинъ пріѣхалъ и не засталъ меня. А я увѣренъ, что въ теперешнемъ положеніи мы могли бы *втроемъ* быть счастливы. Зачѣмъ же обстоятельства мѣшаютъ жить? Страшный и неразрѣшимый вопросъ! Неужели индивидуальность не достойна вниманія свыше? Неужели стройный гармоническій ходъ существуетъ только въ общемъ, а частное, личное — осуждено на страданіе? Да развѣ общее не заключается въ личномъ? Развѣ я не столько же гуманенъ, какъ и человѣчество? Зачѣмъ только личность бродитъ въ безпорядочномъ движеніи и страждетъ, вольно или невольно дѣйствуетъ, и все страждетъ? Но въ письмѣ, которое ты получишь послѣ, я развилъ эту тему. Есть гармонія въ страданіи. Съ полной резигнаціей принимаю и благословляю этотъ удѣлъ— страдать гуманно.

Но надо дать тебѣ отчетъ въ моемъ путешествіи изъ Тріеста въ Вѣну. Проѣхалъ я Карніолію (Каринтію) и Стирію. Эго

двѣ славянскія страны. Горы и скалы дикія и печальныя, но которыя глубоко трогаютъ душу. Грустно становится, глядя на нихъ, и въ сердцѣ рождается какое-то тоскливое стремленіе къ безконечному. Зачѣмъ пѣснь славянина грустна? Зачѣмъ онъ всегда ходитъ въ раздумьи и тоскуетъ? Зачѣмъ славяне выбрали себѣ мѣстомъ жительства лѣса дремучіе, степи унылыя, горы печальныя? Зачѣмъ они стали на почву, гдѣ природа тосклива? Русь, Польша, Богемія, Стирія — возьми что хочешь, возьми противоположность лѣсовъ и степей — но вездѣ одно: природа тоскуетъ и человѣкъ тоскуетъ. Знаешь ли, что это историческій вопросъ, что на этомъ можно гадать загадку славянской будущности? Можно смотрѣть вдаль и многое выводить изъ этого грустнаго, глубоко-внутренняго и вмѣстѣ мощнаго элемента славянскаго поколѣнія. Я призадумался. Мысль о родинѣ проснулась тревожно, и мнѣ хотѣлось въ Россію, скорѣе въ Россію. Я увидѣлъ снѣгъ на полянѣ, и слеза навернулась. Дитя я! глупый ребенокъ! Можетъ быть, человѣкъ съ большимъ сознаніемъ способенъ быть космополитомъ; разумно мы принадлежимъ человѣчеству болѣе, чѣмъ родинѣ. Но я дорожу моею естественною (natürliche, nicht geistige), не-духовною привязанностью къ родинѣ; эта теплая любовь къ отчизнѣ никогда не погибнетъ, я проживу и умру съ ней. Нѣтъ, чортъ возьми, космополитъ — холодный человѣкъ; — оставляю это разумное существованіе Бак. [1]), а я чувствую, что принадлежу націи, и это чувство есть великая сила въ моей душѣ. Я стану понимать общій человѣческій элементъ въ народности и стану любить народность. Благословляю мою Россію и не оторвусь отъ нея.

Но наконецъ я въ Вѣнѣ. Прежде всего скажу, что я здѣсь отдохнулъ съ порядочными людьми, съ проф. Нейманомъ и Дворачекомъ. Съ Дворачекомъ я говорилъ по-русски. Хорошъ нашъ языкъ! Въ самомъ языкѣ я вижу элементы великаго развитія, великой будущности. Мы бесѣдовали. Душа отогрѣлась. Крѣпко мы пожали другъ другу руку.—Я былъ доволенъ. Я такъ легко вздохнулъ. Теплая слеза скатилась; её никто не замѣтилъ; но мнѣ хорошо было. И не надо показывать людямъ слезы, но надо плакать. Плакать — лучшее блаженство въ жизни. Слезы выражаютъ теплоту души, а когда на душѣ тепло, такъ хорошо жить, такъ хочется благодарить Бога за это существованіе! Обними меня, Маша! Иногда я понимаю, что я не совсѣмъ дурной человѣкъ.

---

[1]) Бакунину.

Ну! что жъ я еще дѣлалъ въ Вѣнѣ? 1) Отправился къ Сирею, купилъ пѣнковую трубку съ изображеніемъ Государя и наслѣдника и чубукъ удивительной красоты. Что за работа на трубкѣ! Это—артистическая вещь. Такъ какъ Сире мнѣ досталъ ее, то я долженъ былъ тутъ же заплатить около 500 франковъ. Купилъ настольный коверъ М. А. Купилъ себѣ теплую обувь,—еще кое-что. Былъ у Ротшильда за деньгами. Былъ у Струве, нашего Legationsrath'a, по совѣту Неймана. Струве—славный человѣкъ. У Вильбанка не былъ. Разъ—никто не знаетъ гдѣ онъ живетъ, а 2) — право, не къ чему. Вотъ мои похожденія. Теперь—болѣе интересныя вещи. Я слышалъ прекрасно исполненное „Сотвореніе міра“ Гайдна. Поговоримъ объ немъ. Двѣ вещи: либретто и музыка. Нѣмцы очень любятъ это либретто. Для меня оно отвратительно. Начинается съ полновѣсныхъ словъ Моисейскаго мірозданія и потомъ расплывается въ повтореніе мелочей и приторно-холодное нѣжничанье Адама и Евы. Музыка начинается торжественно; музыка технически удивительная; музыка часто полная вдохновенія. Но большею частью характеръ торжественности теряется, міръ не благоговѣетъ передъ Творцомъ, но пляшетъ; въ музыкѣ веселость наивно-плясовая. Кажется, Гайднъ хотѣлъ выразить радость ощущенія жизни. Но я желалъ бы радость болѣе внутреннюю, болѣе проникнутую благоговѣйнымъ ощущеніемъ жизни. Бетховенъ иначе бы, лучше бы понялъ задачу и со смысломъ болѣе глубокимъ обработалъ бы даже этотъ самый либретто.—Во мнѣ родилась мысль написать новое мірозданіе — въ сторону юдаизмъ и die Mosaische Urkunde. Но въ большомъ сомнѣніи я насчетъ собственныхъ силъ. Трудно философскую задачу выставить въ ясныхъ образахъ, гдѣ бы работа мысли не была чувствительна подъ поэтической формой. Трудно избѣгнуть диссертаціи. Но кто же напишетъ музыку? — Если бы только либретто было удачно, то найдется музыкантъ изъ ряда неизвѣстныхъ; изъ всѣхъ извѣстныхъ никто не можетъ. Да главное дѣло, въ силахъ ли я написать либретто. Стану думать. Я самъ художникъ темный, найдется товарищъ-художникъ, также никѣмъ незнаемый и незамѣчаемый, а созданіе можетъ выйти дивное. — Самолюбивъ я или нѣтъ?— Право, не понимаю. Но есть какое-то упованіе на художническую будущность. Кажется, это сказано откровенно и, можетъ быть, очень самолюбиво и самонадѣянно. Но я это чувствую — хорошо или худо, нѣтъ нужды скрывать передъ тобой. Боже избави полагаться на геніальную будущность, но теплая жизнь художника, вѣчно создающаго, вотъ чего я жажду. На-

слажденія въ своихъ созерцаніяхъ и созданіяхъ — вотъ чего я хочу. Міръ творчества—цѣль, пріютъ, вся жизнь тутъ—полная, свѣтлая. Одно меня мучитъ — какъ изгнать самолюбіе и поставить на его мѣсто одну святую любовь къ искусству? А я ужасно самолюбивъ самъ съ собою. Это скверно и мучительно.

У Сире я прочелъ твое 1-е письмо, дома—2-е. Еще разъ благодарю, Маша, за любовь. Быть можетъ, еще намъ суждено быть много счастливыми вмѣстѣ. Диссонансы разрѣшатся въ созвучіи. Неужели моя жизнь окончится диссонансомъ, какъ недоработанная симфонія или пѣснь безумца? Не вѣрю, не вѣрю. Не хочу вѣрить. Поцѣлуй меня, другъ мой.

Я два дня въ Вѣнѣ, и въ 1-й разъ пишу къ тебѣ. Странно! Не могъ приняться за перо. Подержу его надъ листомъ бумаги, да и оставлю. Прости мнѣ это. Желаніе бѣгать по улицамъ, говорить съ новыми знакомцами, смотрѣть, глазѣть—какъ говорится, — волненіе путешественника — вотъ въ чемъ проходилъ день. А съ полуночи до утра я спалъ, какъ убитый. — Вѣна хороша, какъ городъ, и на улицахъ много движенія. Вчера въ полночь я, поужинавъ съ Н. и Дв., отправился въ церковь Св. Стефана. Благородная готическая наружность, темный сводъ внутри, органъ, движеніе толпы — все это произвело на меня впечатлѣніе. Н. замѣтилъ — грустное впечатлѣніе; какъ вспомнишь, какъ во время оно входилъ въ храмъ съ религіознымъ благоговѣніемъ,—и—и—и какая-то струна въ душѣ лопнула и не звучитъ больше.

Твоя исторія съ англичаниномъ смѣшна и досадна. Но насчетъ position dans le monde — я все-таки, грѣшный человѣкъ, ничего не понимаю. Мѣсто при дворѣ и открытый домъ только даютъ право держать въ почтительномъ разстояніи людей. Я не могу дать этого положенія, ты сама знаешь. Гдѣ же тутъ недостатокъ любви? А мѣсто въ своей комнатѣ между хорошими друзьями—я могу дать; а мѣсто на террасѣ Villa Reale и душу, полную чувства, я могу дать, а остального я не понимаю.

Борьба съ моимъ другомъ Мишелемъ мнѣ нравится. Честь и слава Констант. Кланяйся ему.

Благодарю за Сатина. Маша! еще разъ вникни въ эту глубоконѣжную и страдающую душу, и ты, право, горячо протянешь ему руку.

Прощай! Ты получишь изъ Вѣны еще письмо и гостинецъ въ генварѣ.

Еще разъ становлюсь передъ тобой на колѣни, кладу голову тебѣ на руки и благодарю за любовь, которая дышетъ въ твоихъ

письмахъ, и потомъ крѣпко тебя цѣлую. Мы вѣдь скоро будемъ вмѣстѣ и счастливы. Благословляю тебя, Маша. Прощай! помни, люби меня; люби за теплоту моей любви — это лучшее, что во мнѣ есть.

Горькое пьянство мнѣ отвратительно съ поѣздки на Везувій. Не безпокойся объ этомъ—вотъ тебѣ моя рука — не буду пить до самозабвенія. — Но за бутылку вина съ симпатическимъ человѣкомъ не отвѣчаю. — Страннику усталому и любопытному нѣтъ времени для женщинъ. Будь спокойна. — Что-то еще хотѣлъ сказать? Забылъ. Addio, carissima; жму тебя къ сердцу—теплому сердцу—Маша, повѣрь—теплому.

Сегодня праздникъ, и я ѣду въ Прагу. Addio!

Можешь подѣлиться многимъ изъ письма или всѣмъ—съ Сатинымъ,—я, кажется, много уже не способенъ написать къ нему. Но все же довольно. Я его люблю, какъ самаго нѣжнаго брата.

Получишь письмо изъ Праги, Дрездена, Берлина, Риги, Дерпта, etc... etc... Addio!

Наконецъ, я разстаюсь съ моими прескучными спутниками.

21.

Прага, 27 (15) дек.

Здравствуй, Маша! Ночь, день и ночь везла меня карета и наконецъ привезла въ Прагу, чтобъ черезъ нѣсколько часовъ увезти въ Дрезденъ. Можетъ, ты догадалась написать въ Дрезденъ на имя Майера. Куда бы хорошо сдѣлала. Теперь-то, когда я совсѣмъ одинъ, я опять понимаю сладость писемъ, вещь, отъ которой я было отвыкъ и начиналъ ненавидѣть писать и получать письма. Но когда не съ кѣмъ слова сказать, но когда ни одного близкаго человѣка возлѣ тебя нѣтъ—тоска безъ писемъ. Пиши же какъ можно чаще. Кажется, я не оставляю тебя безъ писемъ; много ли, мало ли, сколько успѣваю, столько и пишу.— Здѣсь мнѣ надо посмотрѣть соборъ, говорятъ—замѣчательный. Послѣ кёльнскаго мнѣ нравится вѣнскій. Чудесное зданіе, такъ и врѣзалось въ память. Сколько я ни наслаждался Колизеемъ и римскими развалинами, но чувствую, что, по моей славянской грустной натурѣ, я больше симпатизирую съ развалинами среднихъ вѣковъ, и печальная природа мнѣ ближе къ сердцу, чѣмъ роскошь Италіи. Однако Италія мнѣ показалась какимъ-то волшебнымъ сновидѣніемъ. А здѣсь, въ славянскихъ странахъ, я не во снѣ, а на яву, и все дѣйствительно трогаетъ за живое. Я

ѣхалъ; опять снѣгъ, поле. Что-то родное отозвалось въ душѣ. Я думалъ о Россіи, и двѣ маленькія пьесы спѣлись на какой-то голосъ, „знаемый дѣтьми“. Ты ихъ найдешь на 4-ой страницѣ этого листка; за послѣднюю я постою, а 1-ое—такъ,—puff.

Я радъ—чему?—что со мной нѣтъ ни Балестрера, который привезъ тебѣ письмо, ни бельгійца. Addio, любезные товарищи; дай Богъ нигдѣ не встрѣтиться.—Однако это гадко съ моей стороны. Они меня проводили такъ ласково, съ такимъ участіемъ... Что жъ дѣлать, что они глупы? Право—это неумѣстная гордость и подлость пренебрегать людьми, а съ другой стороны—глупо тратить жизнь съ дураками.—Я даже не обѣдалъ съ ними въ послѣдній день вѣнскаго пребыванія, а обѣдалъ съ Нейманомъ и Дворачекомъ. 1000 разъ благодарю Галах. за это знакомство. Они оба меня приняли такъ симпатически и оба такіе славные люди, что я не пропущу случая еще побывать въ Вѣнѣ. Нейманъ великій англоманъ, но пошире, чѣмъ Мишель. Дв.—славянинъ. Къ стыду моему я признаюсь, что совершенно лишенъ благороднаго желанія слитія славянскихъ племенъ; но все же не могу совсѣмъ отдѣлаться отъ большаго участія къ славянамъ, чѣмъ къ другимъ народамъ. Да вѣдь, ей Богу, безъ пристрастія—это великое племя и будетъ еще играть огромную роль въ судьбахъ человѣчества. Въ славянинѣ ты никогда не встрѣтишь нѣмецкой филистрёзности, французской поверхностности, англійскаго себялюбія, итальянской вертлявости; но въ немъ все: нѣмецкій спекулятивный умъ, французская гуманность, англійская практичность, итальянская хитрость. Даже способность музыкальная, гдѣ чувство гармоніи и мелодіи равносильны, ставитъ его выше нѣмцевъ и итальянцевъ въ музыкѣ. Ты скажешь, что славяне ничего еще не произвели въ музыкѣ, какъ нѣмцы или итальянцы; да, славяне еще ничего не произвели. Они еще не жили. Они будутъ жить и производить. Взгляни на русскихъ артистовъ въ Италіи—да кто жъ, какъ не они, во главѣ искусства?—Прости меня, если я тебѣ надоѣлъ этой диссертаціей. Съ вѣнскаго пребыванія и съ путешествія по славянскимъ землямъ я въ припадкѣ славянизма. Даже на многіе народы сталъ смотрѣть съ другой точки зрѣнія. А Россія-то моя—глава, средоточіе всего поколѣнія. Чортъ возьми! не сердись на меня, другъ мой! Я говорю объ этомъ оттого, что я этимъ одушевленъ, просто крылья новыя выросли и я летаю съ гордостью отъ береговъ Адріатическаго моря до Берингова пролива.—Еще мы съ Нейм. говорили о Шекспирѣ и о древнихъ—и мысль моя вертится въ сферѣ искусства собственно-поэтическаго, искусства,

выраженнаго словомъ.—Вѣдь еслибъ ты уѣхала, а я остался на мѣстѣ, тебѣ бы во 100 разъ было легче, а мнѣ во 100 разъ грустнѣе. На дорогѣ все поймаешь какое-то одушевленіе, а на мѣстѣ—одиночество, тоска, — страшно подумать. Бѣдное мое дитя, милая моя Маша! я въ эту минуту страдаю за тебя и за себя. И что жъ Гал. [1]) къ тебѣ не пишетъ; это скверно. Я бы желалъ тебѣ столько симпатическихъ писемъ, чтобъ ты не видѣла, какъ время идетъ; желалъ бы и симпатическихъ людей, да это еще рѣже писемъ!—Я нѣсколько разъ думалъ о твоей исторіи съ англичаниномъ. Какъ бы не вышли непріятности! Этотъ шутъ можетъ мстить. Охота тебѣ такъ наотрѣзъ оскорблять людей! Охота людямъ привязываться! Ни винить, ни оправдывать не могу. Но жизнь должна научить получше выносить глупыхъ; они не виноваты, что глупы, и можно удаляться тихо, не оскорбляя ихъ...

Сатина обнимаю; напишу ему изъ Берлина, гдѣ надѣюсь встрѣтить много интереснаго. Черезъ три дня я буду въ Берлинѣ, но думаю ночь провести въ Дрезденѣ, потому что очень устаю. Поѣзжай въ Парижъ; дорога лечитъ тоску. Но берегись моря; еслибъ можно, я желалъ бы, чтобы ты ѣхала сухопутно.

(Далѣе, на 4-й стр. листка, слѣдуютъ стих. Огарева: „Дорога“ и „Кабакъ“.)

Да, мнѣ многое и многое хочется схватить изъ поэтической грусти и жизни Россіи. Наша народность довольно оригинальна и содержитъ довольно глубокій поэтическій элементъ, чтобъ трудиться представить ее въ поэтическихъ образахъ. И именно надо спуститься въ низшій слой общества. Тутъ-то истинная народность, всегда трагическая. Высшій и средній слой, довольно уродливо проникнутый европейской жизнью, имѣетъ больше комическаго элемента. Да Господи, Боже мой! Мои два послѣднія письма похожи на диссертаціи. Вотъ поймалъ новую идейку и вожусь съ ней.—Прости, Маша! я могу и надоѣсть, настроившись на оный ладъ.

Теперь дай обнять и расцѣловать себя, другъ мой! Говорятъ, надо нести письмо на почту. Дай понѣжничать съ тобой на прощанье. Какъ же ты далеко отъ своего друга! Часто обнимаю тебя во снѣ, и такъ грустно становится, что на яву и горы, и моря насъ раздѣляютъ. И потомъ я все же утомленъ дорогой и съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда могу пріостановиться въ моихъ поѣздкахъ. Четыре мѣсяца скакать безъ умолку!.. Можешь быть

[1]) И. П. Галаховъ.

увѣрена, что я изъ Карлсбада [1]) ни на шагъ не тронусь. Скука смертная ѣздить. Отдохнуть возлѣ тебя—хочу, хочу, хочу. Какъ часто я повторялъ это слово: хочу! а судьба все дѣлаетъ на выворотъ. Прощай, Маша! Иду въ соборъ. Дай ручку! благослови и поцѣлуй меня, какъ я тебя. Пекись о своемъ здоровьи. Прощай! Еще разъ обнимаю Сатина. Прощай, Маша—прощай...

22.

Лейпцигъ, 29 (17) (дек.).

Я не писалъ изъ Дрездена, потому что не написалось. Пріѣхавъ послѣ обѣда, я вечеромъ пошелъ въ театръ. Давали „Кортеца",—Спонтини. Пѣли скверно. Опера суха и скучна. Безплодный сюжетъ, написанный совершенно филистрёзно, и филистрёзная музыка. Я подарилъ либретто дворнику въ Hôtel de Rome. Итакъ, я былъ опять въ Hôtel de Rome. Но объ этомъ послѣ. Ѣхалъ я съ французомъ, англичаниномъ, графомъ Пахта (губернаторомъ Ломбардіи) и нѣсколькими нѣмцами. Французъ—типъ легкомыслія. Англичанинъ—типъ самой уродливой странности. Гр. Пахта—благовоспитанный человѣкъ, чиститъ ногти на станціяхъ. Нѣмцы тупы изъ рукъ вонъ. Англичанинъ въ foyer, въ театрѣ, выпилъ по стакану всѣхъ имѣющихся сортовъ сироповъ и съѣлъ 20 пирожковъ; видно, отъ этого ему показалось слишкомъ дорого заплатить три талера за входъ въ галлерею, и мы ходили съ нимъ пополамъ сегодня. Но возвратимся къ вчерашнему дню.—Пришелъ я изъ театра. Въ сосѣдней комнатѣ пѣла англичанка и какой-то теноръ. Дай Богъ имъ здоровья. Я отдохнулъ отъ скучной оперы. Я слушалъ ихъ и ничего не дѣлалъ. Слушалъ, и плакать хотѣлось. Они пѣли Беллини. Пѣли хорошо. Мнѣ такъ было сладко и грустно. Я одинъ—а ихъ двое, да еще поютъ. Снѣгъ шелъ, площадь стала бѣлая. Я стоялъ у окна и слушалъ. Объ чемъ я думалъ, Маша, не знаю. И не знаю, хорошо ли или горько мнѣ было. Знаю, что когда они кончили, я бросился на постель и—заснулъ. Sic transit gloria mundi.

Сегодня всталъ. Хотѣлъ писать къ тебѣ. Явился Адольфъ. Я чуть не расцѣловалъ его. Господи Боже мой! какое я дитя! Я радъ броситься на шею каждому, кто мнѣ сколько-нибудь напомнитъ близкаго человѣка. Ужъ вчера я долго смотрѣлъ на

[1]) Т.-е. будущимъ лѣтомъ.

домъ, въ которомъ мы жили; а когда увидѣлъ Адольфа—чуть не заплакалъ. Маша, Маша! много горя въ жизни, много и хорошаго. Забудемъ горе. Мнѣ не было хорошо, когда мы были въ Дрезденѣ. Далеко не было хорошо. Мы были вмѣстѣ—и не близки. Но мы были вмѣстѣ, и я только это помню, и мнѣ горько было быть одному. Хорошенькаго мальчика ужъ не было. Мнѣ служилъ какой-то кривой. Очень хорошо служилъ, но мнѣ было досадно, зачѣмъ не тотъ. Еслибъ мы вмѣстѣ слушали моихъ сосѣдей, я бы весь былъ въ музыкѣ; а тутъ я погрузился самъ въ себя, думалъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ и личныхъ страданіяхъ—и тосковалъ; и музыка заставляла меня думать о чемъ-то ей постороннемъ, между тѣмъ какъ я обыкновенно имѣю даръ, слушая музыку, ни о чемъ не думать, кромѣ музыки. Я же глупо думаю о самомъ себѣ. Мнѣ всегда моя жизнь кажется преступленіемъ передъ самимъ собою; съ одной стороны, я вижу заглушенное чувство, съ другой—неразвитую способность, и мнѣ кажется, что то, что̀ Богъ въ меня посѣялъ, упало на безплодную землю. Что̀ дѣлать, другъ мой; анализисъ—въ воздухѣ, а анализисъ самого себя горекъ, убійственъ, а отдѣлаться отъ него нельзя.

Ну-съ! Потомъ я пошелъ въ галлерею. Постоялъ передъ „Ночью" Корреджіо, передъ „Нептуномъ" Рубенса и, наконецъ, передъ Мадонной. Это мой идеалъ. Я лучше ничего не нахожу. Ты станешь смѣяться — а, право, правда: я заплакалъ передъ Мадонной, и мнѣ стало стыдно. Французъ и англичанинъ оба ходили со мной. Французъ глупъ, а англичанинъ непроходимая скотина. Кстати, французъ былъ два года въ Россіи и въ Петербургѣ, знаетъ Баранта, который писалъ „L'Histoire des ducs de Bourgogne", а въ Москвѣ знаетъ Спиро, который писалъ „Отче нашъ" на выставку. Этотъ французъ—истинная середина между Барантомъ и Спиро, т.-е. онъ ни герцоговъ Бургунскихъ, ни „Отче нашъ" не умѣетъ написать. Что за вздоръ вертится на языкѣ! Но—впередъ, моя исторія! Въ два часа по полудни сѣлъ я въ карету, прицѣпленную къ паровой машинѣ, и въ шесть часовъ очутился въ Лейпцигѣ. Одѣлся и отправился къ Петерсону. Петерсонъ на этотъ разъ живетъ въ Дрезденѣ у столяра Diethe, изъ чего ты можешь заключить, что я его не видалъ. Мнѣ это было жалко. Я люблю его. Онъ не уменъ, но глубоко-внутренній человѣкъ (Gemüth-Mensch), а я это уважаю паче всего. Отправился къ Laube—дома нѣтъ. Завтра въ шесть ч. утра отправляюсь въ Берлинъ по желѣзной же дорогѣ. Въ Берлинѣ буду въ два часа пополудни и пробуду 1½ дня. Я ужасно

радъ видѣть Фролова — я его люблю и ради него, и ради Галахова.

Возвратясь отъ безуспѣшныхъ визитовъ въ маленькую комнату въ Hôtel de Bavière — я намаралъ три страницы стиховъ и мараю четвертую къ тебѣ. Время ни больше, ни меньше, какъ два часа ночи. Спать не хочется. Скучно. Глупая свѣчка не хочетъ горѣть до утра и скоро совсѣмъ уйдетъ въ подсвѣчникъ. Обидно! Замѣчаешь ли ты пустоту въ моемъ теперешнемъ письмѣ? Ну! это оттого, что во мнѣ самомъ теперь пустота. Самое несносное чувство во время безсонницы. Ахъ, Маша, Маша! Кто жъ отогрѣетъ мнѣ душу? Поцѣлуй меня, другъ мой! — Маленькая комната, въ которой диванъ съ постелью разодвинулись настолько, что можно пройти человѣку. Печка, отъ которой пышетъ, когда затопишь, а перестанешь топить — комната какъ погребъ. Какъ-то вспомнились казармы! Скучно было тамъ и грустно! Да душа-то была какая живая! Бывало, ночь не спишь оттого, что гордо вѣришь въ себя, въ будущность, въ людей и жизнь иную. А теперь не спишь — и вина не пьешь оттого, что тебѣ это прискорбно — разъ, и отъ того, что въ нѣмецкомъ городѣ позднѣе 10 часовъ нельзя достать ни пол-капли вина. А хорошо бы. Бутылка вина дала бы сонъ. Не брани вино, Маша! Древніе создали Вакха, пьянство олицетворили въ богѣ. А греки были народъ умный, изобрѣли гекзаметръ. — Пожалуйста не бранись, когда станешь читать всѣ эти глупости. Подумай, что̀ такое шляться одному по бѣлу свѣту — и прости. Изъ Берлина я пришлю стихи — напишу письмо посноснѣе. Прощай, Маша! Благословляю тебя. Обними меня, моя бѣдная одинокая друга. Дай тебѣ Богъ побольше свѣтлыхъ минутъ, чѣмъ мнѣ. Цѣлую тебя. Addio. Марія! Мерочка!

Прощай, Маша!

Обнимаю Сатина.

Въ Берлинѣ отъ тебя письмо — это вѣрно. Мнѣ надо писемъ отъ тебя. Слышишь ли — надо!

Пиши же почаще и почище.

23.

Берлинъ 1 (янв.) 1842 (19 (дек.) 1841).

Два письма отъ тебя, и какія нѣжныя! О! Маша, дай броситься къ тебѣ на шею и еще разъ плакать, какъ плакалъ, читая ихъ. Мнѣ стало хорошо и грустно, стало теплѣе на сердцѣ.

Я чувствовалъ, что я связанъ съ жизнью тысячью узами, что̀ все-таки не мѣшаетъ жизни быть уродливой смѣсью противорѣчій и внутри, и внѣ. Но противорѣчія, поминутно возникая, поминутно разрѣшаются. Съ жадностью ловлю я каждый мигъ примиренія. Мигъ примиренія—мигъ любви. Что такое любовь, что такое любовь къ женщинѣ? И, Боже мой! Любовь все одна, все одна и та же, отношенія различны. Нѣтъ ни большей, ни меньшей любви. Настоящая любовь всегда безконечна. Я безконечно люблю тебя, Маша! Но какъ? страсть это или влюбленность? Нѣтъ, Маша, это любовь святая, крѣпкая, глубокая. Знаешь ли ты это чувство — когда положишь голову на плечо женщины и чувствуешь, что душа отдыхаетъ? Вотъ моя любовь. Ты поняла, что мы были очень близки въ Неаполѣ, и я это понялъ. Какъ это сдѣлалось? Не знаю. Но знаешь ли, что Италія, несмотря на антипатію, съ которою ты будто бы взглянула на Неаполь,—Италія разбудила въ тебѣ многія хорошія стороны. Право! не оставляй Италіи. Не ищи счастья за морями. Его не поймаешь на большихъ дорогахъ. Счастье внутри. Счастье—или лучше блаженство—это сознаніе любви, это теплая молитва, это тишина и вѣра. Еслибъ можно было всегда поддерживать внутри это любящее спокойствіе, которое обнимаетъ весь міръ, свѣтло разливается на все окружающее, страдаетъ терпѣливо, жалѣетъ, груститъ, но не тревожитъ, не рветъ душу на клочки! Еслибъ это только можно! Рѣдки эти минуты! Но ихъ скорѣе можно найти подъ яснымъ небомъ, когда солнце грѣетъ, когда море плещется, когда все зелено,—скорѣе, чѣмъ въ шумѣ людскомъ. Останься въ Неаполѣ. Мнѣ кажется, это лучше. Это не принужденіе—Боже избави. Не этого совѣта слушайся, но внутренняго влеченія. Я это высказалъ, потому что ты сама пишешь объ этомъ. А я бы къ тебѣ пріѣхалъ встрѣтить весну въ Италіи. О! какъ бы это было хорошо! Но ради Бога — поступай какъ желаешь; мнѣ будетъ тяжело, если я остановлю тебя въ томъ, что̀ тебѣ кажется блаженствомъ или наслажденіемъ. Маша! мы во многомъ не поняли другъ друга. Это много горечи влило въ жизнь, много ранъ растравило въ сердцѣ. Но, мнѣ кажется, раны заживаютъ. Мнѣ кажется, мы лучше понимаемъ другъ друга. Я часто думаю о всей твоей жизни, изъ нея вывожу и цѣню каждое твое чувство и поступокъ. Думай также иногда и обо мнѣ. Дай значеніе каждому моему чувству и поступку вслѣдствіе всей моей жизни. Мы еще болѣе сблизимся, и придетъ время, когда настанетъ совершенная гармонія. Черныя пятна мы простимъ другъ другу. Возьмемъ другъ отъ друга все, что̀

въ насъ есть свѣтлаго, широкаго, нѣжнаго,—и хорошо будетъ. Обними меня, поцѣлуй и благослови. Хорошо жить на свѣтѣ. Не правда ли?

Ну, теперь отчетъ. Я цѣлый день съ Фроловымъ. Мнѣ кажется, мы другъ другу полезны. Этотъ человѣкъ сохранилъ свѣтъ и энергію на днѣ души; тишина просвѣчиваетъ сквозь всѣ горечи, которыя онъ испыталъ. Оттѣнокъ грусти въ его свѣтлыхъ и спокойныхъ глазахъ совершенно выражаетъ его натуру. Вчера мы встрѣтили Новый годъ. Намъ обоимъ было грустно и мы не смѣли высказать этого другъ другу. Это какъ-то трудно дѣлается. Я читалъ стихи. Онъ еще довольно силенъ въ душѣ, чтобъ дѣлать на поприщѣ литературы. Мы говорили о многомъ. Я опять отдохнулъ. Но все какъ-то грустно было. Кстати, поздравляю съ Новымъ годомъ. Отчего не встрѣтили его вмѣстѣ? Новой гармоніи съ новымъ годомъ хотѣлъ бы я,—а какая-то разорванность въ душѣ, въ жизни—непреодолима. Я пришелъ домой печальный. Прилегъ на диванъ и нечувствительно заснулъ. И во снѣ ничего не видѣлъ. И вотъ какъ я началъ новый годъ. А ты—ты какъ его начала? Мнѣ кажется, что ты опять не поѣхала на балъ и встрѣтила его одна и плакала и обо мнѣ думала... Но твердость, твердость, Маша! Разсѣйся, когда грустно. Думай обо мнѣ только тогда, когда на душѣ тихо, любовь свѣтла, грусть терпѣлива. А когда тяжело и мечешься во всѣ стороны — разсѣйся, ѣзди, говори, хотя бы это и надоѣдало, но будь въ движеніи; это хорошее лекарство, противное какъ всѣ лекарства, но полезное.—Фр., право, энергическій человѣкъ. Едва ли бы я такъ же переносилъ столько.

Ну—а теперь очень для тебя интересное. Liszt въ томъ же hôtel'ѣ. Я третьяго дня съ нимъ ужиналъ. Онъ тебѣ много и премного кланяется. Насилу узналъ меня, потомъ изъявилъ радость. За ужиномъ былъ поэтъ Рельштабъ—несносное существо. Сухой критикъ. Ständchen его лучшее произведеніе. Онъ увѣряетъ, что Шубертъ испортилъ его стихи. Дуракъ нестерпимый! Liszt много говорилъ. Но воля твоя—антипатическая натура, натура внѣшняя. Тщеславіе—а внутри пусто. Я не люблю его. Сегодня его концертъ;—грѣшный человѣкъ—иду въ оперу „Норма", которую хорошо даютъ; воля твоя — это простительно. Завтра „Донъ-Жуанъ", послѣ завтра лекція Шеллинга. Въ философіи много дѣется, ворочается и переворачивается. Въ Берлинѣ нѣтъ много жизни на улицахъ — но какъ-то чувствуешь, что мысль жива. Отчего внѣшность Берлина мнѣ напомнила Москву, не понимаю.

За симъ, милый другъ, я кончаю письмо и иду къ Liszt'у.

Прощай, Маша! И писать къ тебѣ хочется, и идти хочется къ Liszt'у, и опять какое-то безпокойство на душѣ. Просто, я неспособенъ еще жить одинъ. А иногда съ людьми неспособенъ жить. Все противорѣчія. Прощай, другъ мой, цѣлую тебя крѣпко. Тутъ другъ твой вздохнулъ. Прощай еще разъ.

Твой Коля.

...Но помни лишь, что я тебя любилъ глубоко,
И съ грустію сказалъ тебѣ—прощай!

На четвертой страницѣ стихи, писанные въ очень скорбную минуту въ Дрезденѣ. Они войдутъ въ цѣлое.

(Далѣе слѣдуетъ, подъ заглавіемъ „Дрезденъ", стихотвореніе Огарева, извѣстное теперь подъ другимъ, позднѣйшимъ заглавіемъ: „Gasthaus zur Stadt Rom".)

24.

Берлинъ, 4 янв. (1842 г.) (22 дек. 1841 г.).

Маша! милый другъ Маша! Два дня не писалъ къ тебѣ, и самому досадно и грустно. Я знаю, что тебѣ мое письмо! Но я загулялся въ Берлинѣ. Не подумай, чтобъ запировался. Очень далеко отъ этого. Мы ведемъ съ Фроловымъ самую скромную жизнь. Мы съ нимъ хорошо сошлись. Можетъ быть, я немного полезенъ этому отличному человѣку. Онъ страдаетъ внутренно [1]), такъ что и здоровье его отзывается (этого не пиши Галахову)—но энергія его даетъ ему силу учиться, трудиться, смѣяться, и поверхностный глазъ не замѣтитъ въ немъ муки. Много надо тебѣ разсказывать. Съ чего начать? Я видѣлъ Каткова—мы поклонились робко, холодно—но поклонились. Глупо или нѣтъ—но я любилъ Каткова, и рука невольно схватилась за шляпу. Мы издалека видѣлись на лекціи Шеллинга. Онъ носитъ бороду и похожъ на артиста; похудѣлъ и похорошѣлъ. Даже не знаю, хорошо ли ты сдѣлала, что послала ему денегъ. Онъ щекотливъ, и если узнаетъ, очень оскорбится. Я и Фролову не говорилъ объ этомъ. Но почему же ты думала, что я могу быть недовольнымъ этимъ поступкомъ? Маша! еслибъ побужденіе сердца, благородное побужденіе было даже невыгодно или обидно для меня, то и тогда бы я смотрѣлъ на него съ уваженіемъ. Бак. [2]) въ

[1]) Фроловъ незадолго передъ этимъ (въ концѣ 1840 г.) потерялъ жену. Она была сестра И. П. Галахова.

[2]) М. А. Бакунинъ.

Дрезденѣ; кажется, онъ мало учится; голова его замѣняетъ ему занятія, но все же это еще болѣе нехорошо. Я познакомился съ Вердеромъ, который очень милъ, но такъ какъ въ пятницу ставится его драма „Колумбъ“, то онъ впопыхахъ и суетится ужасно, и въ этомъ много филистрёзности и нѣмецкости (что̀ одно и то же). Намъ эти картины ужасно смѣшны. Познакомился съ книгопрод. Veit. Я печатаю здѣсь мои переводы на нѣмецкій русскихъ поэтовъ и чуть ли не обязался работой, которая, впрочемъ, мнѣ по сердцу. Сегодня иду знакомиться съ M-lle Frohmann, дочь книгопродавца, который нѣкогда былъ другомъ Шиллера и Гёте. Она дѣвица этой же эпохи. Былъ у Листа съ визитомъ. Куча народа. Онъ въ пальто „cloche“ съ капюшономъ. Обращается со всѣми какъ всегда—знаешь:—я, дескать, вамъ дѣлаю милость приласкать васъ. Это для меня нестерпимо. Онъ репетировалъ Гуммелевъ „Септетъ“. Чудесно! Я былъ въ восторгѣ. Чортъ знаетъ, какъ въ этомъ человѣкѣ геніальное перемѣшано съ пошлою аффектаціей, что̀ все-таки составляетъ противную личность. Во время игры явился M-r съ дамой, очень хорошенькой. Окончивъ, Liszt всталъ, взялъ ее за руку и сказалъ: „Ah! bonjour, chère!“ У него это перешло въ манеру. А нѣмочка сказала ganz deutsch: „Ach, es war ja so schön!“—Liszt и мнѣ говоритъ: „Ah! bonjour, cher!“ Но я не умѣю въ глаза сказать: ach, es war so schön! И потомъ для этого надо маленькій розовенькій ротикъ. А у этой нѣмочки чудесный ротикъ. Я сказалъ Liszt'у, что писалъ объ немъ. Онъ былъ очень доволенъ. Онъ жалко самолюбивъ. Вердеръ замѣчаетъ нравственное паденіе въ обществѣ, которое ставитъ на пьедесталъ съ подобострастіемъ исполнителя-виртуоза, а не творца. Прежде, нежели перейду къ вещамъ, еще скажу о знакомыхъ лицахъ. Здѣсь въ Hôtel de Russie я нашелъ M-r et M-me Olsoufieff et M-lle Salomon. Ха-ха-ха! Дмитрій-царевичъ и маленькая вѣдьма—въ Берлинѣ. Я отправился съ визитомъ—не засталъ. Вечеромъ я читаю Фролову стихи—вдругъ Demetrius самъ лично является. Фроловъ посидѣлъ и ушелъ, и я имѣлъ часа два на плечахъ этого толстаго Obrist von Ols., который глупѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ повелъ меня къ Амаліи. Амалія! о, Амалія! Амалія стара, Амалія дурна, но ея молодое сердце все еще носится въ платонической любви и ея маленькая ручка все еще гладитъ безшерстную спинку Коринны, которая также въ Берлинѣ. Амалія все еще очень зла. Спрашивала про тебя. Дмитрій хочетъ идти къ Шеллингу на лекцію. Ну! будетъ объ нихъ. Ты у меня просишь сплетенъ etc... вотъ ихъ тебѣ. Ну! довольно!

Я видѣлъ „Норму“! Я видѣлъ „Эгмонта“! Я видѣлъ Клару Штихъ. Я слышалъ Симфонію. Норма растрогала меня. M-lle Assandri красавица и хорошо поетъ. Но она субъективно поняла Норму; у ней Норма кроткое, нѣжное, любящее существо, а не страстно-благородное. Но почему же не понять ее и такъ? Можетъ, такъ она болѣе еще возбуждаетъ симпатіи и сожалѣнья. Adalgisa—M-lle Marziale—поетъ еще лучше, но не хороша. Полліонъ—M-r Rafaele... забылъ фамилію—глупый теноръ, крикунъ. Но Полліонъ долженъ быть глупъ; онъ и въ пьесѣ глупъ; если ты увидишь „Норму“ въ Италіи—вспомни меня; Полліонъ глупъ, какъ пробка. Но Норма! Маша! пожалуйста вспомни меня и въ память мнѣ поплачь при „Casta diva“ и „Qual cuor tradesti“. Это глубоко выхвачено изъ души. Я возвратился изъ „Нормы“ довольно печаленъ.—Ну—„Эгмонтъ“. Что за созданіе! Гёте великій мастеръ. Есть тутъ лицо бродяги, крикуна народнаго. Боже ты мой, какъ это хорошо! Weiss его играетъ безподобно. Клара—M-lle—чортъ знаетъ какъ зовутъ—отвратительно манерна. А что это за милое созданіе Клара! Можетъ быть—это лучшее созданіе Гёте. Впрочемъ, не знаю, и Гретхенъ, и Миньона, и Оттилія—хороши. Читай по-нѣмецки, Маша! Вотъ тебѣ занятіе. Дивный міръ раскроется передъ тобою. Читай опять „Фауста“, „Wahlverwandschaften“, „Эгмонта“, „Wilhelm Meisters Lehrjahre“. Это торжество женщинъ. Клара, Миньона и болѣзненная Оттилія—торжество женственности. Das Ewig-weibliche zieht uns hinan!

Я помирился и съ сномъ Эгмонта. Эгмонтъ (Девріенъ) былъ плохъ. Но Альба (Зейдльманнъ)—чудо. Зейдльманнъ малъ ростомъ, плохо сложенъ. Въ Альбѣ онъ кажется огромный, плотный мужчина, точь въ точь старые портреты Альбы. Онъ спокоенъ, важенъ и страшенъ. Весь характеръ и лицо Альбы. Зейдльманнъ геніальный актеръ. Клара Штихъ, о которой много говорилъ Грановскій, показалась мнѣ слишкомъ нѣмецкою, но умной актрисой. Но дурна собой. Комики: Rüthling, Grün и особенно Beckmann—превосходны. Мнѣ собственно надоѣла нѣмецкость и типы нѣмецкихъ лицъ, особенно женскихъ. Льняной цвѣтъ волосъ противенъ. Въ залѣ „Hötel de Russie“ Moser даетъ концерты à grand orchestre. Играли симфонію Гайдна, увертюры изъ „Euriantbe“ Вебера и D-dur симфонію Бетховена. D-dur симфонія глубоко потрясла меня. Исполненіе чудесно. Зачѣмъ же тебя здѣсь нѣтъ, Маша? Мы бы такъ могли наслаждаться!

Образъ жизни мой слѣдующій. Поутру отъ 7 до 12 я дома и занятъ. Я много пишу. Въ 12 я съ Фроловымъ до 12 ночи. Вечеромъ мы всегда въ театрѣ или на концертѣ. Сегодня у

Листа. Насчетъ Шеллинговыхъ лекцій я завтра напишу Сатину. Прочтешь у него. Обнимаю его. Прошу его не сердиться, что долго не пишу, зная, какъ это для него нужно. Чортъ знаетъ, Маша! глупая страсть писать стихи—цѣлый день съ Фрол.—не даютъ времени. Это гадко. Но, впрочемъ, отвлеченіе, право, гуманное и можно простить.

Вотъ я будто въ дѣятельности, будто занятъ. И долженъ бы быть спокоенъ, доволенъ. Ничуть! Съ каждымъ наслажденіемъ растетъ страшная тоска. Опера заставляетъ страдать какимъ-то стремленіемъ, трагедія мучитъ, наука наваливаетъ вопросы, разрѣшимые въ четырехъ стѣнахъ кабинета и неразрѣшимые при первомъ шагѣ въ свѣтъ. Зачѣмъ моя душа такъ глупо сдѣлана, что всякое впечатлѣніе пробуждаетъ печаль? Я думалъ, что я свѣтлая натура, а каждый стихъ мой плачетъ. Странно и страшно жить на свѣтѣ. Есть вещи, отъ которыхъ съ ума можно сойти— и не сходится; отъ которыхъ умереть можно—и не умирается. Есть вещи, которыя могли бы дать блаженство—оно не приходитъ. А, кажется, чего бы недоставало для счастья? Могу даже имѣть верховую лошадь—какъ говорила покойная тетушка. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ, ты меня любишь, и я тебя люблю,—и друзья есть,—и все-таки по большей части—

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка.

Отчего это? Впрочемъ,—это не совсѣмъ мой взглядъ на жизнь. Мой взглядъ глубоко грустенъ, но не такъ отчаянно сухъ. Écoutez:

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.
Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье—
И вотъ что жизнь моя...

Я знаю вліяніе, которое произведутъ на тебя эти 8 стиховъ. Но я сцѣлую твою слезу, Маша! Милый другъ! Мери—ко мнѣ, ко мнѣ! Право, скучно безъ поцѣлуя. Но я не хочу тебя тревожить. Время утираетъ слезы. А тамъ мы опять увидимся. Да зачѣмъ же время утираетъ слезы? Развѣ оно сильнѣй и любви, и грусти? Глупо! Много соціальныхъ вопросовъ пробудилось. Гёте въ „Wahlverwandschaften“ задѣлъ безсознательно вопросъ о бракѣ, и разрушительно. Странно! Ищешь выхода и себѣ, и людямъ— и не находишь. Жалко себя, жалко людей!

Дай ручку, обнимемся и благословимся. Прощай, Маша! Еще разъ напишу изъ Берлина.

25.

Берлинъ, 25 ст. ст. (дек.).

Сегодня у насъ Рождество. Что-то ты подѣлываешь, Маша? Хотѣлъ бы я на тебя взглянуть. Скучно или весело? Грустно или нѣтъ? Мнѣ грустно. Сейчасъ ушелъ Фроловъ. Мы много говорили о Галах., о Гран., о m-me Kenny [1]). Фроловъ энергическое, но на днѣ души убитое существо, убитое дѣйствительнымъ горемъ. Въ немъ много доброты, много нѣжности. Я на него смотрю съ удивленіемъ и печалью. Онъ мнѣ показываетъ братское участіе. Благодарю его. Я имѣю всѣ свойства ребенка; мнѣ нужно кого-нибудь, на кого опереться; мнѣ тогда легче страдать, а страданіе невольно составляетъ основу моей натуры. Болѣзненная, жалкая натура! Безсиліе — мой девизъ во всемъ. Отъ этого я и Сатинъ такъ сродны. Мы страдаемъ желаніемъ и безсиліемъ. Прости глупое сравненіе: мы смотримъ на жизнь, какъ старикъ на женщину. Старикъ хочетъ любить и не можетъ; мы хотимъ блаженствовать, и не можемъ. Отчего это? право, не знаю. Много вопросовъ мы перебрали съ Фроловымъ, вопросовъ, близкихъ къ сердцу. Вопросы неразрѣшимы — выхода нѣтъ. Во всѣхъ насъ настолько гуманности, чтобъ дѣло счастья человѣческаго сдѣлать нашимъ собственнымъ. Всѣ мы больше страдаемъ страданіями людей вообще, чѣмъ нашимъ личнымъ. Въ этомъ есть по крайней мѣрѣ залогъ теплоты душевной, непроходимой. Горько было бы потерять и это. Сухость всего ужаснѣе. Но, слава Богу, она невозможна. Тяжело, когда отъ пріемчивости впечатлѣній и отъ внутренняго огня страдаешь, но тутъ все же есть сознаніе своей гуманной личности, можно смотрѣть на себя безъ омерзѣнія. Ужъ и это утѣшеніе. Въ страданіи есть любовь, а любовь есть отрада. Но все же душно — и негдѣ вздохнуть пошире. Вопросы философскіе мучатъ. Всякое ученіе доходитъ до пустого формализма, который доказываетъ односторонность. Кажется, это случилось съ гегелизмомъ. Хочешь изъ него выйти, и выходишь только въ личныя требованія, которыя, можетъ, сходятся на потребность личнаго блаженства, и нѣтъ ничего непреложнаго, нѣтъ полной истины. Граждан-

[1]) Другая сестра Галахова.

ственность мучитъ. Наконецъ, своя жизнь, свои личныя отношенія мучатъ — и вездѣ одно страданіе. Было время, я умѣлъ много плакать и скоро утѣшался; теперь мало слезъ, но сосредоточенное страданіе становится тоской. Одно творчество, одинъ трудъ извлекаютъ изъ этой тоски. Но каждый стихъ шепчетъ — я тебѣ говорилъ это; и тутъ — только выраженіе того, что внутри. Стало, внутри очень плохо. Но все же легче, когда можно высказаться. Можно принять жизнь съ двухъ сторонъ — съ комической и трагической. „Pathos“ трагедіи лежитъ у меня въ основаніи моей натуры. Но я способенъ и къ комизму. И что всего ужаснѣе, что комизмъ еще страшнѣй и мучительнѣй. Это насмѣшка надъ людьми и собой, надъ своимъ и ихъ страданіемъ.

Вчера былъ концертъ Листа. Я восхищался. Но... но... онъ заставилъ пѣть „Rheinweinlied“, квартетъ голосовъ безъ оркестра, его сочиненія; мысль та — der Rhein soll deutsch seyn. Король присутствовалъ. Послѣ „Septette“ Листъ потребовалъ другой рояль. Сегодня я былъ у него. Говорятъ, что въ первомъ роялѣ клавиши были испорчены прежде концерта, т.-е. сломаны молотки... Eine Kabale! Не знаю, насколько этому вѣрить. Но еще разъ — Листъ внѣшняя, антипатическая натура, которая, бывъ гуманной, когда его хвалила Жоржъ-Зандъ, — сдѣлается чѣмъ хочетъ, когда будутъ хвалить другіе. Нехорошо это! Я понимаю, отчего Жоржъ-Зандъ съ нимъ разсталась. Онъ игралъ фугу Баха превосходно. Завтра у него репетиція квинтета принца Прусскаго. Пойду. Концертъ черезъ два дня. А я послѣ-завтра ѣду. Концертъ въ пользу построенія Кёльненскаго собора.

Сегодня мы были въ Кёнигштадтскомъ театрѣ. Бекманъ былъ забавнѣе, чѣмъ когда-нибудь — и никто изъ насъ не вынесъ веселости. Едва пришли ко мнѣ — явился Олсуфьевъ. Warum? — Um dummes Zeug zu plaudern. — Wie gefällt Ihnen dieses? (Поговорка Бекмана). Но скоро ушелъ. И тутъ-то мы говорили объ Галаховѣ. Фролову хочется, чтобъ онъ женился. Трудно. Едва ли онъ полюбитъ, едва ли выберетъ безъ ошибки и едва ли будетъ счастливъ. Мы придумали ему жену со всѣми превосходствами — насколько его любимъ. Но этотъ идеалъ едва ли найдется въ Москвѣ, едва ли найдется въ Берлинѣ или въ Парижѣ; еще менѣе въ Пекинѣ; а съ остальными онъ будетъ мученикъ. Странное положеніе!

Долго я еще ходилъ въ раздумьѣ. Но наконецъ спать пора. Второй часъ. Не могу ничего болѣе сказать. Хаосъ въ головѣ. Прощай, Маша! крѣпко цѣлую и благословляю тебя. Грустная, одинокая постель. Въ сердцѣ тоже хаосъ. Прощай! до завтра!

27 ст. ст., 6 час. утра.

Здравствуй, Маша, и прощай! Сегодня я ѣду. Не сердись, что я долго прожилъ въ Берлинѣ. Это было полезно. Я ѣду съ полной увѣренностью, что скоро возвращусь. Ѣду — и мнѣ хочется видѣть Россію, быть въ Россіи, въ Москвѣ и т. д. Вчера я былъ въ театрѣ, видѣлъ „Колумба“ Вердера. Есть недурныя лирическія мѣста. Все—уродливо. Мнѣ пришлось узнать Вердера только съ комической стороны; онъ впалъ въ жалобы на дирекцію, какъ Іоганисъ [1]), хотя содержаніе въ немъ поглубже. Что это дѣлаетъ самолюбіе! Безуміе да и только! „Колумбъ“ былъ просто скученъ. Дикіе смѣшны. Сцена ихъ казни не нужна; бунты матросовъ надоѣдаютъ. Два послѣдніе акта длиннѣе предыдущихъ. Не такъ дѣлалъ Шекспиръ. Всегда послѣдніе акты короче. Знаешь ли ты законъ тяготѣнія? Камень, падающій сверху на землю, падаетъ чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ скорѣе. Развязка происшествій человѣческихъ идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ближе къ концу. Шекспиръ зналъ жизнь. „Колумбъ“ — эпосъ, а не драма; но можно разсказывать, а не заставлять говорить. Вотъ тебѣ драматургическія замѣчанія — не знаю, кстати или некстати. Такъ пришлось; много думалъ и говорилъ объ этомъ. Нѣтъ вещи, о которой бы я не думалъ и не говорилъ въ продолженіе этого времени. Ну! что жъ изъ этого? Вчера пришло письмо отъ Галахова. Имъ тамъ всѣмъ очень хорошо, тепло, уютно. Да, въ жизни есть что-то противорѣчащее. Какъ сладить? Кто сладилъ? Развѣ тотъ, кто сдѣлался пошлымъ. Нѣтъ! Покорный слуга! А какъ-то такъ много желаешь счастья своимъ друзьямъ! Иногда будущность представляется мнѣ такою дѣятельною. Я берусь за работы. Я созидаю. Я полезенъ. Я учусь и много узнаю. Чаще—начать работу лѣнь; созданіе плоско; пользы никакой, и я ничего не знаю. Unser Wissen ist Stückwerk, сказалъ Шеллингъ. Отрывочныя понятія и никакой связи между всѣми.—Я уже тебѣ, кажется, писалъ, что на лекціи у Шеллинга я поклонился Каткову. Я глупъ и дитя. Я любилъ его и простилъ ему. Вчера мы встрѣтились на улицѣ и говорили; онъ былъ учтивъ и въ замѣшательствѣ, но и радость была видна на его лицѣ; я былъ тронутъ, но принялъ видъ спокойный; мы сказали нѣсколько словъ и разошлись. Оскорбленіе, нанесенное Катковымъ, — совершенно личное; ребяческое самолюбіе не могло расшевелить во мнѣ гнѣва, а развѣ сорвать улыбку. Вотъ отчего прощается Каткову. Оскорбленіе, наносимое Баку-

[1]) Музыкантъ въ Москвѣ, пріятель Огарева.

нинымъ, гораздо хуже. Его нельзя простить; оскорбленіе всему, что въ насъ глубоко человѣческое. Умъ, который такъ великъ, что показываетъ въ человѣкѣ душу; а между тѣмъ души нѣтъ и все лучшее употреблено какъ средство къ достиженію мелкой цѣли. Это оскорбленіе непростительно.

Я все еще не написалъ къ Сатину, сейчасъ стану писать.

Что же еще сказать тебѣ насчетъ берлинскаго пребыванія? Я доволенъ, тѣмъ болѣе, что уже послѣ едва ли я поѣду въ Берлинъ. Впрочемъ, ничего не знаю. Многое начинаетъ представляться еще съ другой стороны. Точка зрѣнія мѣняется. Смотришь дальше, но все, что далеко, представляется смутно. Отъ этого тяжело. Древо знанія сгубило Адама и родъ его—и едва ли есть когда этому искупленіе.

Теперь прощай! Еще дальше отъ тебя! Въ холодъ, въ снѣгъ. Учись музыкѣ и итальянскому языку. Живи въ искусствѣ. Этотъ пріютъ всего надежнѣе. Будь покойна насчетъ меня. Я грустенъ, но спокоенъ. Есть какая-то тишина и вѣра на днѣ души. Можетъ, и у тебя есть. Лелѣй это чувство, оно разливаетъ свѣтъ даже и тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ скорби. Прощай, Маша! Люби и помни. Обнимемся и благословимся. Моя привязанность къ тебѣ велика; пусть увѣренность въ ней дастъ тебѣ свѣтлое спокойствіе. Мы увидимся какъ только можно скорѣе; можетъ, точка зрѣнія на вещи двадцать разъ измѣнится, но любовь останется та же. Я тебя цѣлую съ какимъ-то благоговѣніемъ. Прощай, Маша! Твой другъ.

Кланяйся всѣмъ. Цѣлую Станю.

M-lle Frohmann, пожилая дѣвица Гётевскихъ временъ, восхищалась моими нѣмецкими переводами, за что я ее очень полюбилъ—и пѣла, за что я ее возненавидѣлъ. Она дала мнѣ музыкальныя произведенія внука Гёте — Walther Goethe. Я ихъ тебѣ привезу самъ. Скоро ли это будетъ?

Еще разъ цѣлую тебя, милая моя Меричка.

26.

1 генваря ст. ст. (1842 г.). Россія. Таурогенъ.

Граница переѣхана. Я дома. Съ какимъ чувствомъ я опять увидалъ родину—я самъ не могу дать себѣ отчета. Но въ душѣ было такое волненіе, что мнѣ надо было сидѣть на открытомъ воздухѣ, чтобъ свободно дышать. Прошедшее, настоящее, будущее — все я перебралъ, то грустно, то съ упованіемъ. Но—

все надо тебѣ разсказать въ хронологическомъ порядкѣ. Слушай! Фроловъ посадилъ меня въ кабріолетъ почтовой кареты въ Берлинѣ—и мнѣ казалось, что ему было жаль меня, или я свое чувство перенесъ на него. Мнѣ его жаль было безъ сомнѣнія. Онъ ужасно одинокъ въ Берлинѣ. На его письменномъ столѣ портретъ его покойной жены, прямо у него передъ глазами. Онъ часто вздрагиваетъ, вѣчно въ какомъ-то нервическомъ ознобѣ; а голова свѣтла—и трудится. Возлѣ меня въ кабріолетѣ толстый бельгіецъ, добрый малый, какъ всѣ бельгійцы; я думалъ, это—такъ... Но къ великой радости — артистъ, ѣдущій давать концертъ въ Петербургъ — кларнетистъ Бланъ. Много болталось о музыкѣ. Въ дилижансѣ куча народа. Аптекарь бранится съ солдатомъ за то, что солдатъ на станціи цѣлуетъ служанку при г-жѣ аптекаршѣ. Г-жа аптекарша очень хороша собой, и аптекарь цѣлуетъ ее при всѣхъ съ утра до вечера. Нѣмцы говорятъ, какъ всегда, очень много и очень скучно. Насилу добрались до Кенигсберга. Тутъ Бланъ цѣлое утро игралъ на кларнетѣ. Боже мой, какъ это играетъ человѣкъ! Я былъ въ восторгѣ; это звуки, которые доходятъ до сердца; я провелъ два блаженныхъ часа, слушая его; это Паганини кларнета. Онъ и дѣйствительно имѣетъ европейскую славу. Вообрази себѣ, что ему 26 лѣтъ, онъ головой меня выше и 3-мя головами толще, на лицо дать сорокъ. Лысый. Но простота, добродушіе и глубокая любовь къ музыкѣ заставляютъ любить его. Изъ Кенигсберга въ Тильзитъ—одна ночь. О, ужасная ночь! въ душной каретѣ съ вонючими жидами. Бланъ говоритъ, что ему было тошно. Изъ Тильзита присоединился къ намъ en tiers frais молодой англичанинъ. Одинъ изъ лучшихъ англичанъ, какого я только встрѣчалъ. Черезъ четыре часа мы были въ Таурогенѣ—первомъ пограничномъ русскомъ городѣ. Таможни учтивы. Комната въ гостинницѣ отличная. Мы выспались. Черезъ два часа ѣдемъ въ Питеръ. Бланъ съ англичаниномъ, а я съ неизвѣстнымъ русскимъ полковникомъ. Я имъ уступилъ пріятность ѣхать вмѣстѣ, иначе Бланъ былъ бы съ человѣкомъ, не говорящимъ по-французски. Черезъ четыре дня мы въ Петербургѣ.

Ну! теперь поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Въ первый разъ провожу его одинъ безъ близкихъ сердцу. Мы пили шампанское подъ новый годъ съ Бланомъ и англичаниномъ, много пѣли, но весело не было. Англичанинъ знаетъ кучу англійскихъ народныхъ пѣсенъ, которыхъ мотивы очень милы. Потомъ я легъ; долго не спалось. Во снѣ видѣлъ тебя. Проснулся — грустно стало. Я доволенъ, что я въ Россіи; но до сихъ поръ я такъ

одинокъ, такъ между чужими, что не образумлюсь. Поцѣлуй меня, Маша! обними крѣпко — благословимъ другъ друга. И такъ, 42-й годъ — мы врозь. Что-то неловко на душѣ. Прощай. Товарищи просыпаются. Одѣваться въ походъ. Addio! вотъ еще стихи на прощанье:

Туманъ упалъ на снѣгъ полей,
И утро дышетъ холодно,
И въ небѣ солнце безъ лучей
Стоитъ, какъ блѣдное пятно.
И горе страннику, чей взоръ
Не видитъ далѣ — близорукъ!
И чьи уста твердятъ укоръ,
Кто духомъ палъ подъ ношей мукъ.
Не вѣрю я, что тамъ лежитъ
Безбрежно-тихій, теплый край,
Гдѣ солнце яркое блеститъ,
Цвѣтетъ и дышетъ вѣчный Май.
Сквозь мглу унылую смотрю,—
Душѣ ясна иная даль,
И Бога я благодарю
И за туманъ, и за печаль.

Кланяйся всѣмъ. Цѣлую Станю. Обнимаю... Всѣмъ счастливый годъ. Въ Питерѣ найду отъ тебя писемъ.

Прощай. Цѣлую тебя еще разъ. Addio!

27.

Петербургъ. 10 генв. ст. ст. Hôtel Coulon.

Два дня уже я въ Петербургѣ. — Съ чего начать? Начну съ того, что̀ ближе къ сердцу, — съ твоего письма. Знаешь ли, что я никогда не бывалъ такъ доволенъ твоими письмами, какъ теперь. Ты никогда не была такъ нѣжна. Я даже нашелъ упрекъ, что не говорю ласковаго слова въ письмахъ. Другъ мой! Это неправда. Я не могъ не быть ласковымъ въ письмахъ, потому что у меня въ душѣ есть ласка; я ее чувствую. Еслибъ мнѣ можно было теперь одинъ часъ держать тебя въ объятіяхъ, поцѣловать и плакать — я бы отдалъ годы жизни. Во мнѣ есть въ самомъ дѣлѣ перемѣна, но не въ отношеніи къ тебѣ, а въ отношеніи къ жизни. Не знаю, съ чего у меня такая тоска на душѣ, что я пересказать не могу. Какъ будто у меня кого-нибудь изъ близкихъ не стало, какъ будто у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ, что̀ бы меня привязывало къ жизни, — вотъ чувство

въ этомъ родѣ. Оно невольно должно было высказаться въ письмахъ. Не его ли ты приняла за холодность? Нѣтъ, Маша, тутъ нѣтъ холодности. Я знаю, что это чувство ни на чемъ не основано, совершенно ложно; а между тѣмъ страдаю безконечно. Еслибъ ты на мигъ явилась и сказала бы утѣшительное слово, просто посмотрѣла бы съ любовью — я бы отдалъ годъ жизни. Ужъ не разлука ли наша произвела его? Не знаю. Я думаю, что въ разлукѣ можно быть сильну духомъ. Это какая-то нравственная мучительная болѣзнь. Можетъ быть нервическій припадокъ. Но я ни на что не могу взглянуть, ни на что прекрасное не могу взглянуть, — не почувствовавъ мучительнаго отрицанія. Увижу хорошенькое личико — мнѣ кажется, вотъ она умретъ; увижу хорошаго человѣка — мнѣ кажется, онъ долженъ быть ужасно несчастливъ. Во всемъ мнѣ выказывается темная, отрицательная сторона. Странно и несносно, какъ безсонница. Когда я читалъ твое письмо, мнѣ было легче, потому что я плакалъ. Я чувствовалъ, что меня любятъ. Но въ этомъ домѣ, гдѣ я теперь, столько дурныхъ воспоминаній. Но авось дурное не повторится. „Авось“ — главное выраженіе жизни русской, да и вообще человѣческой жизни. Наша разлука—не нападай на нее; я не хочу укорять судьбу ни въ чемъ. Разлука показываетъ, что мы любимъ другъ друга. Благодарю судьбу за это. Вычеркну изъ памяти все, что было въ апрѣлѣ и маѣ. Вѣдь мы любимъ другъ друга, Маша? Ты сама это говоришь. И я это говорю. Давай вѣрить!.. Я не могу жить одинъ. Теперь нѣтъ ни одного человѣка, кто бы меня поднялъ духомъ. Я думаю, мнѣ отъ этого такъ тяжело. Ты новый годъ грустно встрѣтила! Бѣдная моя Маша! Я одинъ новый годъ [1]) встрѣтилъ съ Фроловымъ. Мы оба будто не смѣли сказать, какъ намъ было тяжело. Другой новый годъ я встрѣтилъ въ Таурогенѣ глупо; я объ этомъ писалъ тебѣ. Кстати, я писалъ тебѣ 3 письма изъ Рима, 1 изъ Болоньи, 1 изъ Венеціи, 2 изъ Тріэста, 1 изъ Вѣны, 3 изъ Берлина, 1 изъ Таурогена. Всѣ ли ты получила? Это письмо идетъ съ Крюковымъ, который будетъ въ Неаполѣ; но письмо пошлетъ прежде. Тебѣ балы сыплются, когда ты ихъ не хочешь. Можетъ быть, я много испортилъ твою жизнь; это тяготѣетъ надо мною. Я, пріѣхавъ сюда,—отправился къ Виссаріону [2]). Онъ въ Москвѣ. Панаевы и Язык. мнѣ рады. Панаевъ написалъ повѣсть въ 1 № превосходную. Никогда не писалъ такъ хорошо. Повѣсть назы-

---

[1]) Т.-е. по новому стилю.

[2]) Т.-е. къ Бѣлинскому.

вается „Актеонъ"; это—продолженіе „Онагра". Повѣсть вырываетъ слезы. Сегодня я пріѣзжаю къ Носкову. Тихо вхожу въ комнату. Онъ увидалъ меня и бросился ко мнѣ на шею: у него были слезы на глазахъ. Мнѣ стало стыдно, что меня такъ любятъ. Но это была моя лучшая минута въ Петербургѣ. Смотрѣлъ m-me Allan. Она умѣетъ меня трогать ужъ и тѣмъ, что я ее вижу; это субъективно; я съ нею вижу какую-то часть моего прошедшаго — и, самъ не знаю почему, ни одного факта изъ жизни не связывается съ этимъ. Brassant былъ превосходенъ. Я видѣлъ Тальони въ балетѣ: „Dux". Балетъ такъ глупъ, что и Тальони не можетъ произвести большого впечатлѣнія. Но я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея благородную фигуру и граціозныя движенія.

Когда среди людей стою я одинокъ,
И взоръ нечаянно встрѣчаетъ въ ихъ собраньѣ
Красавицу—едва раскрывшійся цвѣтокъ,
Граціозно-легкое, роскошное созданье,—
Мнѣ вдругъ становится такъ страшно за нее!
Я думаю—какъ локонъ русый посѣдѣетъ,
Чело наморщится, согнется станъ ея,
Померкнетъ ясный взоръ и жизнь оцѣпенѣетъ...
И мало ли съ чего намъ можно постарѣть!
Есть тайная тоска,—съ нея старѣютъ рано;
И мало ли съ чего намъ можно умереть!
Есть скорби тайныя,—съ нихъ умираютъ рано.

Въ № 1 „Сказка для дѣтей" Лермонтова. Это—начало стихотворнаго романа. Это просто роскошь. Ключниковъ здѣсь и не доволенъ имъ. Прости ему, Господи. Можетъ быть—самая лучшая пьеса Лермонтова. Я спишу и пришлю тебѣ.

Володя былъ у меня, я былъ у него, и мы не застали другъ друга. Хастатовъ хлопочетъ. Я имъ очень доволенъ. Но сегодня хотѣлъ меня вести и—я не засталъ его. Виною оказался человѣкъ, который не зналъ, что онъ дома. Я много надѣюсь. Но не иначе могу знать, какъ дня черезъ три, и тогда къ тебѣ напишу. Хастатовъ выходитъ въ отставку. Хочетъ ѣхать за границу. Да, говоритъ, не могу иначе жить—надо, чтобъ я былъ влюбленъ. Такая душка этотъ Хастат.! У Панкратьевой былъ. Она глупа по-прежнему. Больше ни у кого еще не былъ. Постараюсь скорѣй побывать вездѣ и все кончить. Еще праздники мѣшали ради дѣла съ крестьянами [1])—ergo, ничего не знаю. Сто-

[1]) Рѣчь идетъ о крѣпостныхъ Огарева (с. Верхній-Бѣломутъ, зарайскаго уѣзда, рязанской губ.), которыхъ онъ отпускалъ на волю. Съ цѣлью оформить эту сдѣлку, онъ и пріѣхалъ въ Петербургъ.

лыпиныхъ здѣсь нѣтъ. Они, говорятъ, даютъ балы въ Саратовѣ.— Хастатовъ тамъ былъ, ѣздивъ на Кавказъ хозяйничать. Я веду себя очень аккуратно. Вѣрь, что ради тебя ничего опрометчиваго не сдѣлаю. Но мнѣ здѣсь нестерпимо скучно. Письма на почтѣ отъ тебя не нашелъ; говорятъ, что еще почта не приходила. Какъ же это знать только то, что ты мѣсяцъ тому назадъ дѣлала? Это ужасно! Грановскій такъ счастливъ, какъ достоинъ быть счастливымъ [1]). Крюковъ превозноситъ его жену. Я очень обрадовался Крюкову. Рѣдкинъ издаетъ журналъ юридическій. Баронъ [2]) переводитъ и печатаетъ Шекспира. Да! Я желаю видѣть ихъ. Хорошо чувствовать теплое рукожатіе. Но я не знаю—мнѣ вездѣ тошно. Пиши мнѣ о себѣ со всею подробностью. Я умѣю жить такъ, что никакихъ фактовъ не представляется; а внутренняя борьба чувствительна, и только,—и то потому, что больно. Но зачѣмъ я тебѣ пишу то, что не можетъ тебя успокоить. Что же дѣлать, когда въ душѣ ничего другого нѣтъ! Блѣдное небо и снѣгъ мнѣ милы, но печальны. Кстати, снѣгу почти нѣтъ. Всѣ ѣздятъ на колесахъ по дорогамъ, а въ городахъ на саняхъ очень скверно. Что-то будетъ съ будущимъ урожаемъ?

Маша! Поцѣлуй меня и благослови, какъ я тебя. Отведи мнѣ душу. Я задыхаюсь просто. Мнѣ тебя надо. Особенно теперь надо. Маша! Мы страдаемъ—и насъ нѣтъ другъ съ другомъ! Зачѣмъ это? Прощай!.. Кланяйся Сатину. Изъ сего письма онъ узнаетъ обо всѣхъ. Поцѣлуй Станю. Всѣмъ мое почтеніе. Жалко m-lle Seidl. Кланяйся ей отъ меня. Прощай, Маша! Черезъ три дня еще напишу. Addio. Еще разъ цѣлую...

28.

Москва.

Ужъ давно я къ тебѣ не писалъ. 1-е—былъ въ дорогѣ, 2-е—почта ходитъ не ежедневно. Пріѣзжаю къ Галахову—нахожу твое письмо. Долго я собирался писать—и не могъ до сихъ поръ; я былъ какъ въ лихорадкѣ, пока читалъ его, и послѣ. Это ужъ такъ невыносимо тяжело, что я не знаю, куда голову приклонить. Сомнѣнія, упреки! Да еще бы съ нѣжностью, а то съ жестокостью — ничѣмъ неоправданной. Я холоденъ, говоришь ты, въ моихъ письмахъ. — Богъ тебѣ судья, Маша; ты будто сердишься за то, что я пишу стихи, и говоришь, что если мнѣ

[1]) Грановскій женился незадолго передъ этимъ (15 окт. 1841 г.).
[2]) Н. Х. Кетчеръ.

грустно—ну! напишу стишокъ, и очень доволенъ. Маша! и ты не видишь, что, слава Богу, есть выходъ изъ жизни въ искусство, и не видишь также, что стихъ не выгоняетъ горя, а возводитъ его до творчества. Ты страдаешь—я это знаю. Я люблю тебя, другъ мой; я бы хотѣлъ, чтобъ каждая минута твоей жизни была счастлива, исполнена любви, широкаго блаженства, и все на свѣтѣ готовъ для этого сдѣлать; но ты сама не потребуешь безчестнаго поступка, а отказаться отъ поэзіи, отъ своей человѣчности—безчестно. Ну! то-есть я не могу равнодушно вспомнить твоего письма; оно меня раздираетъ... Знать тебя несчастливой, страдающей вдалекѣ — невыносимо. Но ты говоришь, что я не счастливъ;—я страдалецъ по своей внутренней натурѣ, ты это знаешь;—а безъ тебя не могу идти дальше въ жизни—и это ты знаешь, и за что же всѣ упреки? Видѣть, что ты мучишься безвыходно, видѣть, что ты съ каждымъ письмомъ больше и больше раздираешь мнѣ душу, — ужасно. Маша, бѣдный, милый другъ мой, прошу на колѣняхъ, со слезами, успокойся, люби меня такъ, чтобъ тебѣ въ голову не пришло упрекать жестко. Поцѣлуй меня—такъ давно я не прижималъ тебя къ сердцу. Хочется отогрѣть тебя, бѣдный мой ребенокъ, ты тамъ зябнешь одна. — О нападеніяхъ противъ *нихъ* [1]) — не скажу ни слова, потому что мы обѣщались другъ другу не говорить объ этомъ. —Маша! зачѣмъ мутить наши отношенія жесткими упреками? Развѣ я не знаю, что ты сама не вѣришь ни твоимъ сомнѣніямъ, ни упрекамъ, а вѣришь только, что я тебя люблю, что я стремлюсь къ тебѣ, что броситься тебѣ на шею для меня блаженство. Намъ было хорошо въ Неаполѣ, и ты будто не помнишь и не сознаешь, что мы близки, нужны другъ другу,—а не должны стоять feindselig. Но я и самъ-то боюсь начать упреки. Полно объ этомъ. Сядь ко мнѣ, обними и успокой меня, моя дѣвочка! Мнѣ такъ тяжело, что не знаю, куда дѣваться. Пріѣзжаю къ Галахову. M-me Kenny [2]) въ чахоткѣ, Фроловъ явился въ Москву, и у нихъ въ домѣ тяжело бывать; а m-me Kenny такъ мила, что-то такое кроткое и милое въ ней. Сестра моя [3]) разорилась—съ большимъ трудомъ я надѣюсь спасти ей тысячъ шесть доходу. Плаутинъ все проигралъ. Они ѣдутъ въ Кострому, въ деревню къ его матери. Гнусность этого человѣка необычайна. Я былъ всѣмъ этимъ разстроенъ. А тутъ еще твое

---

[1]) О друзьяхъ Огарева.

[2]) Сестра И. П. Галахова и покойной жены Фролова.

[3]) Анна Платоновна, замужемъ за Плаутинымъ.

письмо. Я былъ какъ помѣшанный—не спалъ ночь и не могъ даже писать къ тебѣ; но только въ душѣ копилась горечь великая. Хандра нестерпимая мучитъ меня. Да за что же мы оба мучимся, Боже мой? Но скоро мы будемъ вмѣстѣ—можетъ, опять будешь покойнѣе. Намъ хорошо было въ Неаполѣ, Маша. Ради Бога, не забывай этого; вычеркни изъ памяти горькое и оставь только то, гдѣ была любовь, и намъ будетъ хорошо. Я хотѣлъ бы лелѣять тебя, какъ цвѣтокъ, чтобъ тебѣ всегда было тепло и свѣтло; Маша, если не умѣю, если не нахожу въ себѣ достаточно элементовъ, чтобъ сдѣлать твое счастье, если ты страдаешь—не моя вина; желаніе искренно, любовь искренна. Вотъ и все. Если я тебѣ нуженъ, повѣрь, что и ты мнѣ нужна; это всегда взаимно. Ради Бога, оставимъ упреки. Зачѣмъ мучить другъ друга, когда мы можемъ любить другъ друга? Обнимемся, благословимъ другъ друга, и да будетъ съ нами миръ и любовь.

Ну! хочешь московскихъ новостей? Изволь. 1-е — умерли: Варвара Ив. Юшкова, А. Д. Мансурова, (de mauv. mal.) Обольянинова, дочь сестры, твоя крестница, мать Кетчера, дочь Щепкина, меньшая, la passion de Katkoff, Иванъ Васильевъ Немродовъ, Степанъ Сазоновъ. — Видишь, смертность сильная во всѣхъ сословіяхъ. — Женились: кромѣ Грановскаго — никого. Онъ блаженствуетъ. Барышни же всѣ въ дѣвкахъ. Лиза Бибикова была костюмирована Перувіанкой съ большими перьями на головѣ. Дўша Кобылина больна, и я ее еще не видалъ. M-me Sailhas [1]) не больна, и я ее видѣлъ. Онѣ ужасно скучаютъ— все однѣ да однѣ. Беременность мѣшаетъ графинѣ выѣзжать. Вообще такъ вездѣ пусто. Домъ Розенбергъ продалъ. Нашелъ я у m-me Sailhas наши старые мёбели. Мнѣ стало грустно. Какъ это все проходитъ — и радость, и горе,—и что изъ этого всего будетъ? Еще кое-что, что опять пройдетъ. Скучно жить на свѣтѣ, господа! Грановскій мнѣ далъ обѣдъ; его жена мила, не хороша собой, но въ ней что-то наивное, gemüthlich,—свѣтленькіе глазки, свѣтлое сердце. Василій Петр. [2]) далъ мнѣ обѣдъ. Обѣдалъ я у m-me Sailhas съ глазу на глазъ. Ховр. еще не видалъ. M-lle Chouchou [3]) произвела эффектъ необычайный; она на всѣхъ балахъ, и всѣ отъ нея безъ ума. Léon Gagarine въ гусарахъ гдѣ-то въ Вереѣ. Онъ промотался въ пухъ, имѣетъ актрисъ и ревнуетъ

---

[1]) Графиня Саліасъ, писательница (Евг. Туръ), урожденная Сухово-Кобылина.

[2]) В. П. Боткинъ.

[3]) Дочь Ховриной, красавица, за которою въ Римѣ, весною 1840 г., ухаживали Станкевичъ и И. С. Тургеневъ.

жену такъ, что сжегъ ей плечо сигарой. Онъ проигралъ часы Бугаевскому (который все живъ) и не отдавалъ. А тотъ пріѣхалъ къ Леону, да и взялъ ихъ. Léon сказалъ, что Буг. укралъ у него часы. Потомъ они судились. Доказано, что Леонъ подлецъ. Генералъ ему сказалъ: „Вы надѣетесь на свою знатную родню". А Леонъ отвѣчалъ: „Какое! у меня и теща—Мартынова". Это мнѣ ужасно нравится.

Елагина—славная женщина. Гоголь груститъ — „Мертвыя Души" не прошли.—Ну, что жъ еще? Право не знаю. Тоска смертная. Въ Н. я провелъ время тихо и умно.

Помѣшали. Галаховъ былъ сейчасъ. Онъ благодаритъ тебя за письмо. Онъ очень разстроенъ. M-me Кенny, кажется, хуже. Очень слаба. Гал. напишетъ письмо къ кн. Гагар., за которымъ ты можешь послать въ русское посольство. Письмо къ Тургеневу также отправится—и ты за нимъ пошлешь. Mais c'est une réputation douteuse—слыветъ умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, а Богъ знаетъ. Кобылина въ Парижѣ. Адресъ ея: Rue basse du Rempart № 48, M-r le Comte de Naurais, а онъ ужъ и скажетъ, гдѣ ее найти.—Да вотъ бѣда, что отъ Тучкова писемъ не имѣю, а денегъ онъ не высылалъ, хотя онѣ и должны быть, и письмо мое имъ получено. Изъ Бѣлоомута мнѣ на дняхъ привезутъ. Ты можешь для скорости взять у Ротшильда, а ему вышлю вексель на Турнейзена. Устиновъ и Долгорукій тебѣ это обдѣлаютъ.

Но ты мнѣ не пишешь, ѣдешь ты или нѣтъ, а только Галахову. Маша! гдѣ ты, что̀ ты? Право, такъ грустно, что мочи нѣтъ. Отъ внутренняго волненія съ твоихъ писемъ, разлуки, сестры, etc., etc.—и отъ вчерашней стерляди у Вас. Петр.—я нездоровъ и сижу дома сегодня. Ѣздить скучно. Je suis dans une disposition insoutenable.

Почта ходитъ въ понедѣльникъ и четвергъ. Въ понедѣльникъ пошлю большое посланіе тебѣ. Сегодня цѣлое утро мѣшаютъ, а между тѣмъ пора на почту посылать. И Сатину въ понедѣльникъ напишу. У него ни гроша денегъ, а Астраковъ не можетъ выслать. Но постараемся къ понед. Бѣдный Астрак.! У него водяная (хотя и лучше), и онъ почти помѣшанъ. Нигдѣ ничего утѣшительнаго.

Маша! Хотя бы ты утѣшительное что̀ написала. Прощай, другъ мой,—спѣшу на почту. Обними и поцѣлуй меня. Маша! да не раздирай меня сомнѣніемъ; я и безъ того въ хандрѣ. Счастливъ я по натурѣ не могу быть. Но много минутъ счастья можешь ты мнѣ дать. Прощай! Люби меня... Цѣлую тебя 20 т. разъ.

29.

5 (17) февраля.

Гдѣ ты? что̀ ты? Ждалъ долго твоего письма; нѣтъ! Наконецъ, рѣшаюсь писать еще разъ въ Неаполь. Лучше—еслибъ я получилъ еще письмо; можетъ быть, тяжелое непріятное впечатлѣніе, которое на меня имѣло послѣднее, исчезло бы. Это впечатлѣніе меня преслѣдуетъ. Ты разбранила все, что̀ во мнѣ есть хорошаго; но послѣ этого за что жъ ты меня любишь? Но полно упрекать; скажи лучше, что это писано въ припадкѣ тоски,—и протяни мнѣ ручку. Я же не могу отбиться отъ этого припадка непроходимой хандры. Даже за бутылкой я не веселъ, и не хочется никуда выѣхать изъ дома—да и только. Взялъ у Гранов. книгъ, сижу да читаю. Я долго ѣздилъ, ничего не дѣлая. Голова становится пуста; можетъ, и отъ этого такъ нестерпимо скучно, пусто. Выходъ нуженъ; стиховъ что-то не пишется съ тѣхъ поръ, какъ ты въ стихотворствѣ увидѣла удовлетворенный эгоизмъ. Ну!—наука, если не искусство. Фроловъ пріѣхалъ сюда; вотъ человѣкъ сильный; ужъ какъ его горе гнететъ, а ничего не видать; отражается это горе на тѣлѣ—только; онъ, очевидно, самъ боленъ. А мы съ Галах. совсѣмъ не такіе; мы промечемся да и расшибемся. Онъ такъ разстроенъ, что на него тяжело смотрѣть. Они всѣ думаютъ везти m-me Kenny назадъ въ теплую сторону, да едва ли она до весны дотянетъ. А какое у ней славное лицо, несмотря на болѣзнь, и такая кроткая и милая натура. Serge Гал. съ женою здѣсь, носитъ усы, а жену возитъ. Ты не сердись на Jean [1]), если онъ опять не написалъ; ему бѣдному такъ трудно. Имъ трудно, и, кажется, въ самомъ дѣлѣ, послѣ ихъ несчастій—куда я лѣзу съ моимъ горемъ? А между тѣмъ оно для меня такъ же дѣйствительно и такъ же важно. Фр. говоритъ, что я неизлечимъ, т.-е. тоска моя, т.-е. этотъ Гамлетовскій элементъ—сомнѣніе, рефлексія, Gruebeln. Мой день проходитъ кой-какъ. Нѣсколько разъ обѣдалъ я у Гран., у m-me Sailhas, у сестры, разъ у Ховриной. Видѣлъ Душу К., которая больна, но все такъ же хороша. Душ. Паш. вышиваетъ въ пяльцахъ, танта Ольга похудѣла ужасно. Sophie Pachkoff часъ отъ часу принимаетъ видъ головы, съ которой бился Русланъ. Ужасъ что̀ за величина головы!.. а у маленькой мала.— Сестра моя по обыкновенію въ половину понимаетъ или очень

---

[1]) Т.-е. на Ив. П. Галахова.

хладнокровно принимаетъ будущую бѣдность. Дѣти милы. Иноземцевъ говорилъ про Станю, чтобъ ему масла (huile) давать въ волю, если онъ ѣсть хочетъ, и вообще давать бы ему больше воли во всѣхъ поступкахъ и желаніяхъ.—Ховрина въ большомъ свѣтѣ московскомъ; Chouchou принята съ рукоплесканіемъ, и въ самомъ дѣлѣ славная дѣвочка. Но въ нихъ обѣихъ есть что-то такое остановленное, съ чѣмъ никакъ не сладишь. Lise Чирковъ больна и скучна. Nicanor толстъ невѣроятно. Вообще, со всѣми скука неотразимая и невыразимая. Вчера поутру былъ у Чаадаева: matinée—скука! M-me Séniavine donne de matinées. Вотъ тебѣ все о Москвѣ и московскихъ. Денегъ мнѣ ни откуда не везутъ и не шлютъ, несмотря на мою (и твою) крайнюю нужду. Представленіе пошлю въ Петербургъ. Немедленно жду рѣшенія, т.-е. не жду, а на дняхъ ѣду въ деревню, но прежде дождусь твоего письма, которое мнѣ необходимо.—Теперь вотъ тебѣ разсказъ о томъ, какъ мои дни устраиваются: отъ 8 до 1 дома—читаю. Отъ часу до 10 вечера внѣ дома. Отъ 10 до часу ночи читаю, потомъ сплю. Три ночи сряду вижу тебя во снѣ, Маша! Что это значитъ? Я сплю довольно мало, чтобъ ничего не видѣть во снѣ, но теперь все тебя и только тебя вижу, и ты такъ грустна и нѣжна; и, проснувшись, мнѣ тяжело, я еще больше тоскую. Маша! несмотря на то, что я пишу стихи, право, у меня много любви и преданности, больше, чѣмъ ты думаешь. Исключительности я не понимаю, это правда; но гармонію привязанностей къ людямъ—я бы могъ понять. Да Богу не угодно. Ты меня упрекала въ холодности. Иногда мнѣ самому кажется, что я холоденъ какъ ледъ, оттого, что какая-то пустота и неудовлетворенность въ душѣ; да ужъ многому и не вѣрится. Какое-то удручающее чувство, отъ котораго просто задыхаешься, господствуетъ во мнѣ. Будетъ ли когда выходъ, не знаю, а теперь хоть ложись и умирай; такъ, кажется, только одного и попросишь у Бога, чтобъ никто обо мнѣ не плакалъ.

Вчера обѣдалъ съ Гоголемъ; онъ былъ очень милъ.—Кенъ съ женой въ Парижѣ; они родня Тургеневу.

Я думаю, ты этимъ письмомъ будешь менѣе довольна, чѣмъ какимъ-нибудь. Я и самъ имъ недоволенъ. Да что дѣлать? Нельзя вызвать изъ души—чего въ ней нѣтъ. А въ моей душѣ теперь пустота совершенная. Я даже съ трудомъ могу приняться за перо. Что сказать? Что я глупъ и скученъ? Стоитъ ли это того! А больше ничего нѣтъ во мнѣ. Я читаю даже только для того, чтобы не опуститься совсѣмъ, чтобы быть заняту,—принуждаю себя читать. Взялъ нарочно историческія книги, чтобы быть за-

няту безъ размышленія. Мышленіе вообще, спекуляція—не даетъ мнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, или лучше не дается мнѣ. Жизнь въ дѣятельности человѣческой тяготитъ; личныя отношенія мучатъ. Я не знаю, куда приклонить голову. Скорѣй бы ужъ въ деревню и совершенное одиночество. Да тамъ съ ума сойдешь.—Скорѣй назадъ къ тебѣ. Буду спѣшить. Можетъ быть, будетъ лучше. Странное дѣло: я не вижу довольныхъ лицъ. Всѣмъ скучно, грустно, кому отъ чего; кто мучимъ думою, кто—обстоятельствами. Гдѣ свѣтлая молодость, когда все было весело, всему вѣрилось? Всѣ-то мы постарѣли.

Кончу это глупѣйшее изъ глупѣйшихъ писемъ.

Обними и благослови и поцѣлуй меня, моя Маша! Не брани, а жалѣй. Pitié—я рѣшаюсь уже даже это жалкое чувство вымаливать.

Сат. мы еще не написали, но обнимаемъ его.

Кланяйся всѣмъ. Ховр., кажется, не такъ скупа, да и, можетъ, съ своей стороны (entre nous soit dit) имѣетъ право быть недовольною Анетой.

Обнимаю тебя! Бѣдный другъ — свою бѣдную Машу. Прощай! Скучно жить на свѣтѣ, господа.

30.

Февраля 12 (24). Москва.

Твоимъ послѣднимъ письмомъ я былъ гораздо довольнѣе, другъ мой! Я вижу, что ты спокойнѣе, да и наслаждаешься хорошими вещами. Музыка и море!—право, мнѣ кажется, ничего больше въ жизни не нужно. Но гдѣ застанетъ тебя мое письмо, не знаю. Гдѣ бы то ни было, лишь бы нашло тебя счастливою. Трудно сладить съ жизнью, трудно примириться въ душѣ съ самимъ собою. Задачи не разрѣшаются, желанія не удовлетворены, настоящее скучно. Къ сожалѣнію, ни ты, ни я, никогда не примиримся съ жизнью. Я отъ нея требую немного—и того она не даетъ; ты требуешь много — и того она не даетъ. До вѣчности далеко, а пока тоска смертная. Вчера однако я провелъ день хорошо. Обѣдалъ у Ботк. и оставался до полуночи. Лангеръ все время игралъ на фисгармоніи. Давно я не имѣлъ такого удовольствія. Тутъ же я встрѣтилъ стариннаго знакомца—Мосолова. Хорошій малый! Счастливый человѣкъ! Артистъ, вѣчно живетъ въ деревнѣ, занимается живописью — и только. Живетъ вдвоемъ, т. е. съ женой—и больше имъ никого не надо. Я его

узналъ третьяго дня въ театрѣ, не видѣвшись лѣтъ десять. Въ театрѣ я былъ только разъ. Давали „Матроса", водевиль, довольно дурно переведенный, но хорошій. Матросъ возвращается на родину послѣ двадцати-лѣтняго плаванія. Его считали умершимъ. Жена его вышла замужъ за другого. Матросъ скрылъ, кто онъ. Одна дочь его догадалась и бросилась къ нему на шею. Но чтобъ не нарушить спокойствія семейства, Матросъ ушелъ, пока она была въ обморокѣ,—и уже его никто никогда не увидитъ на родинѣ. Щепкинъ игралъ Матроса. Я плакалъ, какъ безумный. Я радъ былъ плакать. Слезы какъ-то давно были на душѣ, и будто легче, какъ сплачешь ихъ. Это одна изъ лучшихъ минутъ, проведенныхъ въ Москвѣ. Ты мнѣ столько описывала и свой родъ жизни, и балъ графини Сухтеленъ, и кто у тебя бываетъ, и гдѣ ты бываешь, что я рѣшился писать тебѣ и мои похожденія. Ты же жаловалась, что я никогда не пишу объ этомъ, а пишу только то, что̀ во мнѣ происходитъ. Да какъ же быть, Маша! Фактовъ такъ мало, а внутри переживается такъ много! Легче ли отъ этого, не знаю; а переживается-то много. Но не хочу тревожить тебя моими тревогами; ужъ и такъ, кажется, я написалъ два сумасшедшихъ письма, которыя вѣроятно не принесутъ тебѣ отрады. Прости мнѣ ихъ, какъ я тебѣ прощаю то письмо, которое меня огорчило и оскорбило. О, Маша! еслибъ ты могла быть счастливою! Вотъ все, что̀ я желаю.

Ну—дальше. Ховрина звала меня вечеромъ, дня два тому назадъ. Пили шампанское за мой пріѣздъ.—Всегда одинъ вопросъ приходитъ въ голову: за что меня такъ любятъ? я другимъ даю гораздо менѣе. Съ большею частью людей встрѣчаюсь съ какимъ-то неудовольствіемъ. Кажется, вотъ такъ никого бы не надо. Благодарю ихъ всѣхъ, кто мнѣ оказываетъ дружбу; а не могу отвязаться отъ какой-то дикости, нелюдимости. Гадко!

Былъ вечеръ у Елагиной. Она также такъ добра со мной. Правда, и я, если можно сказать такъ, влюбленъ въ нее, т.-е. въ ея свѣтлый умъ и свѣтлое сердце. Вотъ этого-то человѣческаго счастія, т.-е. міра душевнаго, добиваюсь я, да нѣтъ! что-то нейдетъ на ладъ. У M-me Sailhas бываю я довольно часто. Мнѣ тамъ хорошо, свободно, можно говорить вздоръ и видѣть прекрасное лицо, двѣ вещи, которыя доставляютъ великую отраду. У Галах. бываю черезъ день. Сегодня онъ звалъ обѣдать. Я боялся мѣшать имъ, пріѣзжая обѣдать безъ зову; но теперь онъ мнѣ объявилъ, что могу, когда хочу; ergo, я буду почти ежедневно. M-me Kenny живетъ и даже мила, но гаснетъ понемногу. Гал. съ ней нѣженъ и заботливъ, какъ только способенъ быть нѣж-

нымъ и заботливымъ, а это очень много. Фрол. тоже. Но они видимо оба разстроены. Тяжело смотрѣть на нихъ, тѣмъ болѣе, что это люди, которыхъ я горячо люблю. Намедни я заставилъ Г. писать къ тебѣ, думалъ, что его письмо, можетъ, будетъ утѣшительнѣе, чѣмъ мое. Намедни я былъ у Астракова. Мнѣ просто было страшно. Семь мѣсяцевъ тому назадъ видѣлъ здороваго, бодраго человѣка, а нашелъ человѣка, который не имѣетъ жизни на двѣ недѣли. Худъ, желтъ, безъ голосу, безъ силъ, и сердитъ, и — сумасшедшій. Ужасно! Жена его горько плакала. Я пожалъ ей руку. Тяжело; я весь день былъ въ какомъ-то судорожномъ состояніи и отъ того казался веселымъ. M-me Ducl. больна; я все еще не видѣлъ ее. За то Monsieur очень здоровъ, и я его видѣлъ. Видѣлъ Вѣру Толстую; она хотѣла тебѣ писать; похорошѣла. Видѣлъ Анну Матв. — добрая старушка! M-me Хрушовъ est plus bête que jamais, sourde et absurde.

Принялся я здѣсь за работу. Читаю. Я сталъ глупѣть безъ дѣла. Можетъ быть, поможетъ. Теперь все еще не справился— такъ все пусто и грустно. Хандра. Я даже боюсь говорить о состояніи духа съ тобой,—хандра моя непріятна. Оттого я стараюсь, чтобъ письмо мое было спокойно, и ты не встревожилась бы, читая его, и могла бы безъ заднихъ мыслей наслаждаться моремъ и солнцемъ. Скоро и я буду наслаждаться моремъ и солнцемъ.—Жду окончанія дѣла съ бѣлоомутцами и съ сестрой. Бѣдная сестра думаетъ, что ѣдетъ на годъ въ деревню, а похоже, что на десять лѣтъ; мнѣ хотѣлось бы увидать, какъ они сядутъ и поѣдутъ, а то все боюсь, чтобъ онъ не проигралъ своей рубашки. Я тебѣ въ понедѣльникъ выслалъ денегъ 2.700 франковъ и тутъ же, наконецъ, получилъ письмо отъ Тучк., что онъ уже давно выслалъ тебѣ 10 т. руб., вслѣдствіе чего отдай 1000 рублей Сат., а я здѣсь возьму деньги, которыя ему посылать хотятъ. Одно меня тревожитъ—вѣдь у тебя однако никого нѣтъ въ Неаполѣ, съ кѣмъ ты могла бы провести время хорошо. Ты бранишь, что мало писалъ о Листѣ. Я послѣ больше писалъ. Вотъ еще о немъ: онъ зажился въ Берлинѣ и все еще не бывалъ въ Россіи. Въ Берл. онъ давалъ концертъ студентамъ по 2 грош. входъ. Этотъ благородный поступокъ произвелъ ожидаемый эффектъ, то-есть, сказали:—ай да Листъ! Право, эта аффектація отвратительна, потому что это Листъ. Онъ могъ бы такъ высоко стоять...

Вотъ тебѣ нѣсколько стиховъ:

Сосѣдкѣ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ—
Я помню—въ дѣтствѣ мы играли,
Въ саду весною—на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ—въ залѣ.
Меня въ столицу увезли.
Я выросъ, вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похоже.
Я не забочусь о себѣ.
Нѣтъ нужды, что бъ со мной ни сталось;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы или нѣтъ?
Мечтаете ли ночью звѣздной?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,
Взросли вы барышней уѣздной?
И только надо, наконецъ,
Вамъ мужа—и безъ нѣжной страсти
Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти?
Гадали ль вы про жениховъ?
Что жъ вышло? Тотъ ли, сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что любитъ псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій?
Да въ нашей грустной сторонѣ,
Скажите, что жъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать—женѣ,
А мужу—съ псами ѣздить въ полѣ?

Это писано дѣвицѣ Ѳоминой, съ которой я встрѣтился въ дилижансѣ; мы разстались, когда ей было года два или три, а мнѣ лѣтъ семь. Ну! я ей этихъ стиховъ не показалъ, да и не покажу, а напечатаю. Второй № [1]) имѣетъ два моихъ стихотворенія. Мѣшаютъ. Прощай, другъ мой Маша, обнимаю и цѣлую, и благословляю тебя. Будь счастлива. Прощай. Станю цѣлую. Всѣмъ кланяюсь. Будь же весела. Addio. Дней черезъ пять уѣду. Addio.— Всѣ тебѣ кланяются.

31.

Москва. Февраль.

Все еще Москва. Любовь къ ней, отвращеніе отъ поѣздки въ деревню и Плаутинскія дѣла меня держатъ до послѣ-завтра.

[1]) Т.-е. „Отеч. Записокъ“.

Два письма отъ Маши лежатъ возлѣ меня. Одно она мнѣ приказываетъ разорвать. Не могу. Напротивъ, перечитываю, ищу, спрашиваю самъ себя: où en sommes nous donc?—и не могу рѣшить задачи, и не знаю выхода. Ты уже давно и часто говоришь, что между нами прошло столько бурь, что мы, ни тотъ, ни другой, не можемъ ихъ забыть; ты говоришь, что мнѣ хорошо и безъ тебя, что я отдалъ тебѣ клочокъ моего сердца, а ты хотѣла полной любви; наконецъ, ты говоришь, что ты уже теперь не ревнуешь, — и наконецъ, что въ твоемъ сердцѣ стремленія (dahin) ко мнѣ нѣтъ.—Où en sommes-nous donc?—Страшно! — Потомъ: ты страдаешь, сердце рвется — любить и жить полной жизнью. Я тоже страдаю, но мое сердце въ такомъ хаотическомъ состояніи, что я самъ ничего не разбираю въ немъ, несмотря на огромный даръ рефлексіи.—Où en sommes-nous donc?

Лѣта не выходъ; напрасно ты ждешь старости, чтобы успокоиться. Холодъ, тоска еще тяжеле, чѣмъ неудовлетворенное стремленіе; въ нихъ сожалѣніе и проклятіе на всю прошлую жизнь. А жить надо, а для жизни надо блаженство. Я, съ моей стороны, отъ него отказался, я ему не вѣрю. Было время, когда я вѣрилъ, что любовь и дружба крѣпко свяжутся въ моей жизни, что, силенъ ими, я пойду далеко, буду жить полно, много дѣлать и горячо любить каждое дѣло. Не клочки любви хотѣлъ я дѣлить, но полное, безконечное чувство любви хотѣлъ дать всѣмъ близкимъ, ждалъ гармоніи, а не ревности. Ну! да я отказываюсь отъ блаженства. У меня выходъ есть— in's Allgemeine! Боюсь, чтобъ онъ не былъ абстрактенъ, а если и будетъ абстрактенъ, все какъ-нибудь можно прожить и съ абстрактомъ. Любовь къ женщинѣ—самое лучшее чувство на землѣ. Любовь женщины даетъ полное блаженство. Да гдѣ же я найду? Да еще стану ли и искать-то? Ты смотришь на меня, какъ на человѣка, который по натурѣ хорошъ, „могъ бы озарить свѣтомъ сердце женщины“, но который не можетъ дать отвѣта на всѣ твои потребности, не можетъ утолить этой жажды чего-то, чего ты сама не въ состояніи опредѣлить. Словомъ—я для тебя какое-то прошедшее, отъ котораго трудно тебѣ оторваться оттого, что es liegt was darin, къ которому ты даже часто чувствуешь влеченіе, человѣкъ, который тебѣ нуженъ, потому что все же даетъ отвѣтъ на что-нибудь. Любовь это или нѣтъ? Разбери сама. Я скажу тебѣ, что такое: это любовь, но не та, которую обыкновенно понимаютъ подъ словомъ: amour,—не та страсть, гдѣ столько пылу, нѣжности и блаженства; но привязанность глубокая, сильная, нескончаемая. Ради Бога, не теряй ее, не думай обо мнѣ съ не-

навистью, прощай, ежели я въ чемъ виновенъ, но смотри на меня, какъ на друга, всегда любящаго, тепло и неизмѣнно. Это чувство даетъ отраду, силу жить дальше. Не знаю, найдешь ли ты когда блаженство, я отъ него отказываюсь. Но дать тебѣ блаженство, ей Богу, еслибъ это сію минуту стоило мнѣ жизни— я умеръ бы очень довольный. А какъ я дамъ тебѣ блаженство? Не знаю. Могу отдать тебѣ все, что у меня есть въ душѣ, да ты этого не примешь; а чего во мнѣ нѣтъ—мнѣ и взять негдѣ. Еслибъ я могъ тебѣ проложить путь къ счастью,—сколько бы это мнѣ ни стоило, я сдѣлаю; могу жертвовать всѣмъ, кромѣ убѣжденій и привязанностей, могу жертвовать жизнью и моей личной честью.—Ну! а какъ знать, что будетъ?—Италія, кажется, имѣетъ на тебя благодѣтельное вліяніе, чувство прекраснаго сильно говоритъ въ тебѣ. Маша! можетъ быть, въ насъ есть еще отголоски другъ другу!.. Есть или нѣтъ—ничего не могу понять; голова моя въ хаосѣ, въ душѣ столько чувствъ противоположныхъ... Одно знаю: все бы отдалъ, чтобъ возвратить, хотя на минуту, себѣ и тебѣ то чувство любви, съ которымъ намъ когда-то такъ хорошо было; а тамъ ужъ была не была, выноси Господь куда знаетъ.—Грустно, крѣпко крустно. Другъ мой, дай мнѣ руку. Можетъ быть, мы еще много нужны другъ для друга. Вѣдь все же нельзя прожить безъ женщины, которая, хотя не съ любовью, по крайней мѣрѣ, съ дружбой, съ участіемъ, съ сожалѣніемъ взглянетъ на тебя, а ты это, можетъ быть, можешь и сдѣлаешь.—Чортъ знаетъ, я расплакался, какъ ребенокъ. Что слезы, другъ мой, и къ чему онѣ?—сожмись въ себѣ, да и живи крѣпко.—Не знаю, гдѣ ты, а не хотѣлось бы посылать письмо черезъ третьи руки.—Тучковъ писалъ, что уже давно выслалъ деньги, и потому ты вѣроятно уѣхала. Хотя бы пришло уже письмо ко мнѣ, пока я здѣсь. Я погожу посылать сегодня это письмо. Еще подумаю. Мое письмо не холодно, у меня на сердцѣ горько, а тепло,—и что бы ни было—я благословляю тебя такъ же отъ души, какъ и прежде. Я скоро къ тебѣ буду. Буду спѣшить. Ты одна—безъ друга. Маша, я безхарактеренъ, но, право, кажется не столько, какъ всѣ думаютъ. Я могу быть другомъ, Маша, — больще, могу быть твоимъ ангеломъ-хранителемъ. Ты пишешь о моей склонности къ вину. Правда, можетъ быть, есть во мнѣ многое, что мѣшаетъ мнѣ сдѣлать женщину счастливою мной самимъ. Я преданъ страстямъ и случаю. Я кажусь тихъ, а мнѣ безъ разгула жить невозможно. Иной разъ даже нѣтъ силъ противустоять желанію—растратить жизнь въ чемъ-нибудь буйномъ, въ безуміи, которому не было бы границъ. Добродѣ-

тели тутъ нѣтъ, морализмъ условный вытолкнетъ меня, какъ человѣка запятнаннаго; но есть ли тутъ дѣйствительно безнравственность—сомнѣваюсь. Тутъ есть свои гуманныя стороны. Да вѣдь и то — надо же куда-нибудь дѣвать себя. Трудъ—не могу свыкнуться съ трудомъ, не выдерживаю; постараюсь, но не знаю, слажу ли съ трудомъ. А жить-то все же хочется. Разгулъ—замѣна блаженству. Есть въ душѣ какой-то червякъ, который подъѣлъ всякую возможность блаженства. Ну! такъ и гуляй, буйная головушка! Жизнь пройдетъ судорожно. Умру — не пожалѣю о ней, да и не прокляну ее. Спасибо за то, что было. Спасибо за мигъ любви, спасибо за опьяненіе, спасибо за великое чувство любви къ людямъ, которое неизмѣнно прошло по всей жизни.

Астраковъ умеръ полоумный. Жена его—разбитое одинокое существо. Вчера Душа Кобылина разсказывала мнѣ, что одна Ланская была лѣтъ 16-ти. У нея два брата; меньшого она крѣпко любила. Она играла съ нимъ, хотѣла его щекотать. Онъ бѣжалъ, она за нимъ. Онъ въ свою комнату и бросился на постель. Она схватила пистолетъ со стола и, играя, выстрѣлила. Братъ не вздохнулъ уже ни разу. Она хотѣла броситься въ колодезь. Ее удержали. Она была въ сумасшествіи, которое разрѣшилось въ тихую грусть. Къ старшему брату ходилъ молодой человѣкъ. Она въ него влюбилась. Онъ въ нее. Женились — два мѣсяца полнаго счастья. Братъ ея и мужъ отправляются на охоту. Братъ нечаянно убилъ мужа изъ ружья. Она осталась беременна и съ тѣхъ поръ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова. Случилось это мѣсяца полтора тому назадъ.—Хорошо жить на свѣтѣ, Маша?—Нѣтъ, ей Богу, не пожалѣю о жизни. Жизнь—рядъ случайностей безъ смысла, и только.

Однако, когда въ человѣкѣ есть содержаніе, жизнь бы не должна быть рядомъ случайностей. Что жъ наша жизнь? Наша встрѣча? наша любовь? наши раздоры? Неужли случайности? Или все было необходимымъ слѣдствіемъ развитія нашихъ натуръ? Чортъ знаетъ!—Das Grübeln, Гамлетовскій элементъ—мучитъ меня, не наполняя душу и ничему не помогая. Зачѣмъ же у меня-то такая безплодность? Въ душѣ столько страсти и любви—а жизнь ни къ чорту. Не знаю, понятна ли тебѣ вся горечь, которая меня томитъ. Но знаю, что еслибъ я могъ тебѣ сказать: я страдаю, и ты бы взяла меня за руку и сказала бы мнѣ: мнѣ тебя жаль—легче было бы.

Что я не удовлетворяю всѣмъ потребностямъ твоей души—это мнѣ не оскорбительно. Это фактъ—и только. Это горько, но

все же я знаю, что я тебѣ нуженъ, что часто я могу облегчить тебѣ страданія теплымъ участіемъ. Теплѣе ты едва ли найдешь въ комъ-нибудь участія. Галаховъ человѣкъ съ нѣжной душой, ну, а я все-таки больше къ тебѣ привязанъ. Одно меня оскорбило въ твоемъ письмѣ—это твое влеченіе къ Листу и Каткову. Правда, они много имѣютъ сходства. Но неужели только эти внѣшнія, не проникнутыя никакой любовью натуры тебѣ и нравятся? Болотные огоньки это, Маша. Бѣжать за ними надо по безплодной почвѣ, и только для того, чтобъ увѣриться, что они не существуютъ. Мнѣ прежде казалось, что Катковъ можетъ любить; въ этомъ я долженъ былъ разувѣриться. Поклонился я ему оттого, что нельзя у него отнять по крайней мѣрѣ внѣшняго благородства; а что жъ съ этимъ дѣлать, что въ немъ много сквернаго, и во мнѣ много сквернаго. А въ Листѣ я ни на минуту не сомнѣвался—это блестящій человѣкъ снаружи, но безъ всякой человѣческой внутренности.

Ты пренебрегла моими друзьями; мнѣ антипатичны тѣ, которыхъ ты любишь. А все же ты иногда стремишься ко мнѣ и требуешь меня—иначе тебѣ горько. Зови, Маша, когда хочешь, я твой. Нуженъ — являюсь. Надо тебя успокоить — успокою съ любовью, какъ умѣю, но всегда съ любовью. Не нуженъ — стремись, куда влечетъ тебя желаніе. Издали буду смотрѣть на тебя и прибѣгу, какъ скоро ты закричишь:—нуженъ!

Я усталъ отъ моего письма. Нѣсколько дней не могъ рѣшиться писать и удалялъ отъ себя минуту, въ которую надо было раскрыть всѣ раны сердца. Теперь все, отъ чего такъ пусто, больно, горько жить на свѣтѣ, вдругъ расшевелилось, и просто даже тѣло ослабѣло! Прощай! Письмо отправлю завтра— и потому еще успѣю написать листокъ. Можетъ, скажу что-нибудь по-отраднѣе.

Я помню робкія желанья,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанья,
Я помню слезы и любовь.

Шло время. Ласки были рѣже,
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанья съ прежнею тоской.

Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ, и вдохновеній,
Просило новую любовь.

Пришла пора, прошло желанье,
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

32 [1]).

24 февраля.

Я все еще въ Москвѣ. Дѣло Плаутинское все еще не кончено. Сегодня или завтра кончится.

Долго я не рѣшался послать тебѣ, другъ мой, письма, уже давно написаннаго. Въ немъ такой хаосъ любви, тоски и слабости, что рѣшительно можно сказать: вотъ это какъ бредитъ человѣкъ! Но я посылаю. Я хочу, чтобъ ты знала, что и я все же не изъ тѣхъ людей, которые отдѣлываются отъ страданій стишками, да и все тутъ. Я хотѣлъ, чтобъ ты знала, что я страдаю глубоко. Твои письма одни за другими бросали меня въ страхъ за тебя, за твою будущность. За себя я не боюсь; въ самомъ дѣлѣ, „das Allgemeine ist genug allgemein", чтобъ занять цѣлое существованіе человѣка! Ты же вѣдь въ самомъ-то дѣлѣ не устоишь въ любви къ общему. У тебя свои личныя, неопредѣленныя, часто неистинныя потребности возьмутъ верхъ надо всѣмъ. Письма, что я получилъ третьяго дня,—я отдалъ читать Галахову. Мнѣ надо было дружеское участіе, и я его въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ этой нѣжной и благородной душѣ.— Мы были мирны, близки съ тобой въ Неаполѣ — но тебѣ было скучно, ты тосковала. Теперь меня нѣтъ, ты стремишься ко мнѣ, ты жаждешь, чтобъ я возвратился, долгая разлука тебя пугаетъ. Но, читая твое письмо, мнѣ стало тяжело. Да полно, ко мнѣ ли это стремленіе? Не есть ли это стремленіе къ чему-нибудь, что бъ увлекало, прельщало, овладѣло всѣмъ твоимъ существованіемъ? А я? Да когда же (развѣ давнымъ-давно) я былъ тѣмъ человѣкомъ, который тебя увлекаетъ?—Мнѣ хочется вернуться къ тебѣ; я тебя люблю: отвѣчаешь ли ты мнѣ, что я тотъ человѣкъ, которому ты предашься, котораго голосъ тебѣ будетъ голосомъ истины? Что ни говори, другъ мой, внутренній опытъ все же довольно мнѣ раскрылъ глаза и на вещи, и на людей, что можно иногда со мной и согласиться! Маша! ты хочешь, чтобъ я жертвовалъ тебѣ всѣмъ, подъ-часъ убѣжденіями, всегда друзьями, иногда впадалъ бы въ смѣшное (le ridicule); ну, тогда ты, можетъ быть, на нѣкоторое время не стала бы

---

[1]) Продолженіе того же письма.

тосковать. А знаешь, что̀ такое эта жертва? это не жертва, а подчиненіе. А подчиненіе мужа всегда смѣшно, и ты за него же взглянешь со временемъ на меня съ презрѣніемъ. Если ты любишь меня, стремишься ко мнѣ—ну! и отдайся мнѣ. Повѣрь, что у меня довольно любви, чтобъ дать тебѣ покой и счастье. Не обладаніе нужно въ супружествѣ, но внутренняя связь. Каждому свобода въ извѣстной сферѣ. Любовь мужчины и женщины исключительна для самой себя; она не терпитъ такой же любви къ другимъ; но она даетъ жить свободно всякому человѣческому чувству. Отдайся мнѣ — я не стану мѣшать ни твоей склонности къ свѣту и его забавамъ (только бы ты не ставила меня въ свѣтѣ въ ложное положеніе), да и ты не мѣшай мнѣ любить то и тѣхъ, что̀ и кто важны въ моемъ существованіи. Не старайся разбивать святыни моей души, а вмѣстѣ со мною пойдемъ съ любовью къ единой истинѣ, по одному человѣческому направленію. Чортъ возьми! Не одна же малодушная тоска живетъ во мнѣ, но и всѣ свѣтлыя гуманныя чувства. Мы можемъ быть счастливы. Иди за мной! Я вернусь къ тебѣ какъ можно скорѣе. Мой отпускъ — почти несомнѣненъ. Неаполь, можетъ быть, пріучилъ тебя любить изящное, жить съ природой. Я тебя глубже введу въ этотъ міръ. Тутъ тебѣ раскроется многое, что̀ ты не хотѣла знать; прояснится многое, въ чемъ ты ошибалась.—Неужели, Маша, это бредни—и мы сойдемся—и ты опять будешь стремиться (—не ко мнѣ—), тосковать, я буду видѣть, что ты страдаешь, самъ буду страдать, и все безвыходно, и потомъ играть роль невольника твоей тоски, твоихъ желаній,—и такъ мы оба промучимся, охладѣемъ наконецъ другъ къ другу или расторгнемся съ горькимъ чувствомъ вражды непримиримой?— Маша! подумай — эта будущность ужасна. А если ты не свыкнешься со мной, не отдашься мнѣ, если твое желаніе будетъ идти въ сторону—ты дойдешь до такого конца и выкинешь изъ своей жизни отношеніе ко мнѣ, лучшее отношеніе изъ всей твоей жизни. Я—истина для тебя, потому что я менѣе люблю свою личность, а болѣе то, что̀ называется человѣческимъ, т.-е. божьимъ. Со мной ты пойдешь ко всему, что̀ прекрасно, а безъ меня ты пропала, ты пойдешь изъ одного личнаго отношенія къ другому, изъ одного каприза въ другой; а я-то выйду (скрѣпя сердце) in's Allgemeine—и уживусь. Ты должна быть со мной и идти со мной. Нашъ союзъ можетъ быть просвѣтленъ высокой любовью къ истинному и прекрасному. Во мнѣ эта любовь никогда не пропадетъ, а въ тебѣ безъ меня пропадетъ, затеряется въ личныхъ, ничѣмъ непросвѣтленныхъ отношеніяхъ.

Итакъ, за мной и со мной! Съ обѣихъ сторонъ свобода разумная и союзъ внутренній. Опять намъ будетъ данъ миръ души, и блаженство возвратится. Такъ, что-ли?

Это письмо обдумано, но не холодно. Съ живымъ участіемъ къ тебѣ я писалъ его. Жду на него въ отвѣтъ—живого участія ко мнѣ.

Теперь обнимемся, какъ два любящія существа. Да благословитъ тебя Богъ. Еще мы будемъ счастливы. Прощай! Поцѣлуй и скорое свиданіе.

P.-S. Пишу въ Парижъ, потому что ты 23-го хотѣла туда выѣхать. Посовѣтуйся съ Margolin. Елагина пишетъ о тебѣ Тургеневу. Тучковъ уже давно послалъ деньги. Странно, что ты не получила.

Кланяйся всѣмъ.

Addio!

Если же твое желаніе необходимо пойдетъ въ сторону, и мы добьемся до образа жизни подъ заглавіемъ: un arrangement de ménage... Боже мой! какой пошлый конецъ прекрасно-начатой любви.

33.

Марта 21. Пенза.

Я уже давно думалъ быть на пути въ Европу; а между тѣмъ ничуть не бывало,—благодаря дѣйствіямъ Тихомолова, сижу въ г. Пензѣ. Огромный убытокъ грозилъ мнѣ, и насилу Тучковъ отвратилъ это. Надѣюсь завтра отсюда выѣхать въ Европу. Галаховъ мнѣ твоихъ писемъ не присылалъ сюда. Можетъ, и ты путешествуешь, и оттого не пишешь. Можетъ, ты въ большой столицѣ и тебѣ весело. А я здѣсь проѣхалъ мимо большого дома, гдѣ наверху полукруглое окошечко, воздухъ былъ весенній,—славное время пришло на память. Всѣ эти воспоминанія мучительно тревожатъ. Я ихъ люблю и не знаю, куда я выхожу, начавъ такъ прекрасно. Я люблю этотъ городъ за все то, что онъ мнѣ далъ. Часто я думаю: съ какой точки смотрѣть на былое? любоваться ли имъ, какъ чѣмъ-то законченнымъ, и вести жизнь отъ него независимо? Или это былое имѣетъ въ себѣ довольно силы, чтобъ никогда не закончиться, вѣчно и хорошо развивъ...

25 марта. С. Акшено [1]).

Мих. М. Устиновъ помѣшалъ, и вскорѣ цѣлый день былъ уже разобранъ. Вечеромъ мы уѣхали къ Тучкову, гдѣ я прожилъ

[1]) С. Старое-Акшено—пензенское имѣніе Огарева.

дня полтора [1]). Дорога, этотъ форсированный маршъ чортъ знаетъ съ какого времени, разстроили меня; я не хотѣлъ больной оставаться у Тучкова и поѣхалъ въ Акшено, гдѣ и теперь не выхожу изъ комнаты. Григорій меня лечитъ, а Носовъ за мной ходитъ. Больше я никого не вижу. Болѣзнь моя, разумѣется, не важна, и я бы поѣхалъ и больной, еслибъ можно было ѣхать; полная распутица, по дорогамъ рѣки, а рѣкъ нельзя переѣхать. Досадно. Одиночество совсѣмъ не кстати. Можетъ быть, я тебѣ нуженъ, Маша, и хотѣлъ бы летѣть къ тебѣ со всей поспѣшностью преданности; а между тѣмъ осужденъ пробыть здѣсь недѣли 2 или 2½. И ни одного слова отъ тебя. Конечно, Галаховъ не могъ думать, что, заботясь о томъ, чтобы не было убытка тысячъ въ 75, а только въ 5,—я останусь дольше; я всего на все хотѣлъ пробыть двѣ недѣли, а вотъ ужъ 3-я, какъ не могу выбраться. Люди здѣсь нестерпимы. Я открылъ, что Маршевъ плутъ и поступилъ со мной подло; какъ скоро докажу это, то выгоню его вонъ. Мнѣ лучше, когда я одинъ. По крайней мѣрѣ, могу читать, писать, думать. Пенза, Чертково и наконецъ этотъ домъ мнѣ напоминаютъ тебя, и такъ тяжело становится [2]). Куда же вся эта жизнь выйдетъ? О, лишь бы ты была счастлива! Вотъ когда я пріѣду къ тебѣ—конечно, мы бросимся другъ другу на шею—вѣдь мы не можемъ не любить другъ друга. За что же?— Ты мнѣ скажи: могу ли я сдѣлать тебя счастливою? Мой образъ жизни, мыслей, мои надежды, мои занятія могутъ ли быть тобой уважены, можешь ли ты идти за мной? Или я только тебѣ мѣшаю жить? Если я нуженъ тебѣ — я не разстаюсь съ тобой, а со всею возможной для меня силою стану приводить наши существованія въ гармонію. Если я лишній — я ѣду на Кавказъ, шашка пробьетъ мнѣ путь къ дѣятельности, которой я еще никогда не испыталъ, но которую жажду. Странно! я желаю войны; мнѣ кажется, это поприще будетъ мое. Но если я тебѣ нуженъ, обними меня, Маша, — я отказываюсь отъ всякаго поприща, и пусть жизнь идетъ тихо; но и ты тогда дашь мнѣ жизнь тихую, чтобъ и я могъ быть съ тобой счастливъ, чтобъ мы оба могли развиться человѣчески.

Живу я здѣсь въ комнатѣ, бывшей моимъ кабинетомъ. Въ залѣ твои рукодѣльницы, а остальная половина дома заперта изъ

---

[1]) А. А. Тучковъ былъ сосѣдомъ Огарева по пензенскому имѣнію и въ эти годы много помогалъ ему по хозяйству; позднѣе Огаревъ, какъ извѣстно, женился на его дочери.

[2]) Въ Пензѣ Огаревъ узналъ и полюбилъ Марію Львовну, въ Чертковѣ—провелъ первые мѣсяцы супружества.

экономіи дровъ. Правда, еще папенькинъ кабинетъ, въ которомъ бильярдъ. Кстати я взялъ у Грановскаго книгу, а то бы и читать было нечего. Тружусь надъ Пушкинымъ, котораго также захватилъ нѣсколько книгъ [1]). Самъ пишу. Есть минуты страннаго спокойствія, свѣта души. Фантазія работаетъ, и я въ какомъ-то блаженномъ полу-снѣ. Есть минуты свѣтлой мысли. А тамъ вдругъ скука несносная. Первый день у меня былъ жаръ, и я не выходилъ изъ комнаты; но теперь я хожу и въ часъ скуки играю съ Носовымъ на бильярдѣ. Завелся гитарой. Кой-какъ добью двѣ недѣли. Вчера забрелъ въ нетопленную половину посмотрѣть комнату отца и нашу. Возвратись, блаженное время! Нѣтъ! Аминь! уже пропѣли вѣчную память.

У Тучкова мнѣ было хорошо. Славный человѣкъ. Его дружба мнѣ отрадна. Какъ онъ хлопоталъ о моихъ дѣлахъ и самъ чуть не занемогъ. У него гувернантка славная дѣвица, я у нихъ провелъ время en bonne causerie. Но нездоровье и потребность одиночества выгнали меня. А ѣхать далѣе опасно; чортъ возьми, не думалъ же я такъ долго пробыть на родинѣ. А какъ теперь хочется въ Италію!—Мы поживемъ въ Римѣ, не правда ли? Съѣздимъ въ Палерму? Съѣздимъ во Флоренцію? Боже! сердце бьется, какъ вздумаю, сколько наслажденій ожидаетъ. Но, можетъ, вихрь иной жизни увлечетъ тебя, и Италія совсѣмъ тебѣ будетъ не нужна, а меня влечетъ въ страну искусствъ и вдохновенія. Неужели наши желанія розны?—ну, полно объ этомъ. Kommt Zeit, kommt Rath.

Въ Пензѣ видѣлъ всѣхъ [2]). Тѣ же лица:

Но въ нихъ не видно перемѣны—
Все въ нихъ на прежній образецъ;
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ... etc.

Лиз. Григ. опять похорошѣла. Лиза замужемъ и глупа. Аплечеевъ сплетничаетъ и обижается. Ал. Дм. бросаетъ односторонній взглядъ. Ив. Ник. острить и играетъ въ вистъ. Дядя все тотъ же, очень насъ любитъ. Слышалъ у него квартетъ Мендельсона. С. Н. скучнѣй, чѣмъ когда-нибудь. М. А. къ тебѣ написалъ письмо. Авд. Петр. Аб. все та же безподобная старушка. Опять всѣхъ лечитъ Лашков. и смотритъ козломъ. Баловъ нѣтъ, барышенъ нѣтъ. Пенза провинціальнѣй, чѣмъ

[1]) Огаревъ переводилъ тогда Пушкина на франц. и нѣм. яз.

[2]) Т.-е. родныхъ Маріи Львовны, семью ея дяди, мѣстнаго губернатора Панчулидзева.

когда-нибудь. Jacques все даетъ обѣды. Дмитрій все такъ же непроходимъ. Въ твоей свѣтелкѣ наверху никто не живетъ и нѣтъ свѣчки у полукруглаго окна по вечерамъ; въ нашемъ домѣ никого нѣтъ. Пусто, все пусто и грустно. И жизнь пуста и грустна. Прощай, Маша! Спѣшу отправить на почту. Съ утра подморозило, можно доѣхать въ Саранскъ, не утонувъ.

Und die alten Bilder kehren wieder,
Doch die Zeit, die kehret nicht zurück!..

Addio! Поцѣлуй меня. Богъ благослови тебя.

Im Geisterhauche tönt's mir zurück:
Dort, wo du nicht bist—ist das Glück...

Музыки бы надо и слезъ. Ни того, ни другого нѣтъ.

34.

31 марта. Акшено.

Завтра твои имянины, Маша, а я не съ тобой и не знаю, гдѣ ты, и ни строки отъ тебя не имѣю. Сильно проснулось желаніе тебя видѣть, обнять тебя. А между тѣмъ я сижу на мѣстѣ, въ деревнѣ; здоровье мое поправляется; кажется, полетѣлъ бы отсюда, а между тѣмъ говорятъ, что опасно; опасно утонуть, опасно заболѣть снова. Глупыя дѣла все надѣлали; я этого простить не могу Вас. Михайл. Ужъ хотя бы въ Москвѣ хворалъ! Но ты не очень безпокойся о моемъ недугѣ; какъ видишь, я пишу, и довольно четко, слѣд. не слабъ; даже въ полдень выхожу на балконъ. Солнце грѣетъ. Снѣгъ таетъ понемногу. Весной пахнетъ. Мнѣ весной всегда грустно. Весна мнѣ напоминаетъ другую весну, давно прошедшую, лучшую изъ всей моей жизни,—ты ее знаешь. Зачѣмъ та весна не продолжалась цѣлый вѣкъ! Я бы не усталъ съ такого однообразія. Маша, Маша! поцѣлуй меня и возьми слезу, которая невольно вырывается. Сердце сжато и пусто. Въ немъ схоронено что-то, что̀ прежде жило роскошно. Мнѣ страшно становится жить на свѣтѣ. Я чувствую, что ты никогда не примешь счастья, которое я могу тебѣ дать, и я не буду счастливъ. А между тѣмъ еще душа просится къ тебѣ, между тѣмъ положить голову къ тебѣ на плечо былъ бы отдыхъ. Завтра твои имянины! Ты въ этотъ день у насъ обѣдала, на тебѣ было бѣлое шолковое платье съ клѣточками, ты надѣвала его въ первый разъ. Мой отецъ былъ ласковъ, а намъ было неловко. Послѣ мы были одни, и намъ хорошо было. —

1-е апрѣля! А жизнь-то вся—1-е апрѣля. Здѣсь я одинъ — und grüble—по обыкновенію. Ухожу самъ въ себя, выкопаю все, что̀ во мнѣ дурного—

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью...

Странное существованіе! я старъ и молодъ. Мучитъ жажда наслажденія, а я не вѣрю въ его возможность. Желаешь, стремишься —достигнешь, и все пропало, и нѣтъ наслажденія. Все надоѣдаетъ, какъ игрушки избалованному ребенку. Давай новыхъ! а съ новыми та же скука. Когда же все это кончится! Хорошо Богъ устроилъ, что мы живемъ не вѣчно.

Вчера мнѣ пришелъ въ голову неапольскій мотивъ [1])...

Вотъ Pasquarillo бѣжитъ по Chiai'ѣ; вотъ букетъ цвѣтовъ, лаззарони оборванный; солнце жаркое, море, Капри — и опять хочется въ Италію. Признаюсь, мнѣ больше никуда и не хочется; шумъ моря и шумъ толпы и какое-то раздолье жизни—этого не дастъ мнѣ туманная Германія. Она мнѣ наскучила, и Акшено мнѣ немного надоѣло, хотя я здѣсь по крайней мѣрѣ много работаю.—Перевелъ „Донъ-Жуана" Пушкина всего. Читаю.—Надо какъ-нибудь занять время,—я же почти ничего не ѣмъ и почти ничего не сплю; но странно—почти не похудѣлъ, все тотъ же румянецъ невинности и вдобавокъ усы, которые быстро идутъ въ походъ.

1 апрѣля.

Тутъ я вчера кончилъ, потому что надо было написать къ Тучкову. А тамъ я заснулъ. Давно я такъ хорошо не спалъ. Я думалъ видѣть тебя во снѣ, какъ то часто случается, но нѣтъ, спалъ какъ убитый.—Ну! поздравляю тебя. Вотъ тебѣ поцѣлуй. Какъ проведешь ты этотъ день? Какъ я приду тебѣ на память? Ничего не знаю, давно ничего не знаю и не понимаю. Все въ головѣ смутно... Ну! да полно хандрить. Ты, чай, въ шумной столицѣ проведешь день весело. Кого ты видѣла, кого ты видаешь? Кто и что̀ успѣли занять твое воображеніе?—Я знаю, какъ я проведу мой день — такъ, какъ вчера проводилъ, т.-е. читалъ, писалъ, лежалъ, ходилъ, etc.,—etc.,—однообразно.

Правда, есть въ этомъ однообразіи разныя фантазіи, которыя дозволяютъ не умереть со скуки. А потомъ въ пять дней привыкнешь ко всякому образу жизни.—Къ несчастію, я думалъ въ

[1]) Въ оригиналѣ приложены и ноты.

двѣ недѣли кончить всѣ дѣла и теперь быть уже по крайней мѣрѣ въ Таурогенѣ; но судьба опредѣлила иначе; а книгъ-то я съ собой почти не захватилъ. Одна только и есть: „Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1496 bis 1535, Ranke“. Книга хорошая, но не вѣчная, и потому я ее скоро кончу. Распечатывать ящикъ, который у Тучкова, не хочется, потому что все же дней черезъ восемь надо бы уѣхать. Тучковъ мнѣ прислалъ романъ... [1]),—который я уже проглотилъ.—Сегодня велѣлъ служить обѣдню, хотя самъ и не могу итти (на что̀ ты, вѣроятно, не разсердишься) и распустилъ твоихъ рукодѣльницъ, придравшись къ твоимъ имянинамъ, а собственно потому, что ихъ трескотня меня утомила и что я могу безъ нихъ пройтись по залѣ. День твоихъ имянинъ значитъ что-нибудь для меня, а не для другихъ. А для меня онъ много значитъ. Этотъ день ярко обозначаетъ каждую эпоху нашей жизни. Главное—надо устроить нашу жизнь во что бы то ни стало. Мы не должны затеряться въ тоскѣ безплодной, а тѣмъ менѣе разрозниться. Да, Маша—я чувствую, что у меня достаточно любви, чтобъ устроить твою жизнь нераздѣльно съ моею. Я вѣрю въ возможность этого—и, можетъ быть, мы еще будемъ много счастливы. Лишь бы и ты того же хотѣла. Мы выбросимъ изъ головы, что каждый изъ насъ долженъ брать все, а давать ничего. До сихъ поръ мы въ этомъ много грѣшили. Не надо мѣшать жить другъ другу, но всегда стремиться жить одною жизнію. Тутъ все дѣло въ любви; при любви нельзя жить разными жизнями. Находить на всякое чувство отголосокъ другъ въ другѣ, безпрестанно гармонизировать—о! блаженство, блаженство, гдѣ ты?

Ты теперь, я думаю, поешь порядочно. Ты мнѣ будешь пѣть, когда я пріѣду? Что̀ жъ ты будешь пѣть? Неапольскій мотивъ будешь пѣть?—Мой баритонъ часто звучитъ въ пустынѣ. Носовъ его слушаетъ, но я не думаю, чтобъ онъ имъ наслаждался.

Что̀ Сталинька? Cet enfant me pèse comme un remords. Никогда бы я не долженъ былъ соглашаться на твою страсть воспитывать. Да вѣдь кто жъ съ тобой сладитъ!

Ну,—поцѣлуй меня, Маша, въ день имянинъ. Грустно мнѣ, ей Богу! При всѣхъ занятіяхъ такая пустота въ сердцѣ, что я иногда думаю, что съ ума схожу.

Прощай, Маша, не забывай меня.

Скоро и я поѣду; можетъ, слѣдующее письмо напишу изъ Москвы, какъ предвѣстника моей особы.

---

[1]) Неразборчиво.

Addio — обнимаю и благословляю тебя.
Toujours à toi.

35.

Апрѣля 8-го с. с.

Судьба меня преслѣдуетъ. Только-что оправился и черезъ нѣсколько дней надо бы ѣхать — какъ опять снѣгъ, морозъ и вьюги. Озими пропадаютъ. Крестьяне въ уныніи. Едва ли что-нибудь у насъ будетъ на будущій годъ. Нынче заводъ далъ пять тысячъ руб. барыша, и то хорошо — нѣтъ убытку. Дѣла скверны, здоровье скверно, на душѣ тяжело. Скверная жизнь! И скучно. Въ четырехъ стѣнахъ почти безвыходно, потому что въ остальныхъ комнатахъ стужа. По дорогамъ проѣзду нѣтъ. Вотъ мое положеніе. Моя внутренняя полнота и нѣкоторое спокойствіе духа, которое я рѣдко теряю, начинаютъ оставлять меня. Я внутренно бѣшусь, и только. Отъ тебя ни строки. Изъ Москвы ни отъ кого ни строки. Кажется, все, что я люблю, меня забыло. Да гдѣ же ты наконецъ, Маша? хотя бы изъ жалости кто-нибудь сказалъ. — Сегодня получаю отъ Тучкова извѣстіе, что тетушка Ольга Пашкова умерла. Еще лучше. Зачѣмъ же не Егор. Ив.? Зачѣмъ милое созданіе должно уступить мѣсто этому циклопу? Зачѣмъ жизнь должна была пройти въ страданіяхъ и остановиться на сороковомъ году? Это просто сéрдитъ. — А можетъ, оно такъ лучше. Можетъ быть, доживъ до сорока лѣтъ, я и самъ захочу умереть. Вѣдь большой отрады и въ жизни нѣтъ. Счастье? гдѣ оно? — Любовь? — проходитъ. Заботы житейскія скучны. Что остается? Міръ фантазіи? Да и это не удовлетворяетъ. Человѣкъ реалитетъ и хочетъ реалитета. Да къ чему же все это дано, эта жажда истины, эта жажда любви и блаженства? Или желаніе само себѣ награда? Нѣтъ! покорнѣйшій слуга. Дайте мнѣ прекрасную дѣйствительность. Блаженство въ фантазіи — это безотчетная грусть, стремленіе сладостное, а потомъ тоска. Нѣтъ! въ извѣстный возрастъ это глупо и надоѣдаетъ. Дайте мнѣ блаженство въ дѣйствительности, или выкиньте меня вонъ изъ этого міра, гдѣ я лишній и безполезный. Да кто же дастъ блаженство? Маша! ты? — Это было въ твоей волѣ. — Я не могу вспомнить твои письма, которыя я получилъ въ Москвѣ. Никогда я не испыталъ столько безумно-горькихъ минутъ. Разъ я проснулся и съ энергіей человѣка писалъ къ тебѣ. Да выдержу ли я эту энергію? Создамъ ли я самъ твое и свое счастье? Мой организмъ такъ разстроенъ на эту минуту, что, мнѣ кажется, я никогда не соберу довольно силъ душевныхъ, чтобъ быть энерги-

ческимъ человѣкомъ. Какъ ребенка надо меня ласкать и тѣшить—можетъ, я тогда только буду доволенъ. Но я отталкиваю отъ себя это эгоистическое, страдальческое положеніе, гдѣ—man lässt sich lieben — вмѣстѣ съ тѣмъ, и beherrschen. Нѣтъ! хочу воли и силы. Ужъ если не отвяжусь отъ эгоизма, такъ пусть же мой эгоизмъ будетъ активенъ. А между тѣмъ, написалъ страницу, и усталъ, насилу сижу. Впрочемъ, это слабость послѣ болѣзни. Придетъ весна, придутъ силы. Посмотримъ, судьба! кто кого?

Мои письма не утѣшительны. Да откуда же я возьму утѣшеніе, когда его во мнѣ нѣтъ? Вѣра въ будущность спокойную, блаженную исчезла. Что это: опытъ или тоска больного воображенія? Что бы ни было, отъ этого не легче, что узнаешь, какъ и отчего. Сильнѣй всего одно: какое-то упованіе вырвано изъ сердца, и въ сердцѣ пусто. Желаніе томитъ, не удовлетворяя. Нѣтъ! просто мнѣ бы сегодня не надо брать пера въ руки. Я слишкомъ разстроенъ слабостью моего тѣла, и несмотря на солнце, которое наконецъ вздумало выглянуть, ничто не представляется въ свѣтломъ видѣ. Развѣ смѣяться? но—

судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья...

Ты знаешь ли, что я не могу рѣшиться писать мои стихи къ тебѣ въ письмахъ? Ты скажешь: напишетъ стишки, да и спокоенъ. Обидно мнѣ было это читать. Стало быть, стихи-то отъ спокойствія душевнаго идутъ! Куда хорошо, если бъ это было въ самомъ дѣлѣ! И что жъ, наконецъ,—выкинуть изъ жизни искусство—la seule planche de salut?—Merci! Я еще жить хочу! Какъ бы ни жить, да жить. Мнѣ жаль, что я не музыкантъ. Была ошибка въ дѣтствѣ, что я не захотѣлъ учиться. Музыка мнѣ отраднѣй поэзіи. И потомъ она исключительнѣе; въ нее можно уйти и отъ себя, и отъ людей.

Прости мнѣ, что я пишу, можетъ быть, жестко и горько. Какъ быть? Пишу въ минуту какого-то невыносимаго душевнаго разстройства, а пишу оттого, что почта. Обними меня и не сердись. Изорви письмо, коли хочешь. Ну! дай ручку и поцѣлуй меня. Ей Богу, не хотѣлось бы тебя тревожить. Да самъ не знаю, куда дѣться.—Вчера цѣлый день читалъ Вал. Скотта. Сегодня тоже стану. Да когда жъ я вырвусь отсюда? Чортъ возьми. Досадно!

Слышала ли ты Рубини? Видно, я его не услышу. Онъ Богъ вѣсть куда уѣдетъ.—Какъ мнѣ хотѣлось встрѣтить весну на Рейнѣ!

А придется встрѣтить ее около Берлина, т.-е. въ такомъ же скверномъ климатѣ, какъ теперь въ с. Старомъ-Акшенѣ. Какъ мнѣ здѣсь все надоѣло! И моя комната, съ глупымъ каминомъ, который я топлю два раза въ день и съ трудомъ поддерживаю тепло; и эти попы и дворня по воскресеньямъ; и управитель, который хотя и хорошій человѣкъ, но приходъ его возбуждаетъ во мнѣ ненависть и отвращеніе; и I. I. Маршевъ, который удостоиваетъ меня визитомъ черезъ день, какъ лихорадка. Я съ его женой крестилъ у Носова дочь—Марію, рожденную 1-го апрѣля. M-me Marcheff ходитъ въ припрыжку, носитъ черные зубы и бѣлокурые волосы, цвѣтъ лица крупичатый съ розовымъ блескомъ на щекахъ (что̀ по-русски называется „кровь съ молокомъ“). Говорятъ, она очень любитъ литературу. Но она меня очень боится, и потому я имѣю удовольствіе ее почти не видѣть, а видѣвши, почти ни слова не говорить.—Репаманти собирался ко мнѣ пріѣхать, но я прошу Григорія Хар. увѣрить его, что я слишкомъ боленъ, чтобъ принять его, и что проѣзду нѣтъ. M-me Véschniakoff почтила меня письмомъ, въ которомъ просила 1.000 руб. сер. взаймы для воспитанія своего балбеса, и въ случаѣ моего согласія обѣщала прислать мужа ко мнѣ съ визитомъ. Послѣднее обѣщаніе уже достаточно было для моего несогласія. Теперь вѣроятно мы въ непримиримой враждѣ съ Вешняковыми. Вопреки пословицѣ я нахожу, что добрая брань лучше худого мира.—Къ Чулкову я убоялся послать сказать о томъ, что лежу на диванѣ въ кабинетѣ моего радклифскаго зàмка въ с. Стар.-Акш. и читаю сиръ В. Скотта. Они бы не поняли, что не надо мѣшать человѣку читать С. В. Скотта, и можетъ быть толстый Чулковъ, полагая пользу въ движеніи отъ Смалькова до Акшена для своего здоровья,—притащился бы. Что касается до самой Александры Николаевны—ты хотя и возымѣла къ ней нѣкотораго рода нѣжность, но, вѣроятно, и у тебя это чувство миновалось. Такъ все проходитъ на свѣтѣ, и я пою Requiem aeternam моей небывалой дружбѣ къ моей сытой сосѣдкѣ.

Тучковъ мнѣ показываетъ дѣятельную и дѣйствительную дружбу. Это меня утѣшаетъ. По крайней мѣрѣ, знаю, что за 40 верстъ есть человѣкъ, котораго я люблю и который меня любитъ.

Зачѣмъ у меня въ нравѣ нѣтъ суровости? Какая-то бабья потребность нѣжности, которая меня губитъ. Прости это выраженіе. Но то, что̀ я люблю въ женщинѣ, мнѣ въ самомъ себѣ досадно, потому что переходитъ въ какое-то прекраснодушіе и безсмысленную слабость.

Что же еще сказать тебѣ? Скажу, что если ты съ нетерпѣніемъ ждешь моего пріѣзда, то я съ равнымъ нетерпѣніемъ жду моего отъѣзда. Я не могу жить безъ ласки. Мнѣ тебя надо. Какъ ты меня примешь? Есть ли у тебя стремленіе ко мнѣ, или въ самомъ дѣлѣ твое письмо говоритъ правду: нѣтъ стремленія? Рѣши вопросъ.—Но нѣтъ! будетъ о томъ письмѣ. Можетъ быть, ты была нервически разстроена. Человѣкъ не въ силахъ бороться съ своимъ организмомъ, хотя такая слабость и приравниваетъ его къ низшимъ тварямъ въ цѣпи существъ. Да вѣдь мы въ этомъ не виноваты.

А есть сила духа. Есть что-то повыше животнаго потворства минутнымъ впечатлѣніямъ и страстямъ. Да надо къ этому благопріятныя обстоятельства. Человѣкъ, который выше обстоятельствъ,—великій человѣкъ. Я—не великій человѣкъ.

Нѣтъ! усталъ. Надо запечатать и лечь. Голова идетъ кругомъ, и спина болитъ нестерпимо. Прощай, Маша! обними меня. Скажи: мы еще будемъ счастливы?.. Цѣлую и благословляю тебя. Всегда твой другъ—всегда—вездѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ. Помни это. Вотъ тебѣ моя рука на это. Прощай!

36.

Апрѣля 14 с. с. С. Старое-Акшено.

Вдругъ получаю отъ тебя четыре письма. Слава Богу! Одно ко мнѣ и Галахову—разомъ. Боже мой, Маша, зачѣмъ же понимать насъ вкривь и вкось? Что жъ мы, въ самомъ дѣлѣ, тебя не любимъ что ли? За кого же ты наконецъ принимаешь Галахова (ужъ я не говорю о себѣ — можетъ быть, я человѣкъ совершенно ничтожный, malveillant, бездушный, etc.), — что его полагаешь въ какомъ-то (несуществующемъ) заговорѣ противъ тебя? Мы писали къ тебѣ съ любовью — это вѣрно. Ты повѣришь, если не почитаешь насъ за подлецовъ. Мое письмо было вызвано твоими, изъ которыхъ я показалъ Галахову самое легкое. Что я ничего не перетолковывалъ, можешь сама увидѣть изъ своихъ писемъ — я ихъ тебѣ привезу.

Я хотѣлъ кончить тревожное состояніе, въ которомъ мы оба находимся, тѣмъ, чтобъ поднять насъ обоихъ до спокойствія духа, въ которомъ жизнь была бы настолько проникнута любовью и истиной, что всѣ неопредѣленныя, скажу смѣло, эгоистическія стремленія должны бы исчезнуть. Гдѣ же тутъ—méconnaître? Я знаю, что ты часто скучаешь моимъ pseudo-апатическимъ

нравомъ, моимъ неумѣньемъ доставить тебѣ наслажденіе; — я съ своей стороны ухожу въ себя, часто не находя отзыва тому, что мнѣ близко къ сердцу. Это состоянье противорѣчія двухъ эгоизмовъ (я въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, ничто иное, какъ эгоистъ)—тяжело. А мы любимъ другъ друга quand-même. Неужли же взаимная привязанность не будетъ довольно сильна, чтобъ вырвать насъ изъ удушливаго положенія и поставить высоко, человѣчески высоко? — Вотъ что я думалъ, когда я писалъ къ тебѣ. Мнѣ было тяжело въ то время, я задыхался отъ твоихъ писемъ, мнѣ надо было говорить о нихъ.—Галаховъ мнѣ явился, какъ общій другъ, другъ съ душою нѣжной и благородной. Я говорилъ съ нимъ. Можетъ быть, это было дурно — я по крайней мѣрѣ не нахожу этого. Узкой морали я никогда не проповѣдывалъ, и въ моемъ письмѣ, насколько я помню (а, кажется, мнѣ мудрено его забыть) — была не мораль, а что-то человѣчески-прекрасное — назови это моралью, если хочешь, слово ничего не значитъ, но не смѣшивай съ обыденной моралью, которую іезуиты проповѣдуютъ на piazza'хъ Рима и Неаполя. Можетъ быть, перечитавъ мое письмо, ты найдешь въ немъ достаточно страданія и привязанности, чтобы взглянуть на него иначе. Я тебя люблю, Маша, — и какъ бы ты жестко ни отвѣчала на мои задушевные призывы, на крикъ, который невольно вырывается изъ больной груди, — я все буду любить тебя...—Письму M-me Bollviller не удивляюсь. Gute Leute und schlechte Musikanten. — Но перервемъ тяжелый разговоръ. Мы увидимся въ лучшемъ расположеніи духа, можетъ быть хорошо сойдемся и, можетъ быть, намъ лучше будетъ, чѣмъ когда-нибудь. Почему не надѣяться? Почему не желать того, что такъ бы хорошо было?—Твои письма изъ большой столицы показываютъ, что ты не такъ тревожна, что тебѣ лучше. Въ нихъ проглядываетъ любовь ко мнѣ. Prenons de grâce la planche de salut— она у насъ есть, въ нашей волѣ вынырнуть изъ волненія и сдѣлать свою жизнь насколько можно блаженною.

Елагина писала о тебѣ Тургеневу. Отчего ты не отыщешь Кеновъ? Тургеневъ ихъ вводитъ всюду.—Я завтра чѣмъ свѣтъ, несмотря на дорогу, снѣгъ дождь и холодъ,—ѣду къ Тучкову. Еще грозитъ бѣда съ заводомъ, надо ее отвратить. Дѣла скверны, доходу + . — = 0. Надежда на будущій годъ плоха. Апрѣль необыкновенно ужасенъ. Я уже давно не дышалъ воздухомъ, и затворничество меня свело бы съ ума, еслибъ Тучковъ не навѣстилъ меня намедни. Пробывъ у него нѣсколько дней, я отправлюсь къ тебѣ.

Обними меня: черезъ пять дней Свѣтлое Воскресенье. Въ первый разъ я такъ его встрѣчу—далеко отъ тебя, безъ торжественности, безъ этого колокольнаго звона, который я такъ люблю въ эту ночь,—въ Яхонтовѣ [1]) за перепиской съ казенной палатой. Тучковъ меня обниметъ отъ души, я это знаю. Но Тучковъ не женщина, — ton baiser me manquera. Мнѣ опять грустно и плакать хочется. Да нѣтъ ихъ, слезъ, — откуда ихъ взять? Во мнѣ является что-то черствое иногда, я старѣю. Жизнь надоѣдаетъ и я на нее сержусь.

Кончаю письмо. Еще надо много писать, а встану рано, если усну. Можетъ быть, придется отдыхать въ тарантасѣ. Я сегодня попробовалъ съѣздить въ Новое-Акшено, чтобъ ознакомиться съ воздухомъ. Воздухъ скверенъ. Дорога — снѣгъ и грязь. Тарантасъ качается не хуже парохода въ бурю, какъ я ѣхалъ изъ Венеціи въ Тріестъ.

Какъ мнѣ хочется въ Италію!

Прощай, Маша, цѣлуй меня крѣпко; не сердись на меня— дурного намѣренія не было. Да за что же предполагать его? Я и Галаховъ,—въ самомъ дѣлѣ, нашла ты двухъ враговъ, которые за тебя все отдадутъ — кромѣ истины.

Addio!

Твой Коля.

Скоро увидимся. Цѣлую Станю.

Я поѣду прямо на Франкфуртъ. Если ты будешь уже на пути въ Карлсбадъ, то тотчасъ по полученіи этого письма пиши въ Берлинъ или Лейпцигъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ май на дворѣ—и я еще не съ тобою! Теперь мучитъ желаніе уѣхать отсюда. Я здоровъ, но слабъ... Теперь, какъ прошло, скажу, что я очень былъ боленъ.

Апрѣля 15-го. Яхонтово.

Скажу нѣсколько словъ. Я здѣсь на пять дней и послѣ ѣду къ тебѣ. Дорога еще импратикабельна; но нужды нѣтъ, мнѣ ужъ скучно сидѣть въ деревнѣ.

37 [2]).

Москва. 19 мая.

Я давно не писалъ тебѣ, дорогая Маша, не зная, гдѣ ты. Но, получивъ твою записку отъ 7-го (которою я былъ доволенъ),

[1]) Имѣніе А. А. Тучкова.

[2]) Подлинникъ по-французски.

я спѣшу ѣхать, такъ какъ мнѣ осталось только справить кое-какія бумаги. Итакъ, за этимъ письмомъ вскорѣ послѣдую я самъ. Пишу и ѣду въ Карлсбадъ, такъ какъ ты скоро должна туда пріѣхать.

Не буду говорить о нашихъ письмахъ, въ которыхъ высказалось наше взаимное неудовольствіе. Забудемъ о нихъ. Намъ надо, встрѣтившись, начать снова быть добрыми друзьями. Намъ надо усвоить себѣ такой образъ дѣйствій, при которомъ жизнь была бы легка для обоихъ. Пусть эти слова тебя не оскорбляютъ; я чувствую, я сознаю, что они неизбѣжны. Извлечемъ пользу изъ нашей долгой разлуки. Каждый изъ насъ имѣлъ возможность сосредоточиться, жить на свой ладъ, по своему желанію, каждый могъ понять, что ему нужно. Надо дать свободу всякой личности, т.-е., всему, что есть наиболѣе интимнаго въ человѣкѣ. Надо сдѣлать такъ, чтобы мы никогда не могли смотрѣть другъ на друга, какъ на нѣчто чуждое, какъ на помѣху нашему внутреннему развитію. Пусть связью между нами будетъ любовь, полная терпимость и заботливость. Будемъ свободны и дружны. Будемъ счастливы, сколько можемъ. Отбросимъ всякую злобу и не будемъ мѣшать другъ другу любить и уважать тѣхъ, кого мы любимъ и уважаемъ. Довольно недоразумѣній. Обнимемся, Маша, и постараемся, чтобы миръ и любовь длились вѣчно.

Ты писала И. Г. [1]), что хотѣла бы видѣть меня и ходить за мною, если я боленъ. Благодарю тебя. Ты вѣрно уже знаешь, что я дѣйствительно былъ боленъ, но теперь я совершенно здоровъ и, кажется, толстѣю.

Но сердцемъ и умомъ я боленъ по-прежнему. Я возбуждаюсь искусственной веселостью; въ дѣйствительности, я печальнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Я жажду блаженства—и боюсь, что уже потерялъ способность испытывать его.

Если бы я могъ придти къ тебѣ съ молодой душой,—можетъ быть, мы были бы болѣе счастливы. Но я чувствую, что сомнѣніе въ возможности примирить блаженство и жизнь—старитъ и мучаетъ меня. Ни знаніе, ни жизнь, не могутъ дать мнѣ мира и наслажденія. Не хочу больше думать, и всю силу желанія, всю страсть, которая мучитъ, всю животворящую любовь, сколько ни есть ея во мнѣ, отдамъ искусству. Искусство исключительно. Немногіе стучатся въ его дверь, еще меньшее число входитъ внутрь. Въ немъ можно обособиться и жить. Я хочу жить — больше мнѣ ничего не надо. Боже мой, Боже мой!.. если бы ты

---

[1]) Галахову.

только знала, сколько во мнѣ боли и желаній! Но зачѣмъ говорить все это письменно? Мы скоро увидимся. А пока благословляю и цѣлую тебя. О, Маша, Маша! Какъ я хотѣлъ бы, чтобы ты была счастлива... и я тоже.

Прощай. До скораго свиданія.

Сообщ. М. О. Гершензонъ.

ИЗЪ СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

(Les vaines tendresses.)

Слеза.

Удлиннены твои рѣсницы тушью,
Въ глазахъ искусственная томность разлита,
Но не смягчаетъ взоръ, дышащій странной сушью,
Твоихъ рѣсницъ поддѣльныхъ густота.

Есть мертвенность въ искусственной подкраскѣ,
И будь твой взоръ лазурью окаймленъ,
Но выраженья мягкости и ласки
Отъ этого принять не можетъ онъ.

Глаза иные сердце привлекаютъ,
Они, несчастная, тебѣ — живой укоръ, —
Прекрасные и въ мигъ, когда ихъ опускаютъ:
Въ глазахъ всего дороже — взоръ.

И все-таки я думаю невольно:
Ужель весь цвѣтъ въ душѣ твоей заглохъ?
Порою, чтобъ спасти—лишь пожалѣть довольно,
И лиліи послѣдней слышенъ вздохъ.

Великодушныя дней юныхъ побужденья,
Что̀ кажутся смѣшными въ эти дни, —
Спасти живую душу отъ паденья
Ужель — мечта безумная они?

Не скрытъ ли здѣсь, подъ грубою мазней —
Источникъ слезъ, глубоко затаенныхъ,
Что хлынутъ вдругъ изъ глазъ твоихъ струей,
Какъ слезы свѣтлыя очей незагрязненныхъ?

Во всякихъ — грѣшныхъ, ангельскихъ — слезахъ
Растворены соль и вода живая,
Родникъ ихъ чистъ во всѣхъ людскихъ глазахъ.
Гдѣ искрененъ — тамъ онъ достоинъ рая.

Припомни, какъ спасла слеза одна
И Магдалину, бывшую блудницу;
Пролей слезу послѣднюю: она
И жизнь твою омоетъ, и — рѣсницу.

О. Чюмина.

„ДОНЪ-ЖУАНЪ“
ГРАФА АЛЕКСѢЯ ТОЛСТОГО

Историко-литературный этюдъ.

Окончаніе.

XIV *).

Первое, на чемъ приходится остановиться при разборѣ поэмы Алексѣя Толстого, это—мистическій прологъ, придающій всей поэмѣ характеръ чего-то отвлеченнаго и сверхъестественнаго. Возвращаясь къ вопросу о самобытности и оригинальности произведенія Толстого, мы видимъ, что прологъ этотъ по мысли и даже построенію близко напоминаетъ знаменитый Гётевскій прологъ къ первой части „Фауста“; и тутъ, и тамъ—борьба Неба съ Адомъ изъ-за обладанія избраннымъ человѣкомъ; и тамъ, и тутъ, хвалебный гимнъ мудрости Творца, гимнъ, который поютъ ангелы, прерывается злобной хулой побѣжденнаго, но не покорившагося Сатаны; и въ обѣихъ поэмахъ Сатана временно пріобрѣтаетъ власть вредить любимцу Неба, котораго ему, однако, не дано погубить окончательно.

Какъ извѣстно, Гёте для своего пролога воспользовался бесѣдой Бога съ Сатаною въ книгѣ Іова; такимъ образомъ, и прологъ къ „Донъ-Жуану“ имѣетъ нѣкоторую связь съ библейскимъ разсказомъ.

Упомянутыя произведенія, т.-е. книга Іова, прологъ къ „Фаусту“ и прологъ къ „Донъ-Жуану“—интересны и замѣчательны

---

*) См. выше: окт.) стр. 483.

не только по своему содержанію, но и по проявленію въ каждомъ изъ нихъ самостоятельной личности ихъ автора. Если книгу Іова написалъ древній, безусловно вѣрующій богословъ, то прологъ къ „Фаусту“—плодъ не столько религіозныхъ вѣрованій, сколько философскихъ размышленій его творца, а прологъ къ „Донъ-Жуану“ — произведеніе не богословское, не философское, а прежде всего поэтическое, поэтически разрѣшающее возникающіе вопросы; авторъ одного — ученый, глубокомысленный философъ, другого—преимущественно поэтъ.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, сравнивъ всѣ три упомянутыя обработки. Въ книгѣ Іова Господь такъ характеризуетъ своего избранника: „Нѣтъ такого, какъ онъ, на землѣ: человѣкъ непорочный, богобоязненный и чуждый всего худого“. Вся задача Сатаны состоитъ въ томъ, чтобы заставить Іова произнести хулу на Бога и отречься отъ Него; Богъ даже не споритъ съ Сатаной, не утверждаетъ, что Іовъ останется вѣренъ Ему. Онъ прямо даетъ Сатанѣ власть отнять у Іова всѣ блага и наслажденія его жизни; когда же Іовъ не произноситъ никакой хулы, Онъ разрѣшаетъ Сатанѣ поразить его самого лютой болѣзнью; усилія Сатаны и на этотъ разъ тщетны—Іовъ съ покорностью принимаетъ и терпитъ муки проказы и одиночества. Только въ бесѣдѣ съ упрекающими его друзьями, усугубляющими своими рѣчами его нравственныя мученія, Іовъ говоритъ, что терпитъ безвинно, и вопрошаетъ Божество о причинахъ своихъ страданій, т.-е., говоритъ о непостижимомъ для него и невѣдомомъ; сознавъ же заносчивость своего желанія „отыскать сущность Божества, доискаться постиженія совершенства Всемогущаго“, онъ „раскаивается на прахѣ и пеплѣ“; но все же онъ не согрѣшилъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ Господь говоритъ друзьямъ его: „возгорѣлъ гнѣвъ Мой на тебя и на двухъ друзей твоихъ за то, что вы не говорили предо Мною такъ справедливо, какъ рабъ Мой Іовъ“; поэтому Іову съ избыткомъ возвращается то, чего онъ лишился кознями Сатаны, и онъ благоденствуетъ долгіе годы, чтобы умереть „насытившись днями“.

Существованіе Бога, Его могущество, власть, ни на минуту не подвергаются авторомъ сомнѣнію; даже грѣхъ, въ который Сатана хочетъ вовлечь Іова, не есть отрицаніе, недопущеніе несомнѣннаго факта, а просто хула на неоспоримое высшее начало міроздания.

У Гёте дѣло обстоитъ сложнѣе: архангелы славятъ Божію премудрость, выражающуюся въ міровой гармоніи. Мефистофель одинъ порицаетъ міровой строй; особенно не по сердцу ему

земной міръ, который плохо устроенъ; плохо созданы и люди, которымъ Богъ далъ отблескъ небеснаго свѣта и разума; они не умѣютъ имъ пользоваться и съ его помощью дѣлаются еще животнѣе, чѣмъ прежде. Господь спрашиваетъ, знаетъ ли онъ раба Его Фауста, и Мефистофель такъ его характеризуетъ:

Не какъ другой тебѣ онъ угождаетъ —
Чудакъ все неземнымъ однимъ себя питаетъ;
Броженіемъ его уноситъ неизмѣнно,
Свое безумство онъ едва ли сознаетъ;
Давай ему звѣзды небесной непремѣнно;
Земля, неси ему свой лучшій плодъ,
И все, что близко или отдаленно,
Никакъ въ немъ жажды не зальетъ [1].

Богъ дополняетъ эти слова замѣчаніемъ, что Фаустъ пока еще смутно служитъ Ему, и дозволяетъ Сатанѣ искушать его, какъ хочетъ, уже указывая, однако, на тѣ особенности Фауста, которыхъ злу не побѣдить:

Добрый человѣкъ въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь.

Разница между Фаустомъ и героемъ библейской повѣсти очевидна; тамъ это просто хорошій, богобоязненный человѣкъ, не „мудрствующій лукаво“, и только подъ вліяніемъ особенныхъ несчастій задающійся отвлеченными вопросами о тайнѣ бытія. Не будь этихъ бѣдствій, онъ и не подумалъ бы о такихъ вопросахъ; а другой всю жизнь проводитъ именно въ такихъ изысканіяхъ и размышленіяхъ и своими трудами, усиліями и мученіями служитъ Богу не меньше и не хуже Іова.

Господь предрекаетъ спасеніе избраннаго Имъ человѣка, чего нѣтъ въ книгѣ Іова. Тѣ самыя свойства души человѣка, которыя тамъ вызываютъ строгую отповѣдь Бога, хотя и не осуждаются Имъ, здѣсь отмѣчаются какъ спасительныя его особенности. Уже раньше Лессингъ сказалъ, что еслибы ему былъ предложенъ выборъ между истиной и исканіемъ ея, то онъ предпочелъ бы послѣднее. Знаніе обусловливаетъ покой, а исканіе его—дѣятельность. Такъ какъ покой, въ свою очередь, вызываетъ застой всѣхъ душевныхъ силъ, а дѣятельность, наоборотъ, будитъ ихъ и напрягаетъ, то необходимо, чтобы въ мірѣ существовало нѣчто, вызывающее дѣятельность вообще лѣниваго человѣка. Такимъ возбуждающимъ элементомъ міроздания является

---

[1]) „Фаустъ“. Переводъ А. Фета.

одинъ изъ духовъ отрицанія, характеризуемый Богомъ, какъ хитрецъ, плутъ (Schalk), который менѣе всѣхъ остальныхъ Ему въ тягость, и который даже бываетъ полезенъ міру.

Собственно поэтическаго въ прологѣ Гёте сравнительно немного; хвала архангеловъ, мало прочувствованная, относится только къ мудрости Божества, не касаясь ни любвеобилія, ни милосердія, ни другихъ Его свойствъ. Послѣднее наставленіе Бога свѣтлымъ духамъ повелѣваетъ имъ „скрѣплять безусловной мыслью то, что призракомъ паритъ въ явленьи".

Въ сравненіи съ красивымъ, величественнымъ, но въ сущности холодно-разсудочнымъ прологомъ Гёте, прологъ къ „Донъ-Жуану" кажется однимъ сплошнымъ гимномъ радости и восторга, проникнутымъ любовью и благодарностью къ Творцу. Даже самая обстановка пролога способствуетъ усиленію получаемаго отъ него поэтическаго впечатлѣнія; мѣсто дѣйствія—красивая страна въ ясный весенній вечеръ; небесные духи спускаются на землю, и они, сами святые и безгрѣшные, испытываютъ обаяніе молодого, свѣжаго трепета благодатной, святой весны, когда надъ красою земли широко распахнулись объятія синяго неба, и въ воздухѣ звучитъ и раздается ликующій хоръ безчисленныхъ голосовъ природы. Чистъ воздухъ, чиста поверхность озеръ и рѣчекъ, зеленѣютъ лѣса и поля, и всюду слышится звонкая тревога, все живетъ, радуется и громко хвалитъ Бога. По ясному небу торжественно плывутъ облака, озаренныя солнцемъ, словно одѣтыя въ парчевые покровы; миновало холодное царство зимы съ ея суровыми бурями и морозами, и они рвутся навстрѣчу молодымъ лучамъ оживающаго солнца. Одинъ за другимъ распускаются пестрые, душистые цвѣты; а въ перегонку съ облаками вьются въ голубомъ пространствѣ стаи летящихъ съ юга журавлей, и въ прозрачной вышинѣ звонко раздаются радостные клики, которыми они уже издали привѣтствуютъ знакомыя, любимыя мѣста и славятъ Бога. Какъ молитвенный ѳиміамъ струится ароматъ цвѣтовъ, и тутъ же, въ травѣ, плещутъ и журчатъ расторгнувшіе ледяныя оковы ручьи, отражающіе въ своей прозрачной синевѣ лучезарную красоту возрожденнаго небеснаго свода съ миріадами звѣздныхъ міровъ. Мало-по-малу гаснетъ лучистый блескъ заката, въ небѣ загораются первыя звѣзды; и вотъ, изъ чащи засыпающей рощи раздается звучный соловьиный рокотъ. Среди общей шумной радости соловьиныя пѣсни однѣ говорятъ о чемъ-то возвышенномъ, прекрасномъ, но далекомъ, о страстной любви и безконечной тоскѣ, питаемой въ немъ трепетомъ листьевъ, журчаньемъ водъ, вѣющими во мракѣ снами, и въ то же время

звучащими ему какъ обѣщаніе другой, невѣдомой весны, другой далекой красоты. Пѣснь соловья—какъ бы заключительный аккордъ общаго хвалебнаго гимна природы, порывъ ея къ идеалу, т.-е. къ Божеству, отблескъ котораго разлитъ въ мірѣ, являющемся отдѣльнымъ лучомъ его немеркнущаго сіянія. Что же такое это Божество? Это—совокупность всѣхъ явленій, полнота всѣхъ сіяній, свѣтъ, чуждый тѣни; въ немъ—покой могущества; вкругъ него—тревога временъ. Раздвинутый міозданіемъ, мстительный хаосъ мятется въ коварномъ стремленіи поднять мутно-плещущія волны обмана на Божью благодать, и Богъ допускаетъ споръ между враждующими началами мірозданія, чтобы въ битвѣ рожденія и смерти основать нескончаемость творенія, продолженіе мірозданія, торжество вѣчной жизни; такъ какъ законъ движенія заключается именно въ нарушеніи и возмездіи, — и въ томъ, чтобы собственныя Его мудрость и благость являлись еще ярче и очевиднѣе. Элементъ зла олицетворяется въ Сатанѣ,—томъ самомъ падшемъ ангелѣ, который нѣкогда ближе другихъ стоялъ къ Богу; было время, когда онъ былъ чистъ и свѣтелъ, какъ прочіе ангелы, а теперь при одномъ его приближеніи природа содрогается — сверкаютъ багровыя зарницы, туманъ густой пеленой разстилается надъ болотами, земля колеблется, соловей прерываетъ неоконченную пѣсню, звѣзды меркнутъ... Ангелы спрашиваютъ, зачѣмъ онъ вышелъ изъ бездны, и Сатана сообщаетъ имъ о своемъ намѣреніи погубить небеснаго избранника, юнаго Жуана де-Маранья. Исходя изъ того, что въ мысляхъ Донъ-Жуана иногда видны колебаніе и безпокойство, и что онъ неопытной душой стремится къ неяснымъ, но высокимъ цѣлямъ, Сатана хочетъ сбить съ толку искателя идеала. Для этого онъ заставитъ юношу въ каждой любимой имъ женщинѣ видѣть сперва искомый идеалъ, а потомъ жалкую на него каррикатуру. Ему достаточно найти одну слабую сторону въ человѣкѣ, чтобы совершенно подчинить его себѣ, и такую сторону онъ подмѣтилъ въ гордости Жуана. Молодая горячность и пылкое воображеніе легко введутъ его въ заблужденіе, и въ каждомъ подходящемъ личикѣ онъ все будетъ зрѣть не копію, а оригиналъ, который Сатана „изъ дружбы“ покажетъ своему любимцу. Гордость его будетъ страдать каждый разъ, когда исчезнетъ передъ нимъ видѣнья совершенство. Онъ будетъ продолжать искать, побуждаемый упорствомъ и пламенной волей, но въ концѣ концовъ, мучимый вѣчной жаждой идеала, собьется съ толку, начнетъ „небесное искать на землѣ“, въ каждомъ торжествѣ себѣ готовить горе. На это свѣтлые духи возражаютъ, что у Ада нѣтъ власти надъ

тѣмъ, кто ищетъ свѣта и вѣчной красоты, и этимъ какъ бы предрекаютъ торжество истины надъ обманомъ и ложью.

Въ этомъ прологѣ Богъ не появляется вовсе; отъ Его лица говорятъ ангелы, воплощающіе въ себѣ доброе начало міра; а Сатана, олицетвореніе полноты зла, по замыслу поэта могущественнѣе Мефистофеля, который самъ называетъ себя только частью враждебной Богу силы.

XV.

Элементъ мистическій—кромѣ пролога—даетъ себя ясно чувствовать и еще въ нѣкоторыхъ сценахъ поэмы, а именно въ сценѣ на кладбищѣ и въ заключительномъ явленіи всѣхъ сверхъестественныхъ силъ, принимающихъ участіе въ судьбѣ героя.

Сцена на кладбищѣ ярко характеризуетъ отношеніе самого автора къ сверхъестественному. Какъ извѣстно, Толстой интересовался и занимался мистикой, и вѣрилъ во вліяніе міра неземного на судьбы нашего матеріальнаго міра. По крайней мѣрѣ сцена на кладбищѣ даетъ полное основаніе предполагать въ немъ эту вѣру, потому что въ ней онъ объясняетъ поступки и настроенія своего героя вліяніемъ на него добрыхъ и злыхъ началъ мірозданія.

Донъ-Жуанъ, не въ силахъ будучи убить въ себѣ воспоминанія о Доннѣ-Аннѣ, рѣшаетъ во что бы то ни стало погубить ее, думая хоть этимъ способомъ прекратить непонятное томленіе, терзающее его душу. Онъ является въ виллу Анны, а сопровождающему его Лепорелло велитъ себя ждать на кладбищѣ, гдѣ погребенъ убитый имъ командоръ. На этомъ же кладбищѣ сходятся Сатана и ангелы. Злой духъ торжествуетъ, потому что ему удалось исполнить свой коварный планъ—Жуанъ не видитъ открывшагося ему пути ко спасенію, и долженъ погибнуть. Но ангелы еще полны надежды; въ то время какъ Сатана ложью и обманомъ завлекаетъ Жуана все ближе и ближе къ безднѣ, они прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы указать несчастному еще доступный путь спасенія, убѣдить его въ ложности дороги, по которой онъ идетъ, и направить, наконецъ, ко благу его лучшія стремленія. Ареной ихъ упорной борьбы съ Сатаною является сама мятежная, страждущая душа Жуана. Онъ колеблется передъ тѣмъ какъ погубить Анну; его тревожатъ какія-то томительныя сновидѣнія, не оставляющія по себѣ ясныхъ и опредѣленныхъ воспоминаній, отъ которыхъ однако онъ пробуждается

весь въ слезахъ. Эти колебанія и мученія — слѣдствія происходящей изъ-за него борьбы. Свѣтлые духи являются ему ночью, посылаютъ ему сны, полные предостереженій и откровеній, и пытаются прояснить его спящія очи:

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили;
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали.
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача.
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;
Онъ помнилъ видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненья
Средь міра земного,
Пока его очи
Опять не смежались,
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь онъ преступный
Гналъ замыслъ обратно.
И мысли доступна
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача.

Такимъ образомъ, читатель сразу понимаетъ тѣ причины смутнаго настроенія Жуана, о которыхъ ему иначе пришлось бы только догадываться, и мистическая мысль получаетъ новое подтвержденіе и основаніе.

Кромѣ колебаній Жуана, поддерживаемыхъ въ немъ ангелами, его можетъ спасти еще то обстоятельство, что, несмотря на всѣ свои проступки, Жуанъ не преступилъ загадочной грани, въ предѣлахъ которой Провидѣніе даровало человѣку свободу воли, не совершилъ своего послѣдняго рокового преступленія.

До сихъ поръ мистика поэмы была ясна и понятна; но то,

что теперь слѣдуетъ, значительно усложняетъ элементъ необычнаго и затрудняетъ его пониманіе. Сатана настойчиво утверждаетъ, что гибель Жуана неотвратима, и что ему не о чемъ больше хлопотать и безпокоиться. Но довершитъ дѣло онъ не самъ: „на всякій случай“ онъ вовлекаетъ въ свою борьбу съ ангелами еще третью силу, являющуюся, по существу поэмы, излишней; она имѣетъ прямое отношеніе къ оккультическимъ изслѣдованіямъ самого автора.

Сатана на конечную гибель Жуана вызываетъ какую-то таинственную силу, привыкшую безразлично повиноваться добру и злу, и приказываетъ ей потворствовать всѣмъ прихотямъ Жуана, разрушая всѣ встрѣчающіяся преграды, и самого его раздавить въ своемъ слѣпомъ усердіи. Пользуясь тѣмъ, что загадочная эта сила одинаково повинуется всѣмъ, кто бы ни далъ ей приказаніе, ангелы повелѣваютъ ей дать Жуану послѣднее предостереженіе и открыть ему глаза. Едва успѣли духи исчезнуть, какъ на кладбище является Жуанъ и бросаетъ статуѣ командора свой кощунственный вызовъ. Невѣдомая сила, стерегущая случай приняться за дѣло, воплощается въ каменное изваяніе, обѣщаетъ свою помощь и въ послѣднемъ явленіи дѣйствительно приходитъ къ Жуану, чтобы предостеречь его и произвести надъ нимъ казнь. Покорная ангельскому велѣнью, она открываетъ ему глаза на его собственныя чувства; онъ сознаетъ свою любовь и вѣру — и спасенъ. Сатана и вызванная имъ сила теряютъ власть надъ Жуаномъ и должны признать себя побѣжденными.

Эпизодъ съ этой роковою силой, воплощающейся въ командорову статую, представляется весьма запутаннымъ и туманнымъ. Во всѣхъ предыдущихъ обработкахъ сюжета вполнѣ ясно говорится, отъ кого именно—отъ Бога или дьявола—является статуя. Иногда даже въ нее воплощается искупленный, свѣтлый духъ самого убитаго командора, милосердно являющагося спасти грѣшника. Но Ал. Толстой въ привидѣнія, какъ они представляются человѣческому воображенію, не вѣрилъ. При созданіи своего Жуана онъ имѣлъ въ рукахъ сочиненіе аббата Кальме [1]) о духахъ и привидѣніяхъ, въ которомъ авторъ отрицаетъ правдоподобность и возможность такихъ явленій, и подкрѣпляетъ свои сужденія доводами христіанской религіи. Повидимому, Толстой проникся вѣскостью доводовъ аббата, потому что у него, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, душа командора на землю не возвращается, и

[1]) „Dissertations sur les Apparitions des Esprits et sur les Vampires ou les Revenants de Hongrie, de Moravie, etc.“ Par le R. P. Dom Augustin Calmet.

статуя приходитъ не отъ Бога и не отъ Его врага, а отъ какой-то средней силы, одинаково подвластной обоимъ, но въ то же время связанной съ ними какими-то такими отношеніями, при которыхъ ни тотъ, ни другой, не могутъ довести до конца своего дѣла, не заручившись ея участіемъ. Благодаря неясности источника, и поступки этой силы — т.-е. появленіе статуи и ея безрезультатное исчезновеніе — представляются непонятными и нарушающими гармонію произведенія. Возникаетъ также немаловажный вопросъ о томъ, что это за средняя сила, почти необъяснимая христіанской мистикой и во всякомъ случаѣ довольно ей чуждая? Сатана вызываетъ ее какъ „душу земли, жизненный агентъ, алхимиковъ азотъ“, какъ „незримое астральное теченье“, всегда струившее магнитный токъ черезъ вселенную. Объясненія, хотя бы частичнаго, всѣхъ этихъ странностей слѣдуетъ искать въ оккультическихъ наукахъ. Оккультизмъ признаетъ существованіе Божества, единаго, но троичнаго въ лицахъ. Мірозданіе есть результатъ дѣятельности Божества и, какъ всякое другое произведеніе, носитъ въ себѣ отпечатокъ создавшей его силы. Мірозданіе есть въ то же время и отраженіе Божества, и подобно Ему едино, но троично въ своихъ проявленіяхъ. Проявленія эти оккультизмъ подводитъ подъ понятія противоположныхъ другъ другу духовнаго и матеріальнаго міровъ, связуемыхъ между собою среднимъ, астральнымъ міромъ. Астральный міръ, отражающій Божество въ формѣ менѣе совершенной, нежели міръ духовный, стоитъ все-таки выше міра матеріальнаго, отражая въ себѣ и этотъ низшій міръ во всей его точности, но уже въ нематеріальномъ видѣ. Объ этомъ именно мірѣ говоритъ Гёте во второй части „Фауста“, когда рѣчь идетъ о „матеряхъ“, вокругъ которыхъ носятся картины жизни, движущіяся, но безжизненныя:

Euer Haupt umschweben
Des Lebens Bilder regsam, ohne Leben.
Was einmal war, in allem Glanz und Schein,
Es regt sich dort, denn es will ewig sein.

Отсюда видно, что въ астральномъ мірѣ сливаются элементы духа и матеріи, подобно тому, какъ въ полу-тѣни присутствуютъ элементы полной тѣни и полнаго свѣта. Соединеніемъ въ астральномъ мірѣ противоположныхъ началъ мірозданія можетъ быть объяснено воздѣйствіе ангеловъ на Донъ-Жуана... Во время сна, т.-е. пассивнаго его состоянія, ему, подъ вліяніемъ воли ангеловъ, становился доступенъ астральный міръ, и онъ познаетъ

въ немъ Божество и истину болѣе совершенными, чѣмъ они являются въ низшемъ мірѣ. Но онъ теряетъ эту способность, какъ только матеріальный міръ пріобрѣтаетъ надъ нимъ власть. Астральный міръ, въ который ангелы увлекали Жуана, доступенъ человѣку потому, что въ составъ сложной „человѣческой сущности“ входитъ такъ-называемое „астральное тѣло“, происходящее изъ астральнаго міра, точно воспроизводящее матеріальное тѣло человѣка и между прочими свойствами обладающее способностью покидать физическое тѣло, отзываясь на магическія воздѣйствія (физическое тѣло тогда поддается магнетическимъ внушеніямъ) и сопровождать духъ человѣка послѣ его смерти. Вотъ этими-то свойствами астральнаго тѣла и можетъ быть объясненъ весь эпизодъ со статуей командора, какъ онъ описанъ у Ал. Толстого. Астральное тѣло командора, не покинувшее его духъ въ загробномъ мірѣ, подъ вліяніемъ магическихъ заклинаній Сатаны вселилось въ каменное изображеніе того человѣка, въ составъ сущности котораго нѣкогда входило, и придало бездушной вещи подобіе жизненности, заставивъ ее двигаться и говорить. Астральныя силы, какъ элементъ серединный, безразличны къ добру и злу, и покоряются обоимъ; когда усиливается въ нихъ матеріальное начало, сильнѣе всего искажающее Божество, астральныя силы дѣйствуютъ въ направленіи пагубномъ и вредномъ, — и наоборотъ — съ усиленіемъ начала духовнаго, астральные элементы направляютъ свою энергію на благое. Такимъ образомъ, человѣкъ, благодаря соприкосновенію своему съ астральнымъ міромъ, имѣетъ возможность вліять на него въ томъ или другомъ направленіи, свободно выбирая между добромъ и зломъ; вотъ почему Сатана говоритъ туманной фигурѣ, явившейся на его зовъ, чтобы она разсѣкла или затянула спутанную имъ петлю — „по выбору Жуана“.

Введеніе астральной силы въ борьбу ангеловъ съ Сатаною на первый взглядъ оказывается весьма невыгоднымъ для Жуана. И дѣйствительно — онъ, который, казалось, стоялъ отдѣльно отъ всего міра, не подчинялся, повидимому, никакимъ, — ни земнымъ, ни небеснымъ авторитетамъ, — вдругъ оказывается подъ вліяніемъ и даже во власти этихъ авторитетовъ, и какъ будто даже лишается свободы воли и самостоятельности. Неожиданное открытіе это способно даже убить въ читателѣ всякій интересъ къ Жуану; что, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательнаго въ героѣ, котораго авторъ лишилъ всякой возможности чѣмъ бы то ни было проявить свою независимость, свою самостоятельность? Чтобы спасти Жуана отъ подобнаго осужденія, слѣдуетъ еще разъ указать на то, о

чемъ уже говорилось выше—на свободу выбора между добромъ и зломъ, которая дана человѣку, и въ предѣлахъ которой вполнѣ можетъ проявиться его личность.

Всѣ тѣ названія и свойства астральной силы, которыя перечисляетъ Сатана, приписываются ей оккультистами и могутъ быть объяснены сущностью самаго понятія. Но во всякомъ случаѣ нельзя считать, чтобы введеніе въ поэтическое произведеніе такого сложнаго оккультическаго представленія было удачной попыткой; въ данномъ случаѣ оно является однимъ изъ недостатковъ поэмы, такъ какъ только запутываетъ и усложняетъ вопросъ, въ сущности простой и ясный.

Изо всего, что было сказано, опредѣленно выступаютъ отношенія къ Жуану борющихся изъ-за него сторонъ: самое милосердное и любвеобильное участіе со стороны Бога, щедро одѣляющаго его высочайшими благами жизни и прощающаго его, несмотря на тяжкія и многочисленныя прегрѣшенія, и злобная вражда со стороны Сатаны, не столько къ самому Жуану, сколько къ Создавшему его такимъ душевно-прекраснымъ; въ немъ говоритъ и зависть, когда онъ вспоминаетъ, чѣмъ онъ самъ былъ, и чѣмъ можетъ, современемъ, стать Жуанъ, если используетъ всѣ свои душевныя силы. Отсюда стремленіе Сатаны во что бы то ни стало погубить его, обративъ во вредъ ему его богатые задатки.

Но, какъ извѣстно, Жуанъ Толстого обрѣтаетъ спасеніе своей душѣ, подобно герою Мериме́ и Фаусту; и хотя идея такого конца по существу своему тождественна, но самые, такъ сказать, процессъ и пружины этого спасенія въ упомянутыхъ произведеніяхъ различны.

Начать съ Фауста. Онъ, подобно Жуану, ищетъ достиженія истины,—своей высокой, завѣтной цѣли,—ищетъ ее въ неустанной, непрерывной дѣятельности; но эта его дѣятельность долгое время превратно направлена. Онъ ищетъ удовлетворенія въ наукѣ, въ любви, въ государственной дѣятельности, въ придворной жизни, въ самыхъ смѣлыхъ, страшныхъ предпріятіяхъ, въ классической древности, въ войнѣ,—и находитъ его, наконецъ, на склонѣ своихъ дней, въ упорномъ трудѣ, направленномъ не на удовлетвореніе своихъ личныхъ желаній и потребностей, а на пользу человѣчества. Въ полезномъ, безкорыстномъ трудѣ таится и его спасеніе—духъ его обрѣлъ правый путь, съ котораго его пытался сбить Мефистофель, и неистощимая небесная любовь прощаетъ и покрываетъ его прошлыя заблужденія, избавляя его отъ адскихъ мукъ. Любовь спасенной и просвѣтленной Гретхенъ бу-

детъ поддерживать и просвѣщать его и впредь на пути къ достиженію высшаго духовнаго совершенства.

Мериме́, описывая спасеніе своего героя, становится на иную точку зрѣнія. Онъ приписываетъ его пламенному сокрушенію о совершенныхъ имъ преступленіяхъ, которое охватываетъ душу Жуана послѣ бывшаго ему грознаго видѣнія, и безпримѣрной силѣ и искренности раскаянія, которымъ ему удается загладить его послѣдній страшный грѣхъ—убійство непримиримаго Донъ-Педро. Этотъ взглядъ — взглядъ самой средневѣковой легенды, которую Мериме́ пересказываетъ, и въ которой еще крѣпко коренится аскетическій духъ.

Конецъ Жуана по Ал. Толстому хотя и не вполнѣ чуждъ аскетизма легенды, но все же отличается отъ нея. Жуана спасаетъ то, что онъ, всю жизнь обманами водимый, теперь приходитъ къ сознанію, постигаетъ свои собственныя чувства, видитъ, что полюбилъ Анну той настоящей любовью, къ которой стремился, и обрѣтаетъ утраченную имъ вѣру. Правда, гибель Анны какъ будто наноситъ ей ударъ. Жуанъ клянетъ молитву, рай, блаженство, душу, и не хочетъ покориться; но эта вспышка отчаянія пройдетъ, и любовь, наполняющая его душу, укрѣпитъ и поддержитъ въ немъ спасительную вѣру, потому что любовь есть живой источникъ вѣры. Жуанъ удаляется въ монастырь, гдѣ, подобно брату Амброзіо у Мериме́, поражаетъ всю братію постоянствомъ своего раскаянія и примѣромъ глубокаго смиренія.

Такимъ образомъ, въ концѣ Толстовской поэмы слились разнородные элементы, производящіе своеобразное впечатлѣніе; да и самый герой произведенія кажется весьма странной, загадочной личностью. Эта странная натура развертывается все шире и глубже, и доходитъ, наконецъ, до силы и мощи, какою не надѣлялъ ее еще ни одинъ ея истолкователь.

XVI.

Донъ-Жуанъ—какъ говоритъ о немъ прологъ — любимецъ Творца и природы, пылкій, увлекающійся мечтатель, отважный идеалистъ, призванный къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ; грядущее сулитъ ему славу и почести, но свойственная ему гордость грозитъ возможностью паденія и гибели.

Дѣйствіе поэмы происходитъ десять лѣтъ спустя послѣ пролога и изображаетъ, строго говоря, послѣдніе эпизоды жизни Жуана. За эти десять лѣтъ всѣ задатки, вложенные въ его душу, успѣли

развиться; онъ испыталъ, мучимый Сатаною, рядъ горькихъ разочарованій и составилъ себѣ свое міросозерцаніе. Въ поэмѣ мы встрѣчаемся съ нимъ въ моментъ окончательнаго завершенія его развитія.

Изъ сцены передъ судомъ инквизиціи мы узнаемъ, что Донъ-Жуану лѣтъ двадцать-пять съ небольшимъ; что друзей у него много, но что онъ имъ, повидимому, не слишкомъ-то довѣряетъ; что въ церковь онъ не ходитъ, а если и ходитъ, то такъ, забавы ради, или если надѣется встрѣтить тамъ любимую имъ женщину; что онъ непочтительно отзывается о святой инквизиціи, и даже осуждаетъ ея дѣянія, а главное — вѣчно занятъ интригой, какъ будто ищетъ чего-то въ этихъ связяхъ, и чего-то особеннаго ждетъ отъ любимыхъ имъ женщинъ. Изъ разсказовъ Лепорелло объ его господинѣ выясняется, что Донъ-Жуанъ — человѣкъ съ широкими, либеральными взглядами на религію:

Человѣкъ
Молиться воленъ, какъ ему угодно,
Не влѣзешь силой въ совѣсть никому,
И никого не вгонишь въ рай дубиной.

Его самого ничто не заставитъ отказаться отъ своихъ убѣжденій; если онъ и измѣнитъ имъ, то только — когда твердо убѣдится въ несостоятельности прежнихъ взглядовъ. Онъ возстаетъ противъ религіозныхъ гоненій, противъ утѣсненія низшихъ классовъ высшими, и высказываетъ такой взглядъ:

Если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было бъ ни отъ кого вражды.

Донъ-Жуанъ неустрашимъ и отваженъ; опасность никогда не заставляетъ его терять голову; борьба ему всегда по душѣ; онъ знаетъ свои силы, и охотно мѣряется ими съ достойнымъ противникомъ, будь это въ открытомъ, честномъ бою, въ которомъ онъ такъ опасенъ, что, по выраженію Анны, „дышитъ кровавой смертью“ — или въ скрытой борьбѣ засадъ, уловокъ, хитростей и увертокъ, какъ борьба его съ инквизиціей.

Умъ его несомнѣненъ. Иначе онъ не стремился бы изслѣдовать своимъ умомъ все, что намъ завѣщало преданіе, не предпринималъ бы сызнова работу долгихъ вѣковъ, не пытался бы проникнуть въ нѣдра жизни и разрѣшить ея загадки.

Жуанъ великодушенъ. — Несмотря на то, что Боабдилъ покушался на его жизнь, онъ не убиваетъ его, а, напротивъ, спасаетъ и укрываетъ отъ преслѣдованій властей; онъ и Октавіо

щадитъ, и убиваетъ его только тогда, когда ясно видитъ, что тотъ ищетъ его смерти.

Донна-Анна говоритъ про него:

Онъ былъ преступенъ, но порочень не былъ.

И дѣйствительно, въ немъ нѣтъ низости, свойственной пороку; даже въ своихъ преступленіяхъ онъ идеалистъ; его возмущаетъ Донъ-Цезарь, который губитъ несчастную Инесу съ полнымъ равнодушіемъ, такъ, ради какой-то прихоти. Въ поступкѣ Цезаря Жуану всего противнѣе ложь. Онъ самъ не разъ губилъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе полюбить его; но дѣло въ томъ, что онъ самъ всегда искренно увлекался своими жертвами. Вѣдь въ каждой женщинѣ, привлекавшей его, онъ думалъ найти свой идеалъ; пылкое воображеніе, возбуждаемое надеждой, дорисовывало ему ея совершенства такими, какими онъ желалъ ихъ найти; немудрено, поэтому, что онъ никогда —

Въ любовныхъ приключеньяхъ
Не обольщалъ съ холодностью безстрастной,
И никогда разсчитывать не могъ...
. . . .
Воображенью дать лишь стоитъ волю,
Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
Минутной вѣрой мнѣ наполнитъ душу,
Искусственнымъ восторгомъ опьянитъ;
Краснорѣчиво жгучія слова
Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ
Я непритворно въ роль свою войду,
И до развязки самъ себѣ повѣрю...

—говоритъ Жуанъ, размышляя о своихъ отношеніяхъ къ Аннѣ. Эта сила воображенія — отличительная и даже роковая особенность его души. Не будь ея, Сатанѣ едва ли бы удалось такъ ужасно морочить и терзать Жуана, какъ онъ это дѣлаетъ; не будь ея, Жуанъ не въ состояніи былъ бы съ совершенной правдивостью говорить Аннѣ, что—

Для обмана не былъ онъ рожденъ.

Если ко всѣмъ этимъ свойствамъ прибавить еще и счастливую внѣшность Жуана, то получится дѣйствительно рѣдкостное сочетаніе выдающихся достоинствъ, оправдывающее названіе любимца природы, данное ему въ прологѣ.

Но главная черта его характера — это живущая въ немъ мучительная жажда идеала, не умирающая вопреки всѣмъ разо-

чарованіямъ; да онъ и не знаетъ въ мірѣ ничего такого, что̀ бы могло замѣнить ему искомое блаженство, заставить его хоть на мгновеніе забыть ту жажду счастья, которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья.

Въ Жуанѣ есть какая-то мощная сила, пугающая и чарующая, какая-то власть надъ людьми и самимъ собою. Эта власть подчиняетъ ему всѣхъ, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился: примѣръ—всѣ его жертвы, не исключая и Донны-Анны, напрасно боровшейся противъ своего чувства. Исключенія не составляетъ и Октавіо, видѣвшій, что Жуанъ недостоинъ Анны, и командоръ, противившійся браку Анны съ Жуаномъ, и все же принужденный сознаться, что Жуанъ съумѣлъ и его очаровать. Власть Жуана надъ самимъ собою такъ же велика.

Не останавливаясь на менѣе крупныхъ ея проявленіяхъ, разбросанныхъ въ поэмѣ, обратимся къ сценѣ, слѣдующей за появленіемъ статуи. Смерть Донны Анны открыла Жуану глаза на самого себя, и когда онъ немного оправился послѣ поразившаго его несчастья, онъ невольно задалъ себѣ неизбѣжный вопросъ:

Чѣмъ кончу я?
Искать любви мнѣ болѣ невозможно,
А жизни мстить я право потерялъ.

Мысль о самоубійствѣ, какъ о легчайшемъ выходѣ изъ такого положенія, посѣщаетъ его однако лишь на мгновеніе, и онъ отказывается отъ нея, потому что это — способъ малодушный и недостойный:

Убить себя? То было бы легко!
Несостоятельные должники
Выходятъ часто такъ изъ затрудненья;
Но этимъ долга выплатить нельзя—
Я долженъ жить; я умереть не смѣю!
Я долженъ жить, и жаль, что слишкомъ скоро
Меня избавитъ смерть отъ этой муки.

Онъ ясно понимаетъ, что смерть его не можетъ искупить всѣхъ совершенныхъ имъ преступленій; смерть была бы для него теперь невыразимымъ облегченіемъ, но въ немъ достаточно мужества, чтобы побороть въ себѣ постыдную слабость:

...этимъ долга выплатить нельзя!

А долгъ Жуана передъ жизнью—огромный; онъ столько разрушилъ жизней, столько разбилъ идеаловъ и сердецъ, что хоть чѣмъ-нибудь обязанъ вознаградить ихъ за причиненныя имъ бѣдствія.

Для этого-то онъ и принуждаетъ себя къ жизни, т.-е. къ существованію, отравленному жгучими воспоминаніями и безпощадными упреками совѣсти. Какъ же сложится для Жуана такая жизнь? Авторъ даетъ на это отвѣтъ въ эпилогѣ, завершающемъ драму. Жуанъ находится при смерти. Онъ удалился отъ міра въ монастырскія стѣны, гдѣ проводитъ остатокъ своихъ дней въ подвижническихъ трудахъ, поражающихъ даже самыхъ опытныхъ и суровыхъ отшельниковъ:

Раскаянья такого постоянство
Высокій есть для братіи примѣръ.
До сей поры онъ ходитъ въ власяницѣ,
Ни разу онъ не снялъ своихъ веригъ.
Я не видалъ подобнаго смиренья.
Доселѣ все не хочетъ онъ постричься,
Достойнымъ не находитъ онъ себя.

Разумѣется, нравственный переворотъ, происшедшій въ душѣ Жуана, совершился не внезапно; несомнѣнно, ему пришлось выдержать рядъ тяжкихъ искушеній, упорную борьбу съ міромъ и съ самимъ собою, прежде чѣмъ дойти до наполняющаго его душу смиренія и раскаянія. Но такая натура, какъ его, не останавливается на полъ-пути; если прежде ничто не удерживало его на пути исканія истины, то что же можетъ помѣшать ему теперь, когда этотъ путь найденъ? Когда лучшія стороны его души, жаждавшей истины и достиженія идеала, направлены были въ ложную сторону, то онъ способенъ былъ на неслыханныя, чудовищныя преступленія; до какой же нравственной высоты можетъ подняться человѣкъ, одаренный пламенной волей, упорствомъ, неутолимой жаждой совершеннаго и прекраснаго, когда всѣ силы его могучей души будутъ, наконецъ, направлены по вѣрному и прямому пути? Возможность такого перерожденія заключается въ самой сущности характера Донъ-Жуана, такъ же, какъ въ ней же заключалась и причина его пагубной и преступной дѣятельности.

Какъ бы то ни было, но Донъ-Жуанъ достигаетъ, наконецъ, успокоенія и примиренія, о чемъ и говоритъ дивный погребальный хоръ монаховъ, оканчивающій поэму.

Жуанъ сознаетъ свою силу, и это сознаніе, вмѣстѣ съ чувствомъ своего превосходства надъ людьми, упорство, сила стремленій, несдержанный порывъ ума, жажда дѣятельности, помогаютъ ему свысока смотрѣть на жизнь и ея блага и презирать кумиры остальнаго человѣчества. Высокой душой онъ ожесточенъ на обманъ и ложь, окружающіе его, и, негодуя на несоотвѣт-

ствіе между его идеаломъ и дѣйствительностью, онъ враждуетъ съ властью, призвавшей его къ бытію.

Но то, что̀ даетъ разгадку его характера, это—особыя свойства его любви. На ней построено все его міросозерцаніе.

XVII.

Любовь, какъ ее понимаетъ Жуанъ,—источникъ всѣхъ истинъ, первая причина великихъ дѣлъ; она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ возвышенныя чувства человѣческаго сердца—

Честь, совѣсть, состраданье, дружбу, вѣрность,
Религію, законовъ уваженье,
Привязанность къ отечеству...

Обманутый въ этомъ основномъ чувствѣ, Жуанъ отвергаетъ и то, что̀ оно въ себѣ вмѣщаетъ:

Религія! Не на любви ль ея
Основано великое начало?
Но если основанье есть ничто—
Тогда и самое ничтожно зданье.
Коль нѣтъ любви—то нѣтъ и убѣжденій;
Коль нѣтъ любви—то, знайте, нѣтъ и Бога!

Отсюда его презрѣніе къ людямъ, лишеннымъ любви, къ тому поддѣльному міру, въ которомъ они чувствуютъ себя удовлетворенными, и въ которомъ ему, Жуану, тяжело и душно. Отсюда и его стремленіе все попрать и унизить, что̀ люди чтутъ и уважаютъ, и каждой своей цѣли достигать скоро, не разбирая средствъ и ничѣмъ не стѣсняясь и не смущаясь. Отсюда и его невѣріе, являющееся плодомъ обмана. Это не холодное умственное разсужденіе атеиста, это—слѣдствіе его горячаго стремленія къ идеалу. Когда Жуанъ еще искренно и глубоко предавался любви, онъ такъ же горячо вѣрилъ въ Бога и Его благость; но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ исчезала для него истинная, прозрѣваемая имъ любовь, остывала и вѣра. Вѣра Жуана, сердечная, а не разсудочная, вернется къ нему съ былой силой, какъ только вновь затеплится въ немъ чистая и святая любовь.

У Жуана Ал. Толстого есть и еще одна особенность: это—его космополитизмъ. Въ немъ нѣтъ привязанности къ родинѣ—свое чувство къ ней онъ ставитъ на одинъ уровень съ мимолетнымъ чувствомъ къ какой-нибудь красавицѣ:

Нерѣдко, прелестницу
Покидая средь сна,

Я измѣною лѣстницу
Укрѣплялъ у окна;
Такъ и нашъ, о, Испанія,
Я кончаю союзъ,
И съ тобой, безъ прощанія,
Навсегда разстаюсь.

А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Кто приковалъ
Къ извѣстному пространству человѣка?
Кто ограничилъ вашъ свободный духъ
Стѣной, горами, моремъ иль заставой?
Когда бъ любовь оправдывалась въ мірѣ,
Отечествомъ была бы вся земля.
И человѣкъ тогда душою вольной
Равно любилъ бы весь широкій міръ,
Отечествомъ бы звалъ не только землю,
Онъ звалъ бы имъ и звѣзды, и планеты.

Набросанныя выше общія черты характера Жуана въ изображеніи Ал. Толстого намъ уже знакомы; это, въ большинствѣ случаевъ, черты, уже встрѣчавшіяся въ предыдущихъ обработкахъ сюжета, но въ Жуанѣ Толстого онѣ какъ будто слились, чтобы создать новый образъ. Мы узнаемъ въ немъ и Жуана Теноріо, и де-Маранья, узнаемъ безстрашіе и силу духа, присущія герою Мольера, неотразимую обаятельность и искренность чувства Пушкинскаго Жуана, христіанское смиреніе и аскетическую стойкость брата Амброзіо, неутолимую жажду идеала, угаданную въ немъ Гофманомъ и Мюссе, разочарованность Байроновскихъ героевъ, отвагу, ловкость, опытность и искусство въ бою испанскаго гидальго временъ Тирсо-де-Молино,—однимъ словомъ, въ Жуанѣ Толстого слились самыя замѣчательныя черты длиннаго ряда его предковъ и въ немъ данъ міровой образъ, поражающій своей колоссальной мощью, глубиной и богатствомъ своихъ свойствъ и, кромѣ того, полный высокаго идеализма и большой реальности.

XVIII.

Судьба каждаго человѣка зависитъ отъ отношеній его къ міру высшему, духовному. Въ понятіе о духовномъ мірѣ входятъ представленія о совѣсти, религіи и Божествѣ, и тѣ отношенія, въ которыя человѣкъ становится къ этимъ представленіямъ. Отно-

шенія Жуана къ совѣсти и религіи намъ уже извѣстны. „Что такое совѣсть?“—спрашиваетъ онъ себя,—и вотъ его отвѣтъ:

Совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
Все громкія и пышныя слова,
Все той же лжи лишь разныя названья!
Къ чему же намъ зазрѣньями стѣсняться?
Не вѣря ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!

Взглядъ Жуана на Бога тоже довольно простъ. Если существуетъ та высокая любовь, о которой онъ мечтаетъ, то существуетъ и Божество, въ которомъ она воплощается; а нѣтъ одной—не существуетъ и другого. Между тѣмъ, Жуанъ страдаетъ своимъ невѣріемъ, и только и желаетъ, чтобы ему дана была возможность отказаться отъ него; это какой-то заколдованный кругъ: лишь бы повѣрить—все равно, въ существованіе ли Бога, или въ существованіе истинной любви. Если доказано будетъ, что Богъ есть, то этимъ самымъ Жуану дана будетъ увѣренность въ существованіи идеальной любви, исполняющей Божество; а если онъ найдетъ, наконецъ, эту любовь, то этимъ самымъ онъ убѣдится въ томъ, что Богъ несомнѣнно есть. Любви онъ въ жизни еще не нашелъ, — онъ требуетъ, чтобы хоть Божество доказало свое существованіе. Послѣ убійства Октавіо, когда Анна призываетъ на его голову Божій громъ, Жуанъ съ тоской отвѣчаетъ:

Увы, никто не слышитъ, донна-Анна,
Проклятій вашихъ. Ясенъ сводъ небесъ,
Мерцаютъ звѣзды, лавръ благоухаетъ,
Торжественно на землю сходитъ ночь,
Но въ небесахъ все пусто, донна-Анна,
Въ нихъ Бога нѣтъ. Когда бъ внезапно громъ
Теперь ударилъ, я бъ повѣрилъ въ Бога,
Но громъ молчитъ—я вѣрить не могу.

Въ этихъ словахъ—столько же богохульства, сколько и затаенной надежды, что Божество, можетъ быть, откликнется на этотъ вызовъ, заговоритъ громовымъ голосомъ, подтвердитъ свое существованіе, и дастъ человѣку вѣру. Что это такъ—слѣдуетъ изъ дальнѣйшихъ словъ Жуана; онъ съ возрастающими скорбью и увлеченіемъ рисуетъ Аннѣ свою мечту:

О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,

Какія бъ лилъ горячія я слезы,
Какія бы молитвы я нашелъ!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ,
И могъ бы я, босой и въ власяницѣ,
Простертый въ прахъ и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленій,
Которыя безвѣрьемъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученій,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
Какъ жадно бъ я страданьемъ упивался,
Когда бы могъ повѣрить въ Божество!
О, горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

Это мѣсто поэмы вполнѣ достаточно и логично объясняетъ обращеніе Жуана: онъ сознаӆъ, что долженъ жить, вспомнилъ предсмертныя слова Анны, которая говорила, что онъ спасется только покаяньемъ, и сталъ приводить въ исполненіе то, о чемъ нѣкогда самъ вполнѣ искренно говорилъ ей. Допустить, въ данномъ случаѣ, неискренность Жуана—неправильно; бывалъ же онъ искрененъ въ другихъ случаяхъ, и ему нѣтъ основанія лукавить теперь.

Къ людямъ Жуанъ относится свысока и съ пренебреженіемъ. Его возмущаетъ въ нихъ равнодушіе, съ которымъ они смотрятъ на темныя стороны жизни, покорность, съ которою они склоняются передъ судьбой и обстоятельствами; ему противны повседневность и низменность ихъ стремленій и интересовъ, ненавистны установленные ими обычаи и учрежденія. Поэтому онъ—врагъ всего, что внушаетъ обыкновеннымъ людямъ уваженіе и благоговѣніе. „Взгляни вокругъ", —говоритъ онъ Аннѣ:—

Достойны ль ихъ кумиры поклоненья?
Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный міръ
Той жаждѣ правды, чувству красоты,
Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
Вездѣ условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболѣпство!
Весь этотъ міръ нечистый я отвергъ,
Но я другой хотѣлъ соорудить
Свѣтлѣй и краше видимаго міра;
Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить.

Въ этихъ словахъ Жуана слышится что-то Фаустовское, какъ бы отзвукъ пѣсни духовъ:

Увы! Увы!
Его ты разбилъ,

Прекрасный міръ,
Могучей рукой...
Всевластный
Сынъ праха!
Прекрасный,
Воскреси,
Чтобъ сердцемъ его возсоздать!

Но Жуанъ, въ этомъ отношеніи, идетъ дальше Фауста; Анна говоритъ про него, что онъ „высоко стоитъ надъ жизнью", и онъ самъ такъ думаетъ:

Возстань же, донъ-Жуанъ!
Иди впередъ, какъ ангелъ истребленья,
Брось снова вызовъ призраку любви;
Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
Вокругъ себя какъ паутину рви—
Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
На зло судьбѣ иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытіе призванъ,
Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,
Надъ жизнью такъ господствуй, донъ-Жуанъ!

Эти слова произноситъ уже не идеалистъ Жуанъ, а какой-то байроническій герой, которому міръ рисуется жалкимъ и ничтожнымъ, и который съ сатанинской гордостью ставитъ себя выше всего окружающаго. До сихъ поръ Жуанъ былъ понятенъ и близокъ читателю; внезапно проявляющійся въ немъ духъ какого-то сверхъ-человѣческаго озлобленія, байроническаго возмущенія и тщеславнаго самодовлѣнія—все портитъ. Покуда Жуанъ открыто былъ занятъ исключительно самимъ собою, онъ былъ привлекателенъ и естественъ; какъ только онъ пробуетъ облечься въ пресловутый Чайльдъ-Гарольдовъ плащъ и выставить свои личныя стремленія какъ проявленія терзающей его міровой скорби, онъ теряетъ интересъ. Изъ человѣка съ богатой, своеобразной натурой онъ обращается въ банальный, избитый, даже нѣсколько опошленный типъ романическаго героя со всѣми его замашками. Поэтому слова его и поступки не всегда соотвѣтствуютъ другъ другу, и рѣчи оказываются эффектнѣе и сильнѣе дѣлъ. Такъ, напр., узнавъ отъ Лепорелло, что онъ находится подъ наблюденіемъ членовъ инквизиціи, онъ восклицаетъ:

Мнѣ по сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужъ началась открыто между нами;

Взойди жъ, моя зловѣщая звѣзда!
Развейся, моего возстанья знамя!

Возстанье это проявляется тѣмъ, что онъ заставляетъ Лепорелло нарядиться монахомъ и съ его помощью обманываетъ офицера священной стражи и убиваетъ командора. Въ своей ненависти ко всему повседневному и обыденному Жуанъ доходитъ до крайностей.

Жуанъ достигъ своей цѣли — добился привязанности Анны; онъ торжествуетъ; ему кажется, что онъ дѣйствительно одну ее и видитъ, и помнитъ, и что —

Теперь онъ все нашелъ, теперь онъ счастливъ.

Чувство, которое возбуждаетъ въ немъ появленіе командора въ самый разгаръ его восторга и увлеченія, съ одной стороны, вполнѣ естественно; всякій разсердился бы на помѣху, прекратившую пріятную бесѣду; но въ Жуанѣ говоритъ нѣчто большее, нежели простая досада. Его дѣйствительно обдаетъ холодной водой отъ словъ нареченнаго тестя. Онъ вдругъ понимаетъ, что испытываемые имъ за минуту передъ тѣмъ „восторгъ и жизни полнота" были поддѣльны, ложны. Его комедія его самого увлекла настолько, что въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній онъ счастливъ, и даже готовъ вѣрить:

Да! Вѣрь, о, ангелъ! Вѣры! Намъ надо вѣрить!
Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!

Каково же должно быть его негодованіе, когда въ минуты такого блаженства и упоенія его тревожатъ напоминаніемъ о ненавистныхъ ему будничныхъ мелочахъ жизни, вродѣ соблюденія освященныхъ обычаемъ правилъ этикета? Разумѣется, гнѣвъ его обращается на отца Анны, хотя никакого намѣренія убивать его изъ этой досады и не истекаетъ. Донъ-Жуанъ просто хочетъ порвать цѣпи, которыми онъ боится быть опутаннымъ, и убиваетъ Донъ-Альвара нечаянно, защищаясь отъ нападенія старика, взбѣшеннаго его дерзкой серенадой подъ балкономъ Нисеты.

Подобно Мюссе, Ал. Толстой увлекся своимъ героемъ, и какъ тотъ преувеличивалъ идеализмъ Жуана, такъ этотъ преувеличиваетъ его разочарованность и озлобленность. Въ этомъ состоитъ недостатокъ характеристики Жуана; внесенный въ нее элементъ байронизма не возвысилъ, а наоборотъ, уронилъ вы-

дающуюся фигуру героя поэмы. Не будь этого, характеристика его была бы безупречна.

XIX.

Главный рычагъ жизни Жуана, безспорно,—чувство любви, не столько той мистической любви, на понятіи которой зиждется его міросозерцаніе, сколько реальнаго чувства къ избранной имъ женщинѣ. Такая способность феноменально часто и вполнѣ искренно испытывать это чувство—самая поразительная черта его характера.

Донъ-Жуанъ относится къ своему чувству не легкомысленно; напротивъ, онъ самъ благоговѣетъ и преклоняется передъ нимъ:

Любовь онъ въ мысли ставитъ
Такъ высоко, такъ свято понимаетъ,
И для него ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.

Для него любовь—не узкое, эгоистическое чувство двухъ людей, заставляющее ихъ отрѣшиться отъ міра, а нѣчто роднящее его со вселенной, такое чувство, которое возвышаетъ его и приближаетъ къ Божеству. Такое же пониманіе любви и такое же отношеніе къ ней онъ ожидаетъ встрѣтить и у любимой женщины, и мечтаетъ соединить въ одномъ сердцѣ разбросанные по мірозданью лучи любви, чтобы этимъ сжатымъ свѣтомъ ярко озарить неясныя стремленія своей души:

О, если бы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству,
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность—безъ конца.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу всякое разочарованіе вдвойнѣ тяжело и горестно. „Женщины меня безстыдно обманули“,—говоритъ Жуанъ,—„и я не могъ продолжать любить ихъ“; но—

Самъ себѣ я оставался вѣренъ;
Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
Которая являлась въ нихъ сначала...

Жуанъ понималъ ихъ подлогъ, и въ немъ тотчасъ же зарождался другой, неясный образъ; тогда онъ—

Чтобы любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...
Онъ съ собой былъ честенъ,
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.

Любовь Жуана чужда всякой ревности; онъ всегда охотно уступалъ мѣсто счастливому сопернику, и только тогда рѣшалъ дѣло шпагой, когда соперникъ докучалъ ему назойливыми придирками; но вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о томъ, что Анна прежде любила Октавіо, и можетъ быть и его любитъ только вполовину, ему тягостна:

Просторно сердце женщины...
Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
Среди любви живой и настоящей,
Нерѣдко запоздалый отголосокъ
Другой, отжившей, конченной любви.
Вины тутъ нѣтъ: подобныя явленья
Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
И съ тѣнью даже не могу тѣмъ сердцемъ,
Которое мнѣ отдалося. Въ немъ
Я долженъ быть одинъ.

Когда же Анна успокаиваетъ его насчетъ своихъ чувствъ къ отверженному Октавіо, настаивая на сознательности своей любви къ нему, Жуану, то онъ—въ восторгѣ. Ему кажется, что женщина, такъ понимающая любовь, выше своихъ сестеръ, что все ей доступно,—поэтому онъ открываетъ ей свои завѣтныя мысли.

Жуану не такъ легко разстаться съ своей любовью, какъ это кажется; разлюбить для него каждый разъ значитъ разочароваться и обмануться; а его любовь къ Аннѣ, къ тому же, не похожа на прежнія его увлеченія. Онъ полюбилъ ее не за одну красоту; его поразило въ ней что-то особенное и своеобразное; ея записка, въ которой она признается ему въ любви, непривычнымъ образомъ потрясаетъ и волнуетъ его; онъ ощущаетъ какой-то непонятный сердечный трепетъ, и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя о причинахъ такого необычайнаго настроенія. Наконецъ, онъ объясняетъ его себѣ мыслью, что „это кровь играетъ“, и рѣшаетъ добыть себѣ Анну, не разбирая, какое чувство влечетъ его къ ней. А дѣло въ томъ, что при встрѣчѣ съ Анной Жуанъ полюбилъ ее истинной, святой любовью, но

только, ослѣпленный прежними заблужденіями, не сознаетъ близости спасенія и самъ себя не понимаетъ. Въ порывѣ увлеченія онъ доходитъ до того, что сватается къ ней; и въ сущности лишь изъ покорности прежнимъ своимъ привычкамъ порываетъ съ невѣстой. Тутъ къ собственному его изумленію оказывается, что забыть ея онъ не можетъ; роковая катастрофа съ командоромъ не измѣняетъ его настроенія; напротивъ, онъ начинаетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ, и даже на минуту готовъ допустить, что любитъ Анну по-настоящему; но горькій и многократный опытъ не даетъ ему углубиться въ эту мысль. Онъ колеблется передъ тѣмъ, чтобы окончательно погубить Анну:

И этотъ новый призракъ счастья
Исчезнетъ, какъ всѣ прочіе. Да, да,
Я излечусь; но это излеченье
Тяжеле будетъ самаго недуга,
И я куплю спокойствіе мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше ли оставить этотъ цвѣтъ
Несорваннымъ, но издали дышать
Его томительнымъ благоуханьемъ,
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?

Но такое положеніе дѣлъ немыслимо при его кипучей натурѣ. Онъ мечтатель, но требуетъ отъ жизни исполненія своей мечты, и въ то же время не вѣритъ въ ея осуществленіе; поэтому, чѣмъ скорѣе обнаружится неизбѣжный обманъ, тѣмъ лучше для него,—и участь Анны рѣшена. У Жуана еще не сложилось опредѣленнаго плана дѣйствій, но онъ чувствуетъ присутствіе въ себѣ „своего демона“, который подскажетъ ему всѣ его рѣчи и поступки, и который уже теперь разжигаетъ губящій пламень и грозное чувство, о которомъ Жуанъ самъ не можетъ съ точностью сказать—

Любовь ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
Иль ненависть похожа на любовь?

Онъ еще не дошелъ до пониманія самого себя, и не сознаетъ своей любви; а между тѣмъ волнующее его чувство есть именно любовь; ослѣпленный и „всю жизнь обманами водимый“, онъ не можетъ еще уразумѣть, въ чемъ дѣло; но читатель все понимаетъ, благодаря сценѣ на кладбищѣ. Совершенно „сбитый съ толку“, Жуанъ приходитъ къ Аннѣ и говоритъ ей, что уѣзжаетъ, что убійцы рыщутъ по его слѣдамъ, и что единственный для него исходъ—это снова броситься въ омутъ отчаянія

и преступленій, такъ какъ искать утѣшенія и поддержки въ религіи для него немыслимо. Жуанъ разсказываетъ ей то, что происходитъ въ его душѣ, и хотя онъ пришелъ съ жестокимъ и преступнымъ намѣреніемъ, и самъ, можетъ быть, не вполнѣ сознаетъ всю правду своихъ словъ, но онъ открываетъ ей единственное еще возможное средство къ своему спасенію. Онъ безсознательно наталкиваетъ ее на мысль о томъ, что спасти его можетъ она... При встрѣчѣ съ нею въ его озлобленной, негодующей душѣ родилась надежда; но онъ не могъ себѣ повѣрить— зло слишкомъ завладѣло имъ, и онъ, желая убить въ себѣ мучительное чувство, „святотатно его попралъ". Но это не спасло его. „Я преступникъ",—говоритъ Жуанъ, и въ его словахъ снова слышится полная искренность,—„но я уже наказанъ:

Не удалося мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить, ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда бъ я могъ, хоть изрѣдка, васъ видѣть—
Не здѣсь—о, нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь;
Незримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межъ нищими, колоннами сокрытъ,
Когда бъ я могъ, хоть издали, украдкой,
Вашъ иногда услышать голосъ—о!
Тогда, быть можетъ, былъ бы я спасенъ,
И вѣрить вновь тогда бы научился!

Но Донъ-Жуанъ ошибается; такое спасеніе для него немыслимо; онъ, несомнѣнно, не могъ бы удовлетвориться такимъ положеніемъ дѣлъ; скрытая любовь его такъ и не прорвалась бы наружу, а злыя побужденья его все же заставили бы погубить Донну-Анну и самому погибнуть вмѣстѣ съ нею. Необходима такая катастрофа, которая поразила бы все существо Жуана, дала бы, наконецъ, исходъ его чувствамъ; его могучей натурѣ нужны и могучія потрясенія; и этимъ именно путемъ и осуществляется его спасеніе. Поступокъ Анны, спасающей того, на чью голову такъ недавно она призывала небесное проклятіе, знаменуетъ побѣду Жуана надъ нею. Но торжество надъ послѣдней его жертвой не удовлетворяетъ героя. Онъ сознаетъ, что не вполнѣ достигъ своей цѣли, что внезапность и расплохъ помогли ему, что онъ не вполнѣ узналъ сердце Донны-Анны, и что ему не пришлось, подобно герою Мольера, сломить ея сопротивленье:

Побѣду я укралъ какъ воръ. Не такъ
Мнѣ овладѣть хотѣлось этимъ сердцемъ!

Нѣтъ: шагъ за шагомъ, медленно впередъ
Все далѣе и далѣ подвигаться,
Вражду, и стыдъ, и совѣсти боренье
Въ послѣднія убѣжища тѣснить,
И гордую противницу мою,
Самой ей къ изумленью, заставить
Мнѣ сдѣлаться послушною рабой—
Вотъ гдѣ была бы цѣнность обладанья,
Вотъ что побѣдой полной я бъ назвалъ!
Нѣтъ, недоволенъ я собою. Много
Нетронутыхъ я въ ней оставилъ струнъ,
И много темныхъ сердца тайниковъ
Я не извѣдалъ...

Изъ этой неудовлетворенности вытекаетъ и нетерпѣливое желанье:

Скорѣй, скорѣй прожить мнѣ эту жизнь
И весело пробиться до конца!..

Но какъ безцѣльна и пуста эта жизнь!..

То, что снилося мнѣ, того нѣтъ наяву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней безпокойной душой не ищи,
Но какъ камень, сорвавшись съ свистящей пращи,
Такъ лети все впередъ безъ оглядки!
Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужъ я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но зато я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

Но и на этотъ разъ чувство его къ Аннѣ все еще продолжается, несмотря на видимую развязку; въ послѣднемъ свиданіи онъ колеблется, гордость и упорство вспыхиваютъ въ немъ съ прежнею силой, и онъ отталкиваетъ отъ себя предлагаемое Анной средство ко спасенію. Съ потерей Анны въ немъ вдругъ все проясняется; онъ впервые сознаетъ, что потерялъ все, что ему еще было дорого, и что любитъ ее такъ, какъ всегда мечталъ полюбить. Обезумѣвъ отъ горя, онъ, только-что сознавшій въ себѣ любовь и былую вѣру,—

Клянетъ молитву, рай, блаженство, душу...

—и снова вызываетъ на бой и Адъ, и Небо.

Но эти безразсудныя проклятія не губятъ Жуана; онъ при-

детъ въ себя и покорится, потому что любитъ и вѣритъ, а эти чувства спасутъ его:

Любовь есть сердца покаянье,
Любовь есть вѣры ключъ живой;
Его спасетъ любви сознанье,
Не конченъ путь его земной.

Въ поэмѣ гр. Ал. Толстого есть одна особенность, какъ будто странная, если принять во вниманіе самый сюжетъ произведенія: въ немъ сравнительно мало говорится о жертвахъ Жуана; въ двухъ, трехъ мѣстахъ вскользь упоминается о его большомъ непостоянствѣ, и ни одна изъ любившихъ его женщинъ, кромѣ Анны, въ драмѣ не появляется. Если же мы обратимся къ самымъ раннимъ разработкамъ сюжета, то увидимъ, что въ нихъ центръ тяжести лежитъ именно въ этой особенности Жуана; уже во второй передѣлкѣ легенды упоминается списокъ его жертвъ, да и у позднѣйшихъ писателей такой выгодный мотивъ не оставленъ безъ вниманія; у Пушкина, кромѣ Анны, въ Жуанѣ принимаетъ участіе Лаура; онъ самъ вспоминаетъ Инесу; у Мериме подробно разсказывается, кто именно попалъ въ списокъ Жуана; Ленау изображаетъ исторію пяти или шести увлеченій своего героя, а въ концѣ пьесы даже выводитъ на сцену всю толпу обманутыхъ имъ женщинъ; у Ал. Толстого ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ. Причины такой сдержанности слѣдуетъ искать не въ легендѣ, а въ душѣ самого поэта.

Трудно себѣ представить болѣе рѣзкія и полныя противоположности, нежели самого Ал. Толстого и Жуана. Тогда какъ одинъ всю жизнь проводитъ, влюбляясь и измѣняя, другой увлекается всего одинъ разъ, увлекается безъ памяти, хотя и не красавицей, и женится на ней. Толстой неохотно останавливается на такой чертѣ своего героя, которая была ему непонятна и даже казалась непривлекательной; вовсе обойти ее молчаніемъ онъ не могъ, потому что она существенна, но зато онъ по возможности поверхностно затронулъ ее. Толстой видѣлъ въ Жуанѣ искателя идеала, и для него важенъ только тотъ моментъ, когда онъ находитъ, наконецъ, воплощеніе своей мечты. Такой Жуанъ не могъ безъ разбора увлекаться каждой встрѣчной; настоящій идеалъ—одинъ; поэтому Жуанъ никого, кромѣ этой идеальной женщины, окончательно полюбить не можетъ. Отсюда вытекаетъ необходимость изобразить, въ лицѣ Анны, существо почти-что неземное, и во всякомъ случаѣ исполненное большей святости, чѣмъ всѣ женщины міра.

XX.

Такая задача для Ал. Толстого не представляла особенной трудности, такъ какъ взглядъ на любовь, высказанный Жуаномъ, вполнѣ раздѣлялся самимъ авторомъ. Это видно изъ лирическихъ стихотвореній Толстого, въ которыхъ иной разъ прямо перефразируется та или другая мысль, выраженная въ поэмѣ.

Такихъ примѣровъ много. Взять хотя бы фразу Жуана о—

Безконечной цѣпи,
Которая въ связи со всей вселенной
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству,—

и слѣдующія строки:

Слiясь въ одну любовь, мы цѣпи безконечной
Единое звено,
И выше восходить, въ сiянье правды вѣчной,
Намъ врозь не суждено.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ, что—

Ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало...

—и такъ объясняетъ свою мысль:

Когда Глагола творческая сила
Толпы мiровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкiе лучи.
И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.
И любимъ мы любовью раздробленной
И тихiй шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ, на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

То же самое думаетъ Жуанъ, когда говоритъ, что мечталъ соединить въ одномъ сердцѣ „раскинутые врозь по мiрозданью“ лучи любви; но онъ хочетъ достичь на землѣ того, что возможно только на небѣ, гдѣ —

Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

Подобно своему герою, Толстой въ любви не признаетъ половиннаго чувства:

Коль любить, такъ безъ разсудку,

—говоритъ онъ:

Полюбивъ тебя, я не спрашивалъ,
Не развѣдывалъ, не распытывалъ,
Полюбивъ тебя, я махнулъ рукой,
Очертилъ свою буйну голову!

Любовь его чужда ревнивости; полюбивъ, онъ разлюбить не можетъ; но—

Безъ повода и права негодуя
Ужъ не кипитъ бунтующая кровь;
Моя любовь, о, другъ, и не ревнуя,
Осталась та же, прежняя любовь...

которая сходна съ бурнымъ горнымъ потокомъ, успокаивающимся, какъ только онъ покидаетъ тѣсное ущелье и привольно разливается по равнинѣ.

Такая любовь не имѣетъ мѣры и предѣла; даже смерть не въ состояніи поколебать ее:

Кто будетъ въ той странѣ, о, другъ, твоя забота,
И кто твоя печаль?
. . . .
Прощальный взоръ бросая нашей жизни
Душою, другъ, вглядись въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ,
Кого звала, кого любила ты,
Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ навѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи,
Въ странѣ лучей, и помнить, и грустить.

Земная разлука столь же безсильна передъ любовью—поэтъ духовно всюду слѣдуетъ за любимымъ существомъ:

Средь суеты мірского развлеченья,
Среди заботъ,
Моя душа въ надеждѣ и въ сомнѣньи
Тебя зоветъ,
И трудно мнѣ умомъ понять разлуку,
Ты такъ близка!
И хочетъ сжать твою родную руку
Моя рука.

Уже изъ этихъ намековъ можно видѣть, какова должна быть женщина, способная внушить такое чувство. Въ ней должно быть столько чистоты и святости, чтобы смотрѣть на нее могли только съ благоговѣніемъ. Ал. Толстой очень смутно описываетъ ея наружность—онъ цѣнитъ единственно духовное содержаніе той, которую любитъ. Въ его лирикѣ рисуется, строго говоря, одинъ женскій типъ — портретъ его жены; поэтому въ немъ такъ много чисто субъективнаго, присущаго исключительно ей — тихая скорбь, гнетущія ее воспоминанія, и т. п.; но въ этомъ типѣ есть и другія черты, болѣе общія: привѣтливое, участливое отношеніе къ чужимъ бѣдамъ и горестямъ—

Къ страданіямъ чужимъ ты горести полна
И скорбь ничья тебя не проходила мимо!..

—примиряющее вліяніе на всѣхъ окружающихъ:

Тебя такъ любятъ всѣ; одинъ твой тихій видъ
Всѣхъ дѣлаетъ добрѣй и съ жизнію миритъ; —

наконецъ, полное забвеніе самой себя и неумолимая, строгая суровость къ своимъ дѣламъ и чувствамъ:

Къ себѣ лишь ты одной всегда неумолима,
Всегда безжалостна и вѣчно холодна.

Такое полное отрѣшеніе отъ самой себя особенно рельефно выражено Ал. Толстымъ въ стихотвореніи: „Горними тихо летѣла душа небесами“... Въ немъ онъ описываетъ тоску просвѣтленной, безгрѣшной души по оставленному ею міру:

Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.
Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю!
Было бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы!

При наличныхъ понятіяхъ о любви и характерѣ внушившей эту любовь женщины, отношеніе поэта къ ней не можетъ не быть въ высшей степени одухотвореннымъ и идеальнымъ; въ лицѣ Анны Толстой изобразилъ свой высочайшій идеалъ женщины; поэтому любовь Жуана къ ней, хотя и поздняя, и даже долгое время неясно сознанная, по существу своему чиста и возвышенна, такъ какъ другое чувство къ такому прекрасному и благородному существу, какъ Анна, поэту представляется немыслимымъ.

XXI.

Личное отношеніе Ал. Толстого къ женщинѣ объясняетъ и характеръ героини его поэмы.

Обликъ Донны-Анны не есть независимый результатъ творческой дѣятельности поэта; подобно типу Жуана, онъ имѣетъ свою литературную исторію.

Въ противоположность герою легенды, сохранившему, во всѣхъ обработкахъ, свое первоначальное имя, главная героиня этихъ обработокъ называется то Изабеллой, то Эльвирой, то Терезой, и только въ послѣднихъ произведеніяхъ за нею упрочивается имя Анны, перешедшее и къ героинѣ Толстого. Характеръ ея разрабатывается также довольно разнообразно, хотя и не можетъ поспорить въ этомъ отношеніи съ образомъ Жуана. Да оно и понятно. Въ то время какъ Жуанъ, подъ перомъ своихъ творцовъ, проявляетъ самыя разнородныя свойства и особенности своего нрава, Донна-Анна, въ глазахъ этихъ писателей, находится какъ бы въ нѣкоторой зависимости отъ Жуана. Они сперва создаютъ его образъ, а ея характеръ развиваютъ уже потомъ, въ томъ направленіи, которое представляется имъ правильнымъ и желательнымъ при наличіи извѣстнаго типа Жуана. Вотъ почему главная героиня поэмъ о Жуанѣ всегда какъ-то блѣднѣе самого героя. У Ал. Толстого она впервые нѣсколько освобождается отъ гнета превосходства ея героя,—и тогда получается тотъ возвышенный женскій портретъ, который смѣло можно поставить на ряду съ самыми выдающимися изображеніями женщинъ во всемірной литературѣ.

Изо всѣхъ характеристикъ главной героини, заключающихся въ разобранныхъ выше произведеніяхъ о Жуанѣ, мы остановимся только на Эльвирѣ Мольера, Аннѣ Гольдони, Терезѣ Мериме, Аннѣ Гофмана и Аннѣ Пушкина. О героинѣ испанца Молино говорить не стоитъ, такъ какъ въ его изображеніи она является личностью безцвѣтной, такъ же, какъ и въ первой итальянской обработкѣ; поэтому обратимся сразу къ Эльвирѣ Мольера. Это—безобидное, кроткое существо; она мечтала посвятить себя служенію Богу, а вмѣсто того увлеклась Жуаномъ до такой степени, что забыла свои обѣты, бѣжала изъ монастыря и вышла замужъ за Жуана. Счастье ея непрочно—мужъ покидаетъ ее, и горе Эльвиры такъ глубоко и такъ искренно, что трогаетъ всѣхъ, даже ея конюха и Лепорелло—но только не Жуана; она слѣ-

дуетъ за нимъ, не хочетъ вѣрить въ возможность его измѣны, умоляетъ объяснить причину его внезапнаго отъѣзда, готова удовлетвориться всякимъ объясненіемъ Жуана; видя его безчувственную холодность, пытается проклинать его—и не можетъ; еще незадолго до его конца, она является къ Жуану съ послѣдней трогательной мольбой—покаяться и заслужить небесное прощеніе. Эта сцена — прообразъ предсмертнаго разговора Толстовской Анны съ Жуаномъ; тѣ же увѣщанія, то же незлобивое прощеніе прежнихъ обидъ, та же отрѣшенность отъ міра и то же стремленіе спасти погибающаго грѣшника. Есть нѣчто общее между этими двумя женщинами и Анной Гольдони; она тоже не проклинаетъ и даже молится о своемъ оскорбителѣ.

Совершенно не похожи на этотъ типъ женщинъ Тереза Мериме и Анна Пушкина; первая, увлекшись Жуаномъ, умираетъ для всего на свѣтѣ, кромѣ своей любви; обманутая Жуаномъ, умертвившимъ ея отца. Тереза уходитъ въ монастырь. Но только-что она начинаетъ успокаиваться и отдыхать отъ поразившаго ее удара, какъ судьба снова сталкиваетъ ее съ Жуаномъ. Вина его и долгая отлучка не измѣнили сердца Терезы; она вскорѣ снова подпадаетъ подъ его вліяніе. Монахиня, она соглашается нарушить свои обѣты и бѣжать съ нимъ; она борется сначала противъ искушенія, но устоять не можетъ; зато и нѣтъ для нея возврата. Послѣдній обманъ Жуана, когда онъ не является за нею въ условленный часъ, сражаетъ несчастную Терезу. Прощальное письмо его и разсказъ его духовника не позволяютъ ей ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что на этотъ разъ все безвозвратно кончено; всего ужаснѣе для нея мысль, что Жуанъ никогда не любилъ ее; ей не страшно, что она согрѣшила,—ее гнететъ только одна эта роковая, неотвязная дума. Жизненныя силы ея подорваны; она отказывается отъ врачебной помощи; утѣшенія религіи тоже потеряли для нея значеніе и цѣну; вернуть Терезу къ жизни могло бы только возвращеніе къ ней Жуана, т.-е. то, что для него было бы безповоротной гибелью; такая женщина не могла бы понять Жуана Толстого, и потому является прямой противоположностью его спасительницѣ—Аннѣ.

Анна Пушкина очаровательна, но, строго говоря,—пуста и неустойчива; ея поведеніе съ Жуаномъ довольно плохо согласуется съ ея рѣчами о вдовьей вѣрности и мести, которой она грозитъ убійцамъ мужа. Правда, она не любила командора, и вышла за него по настоянію матери; но вѣдь Анна Граббе тоже не любитъ Октавіо, за котораго ее выдаетъ отецъ, и Гофма-

новская героиня равнодушна къ своему жениху, но ни та, ни другая, не хотятъ сдаться, тогда какъ эта безъ борьбы склоняется на мольбы Жуана, и даже назначаетъ ему новое свиданіе. Впрочемъ, самое чувство ея къ нему едва ли глубоко и серьезно, а вѣрнѣе всего—мимолетный капризъ скучающей, избалованной женщины.

Въ пониманіи Гофмана—Анна является столь же богато одаренной натурой, какъ и Жуанъ; быть можетъ, ей предназначено было Небомъ спасти грѣшника; но онъ слишкомъ поздно встрѣтилъ ее, и не только не исправился, но и ее вовлекъ въ свое паденіе. Анна, сраженная роковымъ чувствомъ Жуана, борется съ любовью, которую испытываетъ къ нему, потому что долгъ и совѣсть не позволяютъ ей измѣнить Октавіо, котораго, какъ ей казалось, она любитъ. Ненависть къ убійцѣ отца, любовь, угрызенія совѣсти — все это терзаетъ и жжетъ ея душу; она сознаетъ, что гибель Жуана одна только можетъ успокоить ее, и въ то же время знаетъ, что покой она найдетъ только въ смерти. Гибель Жуана для нея означаетъ приближеніе и ея конца, и она молитъ Октавіо на годъ отложить свадьбу, потому что надѣется не дожить до нея.

То, что Гофманъ только намѣтилъ, то Толстой развилъ и разработалъ до тонкостей, — начиная съ идеи о томъ, что именно Анна могла бы спасти Жуана, открывъ ему глаза на его пагубное заблужденіе.

XXII.

Донну-Анну Толстого нельзя понять и оцѣнить сразу; даже самъ Жуанъ, опытный и тонкій сердцевѣдецъ, не вполнѣ постигаетъ и исчерпываетъ ея душевныя содержаніе и глубину. И дѣйствительно, Анна — существо выдающееся. Впервые мы видимъ ее въ обществѣ Жуана, ея нареченнаго жениха, но ничего не знаемъ про нее, кромѣ того, что Донъ-Жуанъ долго и напрасно старался добиться ея благосклонности. Въ разговорѣ съ Жуаномъ Анна позволяетъ заглянуть себѣ въ душу. Она беззаботно и безгранично счастлива, и вся ушла въ созерцаніе своего благополучія, до такой степени, что не хочетъ и думать о возможности горя и несчастія. Но счастье не разслабляетъ ея души — напротивъ; она первая задается вопросомъ, каковы будутъ ихъ жизненныя задачи, и ставитъ себѣ цѣлью помогать Жуану и

поддерживать его въ его возвышенныхъ стремленіяхъ; любовь не должна имъ препятствовать:

Я буду помогать тебѣ. Когда
Любовь твои стремленья заградитъ,
Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
Я не хочу тебѣ преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мѣшать я не должна.

Съ первыхъ же словъ Анны видны ея вдумчивость и серьезность; это не слабая, измѣнчивая женщина, какъ Донна-Анна Пушкина; это—личность съ твердыми убѣжденіями и ясными, опредѣленными взглядами. Въ ней есть частица отцовской твердости и рѣшимости, но она сама еще не вполнѣ сознаетъ таящуюся въ ней силу, смягченную женской кротостью и не имѣвшую еще случая проявиться; но пусть обрушится на нее ударъ судьбы,—и гордая отвага вспыхнетъ въ ней, и она, не колеблясь, приметъ роковой вызовъ.

Подобно Жуану, Анна до встрѣчи съ нимъ не была удовлетворена своей жизнью, и тоже искала идеала, который, наконецъ, увидала въ немъ. Поэтому ея полубезсознательная привязанность къ Октавіо была не болѣе, чѣмъ „ребячество"—вѣдь она тогда —

Сама себя еще не понимала.

Ея любовь къ Жуану ничѣмъ не похожа на ея прежнія чувства къ Октавіо. Прежде чѣмъ судьба свела ее съ Жуаномъ, Анна много слышала разсказовъ о немъ, —

Глубоко была возмущена,
И сильно на него негодовала.

Предубѣжденіе ея противъ него было полное; но это не помѣшало ей, изъ чувства справедливости, постараться понять и разгадать этого страннаго человѣка; она стала наблюдать за нимъ, незамѣтно для него самого изучать его, и скоро, благодаря своему свѣтлому уму, дошла до сознанія, что онъ не таковъ, какимъ его считаютъ, и что существуетъ какое-то роковое противорѣчіе между его душой и жизнью. Стремленіе разъяснить себѣ тайну его характера вызвало въ Аннѣ участье къ Жуану, потомъ удивленіе, перешедшее наконецъ въ глубокую, сознательную любовь. Въ томъ, что Анна, не довѣряя своимъ заочнымъ сужденіямъ, долгимъ обдумываніемъ объяснила себѣ

„этотъ нравъ, непонятый никѣмъ“, и заключается главная цѣнность ея чувства; и этимъ же объясняется, почему Анна такъ долго и упорно не поддавалась на исканія Жуана. Она держалась, на его счетъ, очень опредѣленныхъ взглядовъ, и только медленно и постепенно измѣнила ихъ; каково же ей видѣть, какъ жестоко и ужасно она обманулась,—обманулась въ томъ, въ кого вѣрила, какъ въ самого Бога!

Анна, по словамъ командора, „никогда ни въ чемъ не знала мѣры“; какъ прежде она пламенно ненавидѣла Жуана, такъ же беззавѣтно и полюбила его; но поступокъ Жуана, какъ громомъ сразившій ее, вызываетъ въ ея душѣ ужасающую бурю. Покуда Жуана нѣтъ при ней, она увѣрена въ своей безпредѣльной ненависти къ нему, и всѣ помыслы ея обращены къ тому, какъ бы отомстить ему за причиненныя имъ бѣдствія и стереть его съ лица земли. Но стоитъ только Октавіо упомянуть при ней о Жуанѣ, чтобы въ душѣ Анны снова заговорила ея горячая привязанность къ ея злодѣю. Даже и теперь, когда она зоветъ на его голову всѣ проклятія, какія только знаетъ, она не перестаетъ считать его существомъ выдающимся, далеко превосходящимъ своими силами и задатками преданнаго ей, покорнаго Октавіо. Ея фраза о томъ, что Жуанъ иначе поступилъ бы на его мѣстѣ, и что —

Любить онъ могъ бы, если бъ захотѣлъ,

—какъ молніей озаряетъ для зрителя или читателя ея душевное состояніе.

Характеръ Анны развивается въ поэмѣ постепенно и послѣдовательно, и тѣ ея особенности, которыя чуются въ началѣ, вполнѣ выясняются только къ концу произведенія. Анна сходитъ со сцены какъ разъ въ тотъ моментъ, когда душа ея вполнѣ раскрылась; поэтому впечатлѣніе, которое она оставляетъ послѣ себя, необычайно цѣлостно и ярко.

Конфликтъ между ненавистью и любовью, терзающій душу Анны, дѣлается невыносимымъ къ серединѣ второй части поэмы. Анна знаетъ, что Октавіо на смерть дерется съ Жуаномъ, и въ мучительномъ томленіи ждетъ исхода поединка. Въ эти минуты въ ней говоритъ всецѣло одно чувство вражды къ Жуану; онъ убилъ ея отца, убилъ святыню ея души, чистыя мечты и завѣтныя убѣжденія, ввергнулъ ее въ отчаяніе, низринулъ въ невѣріе, обманулъ не только ее, но и Бога, и природу; кромѣ личной ненависти за тѣ бѣдствія, въ которыя онъ вовлекъ ее

своимъ коварствомъ, Анна стремится отомстить ему и изъ чувства дочерняго долга; ее терзаетъ не страхъ лишиться въ лицѣ Октавіо своего послѣдняго друга, а мысль о томъ, что Жуанъ опять можетъ выйти невредимымъ изъ рѣшительной схватки; она жаждетъ его смерти, какъ единственнаго средства успокоенія ея наболѣвшей души:

Октавіо нейдетъ. Я знаю, гдѣ онъ.
Но мысль о немъ мнѣ не тревожитъ сердца—
Я не страшуся друга потерять—
Страшуся только, чтобъ его противникъ—
Изъ боя вновь не вышелъ невредимъ...
Уже во мнѣ изсякли безъ возврата
И жалость, и участіе...
И чуждыя мнѣ чувства поселились
Въ опустошенномъ сердцѣ. Страшно, страшно!
Лишь смерть его, лишь только смерть одна
Покой душевный возвратить мнѣ можетъ!
Пока онъ живъ, ни здѣсь, ни на могилѣ
Отцовской, ни въ стѣнахъ монастыря,
Не въ силахъ я ни плакать, ни молиться.

И въ такой-то моментъ, когда вражда и ненависть Анны дошли, повидимому, до крайняго предѣла интенсивности, Донъ-Жуанъ, убивъ Октавіо, является въ домъ оскорбленной, негодующей сироты—поступокъ совершенно неслыханный и безпримѣрный. Анна поражена этой дерзостью; она знаетъ, что ненавистный врагъ—въ ея рукахъ, и что ничто не можетъ помѣшать ей самой убить его; но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея не хватаетъ рѣшимости на этотъ шагъ. Что же, какъ не любовь, удерживаетъ ее? Съ каждымъ словомъ Жуана его обаяніе надъ Анной возрастаетъ; она перестаетъ проклинать, и доходитъ до того, что совѣтуетъ ему искать прощенія и утѣшенія въ религіи. Но тутъ голосъ глашатая, объявляющаго по улицамъ объ отлученіи Жуана отъ церкви и преданіи его суду духовныхъ властей, открываетъ ей глаза на грозящую ему опасность. Жуанъ хочетъ уйти—она останавливаетъ его; является офицеръ священной стражи, ищущій Жуана, чтобы арестовать его. Любовь побѣждаетъ, въ этотъ критическій мигъ, всѣ другія чувства и стремленія. Анна заслоняетъ собою своего злодѣя, и съ поразительнымъ хладнокровіемъ отклоняетъ отъ него опасность. Этотъ порывъ сокрушаетъ ее; она признаетъ себя побѣжденной, и Жуанъ торжествуетъ. Но Анна не въ состояніи вынести позора. Воспитанная отцомъ въ суровыхъ понятіяхъ незапятнанной рыцарской чести и преданности долгу, она, поправъ эти священ-

ныя чувства, измѣнила имъ и самой себѣ; сознаніе ея чудовищной вины гнететъ Анну. Никто не знаетъ о случившемся; она можетъ думать, что и у Жуана есть основаніе держать это въ тайнѣ; но Аннѣ нѣтъ дѣла до мнѣнія и приговора людей; она не подчинялась имъ, когда любила Жуана, не придастъ имъ цѣны и значенія и теперь. Она опозорена въ собственныхъ своихъ глазахъ, совѣсть упрекаетъ ее въ малодушіи и преступной слабости, и Анна рѣшается на самоубійство, потому что смертью только и можетъ она, по ея понятіямъ, загладить свое паденіе и искупить поступокъ, ею совершенный. Она отравляется. Этимъ искуплена ея вина предъ памятью убитаго отца и ея совѣстью по отношенію къ ея долгу. Теперь она можетъ подумать и о своей любви, разъ гибель неизбѣжна вслѣдствіе принесенной ею искупительной жертвы. Анна новымъ подвигомъ выражаетъ глубину и безкорыстіе своего чувства къ Жуану—идетъ къ нему съ послѣдними словами предостереженія и увѣщанія. Она помнитъ, что онъ отъ нея ждалъ спасенія, и она дастъ его ему, но не такъ, какъ онъ того желалъ. Она близка къ смерти; земное для нея уже болѣе не существуетъ; она ушла отъ него, и „вѣчность началась". Просвѣтленному духовному ея взору вполнѣ открыта теперь тайна жизни Жуана; то, о чемъ ея любящее сердце только догадывалось, ей стало ясно:

Въ душѣ ея нѣтъ болѣе упрековъ—

она хочетъ только одного — спасти гибнущаго, преступнаго, но все же дорогого ей человѣка. Нераскаянность Жуана и послѣднія слова, которыя она отъ него слышитъ, не возмущаютъ ее; она можетъ только молиться за него:

Боже, Боже!
Прости ему! Услышь молитву той,
Которая свою сгубила душу!

Анну обвиняли въ томъ, что она устраиваетъ Жуану мелодраматическую сцену, вродѣ столь излюбленныхъ французскими авторами патетическихъ сценъ, а затѣмъ уходитъ, чтобы съ собой покончить. Этотъ упрекъ неоснователенъ, потому что Анна вполнѣ опредѣленно говоритъ, что „умираетъ"; значитъ, дѣло уже сдѣлано. Мелодраматическая сцена совершенно не въ духѣ Анны; въ ней и вообще нѣтъ ничего неестественнаго и насильственнаго, да и самый моментъ не таковъ, чтобы думать о патетическихъ эффектахъ. Для Анны разговоръ съ Жуаномъ — это заключи-

тельный аккордъ ея жизни, моментъ, почти рѣшающій ея нравственную жизнь или смерть; какимъ невыразимымъ блаженствомъ было бы для нея, если бы Жуанъ раскаялся еще до ея смерти, и она могла бы покинуть міръ съ сознаніемъ, что гибель ея была не напрасна, и что ей дано было спасти другую, страждущую, ослѣпленную, но все же благородную душу. Жестокое, намѣренное непониманіе Жуана, съ которымъ онъ приглашаетъ свою умирающую жертву принять участіе въ его разгульномъ празднествѣ, наноситъ Аннѣ послѣдній ударъ. Эта кара — совершить смертный грѣхъ, погубивъ свою душу ради другого и напрасно—эта кара ужаснѣе всего, что она перенесла, и искупаетъ ея самоубійство. Сила любви Анны, грѣшащей, падающей и приносящей въ жертву ей не только свое существованіе, но и свою душу, дѣйствительно необычайна. Эта сверхъестественная мощь подымаетъ ее высоко надъ уровнемъ остальныхъ смертныхъ женщинъ и дѣлаетъ ее „точь въ точь на свой похожей идеалъ“. Это и есть сущность ея характера, та причина, по которой любовь ея является спасеніемъ для Жуана. Въ ея всепрощающей самоотверженности воплощается идеалъ непрестанно манившей его небесной любви; познай онъ это раньше, участь Анны не была бы столь трагична, но въ то же время и нравственное ея просвѣтлѣніе не было бы столь ярко и полно.

Характеръ Анны не исчерпывается указанными выше чертами; въ ней есть еще масса другихъ сторонъ и особенностей, дополняющихъ ея обликъ. Въ первыхъ сценахъ, въ которыхъ она появляется, въ ней—очаровательная мягкость, ласка, придающія ей что-то нѣжное и граціозное; въ остальныхъ же сценахъ въ ней проявляются такая страстность и величественность, что трудно узнать въ ней прежнюю беззаботную, счастливую любимицу престарѣлаго отца; она обращается въ страдалицу, чуть что не святую.

Анна глубоко религіозна; въ своемъ сближеніи съ Жуаномъ она видитъ перстъ Провидѣнія; она не перестаетъ вѣрить даже и тогда, когда всѣ ея идеалы низвергнуты и поруганы; даже врагу своему она указываетъ на молитву, какъ на путь ко спасенію. Самоубійство Анны не противорѣчитъ ея вѣрѣ и набожности. Она знаетъ, что губитъ свою душу, и страдаетъ и мучится этимъ сознаніемъ; но она не находитъ другого выхода изъ своего положенія, и этотъ послѣдній внутренній ея конфликтъ глубоко трагиченъ; грѣшница — и въ то же время святая, гибнущая — и все же просвѣтленная, она не можетъ не

вызвать глубокаго сочувствія и удивленія. Будучи сама натурой сильной, Анна ищетъ эту силу и въ любимомъ человѣкѣ, и нужна вся мощь и ширь духа Жуана, чтобы вполнѣ постичь ее,—но уже поздно: судьба ея исполнилась.

А какія великія дѣла могли бы совершить эти могучія духомъ личности, если бы судьба ихъ сложилась иначе!

Пламенный идеализмъ Жуана и безграничная, стойкая любовь Анны—способны были бы создать тотъ свѣтлый, прекрасный міръ, о которомъ мечталъ Жуанъ. Въ этой четѣ каждый равенъ другому—силою своей души и глубиной своихъ страданій.

Маргарита Саломонъ.

ИЗЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКО *)

I.

П. С. [1])

Что злой!? Съ нимъ рядомъ злая слава
Угрюмымъ стражникомъ бредетъ;
Но добряковъ душа лукава:
Добрякъ самъ славу проведетъ.

И ныньче скорбь въ душѣ я чую,
Какъ вспомню сторону родную.
Готическій съ часами домъ...
Село голодное кругомъ...
И шапку мужичокъ снимаетъ,
Завидѣвъ флагъ... Флагъ—знакъ, что „панъ"
Гостей въ хоромахъ принимаетъ.
Упитанъ „панъ" тотъ, какъ кабанъ,
И въ хлѣбосольствѣ очень рьянъ.
Ведя отъ гетмановъ дворянство,
Онъ презавзятый „патріотъ".
Онъ вѣренъ духу христіанства
И въ Кіевъ ѣздитъ каждый годъ.
Онъ въ свиткѣ радъ межъ господами

---

*) Всѣ четыре стихотворенія являются въ настоящемъ переводѣ впервые и заимствуются изъ перваго полнаго изданія „Кобзаря", вышедшаго, въ Петербургѣ, въ началѣ 1907 года, п. р. Доманицкаго.—Въ 1904 г., въ „Вѣстникѣ Европы", былъ уже напечатанъ переводъ нѣсколькихъ стихотвореній изъ Шевченко (авг., 677 стр.).

[1]) Иниціалы имени неизвѣстнаго лица, которому было авторомъ посвящено стихотвореніе.

Казаться добрымъ простякомъ.
Готовъ пить водку съ мужиками...
И вольнодумецъ подъ хмелькомъ.
Онъ весь тутъ, хоть пиши перомъ!
Какъ пару каждый день перчатокъ,
Мѣняетъ женщинъ—и спроста
Въ годъ изъ дѣтей своихъ съ десятокъ
Самъ креститъ именемъ Христа...

Не правда ль—грязь, позоръ?! Къ чему же
Его такъ люди не зовутъ?
Что на него всѣ не плюютъ?
Не топчутъ въ грязь?.. О, люди! Хуже
Нѣтъ васъ... Вамъ чарку поднеси
Съ кускомъ подгнившей колбасы,
А послѣ мать хоть попроси,—
Мать отдадите...
Жаль не злого,
Не пьянаго Петра Кривого;
А жаль, до боли жаль людей—
Слѣпыхъ, юродивыхъ дѣтей!

1848 г.
Надъ Аральскимъ моремъ.

II.

Мать-покрытка [1].

Жизнь—часто рай... Но что милѣе,
Что краше въ жизни и святѣе,
Какъ мать—съ тепломъ любви въ очахъ,
Съ ребенкомъ-крошкой на рукахъ?
Гляжу я на нее порою,
Даюся диву,—и печаль
Вдругъ хлынетъ въ сердце... Станетъ жаль,
Такъ жаль ея... И я съ тоскою,

---

[1] Въ Украйнѣ, какъ и въ Великороссіи, замужнія женщины не ходятъ съ открытой головой. Это правило распространяется и на дѣвушекъ, прижившихъ ребенка. Послѣ родовъ, такихъ дѣвушекъ — „покрываютъ"—надѣваютъ имъ на голову особый уборъ изъ платка. Отсюда и названіе—„покрытка".

Волненьемъ трепетнымъ томимъ,
Склонюсь предъ нею головою,
Какъ передъ образомъ святымъ
Той Матери, что въ міръ нашъ грѣшный,
Какъ солнца лучъ во мракъ кромѣшный,
Живого Бога принесла...

Какъ жизнь ея теперь свѣтла!
Она встаетъ въ молчаньи ночи
И, устремивъ къ ребенку очи,
Его, какъ счастье, бережетъ,—
Не спитъ и только солнца ждетъ,
Чтобъ взоромъ, полнымъ теплой ласки,
Опять глядѣть въ родные глазки,
Глядѣть и думать: „Ты—мое,
Мое!.." Молиться на него
И за него молиться Богу.

Идетъ ли улицей она,—
Душа въ ней гордостью полна.
Забывъ и горе, и тревогу,
Она царицею глядитъ
И словно людямъ говоритъ:
„О, все село пройдите наше,
Весь міръ, но мальчикъ мой—всѣхъ краше!"
А если кто-либо порой
Посмотритъ на дитя,—какой
Восторгъ въ душѣ ея! Сіяя,
Она идетъ-бредетъ домой,
Неся малютку,—и ей мнится:
Село глядитъ—не наглядится...
Онъ—въ радость всѣмъ; а безъ него—
Нѣтъ въ ихъ деревнѣ ничего...
Счастливая!
Но дни мелькаютъ...
Неслышно дѣти подростаютъ,
Ихъ, словно травку, гонитъ ввысь;
А выросли, и разошлись
На заработки, да въ солдаты.
Отъ грезъ, отъ счастья твоего
Ужъ не осталось ничего.
Одна ты средь печальной хаты...

Глядишь тоскливо въ темноту.
Старушкѣ нечѣмъ наготу
Прикрыть,—ей не во что одѣться...
Нѣтъ дровъ, чтобъ въ холодъ обогрѣться...
И будь онѣ,—гдѣ силъ найти
Огонь бѣднягѣ развести.
Лежитъ одна и еле-еле
Молитву шепчетъ на постели—
Все за дѣтей, за нихъ...
. . . .

А ты,
Дитя и мукъ, и нищеты!
Ты пробираешься средь дола,
Въ стыдѣ минуя робко сёла,
И, полемъ-степью идучи,
Ты плачешь горестно въ ночи...
И днемъ, и ночью—то кручина,
То стыдъ тебя бросаютъ въ жаръ.
Щебечутъ птицы: „Вишь ты—сына
Несетъ покрытка на базаръ!“

Гдѣ жъ краса твоя, что прежде
Ярко расцвѣтала?
Ею люди любовались...
Нѣтъ ея,—пропала.
Отнялъ все, все взялъ ребенокъ!
Выгналъ изъ-подъ крова,—
И пошла ты сжатой степью,
Не сказавъ ни слова.
Какъ зараза, всѣмъ страшна ты...
А дитя родное
Ни сказать, ни встать не въ силахъ:
Вѣдь оно—грудное.

Будетъ день—и скажетъ сынъ твой
Съ лаской, не сурово,—
Скажетъ: „мама!..“ О, святое,
Золотое слово!
Вспыхнешь вся ты и разскажешь,
Всю разскажешь повѣсть,

Какъ паничъ забылъ лукавый
Бога, стыдъ и совѣсть.
Но не долго будетъ счастье.
Дѣтство скоро минетъ.
Подростетъ твой сынъ, твой Ваня,
И тебя покинетъ,
Чтобы каждый на распутьи
Надъ тобой глумился...
Упрекнетъ тебя потомъ сынъ,
Что на свѣтъ родился.
Скажетъ: „Въ томъ ты виновата,
Что я вѣкъ томился“.
Ты жъ его любить ввѣкъ будешь,
Будешь плакать горько—
И межъ псами на морозѣ
Сгинешь средь задворка.

Оттого-то жаль, жаль тяжко
Матери несчастной:
Мать дитя, какъ счастье, любитъ
Всей душою страстной—
И за жизнь его готова
Вѣкъ терпѣть невзгоды.
Мать отдастъ ребенку въ жертву
Молодые годы.
Мать погубитъ, не жалѣя,
Жизнь въ трудѣ безплодномъ.
А дитя... дитя, быть можетъ,
Выростетъ негоднымъ
И, для матери вѣкъ цѣлый
Лишь служа помѣхой,
Для души ея не будетъ
Никогда утѣхой.

Хорошо жить только барамъ.
Баре бѣдъ не знаютъ
И не знаютъ, какъ ихъ дѣти
Въ домѣ выростаютъ:
Матерей тамъ нѣтъ,—кормилицъ
Къ дѣтямъ нанимаютъ.

1849 г.
Аральская Коса.

III.

Иду однажды я въ ночи
По-надъ Невой и, идучи,
Веду бесѣду самъ съ собою:
„О, если бъ волею судьбы
Не никли въ трепетѣ рабы,—
То не стояло бъ надъ Невою
Вотъ этихъ каменныхъ палатъ.
Была бъ сестра и былъ бы братъ...
Теперь же—золъ и горя много.
Ни Бога нѣтъ, ни полубога.
Псари съ псарятами царятъ.
А мы—въ забаву имъ... Мы скачемъ
Съ борзыми, холимъ ихъ, да плачемъ!“

Вотъ такъ-то позднею порою
Въ раздумьи брелъ я надъ Невою
И, полный горестной тоски,
Не вижу, что изъ-за рѣки,
Какъ бы изъ ямы, надъ волнами
Моргаетъ кошка мнѣ глазами...
Не очи кошки то блестятъ,—
То фонари, дрожа лучами,
У Петропавловки горятъ.
И, трижды плюнувъ, я смутился,
Крестомъ невольно осѣнился—
И прочь пошелъ средь тьмы угрюмой
Все съ той же, что и раньше, думой...

1860 г. 13 ноября.
Петербургъ.

IV.

Богдану Хмельницкому.

Когда бъ изъ гроба ты воспрянулъ
И вновь на Переяславъ глянулъ,
Да на „замчище“ [1]) поглядѣлъ,—
Ты бъ хмелю, водки захотѣлъ.

О, препрославленный казачій
Разумный батько! Ты въ смердячей
Жидовской хатѣ сталъ бы пить;
Ты бъ радъ себя былъ утопить
Среди свиней въ грязи стоячей.

Аминь тебѣ, великій муже!
И чѣмъ славнѣе ты,—тѣмъ хуже.
Когда бъ на свѣтъ ты не родился,
Иль въ колыбели бы упился,
Мнѣ не пришлось купать бы въ лужѣ
Тебя, преславнаго...
Аминь!

1859 г.
Переяславъ.

Перев. Павелъ Тулубъ.

---

[1]) „Замчище“—развалины зáмка съ остатками старинной крѣпости вблизи Переяславля.

ЦЕРКОВЬ, ПАПСТВО

И

ГОСУДАРСТВО

въ IV-мъ вѣкѣ

Окончаніе.

VI *).

Въ исторіи пелагіанства проявилось впервые стремленіе римскихъ епископовъ присвоить себѣ догматическій авторитетъ надъ церковью; но одновременно съ этимъ шло стремленіе захватить іерархическую власть надъ церковью, принимая апелляціи отъ епископовъ и духовенства другихъ епархій. Въ этомъ отношеніи мы видимъ въ Африкѣ такой же рѣзкій отпоръ притязаніямъ Рима, какъ и въ области догматики, и такую же твердую рѣшимость отстоять самостоятельность провинціальнаго епископата. Чрезвычайно поучительно въ этомъ отношеніи столкновеніе, вызванное еще при папѣ Зосимѣ, дѣломъ пресвитера Апіарія. Этотъ Апіарій, отлученный отъ церкви своимъ епископомъ Урбаномъ— въ городѣ Сиккѣ — за разныя преступленія,—апеллировалъ въ Римъ и былъ тамъ возстановленъ въ своемъ санѣ. Это дѣло вызвало въ Африкѣ большое неудовольствіе. Обращеніе въ Римъ пресвитера съ жалобой на судъ своего епископа противорѣчило всѣмъ преданіямъ африканской церкви и грозило подорвать церковную дисциплину. Въ виду этого, соборъ 418 г. постановилъ

*) См. выше: октябрь, 441 стр.

въ 17-мъ канонѣ, что пресвитеры, дьяконы и низшіе клерики, недовольные судомъ своего епископа, могутъ съ его согласія обращаться къ сосѣднимъ епископамъ; если они и ими останутся недовольны, то могутъ апеллировать къ примату своей провинціи, или къ африканскому собору. Если же кто обратится съ жалобой въ какой-нибудь судъ за-моремъ, то того никто не долженъ въ Африкѣ допускать къ церковному общенію. Въ отвѣтъ на это папа Зосима отправилъ въ Африку епископа Фаустина съ двумя пресвитерами и съ грамотой, въ которой предписывалъ легату пригрозить епископу Урбану отлученіемъ отъ церкви, если онъ будетъ противиться оправданію Апіарія, или не явится въ Римъ для отвѣта. Это неслыханное требованіе было мотивировано ссылкой на каноны *Никейскаго* собора.

Такая ссылка папской канцеляріи на постановленія Никейскаго собора представляетъ собою интереснѣйшій фактъ въ исторіи папской власти и психологическую загадку. Дѣло въ томъ, что Никейскія постановленія не давали римскому епископу ни малѣйшаго основанія для распоряженій, принятыхъ имъ какъ по отношенію къ епископу Урбану, такъ и по отношенію къ пресвитеру Апіарію. Каноны, на которые ссылался папа въ своей грамотѣ, были постановлены не вселенскимъ Никейскимъ соборомъ, а позднѣйшимъ соборомъ въ Сардикѣ, на которомъ присутствовали почти исключительно западные епископы, и то не изо всѣхъ провинцій—такъ, напримѣръ, Африка не была представлена въ Сардикѣ, и постановленія тамошняго собора не были извѣстны въ этой провинціи.

Да и приведенные въ папскомъ посланіи каноны могли лишь съ явной натяжкой служить опорою для притязаній папы. Соборъ въ Сардикѣ, имѣя въ виду обезпечить православныхъ епископовъ отъ низложенія ихъ аріанскими, постановилъ: если епископъ, низложенный своими товарищами по провинціи, обратится въ Римъ, и папа найдетъ необходимымъ произвести новое разслѣдованіе его дѣла, то ему надлежитъ написать объ этомъ епископамъ, живущимъ по сосѣдству съ провинціей, гдѣ это случилось, для того, чтобы они это дѣло тщательно разслѣдовали и постановили согласный съ истиной приговоръ. Далѣе было сказано, что если такой епископъ станетъ просить папу, чтобы онъ отрядилъ своего пресвитера для того, чтобы онъ принялъ участіе съ упомянутыми епископами въ судоговореніи второй инстанціи, то папѣ предоставляется по своему усмотрѣнію исполнить это желаніе или признать достаточнымъ судъ однихъ епископовъ. Какъ изъ этого видно, епископы Сардика, допуская апелляцію въ Римъ, вовсе не

предоставляли своему римскому собрату право судоговоренія, а лишь болѣе скромное право признать необходимость вторичнаго разсмотрѣнія, т.-е., такъ сказать, право кассаціи и передачи дѣла въ судъ иного состава, но опять-таки мѣстный судъ. Притомъ, предоставленное римскому епископу право простиралось только на случай — низложенія епископа мѣстнымъ соборомъ, а вовсе не на всю область дисциплинарной власти провинціальныхъ соборовъ [1]). Поэтому этотъ канонъ вовсе не давалъ папѣ Зосимѣ права отлучать отъ церкви епископа Урбана или требовать его на судъ въ Римъ. Также несостоятельна была ссылка на другой канонъ, касавшійся апелляціи пресвитеровъ на судъ епископа. Соборъ въ Сардикѣ въ этомъ отношеніи лишь постановилъ: пресвитеру или дьякону, отлученному своимъ епископомъ, предоставляется право прибѣгнуть къ сосѣднимъ епископамъ для того, чтобы дѣло его было снова разсмотрѣно и приговоръ его епископа былъ подтвержденъ или отмѣненъ. Очевидно, что и изъ этого канона никакъ нельзя было вывести право Апіарія обращаться въ Римъ и право римскаго епископа лично отмѣнять судебный приговоръ епископа Сикки. Собравшіеся въ Сардикѣ епископы были далеки отъ мысли лишить себя дисциплинарной власти надъ своимъ духовенствомъ и возвести римскаго епископа въ положеніе верховнаго судьи по всему пространству церкви.

Но еще болѣе замѣчательно, чѣмъ эта беззастѣнчивая натяжка, то, что приведенные каноны выдавались папской канцеляріей за Никейскіе. Произошло ли это по недосмотру со стороны составителя грамоты, или преднамѣренно и съ вѣдома папы? Историки весьма различно отзываются на этотъ вопросъ. Такой сравнительно объективный католическій историкъ, какъ Гефеле, утверждаетъ, что папа Зосима дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ bona fide; Лёнингъ выражаетъ относительно этого большое недоумѣніе [2]), находя, что „истинное положеніе дѣла было несомнѣнно извѣстно римскому епископу“.

Какъ же объяснить этотъ странный пріемъ римской куріи? Подлогомъ въ современномъ значеніи этого понятія это назвать нельзя. Невѣжество и небрежность канцелярскихъ дѣльцовъ, конечно, могли тутъ имѣть вліяніе. Никейскій соборъ происходилъ почти на сто лѣтъ раньше, а со времени собора въ Сардикѣ также уже прошло 64 года. Составители сборниковъ соборныхъ

[1]) См. Löning. Gesch. d. d. Kirchenrechts, p. 453.

[2]) Indessen muss es doch höchst bedenklich erscheinen, wenn die römischen Bischof, denen das richtige Verhältniss unzweifelhaft bekannt sein konnte und musste, и т. д. Ibid.

постановленій въ то время часто производили свою работу механически, не обозначая происхожденія отдѣльныхъ постановленій, и именно каноны собора въ Сардикѣ встрѣчаются въ рукописяхъ, какъ простое продолженіе Никейскихъ постановленій. Но все же посланіе Зосимы нельзя объяснять простымъ промахомъ. Въ Римѣ, который желалъ быть руководителемъ церкви, должны были знать постановленія перваго вселенскаго собора. Затѣмъ, это не одинокій случай, а цѣлая система. Уже Иннокентій I ссылался на Сардикскія постановленія, выдавая ихъ за Никейскія. Главное объясненіе нужно, по нашему мнѣнію, искать въ самоувѣренности и традиціонномъ убѣжденіи римскихъ куріаловъ, что ихъ епископъ призванъ управлять церковью. Это было какъ бы новымъ проявленіемъ стариннаго римскаго духа, воспитаннаго на почвѣ мірового владычества—„tu regere populos, romane, memento"; съ той разницей однако, что христіанскій Римъ имѣлъ болѣе высокія полномочія и болѣе идеальные мотивы для владычества надъ христіанскимъ міромъ. При такомъ убѣжденіи всякія доказательства на право такого владычества играли лишь второстепенную роль; миѳическіе ученики и преемники апостола Петра, не подлинныя соборныя постановленія—становились, какъ и съ натяжкой истолкованные тексты, неотъемлемой принадлежностью куріальнаго стиля.

Но африканскую церковь, во главѣ которой стояли образованные богословы и люди глубоко убѣжденные въ высокомъ призваніи епископата, нельзя было тогда обойти такими средствами.

Къ счастью, до насъ дошли протоколы собора, состоявшагося 25 марта 419 г. Этому предшествовалъ другой соборъ въ концѣ 418 г.; отвѣтъ этого собора Зосимѣ до насъ не дошелъ; можетъ быть, и не дошелъ до этого папы, скончавшагося 26-го декабря 418 года. Происшедшая въ Римѣ по смерти Зосимы схизма при избраніи новаго папы затянула дѣло. Наконецъ, восторжествовавшій надъ своимъ соперникомъ папа Бонифацій возобновилъ полномочія Фаустина, и тогда началось интересное состязаніе между этимъ легатомъ и соборомъ африканскихъ епископовъ.

Предсѣдательствовалъ на соборѣ, на которомъ присутствовало 217 епископовъ, *папа* Аврелій,—вопреки притязаніямъ папскаго легата на предсѣдательство—на второмъ мѣстѣ сидѣлъ Валентинъ, примасъ (старшій по лѣтамъ епископъ) Нумидіи и лишь третье мѣсто было предоставлено легату Фаустину. Въ виду недоумѣній, вызванныхъ ссылкой папскаго посланія на постановленія Никейскаго собора, Аврелій приказалъ принести и прочесть Никейскіе каноны. Фаустинъ прервалъ его, требуя, чтобы сначала была

прочитана папская грамота, коммонитарій, и заявилъ при этомъ, что кромѣ соборныхъ каноновъ нужно держаться и многаго, что̀ установлено обычаемъ.

На этомъ, Алипій изъ Тагасты, ученикъ и близкій другъ Августина, прервалъ легата, указавъ, что дѣло уже раньше разсмотрѣно, и текстъ, на который ссылается Зосима, не совпадаетъ съ текстомъ постановленій Никейскаго собора. Въ виду этого, онъ предложилъ отправить посланцевъ въ Константинополь, Антіохію и Александрію, гдѣ можно найти подлинные списки Никейскихъ постановленій, а также просить римскаго епископа, чтобы и онъ сдѣлалъ то же самое. Это не понравилось Фаустину, который предложилъ просить папу, чтобы онъ самъ произвелъ изслѣдованіе дѣла. Наведеніе же справокъ въ чужихъ (!) городахъ вызоветъ мнѣніе, будто между западными церквами существуетъ распря.

Послѣ этого Аврелій приказалъ читать коммонитарій. Августинъ внесъ, такъ сказать, примирительное предложеніе, заявляя, что они готовы держаться приведеннаго тамъ канона подъ условіемъ тщательнаго разслѣдованія Никейскихъ каноновъ. Съ этимъ всѣ согласились, причемъ была внесена оговорка:—„мы согласны на то, что̀ было постановлено въ Никеѣ". Но такъ какъ мнимый Никейскій канонъ, который епископы согласились соблюдать до полученія справки, касался только апелляцій епископовъ, а не низшаго духовенства, то этимъ постановленіемъ африканскихъ епископовъ исключалось вмѣшательство Рима въ дѣло Апіарія. Легатъ сдѣлалъ еще одну попытку смягчить пораженіе Рима, предложивъ просить папу разсмотрѣть, слѣдуетъ ли настаивать на апелляціи Апіарія. Но африканскіе епископы съумѣли устранить этотъ выходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый поводъ къ спору. Они сообщили, что Апіарій самъ просилъ простить его, что на него была возложена эпитимья и онъ снова принятъ въ лоно церкви. Но для избѣжанія какихъ-либо столкновеній его удалили изъ Сикки съ правомъ быть пресвитеромъ во всякой другой епархіи.

Въ заключеніе, Аврелій приложилъ къ протоколу находившійся въ карѳагенской церкви списокъ Никейскихъ каноновъ, съ оговоркой, что относительно вѣрности его будетъ наведена справка въ восточныхъ церквахъ.

Сообщая объ этомъ папѣ Бонифацію, соборъ выражалъ въ своемъ посланіи требованіе, чтобы имъ было предоставлено право жить по Никейскимъ канонамъ, и надежду, что африканскіе епископы не будутъ впредь подвергаться высокомѣрному обра-

щенію, и что относительно ихъ будетъ соблюдаться то, что не безъ настоянія съ ихъ стороны слѣдовало бы соблюдать. Относительно же содержанія Никейскихъ каноновъ епископы писали, что справлялись во многихъ рукописяхъ латинскаго текста Никейскихъ каноновъ и нигдѣ не находили того, что сказано въ папскомъ коммонитаріи.

Дѣло Апіарія, однако, этимъ не кончилось. Онъ не исправился и, четыре года спустя, подалъ поводъ къ новому, торжественному заявленію африканскаго епископата противъ притязаній Рима. Въ своемъ новомъ мѣстопребываніи, въ городѣ Табракѣ, Апіарій вызвалъ своимъ поведеніемъ противъ себя такія нареканія, что снова былъ лишенъ собраніемъ епископовъ своего сана. Онъ опять обратился въ Римъ къ папѣ Целестину и нашелъ снова покровителя въ епископѣ Фаустинѣ, который его однажды возстановилъ въ санѣ пресвитера и, повидимому, теперь смотрѣлъ на его дѣло, какъ на свое личное дѣло. Они оба снова отправились въ Карѳагенъ и пытались передъ засѣдавшимъ тамъ въ 424 году соборомъ, на которомъ присутствовалъ и Августинъ, добиться своей цѣли—Апіарій своего оправданія, Фаустинъ кромѣ того — судебнаго верховенства Рима. По этому поводу, соборъ отправилъ папѣ Целестину слѣдующее знаменательное посланіе: „Черезъ пресвитера Льва ты намъ писалъ, что очень былъ обрадованъ прибытіемъ Апіарія; и мы бы порадовались этому, если бы онъ оказался невиновнымъ. Но преступленія, въ которыхъ его обвиняютъ жители Табраки, такъ чудовищны, что самъ Фаустинъ не въ состояніи провести свое намѣреніе послужить Апіарію защитникомъ вмѣсто того, чтобы стать его судьею. Сначала Фаустинъ противился оскорбительнымъ образомъ собору и требовалъ подъ предлогомъ защиты привилегій римской церкви, чтобы Апіарій, принятый на основаніи мнимой апелляціи къ папѣ въ лоно церкви, былъ бы и въ Африкѣ допущенъ къ общенію съ нею. Но прочтеніе приложенныхъ документовъ убѣдило Фаустина, что это недопустимо. Послѣ трехдневнаго разбора дѣла Господь положилъ конецъ волокитѣ Фаустина и ухищреніямъ Апіарія, ибо наконецъ послѣдній признался во всѣхъ своихъ ужасныхъ преступленіяхъ“.

Въ виду этого соборъ проситъ папу, чтобы онъ впредь не принималъ у себя прибывающихъ къ нему съ жалобами изъ Африки и не допускалъ отлученныхъ отъ церкви къ общенію съ нею, какъ это и постановлено Никейскимъ соборомъ. Точно также онъ долженъ отказывать въ принятіи апелляцій отъ пресвитеровъ и низшихъ клериковъ, потому что *отцы* не подвергли африкан-

ской церкви такому ограниченію и Никейскія постановленія предоставляютъ низшихъ клериковъ, какъ и епископовъ, суду своихъ митрополитовъ. Разумно и справедливо *отцы* признали, что всѣ дѣла должны быть рѣшаемы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они возникли, и что всякому разслѣдованію присуща помощь св. Духа, въ виду особенно того, что всякому предоставлена апелляція отъ перваго суда къ провинціальному или даже генеральному собору всей области. Вѣдь никто же не повѣритъ, что Господь можетъ внушить единоличному судьѣ, кто бы онъ ни былъ, справедливость и отказать въ ней большому числу собравшихся на соборъ епископовъ! И какую же можетъ имѣть силу судебный приговоръ, состоявшійся за моремъ, куда не могли быть привлечены необходимые свидѣтели?

Наконецъ, соборъ протестуетъ противъ присылки легатовъ отъ римскаго епископа, не находя нигдѣ соборнаго постановленія, узаконяющаго это. То, что римляне прежде ссылались по поводу этого чрезъ легата Фаустина на постановленія Никейскаго собора, африканскіе епископы признаютъ неправильнымъ, такъ какъ они не нашли такихъ постановленій въ спискахъ, полученныхъ ими отъ Кирилла Александрійскаго и Аттика Константинопольскаго и пересланныхъ ими римскому епископу Бонифацію.

Въ заключеніе, африканскіе епископы просятъ Целестина не присылать въ Африку, по настоянію какихъ бы то ни было просителей, своихъ клериковъ для исполненія приговоровъ „того ради, чтобы духъ свѣтской надменности не вторгся въ церковь Христову, которая должна быть свѣточемъ простоты и смиренія. Такъ какъ жалкій Апіарій нынѣ удаленъ за свои преступленія изъ церкви, епископы выражаютъ упованіе, что Целестинъ въ своей справедливости и умѣренности ихъ впредь пощадитъ присылкой Фаустина. Да сохранитъ Господь, господинъ *братъ нашъ* (domine frater), еще долго тебя и твои молитвы за насъ“.

Какъ изъ этого видно, попытка римскихъ епископовъ выдавать постановленія собора въ Сардикѣ за Никейскія и во имя авторитета перваго вселенскаго собора подчинить себѣ африканскую церковь—потерпѣла полную неудачу. Африканскіе епископы, убѣдившись, что римская курія вводила ихъ въ заблужденіе, пошли еще дальше въ своей оппозиціи Риму и не захотѣли признать для себя обязательными постановленія Сардика, которыя были усвоены другими западными церквами [1]).

Во всемъ этомъ единодушномъ протестѣ африканской церкви

---

[1]) Langen, 729.

противъ надвигавшейся власти Рима Августинъ принималъ постоянное и дѣятельное участіе. Но на ряду съ этимъ мы имѣемъ передъ собою непосредственное заявленіе Августина по вопросу объ отношеніи папы къ африканскимъ церковнымъ дѣламъ, которое поэтому заслуживаетъ особаго вниманія. Это — письмо Августина къ папѣ Целестину, написанное въ началѣ его правленія въ 422 г., т.-е. въ промежутокъ между протестомъ двухъ африканскихъ соборовъ по дѣлу Апіарія. Замѣчательно, что это письмо Августина къ Целестину не находится въ рукописяхъ, заключающихъ въ себѣ его переписку, и сохранилось только въ одной, Ватиканской рукописи. Письмо это было вызвано дѣломъ Антонія, епископа въ мѣстечкѣ Фуссалѣ, который былъ туда рекомендованъ Августиномъ изъ числа его пресвитеровъ, въ виду его знакомства съ пунійскимъ языкомъ, но затѣмъ, по многочисленнымъ жалобамъ его паствы, за вымогательства и разные проступки лишенъ на съѣздѣ епископовъ власти, хотя и оставленъ въ званіи епископа. Обѣ стороны, какъ населеніе мѣстечка, такъ и Антоній, остались недовольны этимъ приговоромъ и апеллировали въ Римъ. Антоній считалъ неправильнымъ лишеніе его власти; жители Фуссалы, которымъ онъ грозилъ вмѣшательствомъ свѣтскихъ властей и военной экзекуціей для исполненія ожидаемаго приговора апостольской каѳедры, были противъ оставленія его въ санѣ епископа.

Дѣло поступило въ Римъ еще при папѣ Бонифаціѣ, который потребовалъ отъ епископовъ, судившихъ Антонія, объясненія, вѣрно ли было изложено дѣло Антоніемъ. Письмо Августина служитъ отвѣтомъ на этотъ запросъ, но ему пришлось его отправить уже новому папѣ — Целестину.

Въ письмѣ къ папѣ, съ которымъ онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, Августинъ нигдѣ не выражаетъ неудовольствія противъ того, что апелляція Антонія была принята въ Римѣ; но онъ отнюдь не принимаетъ и положенія призваннаго къ отвѣту подчиненнаго. Онъ проситъ папу придти къ нему на помощь своимъ совѣтомъ; онъ проситъ его содѣйствовать (collaborare) епископамъ, покаравшимъ Антонія: взывая къ памяти апостола Петра, Августинъ проситъ папу помочь жителямъ Фуссалы, которые молятъ о его милосердіи во Христѣ гораздо усерднѣе, чѣмъ Антоній.

Августинъ, далѣе, отстаиваетъ правильность приговора надъ Антоніемъ и ссылается при этомъ на прецеденты и авторитетъ самого „апостольскаго престола“, постановлявшаго подобные приговоры или утверждавшаго приговоры другихъ (aliorum judicta

firmante). Августинъ приводитъ въ примѣръ изъ недавняго прошлаго три случая, когда епископы изъ Мавританіи Цесарійской подверглись ограниченіямъ въ правахъ съ оставленіемъ въ санѣ. Изъ словъ Августина, однако, нельзя усмотрѣть, состоялись ли эти приговоры при какомъ-либо участіи римскаго епископа, или восходили ли они къ нему на утвержденіе.

Слѣдуетъ ли изъ этого письма, что Августинъ признавалъ здѣсь право римскаго епископа перерѣшать судебные приговоры мѣстныхъ епископскихъ съѣздовъ или соборовъ? Этого отнюдь нельзя сказать. Вѣдь по дѣлу Антонія не состоялось въ Римѣ никакого приговора, а послѣдовалъ лишь запросъ. Отвѣчая на него, Августинъ не отказывался отъ принципа карѳагенскихъ соборовъ держаться постановленій Никейскаго собора. Отвергать всякое обращеніе въ Римъ, противиться всякому взаимодѣйствію провинціальныхъ церквей съ римской было къ лицу донатистамъ, но никакъ не ихъ противникамъ, африканскимъ православнымъ. Уваженіе къ каѳедрѣ св. Петра въ Римѣ, откуда Карѳагенъ получилъ христіанство, было въ Африкѣ естественно и глубоко.

Мы полагаемъ, что Августинъ былъ очень послѣдователенъ въ этомъ вопросѣ. Въ общемъ интересѣ церкви онъ считалъ необходимымъ взаимодѣйствіе церковныхъ властей въ центрѣ и въ провинціи, и онъ могъ еще вѣрить въ возможность провести эту политику безъ ущерба для самостоятельности мѣстныхъ церквей и для торжества правды. Въ подтвержденіе этого мы можемъ привести очень характерное заявленіе Августина въ письмѣ его къ Классиціану, который былъ отлученъ отъ церкви мѣстнымъ епископомъ со всей своей семьей и домочадцами и обратился къ нему съ просьбою о заступничествѣ. Горячо возставая противъ рѣшенія, подвергавшаго, изъ-за проступка одного лица, опасности „многія души“, Августинъ отвѣчалъ Классиціану, что намѣренъ поднять это дѣло на провинціальномъ соборѣ, а если понадобится, то написать объ этомъ и апостольскому престолу для того, чтобы надлежащее въ такихъ дѣлахъ было установлено и утверждено со всеобщаго согласія (concordi omnium auctoritate).

Вотъ это стремленіе къ соглашенію всѣхъ авторитетовъ слѣдуетъ признать принципомъ, которымъ руководился Августинъ по отношенію къ римской каѳедрѣ во всѣхъ вопросахъ — какъ догматическихъ, такъ и дисциплинарныхъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и слова его поученія къ паствѣ по пелагіанскому вопросу: „апостольскому престолу уже посланы постановленія двухъ соборовъ и оттуда уже пришелъ отвѣтъ. Дѣло кончено“.

Августинъ обращался въ Римъ не за полученіемъ предписанія свыше, а чтобы заручиться соглашеніемъ всѣхъ авторитетовъ.

VII.

Изображенныя нами отношенія Августина вполнѣ соотвѣтствуютъ его теоретическимъ опредѣленіямъ власти римскаго епископа, съ которыми мы теперь и познакомимся. Эти теоретическія соображенія освѣтятъ приведенные факты и съ своей стороны найдутъ въ нихъ подтвержденіе.

Взглядъ Августина на происхожденіе и значеніе папской власти представляетъ собою интересный моментъ въ исторіи развитія этой власти и ярко оттѣняетъ собою столь различную отъ него *римскую* теорію, послужившую основаніемъ для папской теократіи. Мы уже упоминали о томъ, какъ тѣсна была связь между христіанской Африкой и Римомъ, и какъ съ другой стороны первая всегда проявляла большую самостоятельность по отношенію къ римской церкви. Августинъ былъ преемникомъ обоихъ этихъ преданій. Онъ высоко цѣнилъ римскую церковь, но все же онъ былъ слишкомъ самостоятеленъ какъ богословъ и его міровоззрѣніе было слишкомъ широко, чтобъ онъ могъ быть слѣпымъ поклонникомъ ея. Все философское міровоззрѣніе Августина располагало его въ пользу принципа единства. Самое понятіе церкви было для него неразлучно съ этимъ принципомъ. Долголѣтняя борьба съ донатизмомъ побудила его ставить еще выше въ церкви знамя единства. Не даромъ уже у его предшественника Оптата церковь прямо обозначается словомъ „unitas". Но что могло бы служить наиболѣе нагляднымъ выраженіемъ этого единства, какъ не представленіе о единомъ пастырѣ, получившемъ свою власть отъ того апостола, которому Христосъ поручилъ пасти „овцы своя"? Мы на самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ у Августина мѣста, гдѣ онъ отдаетъ преимущество римской церкви передъ другими, гдѣ онъ признаетъ за римскимъ епископомъ почетное первенство среди другихъ: „Римская церковь,—говоритъ Августинъ,—всегда обладала превосходствомъ (principatui) апостольской каѳедры". Обращаясь къ папѣ Бонифацію съ указаніемъ на общее всѣмъ епископамъ высокое пастырское положеніе, Августинъ, оговариваясь, прибавляетъ: „хотя ты преобладаешь (надъ ними) высотою твоего положенія".

Но не всегда такъ было. Весьма часто Августинъ сопоставляетъ римскаго епископа съ другими безъ всякой оговорки въ

его пользу. Онъ ставитъ на одномъ ряду „каѳолическихъ епископовъ Аѳанасія (александрійскаго) и Юлія (римскаго)."

Онъ называетъ: „Кипріана (карѳагенскаго) и римскаго епископа Стефана—епископами двухъ выдающихся церквей". Онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи *О христіанскомъ ученіи* (II, 3), что „тѣ сочиненія должны считаться каноническими, которыя признаны таковыми большинствомъ церквей и наиболѣе уважаемыми, особенно апостольскими престолами". Здѣсь, какъ видно, римской церкви не отдается никакого преимущества передъ другими апостольскими церквами.

Можно еще болѣе усомниться въ реальномъ значеніи того превосходства, которое Августинъ признаетъ за римской церковью, когда встрѣчаешь у него мѣста, гдѣ она вовсе не упоминается въ числѣ обязательныхъ для христіанъ авторитетовъ. Такъ, въ своемъ письмѣ къ Януарію (№ 54.1) Августинъ говоритъ по поводу разнообразія относительно постныхъ дней или служенія обѣдни ежедневно или въ извѣстные дни, что обычаи, основанные не на писаніи, а соблюдаемые повсюду по преданію, восходятъ или къ апостоламъ, или установлены общими (plenariis) соборами. Еще рѣшительнѣе отрицается Августиномъ всякое реальное преимущество за римскимъ епископомъ тамъ, гдѣ Августинъ подчиняетъ его наравнѣ съ другими епископами высшему авторитету. Такъ, онъ говоритъ въ сочиненіи *О единствѣ церкви* (28): „Не то вѣрно, чему учатъ отдѣльныя лица; даже каѳолическимъ епископамъ не слѣдуетъ вѣрить, если они заблуждаются и впадаютъ въ противорѣчіе съ Св. Писаніемъ". Или, еще онъ говоритъ, что ученію всей церкви должно отдавать предпочтеніе передъ мнѣніемъ какого-либо епископа. Какъ далеко отсюда до постановленія Ватиканскаго собора!

Но кромѣ этого есть мѣста, прямо направленныя противъ притязаній римскихъ епископовъ на привилегированное положеніе въ церкви. Напоминая что донатистовъ осудилъ римскій епископъ, Мелхіадъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, Августинъ говоритъ: „Если этотъ приговоръ былъ неправиленъ, то имъ оставалось прибѣгнуть къ вселенскому собору, чтобы отмѣнить его". Въ другомъ мѣстѣ, Августинъ прямо усвоиваетъ себѣ выраженіе Кипріана въ его полемикѣ противъ римскаго епископа Стефана и заявляетъ, что никто не желаетъ вознестись до званія епископа надъ епископами; судъ надъ всѣми они предоставляютъ Господу" [1].

[1] См. приложеніе къ книгѣ Лангена о взглядахъ Августина на римскій епископатъ.

Изъ такихъ разнорѣчивыхъ отзывовъ Августина о римскомъ епископатѣ можно было бы, конечно, извлечь выводъ, къ которому и пришелъ Рейтеръ въ своемъ тщательномъ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ, что представленія Августина о значеніи папства—*колеблющіяся*. Но подобнымъ заключеніемъ нельзя удовлетвориться. Противорѣчивыми могутъ оказаться отзывы Августина о папствѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы стали принимать ихъ—напримѣръ, выраженіе *превосходство* (principatus) римской каѳедры—въ такомъ смыслѣ, который они получили благодаря позднѣйшему возвышенію Рима. Но всѣ кажущіяся противорѣчія исчезаютъ въ идеальномъ представленіи о церкви, которымъ жилъ Августинъ. Въ этомъ идеальномъ образѣ не было мѣста для притязаній римскихъ епископовъ на реальную власть. Все то, изъ чего политика римской церкви съумѣла извлечь для себя политическую выгоду, въ этомъ идеальномъ образѣ получаетъ лишь аллегорическій духовный смыслъ.. Въ особенности это относится къ значенію апостола Петра, исходной точкѣ римскаго величія. Въ Римѣ рано сложился образъ этого апостола, не вмѣщавшійся въ рамки первоначальныхъ представленій христіанскихъ общинъ. Чѣмъ болѣе возвышался этотъ образъ, тѣмъ далѣе простирались притязанія его преемниковъ. Прозаическая, какъ и встарину, миѳологія римлянъ овладѣла этимъ образомъ и сдѣлала изъ апостола привратника царства небеснаго, вслѣдствіе чего власть *ключей* стала монополіей его преемниковъ. Но такой взглядъ не сразу возобладалъ внѣ предѣловъ римской епархіи. Въ Африкѣ Тертулліанъ, какъ выше указано, возражалъ папѣ Зефирину, что власть „связывать и разрѣшать“ не перешла къ нему, ибо была личнымъ достояніемъ Петра, и согласно съ этимъ и Августинъ училъ, что она была въ лицѣ Петра передана церкви [1]). „Этой церкви были даны ключи царства небеснаго, когда были даны Петру“, говоритъ Августинъ. Или: „когда Петръ получилъ ключи, онъ представлялъ собою святую церковь“. Поэтому Августинъ не разъ называетъ Петра олицетвореніемъ церкви (figuram или personam ecclesiae gereus). Въ томъ, что ключи были даны одному только Петру, Августинъ видитъ лишь символъ единства церкви.

Ограничивая такимъ образомъ власть преемниковъ Петра надъ царствомъ *небеснымъ*, Августинъ лишаетъ ихъ своимъ аллегорическимъ толкованіемъ въ то же время и единовластія надъ *земною* церковью. Они не могли наслѣдовать отъ апостола того,

---

[1]) Hotch. Die Gesellschaftsordnung der chr. Kirche, p. 105.

что̀ и ему не было дано. *Скала*, на которой Христосъ построилъ свою церковь, имѣетъ для Августина иной смыслъ, чѣмъ для римлянъ. Не на личности Петра хотѣлъ Христосъ построить свою церковь, а вѣру Петра основать на той скалѣ, о которой говоритъ апостолъ Павелъ, и которая есть самъ Христосъ. „Ибо Христосъ скала,—а Петръ представляетъ народъ христіанскій".—Существенно здѣсь,—говоритъ Августинъ,—слово petra (скала). Оттого и Петръ получилъ названіе отъ скалы, а не скала отъ Петра, — какъ не отъ христіанъ былъ названъ Христосъ, а отъ Христа получилъ свое названіе христіанинъ".

Метафорическое истолкованіе *скалы* принимаетъ у Августина и другую форму. Скала, на которой построена церковь, объясняется, какъ непрерывная преемственность епископовъ. „Сосчитайте епископовъ,—восклицаетъ Августинъ,—начиная съ престола Петра,—вотъ та скала, которую не сокрушатъ врата ада". Но рядъ римскихъ епископовъ для Августина лишь символъ всего епископата. Августинъ не сомнѣвается въ подлинности ряда римскихъ епископовъ отъ Петра до современнаго ему Анастасія, но эта увѣренность для него служитъ также залогомъ того, что и въ другихъ апостольскихъ церквахъ существуетъ такая же непрерывность въ преемственности, хотя она въ нихъ и не установлена епископскими списками. Говоря о римскихъ епископахъ, Августинъ разумѣетъ совокупность прочихъ, какъ „pars pro toto". Такъ, напримѣръ, онъ заявляетъ (въ разсужденіи противъ „основаній манихейства"), что его „удерживаютъ въ церкви единогласіе народа (христіанскаго) и преемственность епископовъ, начиная отъ престола Петра и кончая современнымъ епископатомъ [1]). Въ этомъ смыслѣ Августинъ выставляетъ Петра, главенство (principatus) котораго онъ признаетъ,—представителемъ всего современнаго ему епископата. Въ одной изъ своихъ проповѣдей Августинъ указываетъ на Петра словами: „который тогда былъ нашимъ символомъ (figura nostra").

Такому же духовному истолкованію подверглось у Августина другое завѣтное слово—„паси овцы моя". Въ одной проповѣди Августинъ объясняетъ, что любовь Петра побудила Христа поручить ему свою паству. Но теперь этого Петра нѣтъ въ живыхъ: онъ принятъ въ сонмъ мучениковъ. Поэтому можно утѣшаться мыслью, что если въ настоящее время не окажется до-

---

[1]) Приводя эти мѣста, Лангенъ говоритъ, что Августинъ „unter der Unüberwindlichkeit des Felsens nur den ewigen Fortbestand der bischöflichen Sucession und die dadurch bedingte Kirche, nicht an die ewige Dauer und Unfehlbarkeit des römischen Stuhles, als eine ganz besondere Institution"—gedacht hat.

брыхъ пастырей, то самъ Господь будетъ пасти своихъ овецъ. Еще знаменательнѣе другое мѣсто, гдѣ Петръ выставляется представителемъ (figurabatur) единства всѣхъ пастырей, но только добрыхъ, „умѣющихъ пасти овецъ Христовыхъ для Него, а не для себя".

Но въ особенности удаляется Августинъ отъ традиціонныхъ представленій римлянъ о Петрѣ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о немъ, не какъ о пастырѣ, а какъ о человѣкѣ. Римляне видѣли въ Петрѣ лишь главу апостоловъ, забывая за этимъ человѣка. Августинъ любилъ вести рѣчь о Петрѣ, какъ о грѣховномъ человѣкѣ. Онъ и тутъ ставитъ его высоко: „Никто, какъ бы онъ ни преуспѣлъ въ вѣрѣ,—восклицаетъ Августинъ,—не долженъ съ нимъ равняться". Но онъ часто отмѣчаетъ человѣческія слабости Петра, имѣющія въ глазахъ Августина великое символическое значеніе. Если Петръ, съ одной стороны, служитъ для него олицетвореніемъ церкви, то въ то же время онъ является для Августина типомъ (figura) человѣка съ его колебаніями между сильной вѣрою и недостаткомъ вѣры. Августинъ ссылается на разсказъ Евангелія о томъ, какъ Іисусъ, идя по морю, подозвалъ къ себѣ Петра,—какъ тотъ испугался и вызвалъ упрекъ Христа: „Маловѣрный, зачѣмъ усомнился ты!"—Петръ въ глазахъ Августина настоящій представитель земной церкви, „смѣшанной", по своему составу: „Церковь Христова имѣетъ въ себѣ твердыхъ и слабыхъ и не можетъ быть ни безъ твердыхъ, ни безъ слабыхъ. Такъ и апостолъ Петръ былъ первообразомъ обоихъ разрядовъ людей,—т.-е. твердыхъ и слабыхъ, ибо безъ тѣхъ и другихъ не можетъ обойтись церковь".

Разсказъ Евангелія о двукратномъ отреченіи Петра служитъ Августину другимъ доказательствомъ человѣческой слабости апостола. Августинъ при этомъ вооружается противъ тѣхъ, кто думаетъ оправдать апостола словами, что онъ отрекся лишь отъ человѣка во Христѣ, а не отъ Богочеловѣка;—вѣдь самъ апостолъ призналъ своимъ покаяніемъ свое отреченіе.

Человѣческая немощь апостола обнаружилась не только въ слабости его вѣры, но и въ непослѣдовательности его ученія. По свидѣтельству апостола Павла, Петръ отступилъ отъ истины [1]), „принуждая язычниковъ жить по-іудейски" (къ Гал. 2, 14), за что его осуждалъ Павелъ, ученіе котораго приняла вся церковь. Мало того, самъ Петръ въ Антіохіи не держался іудейскаго обычая и ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками; когда же туда прибыли

[1]) Si potuit Petrus aliter sapere, quam veritas habebat..

„нѣкоторые отъ Іакова, сталъ таиться и устраняться, опасаясь обрѣзанныхъ“. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе іудеи....

Настаивая на слабостяхъ и непослѣдовательности ученія апостола Петра, Августинъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли приписывать его преемникамъ непогрѣшимость. Защищая папу Зосиму отъ обвиненія въ склонности къ пелагіанству, Августинъ приводитъ въ его пользу то, что Пелагію не удалось его „до конца“ обмануть, что, конечно, не исключаетъ возможности впасть въ заблужденіе. Возражая донатистамъ, обвинявшимъ папу Мелхіада въ отпаденіи отъ вѣры (традиторствѣ), Августинъ приводитъ въ его пользу только то, что современные этому папѣ донатисты не возводили на него такого обвиненія, и общій гуманный принципъ, что подозрѣваемаго не слѣдуетъ считать виновнымъ, пока его вина не доказана. Но Августинъ въ этомъ случаѣ идетъ еще далѣе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ (53) онъ прямо допускаетъ возможность апостазіи преемника Петра. „Не было бы,—говоритъ онъ,—ущерба церкви и невиннымъ христіанамъ, еслибы въ ряду епископовъ отъ Петра до Анастасія, (занимавшаго въ это время римскій престолъ) вкрался какой-нибудь традиторъ“.

Не приписывая преемнику апостола Петра непогрѣшимости, Августинъ не признаетъ ея и за преданіемъ римской церкви, и потому отрицаетъ обязательность для всѣхъ другихъ церквей слѣдовать во всемъ нормамъ и обычаямъ римской церкви. Это ярко проявляется въ разсмотрѣнномъ уже нами письмѣ Августина къ Казулану противъ римскаго анонима [1]), запальчиво настаивавшаго на повсемѣстномъ соблюденіи поста по субботамъ, установившагося въ Римѣ. На громкое заявленіе римскаго анонима, что „Петръ, глава апостоловъ, привратникъ неба и основа церкви“ —научилъ римлянъ, будто только постомъ побѣждается дьяволъ, Августинъ иронически отвѣчаетъ: а развѣ другіе апостолы по всему земному кругу учили христіанъ вопреки Петру не соблюдать поста (prandere),—и указываетъ на „восточныя“ страны, откуда пошла проповѣдь Евангелія, не знающія субботняго поста.

Предположенію, что и другіе апостолы, Іаковъ въ Іерусалимѣ, Іоаннъ въ Эфесѣ и пр., учили тому же, что и Петръ,— но что на Востокѣ отпали отъ этого ученія,—Августинъ противополагаетъ, какъ возможное, другое предположеніе, „что въ Римѣ не сохранили апостольскаго преданія“.—При такой дилеммѣ возникла бы, восклицаетъ Августинъ, безконечная распря.

[1]) „Вѣстн. Европы“. 1895. Ноябрь—Декабрь. Переписка Августина.

Какой же выводъ изъ этого указываетъ Августинъ?—Онъ не говоритъ, что для избѣжанія распри всѣ должны признать непогрѣшимость римскаго преданія, но требуетъ, чтобы разныя церкви, проявляя единую вѣру, хотя бы и держась различныхъ обычаевъ, жили между собою въ такомъ же согласіи, какъ и сами апостолы.

Письмо къ Казулану представляетъ особый интересъ въ виду того, что Августинъ въ немъ прямо противополагаетъ авторитету римской апостольской церкви авторитетъ другихъ апостольскихъ церквей на Востокѣ, какъ равносильный. Это уваженіе Августина къ авторитету „Восточной церкви“ представляетъ новое основаніе къ тому, чтобы не преувеличивать значенія, какое Августинъ придавалъ Риму. Авторитетъ римскаго епископа возрасталъ соразмѣрно съ отчужденіемъ между римской и греческой половиной имперіи и съ паденіемъ въ глазахъ западныхъ христіанъ авторитета восточныхъ церквей. Въ дни Августина такое отчужденіе еще не вполнѣ наступило,—во всякомъ случаѣ еще не было теоретически ощутительнымъ. Единство христіанской церкви на римскомъ Западѣ и греческомъ Востокѣ еще поддерживалось политическимъ преданіемъ — фактическое раздѣленіе имперіи между двумя братьями еще не означало ея раздробленія, тѣмъ болѣе, что еще появлялись императорскіе указы, подписанные обоими императорами и обязательные для обѣихъ половинъ имперіи. Единство поддерживалось вселенскими соборами; еще въ годъ смерти Августина указомъ императоровъ Ѳеодосія II на Востокѣ и Валентиніана III на Западѣ былъ созванъ соборъ въ Эфесѣ, на который получилъ спеціальное приглашеніе и Августинъ. Какое это было бы интересное зрѣлище въ исторіи—Августинъ на вселенскомъ соборѣ!

Но помимо духа времени, мы должны отмѣтить въ жизни Августина спеціальную причину, поддерживавшую въ немъ уваженіе къ авторитету восточныхъ церквей: это—ересь донатистовъ, съ которою Августинъ боролся всю жизнь. Убожество этихъ отщепенцевъ нельзя было сломить указаніемъ на авторитетъ Рима,—они на это отвѣчали, что и среди римскихъ епископовъ были традиторы, т.-е. измѣнники Христу, нарушившіе чистоту іерархическаго преемства. Единственнымъ побѣдоноснымъ въ глазахъ Августина аргументомъ противъ нихъ служило обвиненіе, что они „отсѣкли себя отъ того корня восточныхъ церквей, откуда пришло Евангеліе въ Африку. „Кому не ясно,—заявлялъ Августинъ донатистамъ,—что правда на сторонѣ тѣхъ (африканскихъ церквей), которыя находятся въ общеніи съ апостольскими

церквами, имена коихъ помѣчены въ ихъ священныхъ книгахъ и ими упоминаются?"

Въ непрерывной борьбѣ съ донатистами Августинъ все болѣе проникался идеей единства церкви, но эта единая церковь, въ лоно которой онъ призывалъ донатистовъ, была не римская, а вселенская, со включеніемъ восточныхъ апостольскихъ церквей.

Этимъ значеніемъ послѣднихъ для Августина нужно объяснять его, такъ сказать, деликатность по отношенію образа дѣйствія іерусалимской церкви въ дѣлѣ Пелагія. Двойное оправданіе Пелагія въ Іерусалимѣ и въ Діосполѣ было для Августина тяжелымъ ударомъ — въ его глазахъ тамъ была оправдана явная ересь, ибо, по его утвержденію, „въ ученіи о первородномъ грѣхѣ и о благодати, христіанская вѣра и каѳолическая церковь никогда не измѣнялись. Между тѣмъ, Августинъ далекъ отъ всякаго намека на то, что Діоспольскій соборъ отпалъ отъ христіанской истины. Онъ объясняетъ печальный результатъ оправданія Пелагія недостаточнымъ знаніемъ латинскаго языка со стороны 14 собравшихся въ Діосполѣ епископовъ-грековъ, и изворотами, т.-е. обманомъ, Пелагія. Августинъ даже не говоритъ прямо объ оправданіи Пелагія, оставляя какъ бы самый фактъ подъ сомнѣніемъ (videtur). Это, очевидно, тотъ же пріемъ, который мы отмѣтили со стороны Августина по отношенію къ папѣ Зосимѣ. Какъ Августинъ выгораживалъ папу, утверждая, что онъ былъ обманутъ Целестіемъ, хотя и не *до конца*, такъ онъ щадилъ іерусалимскаго патріарха и соборъ одной изъ восточныхъ церквей. Въ обоихъ случаяхъ онъ не хотѣлъ, чтобы ересь, противъ которой онъ боролся, могла ссылаться на поддержку двухъ собраній преемниковъ апостоловъ; идея единства и святости вселенской церкви была для Августина слишкомъ дорога, чтобы подчеркивать личныя заблужденія нѣкоторыхъ ея представителей.

Какъ въ дѣлѣ папы Зосимы, такъ и въ данномъ случаѣ образъ дѣйствія Августина нужно объяснять его желаніемъ поддерживать миръ и единство церкви и потому избѣгать всего, что могло бы вызвать разногласіе и разрывъ между церквами и послужить поощреніемъ ереси. Щадя авторитетъ и чувство самолюбія діоспольскихъ епископовъ, Августинъ не упрекаетъ ихъ въ томъ, что они взялись рѣшать дѣло, уже рѣшенное африканскими соборами. Такое отношеніе къ восточнымъ епископамъ вытекало у Августина не изъ одной только деликатности и уваженія къ ихъ сану, а изъ его общаго взгляда на церковь, допускавшаго въ единствѣ разнообразіе и настаивавшаго въ разнообразіи на единствѣ. Августинъ различаетъ не разъ западную

и восточную церковь, но это для него только двѣ формы единой церкви; въ самой западной онъ различаетъ на ряду съ римской—миланскую, гальскія и африканскія церкви. Это живые органы общаго тѣла, которымъ Августинъ предоставляетъ извѣстную самостоятельность. Мы уже упоминали о широтѣ взгляда Августина на различіе обрядовъ въ отдѣльныхъ церквахъ—по поводу соблюденія постныхъ дней. Такъ же рѣшительно высказался Августинъ и за свободу мнѣній въ области *ученія*. Онъ допускалъ существованіе такихъ вопросовъ, относительно которыхъ иногда между собою не согласны даже самые ученые и лучшіе защитники каѳолической нормы (regulae); при соблюденіи общаго строя вѣры одинъ изъ нихъ говоритъ объ одномъ и томъ же предметѣ лучше и истиннѣе, чѣмъ другой [1]).

Уже указанное выше отношеніе Августина къ апостольскимъ церквамъ на Востокѣ должно было помѣшать ему подчиниться въ такой степени авторитету преемниковъ св. Петра, какъ это ему приписываютъ современные католическіе историки. Но другимъ еще противовѣсомъ противъ римскихъ притязаній были для Августина *соборы*.

VIII.

Вѣкъ Августина былъ эпохой процвѣтанія соборовъ, частой и плодотворной ихъ дѣятельности. Примѣняясь къ административнымъ дѣленіямъ имперіи, соборы были чрезвычайно разнообразны, представляя собою съѣзды епископовъ то по провинціямъ, — которыя со времени Діоклетіана стали сравнительно мелкими единицами,—то по областямъ, то для всей церкви; такъ же разнообразны были они по числу съѣзжавшихся членовъ. Если число послѣднихъ бывало очень значительно, соборы назывались на Западѣ, въ отличіе отъ другихъ, „plenaria“ и пользовались большимъ авторитетомъ. Съѣзды епископовъ обусловливались мѣстными потребностями; случай и личное вліяніе созывающихъ играли при этомъ значительную роль. Регламентаціи не было ни по отношенію къ числу членовъ, необходимыхъ для составленія законнаго собранія, ни относительно компетенціи и распредѣленія соборовъ въ іерархическомъ порядкѣ. При такомъ положеніи дѣла могли возникать сомнѣнія въ правильности постановленій того или другого собора. Самъ Августинъ испыталъ это на себѣ; ему пришлось отнестись скептически къ карѳагенскому

[1]) Contra Jul. I. 6.—Reuter, 168.

собору 256 г., несмотря на авторитетъ предсѣдательствовавшаго на немъ епископа Кипріана, — чтобы не дать орудія въ руки донатистамъ. Но онъ составилъ себѣ прекрасную теорію, которая могла не только успокоить его относительно всѣхъ разногласій и противорѣчій между соборами, но и придавала имъ великій смыслъ — признавая ихъ частнымъ проявленіемъ истины, постепенно и прогрессивно открывающейся. „И сами соборы, происходящіе по отдѣльнымъ областямъ и провинціямъ, уступаютъ безъ всякихъ околичностей авторитету болѣе полныхъ соборовъ, происходящихъ по всему земному кругу. Полные же соборы сами часто исправляютъ другъ друга, — т.-е., позднѣйшіе отмѣняютъ постановленія болѣе раннихъ, — когда вслѣдствіе опыта раскрывается то, что было скрыто, и познается то, что было раньше невѣдомо“.

Поводомъ къ этому характерному заявленію послужило для Августина прославленіе имъ собора въ Арлѣ, созваннаго императоромъ Константиномъ въ 314 г. при возникновеніи донатистской расприи признавшаго неосновательность ихъ жалобъ на кареагенскаго епископа Цециліана. Этотъ Арльскій соборъ являлся по отношенію къ африканскимъ соборамъ „высшимъ“ (plenario concilio), какъ бы собраннымъ со всей земли, и выставлялся таковымъ у Августина въ полемикѣ съ донатистами. Если Арльскій соборъ, который не былъ вселенскимъ, имѣлъ въ глазахъ Августина такой авторитетъ, то еще бо́льшій авторитетъ должны были имѣть для него соборы, дѣйствительно собранные со всего земного круга, т.-е. вселенскіе. Этому авторитету вселенскихъ соборовъ подчиненъ, въ глазахъ Августина, и римскій епископъ. Онъ высказалъ это, правда не въ догматической формѣ, а въ разсужденіи, не оставляющемъ, однако, сомнѣнія. Въ одномъ изъ своихъ полемическихъ посланій противъ донатистовъ Августинъ укоряетъ ихъ въ безстыдномъ упорствѣ въ схизмѣ, несмотря на то, что они обличены столькими судьями. Онъ напоминаетъ имъ, что они обжаловали измѣну Цециліана у заморскихъ церквей съ *двойнымъ* разсчетомъ. Если бы имъ удалось тамъ обличить Цециліана, они бы вполнѣ восторжествовали; если бы имъ это не удалось, то, упорствуя въ своей ереси, они могли отговариваться тѣмъ, что пострадали отъ плохихъ судей. — „Вѣдь такъ говорятъ, — замѣчаетъ Августинъ, — всѣ недобросовѣстные истцы, хотя бы неправота ихъ обнаружилась до очевидности. Какъ будто имъ нельзя на это возразить и справедливо возразить: хорошо, допустимъ, что епископы, судившіе въ Римѣ, были плохіе судьи, но вѣдь оставался полный соборъ вселенской

церкви, гдѣ можно было потягаться съ самими судьями, такъ, что если бы тѣ судьи были уличены въ несправедливомъ приговорѣ, донатисты были бы объявлены правыми".

Это мѣсто ясно указываетъ, что Августинъ считалъ совершенно правильнымъ обжалованіе постановленія епископскаго собора въ Римѣ и перенесеніе дѣла для новаго разсмотрѣнія на вселенскій соборъ, какъ въ высшую инстанцію.

Но приведенное мѣсто интересно еще своимъ заключеніемъ. „Пусть донатисты докажутъ,—восклицаетъ Августинъ,—что они такъ поступили! Но что они такъ не поступили—легко доказать тѣмъ, что церковь во всемъ мірѣ не имѣетъ съ ними общенія; или же они тамъ проиграли дѣло,—что̀ доказывается ихъ отдѣленіемъ отъ церкви". Что дѣло донатистовъ не подвергалось разсмотрѣнію на вселенскомъ соборѣ—было общеизвѣстно и не нуждалось въ подтвержденіи. Упоминаніе Августиномъ этого факта имѣетъ другой смыслъ: онъ хочетъ сказать, что хотя донатисты и не были осуждены на вселенскомъ соборѣ, но они осуждены всею церковью, прервавшей съ ними общеніе. Существуетъ поэтому, въ глазахъ Августина, въ церкви помимо вселенскаго собора другая высшая инстанція, окончательно рѣшающая спорные вопросы, молчаливое согласіе или обычай *всей* церкви. „*То*, чего держится вся церковь, хотя бы оно и не было установлено соборами, *то*, что̀ всегда соблюдалось, считается предметомъ вѣры, какъ будто бы оно было передано авторитетомъ апостоловъ". Нѣтъ надобности, по словамъ Августина, чтобы переданное апостолами было засвидѣтельствовано ихъ сочиненіями: многое, что̀ не оказывается ни въ писаніяхъ апостоловъ, ни въ соборныхъ постановленіяхъ ихъ преемниковъ, признается апостольскимъ преданіемъ потому, что соблюдается въ предѣлахъ всей церкви [1]). Поэтому нѣтъ надобности всякій разъ прибѣгать къ вселенскому собору: когда, по появленіи посланія папы Зосимы противъ пелагіанцевъ, послѣдніе потребовали суда на вселенскомъ соборѣ, Августинъ горячо возражалъ имъ, что веселенскіе соборы созываются рѣдко, лишь когда появляется сомнѣніе по отношенію къ каѳолической истинѣ; они же осуждены не епископскимъ судомъ, а всѣми помыслами и всею жизнью каѳолической церкви въ прошломъ и настоящемъ—всѣмъ каѳолическимъ народомъ.

Такимъ образомъ, на ряду съ постановленіями вселенскихъ соборовъ Августинъ указываетъ еще на другой авторитетъ въ церкви — *преданіе*, признанное всѣмъ христіанскимъ народомъ

---

[1]) De bap., IV, 31, и II, 12.

(concensus omnium, quod semper ab omnibus et ubique). Другими словами, Августинъ признаетъ, что помимо устанавливаемыхъ соборами каноновъ, т.-е. *писаннаго* права, въ церкви живетъ написанная христіанская правда, что вопросъ о высшемъ авторитетѣ въ церкви и о гарантіи ея непогрѣшимости разрѣшенъ. Это обстоятельство подало поводъ Рейтеру, находившему отзывъ Августина о значеніи папской власти *колеблющимся*, заявить, что и вопросъ о высшемъ авторитетѣ въ церкви, служащемъ гарантіей ея непогрѣшимости, разрѣшенъ Августиномъ сбивчиво. „Общій епископатъ и римскій апостольскій престолъ, прочіе до извѣстной степени равноправные (koordinirte) апостольскіе престолы, абсолютно полный соборъ (Plenarconsil) и относительно полный соборъ—являются у Августина представителями церкви; но ни одинъ изъ этихъ авторитетовъ, ни всѣ въ совокупности, не считаются настоящимъ представительствомъ церкви. Послѣдняя не обладаетъ безусловно вѣрнымъ, несомнѣнно ее представляющимъ органомъ въ видѣ особаго учрежденія" (p. 353). Рейтеръ ищетъ причины такой неясности и неопредѣленности выраженій Августина объ этомъ предметѣ въ колебаніяхъ его мысли между принципами авторитета и разума, вѣры и знанія. Не соглашаясь съ этимъ, мы обратимъ вниманіе на то, что отзывы, взятые изъ сочиненій, написанныхъ на протяженіи сорокалѣтней литературной дѣятельности, и большею частью съ полемической цѣлью, легко могутъ показаться формально противорѣчивыми и заслонять истинную мысль автора.

Еще важнѣе другое соображеніе, безъ котораго нельзя правильно судить о представленіяхъ Августина о церкви. Вѣкъ Августина былъ критической эпохой въ жизни церкви, когда въ ней слагались новыя формы быта, но жила и сила прошлаго. Это былъ вѣкъ процвѣтанія соборовъ вселенскихъ и провинціальныхъ, изъ которыхъ одни часто противорѣчили другимъ. Среди этихъ періодическихъ соборовъ росло могущество римскаго епископа, которому было суждено расколоть христіанскую церковь на восточную—соборную, и западную—папскую. Въ то же время жива еще была память эпохи, когда церковь не знала вселенскихъ соборовъ, руководясь общимъ преданіемъ. Вышеприведенное мѣсто Рейтера, которымъ имѣется въ виду характеризовать неопредѣленность взглядовъ Августина, можно прямо признать историческимъ изображеніемъ его эпохи,—до того оно вѣрно ее отражаетъ.

Однако, кромѣ неизбѣжнаго вліянія среды и историческаго момента, мы склонны искать причины того, почему Августинъ

не углублялся въ *юридическую* сторону вопроса, кто долженъ представлять собою высшій авторитетъ церкви,—и почему онъ не взялъ на себя точное опредѣленіе отношеній между полными и неполными соборами, между вселенскими соборами и римскимъ епископомъ, между соборами и общимъ преданіемъ,—не тамъ, гдѣ ее указываетъ Рейтеръ, а въ идеалистическомъ представленіи Августина о церкви, которое не нуждалось въ такихъ опредѣленіяхъ. Церковь, какъ земное учрежденіе, даже въ пору своего скитанія на землѣ, должна устремить свой взоръ на „горній Іерусалимъ", куда она ведетъ свою паству. Этотъ горній Іерусалимъ, т.-е. Божье царство, долженъ служить ей путеводной звѣздой. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о земныхъ пастыряхъ церкви и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ терялъ для Августина свое значеніе. Самъ устремивъ свой взоръ на Божье царство, Августинъ пребываетъ въ увѣренности, что Тотъ, Кто основалъ церковь, будетъ и управлять ею; и даже еслибы церковь лишилась земныхъ пастырей,—ея пастыремъ будетъ Царь небесный.

IX.

Но церковь была на землѣ не одна. Въ своемъ скитаніи на землѣ она находилась въ постоянномъ соприкосновеніи съ господствовавшей на землѣ властью. При всемъ своемъ стремленіи къ идеальнымъ интересамъ своего небеснаго призванія она имѣла земные интересы, удовлетвореніе которыхъ зависѣло отъ этой власти, т.-е. отъ государства. Какъ же смотрѣлъ Августинъ на государство? Какое положеніе отводилъ онъ ему по отношенію къ Божьему царству и къ земной церкви?

Въ дни Августина государство на Западѣ едва держалось. Запершись въ крѣпости, западный императоръ былъ безпомощнымъ зрителемъ разрушенія варварами Рима — тысячелѣтняго побѣдителя народовъ. Совсѣмъ другое представляла собою церковь. Трудно теперь себѣ вообразить то впечатлѣніе величія, мощи и благости, какое производила христіанская церковь на современниковъ Августина. Въ дѣтскіе годы Августина церковь пережила послѣдній кризисъ въ своей борьбѣ съ языческимъ міромъ, — попытку императора Юліана возродить язычество и отнять у христіанства привилегіи, дарованныя церкви ея предшественниками. Но эта безславная попытка лишь увеличила славу церкви. А тридцать лѣтъ спустя, міръ былъ свидѣтелемъ поразительной сцены, когда христіанскій епископъ, преградивъ

входъ въ церковь могущественнѣйшему императору, только-что побѣдившему своихъ соперниковъ и снова возсоединившему подъ одною властью всѣ части римской имперіи,—заставилъ его смириться и принять покаяніе за поступокъ, осужденный церковной властью. Для всего міра было ясно, что высшая власть не только на небѣ, но и на землѣ есть церковь; на землѣ—такъ какъ ей подчиняется императоръ, на небѣ, ибо ей предоставлены „ключи“ отъ царства небеснаго; и этотъ епископъ, побѣдившій императора, былъ Амвросій Миланскій, учитель и воспріемникъ въ крещеніи Августина.

Такой конкретной антитезѣ между церковью и государствомъ вполнѣ соотвѣтствовала принципіальная антитеза, въ которую ихъ поставилъ Августинъ въ своемъ сочиненіи „О Божьемъ царствѣ“.

Къ земному царству онъ относитъ все, что̀ живетъ или жило по закону человѣческому въ противоположность закону божественному; но такъ какъ земная жизнь людей главнымъ образомъ проявляется въ политическихъ учрежденіяхъ и въ судьбѣ основанныхъ въ разное время государствъ, то всѣ недостатки „земного царства“, отмѣчаемые Августиномъ, приходятся на долю государствъ, изъ которыхъ послѣднимъ и главнымъ является римская имперія. Какъ надо было ожидать со стороны гражданина небеснаго царства, скитальца на землѣ, у Августина по отношенію къ *государству* часто проявляется полное равнодушіе къ его интересамъ; то отсутствіе патріотизма, въ которомъ такъ часто обвиняли христіанъ римской имперіи, не разъ слышится и у него. Онъ считаетъ неразумнымъ „хвастаться обширностью и величіемъ государства“ и, сравнивая благополучіе человѣка средняго достатка съ заботами богача, отдаетъ предпочтеніе первому передъ вторымъ и—по аналогіи—малому государству передъ великимъ. Его равнодушіе распространяется и на форму правительства, и на личность правителей; слова Августина: „Не все ли равно, подъ чьимъ правленіемъ приходится жить человѣку, всегда близкому къ смерти (moriturus)“, весьма характерны для вѣка частыхъ революцій и раздѣловъ имперіи!

Но отрицательное отношеніе Августина къ государству не ограничивается простымъ равнодушіемъ. Оно принимаетъ принципіальный характеръ; отрицаніе получаетъ, такъ сказать, положительное содержаніе и становится осужденіемъ. Это осужденіе мотивируется полной несостоятельностью государства какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ; оно осуждается и за способъ его возникновенія, и за его цѣли и

пріемы въ настоящемъ, и, наконецъ, въ виду ожидающей его судьбы. Объ этой судьбѣ Августинъ говоритъ мимоходомъ, но въ энергическихъ выраженіяхъ: — „Земное царство не будетъ долговѣчнымъ,—ибо, когда его постигнетъ послѣдняя кара, проклятіе, оно уже не будетъ государствомъ". — Подробнѣе обсуждаетъ Августинъ возникновеніе государства: оно есть порожденіе грѣха. Это проявляется, во-первыхъ, въ томъ, что самое порожденіе гражданъ земного царства опорочено грѣхомъ [1]). Но и самое возникновеніе всякаго государства обусловливается грѣхомъ. Рабство, по Августину, есть слѣдствіе грѣха, ибо Господь создалъ людей свободными. „Никто,—говоритъ Августинъ,— по природѣ своей, первоначально созданной для него Господомъ, не есть рабъ другого человѣка или грѣха".—Ссылаясь на слова Даніила, Августинъ утверждаетъ, что первой причиной рабства былъ грѣхъ, такъ какъ только по его винѣ человѣкъ былъ поставленъ въ зависимое положеніе и подчиненъ другому человѣку. Августинъ старается подкрѣпить это утвержденіе историческими фактами. Въ Писаніи нигдѣ не упоминается о рабахъ, пока праведный Ной не покаралъ этимъ наименованіемъ грѣховнаго сына (Хама). И въ латинскомъ языкѣ слово рабъ (servus) произошло, какъ полагаютъ, оттого, что побѣдители, которые по праву войны могли убивать побѣжденныхъ, щадили ихъ и сохраняли (servabant) въ качествѣ рабовъ. Это разсужденіе о происхожденіи рабства изъ грѣха Августинъ переноситъ и въ область политическую, на отношенія правителей и подданныхъ. Ссылаясь на свидѣтельство изъ Книги Бытія, Августинъ заявляетъ, что Господь, создавъ человѣка по своему образу и подобію разумнымъ существомъ, предоставилъ ему господствовать лишь надъ неразумными тварями; поэтому человѣкъ не долженъ властвовать надъ человѣкомъ, а только надъ скотомъ. Оттого первые праведники болѣе походятъ на пастырей стадъ, чѣмъ на людскихъ царей. Господь этимъ хотѣлъ показать, что согласно съ порядкомъ творенія всякая власть надъ человѣкомъ есть слѣдствіе грѣхопаденія; ибо положеніе раба справедливо признается удѣломъ грѣшника.

Еще опредѣленнѣе осуждается у Августина возникновеніе государства въ знаменательной аналогіи между государствомъ и разбойничьимъ станомъ: — „Что такое государство, если въ немъ нѣтъ справедливости (remota justitia), какъ не огромные разбой-

---

[1]) XV, с. 2.—Parit cives terrenae civitatis peccato vitiata natura,—гражданъ же Божьяго царства—parit gratia a peccato naturam liberaus.

ничьи станы? Вѣдь и разбойничьи станы не что иное, какъ мелкія державы". Такъ какъ Августинъ обыкновенно употребляетъ слово „justitia" не въ юридическомъ смыслѣ, а въ религіозно-этическомъ, въ смыслѣ *праведности*, то можно было бы думать, что онъ своей оговоркой—remota justitia—какъ бы выгораживаетъ христіанскія государства. Но вторая половина фразы, отождествляющая разбойничьи станы съ маленькими государствами, весьма ослабляетъ силу оговорки, устанавливая качественную однородность сравниваемыхъ предметовъ вообще. Августинъ старается подробно разъяснить эту однородность: „И разбойничій станъ управляется волею начальника, его члены связаны общимъ уставомъ; добыча дѣлится по уговору. Если же это злое дѣло разростается, вслѣдствіе прилива новыхъ злодѣевъ, до того, что станъ захватываетъ города и покоряетъ народы, тогда онъ и открыто называетъ себя царствомъ".

Этими словами Августинъ устанавливаетъ происхожденіе государствъ отъ разбойничьихъ шаекъ какъ бы нормальнымъ способомъ ихъ возникновенія. Въ подкрѣпленіе своей мысли онъ напоминаетъ о происхожденіи Рима и подробно описываетъ возстаніе гладіаторовъ въ 72 г. до Р. Х., которые подъ предводительствомъ трехъ вождей захватили почти всю Италію и изъ маленькой и презрѣнной шайки сдѣлались царствомъ (regnum), страшнымъ даже римлянамъ.

Что Августинъ именно въ насиліи и завоеваніи усматривалъ характернѣйшую черту государства, уподобляющую его разбойничьему стану, видно и изъ его скептическаго замѣчанія по отношенію къ историку Юстину, идеализировавшему древнѣйшій вѣкъ, когда, по его словамъ, цари избирались за мудрость (moderatio), народы не имѣли законовъ, и каждое государство соблюдало свои границы, не вторгаясь въ предѣлы другого. — Нинъ былъ первымъ государемъ, отступившимъ отъ этого прадѣдовскаго обычая подъ вліяніемъ новой страсти — властолюбія. Сомнѣваясь относительно вѣрности такой характеристики *древнѣйшаго* вѣка, Августинъ признаетъ, согласно съ Юстиномъ, достовѣрными завоеванія Нина, основателя первой великой монархіи, и по этому поводу восклицаетъ: „Нападать войной на сосѣдей, обижать и покорять безобидные народы изъ-за одного властолюбія, — какъ же это называть, какъ не великимъ разбоемъ?" [1])

---

[1]) Populus sibi non molestos sola regni cupiditate conterere et subdere quid aliud quam grande latrocinium nominandum est. C. D. L. V, c. 6.

Но земное государство опорочено не только способомъ своего возникновенія изъ насилія и властолюбія: оно порочно по самому существу своему. То, что оно считаетъ своимъ благомъ, есть благо земное, и удовлетвореніе, доставляемое этимъ благомъ, такъ же суетно, какъ и самое благо. А такъ какъ всякое подобное благо не можетъ не доставлять тревоги тѣмъ, кто его ищетъ, то и земное государство большею частью само себя раздираетъ усобицами и войнами, и стремится одержать побѣды, пагубныя для другихъ и смертоносныя для обѣихъ сторонъ. Что бы ни послужило государству поводомъ къ войнѣ, оно стремится къ побѣдѣ и къ господству надъ народами, будучи само порабощено пороками (captiva vitiorum).

X.

Однакоже мы встрѣчаемъ у Августина и иного рода соображенія относительно государства, вытекающія изъ другого теченія мыслей. Если осужденіе государства главнымъ образомъ обусловливается его противоположностью Божьему царству, то съ другой стороны самое *соотношеніе* этихъ представленій становится поводомъ къ болѣе благопріятнымъ отзывамъ о земномъ государствѣ. Самая аналогія съ Божьимъ царствомъ облагораживаетъ земное царство. Оно можетъ служить его *подобіемъ*, символомъ, отраженіемъ (umbra), какъ выражается Августинъ. Подобно тому, какъ рабыня Агарь и ея сынъ, рожденный въ плоти, являются предзнаменованіемъ Сары и ея сына, рожденнаго въ благодати,—такъ часть земного царства стала образомъ и подобіемъ небеснаго царства, обозначая не себя, а другое царство, и потому *служа* ему. Ибо не ради самого себя оно учреждено, а какъ предтеча и для обозначенія своего первообраза“.— Поэтому-то,—говоритъ Августинъ далѣе,—мы находимъ въ земномъ царствѣ двѣ стороны (formae), —одну, обозначающую его самого, и другую, обозначающую небесное царство. Августинъ ищетъ аналогіи между земнымъ и небеснымъ царствомъ не только въ области Ветхаго Завѣта; даже факты языческой исторіи получаютъ возвышенный смыслъ благодаря аналогіи, устанавливаемой Августиномъ между ними и христіанскими таинствами. Такъ въ „убѣжищѣ“, устроенномъ Ромуломъ для привлеченія гражданъ въ основанный имъ городъ, Августинъ видитъ символъ (umbra) „отпущенія грѣховъ, посредствомъ котораго собираются граждане вѣчнаго отечества“.

Значеніе государства возрастаетъ, если оно служитъ не только образомъ или символомъ небеснаго царства, но находится съ нимъ въ непосредственной духовной связи. Въ этомъ отношеніи получаетъ большое значеніе вышеупомянутая оговорка, которую сдѣлалъ Августинъ при уподобленіи государства разбойничьему стану. „Что̀ такое—восклицаетъ онъ — государства, какъ не большіе разбойничьи станы, если изъ нихъ устранена справедливость (remota justitia)!" — Что̀ разумѣлъ подъ этимъ Августинъ, мы узнаемъ изъ его критики опредѣленія, даннаго *республикѣ* Цицерономъ, гдѣ Августинъ старается съ помощью діалектики доказать, что римская республика не заслуживала своего названія „res publica".

Въ сочиненіи о государствѣ Цицеронъ влагаетъ въ уста Сципіону слова, что республика означаетъ res populi, т.-е. достояніе народа. Народъ же онъ опредѣляетъ словами—собраніе людей, связанныхъ между собою правовымъ соглашеніемъ—juris consensa—и общимъ интересомъ. Объясняя, что̀ значитъ правовое соглашеніе, Цицеронъ доказываетъ, что безъ справедливости не можетъ быть и республики, ибо, гдѣ нѣтъ истинной справедливости, тамъ не можетъ быть и права. Присоединяясь къ этой аргументаціи, Августинъ даетъ ей неожиданный оборотъ: „Справедливость есть конечно та добродѣтель, которая каждому воздаетъ то, что̀ ему слѣдуетъ";—а если такъ, то какая же справедливость тамъ, гдѣ человѣка отнимаютъ у Бога и предоставляютъ его нечистымъ демонамъ? Это ли значитъ воздавать каждому то, что̀ ему слѣдуетъ? Вѣдь тотъ, кто отнимаетъ усадьбу у купившаго ее и передаетъ ее тому, кто не имѣетъ на нее никакого права, несправедливъ; а кто самъ себя изъялъ изъ-подъ власти Бога, сотворившаго его, и служитъ злымъ духамъ, тотъ развѣ справедливъ? Такимъ образомъ, Августинъ, не оспаривая общепринятаго до него опредѣленія справедливости — „отдавать каждому свое", придаетъ ей новый, болѣе глубокій смыслъ, перенося ее изъ области человѣческихъ отношеній въ область религіозную, требуя, чтобы справедливость воздавалась въ государствѣ истинному Богу, творцу человѣка, имѣющему поэтому право на него, какъ на свое достояніе. Другими словами, Августинъ обусловливалъ истинную справедливость признаніемъ истиннаго Бога. Если сопоставить это положеніе Августина съ вышеприведенной оговоркой, что государства, не обладающія Божьей справедливостью, лишь разбойничьи шайки, то отсюда нужно сдѣлать заключеніе, что всѣ нехристіанскія государства, кромѣ древне-еврейскаго, не заслуживали въ его

глазахъ иной оцѣнки. Однако, не взирая на эту оговорку, мы находимъ у Августина болѣе благопріятныя сужденія о государствѣ, очевидно относящіяся не къ одному христіанскому, но и къ языческимъ. Отвергнувъ Цицероновское опредѣленіе республики и народа, Августинъ предлагаетъ свое: народъ есть сборище разумныхъ людей, соединенныхъ согласнымъ общеніемъ вещей, которыми оно дорожитъ (concordi communione rerum quas diligit). Чѣмъ бы ни дорожило это сборище, если только это сборище не животныхъ, а одаренныхъ разумомъ существъ, и если оно соединено согласнымъ общеніемъ того, что̀ ему дорого, говоритъ Августинъ, такое сборище не безъ основанія называется народомъ; оно тѣмъ достойнѣе, чѣмъ возвышеннѣе предметы, на которые распространяется его согласіе, и оно тѣмъ менѣе достойно (deterior), чѣмъ хуже эти предметы. Съ точки зрѣнія этого опредѣленія, — замѣчаетъ Августинъ, — римскій народъ нельзя не назвать народомъ, а „дѣло" его (res) безъ сомнѣнія должно называться республикой. Августинъ прибавляетъ, что подъ это опредѣленіе подходятъ и всѣ другія государства — Аѳинское, Египетское и всѣ прочія. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ всѣ государства и языческія, и христіанскія подведены подъ одну категорію, и опредѣленіе ихъ, включая въ себѣ мѣрку для различной оцѣнки ихъ, всѣ ихъ одинаково надѣляетъ признакомъ разумности. Но главнымъ достоинствомъ государства, главнымъ признакомъ, далеко возвышающимъ его надъ разбойничьимъ станомъ, — это, въ глазахъ Августина, присущее государству стремленіе къ *миру*.

Миръ есть высшее благо на землѣ. „Здѣсь мы считаемъ себя счастливыми, когда пользуемся миромъ". — Такъ велико благо мира, что даже въ земныхъ и бренныхъ дѣлахъ нѣтъ ничего пріятнѣе мира для слуха, нѣтъ ничего достойнѣе для желанія, ничего лучшаго нельзя пріобрѣсти [1]). А это высшее благо обезпечивается государствомъ; мало того, оно и составляетъ назначеніе и главную цѣль государства. „Даже земное государство, которое не живетъ вѣрою, стремится къ земному миру и на него направляетъ согласіе гражданъ путемъ власти и повиновенія для того, чтобы установить между ними извѣстное единеніе человѣческихъ воль по отношенію къ предметамъ, относящимся къ смертной жизни". — Въ земномъ государствѣ все направлено къ достиженію земного мира. Государство ищетъ

---

[1]) Nihil gratius soleat audiri, nihil desiderabilius concupisci, nihil postremo possit melius invenire. C. D. L. XIX, c. 11.

не только внутренняго, но и внѣшняго мира; для установленія этого мира оно предпринимаетъ войны. Даже воюя, земное государство желаетъ обезпечить миръ; ибо, если оно побѣдитъ и у него не будетъ супротивника, оно станетъ обладать миромъ. Этого мира добивается оно путемъ тяжелыхъ войнъ; этотъ миръ становится наградой побѣды, которую считаютъ славной. Августинъ видимо одобряетъ такое сочувственное отношеніе къ побѣдѣ; „ибо,—говоритъ онъ,—когда побѣждаетъ тотъ, кто сражается за справедливое дѣло, кто же не привѣтствуетъ его побѣду, усматривая въ ней наступленіе желаннаго мира?"—Съ этой точки зрѣнія, Августинъ готовъ ставить высоко интересы и успѣхъ земного государства, къ которымъ онъ относился пренебрежительно съ высоты небеснаго царства. Войну и побѣду, обезпечивающую миръ, онъ называетъ дѣйствительнымъ благомъ и благословеніемъ Господа: „Haec dona sunt et sine dubio Dei dona sunt"!

Но значеніе государства, какъ источника и блюстителя земного мира, еще болѣе возрастаетъ въ глазахъ Августина въ виду универсальнаго значенія мира. Миръ есть выраженіе гармоніи и порядка, царящаго во вселенной и установленнаго ея творцомъ. Государство, установляя миръ, становится звеномъ мирового порядка. „Миръ тѣла есть соотвѣтствіе его частей; миръ души безсознательной—угомонъ страстей; миръ души разумной—гармонія между разумомъ и волей; миръ домашній — согласіе членовъ семьи въ повиновеніи общему авторитету; миръ государства—гармоническое (ordinata) согласіе гражданъ по отношенію къ власти и повиновенію; миръ небеснаго царства—самое гармоническое и согласнѣйшее общеніе съ Богомъ и взаимно въ Богѣ". — Такимъ образомъ, земной миръ, обезпечиваемый государствомъ, становится необходимымъ условіемъ для достиженія высшаго назначенія человѣка. „Богъ, мудрѣйшій творецъ и справедливѣйшій распорядитель всѣхъ твореній, создавшій, какъ лучшее украшеніе земли, смертный родъ человѣчесвій, даровалъ людямъ соотвѣтствующее ихъ жизни благо, земной миръ и все, что нужно для его обезпеченія, съ тѣмъ, что тотъ, кто въ земной жизни воспользуется, какъ должно, благами, ведущими къ миру, обрѣтетъ миръ безсмертный въ вѣчной жизни, а тотъ, кто ими не воспользуется, не обрѣтетъ мира земного и утратитъ миръ небесный".

Съ этой точки зрѣнія измѣняется взглядъ Августина и на правителей государства: прежнее равнодушіе его къ качеству этихъ правителей замѣняется сочувствіемъ къ торжеству пра-

ведныхъ правителей. „Тамъ, гдѣ поклоняются истинному Богу, полезно, чтобы держава добрыхъ правителей (boni) была велика, обширна и продолжительна, и это желательно не столько для нихъ, сколько для дѣлъ человѣческихъ“.

Правда, въ данномъ случаѣ сочувствіе къ торжеству земного государства и его правителей обусловлено поклоненіемъ истинному Богу; встрѣчаются также у Августина и такія мѣста, которыя прямо ограничиваютъ высокую оцѣнку земного мира [1]), не распространяя ее на неправедныхъ. Но такія оговорки понятны у автора „Божьяго царства“—и нисколько не умаляютъ высказаннаго выше положенія, что земное христіанское государство въ его глазахъ высоко возвышается надъ разбойничьимъ станомъ вслѣдствіе того и поскольку оно является блюстителемъ и источникомъ мира,—мира, правда, земного, но важнаго и для гражданъ небеснаго царства, пока скитающихся на землѣ. „Пользуется—говоритъ Августинъ—небесное царство во время своего здѣшняго скитальчества также и земнымъ миромъ, и въ дѣлахъ, касающихся смертной природы человѣка, соблюдаетъ законъ, установленный *человѣческой* волею, насколько это допускается благочестіемъ и религіей“.

Еще опредѣленнѣе выражается Августинъ по этому вопросу въ особой главѣ, которую онъ ему посвящаетъ. Онъ говоритъ, что и народъ, отчужденный отъ Бога, любитъ однако свой миръ, и что этому нельзя не сочувствовать. Вѣдь и въ нашемъ интересѣ, чтобы онъ не утратилъ своего мира, ибо, пока смѣшаны между собою оба царства, и мы пользуемся миромъ „Вавилона“. Поэтому и апостолъ предписывалъ, чтобы церковь молилась за царей, а пророкъ Іеремія, предсказывая вавилонское плѣненіе, увѣщевалъ народъ Божій, чтобы онъ молился за Вавилонъ, объясняя, что „его миръ и вашъ миръ“.

Если Августинъ въ интересахъ земного мира усвоилъ себѣ завѣтъ апостола молиться за царей,—не исключая языческихъ,—то онъ долженъ былъ тѣмъ ближе принимать къ сердцу интересы христіанскихъ императоровъ. Онъ и проявляетъ это чувство въ особой главѣ, посвященной вопросу, въ чемъ заключается истинное благополучіе христіанскихъ императоровъ. Оно состоитъ, по его объясненію, не въ продолжительности правленія, не въ безмятежной кончинѣ съ передачей престола сыну, не въ побѣдѣ надъ врагами государства и подавленіи возстанія враждебныхъ гражданъ. Такія блага выпадали на долю и государей,

---

[1]) Pacem iniquorum nec pacem esse dicendam. II, 375.

поклонявшихся демонамъ и не принадлежавшихъ къ царству Божію, подобно христіанскимъ императорамъ. Изображая благополучіе послѣднихъ, Августинъ даетъ имъ подробное наставленіе для жизни, заслуживающее особеннаго вниманія потому, что хотя въ немъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь о личныхъ свойствахъ государей, о ихъ добродѣтеляхъ, какъ частныхъ лицъ, въ этомъ поученіи однако заключается отчасти и политическая программа— наставленіе христіанскому государству. „Мы считаемъ ихъ—говоритъ Августинъ—счастливыми, если они управляютъ справедливо, если ихъ не исполняютъ гордыней рѣчи, высоко ихъ прославляющія, и подобострастіе людей, слишкомъ смиренно ихъ почитающихъ; но если они помнятъ, что и они люди; если они употребляютъ свою власть для вящаго распространенія поклоненія Богу, дѣлая эту власть слугою (famulam faciunt) Его славы; если они боятся Бога, чтутъ Его и поклоняются Ему; если болѣе любятъ то царство, гдѣ имъ не придется опасаться соперниковъ, чѣмъ свое; если они медлятъ карать, легко прощаютъ; если прибѣгаютъ къ карѣ изъ-за нуждъ государственнаго управленія и его охраненія, а не для удовлетворенія чувству ненависти и вражды; если эта снисходительность въ прощеніи ведетъ не къ безнаказанности преступленія, а руководится надеждою на исправленіе; если суровыя мѣры, къ которымъ они такъ часто бываютъ принуждены прибѣгать, возмѣщаются сострадательной кротостью и щедростью благодѣяній; если они тѣмъ воздержнѣе въ удовлетвореніи страстей, чѣмъ болѣе вольны предаваться имъ; если они предпочитаютъ подавлять дурныя влеченія, чѣмъ побѣждать народы, и если все это они творятъ не ради жажды пустой славы, а изъ любви къ вѣчному блаженству“.

Приведенныхъ здѣсь указаній достаточно, чтобы на ихъ основаніи составить себѣ представленіе о воззрѣніяхъ Августина на государство. Они прежде всего показываютъ, что государство занимало сравнительно незначительное мѣсто въ его помыслахъ. Всѣ его помыслы были обращены на Божье царство и на устроеніе „той его части, которая скиталась на землѣ“. Земное государство являлось ему въ принципѣ противоположностью Божьяго царства; съ этой точки зрѣнія Августинъ и прослѣдилъ исторію земного государства. Земныя цѣли этого государства, его формы и виды Августина не интересовали. Его взглядъ въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовалъ настроенію христіанъ въ римской имперіи, съ одинаковой покорностью переживавшихъ эпохи преслѣдованія и болѣе благопріятныя для нихъ времена. Съ этимъ настроеніемъ гармонировала и теорія Августина объ отноше-

ніяхъ подданныхъ къ властямъ. Если власть была въ рукахъ добрыхъ правителей, подданные должны были считать это за благо, ниспосланное Богомъ, которое нужно принимать съ благодарностью; если правители были злые и жестокіе, они должны были видѣть въ этомъ испытаніе, въ которомъ слѣдовало проявлять христіанскую доблесть и добродѣтель. Равнодушіе Августина къ государству особенно можно усмотрѣть въ томъ, что, несмотря на высокое превосходство, которое онъ признаетъ за христіанскимъ государствомъ предъ языческимъ, онъ, можно сказать, обходитъ молчаніемъ знаменательнѣйшій фактъ въ исторіи земного государства — его превращеніе изъ языческаго въ христіанское, вслѣдствіе чего оно изъ враждебнаго царству Божію учрежденія обратилось въ пособника ему на землѣ. Этотъ переломъ въ исторіи земного государства настолько слабо отмѣченъ Августиномъ, что это подало поводъ его критикамъ упрекнуть его въ упущеніи, и утверждать, что его сочиненіе о царствѣ Божіемъ было построено на *анахронизмѣ*. Есть, конечно, не мало соображеній, объясняющихъ этомъ мнимый анахронизмъ. Несмотря на торжество христіанства, сила язычества еще давала себя чувствовать въ государственной жизни, особенно въ Римѣ, гдѣ еще до конца IV в. языческая Викторія продолжала красоваться въ сенатѣ, какъ символъ языческой традиціи. Эта сила язычества проявлялась даже въ политическихъ переворотахъ, совершавшихся на глазахъ у Августина—въ гибели императоровъ Граціана и Валентиніана II, въ торжествѣ языческаго узурпатора Гильдона въ Африкѣ. Вліяніе язычества чувствовалось также въ нравахъ и представленіяхъ христіанъ, въ особенности въ театральныхъ зрѣлищахъ, сохранившихся отъ временъ „служенія демонамъ" въ ущербъ нравственности. Но указанное упущеніе историка „Царства Божія" объясняется не одними побужденіями, заимствованными изъ его личнаго опыта и изъ среды, его окружавшей. Оно имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, вытекая изъ самаго существа его міровоззрѣнія. Оно всего болѣе свидѣтельствуетъ объ идеализмѣ, о *трансцендентальности* этого міровоззрѣнія. Царство Божіе, въ помыслахъ о которомъ жилъ Августинъ, стояло такъ неизмѣримо высоко надъ міромъ, что предъ нимъ сглаживались, исчезали существенныя различія между языческимъ и христіанскимъ государствомъ. Передъ царствомъ небеснымъ какъ то, такъ и другое, одинаково представляло собою земное государство.

Идея антагонизма между земнымъ государствомъ и Божьимъ царствомъ удерживается Августиномъ, несмотря даже на личный

опытъ, убѣдившій его въ благихъ послѣдствіяхъ для церковнаго единства вмѣшательства государственной власти въ дѣла церкви. Послѣ продолжительнаго разногласія съ другими африканскими епископами, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что только воздѣйствіе государства можетъ положить конецъ донатистской смутѣ, и присоединился къ ихъ ходатайству у императоровъ о принятіи карательныхъ мѣръ противъ ереси. Онъ и лично обращался къ императорскимъ чиновникамъ за защитой своей паствы отъ мѣстныхъ донатистовъ. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что эта практика не отразилась на его воззрѣніяхъ. Августинъ началъ писать сочиненіе „О Божьемъ царствѣ" (410—426) еще во время горячей борьбы съ донатистами, продолжавшейся до 420 г., и тѣмъ не менѣе въ этомъ сочиненіи ни однимъ словомъ не упоминается объ участіи государства въ этой борьбѣ.

Но если съ одной стороны практическая польза, которую можно было извлечь изъ мощи государства для нуждъ церкви, не побудила Августина отказаться отъ антитезы между Божьимъ царствомъ и земнымъ государствомъ, то съ другой стороны—что особенно важно—и самая антитеза не ослѣпляла его насчетъ высокаго значенія государства. Мы въ этомъ отношеніи считаемъ должнымъ отмѣтить замѣчательную эволюцію въ его мысли. Въ началѣ его сочиненія „О Божьемъ царствѣ", когда онъ имѣетъ дѣло съ братоубійцами Каиномъ и Ромуломъ, основателями первыхъ городовъ, онъ даетъ полный просторъ своей антитезѣ; въ концѣ же сочиненія мы находимъ вышеуказанную, превосходную главу о миротворческомъ призваніи государства. Нѣтъ уже и намека на пренебреженіе или даже равнодушіе къ государству на краснорѣчивыхъ страницахъ, на которыхъ Августинъ развиваетъ свою глубокую мысль о государствѣ какъ объ учрежденіи, предназначенномъ по своей природѣ и согласно общему мировому порядку — устанавливать миръ на землѣ. Данная имъ формула сохраняетъ свое значеніе для всѣхъ временъ. Установленіе мира продолжаетъ быть и въ наше время лучшимъ удѣломъ государства—мира внѣшняго между народами, мира внутренняго между исповѣданіями, расами и классами. При такихъ условіяхъ въ отзывахъ Августина о государствѣ не можетъ быть однообразія. Но противорѣчія мы въ этомъ не находимъ... Взглядъ Августина на государство представляетъ аналогію съ его отношеніемъ къ земной церкви, которую онъ то выставляетъ какъ смѣшанное учрежденіе, заключающее въ своемъ составѣ добрыхъ и злыхъ, то превозноситъ за ея высокое назначеніе. Подобнымъ

образомъ и государство, хотя и возникло изъ грѣховныхъ стремленій человѣка, можетъ служить великой цѣли и сдѣлаться такимъ образомъ орудіемъ и проявленіемъ божественнаго порядка вещей. Двойственность въ оцѣнкѣ какъ церкви, такъ и государства исчезаетъ передъ единствомъ, которое вносится въ міръ Августиновской идеей „Божьяго царства". Какъ земныя учрежденія, *скитающаяся* на землѣ церковь и государство, живущее по человѣческому закону, представляютъ *оба* антитезу „Божьему царству"; но какъ церковь, собирая гражданъ для „Божьяго царства", является составною его частью, такъ и государство, живя по закону божественному, можетъ быть *слугою* (famula) „Божьяго царства".

XI.

Таковы представленія Августина о „Божьемъ царствѣ", церкви и государствѣ. Эти представленія имѣли огромное вліяніе на дальнѣйшую жизнь западнаго христіанства; они, можно сказать, органически вошли въ составъ средневѣковаго міровоззрѣнія. Но было бы искаженіемъ образа Августина и его исторической роли—отождествлять средневѣковое міровоззрѣніе съ его представленіями, возлагать на него отвѣтственность за всѣ послѣдствія этого міровоззрѣнія, утверждать, что всѣ средневѣковые дѣятели, исходившіе изъ его идей или ссылавшіеся на него, дѣйствовали въ *его духѣ* или дѣлали *его* дѣло. Нужно помнить, что корни средневѣковаго міровоззрѣнія кроются не въ одномъ Августинѣ, а въ общей почвѣ, на которой и онъ стоялъ, и что оно развивалось при условіяхъ, которыя были ему совершенно чужды. Его личнымъ, главнымъ вкладомъ въ средневѣковое міровоззрѣніе была идея Божьяго царства. Этотъ созданный имъ— въ извѣстномъ смыслѣ — образъ сіялъ лучезарной звѣздой надъ темными вѣками, смѣнявшими собою античную цивилизацію. Идея Божьяго царства, осуществляющагося въ мірѣ, была въ теченіе вѣковъ царствующей идеей западной цивилизаціи. Эта идея заключала въ себѣ самую глубокую и единственно въ то время возможную философію исторіи, объединявшую и освѣщавшую какъ прошлыя, такъ и будущія судьбы человѣчества. Она была живымъ источникомъ идеализма, побуждавшаго человѣка отрываться отъ земного, преходящаго и устремлять мысль къ совершенному и вѣчному. Наконецъ, идея Божьяго царства нашла себѣ практическое примѣненіе въ сужденіяхъ средневѣковаго

человѣка о церкви и государствѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ учрежденій.

Всего болѣе, конечно, отъ этого выиграла церковь въ ея состязаніи съ государствомъ: образъ Божьяго царства сталъ священнымъ знаменемъ, которое развѣвалось надъ ея тріумфальнымъ шествіемъ. Этотъ образъ вдохновлялъ идеалистовъ въ числѣ ея борцовъ, служилъ оправданіемъ для ея честолюбцевъ, увлекалъ за собою недоумѣвающія и ослѣпленныя массы... Этотъ высоко стоявшій надъ землею образъ парализовалъ того противника, который могъ заградить ей путь къ власти надъ землею—государство. Но соотвѣтствовало ли то, что извлекали изъ идеи Божьяго царства восторженные поборники церкви и дѣльцы куріи—мыслямъ Августина? Совпадалъ ли его идеалъ съ идеалами Григоріевъ и Иннокентіевъ? Тождественно ли его „Царство Божіе“ съ той теократіей, которую старались создать римскіе епископы?

Можно отвѣтить, что между этими двумя *тео*-кратіями такое же разстояніе, какое раздѣляетъ въ мысляхъ Августина два понятія—*небеснаго* и *земного царства* (civitas coelestis и civitas terrena). Въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ отступали отъ Августина тѣ, кто изъ его представленія о Божьемъ царствѣ извлекали аргументы въ пользу возвышенія церкви... Они забывали, что „скитающаяся на землѣ“ церковь съ ея смѣшаннымъ составомъ была въ его системѣ *антитезой* Божьяго царства. Лишь по окончаніи вѣковъ, по отдѣленіи отъ нея „дурныхъ“, она сливалась съ Божьимъ царствомъ. Если у него встрѣчается выраженіе, что церковь уже теперь называется или есть Божіе царство, то это относилось къ идеальной, а не къ видимой церкви — къ сонму святыхъ, предназначенныхъ къ спасенію въ предѣлахъ церкви.

Далѣе, средневѣковые поборники церкви имѣли въ виду возвышеніе *папской* церкви, точнѣе, возвышеніе власти римскаго епископа надъ міромъ. Но ничто не было такъ чуждо мыслямъ Августина, какъ представленіе о папской власти надъ церковью. Онъ безусловно стоялъ на точкѣ зрѣнія *вселенской* церкви. Если онъ признавалъ за римскимъ епископомъ почетное положеніе среди епископовъ (principatus), то онъ дѣлалъ это въ интересахъ церкви, чтобъ воспользоваться римскимъ апостольскимъ преданіемъ въ пользу того, что онъ считалъ истиннымъ ученіемъ церкви, но онъ былъ далеко отъ того, чтобы признавать истиннымъ то, что римскій епископъ выдавалъ за таковое въ силу своего авторитета. Представленіе о намѣстникѣ Божіемъ, создан-

ное Римомъ, Августинъ съ его просвѣтленнымъ философіей представленіемъ о Богѣ принялъ бы за кощунство.

Съ бо̀льшимъ основаніемъ могли ссылаться на Августина средневѣковые противники государства, стремившіеся подчинить его власти церкви. Идея Божьяго царства носила въ самой себѣ представленіе о другомъ царствѣ, противоположномъ Божьему, и осужденіе его. И хотя эта противоположность у Августина прежде всего религіозная и моральная, т.-е. относится къ царству дьявола, царству демоновъ или языческихъ боговъ, но въ своей „исторіи Божьяго царства“ Августинъ самъ распространяетъ свою антитезу на политическое государство. Оно есть *земное* государство въ антагонизмѣ съ небеснымъ: оно возникло изъ грѣха и насилія, оно живетъ земными страстями и цѣлями, и потому уподобляется даже разбойничьему стану. Даже когда земное государство становится изъ языческаго христіанскимъ, когда ему представляется возможность проникнуться принципомъ *справедливости*, не въ смыслѣ античныхъ юристовъ и философовъ, а въ томъ религіозномъ смыслѣ, который придаетъ этому понятію Августинъ,—на земномъ государствѣ остается клеймо его происхожденія и его земного назначенія.

Съ другой стороны, Августинъ обращается къ государственной власти не только за защитой противъ насилій, учиняемыхъ донатистами надъ православнымъ духовенствомъ и церквами, но и за помощью для сдержки и подавленія еретиковъ государственными законами, въ борьбѣ какъ съ донатистами, такъ и съ пелагіанцами. Согласно съ этимъ, въ глазахъ Августина ростетъ и теоретическая оцѣнка государства. Онъ называетъ счастливыми тѣхъ христіанскихъ императоровъ, которые „пользуются своею властью для возможно широкаго *распространенія почитанія* Бога (Dei cultum), дѣлая свою власть слугою Его величія“. Онъ простираетъ это требованіе и на внутреннюю политику, призывая государство внушать еретикамъ — не прибѣгая къ смертной казни — „цѣлебный страхъ, который, хотя и не даетъ еще сладкаго плода доброй совѣсти, но, по крайней мѣрѣ, въ тайнѣ помысловъ сдерживаетъ дурныя наклонности“.

Конечно, въ этихъ сужденіяхъ Августина о государствѣ много точекъ соприкосновенія съ средневѣковой теоріей о государствѣ. Но, тѣмъ не менѣе, ошибались средневѣковые публицисты, которые видѣли въ Божьемъ царствѣ Августина оправданіе своей теоріи о подчиненіи государства церкви, и удаляются отъ истины тѣ современные ученые, которые выводятъ изъ Августина средневѣковую теорію о государствѣ. Въ особенности нужно остере-

гаться слишкомъ узкихъ формулъ при опредѣленіи вліянія Августина на средневѣковыя понятія о церкви и государствѣ. Для примѣра укажемъ на формулу, которую находимъ въ весьма дѣльномъ и научномъ современномъ изслѣдованіи объ исторіи каноническаго права. Особенность Августина, — говоритъ Лёнингъ,—не въ томъ, что онъ оправдывалъ принудительныя мѣры со стороны государства противъ еретиковъ,—это было въ ходу и до него: епископъ Оптатъ требовалъ даже смертной казни для донатистовъ. Особенность Августина и не въ томъ, что онъ ставилъ церковь выше государства и видѣлъ въ государствѣ грѣховное дѣло,—это былъ древне-христіанскій взглядъ. „Но Августинъ первый поставилъ государство на службу церкви,—указалъ государству путь, на которомъ оно могло изъ дьявольскаго града (civitas diaboli) превратиться въ Божій градъ“ [1]).

Правильно ли опредѣляетъ эта формула взглядъ Августина на значеніе государства? Въ эпоху Августина можно отмѣтить разныя теченія въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства. Еще не было забыто отрицательное отношеніе христіанъ къ государству, которому когда-то Тертулліанъ далъ такое характерное выраженіе: „И цесари стали бы вѣрить въ Христа, еслибы они, какъ цесари, не были необходимы міру (saeculo), или еслибы христіане могли быть цесарями“. Здѣсь выражена мысль о полной несовмѣстимости христіанской церкви съ государствомъ, чувство полной къ нему враждебности. Отголосокъ этой вражды мы слышимъ у донатистовъ, негодующихъ на преслѣдованія со стороны государства. „Какое дѣло — говорили они—императору до церкви?“

Но то, что Тертулліану казалось невозможнымъ, совершилось: цесари стали христіанами, и отношеніе къ нимъ представителей церкви измѣнилось. Благодарность за оказанное покровительство и потребность найти опору въ императорской власти среди появившихся въ церкви раздоровъ побудили многихъ христіанъ видѣть въ императорѣ „Богомъ поставленнаго общаго *епископа*, который долженъ устанавливать миръ Божій среди спорящихъ сторонъ“, какъ выразился первый историкъ церкви, епископъ Евсевій о Константинѣ. Такъ и второй вселенскій соборъ возносилъ благодарственную молитву къ Господу за то, что Онъ установилъ императорскую власть для поддержанія общаго мира въ церкви и для утвержденія истинной вѣры. Въ силу этого

[1]) Löning. „Gesch. d. d. Kirchenrechts“. Глава объ Августинѣ. Въ подтвержденіе своего взгляда Лёпингъ дѣлаетъ ссылки на Августина. Но ни одна изъ этихъ цитатъ не служитъ прямымъ подтвержденіемъ указанной выше формулы.

соборъ проситъ императора утверждать его постановленія. Согласно съ такимъ взглядомъ, Константинопольскій соборъ 448 года назвалъ императора Θеодосія архіереемъ-царемъ (archiereus-basileus).

Въ разрѣзъ съ этимъ шло другое теченіе, противополагавшее царству—*священство*, и потому ставившее церковь выше государства. Еще въ языческую эпоху установился взглядъ, что священство превыше всякой власти на землѣ, насколько небо выше земли. А, такъ сказать на глазахъ у Августина, Амвросій, который подвергъ церковной пенѣ могущественнаго Θеодосія, указалъ императору его скромное мѣсто въ церкви. По его словамъ, даже православный императоръ стоитъ не *надъ* церковью, а *въ* церкви. Для императора не можетъ быть высшаго почета, какъ называться сыномъ церкви.

Не только на Западѣ, но въ самомъ Константинополѣ, другой современникъ Августина, Златоустъ, присвоивалъ церкви безусловное господство надъ государствомъ. Если такъ думали въ Миланѣ и Константинополѣ, то римскіе епископы пошли еще дальше и въ своихъ отношеніяхъ формулировали ту теорію, которую ихъ средневѣковые преемники такъ успѣшно осуществляли. Феликсъ III внушалъ императору Зенону, что когда рѣчь идетъ о божественныхъ дѣлахъ, онъ обязанъ, по велѣнію Божьему, подчинить свою императорскую волю іереямъ Христа. А Геласій I, въ своемъ поученіи императору Анастасію о двухъ властяхъ, управляющихъ міромъ, напомнилъ ему, что онъ стоитъ въ почетѣ выше всего человѣческаго рода, но долженъ смиренно склонять свою голову передъ іереями.

Въ сужденіяхъ Августина о церкви можно отмѣтить всѣ три указанныя теченія. Но соединенныя въ общемъ синтезѣ они утрачиваютъ свою односторонность. Старинная вражда христіанъ къ языческому государству нашла у него полное и принципіальное выраженіе въ его представленіи о земномъ государствѣ, отверженникѣ Божьяго царства, возникшемъ изъ грѣха и братоубійства, подобно разбойничьему стану. Но какъ отдѣльный человѣкъ, рожденный отъ грѣха, можетъ при помощи благодати отрѣшиться отъ него, такъ и земное государство можетъ проникнуться праведностью и стать пособникомъ Божьяго царства.

Съ другой стороны, въ противность принципу донатистовъ: „какое дѣло императору до церкви?"—Августинъ требуетъ отъ свѣтской власти заботливаго отношенія къ интересамъ и нуждамъ церкви, но ему совершенно чуждъ византійскій взглядъ на императора, какъ на общаго епископа и какъ царя-архіерея.

Наконецъ, признавая земную церковь скитающеюся на землѣ частью царства Божьяго, возлагая на нее обязанность собирать гражданъ для Божьяго царства, Августинъ ставитъ церковь невыразимо выше государства, но это относится къ ея идеальной сторонѣ, а не къ ея представителямъ. У Августина совершенно не было *іерархическихъ тенденцій* и ему чуждо превознесеніе священства на счетъ царской власти, а тѣмъ болѣе было бы ему чуждо средневѣковое представленіе о власти папы надъ міромъ во имя церкви. Это было бы въ его глазахъ превращеніемъ церкви въ земное учрежденіе, т.-е. отпаденіе отъ царства Божьяго. Въ этомъ пунктѣ мы усматриваемъ главнѣйшее различіе между Августиномъ и его средневѣковыми послѣдователями. Говоря о церкви, они разумѣютъ нѣчто иное, чѣмъ онъ.

Поэтому мы и не можемъ согласиться съ вышеприведенной формулой — что Августинъ поставилъ государство на службу церкви. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Августинъ упоминаетъ о служеніи государства, онъ имѣетъ въ виду служеніе государства не церкви, не іерархіи, не римскому епископу, — а Богу. Можно сказать, что истолкователемъ Божьей воли для государственной власти является церковь,—но не папская курія, а церковь въ томъ духовномъ смыслѣ, какъ ее понималъ Августинъ. Затѣмъ и самое служеніе государства церкви имѣетъ въ устахъ Августина не тотъ смыслъ, какой ему придавали въ средніе вѣка. Августинъ требуетъ отъ государства только защиты церкви отъ еретиковъ и — подъ конецъ — принудительные противъ послѣднихъ законы. Отсюда весьма далеко до средневѣкового представленія о подчиненіи государства церкви также и въ свѣтскихъ вопросахъ (in temporalibus). При поставленной антитезѣ земного и небеснаго у Августина не могло быть и помысла о вторженіи церкви въ область государства ради расширенія ея власти. Онъ прямо высказываетъ мнѣніе, что церковь обязана повиноваться законамъ государства, и при случаѣ даже опредѣленно выдѣляетъ изъ-подъ вліянія церкви сферу государственной дѣятельности. Требуя отъ представителя государственной власти кроткихъ мѣръ по отношенію лицъ, виновныхъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ православнаго духовенства, онъ говоритъ: иное дѣло управлять провинціей, и иное дѣло—дѣйствовать въ интересахъ церкви! Августинъ идетъ далѣе: въ концѣ своего сочиненія „О Божьемъ царствѣ“ онъ признаетъ за государствомъ самостоятельное высокое призваніе на землѣ—водвореніе мира. Эта мысль Августина не нашла себѣ отклика въ церковной средневѣковой литературѣ, но она болѣе заслуживаетъ вниманія, какъ характерная черта

Августиновскаго воззрѣнія, чѣмъ мысль, что „государство должно поступить на служеніе церкви“.

Поэтому мы не согласны и со второй частью вышеприведенной формулы,—будто служеніемъ церкви государство изъ града дьявола обратится въ градъ Божій. Этого съ точки зрѣнія Августина никогда бы не могло случиться съ государствомъ—„denn das Dort ist niemals Hier“. Но, исполняя свое призваніе водворять миръ на землѣ, государство становится факторомъ установленнаго Богомъ мірового порядка.

Идеи Августина слѣдуетъ не истолковывать съ точки зрѣнія ихъ пониманія позднѣйшими вѣками, но оцѣнивать въ связи съ современной ему эпохой. Тогда выяснится ихъ великое значеніе въ той знаменательной эволюціи, которая играетъ такую важную роль въ культурной исторіи западной Европы. Проповѣдь Евангелія о царствѣ, которое „не отъ міра сего“, создала церковь, и церковь, живя помыслами объ этомъ *небесномъ царствѣ*, восторжествовала надъ враждебнымъ ей міромъ и побѣдила его. Но чѣмъ болѣе она побѣждала, тѣмъ болѣе она сама приближалась къ формамъ земного царства. Папская теократія была неизбѣжнымъ результатомъ дальнѣйшаго историческаго движенія при условіяхъ, въ которыя была поставлена западная церковь. Но тѣмъ не менѣе, владычество новаго Рима было царствомъ „отъ міра сего“, т.-е. противоположнымъ полюсомъ евангельской проповѣди о грядущемъ небесномъ царствѣ. Въ этой эволюціи церкви между двумя ея полюсами—Евангеліемъ и теократіей—былъ моментъ равновѣсія между основнымъ идеаломъ и его осуществленіемъ въ владычествующемъ надъ землею учрежденіи. Этотъ моментъ знаменуетъ и выражаетъ собою безсмертное твореніе Августина „О Градѣ Божіемъ“. „Царству не отъ міра сего“ здѣсь даны уже реальныя очертанія. Оно уже проявляется и „въ мірѣ семъ“ въ лицѣ церкви, которая „нынѣ уже называется царствомъ небеснымъ“, но въ самую церковь чрезъ это уподобленіе вливается идеальное содержаніе. Царство Божіе Августина — не *земное* учрежденіе. Оно охватываетъ прошлое, настоящее и грядущее, зло и добро, небо и землю, Божество и человѣка. Въ этомъ „Царствѣ Божіемъ“ также и церкви указано свое мѣсто и назначеніе. Она признана *частью* Царства Божьяго, но *земною*, и ея жизнь направлена не къ *землѣ*, а къ *небу*.

В. Герье.

НАШИ ДНИ

Семейная исторія.

O, sancta simplicitas!
Гуссъ — на кострѣ.

I.

По большой проѣзжей дорогѣ изъ стараго густого лѣса вышелъ на широкую поляну молодой человѣкъ. Поверхъ свѣтлой ситцевой рубахи на выпускъ у него накинуто на плечи старое сѣренькое пальто—такъ могъ быть одѣтъ кто угодно; студенческая фуражка сама по себѣ еще не свидѣтельствовала ни о чемъ; но по интеллигентному лицу — нервному, энергичному, можно было уже безошибочно опредѣлить, что молодой человѣкъ принадлежитъ къ учащейся молодежи и къ типу извѣстнаго закала.

Молодой человѣкъ взглянулъ на небо. Безоблачно. Полная луна, поднявшись высоко-высоко, какъ будто на минуту пріостановила свой бѣгъ и безстрастно освѣщала картину безмятежнаго покоя земли.

Въ созерцательномъ настроеніи остановился юноша. Красота этой ночи захватила и его. Но на его задумчивомъ, немного суровомъ лицѣ эта красота вызвала только отпечатокъ тихой грусти. Онъ смотрѣлъ на развернувшуюся передъ нимъ тонущую въ серебряномъ свѣтѣ даль полей, смотрѣлъ на виднѣвшуюся подъ горой извилистую ленту рѣчки съ разбросаннымъ по берегу кустарникомъ, смотрѣлъ на дорогу, тянувшуюся черезъ поле къ деревнѣ у рѣчки,—и преждевременная морщина между бровей юноши дѣлалась все глубже, и пробѣжавшая на мгновеніе по его губамъ улыбка была горькой.

Онъ досталъ изъ кармана брюкъ большіе серебряные часы,

посмотрѣлъ, подумалъ, взглянулъ еще разъ на даль подъ горой, и быстро, точно торопясь наверстать потерянное въ раздумьи время, пошелъ по дорогѣ. Сдѣлавъ съ полсотни шаговъ, онъ свернулъ въ сторону: здѣсь, наискось отъ дороги, поляну пересѣкала аллея старыхъ-старыхъ высокихъ березъ. Аллея вела къ массивнымъ каменнымъ столбамъ воротъ, рѣзко, еще издали выдѣлявшихся своей бѣлизной на темной зелени старыхъ запущенныхъ акацій. Акаціи, вмѣстѣ съ старой заржавѣвшей желѣзной рѣшеткой на каменномъ фундаментѣ, окружали, какъ непроницаемая стѣна, небольшой парадный дворъ усадьбы и въ концѣ сливались съ липовыми аллеями сада, куда выходилъ главный фасадъ барскаго дома.

Ворота оказались открытыми. Юноша вошелъ во дворъ и опять остановился.

Изъ дома доносились со стороны сада чуть слышные здѣсь звуки музыки. У крыльца, побрякивая бубенчиками, стояла тройка сѣрыхъ въ яблокахъ, запряженная въ рессорную коляску. Юноша лошадей зналъ, но этого кучера видѣлъ впервые.

— Груздевскія?—спросилъ онъ.

Кучеръ съ высоты козелъ съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Его.

— Самъ здѣсь?

— И самъ, и барыня.

Юноша повертѣлъ въ рукахъ суковатую палку и въ раздумьи посмотрѣлъ на ступеньки крыльца.

Ночной усадебный сторожъ, ходившій вокругъ дома, пришелъ сюда и, признавъ знакомаго, поклонился:

— Здравствуйте, Сергѣй Ивановичъ. Къ барину?

Юноша кивнулъ головой и промолвилъ:

— Здравствуйте, Матвѣй. Да.

— Вѣдь отперто надо-быть крыльцо-то.

Юноша съ минуту подумалъ и нерѣшительно сказалъ:

— Поздновато, неловко... гости у васъ.

Сторожъ улыбнулся.

— Свои вѣдь: Андрей Ѳедоровичъ съ барыней.

— Все-таки. Еще помѣшаешь ихъ музыкѣ... Подите-ка, велите Зосѣ сказать Всеволоду, какъ кончатъ играть, что я жду его въ саду. Я шелъ изъ города—домой, завернулъ.

— Хорошо.

Сторожъ пошелъ къ заднему крыльцу, юноша—къ садовой калиткѣ. Въ саду по темной липовой аллеѣ онъ прошелъ до

цвѣтника предъ террасой и сѣлъ на чугунную скамейку у большой овальной клумбы.

Отсюда музыка была слышнѣе.

Луна залила террасу и фасадъ дома своимъ неуловимымъ фантастическимъ свѣтомъ: и потрескавшаяся штукатурка стѣнъ, и почернѣвшее дерево ступеней и перилъ—стали кованнымъ серебромъ; а на немъ, какъ огненные камни въ оправѣ, горѣли освѣщенныя изнутри окна и дверь на террасу. Въ эту отворенную на двѣ половинки дверь можно было разглядѣть и сидѣвшихъ въ гостиной. Марья Николаевна—за роялемъ. Всеволодъ, за своимъ пюпитромъ, сидѣлъ спиной къ дверямъ въ садъ; направо отъ него стоялъ пюпитръ Груздева, налѣво—Игнатовича. Въ окно виднѣлась сѣдая голова Софьи Петровны, а за ней, облокотившись на мягкую спинку кресла, склонилась надъ головой матери—Зина.

Савельевъ зналъ ихъ всѣхъ, и не въ первый разъ приходилось ему видѣть ихъ такъ, всѣхъ вмѣстѣ.

Онъ сидѣлъ теперь на скамейкѣ, прислушивался къ музыкѣ и въ душѣ его все сильнѣе и сильнѣе разросталось чувство неудовольствія собой. Онъ не пошелъ въ домъ. Что за малодушіе! Стоя на пути къ самымъ отчаяннымъ дѣйствіямъ революціонной пропаганды, когда дѣло пойдетъ о жизни и смерти,—онъ вдругъ поддался какой-то сантиментальности и не захотѣлъ лишить Всеволода еще нѣсколькихъ минутъ наслажденія той жизнью, которую они съ нимъ сами же не-сегодня-завтра будутъ разрушать.

Но развѣ онъ, Савельевъ, виноватъ, что такъ любитъ музыку! И откуда это у него? Ужъ не наслѣдственность же? Вѣдь его отецъ всю жизнь пѣлъ только тропари да ирмосы своимъ надтреснутымъ басомъ въ ихъ убогой сельской церкви, а мать даже и „аллилуія“ никогда не пѣвала. Самъ онъ не поетъ и ни на какомъ инструментѣ не играетъ, а вотъ такъ все и кажется ему, что музыка—это его стихія. Онъ знаетъ, онъ понимаетъ, что музыкально, что велико въ музыкѣ—это и Всеволодъ ему говорилъ. Откуда же, откуда это?

Онъ упрямо напрягаетъ мысль, чтобъ уяснить себѣ неясный вопросъ; характерная складка между бровей опять очерчивается рѣзко, глубоко, и чрезъ минуту раздумья онъ уже, какъ бы рѣшивъ всѣ сомнѣнья, говоритъ себѣ: „Да, если тутъ есть наслѣдственность, то именно духовная. Музыка—это тотъ пока единственный языкъ, на которомъ человѣку можетъ стать понятнымъ все мистическое. Музыка должна быть основой религіи будущаго. У меня, готовящагося разрушить религію предковъ, это атавизмъ

религіозной касты, изъ которой я вышелъ. Отвергнувъ все ея внѣшнее, обрядовое, я все неуловимое духовное воплотилъ въ эту страстную любовь къ музыкѣ. Теперь, въ такую рѣшительную минуту, отдаться еще разъ музыкѣ—это такъ естественно. Это—религіозный порывъ, это—молитва. Вѣдь вся пропаганда, вся проповѣдь самоотверженной активной борьбы — она во имя религіи, во имя нашей вѣчной связи съ грѣхами и съ ошибками прошлаго, съ свѣтлыми упованіями грядущаго,—она во имя религіи любви къ человѣчеству, во имя любви къ обездоленнымъ, къ тѣмъ самымъ, за кого нѣкогда пострадалъ и Великій Назарeянинъ...“

Савельевъ сидѣлъ и слушалъ.

Онъ не зналъ, чей именно квартетъ играли тамъ, въ гостиной, но эти звуки были такіе возвышающіе, такіе нѣжные, что, казалось, само небо спустилось сегодня здѣсь на землю.

Савельевъ слушаетъ и пристально смотритъ изъ своего отдаленія на играющихъ.

Да, онъ ненавидѣлъ этого отвратительнаго крѣпостника — Андрея Ѳедоровича Груздева; онъ презиралъ этого ничтожнаго льстиваго поляка Игнатовича, служащаго подлымъ орудіемъ подлыхъ дѣйствій въ рукахъ Груздева,—а теперь онъ, презирающій и ненавидящій, весь подъ обаяніемъ дивныхъ звуковъ, которые виртуознымъ смычкомъ Андрея Ѳедоровича извлечены изъ тайниковъ его драгоцѣнной віолончели. А какъ трогательно поетъ у Игнатовича вторая скрипка въ общемъ хорѣ! Удивительная вещь квартетъ! Амплитуда гармоніи. Выше и оркестра!

Савельевъ чувствуетъ, что музыка въ эту минуту такъ же смягчаетъ и скрашиваетъ всѣ трещины и всѣ темныя пятна, какія надѣлала жизнь въ его душѣ, какъ сглаживаетъ и скрашиваетъ лунный свѣтъ всѣ шероховатости освѣщаемой имъ картины. Чувство недовольства собой переходитъ у Савельева въ ясное, мирное настроеніе. И онъ уже не упрекаетъ себя въ малодушіи, что оставилъ Всеволода еще на нѣкоторое время въ мистически-музыкальномъ общеніи съ небомъ, предъ тѣмъ какъ звать его—принять на себя тяжелую ношу горя земли. Еслибы онъ сразу вошелъ давеча въ комнату, и Всеволодъ увидалъ бы его,—общее настроеніе было бы нарушено. Сбиваясь и поправляясь, Всеволодъ доигралъ бы, конечно, свою партію въ квартетѣ... но къ чему было бы портить...

Савельевъ сидитъ и слушаетъ, — и опять ему думается: „Отчего вотъ эти „подлецы“, Груздевъ, Игнатовичъ, обладаютъ даромъ исторгать изъ мертваго дерева божественные звуки, а я

вотъ—„благородный, самоотверженный борецъ за лучшіе идеалы вѣка“, Сергѣй Савельевъ, не могу доставить ни себѣ, ни другимъ того наслажденія, которое они сейчасъ доставляютъ и себѣ, и мнѣ?“

Онъ начинаетъ анализировать то чувство горькой ироніи, которымъ была подсказана эта мысль, и находитъ въ немъ слѣды мучительной зависти къ таланту.

И онъ чувствуетъ, какъ это вызываетъ въ душѣ у него сумятицу сомнѣній. Сколько разъ упрекалъ онъ себя за то, что въ то время, когда тактика требуетъ, чтобъ умъ подчинялся строгой дисциплинѣ догмовъ, установленныхъ „резолюціями“, этотъ непокорный умъ начиналъ анализировать и тактику, и догмы, и цѣлесообразность подчиненія имъ, и самое право резолюцій, обязывающихъ подчиняться. А въ заключеніе, и самые идеалы подвергались имъ критикѣ, вѣрной или ошибочной—все равно,—но безпощадной. Такъ и теперь, отрывки мыслей въ его мозгу, смѣняя другъ друга, ниспровергали другъ друга и вносили раздвоеніе въ его душу. Борьба за счастье обездоленныхъ, униженныхъ, страждущихъ! Ну, хорошо—дадимъ обездоленнымъ благосостояніе, возвысимъ униженныхъ, прекратимъ страданія страждущихъ. Надо дать имъ и все то, что имѣютъ счастливые люди, и, въ числѣ всѣхъ другихъ благъ, и вотъ это счастье не только *слышать*, но и *понимать* этотъ языкъ боговъ, эти мистическіе звуки музыки, низводящіе небо на землю. Если этого не будетъ,—чего добиваться на свѣтѣ: быть сытымъ, обутымъ, одѣтымъ, плодить потомство, которое опять будетъ сыто, обуто, одѣто, честно въ потѣ лица будетъ зарабатывать свою сытость, свою одежду, обувь? Зачѣмъ? Развѣ о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ?

Савельеву вспомнилось стихотвореніе, когда-то прочитанное въ какой-то книжкѣ, поразившее его и заученное наизусть. И теперь, вдохновленный звуками квартета, обласканный фантастическимъ свѣтомъ луны, онъ вполголоса декламировалъ его себѣ:

Люди живы — красотою,
Въ Божьемъ мірѣ разлитою:
Струнъ природы хоромъ стройнымъ,
Солнца свѣтомъ — полднемъ знойнымъ,
Вешнихъ водъ веселымъ плескомъ,
Снѣга дѣвственнаго блескомъ,
Дѣвы ясными очами,
Звѣздъ мерцающихъ лучами,
Сердца сладкимъ замираньемъ,
Милыхъ устъ живымъ лобзаньемъ...

Люди живы — красотою,
Человѣкомъ добытою:
Камня стройнымъ изваяньемъ,
Красокъ дружнымъ сочетаньемъ,
Мѣднымъ гласомъ трубъ могучихъ,
Гуслей рокотомъ пѣвучихъ,
Каждой пѣсни вѣщей силой,
Каждой сказки ложью милой,
Да святою мощью слова,
Вдохновеннаго, живого.

Когда будетъ уничтожено все то, что есть въ жизни народа отрицательнаго, надо будетъ дать счастье положительное,—дать то, чѣмъ люди живы—красоту. Съумѣемъ ли?... Сможемъ ли?... Предательница „мать природа“ такъ несправедлива: талантами создавать красоту жизни частенько она надѣляетъ господъ Груздевыхъ и Игнатовичей и... и не даетъ этихъ талантовъ многимъ изъ благороднѣйшихъ людей... Можетъ быть, кончивъ борьбу за обездоленныхъ, угнетенныхъ и униженныхъ, надо будетъ начинать новую—за облагораживаніе и очищеніе душъ господъ Груздевыхъ и Игнатовичей. А можетъ быть, нельзя будетъ обойтись и безъ уничтоженія многихъ красивыхъ сторонъ самой культуры, созданной на торжествѣ сильныхъ и безсердечныхъ, злостныхъ, но талантливыхъ людей? „Ну и пусть! — думаетъ Савельевъ: — Пусть сгинутъ они, пусть сгинетъ весь старый строй съ *его* красотою,—народится красота новая, неизвѣданная, непознанная: безъ красоты міръ не живетъ!“

II.

Послѣдніе звуки квартета замерли тихимъ аккордомъ. Игравшіе встали и положили свои инструменты. Всеволодъ, потягиваясь, распрямлялъ спину. Савельевъ видѣлъ, какъ тотчасъ же подошла къ нему горничная Зося и что-то сказала ему. Всеволодъ оглянулся въ открытую дверь въ садъ. Савельевъ сейчасъ же всталъ и пошелъ къ террасѣ. Оставаться долѣе въ ожиданіи было уже неудобно.

Всеволодъ тѣмъ временемъ вышелъ на террасу, замѣтилъ идущаго къ нему Савельева и быстро спустился по ступенькамъ на дорожку цвѣтника. Онъ крѣпко пожалъ протянутую ему Савельевымъ руку и серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Сергѣй, здравствуй! Что новаго?

Савельевъ тоже серьезно, спокойно отвѣтилъ:

— Насъ вызываютъ. Надо ѣхать.

Всеволодъ сдвинулъ брови. Его разгорѣвшееся отъ игры лицо сразу стало блѣднѣе, и онъ нервно, тихо спросилъ:

— Когда?

Савельевъ отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ ѣхать уже завтра, да, можетъ быть, придется переждать день-два, чтобы не слишкомъ обратить на себя вниманіе.

Всеволодъ такъ же нервно, тихо сказалъ:

— Да, да, хорошо! Тебѣ кто сообщилъ?

— Я получилъ вчера письмо отъ Ивана Николаевича, въ которомъ онъ писалъ, чтобы я вышелъ на вокзалъ и встрѣтилъ тамъ горняка.

— Ну?...

— Я встрѣтилъ его. Мы узнали другъ друга по условной позѣ; онъ подошелъ, спросилъ фамилію и передалъ письмо отъ Ивана Николаевича. А затѣмъ, уже на словахъ, сообщилъ всѣ инструкціи.

— Экъ ее свѣтитъ-то! экъ свѣтитъ! — восклицалъ въ это время Груздевъ, выйдя изъ дома на террасу и любуясь луной, освѣщавшей каждый цвѣтокъ, каждый листикъ въ саду. За нимъ вышли и Марья Николаевна, и Зина.

— Вы, господа заговорщики! — громко обратился онъ къ Всеволоду и Савельеву:—куда вы тамъ скрываетесь? Такія ночи не годятся для заговоровъ — онѣ назначены Господомъ Богомъ для любовныхъ свиданій.

Молодые люди направились изъ аллеи къ террасѣ. Савельевъ слегка приподнялъ фуражку, кланяясь супругамъ Груздевымъ.

— Здравствуйте! — тѣмъ же начальническимъ, снисходительно-фамильярнымъ тономъ встрѣтилъ его Груздевъ.—Вы что же это, молодой человѣкъ, не входите въ домъ, а вызываете товарища въ кусты?

Савельевъ равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ:

— А я войду. Не хотѣлъ нарушать гармонію вашего квартета.

Онъ поднялся на ступеньки террасы и поздоровался съ Груздевыми и съ Зиной.

Марья Николаевна сразу же обратила вниманіе на Всеволода. По его задумчивому лицу, по выраженію его глазъ, смотрѣвшихъ черезъ все окружающее куда-то въ далекую даль, она догадалась, что Савельевъ уже успѣлъ сообщить брату что-то важное и тревожное. Тревога охватила и ее.

А Андрей Өедоровичъ все тѣмъ же грубоватымъ тономъ, съ усмѣшкой, иронически покрикивалъ:

— Да-съ, этакъ по ночамъ-то только темныя личности ходятъ-съ! Вы съ недобрыми намѣреніями?

Савельевъ злобно улыбнулся и съ ироническимъ смиренствомъ сказалъ:

— Ну, вотъ, видите: я съ самыми добрыми намѣреніями, а вы меня въ темныя личности производите; а я-то думалъ угодить вамъ своею скромностью.

— Ну, ну, не сердитесь!—отозвался Груздевъ.—По долгу службы. Намъ вмѣняется въ обязанность быть подозрительными. По долгу службы я бы давно долженъ вызвать васъ къ себѣ въ волостную контору и произвести допросъ: о чемъ это вы все съ мужиками бесѣдуете? Да еще и вызову.

И онъ, дѣйствительно, подозрительно сталъ смотрѣть Савельеву въ глаза.

Савельевъ не сморгнулъ и, принимая вызывающе-серьезный видъ, сказалъ:

— Спѣшите, я завтра уѣзжаю.

Груздевъ разсмѣялся.

— А уѣзжаете, такъ и слава Богу. Скажу тоже: спѣшите. Скатертью дорога. Васъ не будетъ—мнѣ спокойнѣе.

Вмѣшался Всеволодъ:

— Я удивляюсь, Андрей Өедоровичъ, зачѣмъ вамъ нужно говорить непріятныя вещи Сергѣю Ивановичу у насъ въ домѣ? Если по долгу службы—такъ могли бы это дѣлать у васъ въ канцеляріи.

— Извините-съ! — съ ехидствомъ отозвался Груздевъ. — Я здѣсь чувствую себя немножко дома, а по долгу службы я могу бесѣдовать съ Сергѣемъ Ивановичемъ хоть на большой дорогѣ. Оставимъ это.

И обратился къ Савельеву:

— Извините-съ, если нанесъ вамъ незаслуженное оскорбленіе. Но *вы* съ добрыми намѣреніями, такъ и *я* съ добрыми намѣреніями.

Савельевъ спокойно, безучастнымъ тономъ сказалъ:

— Я завтра уѣзжаю, такъ зашелъ проститься.

Марья Николаевна, какъ бы желая загладить рѣзкость мужа, любезно спросила:

— Куда же вы торопитесь? Вѣдь лѣто только началось. Не въ Петербургъ?

Савельевъ посмотрѣлъ на нее и отвѣтилъ не сразу:

— Нѣтъ... я ѣду на урокъ... мнѣ товарищъ нашелъ хорошій урокъ.

Марья Николаевна сказала:

— Но вѣдь у васъ и здѣсь есть нѣсколько уроковъ?

— Да, но я отказался отъ нихъ,—отвѣтилъ Савельевъ: — тамъ выгоднѣе.

Груздевъ, прищурившись, посмотрѣлъ на него:

— Куда же вы собственно?

— Въ Екатеринославскую губернію.

— Къ кому?

Груздеву показалось, что Савельевъ на мгновеніе смутился; но тотъ сразу же нашелся и отвѣтилъ:

— Не знаю. Ѣду въ Екатеринославъ, а тамъ товарищъ дастъ мнѣ подробный адресъ.

Въ глазахъ Груздева ярко разгорѣлся тлѣвшій огонекъ, а насмѣшливый тонъ сталъ вдругъ серьезно участливымъ и оттого еще болѣе насмѣшливымъ, когда Груздевъ возразилъ Савельеву:

— Но какъ же вы ѣдете на „болѣе выгодныя условія", чѣмъ здѣсь, а не знаете даже—къ кому?

— Послушайте, Андрей Ѳедоровичъ! — вмѣшался Всеволодъ:—Сергѣй пришелъ проститься со мной, а вовсе не затѣмъ, чтобы давать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Это неумѣстно—такой допросъ.

Груздевъ снисходительно улыбнулся.

— Да ты почему такъ пѣтушишься? Можетъ быть, Сергѣй Ивановичъ просто удовлетворилъ бы мое невинное любопытство, а мнѣ странно, что ты торопишься даже помѣшать этому отвѣту.

Всеволодъ окончательно вспылилъ:

— Мнѣ странно, что вы вашему невинному любопытству, вашей манерѣ допрашивать, придаете крайне неблагопріятный оттѣнокъ!

— Удивительно, какая у нынѣшней молодежи развилась нетерпимость!—уже съ ясно выраженной досадой сказалъ Груздевъ и повернулся къ Всеволоду спиной.

— Нетерпимость тутъ ни при чемъ!—горячился Всеволодъ.— А у васъ вотъ нѣтъ такта. По вашему служебному положенію вы должны понимать, что такого рода вопросы совсѣмъ неумѣстны. Если бы вы задали ихъ даже мнѣ, такъ и то я имѣлъ бы основаніе находить ваше поведеніе безтактнымъ, а Сергѣй Ивановичъ вовсе не такъ близокъ съ вами, чтобы вы могли интересоваться его личными дѣлами.

Игнатовичъ и Софья Петровна, разговаривавшіе въ это время въ гостиной о дѣлахъ по имѣнію, вышли теперь на террасу. Савельевъ подошелъ поздороваться къ старухѣ, поздоровался и съ Игнатовичемъ.

— Что это вы такъ поздно? — спросила Софья Петровна.

Савельеву пришлось повторить причину его прихода и оправданія. Софья Петровна тоже спросила его, къ кому онъ ѣдетъ.

— Chère belle-mère, — саркастическимъ тономъ вмѣшался Груздевъ, — не спрашивайте: это — государственная тайна.

— Нѣтъ! Вы положительно несносны, Андрей Ѳедоровичъ, — сказалъ Всеволодъ. — Намъ остается одно съ Сергѣемъ — уйти. Пойдемъ, Сергѣй.

— Ну, если кто несносенъ, такъ это ты! — возразилъ серьезно Груздевъ. — И безтактно съ твоей стороны ставить въ глупое положеніе твоего товарища. Успокойся, я не буду смущать васъ: я уѣзжаю. Мнѣ давно пора. Ну-съ, до свиданья.

Онъ сталъ прощаться со всѣми; на прощанье поцѣловалъ жену.

— Такъ ты завтра заѣдешь за мной до обѣда? — спросила она.

Онъ отвѣтилъ:

— Да, я надѣюсь, что успѣю кончить всѣ дѣла утромъ. У Сосницкаго позавтракаю и заѣду за тобой.

Софья Петровна сказала:

— Такъ завтра у насъ опять пообѣдаете?

— Нѣтъ, chère belle mère, обѣдать завтра надо дома. Мнѣ надо распорядиться и по своему имѣнію, и съ сѣнокосомъ.

— Ну, а съ вами стало быть все улажено? все ясно? — спросилъ онъ, обращаясь къ Игнатовичу.

— Все, все будетъ исполнено, Андрей Ѳедоровичъ, — отвѣтилъ Игнатовичъ съ льстивой улыбкой.

Софья Петровна пошла провожать зятя. Съ ней пошелъ и Игнатовичъ, предварительно простившись съ Марьей Николаевной и другими на террасѣ и пожелавъ всѣмъ покойной ночи.

Всеволодъ спросилъ Марью Николаевну:

— Ты, значитъ, ночуешь у насъ?

— Ну, да. Мужъ поѣхалъ ночевать къ Сосницкому: у него тамъ какое-то дѣло по порубкѣ лѣса; завтра онъ разберетъ и заѣдетъ за мной.

— Очень радъ, — сказалъ Всеволодъ: — мнѣ надо съ тобой поговорить.

— Прощаюсь и я, — сказалъ Савельевъ, подходя къ Марьѣ Николаевнѣ, потомъ къ Зинѣ.

— Пойдемъ, я провожу тебя до околицы, — сказалъ Всеволодъ.

Всеволодъ повелъ теперь Савельева черезъ домъ. Въ гостиной они встрѣтили Софью Петровну.

— Куда же вы?—сказала она Савельеву, когда тотъ сталъ прощаться:—поужинайте.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не ужинаю, да и надо спѣшить, а то мои улягутся, а подымать ихъ совѣстно.

Всеволодъ провожалъ его до воротъ.

— Я боюсь оставаться дольше, — говорилъ ему теперь Савельевъ: — того и гляди, проговоришься. И ты меня далеко не провожай, не надо возбуждать ихъ подозрительности. Такъ я завтра ѣду, а ты—дня черезъ два, чтобы они не усмотрѣли въ этомъ заговора.

Всеволодъ сказалъ:

— Да, ужъ я устрою, устрою какъ-нибудь, не говоря ни слова о тебѣ.

— Такъ стало-быть мы съѣдемся съ тобой въ Петербургѣ. Вотъ, возьми письмо Ивана Николаевича. Оно можетъ остаться у тебя.

Они распрощались, и Всеволодъ съ опущенной головой, медленно вернулся черезъ дворъ въ домъ.

III.

Въ столовой былъ накрытъ ужинъ. Зина ѣла холодное мясо, Марья Николаевна—молоко съ булкой. Софья Петровна обыкновенно не ужинала, а только присутствовала.

Всеволодъ сѣлъ за столъ, машинально взялъ себѣ мяса; но потомъ оставилъ его, сказалъ, что не хочетъ, налилъ молока и задумчиво смотрѣлъ на стаканъ.

— Да что съ тобой? — сказала Софья Петровна. — Ты все время былъ такой веселый... Ужъ не принесъ ли тебѣ непріятныхъ вѣстей твой товарищъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, мамочка, — оживясь, поспѣшилъ отвѣтить Всеволодъ: — нѣтъ, просто меня разстроилъ разговоръ съ Андреемъ Ѳедоровичемъ.

— Да что же Андрей Ѳедоровичъ? Андрей Ѳедоровичъ ничего не сказалъ тебѣ.

Всеволодъ съ досадой замѣтилъ:

— У него скверная манера воображать, что задача зем-

скаго начальника заключается въ отравленіи существованія всѣмъ окружающимъ.

— И совсѣмъ ты напрасно на него нападаешь,—вступилась Марья Николаевна.—Ты всякую его шутку повертываешь въ дурную сторону.

— Ну, хорошо, не будемъ объ этомъ,—сказалъ Всеволодъ.

Они замолчали. Наскоро всѣ кончили ужинъ и разошлись, пожелавъ другъ другу покойной ночи. Софья Петровна пошла къ себѣ въ спальню, Зина въ свою комнату наверхъ, а Марья Николаевна и Всеволодъ еще остались въ столовой.

— Ты не хочешь спать?—спросилъ Всеволодъ сестру.

— Нѣтъ еще. Ты хотѣлъ поговорить со мной.

— Да. Если ты не прочь, то лучше сегодня: завтра могутъ помѣшать.

— Что же,—поговоримъ.

Прислуга пришла убрать со стола, и Всеволодъ сказалъ:

— Пойдемъ на террасу.

— Пойдемъ.

На террасѣ чувствовалась вечерняя свѣжесть, и Марья Николаевна сказала:

— Принеси мнѣ, пожалуйста, изъ передней платокъ, да и ты возьми фуражку.

Всеволодъ принесъ. Они сѣли на террасѣ другъ противъ друга: она въ кресло-качалку, онъ на стулъ.

— Ну! Я слушаю.

Всеволодъ помолчалъ и сказалъ:

— Ты на десять лѣтъ старше меня, Маша, но я знаю: ты еще не успѣла состариться, и я думаю, что ты поймешь меня. То, что̀ я хочу сказать тебѣ, это пока тайна. Само собой,—если бы я не былъ увѣренъ, что ты меня не выдашь, я бы тебѣ ее и не говорилъ. Но это тайна всего на нѣсколько дней... а тамъ, напротивъ, когда меня уже не будетъ, ты должна будешь передать и мамѣ, и отцу все то, что̀ я сейчасъ тебѣ скажу.

— Ты меня пугаешь, Всеволодъ,—сказала Марья Николаевна съ дѣйствительно испуганнымъ выраженіемъ лица:—что̀ это значитъ, что тебя *больше не будетъ*?

Всеволодъ усмѣхнулся:

— Не бойся, Маша: я не готовлюсь къ самоубійству. Меня не будетъ больше *здѣсь*—я уѣзжаю.

— Ну, это еще не такъ страшно,—ласково сказала Марья Николаевна:—хотя... по нынѣшнимъ временамъ... Куда? вмѣстѣ съ Савельевымъ?

— Нѣтъ, Маша, не вмѣстѣ. Я давно обдумалъ это, и вотъ, теперь, послѣ столкновенія съ Андреемъ Ѳедоровичемъ...

— Да полно! что ты! какое столкновеніе? точно это въ первый разъ! Развѣ онъ сказалъ тебѣ что-нибудь особенно обидное?

— Нѣтъ, ничего. Но ты знаешь: иногда довольно маленькой капли... Да дѣло не въ Андреѣ Ѳедоровичѣ. Дѣло въ томъ, что меня окружаетъ здѣсь. Дѣло въ общемъ строѣ нашей жизни.

— Ну, да, я знаю, что онъ не хорошъ, что онъ не удовлетворяетъ тебя... но что значитъ твое: „я уѣзжаю“?

— Уѣзжаю совсѣмъ, навсегда, сестра.

— И все-таки не понимаю. Отъ кого ты уѣзжаешь: отъ отца? матери? меня съ мужемъ?

— Ото всѣхъ. Я больше не встрѣчусь съ вами.

— Нѣтъ, объясни мнѣ толковѣе, Всеволодъ, все, подробно.

— Маша, я хочу начать другую жизнь.

— Какую?

— Я хочу сдѣлаться рабочимъ.

Ей стало какъ-то неловко, захотѣлось улыбнуться, и въ то же время было сознаніе, что разговоръ этотъ для брата—дѣло серьезное. И она серьезно и сердечно, но подчеркивая свое удивленіе, спросила:

— Рабочимъ? Какимъ?

— Пойду куда-нибудь на фабрику, сначала чернорабочимъ, а тамъ пристроюсь къ какому-нибудь мастерству.

Марья Николаевна помолчала и потомъ тѣмъ же серьезнымъ и сердечнымъ тономъ заговорила:

— Послушай, Всеволодъ. Ты знаешь,—я люблю тебя,—ты знаешь, что наши взгляды на жизнь во многомъ сходны, но это,—то, что ты сейчасъ говоришь,—прости мнѣ,—это просто глупо! Я понимаю, когда гимназисты третьяго класса, начитавшись Майнъ-Рида и Купера, бѣгутъ въ Америку,—это наивно, но въ этомъ есть смыслъ. Ты—юристъ на второмъ курсѣ, сынъ богатаго отца, съ такими связями, какъ наши,—ты пойдешь въ рабочіе? Зачѣмъ? Бросать все для того, чтобы сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ, кого тебѣ же нужно и возможно защищать и поднимать, и это легче въ твоемъ теперешнемъ положеніи.

— Милая Маша! Ты говоришь избитыя истины, которыя давно перестали быть истинами. Нѣтъ, душа моя. Помогать рабочему классу, оставаясь въ прежнемъ положеніи, я не могу... и не хочу. Я самъ хочу принадлежать къ этому рабочему классу.

— Послушай, Всеволодъ!—продолжала отстаивать свое Марья Николаевна.—Вѣдь это такъ старо—„хожденіе въ народъ“! Вѣдь

это уже было въ шестидесятыхъ годахъ, это пережито и признано несостоятельнымъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что это признано несостоятельнымъ?— прервалъ Всеволодъ.—Неужели весь тотъ подъемъ народнаго духа, который мы видимъ теперь, могъ бы совершиться, еслибы не было этого хожденія въ народъ?

— И ты находишь, что этотъ подъемъ хорошъ, что такъ и должно быть? По-твоему, совершающіяся безобразія—не безобразія?

— Когда прорѣзываются зубы, ребенокъ болѣетъ: такъ и народъ, выходящій изъ пеленокъ, переживаетъ кризисъ всякихъ болѣзней. Но дѣло не въ этомъ. То, что ты назвала хожденіемъ въ народъ, это уже устарѣло для нашего времени. Шла интеллигенція въ народъ—просвѣщать его...

— Или чтобы вести пропаганду революціи?

— Ну, да, если хочешь, и вести пропаганду революціи. Теперь идутъ въ народъ, въ рабочіе, чтобы *стать народомъ*, чтобы стать рабочимъ, потому что будущее принадлежитъ только рабочему народу. Мы, называющіе себя интеллигенціей, войдемъ въ него, чтобы усилить его контингентъ единицами бо̀льшаго умственнаго развитія; но мы идемъ въ него и потому, что намъ самимъ среди него развиваться удобнѣе. Оставаясь среди такъ-называемыхъ высшихъ классовъ, мы не можемъ развиваться иначе, какъ только въ духѣ и характерѣ этихъ высшихъ классовъ. Правильное развитіе грядущей интеллигенціи рабочаго класса возможно только въ его же собственной средѣ. Мы, теперешніе, вотъ вся наша семья Любищевыхъ,—мы наросты, а я хочу принадлежать къ самому стволу дерева.

— Что же, по-твоему, физическій трудъ выше умственнаго?— съ легкой усмѣшкой спросила Марья Николаевна.

Всеволодъ отвѣтилъ такимъ равнодушнымъ тономъ, которымъ говорятъ о вопросахъ хотя и дорогихъ сердцу, но уже рѣшенныхъ и не волнующихъ:

— Ни выше, ни ниже. Просто—безъ грубаго физическаго труда не можетъ быть никакой культуры. Стоитъ остановиться грубому физическому труду—міръ опять вернется въ дикое состояніе. Мы, живущіе, не зная физическаго труда, находимся въ рабской зависимости отъ тѣхъ, кто трудится за насъ. Я не хочу быть рабомъ, — понимаешь, самъ для себя, въ душѣ, не хочу чувствовать этой зависимости. Я хочу быть альфой и омегой моего существованія и окружающей меня культуры.

— А я этого не хочу, Всеволодъ! — страстно возразила

Марья Николаевна: — Быть рабочимъ! быть мужикомъ! Нѣтъ, тогда лучше не жить! Пусть несправедливо, что одни живутъ богато, другіе бѣдно,—но вѣдь равенства нѣтъ и въ природѣ. Вѣдь мужики и рабочіе — и они не хотятъ оставаться бѣдными. Ты хочешь идти въ рабочіе, а рабочій стремится сдѣлаться бариномъ. Вѣдь, если бы я была крестьянка, я бы только о томъ и мечтала, какъ выбиться изъ своего жалкаго положенія и достичь того, что я вотъ теперь имѣю. Растеніе не можетъ желать засухи. Вѣдь, надѣюсь, и ты въ положеніи рабочаго будешь стремиться самъ подняться, да и другихъ поднять до самой высокой ступени благосостоянія...

— Милая Маша, это не совсѣмъ такъ. Благосостояніе— понятіе условное. То, что мы называемъ благами жизни—блага очень относительныя. Ты вотъ любишь носить брилліантовыя кольца на пальцахъ, а мнѣ это кажется безобразіемъ. Мы воспитались съ тобой въ одинаковыхъ условіяхъ, а даже на такую пустую вещь взгляды у насъ различны. Всѣ и всегда будутъ стремиться достигнуть жизни въ довольствѣ и красотѣ, но самое понятіе о довольствѣ и красотѣ значительно видоизмѣняется. Будущее должно выработать новое міровоззрѣніе для новаго, не рабски-капиталистическаго, а свободно-трудового общества.

— Постой, все это я знаю, все это я сто разъ слышала. Но вѣдь вашъ „свободный трудъ" будетъ не производить разныя цѣнныя вещи. Я понимаю, если бы вы нивеллировали все подъ-одно: у всѣхъ одинаковые наряды, у всѣхъ одинаковый кусокъ хлѣба, одинаковое жилище, — ну, тогда, это было бы ясно; но вѣдь, повторяю, при этихъ условіяхъ и жить не стоитъ; вѣдь это была бы жизнь не людей, а насѣкомыхъ. А разъ вы будете производить нѣчто большее, чѣмъ нужно для простого поддержанія полуживотнаго состоянія, значитъ, вы будете производить тѣ или другіе предметы роскоши. Вѣдь и дикари, самые первобытные, при первой же возможности стремятся къ роскоши и украшеніямъ. Сама природа создаетъ, наконецъ, роскошь въ видѣ цвѣтовъ.

— Вѣрно, Маша, — спокойно говорилъ Всеволодъ: — И я скажу тебѣ больше: я думаю, что будущее общество свободныхъ представителей труда достигнетъ еще высшей степени культуры и роскоши, чѣмъ современное, да только способы распредѣленія этой роскоши будутъ другіе, чѣмъ теперь.

— Но какіе же?

— Справедливые. Только по приговору трудящихся массъ

будутъ возвеличиваемы отдѣльныя единицы; только ихъ приговоръ возвыситъ благосостояніе отдѣльныхъ лицъ.

— Ну, это ужъ совсѣмъ несправедливо! Какая тутъ справедливость! Я буду работать, буду „вырабатывать—какъ вы выражаетесь—цѣнности", и мнѣ нельзя будетъ пользоваться ими иначе, какъ только съ разрѣшенія толпы другихъ? Да почему? Съ какой стати?

— Потому, Маша, что сама, одна, ты ничего не въ состояніи создать. Ты даже куска хлѣба себѣ изъ земли добыть одна не можешь. Только какъ частица общей машины имѣешь ты значеніе.

— Ну, положимъ, я не частица машины, а человѣкъ сама по себѣ,—замѣтила съ усмѣшкой Марья Николаевна, довольная, что поймала брата на неудачномъ выраженіи; и, помолчавъ, сказала:—Ну, пусть я согласилась бы съ тобой; но ты покажи мнѣ на какомъ-нибудь примѣрѣ, что̀ значитъ по-твоему „справедливое распредѣленіе"?

Вопросъ вызвалъ у Всеволода радостную готовность отвѣтить ясно, полно; и вспышка огонька въ глазахъ, и порывистый жестъ, который онъ сдѣлалъ, точно хотѣлъ встать и весь сразу приблизиться къ сестрѣ, говорили объ этой готовности передать свою мысль другому какъ можно скорѣе, всю, со всѣми изгибами, со всей убѣжденностью въ ней, какую чувствовалъ самъ. Но въ слѣдующее же мгновеніе онъ уже остановился въ раздумьи и, проведя рукой по лбу, сдержанно произнесъ:

— Радъ показать! Но... видишь ли, это не поддается такъ легко облеченію въ конкретныя формы... Разъ мы отрѣшаемся отъ стараго міра, мы отрѣшаемся и отъ его понятій. Въ будущемъ все ново. Ново не только что̀ и ка̀къ будетъ „справедливо" распредѣлено, но и самое понятіе о справедливости будетъ отлично отъ того, къ которому человѣчество пріучало себя тысячелѣтіями и которое оно считаетъ неизмѣннымъ. Я не хочу, да и не могу сказать тебѣ: будетъ такъ-то и такъ-то. Но возьмемъ примѣры, которые могутъ дать тебѣ понятіе объ общемъ направленіи будущаго распредѣленія житейскихъ благъ. Скажемъ такъ: кто имѣетъ право пользоваться наибольшей суммой этихъ благъ сверхъ нормы, нивеллирующей всѣхъ? Конечно, талантъ, умъ, трудъ. Но вѣдь все, что̀ умный и талантливый человѣкъ своимъ трудомъ можетъ создать и дать, какъ предметъ первой необходимости или наслажденія массамъ—все это онъ создаетъ и дѣлаетъ не для себя же? А именно только для массъ и благодаря массамъ. Возьмемъ пѣвца или поэта: ихъ дѣло, съ точки

зрѣнія практической пользы, самое непроизводительное. Но вѣдь ни пѣвцу, ни поэту не придетъ въ голову замыкаться со своимъ талантомъ для самого себя. Напротивъ, имъ нужны цѣнители, нужны восторги толпы, и притомъ искренніе, не купленные, неподкупные. Имъ нужно стать любимцами массъ. Возьми Нерона. Не было положенія болѣе могущественнаго, чѣмъ положеніе императора Рима. А Неронъ—императоръ — искалъ апплодисментовъ толпы, какъ поэтъ и пѣвецъ.

Марья Николаевна пожала въ недоумѣніи плечами и съ усмѣшкой сказала:

— Что за примѣръ ты берешь! Неронъ былъ тщеславный сумасбродъ, а не поэтъ и пѣвецъ.

Всеволодъ горячо возразилъ:

— Я не сужу о его талантѣ, я говорю о его настроеніи. Онъ инстинктивно угадывалъ, что величіе цезаря покоится на страхѣ предъ силой, на чувствѣ дурномъ и лживомъ, и хотѣлъ замѣнить это чувство свободной, безкорыстной любовью. Сознаніе, что ты кѣмъ-то любимъ безкорыстной любовью, и при томъ любимъ *такъ* многими, всѣми, кто предъ тобой: толпою, — это является, повидимому, высшимъ благомъ, какое намъ доступно. И вотъ здѣсь основаніе для справедливаго распредѣленія земныхъ благъ. Посмотри,—своихъ любимцевъ толпа не только возноситъ на пьедесталъ, нѣтъ—она не ограничивается однимъ платоническимъ выраженіемъ восторговъ,—она щедро несетъ имъ дары, она окружаетъ ихъ роскошью. Посмотри, какъ изъ свободныхъ приношеній, изъ свободнаго сбора дани таланту создается благосостояніе талантливыхъ людей, будетъ ли это талантливый архитекторъ, талантливый адвокатъ, администраторъ, организаторъ какого бы то ни было предпріятія, талантливый проповѣдникъ,—кто бы ни былъ, разъ онъ талантъ, разъ онъ сила, нужная массамъ, и въ свою очередь дающая благосостояніе или наслажденіе массамъ, эта сила должна быть и будетъ поддержана добровольными жертвами со стороны всѣхъ другихъ жизнеспособныхъ и жаждущихъ жизни единицъ!.. Останутся тебѣ и богатство, и роскошь, не будетъ только одного—владычества капитала, который несправедливо овладѣваетъ богатствами и распредѣляетъ ихъ по своему произволу въ силу своей власти.

— Постой,—остановила его Марья Николаевна:—ты говоришь:—будутъ добровольно приносить дары. Но вѣдь, чтобъ я могъ дарить что-нибудь „талантамъ", надо и мнѣ имѣть прежде всего что-нибудь. Наконецъ, представь себѣ, что талантливому человѣку толпа подарила милліонъ,—вотъ тебѣ и капиталъ.

— Да,—отвѣтилъ Всеволодъ: — но капиталъ, который не можетъ приносить процентовъ, капиталъ только для личнаго пользованія и проживанія. Не будетъ наслѣдства, не будетъ возможности помѣщать этотъ капиталъ въ предпріятія, приносящія *доходъ* на капиталъ. Не будетъ смысла хранить и накоплять капиталы въ своихъ рукахъ. Люди будутъ проживать то, что они создаютъ, будутъ пользоваться жизнью. Ты знаешь: „posséder n'est rien; jouir—c'est tout".

— Прекрасно,—смѣясь, согласилась Марья Николаевна: — я всегда была такого мнѣнія. Да и я ли одна! Все дворянство всегда предпочитало „jouir"—и потому теряло право „posséder". Но вотъ что: нарисуй ты хоть приблизительно, но такъ, чтобъ это было мнѣ понятно: какъ можно устроить жизнь иначе, чѣмъ теперь. Я знаю, что, по-вашему, тамъ, въ „будущемъ строѣ свободно организованнаго труда", орудія производства, земля, продукты производства, продукты земли, все должно быть общимъ—ну, а дальше: неужели дѣлить всѣмъ все поровну?

Всеволодъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это будетъ дѣлиться пропорціонально единицамъ труда, произведеннаго каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Пока не осуществлена первая часть теоріи—обобществленіе, относительно второй—распредѣленія—можно строить всякіе планы, а потомъ они могутъ быть просто-на-просто выработаны самой свободной жизнью гораздо лучше всякихъ теорій. Вѣдь на нашихъ теперешнихъ теоріяхъ все-таки лежитъ отпечатокъ понятій, выработанныхъ нынѣшнимъ капиталистическимъ строемъ. Какъ бы мы ни хотѣли, мы не можемъ вполнѣ отрѣшиться отъ нашего теперешняго „я". А тамъ еще какъ будетъ, такъ и будетъ. Я, по крайней мѣрѣ, представляю себѣ это распредѣленіе такъ, что трудъ отдѣльныхъ лицъ будетъ учитываться, какъ учитывается теперь электрическая энергія. Каждый человѣкъ, сообразно съ своими индивидуальными качествами, физическими и умственными силами, будетъ представлять подобіе электрической лампочки. Одна человѣческая лампочка будетъ горѣть въ сто свѣчей, другая въ одну свѣчу. Но это уже будетъ зависѣть только отъ свойствъ самой лампочки, а электрическій токъ, съ которымъ онѣ будутъ соединены, будетъ для всѣхъ одинаковъ. Это и будетъ наиболѣе справедливое распредѣленіе труда и богатствъ. Это даже должно будетъ уничтожить зависть относительно неравномѣрности распредѣленія благосостоянія.

Марья Николаевна покачала головой и съ усмѣшкой недовѣрія сказала:

— Какой ты ребенокъ! Ты вѣришь въ сказки и вѣришь въ то, что въ сказочномъ царствѣ можетъ измѣниться самая природа человѣка.

Всеволодъ съ спокойной увѣренностью отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не увлекаюсь сказками; я вѣрю логикѣ, вѣрю въ послѣдовательность своихъ мыслей, а мыслю я примѣрно такъ: я вотъ хорошо играю на скрипкѣ; но я не могу завидовать успѣху пѣвца, если у меня нѣтъ голоса; мнѣ въ голову не придетъ требовать, чтобы люди слушали мое пѣніе съ такимъ же удовольствіемъ и выражали бы мнѣ такіе же свои восторги, какъ хорошему пѣвцу. Или—я не претендую на роль большого художника, на роль администратора какой-нибудь фабрики, на роль строителя какого-нибудь замѣчательнаго желѣзнодорожнаго моста, или что-нибудь подобное. Я знаю свои силы, и у меня нѣтъ ни стремленія къ тому, что̀ выше ихъ, ни зависти къ тѣмъ, у кого есть таланты создать именно то, что̀ мнѣ недоступно. Но зато при теперешнемъ строѣ я могу и завидовать, и досадовать, что какой-нибудь идіотъ пользуется всѣми благами культуры только потому, что въ его рукахъ является капиталъ, приносящій ему проценты, а проценты эти не что̀ иное, какъ кристаллизованный трудъ трудящихся массъ и талантовъ. При строѣ соціалистическомъ я буду равенъ въ своемъ благосостояніи со всѣми. Всѣ блага культуры будутъ мнѣ доступны ровно въ такой же мѣрѣ, въ какой они будутъ доступны и другимъ—въ мѣру моего личнаго труда и моихъ личныхъ талантовъ. Все это выяснится въ будущемъ само собою, теперь же мы знаемъ только одно: современныя формы должны быть разрушены, капиталъ долженъ перейти въ руки трудящихся массъ. Поэтому-то я, не дожидаясь, когда у меня этотъ капиталъ отнимутъ и заставятъ меня войти въ трудовую массу силой, иду въ нее теперь же, добровольно отказываясь отъ участія во владѣніи капиталомъ. Чѣмъ больше будетъ въ рядахъ новаго строя людей, которые, подобно мнѣ, сознательно и добровольно отреклись отъ стараго, тѣмъ легче, съ меньшими болями, совершатся роды новаго строя. Я иду въ рабочіе для того, чтобъ такого рабочаго, какъ мы привыкли понимать его до сихъ поръ, рабочаго, какъ раба капитала, больше не было. Мы, отрекающіеся, являемся мировыми посредниками между вами, еще благоденствующими на лонѣ старой цивилизаціи, и той арміей обездоленныхъ рыцарей труда, которая идетъ завоевывать себѣ и другимъ новое, міровое, общее счастье. Уходя отъ васъ въ новый строй, мы вмѣстѣ съ собой спасаемъ то, что̀ въ старой куль-

турѣ окажется достойнымъ спасенія. Христіане для римлянъ были только сектой, которую они надѣялись истребить, а кончилось тѣмъ, что ничего не осталось отъ древняго міра, и „секта" похоронила его великихъ боговъ. Но то, что̀ было въ древнемъ мірѣ красиваго, умнаго, достойнаго, то не умерло, и опять воскресло въ эпоху „Возрожденія". Такъ пусть же то, что̀ изъ нынѣ существующаго достойно жизни, будетъ спасено нами и перейдетъ живымъ и въ новый строй...

Всеволодъ говорилъ еще долго. Марья Николаевна продолжала оспаривать его; но, возражая ему безъ страстной убѣжденности съ самаго начала, она, чѣмъ больше слушала его, тѣмъ больше склонялась на его сторону, и ея возраженія постепенно становились уже не возраженіями, а простыми вопросами. А онъ говорилъ ей:

— Я знаю, ты не пойдешь по моей дорогѣ, я знаю, что ты скажешь: „У меня дѣти, у меня нѣтъ силъ отрѣшиться отъ того положенія, въ которомъ я выросла, я не смѣю принять на свою отвѣтственность судьбу моихъ дѣтей, которыя еще слишкомъ малы, чтобы рѣшать, что̀ имъ дѣлать",—ну, да, они дѣти твоего мужа. Нечего скрывать: мы враги съ Андреемъ Ѳедоровичемъ—не личные враги, а потому, какъ разслоилась вся современная жизнь. Но вотъ въ этомъ-то и заключается трагизмъ нашего существованія, что теперь, въ одной и той же семьѣ, люди, скованные другъ съ другомъ старыми условіями общежитія, смотрятъ на жизнь разными глазами. Они не въ силахъ придти къ соглашенію и не въ силахъ порвать связывающей ихъ цѣпи. Но вспомни, что такія же семьи были и тогда, когда умиралъ древній языческій міръ и нарождался новый христіанскій. И тогда въ одной и той же семьѣ были и мучители, и мученики. Ты не рѣшишься пойти со мной, и я не позову тебя съ собой, потому что у тебя малолѣтнія дѣти, дѣти Андрея Ѳедоровича. Но развѣ ты поручишься, что эти дѣти, когда выростутъ, не пойдутъ противъ ихъ отца и противъ тебя, точно такъ же, какъ я теперь пошелъ противъ своего. Нашъ отецъ служитъ бюрократическому строю, братъ—офицеръ, жена его—стала сестрой милосердія, оба тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, тоже поддерживаютъ этотъ строй, готовясь пожертвовать за него своей жизнью на поляхъ Манчжуріи, а я, вотъ, ухожу въ ряды борцовъ противъ этого строя. И я не сомнѣваюсь, что побѣда будетъ за мной, за нашими, и знаю, что громадное большинство людей, теперь еще индифферентныхъ, охотно примкнутъ къ новому строю, какъ только увидятъ его торжествующимъ.

IV.

На другой день утромъ Всеволодъ и Марья Николаевна еще спали, когда Софья Петровна, напившись кофе, гуляла по своему саду-парку. Она прошла къ отдѣльной бесѣдкѣ, возвышавшейся на углу садовой ограды, поднялась по нѣсколькимъ расшатаннымъ ступенькамъ въ эту бесѣдку и сѣла отдохнуть, смотря на разстилавшуюся у подножья сада поляну.

Передъ ней было цѣлое море великолѣпной ржи, ровное, однообразное, зеленое море, слегка колыхавшееся подъ легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Урожай обѣщалъ быть хорошимъ. А тамъ, за рѣкой, шли полосы крестьянскихъ хлѣбовъ. Отсюда, издали, было видно, какъ онѣ пестрѣли, какъ были разнообразны: гдѣ хуже, гдѣ лучше.

Софья Петровна, еще на дняхъ, объѣзжала вмѣстѣ съ Игнатовичемъ свои поля, проѣхала кстати и по крестьянскимъ, и теперь она думала: какая разница въ обработкѣ полей и въ ожидаемомъ урожаѣ! Съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Ѳедоровичъ нашелъ имъ въ управляющіе Игнатовича, урожаи имѣнья значительно улучшились. Софья Петровна въ душѣ бранила мужиковъ, что они все жалуются на малоземелье да на плохіе урожаи, тогда какъ ея собственное хозяйство убѣждало ее, что всѣ неурожаи зависятъ больше всего отъ плохой обработки.

Но когда Софья Петровна мысленно переносилась къ итогамъ своего хозяйства, оно ее все-таки не радовало. Имѣнье было ея родовое, имѣнье огромное, но въ общемъ доходы какъ-то все уменьшались да уменьшались, усадьба старѣла, разваливалась, а на улучшеніе не было денегъ. Денегъ вообще имъ никогда не хватало. Правда, имъ приходится вести широкій образъ жизни; положеніе мужа обязываетъ къ пріемамъ, къ извѣстному представительству, и ни жалованья, ни доходовъ начинаетъ не хватать. Еще хорошо, что не велики расходы пока на Всеволода и на Зину, а то вѣдь приходится помогать и женатому и выдѣленному Мишѣ, да и Машѣ съ Андреемъ Ѳедоровичемъ.

„И никому-то ихъ доходовъ не хватаетъ! — думаетъ Софья Петровна.—Что это за странная жизнь такая! Да гдѣ же, наконецъ, люди, у которыхъ не только концы съ концами сходятся, но и остатки бываютъ? Богаты, всѣ богаты, а въ концѣ концовъ—долги, долги и долги“.

А тутъ еще сулятъ,—что дальше, то будетъ хуже. На войну израсходовали, Богъ знаетъ, сколько. Что стоили одни сборы Миши съ Надей, а тутъ еще всевозможныя пожертвованія. Все надо, надо... А мужики требуютъ пониженія аренды. Рабочіе стали дороже, да и тѣхъ нѣтъ. Въ лѣсу порубки. „А вотъ соберемъ урожай,—опять не радость,—въ отчаяніи шепчетъ себѣ Софья Петровна:—пойдутъ залежи, цѣны будутъ давать низкія— Господи, какъ только жить будемъ?! Еще хорошо, что мой Николай Петровичъ держится своего мѣста, а не будь этого жалованья, такъ съ однимъ имѣньемъ и не управиться, — хоть продавай. А что тамъ-то на югѣ дѣлается... пугачёвщина“.

Всеволодъ подходилъ въ это время къ бесѣдкѣ. Онъ, видимо, искалъ мать и, увидавъ ее, направился прямо къ ней. Онъ поднялся въ бесѣдку, подошелъ къ матери, фамильярно-ласково поцѣловалъ ея руку и, по укоренившейся привычкѣ, произнесъ по-французски:

— Bonjour, chère maman.

— Bonjour, mon ami,—отвѣтила ему Софья Петровна, обнимая и цѣлуя его.—Однако, ты сегодня проспалъ.

— Я долго не могъ уснуть, maman.

— Знаешь, я думаю, музыка разстраиваетъ тебѣ нервы. Я замѣчала, что каждый разъ, когда вы играете по вечерамъ, ты бываешь очень возбужденъ и жалуешься на безсонницу.

— Можетъ быть, maman. Но я теперь долго не буду играть.

— Отчего же... Можно—днемъ.

— Мама, мнѣ надо поговорить съ вами серьезно.

— У тебя такой видъ, какъ будто ты провинился. Что такое, дорогой мой, говори.

— Мама, я хочу покинуть васъ.

Софья Петровна съ изумленіемъ и растерянностью посмотрѣла на сына.

— То-есть, какъ это покинуть?

— Такъ, мама, — какъ выросшіе сыновья покидаютъ отчій домъ.

— Я не понимаю тебя... Ты выросъ... но вѣдь тебѣ еще предстоитъ окончить курсъ, еще два года, если только не будетъ этихъ... вашихъ глупыхъ забастовокъ.

— Мама, я совсѣмъ не буду кончать курса.

— То-есть, какъ это... почему?

— Такъ, мама. Для той дѣятельности, какую я хочу избрать, мнѣ моихъ познаній—оффиціальныхъ — совершенно до-

статочно, а то, чему я хочу учиться самъ по себѣ и для себя, для этого у меня будетъ время во всю мою жизнь.

Лицо Софьи Петровны стало глубоко печальнымъ. Тихо, безъ раздраженія, безъ обиды, а скорѣе добродушно, она сказала:

— Нѣтъ, вы, нынѣшняя молодежь, положительно съ ума сошли. Выдумали играть въ политику, а сами ищете предлога, какъ бы перестать учиться.

Всеволодъ такъ же спокойно возразилъ:

— Мама, вы, кажется, не можете упрекнуть меня въ лѣности. Я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ гимназіи, вы знаете, что я хорошо занимался и въ университетѣ.

— Такъ что же это? что? Объясни ты мнѣ, пожалуйста: какъ это можно говорить, что не хочешь продолжать учиться, не хочешь пріобрѣтать всѣмъ необходимыя знанія? Что же, ты хочешь быть, какъ тѣ, что начитаются глупыхъ запрещенныхъ книжекъ и, вмѣсто того, чтобы быть дѣйствительно полезными членами общества, мутятъ Россію и разоряютъ народъ?

— Мама, а вы знаете, какія это знанія, которыя намъ преподаютъ въ университетахъ?—съ легкой усмѣшкой спросилъ Всеволодъ.

— Нѣтъ, не знаю. Но разъ правительство находитъ нужнымъ ихъ вамъ преподавать...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, мама, что намъ преподаютъ многое, безъ чего слѣдовало бы обойтись, а не даютъ того, что, по-нашему, всего нужнѣе.

— Ну, а эти всѣ головорѣзы, которые устраиваютъ забастовки, какую же науку они проходятъ теперь?

Всеволодъ съ добродушной улыбкой, но и съ такимъ достоинствомъ, что въ немъ чувствовалось торжество побѣды, отвѣтилъ:

— Большую, мама: они проходятъ курсъ гражданскаго права.

— По подпольнымъ учебникамъ? — съ оттѣнкомъ пренебреженія спросила Софья Петровна.

— По такому учебнику, мама, который весь разойдется въ этомъ году, и изданіе котораго уже больше никогда не повторится, — съ тѣмъ же торжествомъ отвѣтилъ ей Всеволодъ и, воодушевляясь все болѣе, продолжалъ: — Въ будущемъ много поколѣній прекрасно кончатъ курсъ, получатъ дипломы, пріобрѣтутъ всякія знанія; но того курса, который выпалъ на долю нынѣшнему поколѣнію, они пройти уже будутъ не въ состояніи. Этихъ лекцій, какія дало наше время намъ, мама, они уже не услышатъ. И вы всѣ, которые говорите, что эта молодежь бездѣль-

ничаетъ, что она не хочетъ учиться,—вы ничего не понимаете. Она въ одно время и учится, и осуществляетъ пріобрѣтенныя знанія.

Софья Петровна съ грустной усмѣшкой и легкой ироніей спросила:

— Такъ-что ты считаешь, что ты всѣ науки уже прошелъ?

Всеволодъ спокойно отвѣчалъ:

— Да, мама, всѣ, какія мнѣ нужно, чтобы выйти на то поприще, которое я избираю.

— Какое же?

— Поприще ремесленника, соединенное съ добровольнымъ учительствомъ.

— То-есть, что̀ это, Всеволодъ? Неужели ты хочешь пуститься въ пропаганду? Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это! Неужели я должна тебя выдать жандармамъ?

Въ голосѣ Софьи Петровны теперь зазвучалъ уже страхъ матери за судьбу сына.

Всеволодъ въ свою очередь почувствовалъ непріязнь къ ней, какъ человѣку другого міра:

— Совсѣмъ нѣтъ, мама. Пропаганда, жандармы, — это все можетъ придти въ свое время, и васъ вовсе не касается. А говорю я вамъ о своемъ рѣшеніи для того, что не вижу надобности играть въ прятки, и вамъ нужно же знать, почему и куда я пошелъ, хоть мы, быть можетъ, уже и никогда не встрѣтимся.

— Ты какой-то выродокъ, Всеволодъ, среди нашихъ. Господи, за что мнѣ такое наказаніе на старости!

Старуха вдругъ какъ будто сразу постарѣла на нѣсколько лѣтъ. Лицо ея измѣнилось; вся она, оставаясь сидѣть неподвижно, точно сползла ниже, и голосъ сталъ глуше, слабѣе.

Всеволодъ заговорилъ успокаивающимъ тономъ:

— Мама, я не вижу особенныхъ основаній для васъ, чтобъ печалиться. Вѣдь вы, какъ мать, должны желать мнѣ счастья. Но не надо же думать, что мое счастье можетъ уложиться только въ тѣ формы, какія вы для него знаете. Мое счастье тамъ, гдѣ я самъ хочу найти его. Я не дѣлаю ни одного изъ тѣхъ предосудительныхъ проступковъ, за которые вы могли бы упрекнуть меня.

Не сознавая отъ волненія, что̀ говоритъ, она прервала его словами:

— Да лучше бы ты былъ картежникомъ, пьяницей, чѣмъ пропагандистомъ.

Всеволодъ только улыбнулся и сказалъ:

— Видите, мама, какія у васъ превратныя понятія. Такъ вотъ представьте себѣ, что и наша университетская наука идетъ подъ такимъ же девизомъ, что и вы: будь ты лучше дуракомъ и невѣждой, но не смѣй идти по одному пути съ другими народами.

Наступило молчаніе. Софья Петровна, не привыкшая оспаривать сына въ томъ, что касалось его личной жизни, чувствовала, что у нея нѣтъ теперь иныхъ доводовъ для этого спора, кромѣ тѣхъ, которые, какъ она знала, уже оказались несостоятельными въ другихъ родственныхъ ей по духу семьяхъ „ихъ круга", гдѣ подобныя семейныя „исторіи" обнаружились уже раньше. Теперь дошла очередь и до ея сына. И она чувствовала себя безпомощной и тѣмъ не менѣе дѣлала слабыя попытки побороть его рѣшимость. Она говорила:

— Но скажи мнѣ серьезно, Всеволодъ: какъ можешь ты предпочесть роль какого-нибудь ремесленника дѣятельности, которая тебѣ открывалась на служебномъ пути, благодаря нашимъ связямъ и положенію твоего отца?

— Пойми меня, мама,—отвѣчалъ ей Всеволодъ теперь уже сердечнымъ и страстнымъ тономъ, переходя въ обращеніи къ матери неожиданно для самого себя съ „вы" на „ты":—пойми, что не стоитъ учиться, служить, прислуживаться и подслуживаться, какъ это дѣлаютъ „дѣлающіе карьеру", и все только для того, чтобъ хорошо ѣсть, пить, одѣваться у хорошаго портного, ходить въ балетъ, принимать нужныхъ людей и такъ далѣе. Есть еще помимо этого жажда духовнаго удовлетворенія, а въ той жизни, какую я видѣлъ до сихъ поръ вокругъ себя, я его не нахожу.

— Такъ неужели ты надѣешься найти это духовное удовлетвореніе въ обществѣ грубыхъ, необразованныхъ фабричныхъ рабочихъ?

— Надѣюсь, мама.

— Не понимаю.

Всеволодъ опять на минуту замолчалъ, задумался, а потомъ заговорилъ тѣмъ же серьезнымъ, но уже болѣе спокойнымъ тономъ:

— Правда, мама, этотъ рѣзкій переходъ изъ одной сферы въ другую можетъ казаться на первый взглядъ страннымъ и непонятнымъ. Его, можетъ быть, труднѣе объяснить, чѣмъ почувствовать. Скажу тебѣ вотъ что: я не мало присматривался къ жизни людей интеллигентныхъ профессій, и я видѣлъ, что ихъ положеніе не даетъ имъ времени быть *философами* въ житейскомъ смыслѣ слова; они не могутъ даже быть просто прямолинейными въ своей

профессіи. Наша жизнь такъ сложна, что на каждомъ поприщѣ отъ каждаго человѣка требуются тысячи компромиссовъ. Адвокатъ ли я, докторъ ли, инженеръ ли — я не только „я“, самъ по себѣ, а еще вдобавокъ и вывѣска. У меня должна быть извѣстная обстановка, „мундиръ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова,—то платье, по которому меня встрѣчаетъ толпа. До того ума, который скрытъ подъ этимъ платьемъ, подъ этимъ мундиромъ, эта толпа, можетъ быть, никогда и не доберется, но по платью она меня судить будетъ. При теперешнемъ строѣ жизни нѣтъ такого адвоката, который могъ бы удовольствоваться скромной комнаткой, потому что эта скромность будетъ лжесвидѣтельствовать о недостаткѣ его знаній или его практики. Поэтому каждый изъ нихъ прибѣгаетъ къ саморекламированію въ той формѣ или другой. А зачѣмъ все это? Развѣ всѣ они счастливы? Вѣдь они произносятъ на судѣ громкія слова о справедливости, о законности, а ложь уже заключается въ самой оцѣнкѣ ихъ положенія. И чѣмъ больше у нихъ „дѣлъ“, тѣмъ меньше времени у нихъ остается для ихъ личной духовной жизни. И всѣ, всѣ такъ! Ты и сама была свидѣтельницей, какъ у насъ же за обѣдомъ выдающійся, всѣми почитаемый юристъ, ученый, сановникъ и общественный дѣятель говорилъ, что онъ уже много лѣтъ ничего не читаетъ, кромѣ телеграммъ въ газетахъ да кассаціонныхъ рѣшеній сената: времени нѣтъ! А вѣдь это значитъ, что онъ ничего и не знаетъ изъ того, что творится вокругъ него въ текущей жизни! А вѣдь онъ готовъ высказывать авторитетно свои мнѣнія и сужденія объ этой самой жизни, которая идетъ мимо него и познакомиться съ которой у него нѣтъ времени внѣ его прямыхъ служебныхъ или научныхъ занятій. Скучно такъ жить, мама!..

Онъ остановился, ожидая отъ нея возраженій. Но Софья Петровна задумалась и молчала. Всеволодъ продолжалъ:

— Теперь представь себѣ мое положеніе ремесленника. Представь себѣ, что осуществленъ мой восьмичасовой рабочій день. Значитъ, у меня всегда будетъ нѣсколько свободныхъ часовъ для личной жизни. Въ эти часы я могу учиться не тому, чего требуетъ моя та или другая интеллигентная профессія, а тому, чего требуетъ моя жаждущая знаній и свѣта душа. Я могу читать не то, что такъ или иначе необходимо для той или другой интеллигентной профессіи, а то, въ чемъ я дѣйствительно могу почерпнуть глубочайшую мудрость всего человѣчества.

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ черпать эту мудрость гдѣ хочешь, еслибъ ты поступилъ на государственную службу или выбралъ бы какую-нибудь другую интеллигентную профессію?

— Помѣшаетъ служба, помѣшаетъ профессія. Онѣ потребуютъ отъ меня такого склада жизни и такого напряженія духовныхъ силъ, что мнѣ не останется ни этихъ силъ, ни времени на свободную жизнь свободнаго духа.

Онъ замолчалъ, точно почувствовавъ, что въ его словахъ есть что-то высокопарное, что̀ можетъ быть понято матерью какъ простое фразерство. Онъ посмотрѣлъ на нее пытливымъ взглядомъ; но она слушала его съ спокойной грустью, становясь безучастной къ его доводамъ и не примиряясь съ фактомъ. Онъ продолжалъ:

— Въ положеніи рабочаго я физическимъ трудомъ, механической работой за станкомъ или у машины заработаю то, что̀ мнѣ обезпечитъ мое скромное существованіе рабочаго, а мой умъ будетъ все время свободенъ отъ труда, навязываемаго ему извнѣ, будетъ совершать лишь ту духовную работу, которая ему желательна и доставитъ наслажденіе. Я буду *человѣкомъ* въ истинномъ смыслѣ этого слова, а не умной машиной, вырабатывающей по заказу другихъ умственныя цѣнности. Ко всѣмъ явленіямъ окружающей меня обыденной жизни я могу тогда относиться безъ тѣхъ предвзятыхъ, иногда чисто профессіональныхъ, мнѣній, какія неизбѣжны въ каждой интеллигентной профессіи. Вѣдь у кожевника, ткача, слесаря, столяра, точки зрѣнія на высшіе вопросы человѣческаго бытія не могутъ быть такъ различны, какъ неизбѣжно должны быть онѣ различны у адвоката, военнаго, священника, доктора, чиновника; и если я хочу быть духовно свободнымъ человѣкомъ, не дожидаясь того времени, когда все общество перестроится на новыхъ началахъ и когда взаимныя отношенія людей всѣхъ профессій станутъ проще, то я долженъ уйти отъ профессій, налагающихъ свои путы именно на мой духъ. И я рѣшилъ, что теперь самый простой путь къ счастью свободы есть физическій трудъ...

V.

Ни Софья Петровна, ни Всеволодъ за разговоромъ не замѣтили, какъ подошелъ Игнатовичъ. Поздоровались съ нимъ, и Софья Петровна обратилась съ обычнымъ утреннимъ вопросомъ:

— Что̀ новаго, Антонъ Ѳомичъ?

— Что̀ можетъ быть новаго, что̀ не было бы старымъ!—съ кислой улыбкой отозвался Игнатовичъ.—Сейчасъ получилъ извѣщеніе, что за почь совершены три большихъ порубки въ Горкинской рощѣ. Лѣсникъ божится и клянется, что онъ ничего не

видалъ и не слыхалъ, а я думаю, что онъ, подлый, самъ лѣсъ продалъ.

Софья Петровна покачала сокрушенно головой и сказала:

— Что же, хорошія деревья?

— Я вотъ пришелъ сказать вамъ, что сейчасъ ѣду осматривать. Лѣсникъ говоритъ, что строевыя семивершковыя бревна.

— Ну вотъ, ну вотъ, всегда такъ! — начинала сердиться Софья Петровна.—Боже мой, сколько они у насъ лѣсу порубили!

И, обращаясь къ Всеволоду,—она сказала раздраженно:

— Вотъ ты бы, если не хочешь учиться, пошелъ бы да поучилъ мужиковъ уваженію къ чужой собственности.

Всеволодъ совсѣмъ спокойно возразилъ:

— Мама, мнѣ пришлось бы начать съ проповѣди уваженія къ чужой нуждѣ. Что̀ же имъ дѣлать, если имъ негдѣ взять? Можетъ быть, отъ этихъ нѣсколькихъ бревенъ зависитъ существованіе тѣхъ, кто ихъ вырубилъ. Вѣдь вы не разбирались въ этомъ. Будетъ ли у васъ тремя деревьями больше или меньше, отъ этого ничто не измѣнится въ складѣ вашей жизни.

— Ты Богъ знаетъ что̀ говоришь!—сердясь, сказала Софья Петровна.

А Игнатовичъ усмѣхнулся и дразнящимъ тономъ сказалъ:

— Если бы вы, Всеволодъ Николаевичъ, сами попробовали нажить вотъ такое имѣніе, собственнымъ трудомъ составить себѣ состояніе, такъ вы бы такъ не разсуждали. Если бы вы попробовали вырубить у мужика, не спрося его, жердь въ лѣсу, такъ онъ бы васъ этой жердью уложилъ на мѣстѣ.

— Ну, ну, зачѣмъ такъ грозно! — въ свою очередь усмѣхнулся Всеволодъ. — Не преувеличивайте, не сдѣлаетъ этого мужикъ.

— Какой мужикъ, — возразилъ Игнатовичъ: — есть всякіе. Мужикъ дорожитъ только *своимъ* добромъ и каждой своей копѣйкой гораздо больше, чѣмъ мы съ вами рублями. Имѣйте съ ними дѣла, вотъ какъ я — перестанете жалѣть ихъ. Жалуются на малоземелье, а сколько есть полосъ необработанныхъ. Жалуются, что земля у нихъ стала плохо родить,—отчего же она родитъ у насъ? Никакими силами не заставите вы ихъ обрабатывать собственную землю какъ слѣдуетъ.

— А вы пойдите и научите ихъ, чтобы они дѣлали такъ же, какъ дѣлаете и вы,—сказалъ Всеволодъ, и въ тонѣ его прозвучало презрѣніе къ управляющему.

— Нѣтъ, ужъ это я вамъ предоставляю,—съ сарказмомъ и вмѣстѣ съ льстивой улыбкой отвѣтилъ Игнатовичъ. — Я съ му-

жиками объ ихъ дѣлахъ и разговаривать не хочу. Учить мужиковъ—такъ лучше рѣшетомъ воду черпать.

— Отчего же такъ? Вы бы вотъ шли управляющимъ къ мужикамъ.

— Благодарю васъ. Пусть другіе.

— Ну, что-жъ. Найдутся и другіе. Повѣрьте, недалека пора, когда мужикъ будетъ не только чернорабочимъ, исполняющимъ ваши требованія, но и участникомъ во всѣхъ выгодахъ тѣхъ полей, которыя будутъ воздѣланы подъ вашимъ искуснымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ.

Софья Петровна молчала. Ее не интересовала суть завязавшагося между Всеволодомъ и Игнатовичемъ спора. Она была подавлена одной лишь мыслью: ея родной сынъ, ея Всеволодъ, идетъ въ разрѣзъ со всѣми традиціями своей семьи. Только это, только одно это и занимало ее теперь.

Она встала и пошла къ дому. Игнатовичъ и Всеволодъ пошли за ней.

При поворотѣ изъ боковой аллеи къ дому, тамъ, гдѣ черезъ заборъ открывался видъ на деревню подъ горой и на всѣ окрестныя поля, Всеволодъ, указывая Игнатовичу рукой на убогую деревню, сказалъ:

— Вотъ посмотрите и сравните. Мы здѣсь—на горѣ, и все кругомъ въ цвѣтущемъ состояніи. У нихъ тамъ, внизу — болото подъ ними, болото вокругъ нихъ. Кто же загналъ ихъ туда? Да мы. Мы, собственники этой земли. Съ давнихъ поръ, отъ предковъ къ потомкамъ переходитъ это положеніе: мы на горѣ, а они внизу, въ болотѣ. И это положеніе—прототипъ всего нашего государственнаго строя. Отвратительно, что со времени освобожденія крѣпостныхъ прошло сорокъ слишкомъ лѣтъ, и до сихъ поръ ни они не съумѣли вылѣзти изъ болота на гору, ни мы не вытащили ихъ оттуда. Посмотрите на этотъ народъ тамъ, на болотѣ: онъ вырождается. Какой процентъ между ними рахитиковъ, какой процентъ страдающихъ маляріей и ея спутниками—малокровіемъ, худосочіемъ. Вы обвиняете ихъ, что они небрежны въ собственномъ хозяйствѣ, — а мѣрили ли вы ихъ силу? Въ состояніи ли они быть энергичными и дѣятельными, когда они голодны, ослаблены тѣмъ бѣдственнымъ существованіемъ, которое вы же имъ создали. Нѣтъ, вы спуститесь къ нимъ и выведите ихъ оттуда, изъ болота на гору, иначе...

— Иначе?..

Игнатовичъ смотрѣлъ на Всеволода съ вызывающимъ видомъ льстиваго вниманія, въ которомъ ясно сквозила насмѣшка.

Всеволодъ бросилъ на него суровый взглядъ и убѣжденно произнесъ:

— Иначе они, когда имъ станетъ не въ моготу, стащатъ васъ самихъ въ свои низины и утопятъ васъ въ своемъ болотѣ.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! — не задумываясь, сказалъ съ усмѣшкой Игнатовичъ.

VI.

Марья Николаевна вышла только къ завтраку. Поздно поднялась сегодня и Зина. Софья Петровна упрекнула ее за это.

Зина, какъ-то необычайно задумчивая сегодня, смутилась, лицо ея вспыхнуло, и, нѣжно обнявъ мать, она грустно, почти покорно, сказала:

— Мамочка, я всегда плохо сплю въ лунныя ночи... поэтому и проспала...

Марья Николаевна сидѣла за завтракомъ съ вялымъ видомъ и задумчиво молчала. Молчала и Зина, уставившись на Всеволода горящимъ взглядомъ, точно она разсматривала его, точно впервые увидѣла:

— Зина, что жъ ты ничего не ѣшь? — спросила Софья Петровна.

Зина не отвѣчала и продолжала смотрѣть на Всеволода.

— Зина! Проснись!

— А? Что, мамочка?

— Проснись, говорю.

Зина покраснѣла, уткнулась въ тарелку и принялась поспѣшно ѣсть.

Въ серединѣ завтрака пріѣхалъ Андрей Ѳедоровичъ. Онъ былъ не въ духѣ, усталый отъ дороги и запыленный. Наскоро умывшись, онъ присѣлъ къ столу.

— Ну что?—спросила его Марья Николаевна.

— Да что! Все скверно. Опять со всѣхъ сторонъ жалобы. Мужики отказываются косить.

— Что же они говорятъ?

— Да одни требуютъ увеличенія платы, другіе вовсе ничего не говорятъ. Пусть, говорятъ, трава пропадаетъ—не наша.

— Этакое варварство!—воскликнула Софья Петровна.

— Да-съ!—отозвался Груздевъ.—И есть признаки, что революціонная пропаганда проникла, кажется, и въ нашъ уѣздъ. По молчаливому виду мужиковъ я чую недоброе.

Софья Петровна сурово посмотрѣла на Всеволода и, обращаясь къ зятю, сказала:

— Да... времячко! Зараза проникаетъ даже въ такіе круги, куда, казалось бы, ей и доступа быть не должно.

— Все жиды! Жиды!—вскрикнулъ Андрей Өедоровичъ, ударяя кулакомъ по столу.—Это они, они хотятъ разрушить Русскую землю!

Всеволодъ посмотрѣлъ на него съ холодной усмѣшкой и съязвилъ:

— Прибавьте еще и измѣнниковъ, подкупленныхъ японскими милліонами.

Груздевъ отвѣтилъ ему суровымъ взглядомъ старшаго на младшаго и съ паөосомъ произнесъ:

— Подкупленныхъ русскихъ — не вѣрю! Ну, а между жидами—онъ злобно улыбнулся и процѣдилъ:—найдутся...

— Полноте, Андрей Өедоровичъ! — спокойно и серьезно возразилъ ему Всеволодъ.—Вамъ, земскому начальнику, землевладѣльцу, зятю такого сановнаго лица, какъ мой отецъ, право, слѣдовало бы лучше понимать положеніе Россіи и не увлекаться легендами, которыя могутъ смущать развѣ только сельскихъ поповъ да темныхъ лавочниковъ и мужиковъ. Я думаю, мы всѣ, русскіе, хорошо знаемъ наши грѣхи, и смѣшно говорить о жидахъ и о японцахъ.

— Мнѣ кажется, Всеволодъ, ты судишь односторонне, — вступилась за мужа Марья Николаевна. — Ты такъ же рѣшительно отвергаешь то, что̀ Андрей такъ рѣшительно утверждаетъ. Ты такъ же фанатично кричишь: „жиды ни при чемъ", какъ Андрей кричитъ: „все жиды!"

— И японцы,—съ ироніей вставилъ Всеволодъ.

Софья Петровна вмѣшалась:

— Японцевъ ты самъ прибавилъ, — Андрей Өедоровичъ о нихъ не говорилъ.

— Но не отвергъ сего моего прибавленія... хотя бы только въ части, относящейся къ жидамъ,—съ улыбкой сказалъ Всеволодъ.

— И Андрей правъ,—поддержала Марья Николаевна:—у жидовъ нѣтъ отечества, а о подкупности ихъ и ты, вѣроятно, спорить не станешь;—такъ отчего же нельзя допустить, что гдѣ-нибудь тамъ, за-границей, кто-нибудь изъ вліятельныхъ жидовъ получилъ отъ японцевъ деньги, чтобы черезъ нашихъ русскихъ жидовъ смутить Россію?

Всеволодъ насмѣшливо посмотрѣлъ на сестру и съ оттѣнкомъ сознанія своего превосходства сказалъ:

— Японцы—умные люди и не станутъ бросать деньги тамъ, гдѣ все сдѣлалось само собой безъ ихъ денегъ, а только благодаря ихъ шимозамъ.

— И жидамъ!—твердилъ свое Андрей Өедоровичъ.

— Гдѣ?—спросилъ его вызывающимъ тономъ Всеволодъ.

— Вездѣ!—задорно, рѣзко отвѣтилъ Андрей Өедоровичъ:— Вездѣ: и въ банкахъ, и въ печати, и въ учебныхъ заведеніяхъ, и даже въ арміи. Мы были всегда слишкомъ уступчивы, мы допускали жидовъ всюду...

— Когда это было *намъ* выгодно, нужно,—съ усмѣшкой прервалъ его Всеволодъ.

Андрей Өедоровичъ, становясь все болѣе возбужденнымъ и повышая голосъ, продолжалъ:

— Намъ было нужно бороться съ жидовскимъ вторженіемъ въ нашу жизнь, какъ мы всегда боролись съ вторженіемъ иноземцевъ. Намъ было нужно не принимать изъ еврейскихъ рукъ ничего: ни денегъ, ни просвѣщенія въ ихъ духѣ, никакихъ ихъ благъ. Не будь у насъ жидовъ,—то, что̀ вы называете освободительнымъ движеніемъ совершилось бы теперь, если оно нужно, скорѣе, вѣрнѣе, прочнѣе. Теперь это только жидовскій товаръ, недоброкачественный, не установленной мѣры, неполнаго вѣса. Я тебя спрошу: развѣ жиды участвовали въ созданіи Руси, нашей великой, святой Руси? Когда совершалось освобожденіе Руси отъ татарскаго ига—гдѣ были жиды? Когда Русь освобождалась отъ поляковъ въ 1612 г.—гдѣ были жиды? Освобожденіе Россіи отъ двунадесяти языковъ и освобожденіе всей Европы отъ Наполеона жидами ли сдѣлано? Когда Русь отстаивала себя подъ Севастополемъ, гдѣ были жиды?

Голосъ Андрея Өедоровича гремѣлъ, когда онъ произносилъ эти слова. Софья Петровна и Марья Николаевна, слушая его, смотрѣли ему въ глаза, и, встрѣчая ихъ сочувственные взгляды, Андрей Өедоровичъ чувствовалъ себя готовымъ пойти и совершить какой угодно подвигъ, чтобъ дать исходъ своему русскому чувству. Онъ всталъ, сдѣлалъ два шага по комнатѣ и потомъ, остановившись передъ Всеволодомъ и смотря ему прямо въ глаза, съ тѣмъ же паөосомъ произнесъ:

— Вся слава, все величіе Россіи создались безъ участія жидовъ! Такъ скажи, неужели ты, русскій, по совѣсти и справедливости стоишь за то, чтобы жиды воспользовались всѣми правами русскихъ гражданъ?

И Софья Петровна, и Марья Николаевна, смотрѣли теперь на Всеволода съ напряженнымъ вниманіемъ; несогласныя съ

нимъ, онѣ разно чувствовали въ этотъ моментъ свои отношенія къ нему: Софья Петровна болѣла душой за сына, съ которымъ у нея рвалась духовная связь; Марья Николаевна, сердцемъ болѣе близкая къ мужу, чѣмъ къ брату, была способна въ этомъ ихъ спорѣ оцѣнивать доводы того и другого только умомъ, и споръ становился для нея интереснымъ самъ по себѣ.

Завтракъ былъ конченъ, но всѣ, кромѣ Андрея Өедоровича, еще сидѣли за столомъ.

Съёжившись, точно ей было холодно, съ неподвижно уставленными на Всеволода глазами, сидѣла на своемъ мѣстѣ Зина. По выраженію ея лица нельзя было бы опредѣлить, на чьей сторонѣ въ эту минуту ея умъ и сердце; но въ ея взглядѣ было такое вниманіе, точно вмѣстѣ съ тѣмъ, что она сейчасъ услышитъ отъ брата, должна будетъ рѣшиться ея судьба.

И Всеволодъ въ свою очередь окинулъ всѣхъ взглядомъ; и еще больше, чѣмъ въ словахъ Андрея Өедоровича, въ этомъ общемъ ожиданіи, *какъ* онъ отвѣтитъ, онъ почувствовалъ вызовъ. И онъ всталъ, точно для того, чтобъ его голосъ былъ свободнѣе, слышнѣе, и, не отходя отъ стола, держась руками за спинку стула, онъ заговорилъ съ убѣжденіемъ и энергіей, равными патріотическому паөосу Андрея Өедоровича. Онъ отвѣчалъ:

— Да, я стою за полное равноправіе евреевъ. Пора наконецъ отбросить этотъ предразсудокъ. Говорю это не ради защиты интересовъ еврейства, а ради защиты интересовъ русскихъ. Виновниками того, что намъ, передовымъ русскимъ западникамъ, приходится отрекаться отъ русской самобытности, виновниками этого—говорю вамъ—вы, такъ-называемые истинно-русскіе люди. Вы сдѣлали теперь ненавистнымъ самое имя русскаго: оно стало синонимомъ защиты всякаго мракобѣсія. У евреевъ есть масса недостатковъ и пороковъ. А у русскихъ развѣ ихъ нѣтъ? Да еще какіе! И свои особенные, и привитые отъ всѣхъ народовъ, имѣвшихъ вліяніе на нашу исторію. Но еврейство идетъ впередъ въ ногу со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, а вы съ вашими старорусскими идеалами не только не хотите идти туда, куда идетъ весь міръ, а хотите вернуться назадъ къ тому, что считается отжитымъ, что признано негоднымъ. Какъ есть истинно-русскіе, такъ есть и истинно-еврейскіе евреи, и они тоже негодный для будущаго типъ. Но передовое еврейство—развѣ оно отстаиваетъ религію отцовъ своихъ, развѣ оно дорожитъ своими еврейскими особенностями? Оно, вмѣстѣ со всѣми передовыми людьми всѣхъ народовъ, вѣритъ, что еще нигдѣ нѣтъ истинной всеобъемлющей вѣры и нѣтъ національности совершенной въ

своей узко-національной культурѣ. Оно не видитъ смысла въ томъ, чтобъ толкать темную массу еврейства, сырой матеріалъ, на полную ассимиляцію съ какимъ бы то ни было другимъ народомъ только ради того, что у этого народа имѣется свое собственное готовое государство. И лучшіе евреи предпочитаютъ оставить свой родной сырой матеріалъ сырымъ, пока не найденъ общій для всѣхъ народовъ путь въ обѣтованную землю истины и свободы. Передовое еврейство пойдетъ и поведетъ за собой своихъ только подъ знаменемъ религіи разума и сердца. Вамъ дороги *ваши* святые; намъ, жаждущимъ истины, видящимъ ее въ неустанномъ движеніи впередъ, дороги святые *наши*. Всѣ тѣ, кого вы называете теперь крамольниками, будутъ для будущихъ поколѣній святыми мучениками за правду.

Онъ остановился, взволнованный, и перевелъ дыханіе. Онъ ждалъ возраженія, но Андрей Ѳедоровичъ только посмотрѣлъ на него не то съ недовѣріемъ, не то съ сожалѣніемъ. И Всеволодъ продолжалъ:

— Вы говорите, что евреи не участвовали въ созданіи Руси и поэтому не имѣютъ права на русское гражданство. Но самъ-то русскій народъ до сихъ поръ не имѣетъ этихъ правъ гражданина. Теперь же, въ завоеваніи этихъ правъ, въ освободительномъ движеніи Россіи евреи идутъ въ первыхъ рядахъ. Евреи, больше другихъ страдавшіе отъ безправія, борются за себя и за другихъ. И посмотрите—они, вѣчно упрекаемые въ трусливости, какую они проявили храбрость, какъ только увидали разумную для нихъ цѣль борьбы. Въ вашемъ старомъ государствѣ евреямъ не было мѣста,—въ государствѣ новомъ оно принадлежитъ имъ по праву участія въ созданіи его. И никому изъ русскихъ не будетъ отъ этого хуже, чѣмъ теперь. Уже давно признано, что еслибы у Россіи на берлинскомъ конгрессѣ былъ такой еврей, какъ у Англіи ея Дизраэли, вмѣсто русскаго князя Горчакова,—такъ и истинно-русскіе, и обще-славянскіе интересы оказались бы лучше защищенными. Кто, какъ не мы сами, русскіе, создали теперь такое положеніе, что нѣтъ никакой возможности бороться дальше за русскую исключительность и за недопущеніе равноправія евреевъ? Какъ буду я бороться противъ тѣхъ, кто идетъ подъ знаменемъ свободы и прогресса? Какъ могу я стать въ одни ряды съ тѣми, кто отстаиваетъ негодную старину? Сліяніе всѣхъ народовъ въ одно нераздѣльное человѣчество должно же рано или поздно наступить. Отстаивать исключительность національности значитъ задерживать естественный ходъ цивилизаціи...

Груздевъ, долго молчавшій, прервалъ его теперь довольно неожиданнымъ замѣчаніемъ:

— Постой, ловлю тебя на словѣ. Ты говорилъ сейчасъ, что теперешніе борцы за свободу, или, какъ мы ихъ называемъ, крамольники, для будущаго поколѣнія будутъ святыми. Допускаю. Значитъ, вы желаете, чтобы ихъ и чтили, во вѣки вѣковъ, какъ святыхъ. Но не забудь, что тѣ святые, противъ которыхъ вы боретесь теперь, *наши* святые, которыхъ вы отвергаете, они тоже были въ древнее время передовыми людьми, они тоже боролись съ мракомъ язычества и отстаивали высочайшіе идеалы своего времени, жертвуя за нихъ жизнью. Я думаю, что вы должны бы къ нимъ относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ, если требуете уваженія къ вашимъ передовымъ борцамъ и мученикамъ. Вѣдь тотъ самый народъ, который вы хотите осчастливить вашими идеалами, васъ еще не призналъ, а идеалами тѣхъ святыхъ и мучениковъ онъ живетъ тысячу лѣтъ.

Всеволодъ помолчалъ и отвѣтилъ:

— Пусть такъ. Но идеалы вашихъ святыхъ были — употребляю ваше слово—безпочвенны. Они всѣ основывались только на представленіи о загробной жизни и о грѣховности земного бытія. Идеалы нашего времени выросли изъ почвы экономической жизни. Они стремятся создать радость не на небѣ, а на землѣ, они не признаютъ грѣховности земного счастья, они стараются сдѣлать земное безгрѣшнымъ. Ваши святые святы для вашего Бога, но они уже не святые ни въ глазахъ магометанина, ни въ глазахъ еврея или буддиста. А наши святые окажутся святыми для всѣхъ народовъ и всѣхъ религій.

Споръ начиналъ принимать отвлеченный характеръ, и у Груздева не было желанія продолжать его. Онъ нашелъ, что давно надо было уѣзжать, и теперь такъ заторопился, что Софья Петровна даже не успѣла поговорить съ нимъ на прощаньи о томъ, что̀ объявилъ ей Всеволодъ утромъ о своемъ отъѣздѣ. Да и говорить не хотѣлось: она все еще какъ-то считала слова сына сказанными не серьезно и не хотѣла посвящать въ свой разговоръ съ Всеволодомъ другихъ. Ничего не говорила объ этомъ съ Софьей Петровной и Марья Николаевна. Между ней и Всеволодомъ было рѣшено, что онъ самъ объяснится съ матерью, а ея роль будетъ только ролью защитницы поступка брата уже послѣ его отъѣзда.

Какъ только Груздевы уѣхали, Всеволодъ сейчасъ же ушелъ въ свою комнату и сталъ собираться къ отъѣзду. Онъ бралъ съ собой лишь самое необходимое, оставляя все, что̀ казалось ему

предметами роскоши или такихъ потребностей, отъ которыхъ въ новой жизни ему приходилось отказаться. Долго вертѣлъ онъ въ рукахъ свою любимую скрипку и взялъ на ней нѣсколько аккордовъ pizzicato; потомъ положилъ ее въ футляръ и, поставивъ ее въ уголъ на столъ, смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на дорогого покойника. Потомъ заглянулъ въ альбомы, гдѣ у него были карточки дорогихъ ему знакомыхъ,—все молодежь обоего пола. Онъ оставлялъ даже и эти альбомы, и только долго разсматривалъ ихъ, прощаясь съ ними. Онъ зналъ, что уходитъ на жизнь, не только не имѣющую ничего общаго съ его прежней жизнью, но полную неожиданностей и опасностей. И ему вспомнилось, что такъ собирался въ походъ на Дальній Востокъ его братъ Михаилъ. И Всеволодъ сталъ укладываться быстрѣе, рѣшительнѣе.

Когда онъ пришелъ передъ обѣдомъ къ матери окончательно проститься съ ней, она все еще не хотѣла вѣрить, что онъ уѣдетъ. Она не выдержала и разрыдалась. У Всеволода тоже были слезы на глазахъ, когда онъ успокаивалъ ее: но этотъ мимолетный взрывъ сантиментальности только укрѣпилъ его рѣшимость. Онъ передалъ матери письмо, написанное имъ для отца, и просилъ переслать съ ея собственными объясненіями, когда она найдетъ это болѣе удобнымъ.

Не ограничиваясь увѣщаніями и слезами. Софья Петровна переходила къ угрозамъ. Она говорила, что пошлетъ нарочнаго къ Андрею Өедоровичу и велитъ арестовать сына.

— Что?.. почему? зачѣмъ? — спокойно возражалъ ей Всеволодъ. — Исправить—вы меня не исправите, а озлобить—озлобите. Я не мальчикъ, скоро буду совершеннолѣтнимъ,—знаю, чего хочу. Оставьте меня въ покоѣ. Этимъ вы, по крайней мѣрѣ, предотвратите возможность непріятныхъ событій въ вашей семейной жизни. Брату и сестрамъ мой уходъ только выгоденъ. Отецъ можетъ лишить меня моей части наслѣдства, да, — но я и самъ отъ него *принципіально* отказываюсь. Долговъ я не надѣлаю, векселей не дамъ, выручать меня вамъ не придется. А стало-быть мирно разстаемся.

Софья Петровна — уже молча — плакала.

Когда подали лошадей, чтобы довезти Всеволода въ городъ на станцію желѣзной дороги, Софья Петровна хотѣла-было ѣхать проводить его; но онъ этому рѣшительно воспротивился и просилъ ее подавить всякіе слѣды волненія, чтобы отъѣздъ его не носилъ исключительнаго характера, а походилъ бы на поѣздку въ Петербургъ по какому-нибудь обыденному случаю.

Всеволодъ не находилъ удобнымъ сказать что̀ бы то ни было о причинѣ своего отъѣзда Зинѣ. Когда онъ, встрѣтивъ ее одну въ гостиной, сталъ прощаться съ ней въ ласково-шутливомъ тонѣ, Зина бросилась къ нему на шею, крѣпко обняла его и со слезами восторга на глазахъ, тихо прошептала ему на ухо:

— Севка, я все знаю! Я слышала, сидя наверху на своей террасѣ, все, о чемъ ты говорилъ съ сестрой Машей: Знай: я такая же, какъ ты, я сочувствую тебѣ, я хочу убѣжать съ тобой...

— Что̀ ты, что̀ ты, Зина! Богъ съ тобой!—испуганно прервалъ ее Всеволодъ. — Куда тебѣ, милая, куда тебѣ! Ты еще ребенокъ. Сиди тутъ и слушайся маму.

Но Зина восторженно лепетала:

— Знаю, знаю... Но я выросту. Еще недолго, и я уйду, какъ ты.

Они опять крѣпко обнялись и расцѣловались. Вошедшая въ это время Софья Петровна, глядя на ясное, улыбающееся лицо Зины, не могла и подумать, что она провожаетъ брата навсегда.

VII.

Чрезъ нѣсколько дней Всеволодъ и Савельевъ ѣхали въ вагонѣ третьяго класса на югъ. Вагонъ былъ переполненъ. Разговоры шли о войнѣ и о начавшейся мобилизаціи въ ближайшихъ уѣздахъ. Какой-то мѣщанинъ, сидѣвшій на скамейкѣ противъ Всеволода и выходившій въ другое отдѣленіе вагона, вернувшись, говорилъ:

— Тамъ запасного солдатика жена провожаетъ. Въ мобилизацію стало-быть попалъ. Сидятъ, другъ на дружку смотрятъ, да такъ и заливаются: баба реветъ, а мужикъ пуще того. У бабы ребеночекъ на рукахъ, тоже поглядитъ на тятьку съ мамкой, да какъ завопитъ — одна потѣха! Воины!

Всеволодъ и Савельевъ встали и пошли въ сосѣднее отдѣленіе полюбопытствовать.

Запасный, мужикъ лѣтъ сорока, съ вклокоченной бородой, болѣзненный, сидѣлъ потупя голову и тихо плакалъ. Всеволодъ участливо спросилъ бабу:

— Призываютъ?

Баба посмотрѣла на него и заголосила:

— Обездолили меня, несчастную! На кого я съ малымъ

дитёй останусь? Кто хозяйство править будетъ? И совсѣмъ моему идти не надо. На очереди старшины племянникъ,—да, вишь, у того рука, того ослобонили, а моего взяли. Ходила жаловаться земскому и воинскому. Да развѣ насъ послушаютъ. Имъ принеси „барашка въ бумажкѣ“, а то и говорить съ тобой не хотятъ. Эхъ, горе такое наше!

И слезы опять безудержно полились по ея лицу.

На сосѣдней скамейкѣ сидѣлъ молодой парень и игралъ на гармоникѣ. Онъ былъ, видимо, выпивши, посматривалъ вокругъ себя съ улыбкой и отчаянно терзалъ гармонику. Прислушавшись къ словамъ бабы, онъ расхохотался и, обращаясь къ Всеволоду и Савельеву, пьянымъ голосомъ сказалъ:

— Эхъ-ма! гуляй во всю! Вездѣ, видно, такъ-то. Не мы одни. Вотъ я вамъ доложу, господа студенты: вы учиться не хотите и на войну не идете, а мы по вашей милости погибать должны. За что идемъ? Какого чорта мнѣ въ этой ихъ китайской землѣ, а вотъ, говорятъ, пожалуйте. Намъ теперича, крестьянамъ, земли не даютъ, а вамъ, господамъ, еще мало, мы для васъ еще у китайцевъ отбирать землю должны. Вотъ хошь бы я теперича иду: за что, спрашивается, погибаю? У насъ сейчасъ въ городѣ какъ будто бунтъ былъ: полицместера, стало-быть, избили. Я не участвовалъ, я ни-ни... я человѣкъ смирный... а жалко: потому — стоитъ онъ того, чтобы его бить. Теперича вы такъ разсудите, господа: есть у насъ въ городѣ два купца, и вотъ тоже, стало-быть,—какъ вы—студентами были. Народъ богатый, учиться, стало-быть, не захотѣли. Что имъ! Вышли. Но только, стало-быть, все-таки солдатчины не миновали: въ мирное время, стало-быть, съ нами подъ одну шапку попали. Вотъ одинъ изъ нихъ въ строю со мной рядомъ стоялъ, другой—въ другой ротѣ. Маршировали это они честь честью... все какъ слѣдуетъ. Унтеръ имъ мироволитъ, потому во всякое время—то трешницу, то пятишницу. Ну, ничего,—и намъ отъ нихъ перепадало: гдѣ водкой угостятъ, гдѣ что, — это бы все ничего. Но вотъ какъ вы теперича это самое можете разсудить: вотъ сейчасъ насъ въ призывъ всѣхъ потянули, собрались, а ихъ и нѣтъ! Ну, думаемъ, видно съ горя запили, — забулдыги, прямо сказать, первые по городу, скандаловъ отъ нихъ бывало не мало, только самого полицместера не колачивали, а что городовымъ—не разъ попадало. Ну, вотъ, думаемъ, и теперь: загуляли гдѣ-нибудь наши молодцы. Только, хвать-похвать, слышимъ: одинъ, говорятъ, въ городовыхъ служитъ, стало-быть за порядкомъ наблюдаетъ; другой пріятель въ причетники поступилъ, на

клиросѣ „аллилуія“ поетъ. Какъ вы думаете: это по какому случаю? Вотъ вы и разсудите. Мы такъ думаемъ, это все отъ науки... Эхъ-ма! гуляй во всю!..

Гармоника такъ и заливалась у него въ рукахъ, а парень продолжалъ:

— Я человѣкъ смирный, а только почему это, теперича, господамъ земли понадобилось? Вотъ отецъ-то этого самаго „псаломщика“, который теперича „аллилуія“ поетъ, онъ у насъ хлѣбомъ торгуетъ да зѐмли скупаетъ. Землѝ у него теперича тыщи десятинъ. Вотъ намъ теперича доподлинно извѣстно: у него, окромя всѣхъ прочихъ, два имѣнья есть—въ одномъ тыща десятинъ и въ другомъ тыща. Стало-быть, они у него лѣтъ уже больше двадцати во владѣніи, а онъ въ нихъ ни разу и не бывалъ. Не видалъ, какая тамъ у него земля есть. Приказчики съѣздятъ, всѣмъ распорядятся, хлѣбъ соберутъ, денежки выручатъ, а онъ сидитъ себѣ, на счетахъ пощелкиваетъ. Стало-быть, онъ теперича китайской земли тоже тыщу десятинъ купитъ, приказчика пошлетъ, хлѣбъ соберетъ, денежки получитъ, и опять на счетахъ пощелкивать будетъ. А я, стало-быть, долженъ кровь пролить. На кой чортъ мнѣ эта китайская земля?!

Онъ на минуту пріунылъ, опустилъ голову, покачалъ ею и потомъ какъ-то неожиданно, но апатично спросилъ:

— Вы изъ купцовъ будете?

Савельевъ прищурился, усмѣхнулся и отвѣтилъ за Всеволода:

— Мы изъ крестьянъ.

Парень лѣниво, немного презрительно посмотрѣлъ на нихъ, улыбнулся и сказалъ:

— Не похоже.

Вмѣшался сидѣвшій тутъ же пожилой мужикъ въ обтрепанной одеждѣ:

— Отчего не похоже? У насъ въ волости два крестьянскихъ сына въ студентахъ-то ходятъ. Ты думаешь: ты мужикъ—дуракъ, такъ и всѣ мужики дураки?

Парень насмѣшливо посмотрѣлъ на него и, выводя веселую ноту на гармоникѣ, улыбаясь, сказалъ:

— Ты уменъ, я вижу.

Мужикъ вызывающимъ тономъ отвѣтилъ ему:

— Я-то глупъ, да все не такой дуракъ, какъ ты.

Савельевъ остановилъ ихъ:

— Да вы изъ-за чего ругаться начали?

Мужикъ отвѣтилъ:

— А такъ, время теперь горячее, военное,—какъ не ругаться!

Когда Всеволодъ и Савельевъ вернулись отъ запасныхъ изъ другого отдѣленія, Всеволодъ сказалъ:

— Да... у нихъ мобилизація, и у насъ тоже... и мы съ тобой попали въ мобилизацію.

Савельевъ усмѣхнулся и, помолчавъ, произнесъ, не то шутя, не то серьезно:

— Не по чужой ли очереди, какъ они?

Оба стали задумчиво смотрѣть въ окно.

VIII.

День двадцатый іюня начался въ усадьбѣ Кукурановыхъ тревожно съ самаго утра. Работникъ, выѣхавшій на парѣ лошадей съ сѣнокосилкой на луга, прискакалъ обратно верхомъ, держа другую лошадь въ поводу. Онъ слѣзъ у крыльца управляющаго и велѣлъ прислугѣ вызвать его. Игнатовичъ сейчасъ же вышелъ. Работникъ разсказалъ ему, что когда онъ пріѣхалъ на луга, тамъ уже косили мужики, и когда онъ спросилъ, что̀ это они дѣлаютъ, они безъ всякихъ разговоровъ со смѣхомъ бросились на него, выпрягли лошадей, сломали сѣнокосилку, а его съ лошадью прогнали въ поле.

Игнатовичъ крѣпко выругался. Нѣкоторое время въ задумчивости промолчалъ, потомъ сказалъ:

— Осѣдлай лошадь, скачи въ Груздевку и скажи Андрею Ѳедоровичу, что я прошу его распоряженій.

Работникъ пошелъ сѣдлать, Игнатовичъ вернулся къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на часы: идти доложить Софьѣ Петровнѣ было еще рано,—она спала. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, раздумывая, что̀ предпринять. Идти объясняться съ мужиками онъ не рѣшался: боялся быть избитымъ. Онъ смутно чувствовалъ, что волна народнаго движенія, охватившая уже сосѣднія губерніи, докатилась и до нихъ. Отношенія его къ крестьянамъ всегда были обостренныя: человѣкъ дѣловой, онъ не любилъ играть въ политику, не интересовался выгодами или невыгодами мужиковъ и зналъ лишь одно—заботу объ улучшеніи ввѣреннаго его управленію имѣнія. Кромѣ жалованья, онъ получалъ проценты изъ чистаго дохода. Человѣкъ пришлый, онъ не имѣлъ никакихъ связей съ окрестнымъ населеніемъ и смотрѣлъ на мужиковъ—какъ на рабочую машину. Съ его вступленіемъ въ управленіе имѣніемъ, были удалены нѣкоторые изъ мѣстныхъ

рабочихъ и замѣнены пришлыми. Кукурановы не могли нахвалиться его хозяйственностью, а мужики его возненавидѣли.

Луга, которые они теперь начали косить, были когда-то, при крѣпостномъ правѣ, въ пользованіи мужиковъ; но и послѣ освобожденія крестьянъ они всегда косились исполу, а вотъ уже два года, какъ Игнатовичъ упразднилъ испольныя работы. Онъ осушилъ всѣ болотистыя мѣста и вмѣсто осоки засѣялъ ихъ люцерной, и косить сталъ косилкой. Мужики возроптали, но ничего подѣлать съ нимъ не могли. Значительную часть сѣна онъ продавалъ имъ же; но, лишенные заработка и лишенные половины того количества сѣна, которое они собирали, мужики почувствовали всю „тѣсноту" своего положенія. Они ходили съ жалобами и просьбами къ самой Софьѣ Петровнѣ, ходили къ Груздеву, какъ къ главноуправляющему имѣньемъ тестя, писали „бумагу" самому Кукуранову, почти никогда не бывавшему въ имѣньѣ, и все кончилось для нихъ ничѣмъ. Игнатовичъ настаивалъ на своемъ правѣ вести хозяйство такъ, какъ это выгоднѣе, а владѣльцамъ имѣнія важно было даже малое увеличеніе доходности его: при ихъ огромныхъ расходахъ у нихъ было столько своихъ нуждъ, что имъ было не до мужицкихъ. Всѣ ихъ совѣщанія по этому вопросу всегда кончались одной и той же неизмѣнной резолюціей: „Мы вступаемъ въ періодъ правильнаго хозяйничанія; для того и существуютъ сельскохозяйственныя орудія, чтобы возвышать доходность имѣнія. А если мужикамъ тѣсно, то пусть выселяются туда, гдѣ просторно. Существуютъ свободныя казенныя земли и переселенческій комитетъ, его дѣло заботиться о благосостояніи мужиковъ, а не наше,—они не крѣпостные наши. Если имъ не прокормиться земледѣліемъ, пусть идутъ въ отхожіе промыслы, ищутъ другихъ заработковъ: тогда сѣно и хлѣбъ нашего имѣнія къ ихъ услугамъ, пусть будутъ покупателями. Чѣмъ больше они заработаютъ на сторонѣ, чѣмъ будутъ сами богаче, тѣмъ и намъ выгоднѣе: продукты нашего имѣнія найдутъ сбытъ на мѣстѣ, а то, право, не знаешь, кто помѣщики—они или мы? Мы скоро сами перестанемъ получать доходы, и намъ жить будетъ нечѣмъ, а мужикамъ и такъ даются всякія льготы. На этихъ испольныхъ работахъ они своей небрежностью только портятъ наши поля и луга".

Мужики въ свою очередь разсуждали иначе:

— Отцы и дѣды наши эту землю косили, такъ кто же можетъ лишить насъ права пользоваться этимъ покосомъ. Царь освободилъ мужиковъ, а господа опять закабалили ихъ. Развѣ это не кабала, что загнали насъ въ болото, и ни къ какому

клочку земли приступу нѣтъ? Да этакъ-то мы и въ крѣпостное право не живали".

Слухи о дѣлежѣ помѣщичьей земли въ пользу мужиковъ, распространившіеся въ другихъ губерніяхъ, проникли и сюда, и какъ всегда бываетъ, что вѣрятъ тому, чему хочется вѣрить, мужики были убѣждены, что стоитъ „выкурить" помѣщиковъ, какъ комаровъ и мошекъ дымкомъ, и всѣ помѣщичьи земли перейдутъ въ крестьянское пользованіе этимъ же лѣтомъ. Иначе, де, изведутъ мужика, поставятъ на его мѣсто машину, и тогда ужъ ничѣмъ дѣла не поправить.

Игнатовичъ и Груздевъ, какъ насадители новыхъ порядковъ, при которыхъ машина замѣняла мужицкую силу, представлялись мужикамъ главными виновниками новаго закрѣпощенія. Глухая, затаенная, ненависть къ нимъ росла и крѣпла съ каждымъ днемъ. Игнатовичъ все это понималъ. Но онъ до такой степени былъ увѣренъ въ незыблемости землевладѣльческихъ правъ и считалъ такимъ важнымъ дѣло увеличенія доходности имѣнья, что никогда и не задумывался даже надъ возможностью измѣненія существующаго порядка отношеній между землевладѣльцами и крестьянами.

Но теперь онъ готовъ былъ укрыться за спину Груздева, какъ своего непосредственнаго начальника. Онъ зналъ, что Груздевъ раздѣляетъ его взгляды на веденіе хозяйства, что Груздевъ имъ доволенъ. Груздевъ—земскій начальникъ, въ его рукахъ власть, такъ вотъ пусть онъ какъ хочетъ, такъ и усмиряетъ мужиковъ. Принявъ такое рѣшеніе, онъ послалъ сказать въ барскій домъ, чтобы его позвали, какъ только Софья Петровна встанетъ, и чтобы предупредили ее, что ему очень нужно ее видѣть.

Софья Петровна уже проснулась; и какъ только сказали ей объ этомъ, она поспѣшила наскоро одѣться и велѣла позвать Игнатовича.

Когда онъ разсказалъ ей о случившемся, Софья Петровна совсѣмъ растерялась.

— Вѣдь это... что же это такое?.. Бунтъ!—говорила она, заикаясь и трясясь отъ волненія:—Вѣдь этакъ они и сюда придти могутъ... Вѣдь это... они насъ разнесутъ.

И прежде чѣмъ Игнатовичъ успѣлъ сказать ей что-нибудь, она, овладѣвъ собой и наморщивъ брови, рѣшительно сказала:

— Нѣтъ, ужъ я лучше уѣду. Вы тутъ расправляйтесь, какъ знаете. Велите мнѣ скорѣе заложить лошадей, мы съ Зиной сейчасъ же поѣдемъ въ городъ... къ губернатору.

Игнатовичъ сталъ успокаивать ее. Ея тревожное настроеніе

передалось и ему; но онъ понималъ, что *онъ* уѣхать не можетъ. Ей легко было сказать: „я уѣзжаю, а вы расправляйтесь тутъ, какъ знаете“; а ему сказать, что онъ уѣдетъ—это значило отказаться отъ службы, потерять выгодное мѣсто: это совсѣмъ не входило въ его планы. Можетъ быть, еще все кончится пустяками, и надо было именно теперь показать себя преданнымъ дѣлу. Если останется Софья Петровна, она все-таки можетъ говорить съ мужиками, какъ человѣкъ властный, какъ жена чиновника. За ея спиной Игнатовичъ считалъ себя въ бо́льшей безопасности; а если она уѣдетъ, онъ одинъ сдѣлается козломъ отпущенія. И онъ, стараясь казаться хладнокровнымъ и даже равнодушнымъ, говорилъ:

— Полноте, Софья Петровна. Это такіе пустяки, изъ-за которыхъ вамъ не стоитъ и безпокоиться. Я уже послалъ нарочнаго къ Андрею Ѳедоровичу; онъ пріѣдетъ, прикрикнетъ на мужиковъ, и кончится все тѣмъ, что они для насъ скосятъ косами сѣно, а стоимость сѣнокосилки мы съ нихъ взыщемъ.

Его голосъ былъ такъ убѣдителенъ, улыбочка не сходила съ его губъ, Софьѣ Петровнѣ такъ хотѣлось, чтобъ все было именно такъ, какъ говорилъ Игнатовичъ, что она начинала вѣрить ему и успокаиваться. Ей подали утренній кофе; она предложила чашку и Игнатовичу. Но не успѣли они еще взять чашки въ руки, какъ въ комнату вбѣжала, ворвалась какъ вихрь, босоногая, растрепанная дѣвочка—дочь лѣсника. Она ревѣла и кричала:

— Тятьку убили! Тятьку убили!

— Какъ? кто?—одновременно спросили, вставъ изъ-за стола и подходя къ ней, Игнатовичъ и Софья Петровна.

Всхлипывая сквозь слезы, дѣвочка отрывисто разсказывала:

— Мужики, мужики убили! Лѣсъ пришли рубить мужики. Много—вся деревня. Тятька не давалъ, ругался. А они у́чали рубить. Тятька выстрѣлилъ, въ мужика попалъ. А они на него съ топорами. Такъ и зарубили! А лѣсъ рубятъ... много мужиковъ... вся деревня... Ой, батюшки, тятьку убили!..

Дѣвочка легла на полъ, начала кататься и голосить:

— Ой, убили!.. Ой, сердешные, убили...

Растерянные, Софья Петровна и Игнатовичъ смотрѣли другъ на друга. Но Софья Петровна на этотъ разъ уже твердымъ голосомъ сказала ему:

— Лошадей! Сію же минуту лошадей!

Она позвонила. Прибѣжала горничная Зося, и Софья Петровна приказала:

— Скажи Өедору, чтобы сейчасъ же закладывалъ тройку въ коляску... въ городъ.

Игнатовичъ не пробовалъ и отговаривать ее. Въ свою очередь онъ сказалъ Зосѣ:

— Вели Ивану осѣдлать Красавчика: поѣдетъ въ Груздевку.

И, обратившись къ Софьѣ Петровнѣ, сказалъ:

— Напишите вы Андрею Өедоровичу сами, чтобы онъ вызвалъ солдатъ.

— Хорошо,—сказала Софья Петровна:—да я и сама ѣду къ губернатору.

Она пошла въ кабинетъ, потомъ вернулась, взяла свою чашку кофе и опять пошла туда, прихлебывая кофе, и наскоро написала письмо зятю.

Дѣвочку лѣсника увели на кухню—накормить и успокоить.

Софья Петровна велѣла разбудить Зину и звать ее внизъ. Зосѣ было велѣно укладывать чемоданы. Игнатовичу давались послѣднія порученія, какъ поступить съ бунтовщиками и охранять усадьбу.

Зося вошла и сказала:

— Иванъ готовъ.

Софья Петровна передала ей письмо.

— Вотъ, отдай письмо и скажи, чтобы скакалъ какъ можно скорѣй къ Андрею Өедоровичу.

Зося вышла. Но прежде чѣмъ успѣли подать лошадей, Софья Петровна увидала въ открытое окно небывалое явленіе. По дорогѣ къ усадьбѣ ѣхалъ цѣлый обозъ мужицкихъ телѣгъ. Телѣги были пустыя и въ нихъ сидѣли, гдѣ по-одиночкѣ, гдѣ по-двое, мужики и бабы.

— Это что̀ еще такое?—обратилась она къ Игнатовичу.

Тотъ въ недоумѣніи пожалъ плечами и тоже сталъ смотрѣть въ окно. Обозъ въѣзжалъ на дворъ.

Софья Петровна, дрожа отъ волненія, сказала Игнатовичу:

— Идите, узнайте, что̀ это.

Блѣдный отъ страха, Игнатовичъ отправился къ мужикамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся:

— За хлѣбомъ, изволите видѣть, пріѣхали.

— Что̀ же это—дневной грабежъ?

— Дневной грабежъ,—глухо отозвался Игнатовичъ, разводя руками:—требуютъ открыть амбары и отдать имъ весь господскій хлѣбъ.

— Что̀ же вы сказали?

— Сказалъ, что доложу вамъ, а они хохочутъ и кричатъ: „отпирай, не то замки сломаемъ“!

— Да что же это?.. что же это?.. — взволнованно ходя по комнатѣ, то вскрикивала, то шептала Софья Петровна.—Вѣдь это же настоящій бунтъ... это пугачевщина!.. Гдѣ же наши рабочіе? Велите имъ гнать разбойниковъ со двора.

Игнатовичъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, рабочимъ не справиться. Если мужики не послушаются васъ или не дождемся Андрея Өедоровича, тутъ поможетъ только воинская сила.—Выйдите и пригрозите имъ.

Софья Петровна, чтобъ скрыть страхъ, приняла негодующій видъ:

— Чтобы я пошла разговаривать съ ними? Да ни за что!.. Зина! Гдѣ же ты, Зина? Зося! Гдѣ барышня? Лошадей скорѣй!

Со двора доносился гулъ толпы. Слышались крики, хохотъ, шумъ двигающихся телѣгъ, и отъ времени до времени въ общій шумъ рѣзкой ноткой врывалось ржаніе лошадей.

Игнатовичъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ, опустивъ голову.

— Да идите же, унимайте ихъ!—говорила Софья Петровна: —что же вы стоите?

— А что я могу подѣлать?—убѣждалъ ее, въ свою очередь, трусившій Игнатовичъ. — Пойдемте вмѣстѣ. Что такое я? Маленькая сошка, управляющій. Вы—владѣлица, вы—Кукуранова. Страхъ передъ властью у нихъ еще не потерянъ. Выйдите къ нимъ.

У крыльца зазвенѣли бубенчики: кучеръ подавалъ тройку.

— Ну, вотъ,—сказалъ Игнатовичъ:—вамъ все равно надо выходить.

Спустилась сверху и Зина. Зося уже объяснила ей, въ чемъ дѣло, и дѣвочка вышла взволнованная, но какъ-то особенно оживленная. Ея лицо то блѣднѣло, то вспыхивало румянцемъ, глаза горѣли, губы были плотно сжаты и улыбались болѣзненной улыбкой.

— Зина,—сказала ей Софья Петровна:—тутъ бунтъ. Мы сейчасъ ѣдемъ. Одѣвайся.

Зина какъ-то странно посмотрѣла на мать и не торопилась двигаться съ мѣста.

Игнатовичъ, боясь остаться одинъ, продолжалъ стоять на своемъ:

— Выйдите къ нимъ. Можетъ быть, вы ихъ и такъ успокоите.

— Хорошо,—сказала наконецъ Софья Петровна. И рѣшительно пошла къ крыльцу.

Мужики, видя, что поданы лошади, толпой сгрудились у параднаго крыльца.

Софья Петровна вышла и громко, взволнованно сказала:

— Вы что тутъ бунтуете? Что вамъ надо?

Нѣсколько голосовъ весело отвѣтили:

— Мы не бунтуемъ. Мы за хлѣбушкомъ пріѣхали. Отпирайте-ка амбары-то!

— Да какъ вы смѣете!—закричала Софья Петровна, забываясь и теряя самообладаніе.—Вѣдь васъ за это всѣхъ въ Сибирь сошлютъ.

— Ладно, разсказывай!—крикнулъ ей кто-то изъ толпы, и опять нѣсколько голосовъ загудѣло:

— Отпирайте! Пока мы сами не сломали. Вышла воля народу, чтобы землю и добро ваше мужикамъ, а васъ чтобы и духомъ здѣсь не пахло.

Все, что когда-либо было въ душѣ Софьи Петровны властнаго, все, что вѣками укрѣплялось въ ихъ роду самоувѣреннаго, гордаго, все сразу всплыло теперь наружу; и на дерзость толпы Софья Петровна съ дерзостью самозабвенія отвѣтила рѣзкимъ окрикомъ:

— А вотъ я сейчасъ поѣду къ губернатору! Онъ пришлетъ солдатъ, такъ вамъ покажутъ, какая вышла воля!

И повернувшись, она, дрожа отъ гнѣва, вошла обратно въ домъ.

Въ толпѣ раздались хохотъ и голоса:

— Ладно! Ѣздила одна такая-то!.. Ребята! выпрягай лошадей!

Семка, молодой парень, первый бросился къ пристяжной, чтобы снять постромки. Кучеръ съ козелъ хватилъ его кнутомъ.

— А-а, да ты еще драться!—крикнулъ Семка.—Погодь ужò! Ребята, бери!

И, прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ опомниться, его стащили съ козелъ и, осыпая пинками и ударами, поволокли за ноги по двору.

Лошадей тѣмъ временемъ уже выпрягали, съ шутками, со смѣхомъ. Говорили:

— Что же теперь дѣлать съ конями-то?

— Моя добыча!—крикнулъ Семка и вскочилъ на одну изъ пристяжныхъ.

Толпа отвѣтила дружнымъ смѣхомъ.

— А коли такъ, и я не буду плохъ,—сказалъ степенный мужикъ, державшій въ поводу коренника.—Конь-отъ добрый. Ну-ка, Василій, подсади!

Стоявшій рядомъ молодой парень помогъ мужику взобраться на высокую лошадь. Третью какой-то мужикъ уже уводилъ въ поводу со двора.

— Здорово, ребята!—кричалъ Семка, сидя верхомъ на пристяжной.—Слушай команду! Не робѣй! Не зѣвай! Дѣйствуй!

— Ахъ, вы, разбойники! — шутливо говорили въ толпѣ.— Экой тройкой овладѣли!

— Ладно,—отзывался торжествующій Семка:—наша добыча, мы и въ отвѣтѣ. Прощенья просимъ.

И онъ поѣхалъ со двора къ тому мѣсту, гдѣ стояла его телѣга.

— Вотъ, баба, коня новаго купилъ!—подъѣзжая, кричалъ онъ женѣ, стоявшей тутъ, у телѣги.

Онъ соскочилъ съ лошади, привязалъ ее за поводъ къ оглоблѣ и шутливо говорилъ своей бабѣ:

— Смотри, карауль. Конокрады не стибрили бы. А я за хлѣбушкомъ пойду.

Толпа, опрокинувъ оставленную у параднаго крыльца коляску, уже вся хлынула къ хлѣбнымъ амбарамъ. Ключникъ сначала не хотѣлъ давать ключи, ему дали раза два по затылку, и онъ самъ принесъ ихъ.

Тяжелыя двери амбаровъ распахнулись, и мужики, кто чѣмъ могъ, начали таскать изъ сусѣковъ хлѣбъ. Таскали кадками, мѣрами, ведрами, таскали въ мѣшкахъ, въ подолахъ, мальчишки таскали въ шапкахъ, и все ссыпали въ привезенные на телѣгахъ полога. Закипѣла горячая работа.

А Софья Петровна, опустивъ голову на руки, сидѣла за столомъ въ гостиной. За подъемомъ гнѣва и безудержной смѣлости наступилъ упадокъ. Когда ей сказали, что лошадей отпрягли и захватили мужики, она никакъ не могла сообразить, что же ей теперь дѣлать.

Тѣмъ временемъ нѣсколько мужиковъ, уже успѣвъ насыпать свои телѣги хлѣбомъ, забрались на барскую кухню и шутя говорили повару:

— Поработавъ, поѣсть бы.

Старикъ поваръ дрожащими отъ испуга руками доставалъ все, что у него было съѣстного, и все отдавалъ мужикамъ. Мужики брали, похваливали, жевали и, выходя на крыльцо кухни, покрикивали:

— Ребята, подходи! Трактиръ новый открылся.

И толпа въ кухнѣ сейчасъ же начала рости. Скоро тутъ стало такъ тѣсно, что не повернуться, до куска рукой не до-

тянуться. Да и все съѣдобное оказалось разобраннымъ. Тогда сразу нѣсколько человѣкъ двинулись въ комнаты. Въ этомъ движеніи было что-то стихійное, непроизвольное. Все совершалось безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, безъ плана. Такъ вода, выступивъ изъ береговъ и не имѣя опредѣленнаго русла, растекается во всѣ стороны.

Кто-то изъ шедшихъ впереди сказалъ:

— Смотри-ка, ребята, никакъ тутъ ходъ въ подвалъ.

— Ой-ли!—радостно откликнулись задніе.—Поди-ка, и вино есть, заморское. Валяй, ребята, высаживай!

Подвалъ былъ закрытъ люкомъ съ висячимъ замкомъ. Откуда-то взялся ломъ. Засадили его подъ пробой, и четверка дюжихъ рукъ выворотила сразу и замокъ, и пробой.

Притащили изъ кухни свѣчку и спустились въ подвалъ. Но свѣчка оказалась ненужной: въ маленькія подвальныя окна свѣту проникало достаточно. Мужики и бабы, какъ муравьи, полѣзли внизъ по лѣстницѣ. Въ подвалѣ оказались полныя полки винъ, банокъ съ вареньемъ и консервовъ.

Пока толпа разносила хлѣбъ изъ амбаровъ, все шло еще чинно, несмотря на горячечную поспѣшность, съ которой каждый торопился захватить себѣ побольше. Но тамъ брали то, что̀ считали своимъ — хлѣбъ. Онъ ничѣмъ не отличался отъ того хлѣба, который всѣ получали и съ своихъ полей, которымъ питались каждый день: имъ не опьянишься, не объѣшься. Но когда въ сумракѣ подвала глазамъ первыхъ спустившихся туда мужиковъ и бабъ представилось то, что̀ до сихъ поръ было для нихъ лишь предметомъ грёзъ, запретнымъ плодомъ, одной изъ причинъ зависти къ барской сладкой жизни, одной изъ причинъ ненависти къ „празднымъ“ обладателямъ этихъ „благъ“, недоступныхъ изнывающему въ трудѣ батраку,—тогда всѣхъ начала охватывать страстная жажда скорѣе воспользоваться возможностью испытать неизвѣданное наслажденіе безграничной сытости сладкимъ и запретнымъ.

И начался разгромъ. Всякій тащилъ, что̀ могъ. Въ небольшомъ подвалѣ сразу стало тѣсно. Верхніе, стоя на узкой лѣстницѣ, требовали, чтобы ихъ пустили внизъ, — нижнимъ въ подвалѣ негдѣ было повернуться. Одни, нагрузившись, выползали, другіе протискивались на ихъ мѣсто. Копошился муравейникъ. Изъ люка протягивались вверхъ руки съ бутылками и банками; наверху, у люка, эти банки и бутылки перехватывались тѣми, кто, стоя тутъ на колѣняхъ или присѣвъ на корточки, былъ ближе, и опять передавались — дальше. У кого-то

нашлись карманные ножи со штопорами, сейчасъ же начали откупоривать бутылки, пить прямо изъ горлышка. Бабы хватались прежде всего за банки и жестянки, но не отставали и въ выпивкѣ, требуя отъ мужиковъ своей доли. Шумъ, говоръ, смѣхъ. Прежде чѣмъ подѣйствовало вино, толпа была уже опьянена самымъ разгуломъ этого разноса. Все ей казалось здѣсь забавно, ново, весело, неудержимо смѣло, хорошо!

А въ комнатахъ понемногу начинался разгромъ вещей. На дворъ тѣмъ временемъ пріѣхали опоздавшіе,—изъ колеблющихся. Увидя, что другіе насыпали полныя телѣги хлѣба, а амбары уже опустѣли, они набрасывались теперь прямо на то, что первое попадалось на дворѣ подъ руку, и первыми полѣзли черезъ террасу въ домъ. Растерянная домашняя прислуга безпомощно смотрѣла на то, что дѣлали мужики, боясь даже возражать имъ: примѣръ избитаго кучера и ключника подѣйствовалъ на всѣхъ устрашающимъ образомъ.

Игнатовичъ куда-то спрятался. Зося, бѣгавшая искать его на зовъ Софьи Петровны, вернулась ни съ чѣмъ. На дворѣ она видѣла, какъ мужики, увязавъ на телѣгахъ полога съ насыпаннымъ хлѣбомъ, нагружали поверхъ его разный домашній скарбъ. Одна изъ бабъ стащила изъ кухни самоваръ и, точно все еще чего-то боясь, засовывала его на телѣгу въ хлѣбъ. Другіе, чтобы не прозѣвать, начали хватать въ кухнѣ кастрюли.

И преданная барынѣ Зося схватила въ столовой серебряныя ложки, утащила ихъ въ свою комнату и заперла ихъ въ свой сундукъ. Потомъ пришла и сказала Софьѣ Петровнѣ:

— Давайте, барыня, еще, что есть, прятать. Я скажу, что это мое, а послѣ отдамъ вамъ все.

— Оставьте, Зося, не стоитъ, — тихо, апатично сказала Софья Петровна, подавленная отчаяніемъ. — Только бы уѣхать, только бы выбраться изъ этого ада... Подите, поищите хоть какихъ-нибудь лошадей, только бы уѣхать, только бы вонъ отсюда.

А мужики и бабы съ шумными разговорами проходили и ходили по ея комнатѣ, не обращая вниманія ни на нее, ни на сидѣвшую въ углу Зину, какъ будто ихъ тутъ и не было. Ходили, ко всему присматривались и, что поглянется, уволакивали.

Съ Зиной сдѣлалось что-то необычайное. Съ того момента, какъ начался разгромъ, она не произнесла ни слова. Она не отвѣчала или отвѣчала полусловами на вопросы матери и старалась не быть у нея на виду. Она долго, внимательно наблюдала за всѣмъ происходившимъ вокругъ, и ея глаза горѣли восторгомъ, губы были полуоткрыты. Потомъ, какъ-то неожиданно

даже для самой себя, она схватила лежавшіе на столѣ ключи и начала отпирать всѣ шкапы и ящики, стала вынимать изъ нихъ вещи, платье, посуду, бѣлье, все, что могла, и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ совала все это въ руки мужикамъ и бабамъ, наполнявшимъ комнату, входившимъ и уходившимъ. Тѣ принимали, иногда посматривали на вещи, потомъ на барышню, не то съ удивленіемъ, не то съ недовѣріемъ,—не обдѣлила бы она ихъ,—молча брали и поспѣшно тащили на свои телѣги.

Въ дѣйствіяхъ всѣхъ была такая торопливость, иногда порывистость, точно въ домѣ былъ пожаръ, и всѣ общими силами торопились спасти имущество. Одна только Софья Петровна, углубившись въ кресло, низко опустивъ голову, плакала, не отнимая платка отъ глазъ, чтобы ничего не видѣть.

На пожарахъ работаютъ быстро — быстро и здѣсь разнесли все. Какой-то хозяйственный мужичокъ снялъ съ петель печки мѣдную дверку и понесъ ее на телѣгу. Другой, чтобы не упустить своего, засунулъ руку въ трубу и вытащилъ вьюшки. Какой-то старикъ сталъ останавливать его, говоря:

— Что ты дѣлаешь? Расхищаешь! Вѣдь усадьба все равно наша будетъ. Это негоже печки портить.

— Ну, тамъ наша не наша, — дѣловито сказалъ мужикъ, тащившій вьюшки: — можетъ, будетъ твоя, а можетъ, и не твоя, а у меня вотъ дома нонѣ печку перекладываютъ, такъ мнѣ эти и годятся.

Добрыя, старыя вина, добытыя изъ стараго подвала, произвели свое дѣйствіе и вездѣ оставили свои слѣды и въ видѣ пустыхъ бутылокъ и всякой нечисти, и въ видѣ настроенія попировавшихъ. На ступенькахъ кухоннаго крыльца спала баба, — можетъ быть, и отъ усталости,—у амбара на землѣ подъ телѣгой спалъ, разметавъ по сторонамъ руки, мужикъ со слѣдами сардинокъ и варенья на бородѣ. Посреди двора два мужика и двѣ бабы, отнимая другъ у друга награбленное, ругались и дрались, собравъ вокругъ себя толпу, судившую, кто правъ, кто виноватъ. Молодой рыжеватый курчавый парень не ограничился барскимъ домомъ, а побывалъ и въ людскихъ, и стащилъ у кучера великолѣпную гармонику. Теперь, надвинувъ шапку на затылокъ, пьяный парень ходилъ взадъ и впередъ по двору и, наигрывая на гармоникѣ что-то жгучее, выкрикивалъ:

— Я къ забавочкѣ ходилъ,
Новы сапожки сносилъ;
Не жалѣлъ я сапоговъ,
Потѣшалъ свою любовь!

Преданной своимъ господамъ Зосѣ не было никакихъ выгодъ участвовать въ дѣлежѣ расхищаемаго имущества: пришлая, ни съ чѣмъ здѣсь не связанная, она знала, что на господскія милости она можетъ разсчитывать еще и въ Петербургѣ. И съ искреннимъ участіемъ и самопожертвованіемъ она хлопотала, какъ бы теперь выручить барыню съ барышней изъ тяжелаго положенія. Она нашла пріятеля работника, тотъ заложилъ рабочую лошадь въ телѣгу и, незамѣченный въ ряду другихъ мужицкихъ телѣгъ, выѣхалъ къ боковой калиткѣ сада на малопроѣзжую полевую дорогу. Зося уговорила Софью Петровну бѣжать этимъ путемъ, и Софья Петровна пошла. Попавшіеся навстрѣчу мужики и бабы дали ей дорогу и, насмѣшливо поглядывая на нее, повидимому, еще ничего не рѣшали, какъ поступить съ владѣльцами имущества, которое сейчасъ безъ колебаній грабили. Сама Софья Петровна молчала и уходила, какъ бы ничего не слыша, не видя.

Привычка повиноваться старшимъ заставила и Зину пойти безпрекословно за матерью. Но, вся охваченная интересомъ къ совершающемуся, Зина съ такимъ трепетнымъ вниманіемъ смотрѣла по сторонамъ, стараясь уловить всѣ подробности разгрома, какъ будто эта картина казалась ей такой привлекательной, какой она еще никогда не видала.

Зося усадила ихъ въ телѣгу.

— Вы, барыня, уѣзжайте, а я останусь; я, что̀ можно, укараулю, спасу, да и вамъ лучше: какъ я здѣсь буду, такъ никто васъ еще не хватится, а въ случаѣ чего—скажу, что вы заперлись у себя наверху.

Едва Софья Петровна съ Зиной на своей телѣгѣ успѣли съ малой полевой дороги выбраться на большую, какъ имъ повстрѣчалась тройка Андрея Ѳедоровича. Онѣ остановились, и Груздевъ съ удивленіемъ призналъ тещу и свояченицу въ сѣдокахъ телѣги.

Софья Петровна разсказала ему, что̀ случилось, и уговаривала его не ѣздить въ усадьбу.

Груздевъ сначала хотѣлъ отправить ихъ въ своей коляскѣ въ городъ, а самъ на телѣгѣ вернуться.

— Не безпокойтесь, chère belle-mère, — съ самоувѣренной улыбкой говорилъ онъ:—со мной они такъ разговаривать, какъ съ вами, не посмѣютъ. За мной сейчасъ же идутъ солдаты; черезъ часъ или черезъ полтора они будутъ здѣсь. Я тѣмъ временемъ захвачу виновныхъ съ поличнымъ и буду знать, кого надо арестовать.

*

— Да, но они могутъ убить васъ, — съ сомнѣніемъ отвѣтила Софья Петровна, подавленная горемъ.

— Не убьютъ! — храбрясь, сказалъ Груздевъ: — я первому мерзавцу, который посмѣетъ подойти ко мнѣ, всажу пулю въ лобъ.

Но потомъ, пораздумавъ, онъ сказалъ:

— А вотъ я боюсь за васъ: чтобы съ вами чего-нибудь не случилось. А тамъ въ усадьбѣ, конечно, я одинъ пока-что уже ничего не спасу.

Софья Петровна, грустно покачавъ головой, сказала:

— Да и спасать уже нечего: все растащено.

Груздевъ помолчалъ, подумалъ и потомъ рѣшительно сказалъ:

— Садитесь. Я довезу васъ до города. Я вѣдь только о васъ и безпокоился, такъ спѣшилъ. Теперь, зная, что вы въ безопасности, я успѣю прибыть туда съ войскомъ.

Поступая такъ, онъ не только побаивался за себя, но и считалъ неудобнымъ пріѣхать въ усадьбу въ телѣгѣ: онъ боялся, что этимъ будетъ нарушенъ престижъ власти. А послать Софью Петровну съ Зиной въ телѣгѣ въ городъ тоже казалось неудобнымъ.

Они сѣли всѣ вмѣстѣ въ коляску и направились къ городу. Работнику въ телѣгѣ велѣно было не возвращаться въ усадьбу, а ѣхать также въ городъ. Груздевъ хотѣлъ имѣть въ немъ свидѣтеля-очевидца разгрома при докладѣ губернатору.

А въ усадьбѣ, между тѣмъ, еще и черезъ часъ и черезъ два послѣ отъѣзда Софьи Петровны продолжали разносить все, что̀ еще оставалось нерастащеннымъ отъ огромнаго имущества. Изъ мебели остались пока еще на мѣстахъ только самыя громоздкія, не легко сдвигаемыя вещи. Вытаскавъ всѣ вьюшки и выломавъ печныя дверцы во всѣхъ печкахъ, отвинчивали ручки у дверей и рамъ. Кто еще былъ потрезвѣе, тащили что̀ можно, — пьяные, съ пѣснями, уже уѣзжали со двора.

Только молодой парень, овладѣвшій кучеровой гармоникой, не обращая теперь ни на кого вниманія, сидѣлъ на террасѣ и, какъ изступленный, наяривалъ плясовой мотивъ.

Старая баба, въ обтрепанной посконной юбкѣ и заплатанной, вылинявшей ситцевой кофтѣ, подошла къ нему и рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ сказала:

— Ну, Васютка! Будетъ тутъ тебѣ барствовать-то! Подымайся! Я телѣгу увязала — къ дому пора.

Парень было-пріостановился; пьяными глазами посмотрѣлъ на мать; улыбнулся во всю ширь; не вставая, перекинулъ ногу съ одной на другую, — и громче прежняго заревѣла у него въ рукахъ гармоника.

И въ этотъ мигъ, какъ отдаленный раскатъ грома, послышался въ полѣ за усадьбой грохотъ барабана. Подходили солдаты.

А. Луговой.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ

И

ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе.

XXII *).

Въ то время, какъ равноапостольные братья Кириллъ и Меѳодій вели въ Тавридѣ мирную проповѣдь и разыскивали мощи святого Климента, нѣсколько сотъ русскихъ кораблей, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, неожиданно подступили къ Константинополю 18-го іюня 860 года,—тѣхъ кораблей, которые еще недавно, чуть не наканунѣ, осмѣлились сдѣлать нѣсколько дерзкихъ набѣговъ на византійскія владѣнія въ Тавридѣ. Но то были, очевидно, первыя попытки, а теперь русскіе обложили столицу съ моря и съ суши. Императора Михаила не было въ столицѣ; онъ былъ въ Малой Азіи, въ походѣ противъ арабовъ, а городомъ управлялъ стратегъ Никита Орифа. Въ нашествіи русскихъ видѣли кару Божію.

„Развратная столица — говоритъ историкъ — преобразилась. Ростовщики стали творить милостыню; забывшіе о храмѣ сдѣлались вдругъ богомольными. Вмѣсто веселія—всюду угрюмыя лица, поникшіе взоры. Плачъ и рыданія оглашали воздухъ. Изрѣдка разносился хотя и ложный, но страшный слухъ: — Варвары

---

*) См. выше: октябрь, 556 стр.

(т.-е. русскіе) уже перелѣзли черезъ стѣны и взяли городъ". Пока дано было знать императору объ опасности, патріархъ Фотій среди общаго унынія, прерываемаго литіями и моленіями, произнесъ первое слово о нашествіи русскихъ, которое исторія сохранила намъ полностью. „Не теперь надлежало рыдать, — поучалъ энергичный пастырь, — а быть благоразумными во всю жизнь; не теперь раздавать богатства, когда и самъ не знаешь, будешь ли владѣть ими, а раньше воздерживаться отъ чужого, когда настоящая кара еще не постигла насъ; не теперь оказывать милость, когда жизнь готовы отнять у насъ, а раньше, когда у насъ была власть; не теперь ходить ко всенощнымъ службамъ, ударять себя въ грудь, воздѣвать руки къ небу и стенать, когда на насъ направлены острыя жала смерти, а раньше упражняться въ добрыхъ дѣлахъ и раскаиваться въ злыхъ дѣяніяхъ. Горе мнѣ, что вижу, какъ туча варваровъ увлажняетъ кровію окаменѣвшій во грѣхахъ городъ нашъ! Горе мнѣ, что дожилъ до этихъ несчастій и нѣтъ исхода изъ нихъ! Уже грубые и жестокіе варвары расхищаютъ городскія предмѣстія! Проливайте слезы, ибо умножилось зло—и нѣтъ спасителя, нѣтъ помощника! Настало, братіе, время прибѣгнуть къ Матери Слова, единой нашей надеждѣ и прибѣжищу. Къ Ней воззовемъ съ благоговѣніемъ: спаси городъ Твой, какъ сама знаешь, Владычица! Помолимся Ей, дабы разсѣяла тучи враговъ и озарила насъ лучами спасенія. Ея молитвами да избавимся отъ настоящаго гнѣва!"

Окого 20-го іюня, возвратился императоръ и съ трудомъ проникъ въ столицу. Объ оборонѣ никто не думалъ,—такъ всѣ были убиты бѣдствіемъ, и уже 24-го іюня Михаилъ началъ переговоры съ русскими о мирѣ, а 25-го заключилъ „миръ и любовь", и въ тотъ же день, послѣ обнесенія вокругъ города патріархомъ раки съ ризой Богоматери, русскіе, получивъ хорошій откупъ, отступили отъ Константинополя, а вмѣстѣ съ ними отошла, по выраженію Фотія, и „страшная гроза"; народъ вмѣстѣ съ митрополитомъ возблагодарилъ Заступницу за избавленіе отъ ожидаемаго плѣна.

Послѣ ухода русскихъ, опустошившихъ византійскую казну, положеніе импер. Михаила, и безъ того непрочное, стало еще болѣе шаткимъ. Въ это время въ придворныхъ сферахъ сталъ выдвигаться нѣкій Василій, прозванный Македоняниномъ, такъ какъ его мать была македонская славянка. Въ молодости Василій былъ простымъ конюхомъ, но, благодаря своему атлетическому сложенію и красотѣ, скоро сталъ замѣтенъ на столичномъ гипподромѣ, гдѣ собиралась вся византійская знать, до безумія

увлекавшаяся ристалищами и выше ставившая конюховъ и жокеевъ, чѣмъ своихъ правителей.

Василій воспользовался своими внѣшними качествами, приблизился къ императору, также увлекавшемуся гипподромомъ, и не менѣе того женщинами, а еще болѣе попойками, за чтò Михаилъ получилъ почти лестное въ его время прозваніе „кесарянъяницы". Василій не дремалъ: снискалъ довѣріе и дружбу императора, возвысившаго его до степени куропалата (собственно — смотрителя дворца, а по нынѣшнему — министра двора) и незамѣтно собиралъ вокругъ себя недовольныхъ правленіемъ, и въ одну изъ осеннихъ ночей 867 г. вывелъ пьянаго Михаила изъ дворца и предательски убилъ его. Въ ту же ночь, византійскій Биронъ, такой же безпощадный въ преслѣдованіи своихъ враговъ, какъ и курляндскій конюхъ, былъ провозглашенъ императоромъ, подъ именемъ Василія I (867 — 886), и тѣмъ положилъ основаніе македонской, собственно славянской династіи.

Правленіе умнаго и энергичнаго Василія прошло въ жизни Херсонеса очень тихо. При этомъ императорѣ городъ выпускалъ собственную мѣдную монету съ начальной буквой имени императора и крестомъ. Въ раскопкахъ эта монета—самая распространенная. Она не чеканная, а литая, грубой работы. Подобная же монета встрѣчается съ перерывами и позднѣе, вплоть до Василія II и Константина IX (975—1025). По мнѣнію Косцюшки-Валюжинича, такая монета выдѣлана, несомнѣнно, на мѣстѣ. „Она—говоритъ Косцюшко—вытѣсняетъ всякую другую и прямо поражаетъ своимъ обиліемъ". Въ раскопкахъ найдено и нѣсколько золотыхъ монетъ съ именемъ Василія I и его сына, соправителя Константина VI, но не мѣстнаго чекана.

Конецъ IX-го и начало X-го вѣка прошли въ жизни Херсонеса также спокойно. — Разъ только лѣтопись отмѣчаетъ, что херсонесцы, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ императора Льва VI (наслѣдника и сына Василія, 886—912), который велъ крайне неудачную борьбу съ болгарами, возстали и умертвили императорскаго намѣстника, стратега Симеона (около 891 г.). Но причины такого возстанія не ясны.

Сосѣдніе съ Херсонесомъ хозары въ этотъ періодъ все болѣе и болѣе теряютъ значеніе. Ихъ тѣснитъ новое тюркское племя—мадьяры или, какъ ихъ называютъ византійскіе историки, турки, а за ними явились изъ-за уральскихъ степей этнографически родственные мадьярамъ печенѣги; они оттѣснили отъ Херсонеса не только хозаръ, но и мадьяръ, которые должны были искать новыхъ кочевій далѣе на западѣ, а сами печенѣги на довольно

долгое время стали не только сосѣдями Херсонеса, но и его помощниками въ торговлѣ съ сѣверомъ и востокомъ.

Послѣ упомянутаго нашествія русскихъ на Тавриду и Константинополь, связи русскихъ съ Тавридой и Византіей ростутъ и крѣпнутъ, и исторія Херсонеса, Византіи и Руси все болѣе и болѣе переплетаются. Херсонесъ въ это время сдѣлался главнымъ торговымъ пунктомъ, черезъ который направлялись товары Византіи, Малой Азіи и болѣе отдаленныхъ странъ на сѣверъ Руси и обратно. По замѣчанію проф. Будиловича, „Херсонесъ въ это время хотя и не былъ особенно близокъ къ Руси, но составлялъ для нея почти такой же неизбѣжный и знакомый рынокъ, какой для нашихъ деревень составляютъ ближайшіе къ нимъ города,—такъ какъ здѣсь русскіе пріобрѣтали для себя всѣ произведенія византійско-азіатской промышленности и искусствъ и сбывали свое сырье. Отсюда шло и христіанство, и современная наука. Такимъ образомъ, Херсонесъ былъ какъ бы культурнымъ мостомъ между Византіей и Русью".

По словалъ Константина Порфиророднаго, ближайшее къ Херсонесу племя печенѣговъ состояло въ договорѣ съ имперіей и несло службу въ сношеніяхъ Византіи и Херсонеса съ другими народами сѣвера. Посольства и караваны отправлялись изъ Херсонеса подъ охраной печенѣговъ, которые выдавали заложниковъ въ обезпеченіе безопасности пути, и за это получали отъ императора соотвѣтственные дары... О размѣрахъ торговли Херсонеса говоритъ большая премія, которую получалъ городъ отъ императора,—по словамъ Константина, десять литръ [1]) золота и еще двѣ по уговору.

Тотъ же вѣнценосный историкъ сообщаетъ, что византійскіе императоры должны были жить съ печенѣгами (какъ и съ хозарами) въ дружбѣ и добромъ согласіи, дабы удерживать повторявшіеся все чаще и чаще набѣги русскихъ на Византію и на Корсунь. Однако, въ данномъ случаѣ дружба съ печенѣгами мало помогала византійцамъ: набѣги русскихъ повторялись, и въ царствованіе того же Льва II русскій князь Олегъ Вѣщій „пошолъ на греки" и „прибилъ свой щитъ на вратахъ Царя-града" (около 907 г.), какъ говоритъ поэтъ, другими словами, возвратился съ побѣдой и хорошей добычей.

Въ 912 году скончался Левъ VI, прозванный за свою ловкую политику Мудрымъ, и властителемъ Херсонеса сталъ шестилѣтній сынъ Льва, Константинъ VII, прозванный Багрянород-

[1]) Единица вѣса—около фунта.

нымъ (Порфирогенетъ). За его малолѣтствомъ, короткое время (912 — 913) правилъ съ именемъ императора его дядя Александръ, родной братъ Льва, а затѣмъ, именемъ Константина правила его мать Зоя и совѣтники, среди которыхъ видную роль игралъ начальникъ флота Романъ Лакопенъ, изъ армянъ.

Къ этому времени относится интересное письмо константинопольскаго патріарха Николая Мистика къ епископу херсонесскому. Въ этомъ письмѣ патріархъ воздаетъ хвалу епископу за его заботы о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства какого-то народа, „обманутаго и едва не уловленнаго злымъ демономъ изъ нѣдръ благочестія“. Патріархъ предлагаетъ архипастырю Херсонеса избрать достойное лицо въ епископы для этого народа и прислать его въ Константинополь для посвященія. Отсюда ясно, что въ это время Херсонесъ въ лицѣ своихъ духовныхъ пастырей занимался самостоятельной проповѣднической дѣятельностью. А разъ дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, то, видно, миссіонерская дѣятельность была широка, а въ данномъ случаѣ и успѣшна.

Несомнѣнно, въ Херсонесѣ подготовлялась почва, чтобы въ будущемъ принять въ свое христіанское лоно и языческаго князя Владимира.

Роману при его умѣ не трудно было устранить отъ правленія непользовавшуюся популярностью Зою, захватить власть въ свои руки и править имперіей въ качествѣ регента и съ именемъ Романа I (919—945), а когда Константинъ подросъ, — Романъ выдалъ за него свою дочь Елену, захватилъ въ свои руки всю власть и придумалъ для себя титулъ „василеопатера“ (отца царя).

Въ правленіе Романа I, русскій князь Игорь совершилъ свой первый и неудачный походъ на Константинополь (941 г.). Патрицій Ѳеофанъ сжегъ „греческимъ огнемъ“ суда Игоря, и русскому князю пришлось возвратиться на родину сухимъ путемъ, занимаясь грабежомъ и разбоемъ.

Впослѣдствіи между Игоремъ и Романомъ былъ заключенъ договоръ, дошедшій до насъ полностью.

По договору, въ которомъ Херсонесъ вездѣ называется Корсунемъ, русскій князь не долженъ присвоивать себѣ власти надъ Корсунемъ, а равно русскіе не должны обижать корсунянъ, приходящихъ къ устью Днѣпра ловить рыбу, а равно русскій князь обязанъ защищать корсунянъ отъ нападеній „черныхъ болгаръ“.

Судя по этому договору, корсуняне уходили далеко на рыбный промыселъ, который, очевидно, составлялъ важную статью

народнаго хозяйства и доходовъ. Интересны дальнѣйшія подробности, сообщаемыя лѣтописцемъ по этому поводу. Присланные отъ императора въ Кіевъ послы сказали князю: „Царь радъ миру и хочетъ имѣть любовь съ княземъ русскимъ. Твои послы,— говорили они князю,—приводили нашихъ царей (Василія и Константина) къ присягѣ, а цари послали насъ привесть къ присягѣ тебя и мужей твоихъ".

На другое утро, Игорь собралъ пословъ своихъ на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Здѣсь князь и некрещенные русскіе положили свое оружіе, щиты и золото и клялись, а крещенные присягали въ церкви св. Ильи. По окончаніи присяги, Игорь одарилъ пословъ мѣхами, воскомъ и рыбой и отпустилъ ихъ.

Съ удаленіемъ Романа, вся полнота власти перешла къ Константину VII, который до этого вынужденъ былъ заниматься науками и искусствами и въ это время писалъ свое обширное сочиненіе „О фемахъ", т.-е. о византійскихъ провинціяхъ. До насъ дошло только три главы этой интересной исторіи, написанной державнымъ историкомъ, въ томъ числѣ и послѣдняя глава (53-я), относящаяся спеціально къ Херсонесу.

XXIII.

9-го ноября 959 года, скончался Константинъ Багрянородный, и на престолъ вступилъ его сынъ Романъ II (959—960), вмѣстѣ съ которымъ онъ изображался на позднѣйшихъ монетахъ, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ раскопкахъ Херсонеса. Еще за три года до смерти отца, юный Романъ II влюбился въ очень популярную въ столицѣ красавицу Анастасо. Стоустая молва называла ее дочерью столичнаго кабатчика, хотя оффиціальныя хроники называютъ ее „дѣвицей благороднаго происхожденія". Анастасо, когда стала входить въ моду, перемѣнила свое простонародное имя на болѣе звучное и аристократичное—Теофано. Лѣтописецъ и современникъ, Левъ Діаконъ, говоритъ, что „Теофано была самой замѣчательной и очаровательной красавицей и утонченнѣйшей женщиной своего времени".

Первымъ правительственнымъ актомъ новаго правителя Романа II было извѣщеніе всѣхъ государей о вступленіи на престолъ „василевса космократора" (царя и властителя міра) Романа II. Великолѣпныя грамоты, писанныя золотомъ, серебромъ и киноварью, смотря по значенію лица, были разосланы во всѣ концы

извѣстнаго въ то время міра и, между прочимъ, „Еленѣ, великой княгинѣ кіевской, благочестивой архонтессѣ Россовъ".

Царствованіе Романа II не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ въ жизни Херсонеса, и о немъ только говорятъ дошедшія до насъ въ большомъ числѣ мѣдныя монеты, носящія на себѣ нѣкоторые бюсты, большинство же—монограмму императора и крестъ.

Старыя дворцовыя интриги и заговоры на жизнь императора начались вскорѣ по вступленіи его на престолъ, и уже 15-го марта 963 г. столицѣ стало извѣстно, что императоръ внезапно заболѣлъ и скоропостижно скончался. Молва обвинила въ его смерти красавицу-жену, о связи которой съ извѣстнымъ полководцемъ и побѣдителемъ арабовъ Никифоромъ Фокой ходили упорные слухи.

За смертью мужа, Теофано сдѣлалась регентшей, такъ какъ оба ея сына, Василій II (род. 957 г.) и Константинъ VIII (род. 961 г.) были еще дѣтьми; кромѣ того, у нея было еще двѣ дочери — Ѳеодора, вышедшая впослѣдствіи замужъ за саксонскаго императора Оттона II, и Анна, родившаяся въ годъ смерти Романа и выданная потомъ замужъ за русскаго князя Владимира. По византійскимъ обычаямъ, оба малолѣтніе князя еще при жизни отца были вѣнчаны на царство, что въ то время было необходимо въ цѣляхъ упрочить за ними при помощи церкви шаткое право на престолъ.

Энергичный и счастливый въ войнѣ Никифоръ, находившійся въ то время въ Малой Азіи, поторопился возвратиться въ Константинополь, хотя и съ опасностью поплатиться головой у ногъ своего заклятого врага, евнуха Вринги, фактически правившаго имперіей. Никифору и здѣсь повезло: народъ его торжественно встрѣтилъ, какъ побѣдителя арабовъ; онъ ловко воспользовался моментомъ и, опираясь на преданную ему армію, принудилъ Врингу отказаться отъ должности, захватилъ власть въ свои руки, и 16-го августа того же года патріархъ Поліевктъ повѣнчалъ Никифора Фоку на царство, при живыхъ малолѣтнихъ императорахъ. Но Никифоръ былъ дальновиденъ и остороженъ: онъ именовалъ себя только „опекуномъ надъ царями самодержцами до ихъ совершеннолѣтія".

Черезъ мѣсяцъ послѣ вѣнчанія Никифора на царство, состоялось его бракосочетаніе съ Теофано, тяготившейся опекой двухъ старыхъ евнуховъ — министра и патріарха. Трудно, конечно, предполагать, чтобы 21-лѣтняя вдова могла полюбить 50-ти-лѣтняго угрюмаго, сухого и некрасиваго полководца. Скорѣе всего здѣсь игралъ простой житейскій разсчетъ.

Въ критическую минуту Никифоръ обратился къ крайне опасной финансовой мѣрѣ: уменьшенію вѣса монеты съ сохраненіемъ ея нарицательной стоимости. Фактъ, который надо знать археологу Херсонеса, чтобы не сбиться въ оцѣнкѣ монетъ этого времени. Правда, это была довольно обычная мѣра въ средніе вѣка, но въ данномъ случаѣ она переполняла чашу терпѣнія. А тутъ еще голодная столичная чернь по временамъ открыто негодовала на царя за то, что имъ не раздавались хлѣбъ, вино и деньги.

Надъ сѣдой головой угрюмаго Никифора все болѣе и болѣе сгущались тучи и готовилась буря-гроза, и въ то же время все ярче разгоралась заря новаго героя—счастливца армянина Іоанна Цимисхія, къ которому видимо тяготѣло и сердце Теофано. Молва уже говорила о связи Цимисхія съ красавицей-императрицей. Онъ не терялъ времени и съ помощью подкупленныхъ евнуховъ не только сносился съ Теофано, но даже видѣлся съ нею въ недоступныхъ постороннему покояхъ царскаго гинекея [1]). На этихъ свиданіяхъ рѣшено было убить Никифора съ тѣмъ условіемъ, что Теофано станетъ женой Цимисхія и сдѣлаетъ его царемъ.

Ждать было опасно; и вотъ, въ ночь съ 10-го на 11-ое декабря 969 г., заговорщики, переодѣтые въ женскія платья, по одному были проведены въ гинекей. Теофано лично скрыла ихъ въ безчисленныхъ комнатахъ и закоулкахъ дворца. При наступленіи роковой ночи, Никифоръ получилъ записку такого содержанія: „Царь! знай: этой ночью тебѣ готовятъ ужасную смерть. Прикажи обыскать гинекей: тамъ спрятаны люди, пришедшіе убить тебя“. Царь приказалъ начальнику евнуховъ обыскать весь дворецъ, но тотъ не нашелъ никого.

Былъ пятый часъ утра, когда, по словамъ одной арабской лѣтописи, Теофано сама ввела заговорщиковъ въ опочивальню. Цимисхій вошелъ послѣднимъ. Заговорщики, примѣтивъ отягченнаго дремотой и обманутаго ласками жены императора, который по обыкновенію спалъ въ углу комнаты, на шкурѣ пантеры, подъ образомъ Спасителя и Богоматери, бросились на него точно хищные звѣри, и одинъ изъ нихъ уже ошеломилъ ударомъ меча пробудившагося отъ шума императора, который только успѣлъ сказать: „Божья Матерь, помоги мнѣ!“, какъ на него набросился самъ Цимисхій съ угрозой и бранью... Медлить было нельзя и опасно; тогда одинъ изъ заговорщиковъ наноситъ царю смертельную рану ножомъ...

---

[1]) Женская половина дворца.

Съ Никифоромъ все было кончено, и Цимисхій торопился облечься въ царскія одежды. Убійцы, сторонники Цимисхія, и прибѣжавшіе защищать Никифора кричали въ царскихъ покояхъ: „Многая лѣта самодержцу Іоанну, нашему великому государю! Многая лѣта царямъ нашимъ Василію и Константину!“

Веселый, обаятельный и обладавшій исполинской силой Іоаннъ Цимисхій, въ то же время отличный полководецъ и искусный дипломатъ, приложилъ всѣ усилія, чтобы искупить хорошимъ правленіемъ свое позорное дѣяніе надъ императоромъ, которому нѣкогда самъ помогалъ облечься въ порфиру. Патріархъ отказался короновать Цимисхія, пока онъ не оправдается въ убійствѣ. Тогда Цимисхій свалилъ вину на Теофано и не только не принялъ ея руки, но даже удалилъ ее въ монастырь, а самъ женился на царевнѣ Ѳеодорѣ, дочери Константина Багрянороднаго, и еще больше своего предшественника напомнилъ о правахъ юныхъ царевичей, Василія II и Константина VIII. Все это, вмѣстѣ взятое, разомъ создало популярность новому правителю.

Вскорѣ Цимисхію представился случай поправить ошибку Никифора въ отношеніи Святослава, который, въ началѣ 971 г. захвативъ у болгаръ Переяславецъ и въ надеждѣ дальнѣйшихъ побѣдъ и завоеваній, уже сообщилъ въ Царьградъ: „Хощю на вы ити и взяти вашъ градъ, яко и сей“. Однако, весной того же года Цимисхій и съ суши, и со стороны рѣки окружилъ Святослава гораздо болѣе сильнымъ и войскомъ, и флотомъ. Русскій князь выдержалъ тяжелую двухмѣсячную осаду, послѣ которой вынужденъ былъ заключить миръ, главнымъ условіемъ котораго Святославъ далъ такое обязательство: „Яко же николиже помышлю на страну вашю, ни собираю вой, ни языка иного не приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Греческою, ни на власть Корсунскую и елико есть городъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да и никто помыслитъ на страну вашю, да и азъ буду противненъ ему и борюся съ нимъ“.

Такимъ образомъ, по этому миру Херсонесъ съ его владѣніями не только избавлялся на нѣкоторое время отъ покушеній на него русскихъ, но они даже приняли на себя обязательство охранять его родъ отъ постороннихъ покушеній. Отсюда же ясно, что Херсонесъ того времени все еще имѣлъ большое значеніе въ механизмѣ Византійской имперіи, разъ въ условіяхъ мира о немъ говорятъ первымъ, даже тогда, когда русскіе не дѣлали и покушеній на богатый торговый городъ.

Однако, несмотря на мудрое правленіе Цимисхія, не долго свѣтилась на небѣ его звѣзда. Въ августѣ 975 г., когда Ци-

мисхій возвращался изъ побѣдоноснаго похода въ Сирію, появилась, по словамъ историка Льва Діакона, „удивительная, необыкновенная, превышающая человѣческое понятіе комета“. Современные астрологи увѣряли, что она предвѣщаетъ царю что-то недоброе. Другіе, уже post factum, утверждали, что комета между прочими бѣдствіями предрекала и взятіе Херсонеса Владиміромъ. Дѣйствительно, 10-го января 876 г. почти внезапно скончался Цимисхій. Молва упорно твердила, что его опоилъ ядомъ его же первый министръ, евнухъ Василій.

XXIV.

Константинополь, въ ту эпоху, занималъ мѣсто современнаго Лондона или Парижа, а Херсонесъ Таврическій былъ громаднымъ по тому времени торговымъ центромъ.

„Византійцы—говоритъ Герцбергъ—были тогда почти единственными посредниками восточно-азіатской торговли того времени съ западными и сѣверными странами, такъ какъ всѣ индійскіе и китайскіе товары приходили къ нимъ по средне-азіатской караванной дорогѣ и чрезъ Хозарскую землю. Византійскія монеты преобладали въ тогдашнемъ мірѣ, за исключеніемъ восточныхъ халифатовъ, и византійцы снабжали западныя страны нужной имъ золотой монетой, которая обращалась тамъ нѣсколько вѣковъ позднѣе“...

Относительно наукъ и искусства говорить нечего: Константинополь стоялъ во главѣ всей Европы. Какъ было, при такихъ условіяхъ, не принять религію Царьграда и не породниться съ его царскимъ домомъ. И русскій князь Владиміръ рѣшилъ это сдѣлать. Для этого надо было отправиться либо въ Константинополь, либо въ Корсунь.

Идти въ столицу Византіи съ войскомъ было далеко, трудно и не по средствамъ, а безъ войска—для русскаго князя, грозившаго имперіи походомъ, и не безопасно; къ тому же здѣсь онъ рисковалъ жизнью, и могъ не получить руку Анны. И Владиміръ *мирно* направился въ Корсунь; отсюда онъ разсчитывалъ воздѣйствовать на царей и здѣсь же положить начало своей грандіозной реформы, обновившей всю Русь. Но почему же онъ, однако, шелъ съ большимъ войскомъ? На это было много причинъ. Во-первыхъ, было небезопасно двигаться по враждебнымъ печенѣжскимъ степямъ, гдѣ еще не такъ давно сложилъ голову князь Святославъ съ своей вѣрной, но усталой дружиной.

Во-вторыхъ,—не гоже было великому князю правителю Русской земли идти на крещеніе съ малымъ числомъ людей. Да, наконецъ, для воздѣйствія, надо было имѣть съ собой внушительныя силы. Владиміръ собралъ ихъ и весной 988 г. былъ подъ стѣнами Корсуня. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ ближайшій свидѣтель событій, лѣтописецъ Несторъ.

„Въ лѣто 6496 (988 г.) иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьский, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, и задали града стрѣлище едино [1]), и боряхуся крѣпко изъ града; Володимеръ же объстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: „Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта". Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воа своа и повелѣ приспу [2]) сыпати къ граду. Симъ же спущимъ Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть и поношаху к себѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. И се мужъ Корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, написавъ сице на стрѣлѣ: „Кладези, яже суть за тобою отъ вътока, изъ того вода идетъ по трубѣ, копавъ, перейми".

„Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: „Аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещу". И ту абье повелѣ копати преки трубамъ и преяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашеся. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его и посла Володимеръ ко царема Василью и Костянтину, глаголяще сице: „Се градъ ваю славный взяхъ; слышу же се, яко сестру имате дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, якоже и сему створихъ". И слышаста царя, быста печальна и вздаста вѣсть, сице глаголюща: „Не достоить хрестеаномъ за поганыя даяти; аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нама единовѣрникъ будеши; аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя.

„Се слышавъ, Володимеръ рече посланымъ отъ царю: „Глаголите царема тако: яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дней законъ вашъ и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послани нами мужи". И си слышавша царя рада быста и умолиста сестру свою, имяненемъ Аньну и посласта къ Володимеру, глаголюща: „Крестися и тогда послевѣ

[1]) Разстояніе полета стрѣлы.
[2]) Насыпь.

сестру свою къ тобѣ". Рече же Володимеръ: „Да пришедъше съ сестрою вашею, крестятъ мя"...

Въ греческой церкви существовалъ обычай, какъ видно изъ требника, давать крещаемымъ имена святыхъ, какіе придутся чрезъ седмицу дней послѣ крещенія. Въ 988 г., Пасха Христова была 8-го апрѣля; св. Василія Пармскаго было 12-го апрѣля, а св. Василія Амасійскаго—26-го апрѣля. Посему можно думать, что крещеніе Владиміра, нареченнаго Василіемъ, если не совершено въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, что непремѣнно отмѣтилъ бы лѣтописецъ, еслибы это ему было извѣстно, то за семь дней до того или другого Василія, т.-е. 5 или 19 апрѣля".

Прежде всего съ положительностью можно утверждать, что Владиміръ принялъ въ крещеніи имя Василія не въ память ближайшаго святого, а въ честь императора, какъ и Ольга. Далѣе, если даже принять,—какъ говоритъ лѣтописецъ,—что Владиміръ остановился и обложилъ городъ съ бухты,—другими словами, прибылъ сюда воднымъ путемъ,—такъ для этого надо имѣть Днѣпръ свободнымъ, а онъ освобождается ото льда только въ концѣ марта, а часто и въ апрѣлѣ. И кромѣ того, надо было имѣть достаточно времени, чтобы отсюда дойти съ цѣлой эскадрой до Херсонеса, а самый походъ начать зимой или съ началомъ распутицы. Да и всѣ послѣдующія событія должны были совершиться съ чрезвычайной быстротой, чтобы Владиміръ успѣлъ креститься даже 19-го апрѣля. До этого, должна была кончиться начатая осада, получено согласіе императоровъ и Анны, долженъ былъ состояться пріѣздъ ея въ Херсонесъ и необходимо было все подготовить къ совершенію великихъ христіанскихъ таинствъ. Все это было бы слишкомъ скоро, если принять въ соображеніе, что въ то время не было ни пушекъ, ни пароходовъ, ни телеграфовъ, и все совершалось помощью рукъ и попутнаго вѣтра.

Въ виду указаннаго, соображеній епископа Филарета признать нельзя, и мы полагаемъ, что крещеніе Владиміра совершилось не весной 988 г., а нѣсколько позднѣе, и во всякомъ случаѣ не ранѣе лѣта, или даже осени того же года. А быть можетъ, даже и въ слѣдующемъ—989 г. Эта дата (если она не ошибочна) совпадаетъ съ показаніемъ современнаго историка Льва Діакона, единственнаго византійскаго писателя, обмолвившагося всего нѣсколькими словами по поводу этого важнаго въ исторіи Руси событія, которое и для Византіи имѣло немалое значеніе.

Левъ Діаконъ въ своей хроникѣ вспоминаетъ о Херсонесѣ попутно, по поводу появленія на небѣ въ ночь на 7-е апрѣля 989 г. огненныхъ столбовъ (метеоры или сіянье), „которые на-

водили страхъ на всѣхъ, кто ихъ видѣлъ“, и въ которыхъ Левъ Діаконъ прочелъ презнаменованіе взятія Херсонеса тавро-скиѳами, т.-е. руссами (выражалось этимъ названіемъ презрѣніе). Интереснѣе всего то, что историкъ ни словомъ не обмолвился о царевнѣ Аннѣ. Очевидно, въ политическомъ мірѣ рука византійской принцессы цѣнилась тогда очень низко.—Этой же даты держится и баронъ Розенъ, подвергшій подробному изслѣдованію этотъ вопросъ [1]). Академикъ Васильевскій, основываясь на словахъ арабскаго лѣтописца Аль-Мекина (ум. въ 1275 г.), кстати сказать, единственнаго послѣ Льва Діакона иностраннаго писателя, упоминающаго объ этихъ событіяхъ, полагаетъ, что взятіе Херсонеса не стоитъ въ связи съ крещеніемъ Владиміра, и что походъ Владиміра на Херсонесъ совершенъ не до крещенія въ 988 г., а „много позже того“.

Но такъ ли это?—Аль-Мекинъ пишетъ слѣдующее: „И взбунтовался открыто Варда Фока, и приглашалъ людей признать его за царя во второмъ Джумада 377 г. (т.-е. 987 г.), и овладѣлъ всѣми землями Румъ (грековъ) до береговъ моря. И стало важнымъ дѣло его, и боялся царь Василій боязнью великою. И истощились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ Руссовъ; они же были его врагами; а онъ просилъ у него помощи. И царь Руссовъ согласился на это и просилъ родства съ нимъ. И женился царь Руссовъ на сестрѣ Василія, царя Грековъ, послѣ того какъ онъ (Василій) поставилъ условіемъ принять христіанство и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его владѣній. А не было у нихъ до этого времени духовнаго закона и не вѣровали они ни во что. И они — народъ великій, а съ этой поры всѣ они стали христіанами по сіе время. И отправился царь Руссовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василія и соединился съ нимъ. И оба они сговорились пойти на встрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушею и моремъ, и обратили его въ бѣгство, и завладѣлъ Василій всѣмъ своимъ государствомъ и побѣдилъ Варду Фоку и убилъ его“ (въ апрѣлѣ 989 г.).

Показанія Льва Діакона и слова Аль-Мекина — по мнѣнію Васильевскаго — „въ корнѣ подрываютъ авторитетъ русскаго лѣтописнаго сказанія“ и даютъ нашему академику право утверждать, что „взятіе Херсонеса вовсе не находилось въ прямой связи съ крещеніемъ русскаго князя“.

---

[1]) См. его монографію — „Импер. Василій Болгаробойца“... 1883.

Извѣстный историкъ русской церкви, профессоръ Голубинскій, въ своемъ недовѣріи къ лѣтописцу Нестору идетъ еще далѣе. Основываясь на житіи св. Владиміра, написанномъ монахомъ Іаковомъ, вѣроятно, нѣсколько раньше этой части Несторовой лѣтописи, а именно на словахъ: „На другое лѣто по крещеніи Володимеръ къ порогамъ ходи, на третье лѣто Корсунь городъ взя", — полагаетъ, что Владиміръ крестился за два года до похода въ Херсонесъ, т.-е., приблизительно въ 987 г., и кромѣ того проф. Голубинскій полагаетъ, что Владиміръ крестился не въ Корсунѣ, а въ Василевѣ.

Однако, какъ намъ кажется, они оба глубоко заблуждаются и даже впадаютъ въ ошибку, довѣряя мимолетной замѣткѣ византійскаго историка, такъ мало интересующагося даннымъ фактомъ, — или краткимъ словамъ арабскаго ученаго, которому даже не было извѣстно имя русскаго князя и который пишетъ почти черезъ триста лѣтъ послѣ истекшихъ событій; они довѣряютъ нашему лѣтописцу, который отмѣчалъ эти событія черезъ 85—90 лѣтъ послѣ крещенія Владиміра, т.-е. когда если не могъ почерпнуть свѣдѣній у очевидцевъ событій (хотя и это возможно), то узналъ подробности крещенія князя отъ дѣтей очевидцевъ [1]).

Всякій, кто читалъ нашу лѣтопись, не могъ не замѣтить, что княженіе Владиміра лѣтописецъ излагаетъ въ самомъ обширномъ объемѣ. По мнѣнію нашего покойнаго академика Сухомлинова, „Владиміра можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи; подвиги его изображались съ наибольшей подробностью и живымъ сочувствіемъ". И эти подробности, и сочувствіе лѣтописца, ясно показываютъ, насколько онъ интересовался описываемыми событіями. Кромѣ того, Несторъ, несомнѣнно, понималъ все значеніе крещенія князя и, конечно, приложилъ все стараніе, чтобы собрать возможно полныя, возможно точныя свѣдѣнія, касающіяся этихъ событій, и изъ самыхъ надежныхъ источниковъ; всѣ эти событія онъ иногда излагаетъ съ ясностью очевидца. Вспомнимъ, какъ онъ говоритъ о запискѣ, брошенной Анастасомъ, о самомъ крещеніи и уходѣ Владиміра изъ Херсонеса.

Обратимъ вниманіе и на хронологію — порядокъ лѣтъ, — что имѣетъ важное значеніе въ лѣтописяхъ. „Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, — говоритъ Сухомлиновъ, — примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ при-

[1]) Несторъ, какъ извѣстно, родился около 1056—57 года и 17-ти лѣтъ, т.-е. около 1064 г., поступилъ въ Кіево-Печерскую лавру.

чинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ служатъ сто-семь лѣтъ, означенныхъ въ древней лѣтописи, но не описанныхъ; значитъ, они были выставлены прежде нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія".

А если такъ, то событія, относящіяся ко временамъ Владиміра, могли быть занесены въ первые списки лѣтописи очень близко къ моменту совершенія этихъ событій (замѣтимъ—дѣло списыванія лѣтописей и житій такихъ людей, какъ Владиміръ, считалось богоугоднымъ), а это давало право лѣтописцу говорить объ извѣстныхъ фактахъ точно, съ положительностью и также смѣло отрицать нелѣпые слухи о крещеніи Владиміра гдѣ-либо помимо Херсонеса, а тѣмъ болѣе въ какомъ-то маленькомъ и никому неизвѣстномъ Василевѣ, что совершенно не вяжется ни со значеніемъ самаго факта крещенія, представлявшимъ собой только начало великой реформы, ни съ характеромъ князя Владиміра, любившаго пышность и всякія торжества и пиры.

Въ томъ же житіи монаха Іакова говорится, что послѣ крещенія и бракосочетанія „сотвори Владимиръ чреженіе [1]) веліе убогимъ и страннымъ, и вдовицамъ, и по улицамъ многіе сосуды повелѣ поставляти всякаго брашна исполнены, питія множество отъ меду и вина и олуя, еже есть пиво, и отъ всякаго овощія, и еже кто что требоваше невозбранно съ радостію насыщашеся".—„Се же не свѣдуще право глаголитъ,—яко крестился есть Володимеръ Кіевѣ, иніи же рѣша въ Василевѣ".

Послѣ этого, никто, думаю, не остановится передъ отвѣтомъ на вопросъ: кому больше вѣрить—Льву Діакону, Аль-Мекину или лѣтописцу Нестору?

Этимъ я не хочу сказать, что въ нашей лѣтописи — только непреложная точность. Нѣтъ, нисколько: ошибки и обмолвки возможны и у самыхъ серьезныхъ современныхъ писателей.

Но прежде чѣмъ закончить наше повѣствованіе о Владимірѣ, два слова о корсунянинѣ Анастасѣ, предавшемъ городъ Владиміру. Кажется, всѣ историки и повѣствователи называютъ его священникомъ или епископомъ, а между тѣмъ для этого нѣтъ никакихъ основаній. Нашъ лѣтописецъ называетъ его просто „мужъ Корсунянинъ, имянемъ Настасъ". Далѣе, въ томъ же мѣстѣ читаемъ: „Володимеръ же (по браченію) поемъ царицу и Настаса и попы Корсуньски". Опять не упоминается званіе На-

---

[1]) Угощеніе.

стаса. Ниже, подъ 989 г., говорится: „И наченши Володимиръ Кіевѣ здати церкви пресвятыя Богородицы и яко сконча, украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину и попы Корсунскыя пристави служити въ ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ въ Корсуни: иконы, и сосуды, и кресты". — И здѣсь ни слова о профессіи Анастаса. Но, несомнѣнно, онъ не былъ священникомъ—иначе было бы помянуто его званіе и скорѣе всего ему была бы поручена кіевская церковь, заключавшая корсунскія церковныя принадлежности, старостой которой онъ и былъ назначенъ, чѣмъ Владиміръ отблагодарилъ и отмѣтилъ услугу корсунянина.

Прошло двадцать-семь лѣтъ со времени завоеванія Херсонеса и крещенія Владимира „И боляше (онъ) велми, въ ней же болѣсти и скончася мѣсяца іуля въ 15 день (1015 г.). Умре же на Берестовѣмъ и потаиша. Ночью же межю двему клѣтми проимавше помостъ, обертѣвши въ коверъ и ужи свѣсиша на землю; възложьше и на сани [1]), везъше поставиша въ святѣй Богородици, юже бѣ создалъ самъ. Се же увѣдѣвше людье, безчисла снидошася и плакашася по немъ, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложиша и въ корсту мороморяну [2]), схраниша тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя. Се есть новый Костянтинъ великаго Рима, иже крестися самъ и люди своя. Дивно же есть се, колико добра створилъ землѣ Русьстѣй, крестивъ ю. Мы же хрестьяне суще, не воздаемъ почестья противу онаго возданья. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша".

Такъ закончилъ свои дни первый русскій завоеватель и властелинъ Херсонеса, горячо любимый народомъ, ласковый князь Владиміръ Красное Солнышко, признанный нашей церковью Равноапостольнымъ и причисленный къ лику святыхъ. День его ангела празднуется въ день его кончины 15-го іюля, когда благодарные потомки совершаютъ крестный ходъ изъ Севастополя въ Херсонесъ.

Владиміръ въ крещеніи, въ честь императора Византіи, мы видѣли, былъ названъ Василіемъ, но любившій его народъ удержалъ за нимъ его прозваніе и языческое имя, а церковь санкціонировала его.

Черезъ четыре года окончила свои дни и супруга Владиміра, княгиня Анна.

---

[1]) Въ то время покойниковъ возили на саняхъ даже лѣтомъ.

[2]) Мраморная гробница.

Умеръ Владиміръ, но осталось жить его великое наслѣдіе. „Религія объединила русскихъ и грековъ,—говоритъ Кулаковскій, —и культурное воздѣйствіе Корсуня на Приднѣпровье (а чрезъ него на всю Русь) стало болѣе живымъ и непосредственнымъ. Изъ Херсонеса шли въ Россію предметы христіанскаго культа и разнаго рода издѣлія изъ драгоцѣнныхъ металловъ, предметы роскоши и украшенія. Археологическія находки, сдѣланныя не только на территоріи Кіева и Кіевской земли, но и далекаго Новгорода, Рязани и другихъ мѣстъ, ясно говорятъ о торговомъ значеніи Херсонеса для Руси тѣхъ временъ". И такихъ предметовъ церковной и свѣтской утвари,—говоритъ проф. Кондаковъ, —вывозилась изъ Херсонеса масса. Они даже создали въ древности названіе стиля или пошиба корсунскаго. „И подъ этимъ именемъ въ древней Руси разумѣли не только все рѣдкое, высокое, но и чудное старинное".

Владиміръ, хотя и возвратилъ византійскимъ императорамъ Херсонесъ, но не порывалъ связей съ богатой Таврикіей, на которую, очевидно, имѣлъ большіе виды. Съ этой цѣлью онъ старался насколько возможно ослабить вліяніе хозаръ, которые опять начали властвовать здѣсь, послѣ того какъ печенѣги, нѣсколько разъ нападавшіе на Русь въ княженіе Владиміра, передвинулись далѣе на западъ къ берегамъ Дуная.

По византійскимъ источникамъ, Владиміръ въ послѣдній годъ своей жизни согласился съ византійскими императорами предпринять совмѣстный походъ противъ хозаръ. Походъ этотъ состоялся, хотя и не занесенъ въ русскую лѣтопись, причемъ хозары были разбиты и въ первомъ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ ихъ предводитель, по имени Цулъ.

„Упоминаніе объ этомъ событіи слишкомъ кратко,—говоритъ Кулаковскій,—но рѣчь идетъ о морскомъ походѣ (столос), а потому и можно догадываться, что театромъ военныхъ дѣйствій было побережье Азовскаго моря". Можно думать, что въ связи съ этимъ стоитъ тотъ фактъ, что Владиміръ послѣ своей смерти оставилъ своему младшему сыну Мстиславу Тмутараканскій удѣлъ, т.-е. нынѣшній Таманскій полуостровъ, который въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій былъ подъ властью хозаръ. Съ утвержденіемъ русскаго князя въ Тмутаракани, надо полагать, и Херсонесъ освобождается отъ опеки хозаръ.

XXV.

Возвращенный Владиміромъ Византіи Херсонесъ, исполнивъ великую роль въ исторіи земли Русской, ослабленный постоянными нападеніями и разрушеніями, мало-по-малу сходитъ съ исторической сцены. Свѣдѣнія о немъ попадаются все рѣже, и они становятся и скудны, и смутны.—Къ царствованію Комнена, Константина Дуки (1059 — 1067 г.), относится одна интересная надпись, найденная въ 1895 г. съ наружной стороны городской стѣны вблизи пристани. Надпись гласитъ: „Сооружены ворота желѣзныя преторскія, возобновлены и прочія ворота города при Исаакѣ Комненѣ, великомъ царѣ и самодержцѣ римскомъ (ромейскомъ), и Екатеринѣ, благочестивой Августѣ, заботами Льва Аліата, патриція и стратега Херсонесскаго и Сугдейскаго (Судака). Мѣсяца апрѣля, индикта 12, въ лѣто 6567“ (т.-е. 1059 г. по Р. X.).

Уже раболѣпное величаніе правителя, который съ трудомъ взобрался на тронъ и едва держался на немъ, и присутствіе въ Херсонесѣ стратига (губернатора) ясно показываютъ, въ какомъ подчиненіи имперіи въ то время находился городъ. — Сооруженіе главныхъ (преторскихъ) воротъ изъ желѣза и ремонтъ всѣхъ прочихъ воротъ—ясно говорятъ, что была необходимость оградить себя отъ окружавшихъ городскія владѣнія половцевъ, остатковъ печенѣговъ и хозаръ, а весьма вѣроятно и отъ покушеній на нихъ ставшихъ почти сосѣдями русскихъ, которые были очень близко къ Сугдеѣ, входившей въ Херсонесскую фему. За это до нѣкоторой степени говорятъ свѣдѣнія, которыя отмѣчены нашимъ лѣтописцемъ подъ 1066 годомъ. Въ это время въ Тмутаракани правилъ князь Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Мудраго, по словамъ лѣтописца, „мужъ добль, ратенъ, возрастомъ лѣпъ и красенъ лицемъ“. Непріятный сосѣдъ съ такими качествами!

Въ это самое время на политическомъ и торговомъ горизонтѣ стали выдвигаться итальянцы, собственно—генуэзцы. Они легко получили разрѣшеніе византійскаго императора плавать и торговать на Черномъ морѣ. А это въ корень подрывало торговлю, а слѣдовательно, и благосостояніе Херсонеса, все еще державшаго главныя нити торговли въ своихъ рукахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стала рости и богатѣть Сугдея (Судакъ). Корсуняне возстали и обратились съ жалобами къ бездарному наслѣднику

Константина Дуки—Михаилу VII (1071—1078), отдавшему туркамъ большую часть Малой Азіи и потерявшему владѣнія имперіи въ южной Италіи.

Михаилъ VII, хорошо извѣстный въ исторіи по столь необычному для правящей фамиліи прозвищу Парапинака, т.-е. „мошенника“ [1]), повидимому не обратилъ вниманія на жалобы корсунянъ и не принималъ мѣръ къ защитѣ интересовъ города. Это вызвало цѣлую бурю. Корсуняне возмутились и, вѣроятно, позволили себѣ насилія надъ византійцами,—судя по тому, что Михаилъ, занятый неудачной войной съ сосѣдями, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи русскаго великаго князя Всеволода и просилъ его послать отрядъ для усмиренія корсунянъ.

Русскому князю, искавшему усиленія своего вліянія въ Тавридѣ, это было на-руку, и онъ послалъ въ Корсунь отрядъ подъ командой своихъ сыновей, тмутараканскаго князя Глѣба и Владиміра, тогда еще 20-ти-лѣтняго юношу, отличавшагося колоссальной силой. Сохранилось преданіе о побѣдоносной борьбѣ этого Владиміра съ правителемъ Ѳеодосіи (Кафы), за что русскій князь получилъ почетное прозваніе „единоборца“—Мономаха. Повидимому, Всеволодъ и самъ собирался направиться въ Херсонесъ, но сверженіе Михаила VII помѣшало этому.

Судя по тому, что русскій князь послѣ низверженія Михаила удалилъ изъ Херсонеса свой отрядъ, можно думать, что Никифоръ, смѣнившій Михаила, не питалъ особыхъ симпатій къ русскимъ и ему не нравилось усиленіе ихъ въ Тавридѣ. Есть глухое указаніе, что въ царствованіе Никифора корсуняне отомстили русскимъ за усмиреніе ихъ при Михаилѣ тѣмъ, что захватили нѣсколько русскихъ судовъ.

Раздоры и дворцовая революція не прекращались во все царствованіе Никифора, который имѣлъ неосторожность, къ величайшему изумленію духовенства и всей столицы, вступить въ бракъ съ женой низверженнаго, но здравствовавшаго Михаила VII, красавицей Маріей, дочерью грузинскаго царя, женщиной рѣдкаго по своему времени образованія; она согласилась на этотъ незаконный бракъ, въ надеждѣ передать престолъ своему малолѣтнему сыну отъ Михаила. Но Никифоръ назначилъ преемникомъ другого. Тогда оскорбленная Марія, видя невозможность устроить такое наслѣдство для сына, перешла на сторону педо-

[1]) Дословно—„воръ четвертой части“. Прозванъ такъ за то, что во время голода издалъ приказъ покупать хлѣбъ только изъ кесарскихъ житницъ, гдѣ, съ согласія императора и перваго министра Никифорица, голодающимъ отпускалось только три-четверти того, что они должны были получить за свои деньги.

вольной Никифоромъ партіи, во главѣ которой сталъ извѣстный богачъ и командующій войсками въ Малой Азіи Алексѣй Комненъ, и сама содѣйствовала возведенію его на престолъ. Уже 1-го апрѣля 1081 г. Никифоръ долженъ былъ спасать свою жизнь въ св. Софіи, гдѣ на другой же день былъ коронованъ Алексѣй I Комненъ (1081—1118). „Въ первый разъ, по прошествіи пятидесяти лѣтъ,—говоритъ Герцбергъ,—опять взялъ въ руки бразды правленія великій человѣкъ и началъ трудную задачу: возстановить разрушившееся государство. Положеніе Византіи въ это время было критическимъ, и она была на краю гибели. Малая Азія—во власти бунтовщиковъ и турокъ; со стороны Италіи постоянно грозили норманны; и если исключить острова, то владѣнія Алексѣя ограничивались побережной полосой Малой Азіи и Балканскимъ полуостровомъ. Дисциплина въ народѣ и арміи была глубоко потрясена, администрація дезорганизована, связь областей съ центромъ ослабѣла, а на окраинахъ даже утрачена. И новый кесарь принялся все приводить въ порядокъ съ гигантской энергіей“.

Въ 1094 г. въ Херсонесъ былъ сосланъ самозванецъ, выдававшій себя за Константина, сына несчастнаго императора Романа Діогена. Самозванецъ вступилъ здѣсь въ сношенія съ половцами и бѣжалъ къ нимъ. Половецкіе князья повѣрили самозванцу и задумали посадить его на отчій престолъ. Въ 1095 г. они предприняли большой походъ за Дунай, перешли его и осадили Адріанополь. Однако походъ кончился неудачно для самозванца: онъ попалъ въ плѣнъ, былъ ослѣпленъ и этимъ закончилъ свою авантюру.

Въ томъ же году, по разсказу, къ которому иные относятся съ недовѣріемъ, въ отместку за ограбленіе русскихъ судовъ въ предыдущее царствованіе, русскіе князья Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ и Ярославъ Ярополковичъ совершили походъ на Херсонесъ, пригласивъ съ собою хозаръ. При Кафѣ (Ѳеодосіи) русскіе одержали побѣду, и Херсонесъ будто бы заключилъ миръ, обязавшись возвратить корабли и уплатить военныя издержки“. Надо думать, что какое-то столкновеніе русскихъ съ корсунянами въ это время дѣйствительно было, но трудно себѣ представить, чтобы все это разыгралось подъ стѣнами Кафы, а не Херсонеса.

Въ то время какъ Херсонесъ находился подъ большимъ давленіемъ половцевъ, Алексѣя Комнена тѣснятъ турки и особенно норманны. Противъ послѣднихъ Алексѣй съумѣлъ пріобрѣсть дѣятельную помощь быстро крѣпшаго и завоевывавшаго многіе

рынки венеціанскаго флота. Помимо своей цвѣтущей торговли съ Византіей и Западомъ, венеціанцы стремились развить коммерческія сношенія съ мусульманскими странами и Востокомъ настолько, насколько это было возможно безъ прямого столкновенія съ имперіей. И херсонесцы, благодаря свободѣ плаванія венеціанцевъ по Черному морю, скоро почувствовали на себѣ тяжелую руку венеціанскихъ купцовъ, которые не считали Херсонесъ достаточно удобнымъ для нихъ портомъ и тяготѣли къ болѣе близкимъ къ востоку—къ Судаку и Ѳеодосіи. Опираясь на венеціанскій флотъ, за отсутствіемъ надежнаго собственнаго, Алексѣй Комненъ къ концу своего труднаго 37-лѣтняго царствованія (ум. 15 августа 1118 г.), расширилъ свои сѣверныя границы до Дуная и вновь пріобрѣлъ всѣ побережья Малой Азіи и укрѣпилъ ихъ. Умирая, Алексѣй Комненъ передалъ престолъ сыну своему Іоанну II (1118—1143), который нанесъ большое пораженіе половцамъ, послѣ чего Херсонесъ, если и не освободился окончательно отъ опаснаго и тяжелаго сосѣдства, то во всякомъ случаѣ оно стало болѣе легкимъ и безопаснымъ.

Далѣе свѣдѣнія о Херсонесѣ становятся еще рѣже, отрывочнѣе и неопредѣленнѣе.

Въ царствованіе богато одареннаго физически и нравственно сына Іоанна II, Мануила I (1143—1180), вспоминаетъ о Херсонесѣ (Карсунь) арабскій географъ Эдризи, посѣтившій Тавриду около 1150 года. Страну, къ которой принадлежитъ это побережье, Эдризи называетъ Хазаріей, какъ называютъ ее въ этомъ и послѣдующемъ вѣкѣ итальянскіе, собственно генуэзскіе и венеціанскіе, писатели, вспоминающіе о ней. Но надо знать, что Эдризи писалъ свои записки среди итальянцевъ—въ Сициліи.

Итальянцамъ дарованныя Византіей права казались недостаточными. Имъ хотѣлось бо̀льшаго. „Мысль уничтожить въ конецъ Византійское царство—говоритъ Герцбергъ—уже носилась въ воздухѣ среди западныхъ народовъ „папистовъ", ненавидѣвшихъ греческихъ „схизматиковъ", съ которыми было столько непріятныхъ столкновеній, начиная съ перваго крестоваго похода (1096 г.). Генуэзцы и венеціанцы, еще такъ недавно невольно облагодѣтельствованные Византіей, первые же открываютъ противъ нея разрушительный походъ. Весной 1204 г., въ правленіе Алексѣя V, союзныя войска четвертаго крестоваго похода были уже въ окрестностяхъ Константинополя, утромъ 13-го апрѣля столица Византіи перешла въ руки франкскихъ завоевателей, а 16-го мая того же года торжественно короно-

ванъ въ св. Софіи и возсѣлъ на престолъ Константина Великаго маркграфъ фландрскій Балдуинъ, какъ глава учреждаемаго на развалинахъ Византійской имперіи феодальнаго государства—Романіи".

XXVI.

Завоеваніе Византіи нанесло смертельный ударъ и Херсонесу, такъ какъ всѣ берега Чернаго моря свободно открылись для торговыхъ оборотовъ итальянскихъ республикъ, которыя уже не были связаны никакими обязательствами.

Ставъ вполнѣ независимымъ, Херсонесъ, всегда такъ упорно оберегавшій свою индивидуальность, вскорѣ послѣ паденія Византіи вошелъ и, надо думать, безъ принужденія, въ удѣлъ трапезундскихъ Комненовъ. Послѣдніе потомки Комненовъ, собственно внуки свирѣпаго Андроника, трагически погибшаго отъ руки Исаака Ангела,—Алексѣй и Давидъ,—при содѣйствіи и помощи знаменитой грузинской царицы Тамары, дальней ихъ родственницы, основали на сѣверныхъ берегахъ Малой Азіи новое царство. Мѣстныя греческія войска, а частью и бѣжавшія изъ Византіи, признали царемъ 22-лѣтняго Алексѣя, и онъ началъ править при содѣйствіи брата, избравъ своей столицей Трапезундъ. Этого-то Алексѣя признали своимъ царемъ и таврическіе греки съ Херсонесомъ во главѣ.

Однако покровительство трапезундскаго Комнена не спасло Херсонесъ отъ дальнѣйшаго паденія. До насъ дошелъ одинъ агіографическій памятникъ, а именно слово Лазаря Трапезундскаго о чудесахъ св. Евгенія. Здѣсь, между прочимъ, разсказывается, какъ однажды изъ Тавриды шелъ греческій корабль съ начальствомъ, которое везло ежегодную дань трапезундскому царю отъ Херсонеса и Готскихъ Климатовъ. Буря вмѣсто Трапезунда занесла судно въ Синопъ; здѣсь его захватилъ въ плѣнъ намѣстникъ султана, Рейсъ Гетумъ. Богатая сравнительно добыча прельстила султана, и онъ распорядился послать отдѣльный отрядъ пограбить Херсонесъ и ближайшія владѣнія... Гетумъ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе: совершенно опустошилъ Херсонесскую область и съ награбленной добычей возвратился въ Синопъ.

Съ этого времени начинается, можно сказать, систематическое разграбленіе и разрушеніе Херсонеса, и послѣдующая исторія города—одна его мартирологія.

Не успѣли херсонесцы оправиться отъ погрома турокъ, какъ

съ сѣвера появились полчища татаръ. Они настолько тѣснили городъ, что трапезундскій намѣстникъ счелъ невозможнымъ долѣе оставаться въ городѣ, и долженъ былъ покинуть Херсонесъ. Мало помогали ему и его ближайшіе сосѣди—алланы, которые, по словамъ современника, еп. Ѳеодора, „жили по близости отъ Херсона столько же по своей волѣ, сколько и по желанію херсонесцевъ, какъ нѣкое огражденіе и охрана".

Но противъ сильныхъ татаръ алланы было плохой охраной, особенно послѣ того какъ татары разбили въ 1224 г. русскихъ и половцевъ при р. Калкѣ и почуяли въ себѣ великую силу. Забравшись въ Тавриду, которая съ этого времени чаще называется татарскимъ именемъ Крымъ, они здѣсь чувствовали себя полными хозяевами. И, какъ повѣствуетъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Атиръ, вскорѣ послѣ пораженія на Калкѣ многіе русскіе купцы и богачи, проживавшіе въ Херсонесѣ, боясь, вѣроятно, мести татаръ, нагрузили на суда, что было цѣннаго, и отправились къ берегамъ Малой Азіи. Но и тутъ не повезло корсунянамъ: когда они уже приближались къ городской пристани, одно судно погибло. Остальнымъ корсунянамъ тоже навѣрно не сладко жилось при такомъ режимѣ. А тутъ еще генуэзцы, воспользовавшись своимъ вліяніемъ, вынудили императора Андроника отказаться отъ торговли съ Херсонесомъ и не посылать болѣе своихъ судовъ въ Крымъ. Сами же одно время задержали чуть не всѣ херсонесскія суда, отправлявшіяся на соляные промыслы или на рыбную ловлю. А въ 1248 г. надъ самимъ Херсонесомъ разразилась тяжелая гроза: его разбили полчища Ногая.

Однако живучій городъ держался. Въ 1253 г. плылъ мимо Херсонеса по пути изъ Константинополя въ Судакъ и далѣе въ Золотую Орду посолъ Людовика IX, Рюисбрукъ (Рубруквисъ), о которомъ упоминали мы выше. Въ своемъ дневникѣ онъ отмѣтилъ, что въ то время Херсонесъ былъ самостоятельнымъ, ни отъ кого независѣвшимъ городомъ, который свою самостоятельность получалъ цѣною дани татарамъ.

Прошло нѣсколько рабскихъ, томительныхъ лѣтъ въ жизни разслабленнаго Херсонеса. Какъ вдругъ до корсунянъ донесся радостный слухъ, что мелкій никейскій царекъ Михаилъ Палеологъ, 15 августа 1261 г., при содѣйствіи генуэзцевъ, возвратился въ Константинополь и овладѣлъ имъ. Въ глазахъ грековъ это было своего рода воскрешеньемъ ихъ царства. И лучъ надежды озарилъ корсунянъ; они уже видѣли помощь возродившейся имперіи. Но надежда на лучшее оказалась напрасной.

Жадные генуэзцы за свою, правда, большую услугу потребовали отъ Палеолога соотвѣтствующей благодарности, и скоро получили отъ него широкое право исключительной торговли по берегамъ всего Чернаго моря. Послѣ чего они прочно обосновались въ мѣстности Өеодосіи, которая быстро разрослась въ богатый торговый центръ съ новымъ именемъ—Кафы.

Естественные враги генуэзцевъ венеціанцы, успѣвшіе уже широко развить свою торговлю на Черномъ морѣ, тоже вскорѣ добились у Палеолога и для себя привилегій. Онъ и имъ разрѣшилъ поселиться въ Крыму, и они выбрали себѣ Сугдею (Судакъ), которую именовали по своему—Солдайя.

Могъ ли хотя какъ-нибудь бороться Херсонесъ противъ двухъ такихъ сильныхъ соперниковъ? Конечно, нѣтъ. И бывшему властелину черноморской торговли—Херсонесу—приходилось погибать въ своемъ безсиліи. Онъ обѣднѣлъ, но не терялъ къ себѣ уваженія: съ его мнѣніемъ считались. Такъ, хорошо извѣстно, что въ 1280 г., на соборѣ въ Константинополѣ присутствовалъ среди прочихъ и епископъ херсонесскій Левъ. Но хозяевами Херсонеса въ это время, повидимому, были татары. Это можно вывести изъ того, что въ Степенной Книгѣ между 1280 и 1284 гг. отмѣчена женитьба князя смоленскаго и ярославскаго, Өедора Ростиславича Чернаго, на дочери хана Менгу-Темира. При чемъ указывается, что ханъ подарилъ своему зятю 36 городовъ, въ числѣ коихъ называется и Корсунь. Однако за точность этого свѣдѣнія ручаться нельзя, такъ какъ Степенная Книга составлена значительно позднѣе, хотя составитель могъ пользоваться современными событію источниками.

Около 1300 г., по арабскимъ источникамъ именно въ 1298 г., надъ Херсонесомъ опять стряслась большая бѣда. Въ Крымъ забрались турки, конечно, не въ качествѣ туристовъ, а съ цѣлью пограбить. Татары, считавшіе себя хозяевами мѣстности, преслѣдовали грабителей, и турки бѣжали черезъ Херсонесъ. Татары не оставили своимъ вниманіемъ не только преслѣдуемыхъ, которые тащили, что̀ могли, но и мирныхъ гражданъ, которыхъ за оказанную услугу обирали, какъ умѣли. Но еще болѣе пострадали отъ татаръ въ это время главные враги Херсонеса—Сугдея и Кафа. Они отказались платить татарамъ дань; а въ Кафѣ даже былъ убитъ внукъ Ногая, который былъ посланъ для сбора дани. Тогда обозленный Ногай явился на побережьѣ съ огромнымъ войскомъ, опустошилъ рядъ городовъ, а Кафу сжегъ, причемъ было перебито множество купцовъ различной національности.

Такое бѣгство чрезъ Херсонесъ прямо показываетъ, что нѣкогда грозная и могучая городская стѣна, сдерживавшая цѣлыя арміи и полчища, теперь не могла защитить отъ горсти мародеровъ.

Можетъ быть, многострадальный и выносливый Херсонесъ съумѣлъ бы оправиться и отъ этихъ нашествій и погромовъ. Но злая судьба преслѣдовала его. Ненасытные итальянцы, главнымъ образомъ генуэзцы, несмотря на то, что торговля ихъ по берегамъ Чернаго моря разрослась и достигла блестящаго состоянія, а главная ихъ факторія Кафа называлась даже таврическимъ Константинополемъ, все же еще боялись и умирающаго Херсонеса. Пользуясь своимъ флотомъ и силой, они, въ 1350 г., яко бы по договору, въ дѣйствительности же силой захватываютъ Херсонесъ и запрещаютъ византійцамъ торговлю по берегамъ Чернаго моря, а въ Херсонесъ даже совершенно запрещаютъ входить грекамъ для какихъ бы то ни было цѣлей, и торговлю здѣсь разрѣшаютъ *только итальянцамъ*. Другими словами, лишаютъ Херсонесъ всѣхъ правъ состоянія, существованія и связываютъ его по рукамъ и по ногамъ. А чтобы онъ не могъ выкрутиться изъ этихъ невозможныхъ условій, хитрые генуэзцы тутъ же рядомъ съ Херсонесомъ, въ маленькомъ Чембало (Балаклавѣ) устраиваютъ отдѣльную факторію и сажаютъ сюда своего консула (1357 г.).

Безсильный и почти безземельный византійскій императоръ Іоаннъ Кантакузенъ не могъ ни отмѣнить запрещенія итальянцевъ, ни препятствовать устройству ихъ факторіи, которую генуэзцы поторопились укрѣпить надежными башнями, грозные остатки которыхъ высятся и понынѣ надъ маленькой Балаклавой.

Такимъ образомъ, торговля, которой Херсонесъ былъ обязанъ своимъ прежнимъ величіемъ, совершенно упала. Городъ обнищалъ, херсонесская епархія обѣднѣла.

Словомъ, вся торговля и власть были теперь въ рукахъ итальянцевъ, ярыхъ католиковъ, ненавидѣвшихъ „коварныхъ схизматиковъ грековъ“. Они тѣснили ихъ, гдѣ могли, и нигдѣ не давали схизматикамъ хода. „Колоніи итальянцевъ—говоритъ Кулаковскій—задолго до описываемыхъ событій были опорными пунктами римско-католической пропаганды, направленной не только на невѣдавшихъ христіанства кочевниковъ, но и на греческихъ схизматиковъ“. Миссіонерская дѣятельность возложена была на орденъ миноритовъ, которые вызвали цѣлый рядъ каѳедръ на побережьѣ Чернаго моря.

Такъ, уже въ 1318 г. возникла епископская каѳедра въ Кафѣ. Ее занималъ францисканецъ Джироламо. Въ 1333 г., существовали каѳедры въ Херсонесѣ и Боспорѣ; первую занималъ англичанинъ Ричардъ, вторую — итальянецъ Францискъ де Камарино. Первый имѣлъ свою каѳедру въ церкви св. Климента. Къ обоимъ этимъ епископамъ вмѣстѣ обращалъ свое посланіе папа Іоаннъ, поучая ихъ искоренять схизму.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если между тѣснимыми отовсюду таврическими архипастырями возникалъ споръ изъ-за каждаго обола. Тянулись эти споры годами и въ данномъ случаѣ едва не дошло до убійства слѣдователя-іеромонаха. Послѣ чего дѣло было передано на рѣшеніе константинопольскаго патріарха. Въ документахъ, касающихся этой многолѣтней тяжбы, нерѣдко указывается на бѣдность херсонесской митрополіи; и, основываясь на свидѣтельствахъ о бѣдности, патріашій судъ въ 1390 г. постановилъ: „Мѣстность Кинсанусъ и всѣ приморскія мѣста: Фуна, Аланія, Алуста, Ламбадъ, Партенита, Сикита, Хрихари возвратить херсонесскому митрополиту“.

Однако этимъ дѣло не кончилось, и въ слѣдующіе годы митрополиты херсонесскій и сугдейскій опять являются въ Константинополь съ своими жалобами и тяжбой. Наконецъ, въ 1396 г., патріархъ вызываетъ обоихъ митрополитовъ въ Константинополь для слушанія дѣла по новому обвиненію херсонесскаго сугдейскимъ — на этотъ разъ въ томъ, что херсонесскій митрополитъ, „получивъ довольно денегъ“, дозволилъ благословить пятый бракъ, ранѣе сего воспрещенный сугдейскимъ.

Судъ долженъ былъ состояться въ апрѣлѣ 1397 г. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила до насъ резолюціи суда, и неизвѣстно, какую кару понесъ безпокойный и сребролюбивый херсонесскій архипастырь, презрѣвшій церковный уставъ.

Есть точныя свѣдѣнія, что въ 1440 г. для Херсонеса былъ рукоположенъ патріархомъ константинопольскимъ Митрофаномъ митрополитъ херсонесскій; имя архипастыря остается пока неизвѣстнымъ, и по имѣющимся свѣдѣніямъ это—послѣдній архипастырь Херсонеса, но самый фактъ назначенія сюда митрополита показываетъ, что Херсонесъ, потерявшій всякое торговое значеніе и всѣ средства къ существованію, все еще считался болѣе или менѣе важнымъ духовнымъ центромъ, сохранявшимъ старыя традиціи и крѣпость православія, — что, какъ намъ кажется, служило одной изъ причинъ преслѣдованія его итальянскими католиками.

Несмотря на то, что Херсонесъ въ то время, можно сказать,

находился въ агоніи, итальянцы не могутъ разстаться съ нимъ и продолжаютъ держать въ немъ отдѣльнаго консула, хотя рядомъ, въ Чембало, находится ихъ бойкая и хорошо защищенная факторія. Такъ, въ дошедшемъ до насъ уставѣ для генуэзскихъ колоній въ Крыму, отъ 28 февраля 1449 года, сказано, что „чиновники колоній за утвержденіе въ должности платятъ государственный налогъ: консульства Горзоніи—четыре сонма, а Джалиты и Алусты—по два сонма". Размѣры налога показываютъ, что Херсонесу генуэзцы придавали въ то время бо̀льшее значеніе, чѣмъ Алуштѣ и Ялтѣ.

Пока совершаются эти событія, турки все ближе и ближе подходятъ къ Константинополю.

Весной 1453 года 165 тысячъ турецкихъ войскъ и 145 судовъ окружили столицу имперіи и съ моря, и съ суши. Императоръ Константинъ XI Палеологъ дѣлалъ послѣднія попытки сопротивленія, рѣшивъ скорѣе погибнуть въ неравномъ бою, чѣмъ безславно сдать столицу, все еще великолѣпную и полную прежняго величія. — И вотъ, въ ночь на 29 мая начался послѣдній предсмертный бой византійцевъ, теперь уже соединившихся съ итальянцами, для отраженія общаго врага. Подъ звуки набата, звонъ колоколовъ, подъ стенанія женщинъ и дѣтей, горячо молившихся во всѣхъ церквахъ, удалось отбить первыя аттаки турокъ. Но къ утру туркамъ удалось прорваться въ городъ, и въ полдень султанъ Магометъ II торжественно вступилъ въ Константинополь, теперь уже турецкій Стамбулъ. Магометъ вошелъ въ св. Софію, занялъ византійскій престолъ; главный мулла прочелъ мусульманскій символъ вѣры, и величественный соборъ Юстиніана перешелъ во владѣнье ислама и на куполѣ вмѣсто креста засіяла луна.

Магометъ пожелалъ видѣть своего соперника; но его уже не было въ живыхъ: тѣло Константина было найдено среди павшихъ при защитѣ. Султанъ разрѣшилъ похоронить его съ царскими почестями, но голову царя приказалъ отрубить и до вечера выставить на видномъ мѣстѣ, чтобы всѣ могли убѣдиться въ его смерти.

Такъ палъ послѣдній византійскій императоръ Константинъ XI Палеологъ; такъ свершилось одно изъ величайшихъ событій въ исторіи Европы, рѣшившее дальнѣйшую участь Херсонеса и всего Крыма, послѣдствія котораго чувствуются и теперь. Послѣ взятія Константинополя, султанъ немедля осадилъ Галату, генуэзскую часть города, разрушилъ ея стѣны, отдалъ на раз-

16*

грабленіе дома и имущество жителей, а ихъ самихъ разогналъ или продалъ въ рабство.

Послѣ такого разгрома, сношенія Генуи съ ея крымскими колоніями стали очень затруднительными, потому что приходилось переплыть Босфоръ, оба берега котораго были въ рукахъ турокъ. Однако храбрые генуэзскіе капитаны не разъ благополучно проскакивали чрезъ проливъ и доставляли въ Кафу боевые запасы и войско. „Явился — говоритъ Кулаковскій — другой путь, по которому поддерживались сношенія метрополіи съ колоніями, начавшими увядать, а именно черезъ Молдавію, Венгрію и далѣе на Западъ". Но и здѣсь, въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, генуэзцы не оставляютъ Херсонесъ въ покоѣ. Городъ это время фактически не существовалъ; едва оставалась его тѣнь, но и она не даетъ покоя назойливымъ итальянцамъ, которымъ надо было торопиться спасать свою шкуру. Такъ, отъ 1470 года до насъ дошло свѣдѣніе, что генуэзскій консулъ Кафы, Кьявройя (Chiavroia), предлагалъ своему правительству „окончательно разрушить стѣны и башни необитаемаго города, дабы турки не заняли его и не укрѣпили вновь". Ясно, что въ это время твердыни Херсонеса не были окончательно разрушены и въ хорошихъ рукахъ могли еще служить надежнымъ оплотомъ. Поэтому предложеніе кафскаго консула было частью приведено въ исполненіе.

Такъ кончилъ свои дни нѣкогда богатый и славный Херсонесъ. Но вотъ скоро стряслась бѣда и надъ врагами его. Въ 1475 году, у береговъ Крыма появилась эскадра султана, который до этого устраивалъ завоеванное царство и который считалъ, что съ завоеваніемъ Константинополя ему принадлежитъ все, чѣмъ владѣла имперія, въ томъ числѣ и ея шаткія владѣнія въ Крыму. При этомъ посѣщеніи турецкія войска уничтожили богатую Кафу и нѣсколько другихъ городовъ, а жителей ихъ по обыкновенію перебили, разогнали или увели въ плѣнъ.

Ослабѣвшіе къ этому времени татары уже не могли оказать сопротивленія туркамъ. Чуя крѣпкую силу турокъ, они поторопились бросить свою открытую столицу Солхатъ (Старый Крымъ), замкнулись въ хорошо закрытомъ ущельемъ Бахчисараѣ (1458 г.) и признали надъ собой главенство султана, который, однако, обязался назначать хановъ изъ рода Гиреевъ, и татары остались владѣльцами степныхъ пространствъ полуострова. Съ тѣхъ поръ древнее, звучное имя Тавриды смѣнилось грубымъ татарскимъ — Крымъ.

Такимъ образомъ, Херсонесъ и весь Крымъ отошли во владѣніе Оттоманской имперіи.

XXVII.

Послѣ этого, болѣе ста лѣтъ имя Херсонеса не попадаетъ на страницы исторіи. И только въ 1578 г. посланникъ польскаго короля Стефана Баторія къ крымскому хану, Мартынъ Броневскій, посѣтилъ Херсонесъ, и вотъ что нашелъ онъ: „Достойныя удивленія развалины явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда былъ великолѣпный, богатый, славный и многолюдный городъ, съ отличной пристанью. У самаго берега пристани, а также во всю ширину перешейка, отъ одного берега моря до другого, еще и теперь возвышается высокая стѣна, многочисленныя и большія башни изъ огромныхъ тесанныхъ камней.

„У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые ведутъ воду за четыре мили отъ города. Въ нихъ и теперь еще есть очень чистая вода.

„Городъ уже много вѣковъ (?) стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ одни развалины и опустошенія. Сохранившіяся стѣны и башни обнаруживаютъ удивительное искусство. Царскій дворецъ съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами виденъ въ той же части перешейка. Но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпантина, мѣста которыхъ и теперь еще видны внутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для ихъ собственныхъ домовъ и публичныхъ зданій. Оттого городъ пришелъ въ еще большее разрушеніе: не видно даже и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій. Дома лежатъ во прахѣ и сравнены съ землею... Большой греческій монастырь остался въ городѣ. Стѣны его храма еще стоятъ, но безъ кровли, а всѣ украшенія этого зданія разрушены и разграблены“.

Еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ, Херсонесъ (Корсунь) упоминается въ „Книгѣ Большого Чертежа“, составленной по повелѣнію царя Михаила Өедоровича. За этотъ періодъ о Херсонесѣ успѣли настолько забыть, что не знали даже истиннаго его географическаго положенія.

Извѣстный историкъ временъ Екатерины II — Татищевъ даже не хотѣлъ признать совершенно вѣрное указаніе „Книги Большого Чертежа“, что Херсонесъ находится въ 30 верстахъ отъ Бахчисарая, и говорилъ: „Въ Большомъ Чертежѣ, описуя Крымъ, (авторъ) Корсунь городъ кладетъ отъ Бакчисарая 30 верстъ, *токмо оное самымъ писателемъ вымышлено*“.

Да и не одинъ Татищевъ забылъ положеніе Херсонеса,—

забыли его и другіе старые историки, и русскіе, и иностранные. Миллеръ искалъ его гдѣ-то у Керчи, Леклеръ и Девиль—у Ѳеодосіи, Билингъ—у Карасу-Базара, Нарушевичъ—у Козлова (Евпаторіи), Данвиль—при Керкенискомъ заливѣ. Даже въ самое недавнее время были попытки искать „древній“ Херсонесъ гдѣ-то вдали отъ современныхъ развалинъ.

Послѣ „Большого Чертежа“ прошло полтораста лѣтъ гробового молчанія о Херсонесѣ, и только почти наканунѣ присоединенія Крыма къ Россіи вновь вспоминаютъ о немъ. Въ 1773 г., мимо Херсонеса проѣзжалъ командующій русскими войсками, кн. Долгорукій. Въ поданной имъ императрицѣ реляціи, между прочимъ, значится: „Подлѣ берега лежитъ небольшая греческая деревня Акъ-Яръ, по коей и гавань именуется, а влѣво чрезъ гавань Акъ-Яра—Херсонъ, древнѣйшій во всемъ Крыму городъ. Развалившіяся стѣны съ высокими башнями показываютъ вдали четвероугольную его форму, но время не дозволяло ѣхать къ нему“...

23-го апрѣля 1783 года, Екатерина Великая въ манифестѣ объявила о присоединеніи Крыма къ русской державѣ, а 2-го мая русская эскадра, подъ командой адмирала Мекензи, въ составѣ одиннадцати судовъ съ 2.600 душъ команды, вошла въ Ахтіарскую бухту. Адмиралъ ошвартовалъ всѣ суда въ южномъ заливѣ бухты, очистилъ здѣсь лѣсъ и началъ строить казармы, адмиралтейство, магазины для провіанта, госпиталь и церковь во имя св. Николая. Командиры судовъ и офицеры начали также строить для себя дома вдоль берега южной бухты, а женатые матросы—на хребтѣ горы, гдѣ теперь Мичманскій бульваръ. Такимъ образомъ, было положено основаніе городу Акъ-яру или Ахтіару. Но вскорѣ, согласно господствовавшей тогда модѣ, онъ былъ переименованъ въ Севастополь, что означало—славный городъ. Въ то же время Потемкинъ командировалъ сюда подполковника Бальдани, для провѣрки показаній нашей лѣтописи и для снятій плана мѣстности Херсонеса, и ученаго нѣмца Габлица—для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній о Крымѣ.

Въ 1787 г., Екатерина совершила свое путешествіе въ Крымъ. Побывала она въ строящемся Севастополѣ и въ Херсонесѣ, и въ память посѣщенія была выбита медаль съ вензелемъ императрицы и надписью: „Царица Херсониса Таврическаго“. Отсюда Екатерина доѣхала только до Байдарскихъ воротъ (тогда перевала), и такъ была поражена красотой крымской природы, что, любуясь видомъ съ утесовъ перевала, назвала „Крымъ лучшей жемчужиной своей короны“. Восхищеніе императрицы и свиты,

конечно, поселило интересъ къ Крыму и въ частности къ Херсонесу. Въ 1793 году, мы уже видимъ здѣсь извѣстнаго академика Палласа, которому русское правительство поручило внимательно осмотрѣть и изслѣдовать Крымъ и особо Херсонесъ. И вотъ что пишетъ онъ въ своемъ знаменитомъ „Путешествіи", продолжавшемся почти два года:

„Окрестности Севастополя или Ахтіара представляютъ поистинѣ землю классическую. На каждомъ шагу вы наталкиваетесь на греческія древности, которыхъ прежде было здѣсь гораздо болѣе, *потому что городъ Ахтіаръ возникъ изъ развалинъ древняго Херсонеса*, каковый находится въ разстояніи двухъ верстъ отъ Ахтіара, на западной сторонѣ Карантинной бухты. При занятіи Крыма существовала еще большая часть стѣнъ Херсонеса, построенныхъ изъ прекрасныхъ тесанныхъ камней, прекрасныя городскія ворота и значительная часть крѣпкихъ башенъ, изъ которыхъ одна стояла надъ самой бухтой и еще при моемъ посѣщеніи, въ 1794 г., находилась въ порядочномъ состояніи. Но постройка города Ахтіара была причиной уничтоженія этого древняго города. Прекрасные квадеры были выкопаны даже изъ фундамента стѣнъ затѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома. Даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ мнѣ таковые не извѣстны. Мнѣ только удалось найти прекрасную надпись на бѣломъ мраморѣ временъ императора Зенона. Я нашелъ эту надпись у моего друга Габлица Видѣлъ я въ Ахтіарѣ еще и другія незначительныя надписи вмѣстѣ съ плохимъ барельефомъ, изображающимъ мужскую фигуру въ одеждѣ, со свиткомъ въ рукѣ, съ надгробной надписью. Ее сохраняютъ у церкви. Изъ неполной латинской надписи, которой сохранилась только половина, кажется можно заключить, что и генуэзцы владѣли этимъ городомъ. Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ *старомъ* Херсонисѣ, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезены прекрасная мраморная капитель, колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринѳскаго ордена, въ 4 пяди высоты и въ 3 пяди въ поперечникѣ, которую я видѣлъ у вице-адмирала Пустошкина. Въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря.

„Расположеніе улицъ и домовъ различать болѣе нельзя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено. При томъ большомъ населеніи, какое должно было здѣсь (въ древнемъ городѣ) находиться, объемъ города слишкомъ малъ, чтобы помѣстить всѣхъ жителей; большая часть

должна была помѣщаться внѣ города, на отдѣльныхъ участкахъ.

„Вокругъ города видны также различныя пещеры въ обрывахъ известняка, въ которыхъ, можетъ быть, помѣщались моряки приходившихъ сюда кораблей. Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, это доказываетъ находящееся менѣе, чѣмъ въ верстѣ отъ города, восьмиугольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на пять внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку, подземный ходъ въ 15 саженей длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется. За этимъ колодеземъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, повидимому, показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода.

„Кромѣ всѣхъ этихъ остатковъ, по всему Херсонесу встрѣчаются одиночно разсѣянныя зданія, изъ большихъ обтесанныхъ камней, бывшія, быть можетъ, башнями, построенными для безопасности деревенскихъ жителей на случай нападенія тавроскиѳовъ".

Таково было состояніе Херсонеса во время посѣщенія его Палласомъ, и такъ безжалостно растаскивали драгоцѣнные остатки древняго города основатели Севастополя. Къ позору нашему, тащилъ не только простой народъ, не понимавшій значенія и святости Херсонеса, а даже высшее интеллигентное начальство. Такъ, Палласъ указываетъ, что „генералъ Каховскій, пожалованный въ графы, намѣреваясь воздвигнуть часовню въ память своей супруги, приказалъ свезти (въ Георгіевскій монастырь) множество огромныхъ тесанныхъ камней изъ древнихъ сооруженій Херсонеса. Но это намѣреніе не осуществилось".

Нѣсколько позднѣе Палласа проживалъ въ Крыму (1799—1801) Петръ Сумароковъ, который очень близко познакомился съ Крымомъ и Херсонесомъ и свои замѣтки и наблюденія изложилъ въ интересныхъ „Досугахъ крымскаго судьи". „Погибшій Херсонесъ—писалъ Сумароковъ—предсталъ съ богатымъ завѣщаніемъ; повезли изъ него мраморъ, каменья, столбы, карнизы. Севастополь всѣмъ одолженъ до послѣдняго камушка древнему Херсонесу... Въ Херсонесѣ Ахтіаръ ископалъ всѣ свои украшенія, хотя сей градъ скрываетъ, конечно, еще довольно достопамятныхъ вещей для охотниковъ древности".

Почти одновременно съ Сумароковымъ побывалъ въ Крыму

и Херсонесѣ (въ 1801 г.) извѣстный англійскій путешественникъ Кларкъ (Clarke), оставившій по себѣ популярныя въ свое время „Travels in various countries of Europe et cet.“. Онъ тоже говоритъ о расхищеніи Херсонеса нами. Изъ ненависти ли къ русскимъ, или изъ сожалѣнія къ гибели цѣнныхъ историческихъ вещей, но строки его, относящіяся къ Херсонесу, насквозь пропитаны желчью. Русскіе — пишетъ Кларкъ — „взорвали фундаменты, разграбили могилы, разрушили храмы и, собравъ огромное количество камня и мрамора, наслаждались страннымъ удовольствіемъ продавать эти драгоцѣнные обломки какъ простой строевой камень“. И тутъ же прибавляетъ: „Турки люди полные вкуса и учености по сравненію съ русскими“.

Бертье-Делагарду очень не нравятся, какъ онъ самъ говоритъ; „общепризнанныя мнѣнія“ Палласа, Сумарокова, Кларка о расхищеніи Херсонеса. Онъ не хочетъ вѣрить имъ. И „старается доказать совершенную ихъ невѣрность“. Правда, можно еще не вѣрить Кларку, какъ иностранцу, не расположенному къ русскимъ и писавшему „cum ira et studio“, который, по словамъ Бертье, несмотря на то, что „гостепріимно былъ принятъ въ Крыму, имѣлъ всюду доступъ, все же выкралъ секретныя карты и съ наглостью хвастался этимъ предъ всей Европой, натравляя свое правительство на Крымъ и распространяя о Россіи безсмысленныя и гнусныя клеветы. Такъ что даже французы и нѣмцы, переводя Кларка, возмущались имъ и считали необходимымъ дѣлать разныя смягчающія примѣчанія“. При такихъ условіяхъ, конечно, можно не вѣрить Кларку, но съ Палласомъ и Сумароковымъ, которые долго жили въ Крыму, и которые говорятъ о расхищеніи, какъ очевидцы и съ гражданской скорбью, такъ поступить нельзя. И вотъ Бертье, чтобы доказать, что русскіе не расхищали Херсонеса, прибѣгаетъ къ странной аргументаціи. Начавъ съ того, что „средневѣковый Херсонесъ — не что иное, какъ полуварварскій городъ, о которомъ упоминается большею частью только потому, что онъ былъ, а вокругъ него, во всемъ Крыму, стояло уже совершенное, безпросвѣтное варварство; что это городъ, о которомъ только и говорятъ, что о его взятіи и разрушеніи“, — онъ, перечисливъ ихъ до послѣднихъ дней существованія Херсонеса и сообщивъ далѣе, безъ особыхъ основаній, что онъ не вѣритъ „полному очевидныхъ преувеличеній“ описанію Броневскаго, — заканчиваетъ свое возраженіе словами: „Я не нахожу словъ для выраженія той жалкой нищеты, того глубокаго архитектурнаго невѣжества и безграмотности, которыя съ непререкаемой ясностью встаютъ изъ раскопокъ Херсонеса. Развалины нашихъ самыхъ

бѣдныхъ слободъ покажутся совершенствомъ по сравненію съ херсонесскими". Отсюда выводъ: „Изъ Херсонеса русскіе ничего не тащили, такъ какъ и нечего было тащить".

Говорить такъ значитъ—намѣренно сгущать краски, впадать въ крайность и въ противорѣчіе съ самимъ собой. Да и для насъ важны не тѣ „жалкіе" остатки, которые сохранились отъ византійскаго Херсонеса послѣднихъ дней его жизни, вѣрнѣе— его медленной агоніи, а то, что находится между ними, подъ ними и внѣ стѣнъ городища—на мѣстѣ упокоенія почившихъ въ этомъ городѣ мертвыхъ.

Варварство среднихъ вѣковъ было такое же въ Херсонесѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ того времени. Жалкія развалины Херсонеса, сохранившіяся даже до временъ Бертье-Делагарда, были уже не такъ ничтожны, какъ хочетъ сказать самъ Бертье. Вѣдь изслѣдованію ихъ онъ посвящаетъ прекрасный обширный трудъ. А стоитъ ли изслѣдовать груду мелкихъ камней и мусора? Кто станетъ тратить на это время? Правда, здѣсь на мертвомъ урочищѣ — груды мелкаго мусора, но среди него за наше время открыта базилика Уварова, съ чуднымъ мозаичнымъ поломъ, который теперь составляетъ украшеніе Эрмитажа, и нѣсколько цѣнныхъ колоннъ и капителей; открыты и еще основанія церквей съ мозаичными полами, и въ общемъ найдено столько мрамора, что онъ окружаетъ толстой стѣной большой дворъ херсонесскаго музея; а тамъ,—за городской стѣной!.. И все это за послѣднее время, когда систематично ведутся раскопки. Все это вовсе не такъ ничтожно.

Не довѣряя Палласу, Бертье, повторяемъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Въ другомъ мѣстѣ самъ же Бертье говоритъ: „Описаніе Палласа — точное, ясное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко вѣрное, даже въ мелко спеціальныхъ вопросахъ". Тогда надо вѣрить, а не возражать. Да и трудно не вѣрить, разъ Палласъ, вмѣстѣ съ Сумароковымъ, долгое время былъ очевидцемъ разрушеній и расхищенія остатковъ города.

Послѣ этого странно слышать изъ устъ гр. Бобринскаго и его единомышленниковъ, будто „Бертье-Делагардъ блистательно доказалъ, насколько обвиненія въ расхищеніи русскими Херсонеса пристрастны и преувеличены". Нѣтъ, ужъ лучше сознаться въ своемъ варварствѣ, которое въ этомъ отношеніи мало измѣнилось у насъ со времени Палласа, чѣмъ уклоняться отъ истины. Это— грустно, но... правдиво.

Я думаю, теперь почтенный инженеръ-археологъ, подарившій науку прекрасными обширными изслѣдованіями по исторіи Херсо-

неса, и самъ откажется отъ своихъ словъ. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ Бертье-Делагарда свела съ прямой дороги та ошибочная мысль, несомнѣнно навѣянная Палласомъ, что доставшіеся намъ остатки города принадлежатъ „новому" Херсонесу, который уже при основаніи былъ чѣмъ-то мизернымъ, и что у Казачьей бухты надо искать другой—богатый „древній" Херсонесъ.

Расхищенія продолжались и послѣ Палласа и, вѣроятно, приняли грандіозные размѣры, судя потому, что въ 1805 г., какъ кажется, по инициативѣ академика Келера, командированнаго около этого времени въ Херсонесъ, состоялось высочайшее повелѣніе объ огражденіи отъ разрушенія и расхищенія памятниковъ въ Крыму. Съ своей стороны, херсонскій губернаторъ, дюкъ де-Ришелье, въ вѣдѣніи котораго находился и Крымъ, предписалъ: „имѣть наблюденіе, чтобы частными людьми, по Крыму путешествующими, не было собираемо древнихъ рѣдкостей".

Однако предписанія начальства плохо исполнялись, —и несмотря на грозные, приказы на противоположной сторонѣ Херсонесской бухты въ тридцатыхъ годахъ выросло каменное зданіе карантина изъ тѣхъ же „жалкихъ" остатковъ города. Въ сороковыхъ годахъ, по словамъ кап. Аркаса, позднѣе подробно изслѣдовавшаго городище, „мы подвергли развалины Херсонеса большому уничтоженію".

Въ Крымскую кампанію на развалинахъ Херсонеса побывали французы, стояли здѣсь нѣкоторое время и тоже воспользовались—чѣмъ могли.

Да и позднѣе, уже въ наше время, доморощенные археологи не оставляли своимъ вниманіемъ остатковъ Херсонеса. Вотъ что сообщаетъ архитекторъ Авдѣевъ: „Въ концѣ семидесятыхъ годовъ между прочимъ былъ раскопанъ храмикъ съ красивой, хорошо сохранившейся мозаикой. Желая сберечь драгоцѣнную находку, возвели вокругъ храмика высокія каменныя стѣны, сдѣлали дверь и заперли ее крѣпкимъ замкомъ. Но увы! и это оказалось недостаточнымъ: черезъ нѣкоторое время мозаика была... расхищена при цѣломъ замкѣ. Тогда убрали и плохо охранявшія стѣны".

Лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я впервые знакомился съ этими мѣстами, я лично видѣлъ—на сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты, въ одной маленькой пристани вмѣсто сваи была прекрасно сохранившаяся капитель—несомнѣнно изъ Херсонеса. Въ то же время мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ севастопольцемъ, имѣвшимъ заведеніе минеральныхъ водъ, и онъ сообщилъ, что для добыванія необходимой углекислоты, по примѣру другихъ, давно пользуется мраморомъ херсонесскихъ разва-

линъ, собираніе котораго составляетъ промыселъ. Сколько при этомъ погибло цѣнныхъ фрагментовъ—кто знаетъ!

Еще недавно можно было видѣть въ садикахъ и дворикахъ нѣкоторыхъ домовъ Севастополя херсонесскія мраморныя плиты, а также куски капителей, попавшихъ въ кладку „Инженерной“ пристани.

Косцюшко-Валюжиничу былъ доподлинно извѣстенъ одинъ служитель Марса, „любитель древностей“, который—вопреки предписанію дюка де-Ришелье „не собирать древнихъ рѣдкостей“—собиралъ и отправлялъ ихъ какому-то любителю.

И это почти на дняхъ!

Варварское расхищеніе дорогихъ намъ остатковъ прекратилось только съ того времени, когда Херсонесъ перешелъ въ вѣдѣніе Императорской Археографической Коммиссіи (1888 г.) и получилъ необходимыя средства на производство раскопокъ и на охрану остатковъ. И все же, по словамъ завѣдующаго раскопками, К. К. Косцюшко-Валюжинича, не разъ дѣлались попытки стащить цѣнный мраморъ или набрать на развалинахъ камня. И это — при охранѣ! Какъ послѣ этого возражать противъ расхищенія?! Да что Херсонесъ! Одинъ русскій интеллигентный туристъ умудрился въ 20—25 лѣтъ уничтожить сталактиты пещеръ Чатыръ-дага,—быть можетъ, лучшіе сталактиты Европы, на созданіе которыхъ природа потратила тысячелѣтія! И даже одинъ изъ такихъ сталактитовъ служитъ украшеніемъ (хотѣлось бы сказать: укоромъ) Ливадійскаго сада.

Этимъ мы и закончимъ наши повѣствованія о прошломъ Тавриды, игравшей немалую роль въ эпоху исторіи основанія русскаго государства, какъ главный проводникъ къ намъ греческой культуры и образованности, начиная съ самой грамоты,—повѣствованія, навѣянныя развалинами Херсонеса.

Е. Э. Ивановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.—Новая Исторія.

(Сонетъ З. Каппера, 1848.)

Вновь чистый листъ Исторія раскрыла
И пламенно-сверкающимъ рѣзцомъ
Потомству въ назиданье начертила
Слова неизгладимыя на немъ:

„Куда бы я свой взоръ ни обратила,
Нѣтъ страшныхъ лицъ передъ моимъ лицомъ;
Ночную тьму я свѣтомъ побѣдила,
И гадъ—безвреденъ въ бѣшенствѣ своемъ.

„Не вижу я колѣней преклоненныхъ,
Не вижу спинъ, на барщинѣ согбенныхъ,—
Дѣяній злыхъ и въ тайныхъ мысляхъ нѣтъ;

„Надъ міромъ—власть всего людского рода,
Одинъ для всѣхъ законъ, одна свобода,—
Любовь среди народовъ и совѣтъ!“

II.—Хоръ лириковъ.

(Изъ Арно Гольца.)

Любовь... Луна... Изъ-за Лассаля
Кто въ старину не спалъ ночей?
Передъ свисткомъ локомотива
Теперь смолкаетъ соловей.

Хоть мы и „вѣчные младенцы“
(Такой ярлыкъ намъ вами данъ),
Но въ насъ поэзія теряетъ—
Увы!—послѣднихъ могиканъ.

Въ пустыя бочки мы колотимъ,
Крича: „Вина простылъ и слѣдъ!“
И солнцу рады мы... но только
Не электрическому, нѣтъ!

Не въ правѣ ль въ честь Анакреона
Мы постучать и покричать?
Жизнь мимо? Пусть! Ихтіозавровъ
Мы будемъ дружно воспѣвать.

III.—Романъ.

(Изъ Лейтгольда.)

Храмъ божій одиноко
Подъ сѣнью липъ стоитъ;
Унылый звонъ далеко
Разносится—гудитъ.

Ручьи въ аббатствѣ
Рокочутъ и жур
Монахини по
Гуляютъ чи

За дымкой покрывала
Сверкнулъ знакомый взоръ...
И ночь въ душѣ настала,
Какъ совѣсти укоръ.

IV.—Да будетъ свѣтъ!

(Изъ Г. Мейнерта, 1848.)

Земля была предвѣчной мглой одѣта,
Пульсъ бытія на ней не трепеталъ,
Когда Творецъ, предвѣстницу разсвѣта,
Изъ бездны искру первую воззвалъ.

„Да будетъ свѣтъ!“ зиждительной отрады
Раздался кличъ—и вихрями лучей
Сверкнули ослѣпительные взгляды
Раскрывшихся въ безбрежности очей.

И до сихъ поръ намъ слышится, какъ нота
Въ аккордѣ міровомъ, святая рѣчь:
„Дать людямъ свѣтъ—Моя была забота;
Людская же забота—свѣтъ сберечь!“

В. Лихачовъ.

ДАЛЕКІЙ ГОРИЗОНТЪ

Романъ Люкаса Малета.

The far horizon. By Lucas Malet. London. 1907.

XVIII *).

Пеппи Сентъ-Джонъ слегка положила руки на плечи м-ру Иглезіасу и улыбнулась ему. Она казалась совсѣмъ молодою, но очень измученною, и уголки ея рта вздрагивали.

— Если бы вы были кто-нибудь другой, я поцѣловала бы васъ. Но я этого не сдѣлаю, не пугайтесь, милый другъ. Обѣщаю вамъ быть вполнѣ корректной, но мнѣ захотѣлось васъ повидать. Я вела себя до глупости добродѣтельно. Все прошлое пошло на смарку. Чисто и пусто. И я сама уныла, какъ пустопорожнее пространство до начала сотворенія міра.

Пеппи вздрогнула, провела рукою по глазамъ и прислонилась головою, въ большой черной съ перьями шляпѣ, къ плечу м-ра Иглезіаса, а онъ спокойно обнялъ ее рукою. Сегодняшній день былъ для него днемъ испытанія. Онъ встрѣтился въ Кенсингтонскомъ паркѣ съ Джорджемъ, видимо его избѣгавшимъ за послѣднее время—подъ вліяніемъ жены и достопочтеннаго м-ра Невингтона. Они откровенно объяснились, и извѣстіе о переходѣ Доминика въ лоно католической церкви такъ смутило Джорджа, что онъ почти убѣжалъ отъ стараго друга, оказавшагося „папистомъ“. Теперь, ожидая признаній Пеппи, м-ръ Иглезіасъ заранѣе поблѣднѣлъ и стиснулъ зубы, чтобы не выдать своего волненія.

---

*) См. выше: октябрь, стр. 612.

— Я дала чистую отставку Аларику Баркингу,—продолжала Пеппи сдавленнымъ голосомъ; — я посовѣтовала ему заняться исключительно военною службой и спровадила его въ Африку— эту мерзкую дыру. Онъ—хорошій офицеръ, и навѣрно попадетъ въ герои, если его не убьютъ. А его не убьютъ—я почувствовала бы это. Я порвала съ нимъ мѣсяцъ тому назадъ, но сегодня утромъ я простилась съ нимъ передъ его отъѣздомъ.

Пеппи отошла отъ Доминика и повернулась къ нему спиной.

— Это огорчило меня болѣе, нежели я ожидала. Не думайте, что я влюблена,—она поглядѣла на него черезъ плечо,—плохое я выбрала бы для этого время, но я была привязана къ Аларику; онъ — славный малый, и мы съ нимъ ладили. Притомъ, когда достаточно потреплешься по свѣту, то мысль о всякой перемѣнѣ становится несносной, а я привыкла къ нему.

Пеппи стояла передъ Доминикомъ, опустивъ глаза и медленно разстегивая и стаскивая длинныя перчатки.

— Не знаю: рѣшилась ли бы я въ концѣ концовъ съ нимъ разстаться, если бы мнѣ не захотѣлось сдѣлать пріятное Фаллоуфильду?

М-ръ Иглезіасъ выпрямился, выраженіе лица его сдѣлалось жесткимъ, глаза блеснули. Пеппи замѣтила это; она ласково потрепала его по спинѣ.

— Ну, ну, не пускайтесь по ложному пути, мой негодующій герой! Фаллоуфильдъ былъ правъ. Игра подходила къ концу, и онъ хотѣлъ, чтобы я, какъ собака джентльмена, сама вышла изъ комнаты, прежде чѣмъ мнѣ дадутъ пинка. Это много пріятнѣе, не такъ ли? Видите ли, у Аларика явилась добродѣтельная привязанность,—Пеппи скорчила презрительную гримасу,—молодая лэди—племянница Фаллоуфильда— хорошенькая дѣвушка,—я видѣла ее въ тотъ вечеръ, когда мы оба съ вами были въ театрѣ,— совсѣмъ новенькая изъ коробочки, бѣленькая, розовенькая, хорошо воспитанная, настоящая ingénue и во всѣхъ отношеніяхъ— подходящая партія.

Пеппи лукаво, даже вызывающе глядѣла на Доминика.

— Бѣдняжка Аларикъ! Я на него не въ претензіи. У его старшаго брата нѣтъ дѣтей, а въ домѣ — куча денегъ. Весьма естественно, что его родные желаютъ женить его.

— Но если,—гнѣвно заговорилъ Доминикъ,—если этотъ молодой человѣкъ—капитанъ Баркингъ—желаетъ жениться, почему бы ему не жениться на васъ, если, конечно, вы согласились бы принять его предложеніе?

Пеппи швырнула на столъ перчатки, а вслѣдъ за ними—и свою соболью накидку.

— Фу! Мнѣ жарко! Я сяду, если вы ничего противъ этого не имѣете. Да, вотъ на этомъ креслѣ, оно кажется такимъ удобнымъ... Благодарю васъ. Кстати, у васъ много очаровательныхъ вещей. Я намѣрена ихъ разсмотрѣть. Такъ пріятно видѣть вашу обстановку.

Она разсѣянно скользнула взоромъ по картинамъ и мебели.

— Что же касается до моего брака съ Аларикомъ Баркингомъ, къ нему имѣется нѣкоторое препятствіе въ образѣ законнаго супруга.

Пеппи сложила руки на колѣняхъ и глядѣла черезъ плечо на подошедшаго къ окну м-ра Иглезіаса.

Вотъ тайна, открытія которой онъ всегда боялся! Онъ осуждалъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ощутилъ радость при мысли о томъ, что Пеппи останется Пеппи Сентъ-Джонъ, и у него мелькнулъ лучъ надежды — нѣжной и робкой. Не къ нему ли она явилась въ самый тяжелый часъ своей жизни за утѣшеніемъ и сочувствіемъ? Доминикъ, пораженный отступничествомъ вѣрнаго Джорджа, былъ особенно признателенъ ей за это доказательство довѣрія. Грѣшная, заблудшая—женщина, похожая на облако поднимаемой вѣтромъ пыли, — вернулась къ нему, и онъ радовался этому сдержанно, но глубоко. Теперь онъ чувствовалъ себя сильнымъ и чистымъ. Эту увѣренность давала ему вѣра; сегодня онъ вернулся отъ обѣдни очищеннымъ и просвѣтленнымъ и не могъ отказать въ поддержкѣ никакому существу въ мірѣ. Его отношенія къ Пеппи выяснились и приняли иной опредѣленный характеръ. Служа прежде всего Господу Богу, онъ могъ любить ее и служить ей.

Его раздумье длилось нѣсколько минутъ, и Пеппи потеряла терпѣніе.

— Доминикъ Иглезіасъ, — неожиданно рѣзко воскликнула она,—все ли ясно между нами?

Онъ подошелъ къ ней серьезный, но съ облегченнымъ сердцемъ.

— Говорите, все ли ясно между нами?—повторила она повелительно.

— Да, все ясно. Вашъ приходъ показалъ мнѣ, насколько вы мнѣ довѣряете. Я признателенъ и счастливъ.

— Ахъ! — съ облегченіемъ вздохнула Пеппи. Она сидѣла нагнувшись впередъ, держа руки между колѣнъ, и заговорила, слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону:

— Если уже говорить всю правду, я порвала съ Аларикомъ не только для того, чтобы дать ему свободу, и также не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать угодное Фаллоуфильду. Пусть тѣ, кто поглупѣе меня—упражняются въ такой альтруистикѣ, а я люблю кое-что получить за свои деньги. Я сдѣлала это главнымъ образомъ для того, чтобы вернуть васъ.

Она подняла голову и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— И я вернула васъ?

— Да, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь, — я ничего лучшаго не желаю, какъ вернуться къ вамъ.

— Значитъ, послѣ того, что я вамъ сказала,—вы готовы принять слова мои на вѣру, безъ всякихъ объясненій?

— Дружба не нуждается въ объясненіяхъ, — сказалъ Иглезіасъ съ оттѣнкомъ величавости; — она принимаетъ, не торгуясь, то, что ей даютъ, и оставляетъ за дающимъ полную свободу. Тутъ возможны извѣстныя умолчанія—не только словесныя, но и мысленныя: мудрая экономія въ проявленіяхъ симпатіи. Въ своемъ желаніи услужить, дружба не должна заходить слишкомъ далеко и говорить слишкомъ много; корень ея долженъ быть въ уваженіи къ индивидуальности особы для нея дорогой. Таково мое credo.

Онъ говорилъ кроткимъ тономъ, съ рыцарскимъ выраженіемъ въ лицѣ и словахъ.

— Итакъ, будьте увѣрены, что довѣренное мнѣ вами—священно, и ваше желаніе о чемъ-нибудь умолчать — будетъ для меня не менѣе священно.

Пеппи задумалась, на губахъ ея играла улыбка, глаза загадочно свѣтились.

— Вы очаровательны, милый другъ, и вы стоите того, чтобы ради васъ надуть чорта. Но на первыхъ порахъ мнѣ будетъ житься не совсѣмъ беззаботно, и вы должны будете присматривать за мною. Обѣщаете?

— Обѣщаю.

— Да, кстати,—продолжала она не безъ оттѣнка гордости: — во избѣжаніе недоразумѣнія, я должна сказать разъ навсегда, что финансовый вопросъ — тутъ не играетъ никакой роли. У меня собственныя деньги—не милліоны, конечно, но жить на нихъ можно. Для того, чтобы спасти ихъ отъ когтей шакала, я и поспѣшила разойтись съ нимъ; затѣмъ я кое-что выиграла на биржѣ, на скачкахъ, въ карты... Не совсѣмъ добродѣтельный способъ обогащенія,—Пеппи снова скорчила гримасу, — но теперь этому конецъ. Надѣюсь, что Каппадочіа будетъ способство-

вать увеличенію моихъ рессурсовъ—ея потомство очень дорого цѣнится. Noblesse oblige... А въ концѣ концовъ, съ моимъ голосомъ и лицомъ, я могу быть недурною актрисой. Вы не знали, что у меня есть профессія? Такова слава, милый мой, такова слава! Я дебютировала тринадцати лѣтъ и продолжала играть до тѣхъ поръ, покуда, благодаря „шакалу", это не сдѣлалось для меня такимъ же недостижимымъ, какъ добродѣтель, самоуваженіе и порядочная домашняя обстановка...

Голосъ Пеппи задрожалъ. Доминикъ сѣлъ рядомъ съ нею. Она взяла его руку въ свои и не выпускала.

— Ну вотъ, мнѣ стало легче. Я впадаю въ дѣтство. Мнѣ хотѣлось бы досыта наревѣться, но я этого не сдѣлаю. Мой девизъ: „Впередъ полнымъ ходомъ!" Что же касается сцены, то едва ли не въ ней—разрѣшеніе всѣхъ затрудненій. Зачастую меня мучительно туда тянетъ. Это—гнусная профессія для мужчины, и не особенно душеспасительная—для женщины, но она даетъ возможность выдѣлиться, а въ этомъ—все. Притомъ искусство всегда останется искусствомъ, и по немъ невольно тоскуешь. Я была страшно рада увидѣть васъ въ театрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—смущена. Неужели вы дѣйствительно имъ интересуетесь?

— Въ умѣренной степени,—Доминикъ старался говорить беззаботно, усиливаясь развлечь ее;—въ настоящее время я даже заинтересованъ постановкою одной пьесы, которая должна имѣть большой успѣхъ.

— Вы дали на это деньги?—рѣзко спросила Пеппи.

— Нѣкоторую сумму—да,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь:—ко мнѣ обратились за помощью, и отказать было бы черезчуръ жестоко.

Выраженіе лица Пеппи омрачилось; оно сдѣлалось почти бурнымъ.

— Надѣюсь отъ всей души, что сумма эта—строго опредѣленная? Что касается до меня, я не вѣрю, чтобы для истиннаго таланта нужны были какія-то чрезвычайныя мѣры и особые пути. Правда, порою антрепренеры ставятъ плохую вещь и калѣчатъ—въ угоду британскому лицемѣрію — хорошую, но они рѣдко отказываются отъ пьесы, могущей дать деньги. Бѣдняги вовсе не завалены chef d'oeuvr'ами. Пьеса, нуждающаяся въ искусственно подготовленномъ успѣхѣ,—по большей части оказывается дрянью. Публика въ общемъ — все же лучшій судья. Ея приговоръ имѣетъ рѣшающее значеніе.

Пеппи, тревожно блуждавшая по комнатѣ, подошла къ Иглезіасу и погладила его по плечу.

— Послушайте, мой уже не безъимянный возлюбленный.

Учитесь уму-разуму. Все это я испытала на себѣ—лучше, чѣмъ кто бы то ни было. „Шакалъ“, о которомъ я упоминала (хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ не залѣзалъ непонятнымъ образомъ въ нашъ разговоръ),—тоже принадлежалъ къ числу непризнанныхъ геніевъ. Они — сущій ядъ, говорю вамъ. Они отравятъ вашъ душевный покой, высосутъ изъ васъ все до гроша и добраго слова не скажутъ... Но довольно о нихъ. Покажите мнѣ ваши богатства—книги, картины, все, что̀ принадлежало вашей матери, если только это не слишкомъ огорчитъ васъ? Я хотѣла бы прикоснуться къ ея вещамъ. И, пожалуйста, откройте двери. Я хочу видѣть вашу спальню.

Въ слѣдующіе полчаса Пеппи выказала себя очаровательной собесѣдницей, женственной, чуткой, деликатной. Одинокій кедръ растрогалъ ее почти до слезъ.

— Въ немъ есть нѣчто трагическое,—говорила она,—но я рада, что онъ имѣется у васъ. Онъ такъ живописенъ и скрашиваетъ банальность окружающаго. Отчасти онъ похожъ на васъ, Доминикъ, только онъ уже отцвѣлъ, а вы еще въ полномъ жизненномъ цвѣту. И ваши комнаты прелестны, онѣ похожи на васъ. Что же касается до остальныхъ — меня ввели въ гостиную, отдѣланную въ такихъ цвѣтахъ, что я остолбенѣла... Но теперь мнѣ пора уходить.

Она очень нѣжно улыбнулась м-ру Иглезіасу.

— Мнѣ стало лучше, въ тысячу разъ лучше. Теперь все выяснилось. Я — на настоящемъ пути. Съумѣю ли я только удержаться?

Губы Пеппи дрожали; она съ мольбою глядѣла на Доминика.

— Не тревожьтесь. Я увѣренъ, что у васъ достанетъ мужества.

— Но все же вы обѣщаете приходить какъ можно чаще, покуда я не войду въ колею? Это будетъ адски трудно на первыхъ порахъ.

Доминикъ Иглезіасъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Если Богъ мнѣ поможетъ, я къ вашимъ услугамъ до конца моей жизни.

Пять минутъ спустя, м-ссъ Парчеръ, поддерживаемая оскорбленною и негодующей Элизою, наблюдала изъ-за дверей столовой, какъ м-ръ Иглезіасъ провожалъ незнакомую лэди въ соболяхъ.

Спускаясь по лѣстницѣ, Пеппи, вообще такая ловкая и увѣренная въ движеніяхъ, неожиданно споткнулась и упала бы, если бы Доминикъ не успѣлъ во̀-время поддержать ее.

Въ ту же минуту Декурси-Смитъ, неряшливо одѣтый, подошелъ къ подъѣзду своею шлепающей походкой и вдругъ отступилъ, машинально поднявъ руку, словно защищая лицо отъ удара.

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, я не ушиблась, — отвѣтила Пеппи встревоженному Иглезіасу, — но я очень испугалась. Я поѣду прямо домой. Проводите меня до экипажа. Впрочемъ — нѣтъ. Я лучше пойду одна. Даю вамъ слово, что я не ушиблась... Но я должна о многомъ подумать, мнѣ нужно побыть одной, мнѣ нужно успокоиться. Приходите скорѣе. Я очень счастлива. Прощайте.

XIX.

Грязное предмѣстье, ряды огородовъ, истоптанныя гряды, запахъ гнили и отбросовъ, мрачное небо, нависшее надъ кошмарнымъ городомъ, рѣзкій вѣтеръ, крутящій въ воздухѣ всякій соръ, — все это могло разстроить самые сильные нервы.

Сердце Пеппи, быстро шагавшей по грязной мостовой, было переполнено чувствомъ горечи и униженія. Ея душа только что попыталась развернуть крылья, и вотъ еще разъ ей предстояло съ обрызганными грязью крыльями пасть на землю. Ей казалось, что она вырвалась изъ тюрьмы, но ключъ снова заскрипѣлъ въ замкѣ, и она оказалась лицомъ къ лицу съ тюремщикомъ.

Сердце ея учащенно билось, а рука машинально касалась кармана ея длиннаго пальто, въ которомъ лежалъ маленькій, отдѣланный серебромъ револьверъ.

Декурси-Смитъ шелъ рядомъ съ нею. Нѣсколько лѣтъ прошло со времени ихъ послѣдняго свиданія, и Пеппи съ отвращеніемъ замѣтила, до чего онъ опустился. Его грязная одежда, опухшее лицо, красные глаза, нетвердая походка — внушали ей ужасъ. Бѣдность это или неряшество?

— Неужели у васъ нѣтъ другого костюма?

— Ваши деликатныя чувства оскорблены тѣмъ, что вашъ супругъ одѣтъ какъ бродяга? А чья же это вина? Если судить по вашему собственному костюму, вы легко могли бы помочь бѣдѣ...

Онъ продолжалъ свои причитанія съ истерическою болтливостью, и Пеппи пожалѣла о своемъ вопросѣ.

— Здѣсь невозможно говорить, и притомъ я не вижу необходимости длить наше свиданіе, — сказала она, едва устоявъ на ногахъ отъ рѣзкаго порыва вѣтра.

— Говорите за себя, прошу васъ!—прервалъ Смитъ:—для меня въ высшей степени интересна встрѣча съ моею женою, успѣвшею подняться за это время по общественной лѣстницѣ. Я, наоборотъ, опустился, какъ и подобаетъ ученому и джентльмену въ нашъ вѣкъ лавочниковъ и угожденія Маммону. Но именно потому примѣръ моей жены высоко поучителенъ, и я...

Порывъ вѣтра заглушилъ конецъ тирады.

— Эти разглагольствованія знакомы мнѣ, какъ мой старый башмакъ,—прервала Пеппи,—довольно я наслушалась ихъ. Перейдемъ къ дѣлу. Вы прислали мнѣ идіотское письмо, угрожая гибелью и позоромъ. Что̀ это означаетъ? Нѣчто реальное или мелодраматическій фокусъ? Говорите скорѣе. Что̀ вамъ нужно отъ меня?

Изъ-подъ газовой вуали видно было, что большіе глаза Пеппи горѣли мрачною злобой, а красныя губы были плотно сжаты. Смитъ отшатнулся.

— Вы... вы хотѣли бы убить меня?

— Да. Очень бы хотѣла. У меня въ карманѣ есть кое-что для этого, а на дорогѣ никого нѣтъ. Но не бойтесь. Я не собираюсь васъ убивать. Это было бы неудобно для меня по своимъ послѣдствіямъ.

Говоря такимъ образомъ, Пеппи думала о вчерашнемъ возобновленіи дружбы съ Доминикомъ, о томъ свѣтломъ, благородномъ содержаніи, которое онъ вносилъ въ ея жизнь, и въ горлѣ у нея поднялось рыданіе. Она замедлила шаги.

— Чего вамъ нужно, Декурси?—Отвѣтьте прямо—разъ въ жизни.

— У меня есть шансы на успѣхъ,—заговорилъ онъ поспѣшно,—меня ожидаетъ слава, я унижу тѣхъ, кто унижалъ меня. Но вчера я узналъ, что вы... вы стоите между мною и осуществленіемъ моихъ надеждъ. Вы готовы сыграть со мною гнусную штуку. Вотъ я и написалъ вамъ.

Пеппи презрительно взглянула на него.

— Опять деньги? Неужели вамъ не стыдно вѣчно попрошайничать? Я увеличила ваше содержаніе, и оно аккуратно выплачивается вамъ. Я имѣю въ рукахъ ваши росписки. Вы знаете, что у васъ нѣтъ на меня никакихъ правъ. Со дня свадьбы я не стоила вамъ ни копѣйки; я сама платила за каждый кусокъ хлѣба, хотя вы и толковали о вашихъ громадныхъ доходахъ. Я даю вамъ семьдесятъ-пять фунтовъ въ годъ, и не могу давать больше, такъ какъ я должна содержать себя.

— Съ которыхъ это поръ вы прибѣгаете ко лжи, моя прекрасная лэди?—фыркнулъ Смитъ.

— Я никогда не лгу. Это чистѣйшая правда.

— Вы переигрываете вашу роль,—расхохотался Смитъ;—это не годится—даже передъ покинутымъ мужемъ.

Выраженіе лица Пеппи заставило его снова отшатнуться.

— Ради самого Господа, скажите, что вамъ нужно? Довольно съ меня этой грязи.

— Вы не вѣрите въ меня, и потому мнѣ трудно съ вами говорить,—сказалъ онъ сумрачно;—вы всегда потѣшались надъ моимъ талантомъ, вы лишили меня увѣренности въ моихъ силахъ...

— Хорошо, хорошо. Все это я знаю наизусть. Перейдемъ къ дѣлу. Что вамъ нужно?

— Я кончаю третій актъ моей пьесы...

Пеппи всплеснула руками.

— Опять пьеса? Да вы съ ума сошли? Всѣ антрепренеры вернутъ вамъ ее, не прочитавъ.

— Я обойдусь на этотъ разъ безъ нихъ. Я обращусь прямо къ публикѣ. Мнѣ обѣщали дать денегъ на устройство двухъ утреннихъ спектаклей. Я принялъ безъ колебанія, такъ какъ это—простое помѣщеніе денегъ: вѣдь я знаю, чего стоитъ моя пьеса. Она геніальна, ни болѣе, ни менѣе, какъ геніальна...

— Причемъ же я тутъ?—изумилась Пеппи, и вдругъ, соединивъ оба конца загадки, она съ отчаяніемъ и злобою воскликнула: — Понимаю! Вы тянете деньги съ Доминика Иглезіаса, обираете его, пользуясь его великодушіемъ? Но я этого не допущу,—слышите? Я положу этому конецъ.

— Почему? Вамъ самой нужны его деньги?

— Грязное животное!—задыхаясь, воскликнула Пеппи.

— До вчерашняго дня я не имѣлъ понятія о вашемъ знакомствѣ съ нимъ,—продолжалъ Смитъ, становившійся все спокойнѣе по мѣрѣ того, какъ Пеппи теряла самообладаніе;—я думалъ, что вы мѣтите выше, чѣмъ въ отставныхъ банковскихъ служащихъ. Но скромность вашихъ вкусовъ можетъ повести къ осложненіямъ. Я замѣтилъ, какъ долго вы оставались у него.

Пеппи молчала, стоя на дождѣ и вѣтру.

— На этотъ разъ, прекрасная и гордая лэди, насталъ мой чередъ—приказывать, а вамъ—повиноваться,—продолжалъ онъ, захлебываясь отъ торжества.—Если вы встанете между Доминикомъ Иглезіасомъ и мною, я разоблачу нѣкоторые факты изъ его жизни, бросающіе тѣнь на его репутацію, и ему все равно придется откупаться отъ меня. Дамы изъ Кедроваго коттэджа ревнивы какъ кошки и — болтливы. Я поставлю его въ невозможное положеніе...

— Вы тамъ живете?—спросила она разсѣянно.

— Да. Это васъ оскорбляетъ? Утѣшьтесь,—я занимаю тамъ одну комнатку — надъ изящною гостиной вашего друга. Но не могу ли я узнать: что̀ вы намѣрены дѣлать? Предупредить вашего зрѣлыхъ лѣтъ поклонника и этимъ погубить его, или — держать языкъ за зубами, какъ подобаетъ благоразумной женщинѣ?

Пеппи шла, не отвѣчая. Направо темнѣла свинцовая бурная рѣка. По близости разгружали баржу съ кирпичомъ. Люди и лошади стояли въ холодной водѣ; слышалось шлепанье, крики, хлопанье бича. По желѣзнодорожному мосту съ ревомъ и свистомъ прокатилъ поѣздъ. Пеппи машинально слѣдила за рабочими. Единственный даръ, полученный ею отъ жизни, казался ей загрязненнымъ, захватаннымъ нечистыми руками. Онъ страннымъ образомъ пришелъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что̀ было въ ея жизни самаго отвратительнаго. Что̀ ей дѣлать? Умолчать—нечестно. Подвергнуть его опасности—хуже денежныхъ потерь.

— Я не выдамъ васъ. Я ничего не скажу, — проговорила она наконецъ.

— Даете слово?

— Даю. Довольно съ васъ, низкое животное. Вы достаточно меня унизили.

Смитъ близко подошелъ къ ней, трясясь отъ истерическаго возбужденія.

— Я не хочу быть неблагодарнымъ, дорогая моя. Я готовъ забыть прошлое, признать васъ моею женою и раздѣлить съ вами мой успѣхъ. Для васъ есть роль въ моей новой пьесѣ. Видите, я великодушенъ, я готовъ идти на примиреніе...

— Или вы дѣйствительно хотите, чтобы я убила васъ!..— крикнула Пеппи: — Говорю вамъ, я за себя не отвѣчаю. Если вы дорожите жизнью—прочь съ дороги!

XX.

Ночью Доминику не спалось. Въ шумѣ вѣтра и шелестѣ вѣтвей стараго кедра ему чудились давно умолкшіе шаги и голоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ его непонятнымъ образомъ преслѣдовали воспоминанія о банкѣ Баркингъ и К^{0}, о годахъ, проведенныхъ на службѣ. Онъ вовсе не желалъ о нихъ вспоминать, но всевозможные дѣловые эпизоды назойливо лѣзли ему въ голову, и служебный персоналъ—съ сэръ-Абелемъ во главѣ — проносился въ какой-то дикой пляскѣ. Онъ задремалъ наконецъ, но и во

снѣ онъ продолжалъ грезить банковской вакханаліей; только теперь во главѣ ея уже являлся чахоточный анархистъ Паскаль Пеллетье, а женщина въ платьѣ цвѣта крутящейся по вѣтру пыли стояла тутъ же съ непроницаемымъ лицомъ, грустными глазами и куталась въ свой вышитый драконами шарфъ.

Доминикъ проснулся въ тревожномъ настроеніи и не чувствовалъ себя освѣженнымъ послѣ короткаго сна. За завтракомъ онъ нашелъ записку отъ Декурси-Смита, уже не просившаго, а требовавшаго пятьдесятъ фунтовъ. Возможно, что у м-ра Иглезіаса нѣтъ при себѣ такой суммы, но такъ какъ онъ настолько же свободенъ, насколько авторъ письма—занятъ, онъ можетъ въ видѣ развлеченія съѣздить за этою суммою.

Прочитавъ наглое посланіе, Доминикъ почувствовалъ себя разстроеннымъ и оскорбленнымъ. Пеппи Сентъ-Джонъ предупреждала противъ ненасытности и наглости подобныхъ людей; онъ приписалъ тогда ея слова предубѣжденію, но теперь онъ начиналъ думать, что она была права. Эгоизмъ неудачниковъ вытравляетъ изъ нихъ все человѣческое. Декурси готовъ пустить его по міру, но онъ совсѣмъ этого не желаетъ.

Доминикъ отложилъ записку и принялся за газеты. Съ театра войны не было важныхъ извѣстій, но въ отдѣлѣ хроники онъ замѣтилъ въ концѣ столбца нѣсколько строчекъ, напечатанныхъ въ опроверженіе тревожныхъ слуховъ о предстоящемъ банкротствѣ извѣстнаго банкирскаго дома. Слухи эти очень преувеличены; потери банка, конечно, весьма значительны, вслѣдствіе дезорганизаціи южно-африканскаго предпріятія и потерь, вызванныхъ войною, но эти потери—чисто временныя, и лицамъ, стоящимъ во главѣ банка, безъ сомнѣнія удастся счастливо предотвратить опасность.

Именъ не было, но Доминику не нужно было называть ихъ. Сонъ его оказывался чуть ли не пророческимъ. Отложивъ газету, онъ взялся за другую, и тутъ только замѣтилъ конвертъ, надписанный знакомымъ почеркомъ. Письмо было отъ самого сэръ-Абеля Баркинга.

Въ теченіе слѣдующей четверти часа Доминику Иглезіасу пришлось пережить величайшую внутреннюю борьбу. Онъ узналъ, что банкъ Баркингъ и К° находится дѣйствительно едва ли не на краю гибели, вызванной смѣлыми операціями „американца", м-ра Реджинальда, котораго этотъ ударъ сломилъ нравственно и физически.

„Въ виду столь тяжкихъ обстоятельствъ,—писалъ сэръ-Абель, —я обращаюсь къ вамъ, добрый другъ, какъ къ человѣку, близко

знакомому съ операціями нашей фирмы. Ваша опытность можетъ быть намъ полезной при нынѣшнемъ кризисѣ, и я, не колеблясь, обращаюсь къ вамъ за помощью, такъ какъ увѣренъ, что вы не откажетесь заплатить намъ вашъ долгъ признательности".

Выраженія сэръ-Абеля не отличались тактичностью, но за этими дутыми фразами чувствовалась настоящая мольба о помощи. Доминикъ угадывалъ ее, и онъ спрашивалъ себя: долженъ ли онъ, не взирая на грубость и неблагодарность, выказанныя ему главою фирмы, поспѣшить теперь къ нему на помощь и сдѣлать все отъ него зависящее для спасенія банка?

Онъ шагалъ по комнатѣ, съ письмомъ въ рукѣ. Все было для него слишкомъ ясно. Предпріимчивый племянникъ ощипалъ этихъ жирныхъ старыхъ гусей. Онъ предоставилъ имъ самодовольно гоготать о ихъ мудрости и опытности, а тѣмъ временемъ вытаскивалъ у нихъ по перышку, и теперь, оказавшись на половину голыми, они подняли отчаянный крикъ. Обязанъ ли онъ позаботиться о томъ, чтобы у нихъ снова отросли перья?

За эти десять мѣсяцевъ Доминикъ пережилъ переоцѣнку цѣнностей. Онъ научился цѣнить свободу; его уже не тянуло въ ярмо. Религія исцѣлила терзавшій его страхъ одиночества; онъ радостно привѣтствовалъ открывшійся ему далекій горизонтъ—общеніе съ Богомъ. И въ ожиданіи этого у него былъ на землѣ вновь обрѣтенный другъ—Пеппи Сентъ-Джонъ.

Думая о ней, онъ не могъ не вспомнить о молодомъ воинѣ и младшемъ сынѣ, и объ его отношеніи къ Пеппи, которую онъ бросилъ, какъ только остыла его страсть,—но къ нему Иглезіасъ былъ безпощаденъ. Пусть его станетъ нищимъ,—подѣломъ ему!

И тѣмъ не менѣе Доминикъ какъ-то чувствовалъ себя не вправѣ уклониться отъ возлагаемыхъ на него судьбою обязанностей. Онъ вспомнилъ, какъ, еще будучи мальчикомъ, онъ, рискуя жизнью, спасъ отъ адской машины Паскаля—противнаго пестраго кота, похожаго своими сѣдыми усами на сэръ-Абеля. Онъ успокаивалъ кота и нѣжно прижималъ его къ себѣ. Неужели же теперь, просвѣщенный свѣтомъ ученія Христова, умудренный опытомъ, онъ окажется менѣе великодушнымъ и безгнѣвнымъ, чѣмъ безсознательный ребенокъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ перваго побужденія?

Путь къ совершенству лежитъ, быть можетъ, именно черезъ порогъ банкирскаго дома Баркингъ и К°. Но прежде чѣмъ дать окончательный отвѣтъ, онъ долженъ повидать Пеппи Сентъ-Джонъ. Она имѣетъ на него права, и онъ сдѣлаетъ такъ, какъ она рѣшитъ.

XXI.

— Въ виду вашей телеграммы, я не былъ у васъ вчера,— говорилъ Иглезіасъ, — но сегодня я зашелъ рано и безъ приглашенія, во-первыхъ, потому, что я желалъ лично убѣдиться въ томъ, что вы не ушиблись, а во-вторыхъ, оттого, что произошло нѣчто такое, по поводу чего я желалъ бы съ вами посовѣтоваться. Я нуждаюсь въ вашей санкціи.

Послѣ рѣзкаго вѣтра на улицѣ и блѣднаго солнечнаго сіянія маленькая гостиная Пеппи показалась Иглезіасу душною и грязноватою. И сама Пеппи, въ утреннемъ платьѣ изъ чернаго брокара съ голубовато-лиловыми разводами, скрывавшемъ очертанія ея стройной фигуры, казалась тоже какою-то обтрепанною. Черная лента въ видѣ перехвата на плечахъ—залоснилась и помялась. Лицо ея подъ черною массою волосъ, поднимавшихся шлемомъ надъ лбомъ, казалось неестественно мало, блѣдно и безкровно; глаза походили на темные тайники невыразимой скорби.

Черты ея не оживились; она не сдѣлала попытки привѣтствовать его, но стояла неподвижно, держа по собачкѣ на каждой рукѣ. Доминикъ даже подумалъ: не нарочно ли она взяла ихъ, услышавъ его голосъ? Она избѣгала подать ему руку.

Глядя на нее, онъ менѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ состраданіе къ Аларику Баркингу, и перспектива работы на его пользу совсѣмъ не привлекала его.

— Вы страдаете,—воскликнулъ онъ почти рѣзко,—и вы несчастны! Я бѣшусь, видя васъ въ такомъ состояніи, и желалъ бы наказать за это тѣхъ, кто этому виною!

Лицо Пеппи еще болѣе поблѣднѣло и выразило тревогу, но она сдѣлала попытку вернуться къ прежнему безпечному тону.

— Вамъ пришлось бы искать ихъ въ отдаленныхъ временахъ. Но мнѣ пріятно видѣть васъ разгнѣваннымъ. Это идетъ къ вамъ и льститъ мнѣ. Не храпи, Каппадочіа! Хорошія манеры—прежде всего, дитя мое! Но даю вамъ слово, что я не ушиблась на вашей лѣстницѣ. Просто, я одѣлась соотвѣтственно погодѣ въ это ужасное платье. Я думала, что когда цвѣты на немъ полиняютъ, они станутъ розовыми, а они стали голубыми. Я вся—точно въ синякахъ, и это соотвѣтствуетъ настроенію: я чувствую себя избитой. Но я здорова. Я никогда не хвораю.

Пеппи сбросила собачекъ на полъ. Онѣ жалобно взглянули на нее, но она не смягчилась.

— Убирайтесь! Вы слишкомъ тяжелы. Я устала васъ держать.

Она высморкалась и посмотрѣла на Иглезіаса.

— Ну, въ чемъ дѣло? На что вамъ нужна моя санкція?

Не ожидая отвѣта, она опустилась на колѣни, подставляя огню свои голыя, до локтей руки.

— Говорите, милый, и заодно помѣшайте уголья въ каминѣ. Мнѣ нынче не по себѣ!

Доминикъ въ краткихъ словахъ передалъ ей содержаніе письма сэръ-Абеля.

Пеппи поднялась и обернулась къ нему. Она оживилась и казалась менѣе безкровною.

— Вотъ что! Я ничуть не удивляюсь. Бѣдняги увидали наконецъ, что у нихъ въ гнѣздѣ оказалась кукушка? Аларикъ былъ весьма плохого мнѣнія о Реджинальдѣ, но его никто бы не послушалъ. А что, по-вашему—дѣло плохо?

— Ничего не могу сказать, не ознакомившись съ подробностями.

— Они зовутъ васъ спасти погибающій корабль? Вы пойдете?

— Это будетъ зависѣть отъ васъ.

— Во имя всего святого—причемъ тутъ я?

— Мой долгъ по отношенію къ вамъ — стоитъ на первомъ планѣ. Люди, причинившіе вамъ обиду и огорченіе—мои враги. Членъ этой семьи сыгралъ относительно васъ гнусную роль, по моему мнѣнію, и потому я лишь съ вашего согласія могу оказать услугу его роднымъ.

Румянецъ окрасилъ щеки Пеппи, глаза ея загорѣлись, губы улыбнулись милою улыбкой, но она попрежнему держала руки за спиною.

— Понимаю, понимаю!—воскликнула она.—Но какимъ образомъ, возлюбленный мой безумецъ, ухитрились вы родиться шесть вѣковъ тому назадъ, во времена рыцарства? Развѣ теперь мужчины такъ обращаются съ женщинами? Я смѣюсь, но я готова плакать оттого, что именно на моемъ пути явился такой странствующій рыцарь...

— Мое поведеніе кажется мнѣ вполнѣ естественно и просто,— отвѣтилъ Иглезіасъ нѣсколько холодно.

— Знаю, милый, въ этомъ-то и заключается весь паѳосъ,— отвѣтила Пеппи нѣжнымъ материнскимъ тономъ.—Но мы должны обсудить дѣло. Заинтересованы ли вы лично въ томъ, чтобы вызволить этихъ сѣвшихъ на мель пловцовъ? Нѣтъ? Но они, по крайней мѣрѣ, хорошо вамъ заплатятъ?

— Вѣроятно они сдѣлаютъ какія-нибудь предложенія, но я ничего не приму. Я получаю пенсію.

— Вы не питаете къ нимъ личныхъ симпатій?

— Никакихъ. Наши отношенія были чисто дѣловыми. Разстояніе между хозяиномъ и служащимъ—велико.

— Вздоръ!—воскликнула Пеппи:—для нихъ было бы честью завязать шнурки у вашихъ ботинокъ.

— Я и не добивался близости къ нимъ; я считаю ее неудобною для себя. Но скажу откровенно, что многолѣтнія сношенія съ финансовымъ міромъ не прошли для меня безслѣдно, и я былъ бы глубоко потрясенъ разореніемъ фирмы, которой такъ долго служилъ. Не по натурѣ, но по привычкѣ я сталъ дѣловымъ человѣкомъ. Дѣла̀ интересуютъ меня. И чѣмъ они запутаннѣе и сложнѣе, тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ я попытался бы распутать ихъ. Помимо всего этого, мнѣ кажется, что это—мой долгъ, отъ котораго я не имѣю права уклониться.

Въ голосѣ его послышалось при послѣднихъ словахъ что-то похожее на экзальтацію. Пеппи замѣтила, что онъ уже не смотрѣлъ на нее. Его духовному взору рисовалось нѣчто невидимое и непонятное ей, и ея женская ревность возмутилась.

Съ самаго начала Иглезіасъ имѣлъ въ ея глазахъ тройную привлекательность. Онъ плѣнялъ ея художественный вкусъ яркостью своей индивидуальности, законченностью своего облика и чертъ, своей серьезностью и сдержанностью, прикрывавшей глубину и страстность натуры. Онъ говорилъ ея материнскимъ инстинктамъ своимъ невѣдѣніемъ міра, своей удивительною непрактичностью, и она старалась оградить его отъ свѣта и отъ самой себя. Тому, что̀ было въ ея характерѣ дѣтскаго, — онъ нравился своею экзотичностью, ореоломъ окружавшей его таинственности, дѣлавшей его похожимъ на героя легенды или романа.

Но событія послѣднихъ дней дурно повліяли на Пеппи; они ожесточили, озлобили ее; въ присутствіи Доминика она чувствовала себя виновною въ предательствѣ,—это удручало и раздражало ее, и она смутно переносила на него частицу своего раздраженія. Ея артистическія, материнскія, наивно-чистые инстинкты молчали, уступивъ мѣсто менѣе благороднымъ побужденіямъ. Восторженность Иглезіаса, его спокойствіе, атмосфера окружавшей его загадочности, самое изящество его внѣшности — злили ее, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она замѣтила, что не ей одной принадлежатъ всѣ его мысли. Ей захотѣлось обезцѣнить его, вызвать его на вспышку гнѣва.

— Доминикъ Иглезіасъ, — неожиданно рѣзко воскликнула она, — вы слишкомъ не отъ міра сего! Я не совсѣмъ въ васъ вѣрю. Сойдите на землю, станьте болѣе обыденнымъ и похожимъ на человѣка. Кто вы такой въ концѣ концовъ? Что вы такое?

Онъ очнулся отъ внезапнаго раздумья и вопросительно поглядѣлъ на нее. Переходъ отъ его мечтаній къ дѣйствительности — въ образѣ грязноватой гостиной Пеппи, самой Пеппи въ поблекшемъ капотѣ съ синими разводами, ея игрушечныхъ собачекъ — былъ слишкомъ рѣзокъ. Онъ улыбнулся, какъ бы извиняясь, и заговорилъ очень вѣжливо и мягко:

— Кто я и что я, дорогой другъ? Весьма обыкновенный человѣкъ, который по несчастной случайности потерялъ съ дѣтства зрѣніе, и въ лучшіе годы жизни, когда люди накопляютъ духовныя сокровища для себя и ближнихъ, — бродилъ въ потьмахъ, не зная о цѣли своего земного существованія. Онъ тосковалъ по тому, чего не зналъ, но не замѣчалъ своей собственной слѣпоты...

— Ну и что же? — прервала Пеппи. Ей хотѣлось вышутить его мистическія бредни, но почему-то не хватало духу.

— И вотъ недавно, уже послѣ встрѣчи съ вами, Богу угодно было даровать мнѣ свѣтъ.

Пеппи, не отрываясь, глядѣла на него большими глазами, въ которыхъ читались вопросъ и сомнѣніе.

— Понимаю... Вы увѣровали. Но какимъ образомъ я причастна къ вашему обращенію?

— Во-первыхъ—любовью, такъ какъ дружба къ вамъ пробудила отъ сна мое сердце. Во-вторыхъ — скорбью, такъ какъ, узнавъ васъ ближе, я понялъ, какъ благороднѣйшія стороны вашей натуры служили порою недостойнымъ цѣлямъ, а это — самое прискорбное, что только можетъ быть на свѣтѣ.

Наступило молчаніе, прерываемое лишь храпѣніемъ собачекъ. Пеппи, съ полнымъ презрѣніемъ къ романтизму, высморкалась и заговорила нѣсколько хрипло:

— Прошлое—на смарку. Такъ я сказала, такъ оно и будетъ! — въ голосѣ ея вдругъ послышались лукавыя нотки: — Я люблю комплименты, а вы сказали мнѣ сейчасъ величайшій комплиментъ. Мнѣ еще нужно переварить его. Итакъ, если только вы не боитесь работы, я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы отправились въ Сити.

— Я отдыхалъ почти цѣлый годъ. Боюсь только, что мнѣ придется рѣдко васъ видѣть.

Она порывисто подошла къ нему и положила руки на его плечи, глядя ему прямо въ лицо.

— Слушайте, трижды милый невинный мой другъ! Съ тѣхъ поръ какъ вы упомянули страшное слово: „любовь“, наши отношенія получили иной оттѣнокъ. Развѣ вы не понимаете, что мнѣ —такой, какова я есть,—приходится воевать съ семью сидящими во мнѣ бѣсами, если я желаю вести съ вами дѣло на чистоту, какъ я обѣщала вамъ? И такъ какъ я очень вами дорожу, мнѣ лучше порѣже видѣть васъ, покуда я не вошла въ новую колею. Въ извѣстномъ смыслѣ Аларикъ былъ громоотводомъ, а теперь его нѣтъ.

Она отступила, глаза ея потемнѣли.

— Есть еще и другія обстоятельства—грубыя, недостойныя, о которыхъ вамъ лучше не знать, но въ виду ихъ вамъ не слѣдуетъ бывать часто. До нашего послѣдняго свиданія я и не подозрѣвала объ ихъ существованіи; они всплыли неожиданно. Не разспрашивайте меня, я даю вамъ слово, что я права; пусть ни это, ни ваша религія—не разлучатъ насъ. Вы католикъ? Тѣмъ лучше. Я менѣе боюсь этой вѣры, чѣмъ какой-нибудь другой. Она дѣлаетъ святыхъ изъ грѣшниковъ.

Она протянула ему руку.

— Итакъ—до свиданія. Я поработаю надъ моими старыми ролями,—это пригодится.

Когда дверь затворилась за нимъ, Пеппи кинулась ничкомъ на диванъ и зарыдала.

XXII.

На слѣдующій день Доминикъ отправился къ сэръ-Абелю. За зеркальными окнами и панелями изъ краснаго дерева притаилась тревога, особенно сильно ощущавшаяся въ кабинетѣ главы фирмы. Великолѣпный портретъ сэръ-Абеля былъ теперь явною насмѣшкою надъ оригиналомъ. Банкиръ похудѣлъ, сморщился, платье висѣло на немъ мѣшкомъ; языкъ съ трудомъ произносилъ напыщенныя тирады.

Онъ усадилъ Иглезіаса въ кресло, называя его „своимъ дорогимъ другомъ“, и немедленно посвятилъ его въ подробности, касавшіяся положенія дѣлъ; Доминикъ разспрашивалъ, знакомился съ отчетами,—словомъ, они какъ будто помѣнялись ролями. Онъ вернулся домой поздно—съ кипою бумагъ, но въ бодромъ, повышенномъ настроеніи, довольный результатами своего рабочаго дня.

М-ръ Иглезіасъ вошелъ безшумно, открывъ дверь своимъ ключомъ, но изъ столовой неслись звуки шумнаго веселья. Обѣдъ былъ оконченъ, и м-ссъ Парчеръ съ миссъ Гартъ стояли, взявшись подъ-ручку, между тѣмъ какъ Фарджъ съ Іортингтономъ, вдохновленные недавнимъ посѣщеніемъ цирка, изображали одинъ—льва, другой—охотника. Первый, стоя на четвереньках, съ мѣховымъ ковромъ изъ передней на плечахъ, рычалъ изо всѣхъ силъ и кидался на охотника, отражавшаго его нападенія съ помощью классическаго орудія—зонтика. При каждомъ скачкѣ льва, люди взвизгивали и хихикали, прижимаясь другъ къ другу.

— Берегись, хищникъ!—вопилъ Іортингтонъ:—только черезъ мой трупъ доберешься ты до этихъ невинныхъ жертвъ. А что, я не попалъ вамъ, Чарли, нечаянно въ глазъ?

— Нѣтъ, Берти, вы задѣли меня по носу... Р-ра! Ра-ра-ра! Р-ра!

Но вдругъ рычаніе прекратилось. М-ссъ Парчеръ вскрикнула:

— Какъ вы напугали меня, м-ръ Иглезіасъ!

— Пожалуйста, простите. Я не зналъ, что столовая занята, иначе я позвонилъ бы. Я зашелъ извиниться, что не успѣлъ протелефонировать вамъ о томъ, что я принужденъ опоздать къ обѣду.

— Мы догадываемся о томъ, что могло васъ задержать!—воскликнула вызывающе миссъ Гартъ.

— Молчи, Лиззи!—шепнула м-ссъ Парчеръ, а Декурси-Смитъ, появившійся въ дверяхъ, саркастически расхохотался.

М-ръ Иглезіасъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на нихъ. Онъ слишкомъ мало, изумительно мало думалъ объ этихъ добрыхъ людяхъ. Теперь онъ почувствовалъ враждебную атмосферу. Съ удвоенною вѣжливостью онъ обратился къ хозяйкѣ, извиняясь за причиненное ей неудобство. Его вызвали въ Сити по важному дѣлу, и въ будущемъ ему тоже придется надолго отлучаться изъ дому, что связано съ невозможностью для него присутствовать на обѣдахъ и завтракахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это очень неожиданно, м-ръ Иглезіасъ!

— Совершенно неожиданно для меня и по многимъ причинамъ—не желательно, но, къ сожалѣнію, избѣжать этого нельзя.

Онъ поклонился дамамъ и прошелъ къ себѣ; Смитъ догналъ его.

— М-ръ Иглезіасъ, вы получили отъ меня сегодня письмо, требующее отвѣта.

Доминикъ остановился на верхней ступени лѣстницы.

— Я получилъ ваше письмо,—отвѣтилъ онъ холодно.

— Полагаю, что, не взирая на дѣла въ Сити, вы удостоили прочесть его? Мы цѣнимъ всю важность вашего сообщенія—вы знаете, какъ я уважаю все, имѣющее отношеніе къ торговлѣ и ея представителямъ! Литература и искусство—пачкотня въ сравненіи съ нею. Но и лавочникъ—прошу прощенія: финансистъ—долженъ держать слово, данное бѣдному чорту, принадлежащему къ этой профессіи. Я долженъ васъ просить дать мнѣ деньги безъ замедленія.

Смитъ покачивался, запустивъ руки въ карманъ панталонъ; отъ него вѣяло наглостью.

— Я прочелъ ваше письмо и прошу васъ вспомнить, что я обѣщалъ оказать вамъ поддержку, какую дозволяютъ мнѣ мои средства, а каковы они—извѣстно мнѣ одному. Ваше требованіе превышаетъ ихъ, и потому я долженъ вамъ отказать.

— Отказать!—не вѣря ушамъ, повторилъ Смитъ.

— Да, отказать. Когда ваша пьеса будетъ окончена, я заплачу расходы по двумъ представленіямъ; но я не могу давать вамъ безъ конца авансы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы говорите со мною, какъ будто дѣло идетъ о благодѣяніи? Я ни отъ кого въ мірѣ не принялъ бы благодѣянія, особенно—отъ васъ. Я даю вамъ случай великолѣпно помѣстить ваши деньги. И вашъ тонъ моралиста—совсѣмъ не къ лицу вамъ. Не думаете ли вы, что я слѣпъ? Я держу въ рукахъ вашу репутацію.

— Мою репутацію?—повторилъ Иглезіасъ, вспыхивая оскорбленною гордостью и негодованіемъ.

Смитъ попятился, у него затряслись колѣни, и онъ трусливо залепеталъ:

— Извините, м-ръ Иглезіасъ, это у меня такъ сорвалось... Я измученъ, заработался... И сегодня эти идіоты довели меня до бѣлаго каленія. Вы великодушно поступили со мною. Я самъ не сознаю, что говорю... Я какъ-нибудь обойдусь эти дни. Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Покойной ночи.

Войдя къ себѣ, Доминикъ ощутилъ облегченіе при видѣ знакомыхъ предметовъ. Онъ разложилъ бумаги, готовясь проработать часть ночи, но эта мысль не тяготила его, работа уже не была для него подневольною. Она была свободнымъ трудомъ,—и эту свободу духа давала ему вѣра.

Онъ вспомнилъ о Пеппи, этой странно обольстительной женщинѣ измѣнчивыхъ настроеній. Какъ она умна, какъ хорошо она знаетъ людей! И вдругъ у него мелькнула мысль, заста-

вившая его подскочить на мѣстѣ. Что если „шакалъ“ Пеппи былъ не кто иной, какъ его сосѣдъ Декурси-Смитъ, неровные, шлепающіе шаги котораго онъ слышалъ наверху надъ своею головой?

XXIII.

— Я не писала вамъ, Рода, такъ какъ не знала, желаете ли вы съ Джорджемъ видѣть меня. Но все же, когда лэди Сэмюэльсонъ предложила завезти меня къ вамъ, я согласилась.—Серена произнесла эти слова съ большимъ достоинствомъ и выразительно зашелестѣла юбками.

— Очень рада васъ видѣть, Серена,—говорила м-ссъ Лёвгровъ, подводя ее къ почетному мѣсту на диванѣ.—Ваше посѣщеніе развеселитъ бѣднаго Джорджи, онъ что-то скучаетъ. Увы, не все въ этомъ домѣ идетъ такъ гладко, какъ прежде...

Тутъ м-ссъ Лёвгровъ тяжело вздохнула, и Серена—хотя роль ангела-утѣшителя была въ сущности не въ ея средствахъ—насторожилась. Она обладала большимъ запасомъ любопытства, бывшимъ всегда къ услугамъ ея знакомыхъ.

— Это началось еще въ то время, какъ вы и м-ръ Иглезіасъ гостили у насъ въ ноябрѣ, Серена.

— Пожалуйста, Рода, не упоминайте этого имени! Послѣ всего, что я перенесла,—я думала бы, что простая деликатность требуетъ этого.

Воображаемый романъ Серены съ м-ромъ Иглезіасомъ былъ самымъ интереснымъ эпизодомъ ея жизни. Она тщательно разработала его въ умѣ, взвѣшивая каждую мелочь, припоминая малѣйшую подробность ихъ встрѣчъ и разговоровъ, и мало-помалу она безъ труда представила себя героинею сложной интриги, что чрезвычайно подняло ее въ ея собственныхъ глазахъ и даже въ глазахъ ея близкихъ, придавъ ей романическій интересъ.

Никогда еще Серена не давала такого рѣшительнаго отпора своей сестрѣ-филантропкѣ, какъ теперь. Никогда она такъ не занимала собою небольшой избранный кружокъ въ Слоуби. Серена говорила о сердечныхъ дѣлахъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

М-ссъ Лёвгровъ поспѣшила извиниться; ея смиреніе смягчило Серену, которая нашла, что Рода измѣнилась къ лучшему.

— Что же случилось съ Джорджи?

— Ахъ, это ужасно! Онъ едва рѣшился сказать мнѣ. Онъ

зналъ, какъ я буду поражена и какое это оскорбленіе для нашего дорогого викарія! Вѣдь онъ у насъ въ домѣ познакомился съ человѣкомъ, который оказался католикомъ!

— Кто? Что?—воскликнула Серена.

Она забыла о своемъ намѣреніи держаться свысока и сохранять безучастный видъ: любопытство преодолѣло всѣ прочія соображенія.

— М-ръ Иглезіасъ, конечно,—кто же другой?—отвѣтила м-ссъ Лёвгровъ съ чувствомъ тайнаго удовлетворенія. То, что она имѣла сообщить, было ужасно, но воздержаться отъ сообщенія—было бы еще ужаснѣе.

— Хуже всего то,—продолжала она, довольная эффектомъ своихъ словъ,—что онъ такъ долго держалъ это отъ насъ въ полной тайнѣ. Разумѣется, я не знала, насколько написты двуличны: вѣдь мы, слава Богу, не имѣемъ случая встрѣчаться съ ними въ домахъ, гдѣ мы бываемъ. И все же, чтобы м-ръ Иглезіасъ, бывшій у насъ своимъ человѣкомъ, казавшійся такимъ безупречнымъ джентльменомъ, честнымъ и прямымъ, чтобы онъ...

— Вы ошибаетесь, Рода!—воскликнула Серена, не выдержавъ роли величественно-хладнокровной лэди:—можетъ быть, вы съ Джорджемъ были изумлены, но не я! М-ръ Иглезіасъ всегда внушалъ мнѣ подозрѣнія. Я не разъ предупреждала васъ. Тогда вы съ Джорджемъ сердились, теперь вы сами видите, что я была права. Я рѣдко ошибаюсь. Даже Сюзанна согласна съ тѣмъ, что я очень наблюдательна. Послѣ его поведенія со мной—никакой поступокъ со стороны м-ра Иглезіаса не удивитъ меня... Вы видѣли его послѣ того, какъ это обнаружилось, Рода?

— О, нѣтъ. Онъ заходилъ два раза, но, къ счастію, Джорджи не было дома. Онъ часто ходитъ теперь гулять, бѣдный Джорджи,—м-ссъ Лёвгровъ шумно вздохнула,—затѣмъ онъ написалъ Джорджу длинное письмо, но этого письма мнѣ не показали.

М-ссъ Лёвгровъ поднесла платокъ къ глазамъ.

— Послѣ многихъ лѣтъ супружества мнѣ очень тяжело, Серена, оттого, что между мною и Джорджи нѣтъ полной откровенности. Прежде, слыша о несогласіяхъ между супругами, я всегда жалѣла женъ, но все же обвиняла ихъ; теперь я думаю иначе...

— Миссъ Элиза Гартъ!—визгливо доложила горничная.

Серена встала вмѣстѣ съ хозяйкою. Чувство достоинства приказывало ей уѣхать, любопытство—удерживало ее на мѣстѣ. Притомъ, неловко обидѣть Роду. Джорджъ также будетъ огорченъ, не заставъ ее.

Она усѣлась въ кресло, такъ какъ миссъ Элизѣ, въ качествѣ новопришедшей, полагалось занять почетное мѣсто. Серена рѣшила держаться какъ можно холоднѣе, но миссъ Элиза была въ боевомъ настроеніи.

— Вы извините, м-ссъ Лёвгровъ, что я прихожу одна, безъ Пышечки? У нея ужасная невралгія; она совсѣмъ себя не бережетъ. Я посовѣтовала ей прилечь и скушать чего-нибудь съ чаемъ. А она мнѣ: „Лиззи, милая, не въ пищѣ я нуждаюсь, а въ душевномъ покоѣ“.

— У всѣхъ у насъ — свои горести,—вздохнула хозяйка, а Серена зашуршала—изъ чувства симпатіи къ ней, или въ видѣ протеста противъ словъ миссъ Гартъ—трудно рѣшить.

— Многихъ горестей можно избѣжать. Стоитъ только быть на сторожѣ. Мы бываемъ недостаточно осмотрительны. Мама съ дѣтства внушала намъ осмотрительность. Я очень осторожна, но Сюзанна — не всегда. Нельзя слишкомъ довѣрять людямъ.

— Ахъ, въ этомъ-то и несчастье бѣдной дорогой Пышечки!— воскликнула миссъ Гартъ, пользуясь удобнымъ случаемъ. — Довѣрчивость—величайшій изъ ея недостатковъ. Не то чтобы наши джентльмены были неблагодарны... Даже м-ръ Смитъ, бывшій вначалѣ такимъ медвѣдемъ, очень измѣнился къ лучшему. Да и кто не смягчился бы подъ ея вліяніемъ! Есть, правда, такой человѣкъ, но это—не мистеръ Смитъ. Въ его брачной жизни была, какъ и у м-ссъ Парчеръ, тяжелая драма; они могутъ подать другъ другу руку. Вы этого не понимаете, вы слишкомъ счастливы въ вашей семейной жизни, м-ссъ Лёвгровъ.

Хозяйка судорожно перевела духъ.

— Но не всѣ такъ счастливы. М-ръ Смитъ, вращающійся въ избранномъ кругу, разсказываетъ объ этомъ обществѣ удивительныя вещи. Онѣ касаются, между прочимъ, и небезъизвѣстнаго намъ джентльмена... Кстати, вы часто видите м-ра Иглезіаса?

У миссисъ Лёвгровъ на лбу выступили капли пота.—Не такъ часто, какъ прежде. Джорджи много гуляетъ въ теплую погоду, ему нуженъ моціонъ, а у нея масса хлопотъ по хозяйству: хотя прислуга и давно живетъ у нихъ, за всѣмъ нужно присмотрѣть самой. Приходится иногда отказывать гостямъ...

Почтенная дама всѣми силами старалась перемѣнить разговоръ, но отъ большой Элизы трудно было отдѣлаться.

— Я спрашиваю васъ ради Пышечки. Ея интересы должны быть ограждены. Мнѣ лично—все равно, какимъ образомъ этотъ джентльменъ проводитъ время. Но репутація Кедроваго коттэджа можетъ пострадать...

Тутъ чувство справедливости восторжествовало у м-ссъ Лёвгровъ надъ мелочною ревностью и обидчивостью.

— Что касается до репутаціи, я думаю, что м-ръ Иглезіасъ стоитъ выше всякихъ подозрѣній. Конечно, перемѣна религіи— ужасное дѣло, особенно когда на это рѣшается близкій вамъ человѣкъ и хотя иностранецъ родомъ, но воспитывавшійся въ Англіи. Никто не былъ этимъ такъ пораженъ, какъ м-ръ Лёвгровъ и я. Опять-таки: раннее вставанье и рыбный столъ причиняютъ хлопоты хозяйкѣ дома, но что касается репутаціи — я по совѣсти скажу, миссъ Гартъ, что считаю м-ра Иглезіаса неспособнымъ ни на что дурное.

Элиза покачала головою.

— Видѣть—значитъ убѣдиться, м-ссъ Лёвгровъ. Что можно думать, когда видишь дамъ, разодѣтыхъ по послѣдней модѣ, пріѣзжающихъ въ гости къ джентльмену? Стиль — самый элегантный, но не такой, какой м-ссъ Парчеръ можетъ одобрить въ посѣтительницахъ нашего дома, при нашихъ отношеніяхъ съ нашими джентльменами. М-ръ Смитъ далъ мнѣ дружескій намекъ,—онъ знаетъ болѣе, чѣмъ говоритъ. Нѣтъ, м-ссъ Лёвгровъ, не взирая на ваше давнишнее знакомство съ нимъ, я должна сказать, что тутъ была недостойная игра, касающаяся интересовъ и привязанностей моего друга, м-ссъ Парчеръ.

Серена агрессивно зашуршала, и миссъ Гартъ обернулась къ ней:

— Вы что-то сказали, миссъ Лёвгровъ?

— Я ничего не сказала!—воскликнула Серена.

Она была возмущена. „Хитрая вульгарная особа! Ея обращеніе прямо оскорбительно. Она думала сдѣлать мнѣ непріятность, но она ошибается. Я знаю болѣе, чѣмъ она думаетъ".

Серена внутренно кипятилась. Ужъ если со стороны м-ра Иглезіаса была игра, то исключительно по отношенію къ ней. Если она сама не была единственнымъ предметомъ его любви, пусть она будетъ по крайней мѣрѣ единственною жертвою его коварства. Мысль о томъ, что м-ссъ Парчеръ желаетъ дублировать съ нею роль обманутой героини — показалась ей неслыханною дерзостью! Она надменно обернулась къ хозяйкѣ.

— Не знаете ли вы, Рода, когда вернется Джорджъ? Я готова подождать его, но я не могу ожидать безъ конца. Я должна соблюдать приличія относительно лэди Сэмюэльсонъ. Отсюда до Ladbroke-Square — очень далеко, а мнѣ еще надо одѣться къ обѣду. У лэди Сэмюэльсонъ строго соблюдается свѣтскій этикетъ и она любитъ порядокъ. Мнѣ, конечно, не трудно быть

аккуратной. Мама требовала отъ насъ аккуратности. Она находила, что опаздывать грубо, и я тоже это нахожу.

— Мнѣ будетъ очень жаль, если вы уѣдете, Серена. Джорджъ очень огорчится,—гостепріимно настаивала м-ссъ Лёвгровъ.

— Это что-то новое для м-ра Лёвгровъ—уходить въ вашъ пріемный день,—не безъ скрытаго сарказма замѣтила Элиза.— Кажется, ранѣе этого не случалось?

— М-ссъ и миссъ Бэллэрдъ! — кстати доложила горничная.

М-ссъ Лёвгровъ поспѣшно встала, обрадовавшись на этотъ разъ богатымъ диссиденткамъ изъ торговаго сословія, которыхъ она втайнѣ нѣсколько стыдилась. Миссъ Гартъ становится очень зла. Жаль будетъ, если она пересидитъ Серену.—Вы знакомы? Кузина моего мужа—миссъ Лёвгровъ! Вы уходите, миссъ Гартъ? Мой привѣтъ м-ссъ Парчеръ. Желаю ей скорѣе поправиться отъ ея невралгіи. Нынче многіе страдаютъ отъ этой болѣзни, не правда-ли, миссъ Бэллэрдъ? Надѣюсь, что вы еще не прощаетесь, Серена?

— Право, не могу вамъ обѣщать, что дождусь Джорджа, Рода. У лэди Сэмюэльсонъ,—Серена возвысила голосъ,—у лэди Сэмюэльсонъ (м-ссъ и миссъ Бэллэрдъ переглянулись между собою и почтительно насторожились) масса приглашеній, и, разумѣется, она желаетъ, чтобы я съ нею всюду бывала. Дома я должна помогать ей принимать гостей. У меня очень мало свободнаго времени. Передайте Джорджу мое искреннее сожалѣніе.

— Вы очень добры, Серена,—смиренно сказала м-ссъ Лёвгровъ.

„Рода измѣнилась къ лучшему, — говорила себѣ Серена, проходя по Триммеръ-Грину: — кажется, она поняла, что м-ръ Иглезіасъ дурно поступилъ со мною? Она заступилась за него, положимъ, но, кажется, больше для того, чтобы осадить эту ужасную миссъ Гартъ. Никогда не повѣрю, чтобы онъ обращалъ какое-нибудь вниманіе на м-ссъ Парчеръ. Интересно, какая дама пріѣзжала къ нему: та ли самая, которую мы видѣли въ театрѣ?..“

Вплоть до самаго дома лэди Сэмюэльсонъ, Серена не переставала соображать и предполагать.

XXIV.

Доминикъ Иглезіасъ долго колебался, прежде чѣмъ предпринять рѣшительный шагъ и присоединиться къ римско-католической церкви.

Онъ опасался утратить свою свободу; онъ слишкомъ долго жилъ внѣ религіозныхъ интересовъ, и внѣшнее подчиненіе культу пугало его,—какая-то непонятная робость его удерживала въ преддверіи новой жизни. Онъ рѣшился на это внезапно, подъ вліяніемъ настроенія, охватившаго его съ непобѣдимою силой.

Это было еще весною. Лондонъ разукрасился флагами по случаю паденія Лэдисмита; звонили колокола, развѣвались мокрые флаги, на улицахъ стонъ стоялъ. Доминикъ, вышедшій посмотрѣть на народный праздникъ, возвращался утомленный толкотнею. Грязный троттуаръ казался чернымъ отъ массы народа; желтоватый отблескъ заката придавалъ нѣчто зловѣщее сѣрому небу. Иглезіасу почудилась въ немъ угроза; Лондонъ въ этотъ часъ казался ему страшнымъ и отталкивающимъ. Черты его были нахмурены, движенія — грубы, смѣхъ — хриплъ, одежда— забрызгана грязью. Иглезіасъ чувствовалъ себя смущеннымъ, одинокимъ, беззащитнымъ передъ этимъ чудовищемъ въ образѣ города.

Желтый отблескъ заката ложился на архитравъ и колонны фасада большого храма,—и фигура Пресвятой Дѣвы, его вѣнчающая, выдѣлялась съ особою рельефностью. Въ это время до него донеслись слабые звуки музыки изъ-за дверей запертаго храма, и они показались ему небесной гармоніей. Иглезіасъ понялъ, что для него настала минута безповоротнаго рѣшенія. Медлить долѣе было бы нечестно. Съ одной стороны была столица— эмблема матеріальныхъ и соціальныхъ стремленій міра, смѣшенія радостей и скорби, роскоши и нищеты, высшей культуры и гнуснаго разврата. Съ другой стороны была церковь—строгая, требовавшая чистаго сердца и чистыхъ рукъ, обѣщающая неземное блаженство послѣ долгаго тернистаго пути.

„Еслибы знать, еслибы знать!—говорилъ себѣ Иглезіасъ.— Но вѣдь мы ни въ чемъ не увѣрены, а цѣна такъ высока: отреченіе отъ всего земного...“

Въ немъ вдругъ пробудился призывъ плоти, голосъ ея—всегда сдерживаемый и подавляемый. Онъ увидѣлъ себя въ воображеніи жаждущимъ всѣхъ наслажденій міра, обуреваемымъ всѣми его страстями. Онъ пережилъ минуту величайшихъ искушеній, словно въ немъ — Доминикѣ Иглезіасѣ, отставномъ банковскомъ служащемъ — воплотилось человѣчество съ его многообразными желаніями и порывами. И поборовъ ихъ, онъ отворилъ тяжелую дверь и вошелъ.

Внутри храма былъ сумракъ, и дымъ отъ ладана поднимался облакомъ къ высокому куполу; фигуры молящихся казались издали

черными точками. Лишь высокій алтарь сіялъ свѣчами, и надъ нимъ царила среди золотыхъ лучей таинственная безцѣнная святыня Тѣла Господня.

Спокойно и безбоязненно, какъ человѣкъ, возстановленный въ своихъ правахъ, Доминикъ прошелъ впередъ и преклонилъ колѣна, какъ дѣлалъ это, будучи ребенкомъ. Ему даже почудилось, что онъ чувствуетъ на своемъ плечѣ руку матери, когда-то водившей его въ церковь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже открывалъ духовнику тайны своей души. Съ этого дня въ сердцѣ его воцарились спокойствіе и миръ; онъ нашелъ себѣ пристанище среди волнъ житейскаго моря.

Теперь былъ августъ—душный и знойный; не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка; солнечные лучи свѣтили какъ-то безжизненно и тускло въ облакахъ пыли. За городомъ было не лучше, чѣмъ въ городѣ, и Доминикъ, сидя около шести часовъ вечера на скамьѣ близъ Barnes-Common, гдѣ онъ познакомился съ Пеппи, ощущалъ недостатокъ въ воздухѣ. Большой свѣтъ, играющій въ „поло", — разъѣхался. Малый свѣтъ, или скорѣе то, что не называется „свѣтомъ", — оставалось въ городѣ, въ количествѣ пяти-шести милліоновъ. Доминикъ тоже оставался въ Лондонѣ; онъ также работалъ по буднямъ въ августовскую жару и духоту, а по праздникамъ искалъ, подобно имъ, прохлады и отдыха, и зачастую не находилъ ихъ.

За послѣдніе два мѣсяца онъ рѣдко видѣлъ Пеппи и не имѣлъ отъ нея извѣстій. Случайно или умышленно она не оказывалась дома въ тѣ дни, когда ему удавалось вырваться, чтобы зайти къ ней. Затѣмъ она куда-то уѣхала на три недѣли со своею пріятельницею, миссъ Дотти Пэррисъ, alias — Шарлотта Кольтгёрстъ.

Со времени его возвращенія въ банкъ и его догадки о томъ, что Декурси-Смитъ—ея мужъ, на дружбу ихъ словно пала тѣнь. Покуда этотъ мужъ оставался безъимяннымъ, Доминикъ отвлеченно сожалѣлъ о ея бракѣ, но теперь, когда его существованіе оказывалось фактомъ, обставленнымъ весьма непріятными подробностями, Доминикъ ловилъ себя на мысляхъ и ощущеніяхъ, не дѣлавшихъ ему чести. Негодованіе, отвращеніе, непонятное чувство ревности и ненависти—все это было, можетъ быть, вполнѣ естественно, но едва ли могло способствовать спасенію души.

Напрасно онъ говорилъ себѣ, что его подозрѣніе относительно тожественности Декурси-Смита съ мужемъ Пеппи было основано на одномъ предположеніи. Онъ не могъ освободиться отъ этого убѣжденія, и пребываніе подъ одною кровлей съ этимъ

человѣкомъ дѣлалось для него невыносимымъ, да и въ самой атмосферѣ Кедроваго коттэджа ощущалась враждебность. Комната его уже не была безопаснымъ убѣжищемъ. Но среди усиленныхъ занятій у него не было ни досуга, ни энергіи для пріисканія новаго помѣщенія. Куда ему дѣваться? Лондонская пустыня пугала его.

Тѣмъ временемъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что между нимъ и Пеппи начинается какое-то отчужденіе: ихъ словно раздѣлялъ призракъ Декурси-Смита, и это дѣлало ихъ сношенія принужденными и неискренними. Онъ дорого бы далъ за то, чтобы узнать правду, но это было личнымъ дѣломъ Пеппи, и онъ не могъ вторгаться въ ея довѣріе. Покуда она молчитъ, онъ не можетъ заговорить первый. И все же, несмотря ни на что, онъ болѣе жаждалъ по временамъ ея голоса и присутствія, чѣмъ сознавался въ этомъ самому себѣ.

Джорджъ Лёвгровъ также не показывался, и Доминикъ чувствовалъ себя очень одинокимъ и покинутымъ.

Сегодня это ощущеніе было настолько сильно, что онъ рѣшилъ зайти къ Пеппи въ надеждѣ что-нибудь узнать о ней, но его ожидало разочарованіе. Хорошо выдресированная горничная дружелюбно приняла его и сообщила, что госпожа ея вернулась въ городъ, но что она выѣхала по театральному дѣлу и вѣроятно поздно будетъ дома. Поэтому Доминикъ дошелъ до Barnes-Common и присѣлъ отдохнуть на знакомую скамью—мѣсто его знакомства съ Каппадочіей, происшедшаго болѣе года тому назадъ. Онъ погрузился въ раздумье. Кедровый коттэджъ уже не былъ для него домомъ,—онъ избѣгалъ его, насколько могъ. Быть можетъ, съ закатомъ солнца воздухъ посвѣжѣетъ и легче станетъ дышать. Теперь и эта мѣстность напоминала раскаленную печь. Мѣдно-красный отблескъ стоялъ надъ Лондономъ, какъ огненный столпъ; на сѣро-голубомъ небѣ сгущались пепельныя облака съ бѣлыми краями. Не разразятся ли они освѣжающимъ ливнемъ и грозою? Въ этой надеждѣ онъ продолжалъ сидѣть.

Доминикъ нуждался въ скоромъ отдыхѣ и ощущалъ потребность освѣжиться. Онъ не могъ скрывать отъ себя, что усиленныя занятія и жара—начинаютъ плохо вліять на его здоровье. Еще сегодня, возвращаясь отъ ранней обѣдни, онъ по дорогѣ изъ Кенсингтона въ Church-Street почувствовалъ такую слабость, что не безъ труда добрался до своей прежней квартиры въ Holland-Street и попросилъ у маленькаго лысаго привратника позволенія войти и отдохнуть.

Въ комнатахъ нижняго этажа, защищенныхъ ставнями, было

темно и прохладно; только большое окно столовой было отворено, и старичокъ, поставивъ у него стулъ, принесъ стаканъ воды для м-ра Иглезіаса.

— Я желалъ бы предложить вамъ какой-нибудь другой напитокъ, сэръ, но у меня кромѣ воды ничего нѣтъ.

Вода была свѣжая, прохладная, и Доминикъ съ признательностью выпилъ ее, словно ее подала ему рука матери. На глазахъ его навернулись слезы при видѣ заброшеннаго садика. Отъ великолѣпнаго лавроваго куста остался одинъ остовъ, но плющъ и жасминъ еще вились по стѣнкѣ; въ пустомъ каменномъ бассейнѣ чирикали воробьи. Отдыхавшему въ сумракѣ и прохладѣ Доминику это мѣсто показалось успокоительнымъ: грустныя воспоминанія какъ-то сгладились,—остались одни лишь милыя и нѣжныя. Ему захотѣлось совсѣмъ остаться здѣсь.

Доминикъ обратился къ привратнику, стоявшему передъ нимъ въ позѣ, выражавшей озабоченность, восхищеніе и почтительность.

— Значитъ, домъ все еще отдается внаймы?

— Да, сэръ, и по всей вѣроятности онъ не скоро будетъ сданъ. Нужны большія передѣлки, а хозяинъ не желаетъ входить ни въ какіе расходы. Уже перестали и смотрѣть квартиру.

— А цѣна не высока?

— Очень не высока, сэръ, для такой приличной мѣстности.

И теперь, сидя на неудобной скамьѣ, Доминикъ мечталъ о прохладныхъ старомодныхъ комнатахъ. Хорошо было бы подвести тамъ свой жизненный итогъ и испустить духъ въ знакомой съ дѣтства обстановкѣ!

Онъ поднялъ глаза къ блѣдному раскаленному небу и бѣловатымъ облакамъ,—и вдругъ двигавшаяся мимо толпа, свѣтлыя платья женщинъ и дѣтей померкли передъ нимъ, подернулись туманомъ. Ему показалось, что онъ проваливается въ какую-то темную бездну, и столбы удушливой пыли поднимаются кругомъ, обволакиваютъ его и душатъ—мертвымъ пластомъ.

Но тутъ изъ тьмы и духоты ему предстала Пеппи—въ запыленномъ автомобильномъ костюмѣ и вуали, принося съ собою утѣшеніе и помощь.

XXV.

— Вы приходите въ себя, милый другъ. Положительно, у васъ лучшій видъ. Вы нуждались въ порядочномъ обѣдѣ. Знаете, вы были въ такомъ состояніи, что я думала: не придется ли

призвать на помощь кого-нибудь для того, чтобы отвезти васъ сюда? Вы были великолѣпны, какъ всегда. Достоинства въ васъ было столько, что хватило бы на цѣлую династію, да еще осталось бы. Вы можете учить, какъ надо падать въ обморокъ съ достоинствомъ. Я не хочу сказать, что вы упали въ обморокъ,— слава Богу, этого не было,—но вы были весьма къ этому близки... Да, да, милый...

Пеппи перегнулась черезъ столъ и дружелюбно погладила его руку.

— Я хочу напугать васъ для того, чтобы вы были осторожны; много есть на свѣтѣ лишнихъ людей, но вы не принадлежите къ ихъ числу. Примите къ сердцу мои слова, не то я не буду знать ни одной спокойной минуты. Что же касается внѣшности — вы извините меня, если я войду въ подробности костюма, — то она подходитъ скорѣе ко дню открытія скачекъ, чѣмъ къ Barnes-Common въ жаркій августовскій день! Этотъ сѣрый цилиндръ, сѣрый сюртукъ и прочее — внушили толпѣ благоговѣйный ужасъ. Не обижайтесь, милый. Вы не виноваты въ томъ, что вы такъ элегантны и красивы. Вашъ портной — настоящій перлъ. Но какъ онъ долженъ любить васъ! Онъ долженъ былъ бы васъ одѣвать даромъ, ради одного удовольствія— примѣрять на васъ костюмъ.

Обѣдъ былъ превосходный: супъ—горячій, прозрачный какъ янтарь, вино — девяносто-двухъ-лѣтнее Ayala, въ мѣру замороженное, и все menu—въ томъ же родѣ. Хрусталь, серебро, фарфоръ — красиво выдѣлялись на бѣлой скатерти при свѣтѣ свѣчей подъ розовыми абажурами. Двери въ гостиную были отворены, и это производило впечатлѣніе большаго простора и прохлады.

Пеппи, въ пышномъ платьѣ изъ чернаго муслина, затканнаго блѣднорозовыми розами съ листьями цвѣта бронзы, ухаживала за своимъ гостемъ, болтала съ нимъ и подбодряла его. Глаза ея какъ-то особенно свѣтились и голосъ звучалъ нѣжно и ласково. Никогда не была она болѣе привлекательной, болѣе естественной, никогда не было въ ней столько милой веселости.

Доминикъ Иглезіасъ радостно и благодарно отдавался очарованію женщины и окружающаго ее комфорта. Умѣренный во всемъ, онъ и наслаждался умѣренно. Но теперь онъ былъ растроганъ и счастливъ. Жизнь казалась ему отрадною въ этотъ часъ облегченія послѣ физическаго страданія; онъ радовался возобновленію дружбы съ Пеппи и наслаждался матеріальными благами.

— Какое счастье, что у меня оказался приличный обѣдъ!— продолжала Пеппи:—иногда моя интендантская часть оказывается не на высотѣ по праздникамъ—теперь, когда прошлое... гмъ!.. пошло на смарку... Дѣло въ томъ, что Ліонель Гордонъ, директоръ театра „Двѣнадцатаго Вѣка", долженъ былъ рѣшить сегодня вечеромъ условія моего ангажемента. Онъ — плутъ и проходимецъ, и даже въ годы юности не былъ красивъ, но онъ—самый опытный антрепренеръ въ Англіи и никогда не нарушаетъ слова, что случается съ нѣкоторыми изъ нихъ. Словомъ, говоря по правдѣ, я нѣсколько волновалась въ ожиданіи его отвѣта, возлюбленный мой мечтатель, и если бы мой ангажементъ не состоялся, это огорчило бы меня. Поэтому я заказала хорошій обѣдъ—въ видѣ утѣшенія на случай неудачи, или для того, чтобы отпраздновать успѣхъ. Ужъ такая порода мы, артисты!—Пеппи разсмѣялась.

— И вашъ ангажементъ состоялся?

— Да, милый. Ліонель принялъ меня. Онъ былъ бы дуракомъ, если бы этого не сдѣлалъ, такъ какъ онъ меня знаетъ; ему извѣстно, какую школу я прошла. Притомъ Фаллоуфильдъ былъ мнѣ очень полезенъ, и въ виду послѣднихъ событій (я сказала ему, что не возьму ни одного пенса изъ денегъ Аларика), я съ чистой совѣстью могла прибѣгнуть къ помощи Фаллоуфильда. Мое жалованье будетъ на первое время номинальнымъ, покуда я не покажу себя, но все дѣло—въ случаѣ; я увѣрена, что буду имѣть успѣхъ, а денежныя дѣла уладятся сами собою.

Она положила локти на столъ и поглядѣла на Иглезіаса.

— Я страшно рада, что вы сегодня со мною. Вѣдь это— поворотный пунктъ. Волны опять несутъ меня по прежнему направленію — къ театральнымъ волненіямъ, интригамъ, зависти, доброму товариществу, жаждѣ успѣха, торжеству и разочарованію. Можете ли вы понять, что я одновременно люблю и ненавижу мою профессію? Я уже вижу ряды головъ, отъ которыхъ при первомъ выходѣ въ дрожь бросаетъ. Я уже загораюсь желаніемъ побороть ихъ апатію и недружелюбіе, одержать побѣду надъ публикой, склонить ее куда хочется, какъ вѣтеръ клонитъ траву...

Пеппи снова протянула руку черезъ столъ и погладила руку Иглезіаса. Глаза ея сверкали отъ возбужденія, но голосъ дрожалъ и срывался.

— Вы меня благословляете, милый, возлюбленный, на этотъ новый путь? Въ концѣ концовъ, вѣдь это вы вернули меня къ честному труду. Вы должны благословить меня на него.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, дорогой другъ?—отвѣтилъ Иглезіасъ, и голосъ его тоже дрогнулъ.—Я—вашъ теперь и всегда.

Съ секунду они глядѣли другъ другу прямо въ глаза. Затѣмъ Пеппи порывисто встала.

— Пойдемъ на балконъ,—сказала она,—мы готовы расчувствоваться, а это не годится. Для васъ оно вредно послѣ вашего поведенія въ Barnes-Common, и для меня — тоже, хотя и по другой причинѣ. Тутъ страшная жара. Я васъ еще не отпущу, милый. Я телефонировала въ контору экипажей, чтобы за вами прислали кэбъ въ половинѣ одиннадцатаго. Покуда вы посидите смирно и отдохните. Намъ подадутъ кофе на балконъ.

Доминикъ безпрекословно послѣдовалъ за Пеппи наверхъ, она быстро шла впереди; они прошли черезъ спальню, гдѣ онъ почувствовалъ запахъ ириса. Лунный свѣтъ фантастически ярко смѣшивался тамъ съ газовымъ освѣщеніемъ, озаряя мебель темнаго дерева съ мѣдной инкрустаціей, зеленое шолковое покрывало и драпировки. Пеппи, не извиняясь, провела его на бѣлый съ бѣлыми перилами балконъ.

Куполъ неба казался громаднымъ и совершенно прозрачнымъ; тяжелыя тучи разсѣялись. На сѣверѣ и востокѣ отблескъ лондонскихъ огней поднимался на горизонтѣ; звѣзды были блѣдныя, но молодой мѣсяцъ ярко свѣтилъ, заливая дорогу, кусты и гигантскіе вязы яркимъ серебрянымъ, пересѣченнымъ черными тѣнями свѣтомъ. Въ воздухѣ было тихо, но въ немъ уже не чувствовалось духоты; отъ нестерпимаго зноя осталась вечерняя мягкость. Даже фасадъ террасы, слишкомъ разукрашенный цвѣтами и бьющій на эффектъ, принялъ при лунномъ свѣтѣ оттѣнокъ живописности, имѣвшій въ себѣ что-то восточное.

Пеппи молча подвела своего гостя къ тростниковымъ кресламъ, подложила ему подъ спину подушку, придвинула перламутровый столикъ и налила кофе въ двѣ чашки.

Затѣмъ она подошла къ периламъ и, поднявъ голову, заложивъ руки за спину, смотрѣла на лунный свѣтъ, обволакивавшій ея стройную фигуру съ головы до ногъ серебристымъ легчайшимъ покровомъ. Иглезіасъ видѣлъ, какъ волнуется ея грудь, вздрагиваютъ вѣки и сжимаются губы, словно боясь проронить слово, которое она считала благоразумнымъ не произносить.

Это сдержанное волненіе, въ связи съ необычайностью обстановки, производило сильное впечатлѣніе на Доминика. Когда онъ проходилъ черезъ надушенную, фантастически освѣщенную спальню навстрѣчу очарованію лунной ночи, воображеніе пере-

носило его къ давнишнимъ юношескимъ мечтамъ, рождавшимся въ немъ при чтеніи поэтовъ и звукахъ музыки и оставшимся неосуществленными среди исполненія ежедневныхъ обязанностей.

Утомительныя занятія въ Сити, мелкія непріятности въ Кедровомъ коттэджѣ, отвращеніе, внушаемое ему присутствіемъ Декурси-Смита,—все это отпало отъ него, словно всего этого никогда и не было. Очарованіе данной минуты говорило скорѣе его душѣ и чувству, чѣмъ чувственности, но тѣмъ не менѣе его охватила страстная жажда земной красоты—тоска по красотѣ формъ, пластикѣ, красотѣ природы и далекихъ странъ. Это была тоска по широкимъ, несущимся къ морю рѣкамъ, по придорожнымъ могиламъ, по великому и грозному лику обнаженной пустыни, по садамъ съ томно журчащими фонтанами, скрытымъ въ сердцевинѣ старинныхъ городовъ. Онъ жаждалъ красоты звуковъ и словъ, и прежде всего — красоты юности съ ея безграничными упованіями.

Очнувшись отъ этого миража, онъ отвѣтилъ Пеппи, когда она съ серьезнымъ взоромъ, но съ улыбкою на губахъ подошла къ нему.

— Какъ вы чувствуете себя, Доминикъ? Отдохнули вы?

— Да, я отдохнулъ,—отвѣтилъ онъ,—болѣе того: я живъ и грежу наяву, и все — благодаря вамъ.

Выраженіе лица Пеппи смягчилось; оно стало покровительственно-материнскимъ. Она откинулась на спинку кресла и сложила руки, но громадная напряженность воли и нервовъ сквозила подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ.

— Говорите мнѣ о себѣ, — сказала она, — говорите, надо пользоваться минутою прозрѣнія. Никто васъ не услышитъ. Сосѣдей, слава Богу, нѣтъ дома, а голоса и шаги въ отдаленіи дѣлаютъ сознаніе нашей полной уединенности еще отраднѣе. Говорите со мною, Доминикъ!.. Я нѣсколько возбуждена этими театральными хлопотами, а вы всегда меня успокаиваете. Я, право, умница и заслуживаю награды. Мнѣ многое хотѣлось бы знать.

— Ну, я могу сказать вамъ очень немногое. Только-что сейчасъ, въ виду грандіознаго полета моей фантазіи, я чувствовалъ себя пристыженнымъ скудостью содержанія моей жизни! Эта скудость особенно поразила меня сегодня, когда я дважды рисковалъ уйти навсегда изъ этого удивительнаго міра. Мнѣ пришло въ голову: какъ мало я видѣлъ, какъ мало насладился жизнью, какъ мало я знаю! Не хотѣлось бы покидать міръ, не воспользовавшись его радостями, не ознакомившись съ нимъ ближе.

Иглезіасъ остановился,—свойственная ему сдержанность не одобряла этого порыва; она говорила въ немъ и среди неудовлетворенной тоски по красотѣ жизни. Онъ боролся съ нею, какъ съ поднимающимся приливомъ.

— И все же,—прибавилъ онъ,—въ другихъ отношеніяхъ я не стану жалѣть, когда наступитъ конецъ, такъ какъ влеченіе къ невѣдомому—сильно во мнѣ. Пусть, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ и отсутствія дарованій, жизненный мой опытъ оказался ничтожнымъ и я не совершилъ ничего выдающагося, но великое завершеніе всего земного—смерть съ ея высшимъ прозрѣніемъ — ожидаетъ меня, какъ и всякаго другого, и она сулитъ разгадку всѣхъ тайнъ...

— Не къ чему вамъ такъ спѣшить съ этимъ дѣломъ, милый другъ,—прервала Пеппи,—еще успѣете попасть на поѣздъ, который не уйдетъ безъ васъ. И затѣмъ, видите ли, я еще живу на свѣтѣ, и мнѣ... трудно безъ васъ обойтись...

Доминикъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо, обволакиваемое дымкою луннаго свѣта.

— Я радъ этому,—сказалъ онъ спокойно,—такъ какъ вы, дорогой другъ, стали для меня тѣмъ, чѣмъ не было для меня ни одно существо въ мірѣ, и самое грустное, что могло бы постигнуть меня—за исключеніемъ утраты вѣры,—было бы сознаніе, что я уже не нуженъ вамъ.

— А ваша религія?—спросила она съ оттѣнкомъ ревности.

— Моя религія запрещаетъ грѣхъ, но она проповѣдуетъ любовь, и лишь съ помощью любви мы становимся близки къ Богу.

— Вы вѣрите въ это?—спросила Пеппи.

— Я въ этомъ увѣренъ.

Они снова замолчали. Они достигли того предѣла, когда слова служатъ скорѣе помѣхою мысли. Въ это время среди тишины послышались стукъ колесъ, звонки омнибуса, утомленный тяжелый шагъ лошадей и мотивъ солдатской пѣсни. Пеппи подумала о драмѣ большинства людей, живущихъ безсознательною жизнью, чуждою всякихъ идеаловъ, но не лишенною извѣстнаго героизма, и ей показалось, что люди, стоящіе въ сторонѣ отъ толпы, не раздѣляющіе съ нею ея горестей и радостей — нуждаются въ оправданіи. Она долго пристально смотрѣла на Иглезіаса и послѣ нѣкотораго колебанія спросила:

— И все же я не понимаю васъ въ вашей отрѣшенности отъ жизни. Если вы не боитесь любви, скажите мнѣ: почему вы не женились?

А онъ, словно угадывая ея побужденія, отвѣтилъ съ нѣсколько горделивой улыбкой:

— Не истолковывайте ложно моихъ побужденій, дорогой другъ. Я—вполнѣ нормальный человѣкъ изъ плоти и крови, съ нормальными наклонностями и естественнымъ влеченіемъ къ семьѣ, женѣ, дѣтямъ, домашнему очагу и всему такому. Но при жизни матери я не могъ думать объ этомъ.

— А послѣ ея смерти?

— Для всего—свое время. Что можетъ быть противнѣе расцвѣта любви у человѣка пятидесяти слишкомъ лѣтъ?

Пеппи сдѣлала гримаску.

— Новое самопожертвованіе въ формѣ самоуничиженія?

— Оно не было ужъ такъ велико,—замѣтилъ Иглезіасъ не безъ юмора:—я былъ всегда требователенъ и желалъ слишкомъ многаго. Я привередливъ. Мои вкусы гораздо выше моихъ средствъ, а мои желанія — неизмѣримо выше моего положенія и личныхъ свойствъ. Притомъ, до послѣдняго времени кругъ моихъ знакомствъ былъ очень ограниченъ. Я не хочу, чтобы меня сочли болѣе дерзкимъ, чѣмъ я есть на дѣлѣ, но у меня былъ извѣстный идеалъ, оказавшійся недостижимымъ. Въ такихъ дѣлахъ я не допускаю компромисса и соображаюсь только съ моими вкусами. Я всегда считалъ, что лучше совсѣмъ обойтись безъ чего-нибудь, чѣмъ удовлетвориться вторымъ сортомъ.

— Среди женщинъ не нашлось ни одной достойной? Бѣдняжки!

Пеппи задумалась, и вдругъ задорно разсмѣялась.

— Если бы онѣ это знали! Я вспомнила льнувшій къ вамъ увядшій листъ, питавшій, очевидно, надежды!

Пеппи обернулась къ Иглезіасу. Глаза ея сіяли, какъ звѣзды, но губы дрожали.

— Однако у васъ оригинальная манера излагать ваши воззрѣнія! Счастье для меня, что голова моя не такъ легко кружится. Итакъ, я одна царю въ вашемъ сердцѣ?

— Да, дорогой другъ, за исключеніемъ моей любви къ покойной матери, вы одна царите въ немъ, — отвѣтилъ онъ спокойно.

Пеппи оперлась локтями о колѣни, уронила голову на руки и долго сидѣла такъ, согнувшись, въ лунномъ сіяніи.

— Я получила отвѣтъ,—прошептала она срывающимся голосомъ: — онъ — лучше и хуже, чѣмъ я ожидала! Все равно, я рада; то, что есть во мнѣ лучшаго—радуется и ликуетъ. Благодарю васъ, трижды любимый, не отъ міра сего, мудрый другъ мой!

Нѣкоторое время они сидѣли молча; затѣмъ Пеппи, сдѣлавъ надъ собою усиліе, заговорила, но уже совершенно въ другомъ тонѣ:

— Послушайте, милый, имѣете ли вы понятіе о томъ, до какого состоянія вы довели себя? Говорю вамъ прямо: это не нравится мнѣ. По моему мнѣнію, вамъ пора разстаться съ банкомъ Баркингъ и К°.

— Это скоро окончится. Теперь я за управляющаго. Сэръ-Абель—въ Маріенбадѣ, другихъ компаньоновъ также нѣтъ въ городѣ.

— Мнѣ это нравится! Лѣнивые скоты.

— Но дѣла поправляются. Они уже почти налажены.

— Благодаря вамъ.

— Отчасти—да. Существовало предрасположеніе къ паникѣ, изъ-за котораго было затруднительно опредѣлить дѣйствительное положеніе дѣлъ. Однако, съ помощью терпѣнія и нѣкоторой дипломатіи, мнѣ удалось это выяснить. Результаты оказались настолько удовлетворительны, что два солидныхъ банка согласились финансировать наши предпріятія до приведенія въ порядокъ южно-африканскаго дѣла.

— Значитъ, неосторожные пловцы спасены?

— Да. И поэтому, какъ только сэръ-Абель кончитъ курсъ леченія, я удаляюсь отъ дѣлъ.

Пеппи разсердилась.

— Къ чорту его леченіе! Какое мнѣ дѣло до его печени или подагры? Пусть онъ платится за то, что объѣдался въ теченіе полувѣка. Я не думаю о немъ. Я думаю только о васъ, милый другъ,—болѣе чѣмъ когда-либо послѣ нашего объясненія,—голосъ ея сдѣлался очень нѣжнымъ: — вы не должны убивать себя, я этого не хочу, я не допущу этого. Будьте благоразумны, откажитесь отъ вашей маніи принесенія себя въ жертву, или сохраните ее исключительно для меня. Напишите этому Баркингу, чтобы онъ поторопился, что вы замучились до смерти, вытаскивая изъ ямы его противный банкъ... А вотъ и экипажъ! Я не подозрѣвала, что уже такъ поздно.

Такимъ образомъ, Доминику вторично пришлось пройти за Пеппи черезъ спальню, гдѣ пахло ирисомъ, фантастически освѣщенную луннымъ свѣтомъ и газовыми рожками. Онъ снова увидѣлъ темнаго дерева мебель съ мѣдными инкрустаціями, зеленое шолковое покрывало и драпировки.

Онъ инстинктивно хотѣлъ пройти мимо какъ можно скорѣе, но на полъ-пути Пеппи остановилась, обернулась и преградила ему путь, широко раскинувъ руки.

— Постойте на минутку, такъ какъ, по всей вѣроятности, мы уже не встрѣтимся въ этомъ домѣ, мой возлюбленный. Онъ слишкомъ удаленъ отъ центра, я должна перебраться въ городъ. На будущей недѣлѣ начнутся репетиціи. И затѣмъ, когда прошлое идетъ на смарку, надо начинать съ перемѣны мѣста, такъ какъ съ извѣстнымъ мѣстомъ всегда бываютъ связаны нѣкоторыя воспоминанія. Я ни о чемъ не сожалѣю, я увѣрена въ себѣ и жажду работы. Въ концѣ концовъ, артистка—всего сильнѣе во мнѣ. Я приняла рѣшеніе и держу носъ по вѣтру. Я смѣло могу смотрѣть въ глаза всему сущему на землѣ, и я признательна Ліонелю Гордону за то, что онъ взялъ меня, и Фаллоуфильду—за то, что тотъ „подмазалъ“ его. И все же эти „перемѣны жизни“—не то что увеселительная поѣздка за городъ. Онѣ даются не легко...

Пеппи провела рукою по глазамъ, полу-смѣясь и полу-плача.

— Ахъ, любите меня, Доминикъ, любите меня по-своему—чистою любовью,—это все, чего я прошу, чего я хочу,—только любите меня всегда, всегда...

Она положила руки ему на плечи и откинула голову назадъ.

А онъ, нагнувшись къ ней, цѣловалъ ея блѣдное лицо, мягкіе густые волосы, пурпуровыя губы, ея темные глубокіе глаза, безстрашно глядѣвшіе на зло, измѣрившіе его наслажденіе, и тѣмъ не менѣе мужественно отъ него отвернувшіеся. Онъ цѣловалъ ихъ нѣжно, почтительно и гордо, со всею чистотою и рыцарствомъ истинной дружбы.

— Вотъ мнѣ и лучше. Да благословитъ васъ Богъ. Не тревожьтесь. Я буду честно вести игру до конца. Только будьте тверды. Бросьте проклятый банкъ. А теперь—ступайте, милый. Покойной ночи.

XXVI.

Честный Джорджъ Лёвгровъ одиноко блуждалъ по Кенсингтонскому саду.

Съ нѣкоторыхъ поръ это вошло у него въ привычку, и онъ неизмѣнно приходилъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Доминика Иглезіаса, возвращавшагося отъ ранней обѣдни, и, пораженный извѣстіемъ о его переходѣ въ католичество, съ ужасомъ бѣжалъ отъ него.

М-ръ Лёвгровъ шелъ по тѣнистой нижней аллеѣ, окаймленной цвѣточнымъ бордюромъ и густымъ кустарникомъ. Эта аллея, защищенная отъ вѣтра и снабженная множествомъ скамеекъ, по-

сѣщается преимущественно няньками съ дѣтьми, и Джорджъ приходилъ сюда полюбоваться малышами, возсѣдающими въ колясочкахъ или бѣгающими на толстенькихъ ножкахъ. Они скакали, трубили, барабанили, расходуя запасъ энергіи, накопившійся послѣ крѣпкаго сна и сытнаго завтрака. Онъ осторожно пробирался среди нихъ, слѣдя влажными глазами за ихъ бѣготнею и прыжками, боясь помѣшать имъ своею неуклюжею фигурою. Порою онъ тщетно пытался уловить дружелюбный взглядъ которой-нибудь изъ этихъ важныхъ маленькихъ особъ, но онѣ оставались царственно-безучастны къ его присутствію и нѣмому обожанію.

Уже съ нѣкоторыхъ поръ, еще до разрыва съ другомъ, онъ началъ ощущать громадную пустоту въ своей благословенной семейной жизни, особенно со времени своего выхода изъ членовъ городского совѣта, и масса свободнаго времени сильно тяготила его. Не потому ли онъ заскучалъ, что жизнь его шла слишкомъ гладко?—спрашивалъ онъ себя, возмущаясь собственною неблагодарностью. И тѣмъ не менѣе, онъ жалѣлъ о томъ времени, когда служилъ въ банкѣ: объ утренней спѣшкѣ съ опасеніемъ опоздать къ дилижансу, о продолжительной ѣздѣ по улицамъ, объ утренней газетѣ, просматриваемой дорогою, объ общемъ завтракѣ въ обществѣ другихъ служащихъ—всѣ они были хорошіе люди... А какъ было пріятно возвращаться домой къ вечеру съ какимъ-нибудь маленькимъ гостинцемъ для жены, пройтись по саду, осмотрѣть маленькій питомникъ, выслушать отъ жены о новостяхъ дня и потолковать о добромъ времени, когда онъ выйдетъ въ отставку и они заживутъ на покоѣ. Какимъ удовольствіемъ была каждая поѣздка за городъ, посѣщеніе выставки, воскресный отдыхъ, наконецъ! Еслибы у него бѣгало по дому двое-трое такихъ малышей—тогда другое дѣло! Но объ этомъ нельзя и заикнуться при женѣ; онъ обязанъ щадить ея чувства.

Джорджъ былъ въ одномъ изъ такихъ настроеній и въ тотъ памятный весенній день, когда ему встрѣтился Доминикъ. Онъ чрезвычайно обрадовался другу и вспыхнулъ какъ дѣвица, встрѣтившая случайно предметъ своего поклоненія. Доминикъ шелъ задумавшись, лицо у него было какое-то особенно просвѣтленное, „торжественное“; онъ словно не сразу узналъ его, но затѣмъ поздоровался съ нимъ со своею обычною сердечностью.

Джорджъ помнилъ, какъ они пошли вмѣстѣ по аллеѣ, и онъ признался Иглезіасу въ своихъ сомнѣніяхъ и „малодушіи“, обвиняя себя за то, что поддается фантазіямъ. Тотъ прервалъ его. Напрасно онъ, наименѣе эгоистичный и чистѣйшій изъ людей,

винитъ себя! Эта похвала заставила Джорджа вспыхнуть до корней волосъ, и онъ высказалъ свою радость по поводу того, что старый другъ не измѣнился къ нимъ всѣмъ, какъ онъ сталъ бояться со дня посѣщенія театра. Ему казалось, что Доминикъ скоро переѣдетъ отъ нихъ въ болѣе фешенэбльную часть Лондона. Доминикъ улыбнулся и спросилъ — почему? И тогда онъ, краснѣя и путаясь въ словахъ, заговорилъ объ „очаровательной лэди“, видѣнной ими въ театрѣ. Она, очевидно, принадлежитъ къ другому, болѣе высокому кругу и, конечно, болѣе подходитъ къ Доминику, чѣмъ всѣ они. Онъ невольно любовался ими въ театрѣ и строилъ разные планы...

Доминикъ прервалъ его съ нѣсколько холодной улыбкою. Эта дама хороша собою, очень умна и очень несчастна; иногда она посылаетъ за нимъ, если онъ нуженъ ей, какъ было и въ тотъ вечеръ, но, быть можетъ, они даже и не увидятся болѣе, и вообще онъ не думаетъ мѣнять образа жизни. Почему онъ такъ рано вышелъ сегодня изъ дому? Онъ возвращается отъ ранней обѣдни.

Джорджъ помнилъ, что онъ прямо остолбенѣлъ на мѣстѣ, но Доминикъ, словно не замѣчая его ужаса, спокойно и откровенно заговорилъ съ нимъ, сообщивъ ему о пережитой имъ борьбѣ и долгихъ колебаніяхъ, приведшихъ его въ концѣ концовъ на истинный путь. Онъ вернулся къ вѣрѣ своихъ отцовъ и нашелъ въ этомъ полное успокоеніе.

Въ голосѣ друга звучалъ сдержанный восторгъ, но какъ онъ, Джорджъ, растерялся передъ этимъ неожиданнымъ признаніемъ, какъ онъ старался не глядѣть ему въ глаза, что-то бормоча о томъ, что ему еще нужно „освоиться съ этою мыслью“, что религіозный вопросъ можетъ разлучить навсегда самыхъ близкихъ, и, наконецъ, подъ первымъ попавшимся предлогомъ сбѣжалъ отъ Доминика.

Онъ помнитъ, какъ несся домой, уже не замѣчая расшалившихся дѣтей, и даже врѣзался, какъ слонъ, въ ихъ толпу, произведя замѣшательство въ ихъ рядахъ. Ему казалось, что все пошло навыворотъ: кумиръ его палъ съ пьедестала и разбился въ дребезги!

Предразсудки имѣютъ громадную власть надъ людьми, и честный Джорджъ, думая о католичествѣ, рисовалъ себѣ кровавые ужасы среднихъ вѣковъ, отожествляя церковь съ инквизиціей. Какъ могъ Доминикъ, имѣвшій счастье воспитываться въ Англіи, вернуться къ этимъ дикимъ вѣрованіямъ, къ этимъ фанатическимъ обрядамъ, онъ — такой спокойный и благородный,

такой безукоризненный джентльменъ? А главное—какъ приметъ это его жена? А Сюзанна? А Серена? Что онѣ скажутъ? Бѣдный, бѣдный другъ! Ужъ лучше бы онъ оказался замѣшаннымъ въ какую-нибудь „такую" любовную исторію...

Вердиктъ м-ссъ Лёвгровъ, конечно, оказался таковъ, какого онъ ожидалъ: всякія сношенія съ отступникомъ были прерваны, но—страннымъ образомъ—что-то порвалось и въ благословенной семейной жизни Джорджа, и съ тѣхъ поръ, переживая среди своихъ долгихъ прогулокъ исторію разрыва, онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, что вина была, можетъ быть, не всецѣло на сторонѣ Доминика. Онъ уже готовъ былъ усомниться въ непогрѣшимости сужденій своей жены.

Съ англ. О. Ч.

ИЗЪ КНИГИ „ТОСКА БЫТІЯ“

1.

Пускай мы счастливы, пусть блещутъ наши встрѣчи
И солнцемъ радости, и яркою мечтой,
Пускай веселіемъ играютъ наши рѣчи,
Но все жъ, прійдетъ пора—и смолкнемъ мы съ тобой.

Летитъ къ небытію сорвавшееся слово,
За часомъ часъ летитъ и жизнь мелькнетъ, какъ часъ,
И старость хилая къ намъ подойдетъ сурово,
Чтобъ въ бездну вѣчности навѣкъ низринуть насъ.

Такъ для чего жъ слова, желанья и волненья?
О, замолчи скорѣй!—въ молчаньи пусть замрутъ
Всѣ наши помыслы, порывы и стремленья,
Всѣ эти спутники мелькающихъ минутъ.

2.

При свѣтѣ звѣздъ.

Миріады песчинокъ сіяютъ кругомъ,
Небеса—словно море безъ дна.
То, что здѣсь, на землѣ, мы землею зовемъ,—
Изъ песчинокъ песчинка одна.
Ужасъ душу объялъ, разумъ смолкъ... Боже мой!
Освѣти! осѣни! успокой!

3.

О, жизнь печальная моя!
Жизнь безъ желаній, безъ волненій,
Безъ сердца сладкихъ упоеній,
Безъ вѣры въ лучшіе края,
О, жизнь печальная моя!

О, смерть грядущая моя!
О, страшный часъ уничтоженья!—
Исчезнетъ слухъ, угаснетъ зрѣнье
И въ безднѣ мглы погибну я....
О, смерть грядущая моя!

Д. Ратгаузъ.

ТОЛЕДСКІЙ СОБОРЪ

ПОВѢСТЬ.

Vicente-Blasco Ibañez. La Catedral. Novella. 1907.

III *).

Семинарія закалила духъ Габріэля. Изучая исторію испанской церкви, и въ особенности толедскаго собора, часто и подолгу останавливаясь на его подробностяхъ, Габріэль восторгался величіемъ прошлаго и горѣлъ жаждой служить церкви съ такимъ же блескомъ, какъ прелаты минувшихъ вѣковъ. Болѣе всего онъ восхищался тѣми епископами, которые защищали интересы церкви съ оружіемъ въ рукахъ, сражались противъ мавровъ и еретиковъ, брали крѣпости и города, расширяя владѣнія церкви. Эти воинствующіе князья церкви построили остовъ толедскаго собора, мощную громаду изъ бѣлоснѣжнаго камня. Сооруженіе собора длилось цѣлыхъ три вѣка. Послѣ воинствующихъ епископовъ, которые возвели основу храма, смѣнившіе ихъ болѣе культурные прелаты заботились объ украшеніяхъ, устанавливали драгоцѣнныя рѣшетки, воздвигали рѣзные порталы, увѣшивали соборъ картинами, обставляли его драгоцѣнностями. И столько мастеровъ разныхъ эпохъ работали надъ сооруженіемъ и украшеніемъ храма, что внутри его собраны образцы всѣхъ архитектурныхъ стилей, когда-либо господствовавшихъ въ Испаніи, отъ мавританскаго до готическаго во всемъ его развитіи—отъ примитивной простоты до пышности цвѣтущей поры готики. А въ отдѣльныхъ подробностяхъ отдѣлки есть даже украшенія стиля барокъ.

---

*) См. выше: октябрь, стр. 682.

Разсматривая всѣ эти образцы разныхъ эпохъ, Габріэль вспоминалъ имена и жизнь отдѣльныхъ епископовъ, участвовавшихъ въ возведеніи храма. Чаще всего онъ останавливался у часовни святого Идлефонса, гдѣ находилась гробница кардинала дона Хиля-де-Альборноза, воинствующаго прелата, который во время изгнанія папъ въ Авиньонъ не могъ примириться съ бездѣльемъ придворной жизни при авиньонскомъ папскомъ дворѣ; онъ отправился въ Италію воевать противъ еретиковъ, овладѣлъ, съ помощью набраннаго имъ войска, множествомъ итальянскихъ городовъ и подчинилъ ихъ папской власти. Самъ онъ разбогатѣлъ какъ король отъ награбленной добычи и основалъ въ Болоньѣ „испанскую коллегію". Папа, зная о его грабительскихъ набѣгахъ, потребовалъ отъ него отчета. Тогда донъ Хиль предсталъ передъ папой съ повозкой, нагруженной ключами и замками.

— Это—ключи отъ городовъ и крѣпостей, которые я покорилъ папской власти,—сказалъ онъ.—Это и есть мои счета.

Габріэль восторгался доблестью и мужествомъ кардинала Альборноза, и ему было особенно отрадно, что такія качества проявилъ именно служитель церкви.

„Если бы въ нашъ маловѣрный вѣкъ,—думалъ Габріэль,—нашлись такіе люди, они подняли бы католичество на прежнюю высоту".

Габріэлю было восемнадцать лѣтъ, когда онъ лишился отца. Старый садовникъ умеръ спокойно, довольный тѣмъ, что вся его семья состоитъ на службѣ при соборѣ и что такимъ образомъ традиціи семьи Луна не нарушены. Томасъ, старшій сынъ, занялъ должность отца еще при его жизни. Эстабанъ былъ сначала пѣвчимъ и помощникомъ пономаря, а потомъ произведенъ былъ въ „силенціарія", наблюдающаго за тишиной въ храмѣ, и получилъ, вмѣстѣ съ деревяннымъ шестомъ, жалованье въ шесть реаловъ въ день; это былъ предѣлъ его желаній. Относительно же младшаго сына садовникъ былъ увѣренъ, что въ немъ ростетъ будущій отецъ церкви и что на небесахъ ему предназначено мѣсто по правую руку отъ Всевышняго.

Габріэль пріобрѣлъ въ семинаріи ту суровость духа, которая превращаетъ служителя церкви въ воина, и интересы церкви были ему ближе, чѣмъ событія въ родной семьѣ. Смерть отца не произвела поэтому на него сильнаго впечатлѣнія. Его тревожили болѣе важныя политическія событія. Это было время сентябрьской революціи. Въ семинаріи и въ соборѣ всѣ очень волновались, обсуждая съ утра до вечера вѣсти, которыя доходили изъ Мадрида. Старая Испанія, съ ея великимъ историческимъ про-

шлымъ, клонилась къ упадку. Кортесы, объявившіе себя учредительнымъ собраніемъ, казались этимъ чернымъ рясамъ, возбужденно слѣдившимъ за газетными извѣстіями, какимъ-то вулканомъ. Каноники радовались, читая рѣчи Мантеролы, но зато приходили въ смертельный ужасъ отъ революціонеровъ, уничтожавшихъ въ своихъ рѣчахъ все прошлое. Духовенство возлагало всѣ надежды на донъ-Карлоса, который началъ воевать въ сѣверныхъ провинціяхъ. Имъ казалось, что стоитъ королю баскскихъ горъ спуститься въ кастильскія равнины, чтобы все пришло въ порядокъ. Но проходили годы, донъ Амадео пріѣзжалъ и снова уѣзжалъ, наконецъ провозглашена была республика, а дѣла церкви не поправлялись. Небо оставалось глухимъ къ мольбамъ правовѣрныхъ. Одинъ республиканскій депутатъ провозгласилъ войну противъ Бога, похваляясь тѣмъ, что Богъ не заставитъ его молчать,—и безбожіе продолжало изливать свое краснорѣчіе, какъ воду отравленнаго источника.

Габріэль жилъ въ состояніи воинственнаго возбужденія. Онъ забылъ свои книги, не думалъ о своей будущности, пересталъ пѣть мессы. Ему было не до заботъ о себѣ и своей карьерѣ теперь, когда церкви грозила такая опасность...

Отъ времени до времени и все чаще и чаще изъ семинаріи стали пропадать то тотъ, то другой воспитанникъ, и на вопросы о томъ, гдѣ они, профессора семинаріи отвѣчали съ лукавой усмѣшкой:

— Они тамъ... съ честными людьми. Не могли спокойно смотрѣть на то, что̀ творится... Молоды... кровь горячая!

И они съ отеческой гордостью относились къ этимъ проявленіямъ горячей молодой крови.

Габріэлю тоже хотѣлось уйти вслѣдъ за отважными товарищами. Ему казалось, что наступаетъ конецъ свѣта. Въ нѣкоторыхъ городахъ революціонная толпа врывалась въ храмы и оскверняла ихъ. Еще не убивали служителей церкви, какъ въ другихъ революціяхъ, но священники не могли выйти на улицу въ рясѣ, не рискуя подвергнуться издѣвательствамъ. Воспоминанія о прежнихъ толедскихъ епископахъ, объ этихъ смѣлыхъ князьяхъ церкви, безпощадныхъ къ еретикамъ, будили въ душѣ Габріэля воинственный пылъ. Онъ никогда еще не выѣзжалъ изъ Толедо и всю жизнь провелъ подъ сѣнью собора. Испанія казалась ему равной по величинѣ всему остальному міру, и онъ чувствовалъ страстное желаніе увидѣть что-нибудь новое, увидѣть воочію все то необычайное, о чемъ онъ читалъ въ книгахъ.

Однажды онъ поцѣловалъ въ послѣдній разъ руку матери, почти не замѣчая, какъ дрожала всѣмъ тѣломъ бѣдная, почти ослѣпшая старуха. Ему тяжелѣе было покинуть семинарію, чѣмъ родной домъ. Онъ выкурилъ послѣднюю папиросу съ братьями въ соборномъ саду, не открывая имъ своихъ намѣреній, и ночью убѣжалъ изъ Толедо, запрятавъ въ карманъ прелестную шолковую „бойну“ —берэтъ карлистовъ,—сшитую бѣлыми руками какой-нибудь монахини въ одномъ изъ толедскихъ монастырей. Вмѣстѣ съ Габріэлемъ бѣжалъ его сверстникъ, сынъ звонаря. Они вступили въ одинъ изъ маленькихъ карлистскихъ отрядовъ, которыми полна была Манча, потомъ прошли въ Валенцію и Каталонію, горя желаніемъ предпринять нѣчто болѣе серьезное для защиты короля церкви, чѣмъ кража муловъ и взиманіе контрибуцій съ богачей.

Габріэль находилъ дикую прелесть въ этой бродяжнической жизни, проходящей въ вѣчной тревогѣ, въ страхѣ быть застигнутыми войскомъ. Его произвели въ офицеры, въ виду его знаній, а также благодаря рекомендательнымъ письмамъ отъ нѣкоторыхъ канониковъ толедскаго собора; писали о его выдающихся способностяхъ и о томъ, что было бы жаль, еслибы онъ остался простымъ пономаремъ.

Габріэлю нравилась свобода этой жизни внѣ всякихъ законовъ; онъ чувствовалъ себя какъ школьникъ, вырвавшійся изъ-подъ надзора. Но все-таки онъ не могъ скрыть отъ самого себя разочарованія, которое онъ испыталъ, ближе приглядѣвшись къ этимъ церковнымъ войскамъ. Онъ воображалъ, что увидитъ нѣчто подобное крестовымъ походамъ, увидитъ воиновъ, которые сражаются за вѣру, преклоняютъ колѣни для молитвы, отправляясь въ бой, и ночью, ложась спать послѣ пламенныхъ молитвъ, спятъ чистымъ сномъ праведниковъ. Вмѣсто всего этого, онъ увидѣлъ недисциплинированное войско, которое не подчинялось начальникамъ и неспособно было бросаться въ битву съ храбростью фанатиковъ, готовыхъ принести себя въ жертву для праваго дѣла. Напротивъ того, имъ хотѣлось продлить войну какъ можно дольше, чтобы продолжать жить на счетъ жителей страны и длить бездѣлье, которое было имъ такъ по душѣ. При видѣ вина, золота и женщинъ они устремлялись впередъ для грабежа, отталкивая начальниковъ, если тѣ хотѣли ихъ удержать.

Глядя на эти шайки грабителей, можно было подумать, что вернулись—среди современной культуры—времена кочевыхъ дикихъ ордъ: та же древняя привычка отбирать, съ оружіемъ въ рукахъ, хлѣбъ и жену у другого; тотъ же старинный кельто-

иберійскій духъ, склонный къ междоусобіямъ и воскресшій подъ предлогомъ политической распри. Габріэль не встрѣтилъ, за рѣдкими исключеніями, въ этихъ плохо вооруженныхъ и еще хуже одѣтыхъ войскахъ никого, кто бы сражался за идею. Среди воюющихъ были авантюристы, любившіе войну для войны, были искатели счастья, были крестьяне, которые въ своемъ пассивномъ невѣжествѣ пошли въ ряды партизановъ, но остались бы дома, если бы кто-нибудь другой посовѣтовалъ имъ остаться. Эти жалкіе, довѣрчивые люди были твердо убѣждены, что въ городахъ жгутъ на кострахъ и пожираютъ служителей церкви, и пошли въ горы, чтобы спасти общество отъ возвращенія къ варварству. Общая опасность, утомительность длинныхъ переходовъ, нужда и лишенія уравняли всѣхъ партизановъ—восторженныхъ, вѣрующихъ, скептиковъ, образованныхъ и невѣждъ. Всѣ чувствовали одинаковое желаніе вознаградить себя за лишенія, удовлетворить звѣря, котораго всѣ носили въ себѣ, раздраженнаго невзгодами и опасностями походной жизни. Они предавались поэтому пиршествамъ и неистовствамъ во время набѣговъ и грабежей. Они входили въ маленькія мѣстечки съ возгласами: „да здравствуетъ вѣра!"—но при малѣйшемъ неудовольствіи защитники вѣры ругались какъ язычники, и ихъ божба не щадила ничего святого.

Габріэль привыкъ къ этой кочевой жизни и ничѣмъ не возмущался. Прежняя скромность семинариста исчезла подъ суровостью воина.

Донна Бланка, невѣстка короля, появилась передъ его взоромъ, какъ героиня какого-нибудь романа. Романтичная и нервная принцесса стремилась уподобиться вандейскимъ героинямъ. Верхомъ на маленькой лошади, съ револьверомъ за поясомъ, въ бѣлой „бойнѣ" на распущенныхъ волосахъ, она мчалась во главѣ вооруженныхъ отрядовъ, которые воскресили въ центрѣ Испаніи жизнь и бытъ доисторическихъ временъ. Развѣвающіяся складки ея черной амазонки служили знаменемъ для зуавовъ—отряда, составленнаго изъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ авантюристовъ. Это были отбросы всѣхъ армій въ мірѣ, солдаты, предпочитавшіе слѣдовать за честолюбивой женщиной вмѣсто того, чтобы вступить въ иностранный легіонъ въ Алжирѣ, гдѣ ихъ ожидала болѣе суровая дисциплина.

Взятіе Куэнки, единственная побѣда за всю войну, оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ Габріэля. Отрядъ людей въ „бойнахъ", взобравшись на городскія стѣны, вступилъ въ городъ и разлился широкимъ потокомъ по улицамъ. Выстрѣлы изъ оконъ

домовъ не смогли остановить побѣдителей. Всѣ были блѣдны, у всѣхъ были помертвѣвшія губы; глаза сверкали и руки дрожали отъ жадности и жажды мести. Опасность, отъ которой они избавились, и радость первой побѣды вскружили имъ головы. Двери домовъ ломились подъ ударами прикладовъ, оттуда выбѣгали перепуганные люди и падали, тотчасъ же проколотые штыками. Внутри домовъ женщины вырывались отъ партизановъ, одной рукой вцѣляясь имъ въ лицо, а другой придерживая платье. Въ „институтѣ", мѣстной общественной школѣ, самые невѣжественные изъ воиновъ на глазахъ Габріэля разбивали шкафы съ инструментами въ физическомъ кабинетѣ, негодуя противъ этихъ дьявольскихъ изобрѣтеній, посредствомъ которыхъ нечестивцы, по ихъ мнѣнію, сообщались съ мадридскимъ правительствомъ. Они бросали на полъ и разбивали прикладами и сапогами золоченыя колеса аппаратовъ, диски электрическихъ машинъ.

Семинаристъ глядѣлъ съ сочувствіемъ на это разрушеніе. Подъ вліяніемъ семинарскаго обскурантизма, онъ тоже боялся науки, которая въ концѣ концовъ роковымъ образомъ приводитъ къ отрицанію Бога. Эти горцы, думалъ онъ, совершаютъ, сами того не зная, великое дѣло. Хорошо, если бы вся нація послѣдовала ихъ примѣру. Въ прежнія времена не существовало выдумокъ науки, и Испанія была счастливѣе. Для благополучія страны достаточно знаній служителей церкви, а невѣжество народа только способствуетъ спокойствію и благочестію. А это развѣ не все?

Война кончилась. Партизаны, преслѣдуемые войсками, прошли въ самый центръ Каталоніи и наконецъ, отброшенные къ границѣ, принуждены были отдать оружіе французскимъ таможеннымъ чиновникамъ. Многіе воспользовались амнистіей, радуясь возможности вернуться домой, и въ числѣ ихъ былъ Маріано, сынъ звонаря. Ему не хотѣлось оставаться на чужбинѣ. Кромѣ того, отецъ его умеръ, и онъ надѣялся занять его мѣсто и поселиться на соборной колокольнѣ. Онъ могъ разсчитывать, что ему дадутъ эту должность, въ виду заслугъ всей его семьи, служившей при соборѣ, и, главное, въ награду за то, что онъ три года сражался за вѣру—и даже былъ раненъ въ ногу. Онъ почти могъ причислить себя къ мученикамъ за христіанскую вѣру.

Габріэль не послѣдовалъ примѣру малодушныхъ и сдѣлался эмигрантомъ. „Офицеръ не можетъ присягнуть на вѣрность узурпатору",—говорилъ онъ съ высокомѣріемъ, усвоеннымъ имъ во время службы въ этомъ каррикатурномъ войскѣ, гдѣ доведенъ былъ до крайнихъ предѣловъ старинный военный форма-

лизмъ, гдѣ босяки, опоясанные шарфами, передавали другъ другу приказанія, всегда называя другъ друга „господинъ офицеръ". Но истинною причиной, по которой Луна не хотѣлъ вернуться въ Толедо, было то, что ему пріятнѣе было отдаться теченію событій, пожить въ новыхъ странахъ и перемѣнить образъ жизни. Вернуться въ соборъ—значило остаться въ немъ навсегда и отказаться отъ дѣятельной жизни. А онъ отвѣдалъ во время войны прелесть свободной мірской жизни, и ему не хотѣлось такъ скоро отказаться отъ нея. Онъ еще не достигъ совершеннолѣтія,—ему оставалось еще много времени впереди, чтобы закончить ученіе. Жизнь священника—вѣрное убѣжище, куда всегда еще будетъ достаточно рано вернуться. Къ тому же мать его умерла, и письма его братьевъ не сообщали ему никакихъ перемѣнъ въ сонной жизни верхняго монастыря, кромѣ женитьбы садовника и помолвки средняго брата, Эстабана, съ одной молодой дѣвушкой изъ семьи соборныхъ служащихъ; — бракъ съ посторонними собору противорѣчилъ бы традиціямъ семьи.

Луна жилъ болѣе года въ эмигрантскихъ поселеніяхъ. Его классическое образованіе и симпатіи, которыя внушала его молодость, въ значительной степени облегчали ему жизнь. Онъ разговаривалъ по-латыни съ французскими аббатами, которые съ интересомъ слушали молодого богослова, разсказывавшаго имъ о войнѣ, и обучали его французскому языку. Они устроили ему уроки испанскаго языка въ богатыхъ буржуазныхъ семьяхъ, преданныхъ церкви. Въ тяжелыя минуты, когда у него не было никакихъ средствъ къ жизни, его спасала дружба съ одной старой графиней-легитимисткой. Она приглашала его гостить къ себѣ въ замокъ и представляла воинственнаго семинариста гостившимъ у нея благочестивымъ важнымъ особамъ, говоря о Габріэлѣ въ такихъ выраженіяхъ, точно онъ крестоносецъ, вернувшійся изъ Палестины... Самымъ пламеннымъ желаніемъ Габріэля было поѣхать въ Парижъ. Жизнь во Франціи измѣнила кореннымъ образомъ направленіе его мыслей. У него было такое чувство, точно онъ попалъ на новую планету. Привыкнувъ сначала къ однообразной семинарской жизни, а потомъ къ кочевой жизни во время безславной, дикой войны, онъ былъ пораженъ культурностью, утонченностью и благосостояніемъ французовъ въ ихъ странѣ. Онъ со стыдомъ вспоминалъ о своемъ испанскомъ невѣжествѣ, о кастильскомъ высокомѣріи, питающемся чтеніемъ лживыхъ книгъ, о своей увѣренности, что Испанія—первая страна въ мірѣ, что испанцы—самая сильная и благородная нація, а остальные народы—жалкія существа, создан-

ныя Богомъ лишь для того, чтобы стать жертвами ересей и получать здоровыя колотушки каждый разъ, когда имъ приходило въ голову мѣриться съ этимъ привилегированнымъ народомъ, который плохо ѣстъ и мало пьетъ, но зато насчитываетъ наибольшее число святыхъ и самыхъ великихъ вождей въ христіанскомъ мірѣ. Когда Габріэль научился говорить по-французски и накопилъ небольшую сумму, нужную для путешествія, онъ отправился въ Парижъ. Одинъ знакомый аббатъ нашелъ ему занятія въ качествѣ корректора при одномъ книжномъ магазинѣ, торгующемъ книгами религіознаго содержанія. Магазинъ находился вблизи церкви святого Сюльпиція. Въ этомъ клерикальномъ кварталѣ Парижа, съ его отелями для священниковъ и набожныхъ семействъ, мрачными какъ монастыри, съ его лавками религіозныхъ картинъ и статуй святыхъ съ неизмѣнно блаженной улыбкой, свершился переворотъ въ душѣ Габріэля.

Кварталъ св. Сюльпиція съ его тихими улицами, съ богомолками въ черныхъ одеждахъ, которыя скользятъ вдоль стѣнъ, спѣша въ церковь на звонъ колоколовъ, сталъ для испанскаго семинариста путемъ въ Дамаскъ. Французское католичество, культурное, разсудительное, уважающее прогрессъ, поразило Габріэля. Воспитанный въ суровомъ испанскомъ благочестіи, онъ привыкъ презирать мірскую науку. Онъ зналъ, что на свѣтѣ есть только одна истинная наука — богословіе, а всѣ другія — праздныя забавы вѣчно пребывающаго въ младенчествѣ рода человѣческаго. Познавать Бога и размышлять о Его безпредѣльномъ могуществѣ—вотъ единственное серьезное дѣло, достойное человѣческаго разума. Машины, открытія положительныхъ наукъ не имѣютъ отношенія къ Богу и къ будущей жизни,—и потому это пустяки, которыми могутъ заниматься только безумцы и нечестивцы.

Бывшій семинаристъ, который съ дѣтства презиралъ науку какъ ложь, былъ пораженъ почтительнымъ отношеніемъ къ ней французскихъ католиковъ. Исправляя корректуры религіозныхъ книгъ, Габріэль видѣлъ, какое глубокое уваженіе внушала наука, презираемая въ Испаніи, французскимъ аббатамъ, гораздо болѣе образованнымъ, чѣмъ испанскіе каноники. Болѣе того, онъ замѣтилъ въ представителяхъ религіи странную смиренность при столкновеніяхъ съ наукой, удивлявшее его желаніе привлечь симпатіи людей науки своими примирительными попытками съ цѣлью сохранить мѣсто и для религіи въ быстромъ наступательномъ движеніи прогресса. Цѣлыя книги знаменитыхъ прелатовъ имѣли цѣлью примирить — хотя бы съ сильными натяжками— откровенія священныхъ книгъ съ данными науки. Древняя цер-

ковь, величественная, неподвижная въ своемъ высокомѣріи, не соглашавшаяся шевельнуть ни одной складки своей одежды, чтобы стряхнуть пыль вѣковъ, — эта церковь вдругъ оживилась во Франціи. Чтобы вернуть молодость, она сбросила традиціонныя одежды, какъ смѣшныя старыя лохмотья, и расправила члены съ отчаяннымъ усиліемъ воли, чтобы облачиться въ современный панцырь науки, своего величайшаго врага наканунѣ и— торжествующей побѣдительницы теперь...

Въ душѣ Габріэля проснулась такая же любознательность, какъ въ юности, когда онъ зачитывался переплетенными въ пергаментъ книгами семинарской библіотеки. Ему хотѣлось постигнуть чары этой ненавистной науки, которая такъ тревожила служителей Бога и ради которой они отрекались отъ традицій девятнадцати вѣковъ. Онъ хотѣлъ понять, зачѣмъ они искажаютъ смыслъ священнаго писанія, стараясь объяснить геологическими эпохами сотвореніе міра въ шесть дней. Онъ хотѣлъ знать, отъ какой опасности хочетъ оградиться духовенство своими попытками примирить божественную истину съ законами науки, и откуда явился этотъ страхъ, мѣшающій духовнымъ писателямъ откровенно и твердо провозгласить вѣру въ чудеса.

Черезъ нѣкоторое время Габріэль покинулъ мирную атмосферу католическаго книжнаго магазина. Его репутація ученаго гуманиста дошла до одного издателя классическихъ книгъ, который жилъ подлѣ Сорбонны, и Луна, не покидая лѣваго берега Сены, переселился въ Латинскій кварталъ, чтобы править корректуры латинскихъ и греческихъ книгъ. Онъ зарабатывалъ по двѣнадцати франковъ въ день—гораздо больше, чѣмъ каноники толедскаго собора, которые когда-то казались ему принцами. Онъ жилъ въ студенческомъ отелѣ, по близости отъ медицинской школы, и его споры по вечерамъ съ другими молодыми людьми, жившими въ томъ же отелѣ, просвѣщали его почти не менѣе, чѣмъ пагубныя научныя книги, которыя онъ сталъ читать. Его товарищи указывали ему, что̀ читать въ свободные часы, которые онъ проводилъ въ библіотекѣ св. Женевьевы,—и они хохотали до упаду надъ его семинарской восторженностью въ бесѣдахъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ молодой Луна посвящалъ все свободное время чтенію. Иногда, впрочемъ, онъ сопровождалъ товарищей въ кафе́ и пивныя и принималъ участіе въ веселой жизни Латинскаго квартала. Онъ видѣлъ гризетокъ, описываемыхъ Мюрже, не такими меланхоличными, какъ въ произведеніяхъ поэта. Иногда онъ совершалъ по воскресеньямъ идиллическія прогулки вдвоемъ въ окрестностяхъ Парижа, но въ общемъ лю-

бовь не играла большой роли въ его жизни. Любознательность побѣждала въ немъ чувственные инстинкты, и послѣ мимолетныхъ романтическихъ приключеній онъ возвращался еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ къ умственной работѣ.

Изученіе исторіи, столь ясной въ противоположность туманнымъ чудесамъ церковныхъ хроникъ, которыми онъ увлекался въ дѣтствѣ, расшатало въ значительной мѣрѣ его вѣру. Католицизмъ уже не былъ для него единственной религіей. Онъ уже не дѣлилъ исторію человѣчества на два періода—до и послѣ появленія къ Іудеѣ нѣсколькихъ невѣдомыхъ людей, которые разсѣялись по міру, проповѣдуя космополитическую мораль, изложенную въ формѣ восточныхъ изреченій и расширенную ученіями греческой философіи. Онъ видѣлъ теперь, что религіи создавались людьми и подвержены условіямъ жизни всѣхъ организмовъ, что есть у нихъ пора восторженной юности, готовой на всякія жертвы, что затѣмъ наступаетъ зрѣлость съ ея жаждой власти и, наконецъ, неизбѣжная старость, за которой слѣдуетъ медленная агонія. Во время нея больной, чувствуя близость конца, съ отчаяніемъ цѣпляется за жизнь.

Прежняя вѣра Габріэля еще старалась бороться нѣсколько времени противъ его новыхъ убѣжденій, но чѣмъ больше онъ читалъ и думалъ, тѣмъ слабѣе становилась въ немъ сила сопротивленія. Христіанство казалось теперь Габріэлю только однимъ изъ проявленій человѣческой мысли, стремящейся объяснить какъ-нибудь присутствіе человѣка на землѣ, а также понять тайну смерти. Онъ пересталъ вѣрить въ католичество, какъ единственную истинную религію, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у него и вѣра въ святость монархіи, побудившая его прежде примкнуть къ карлистамъ. Освободившись отъ расовыхъ предразсудковъ, онъ сталъ относиться съ трезвостью къ исторіи своей родины. Иностранные историки раскрыли ему грустную судьбу Испаніи, молодой и сильной — на исходѣ среднихъ вѣковъ, но остановленной въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи фанатизмомъ инквизиціонной церкви и безуміемъ своихъ королей, которые задумали—совершенно не имѣя для этого средствъ—возстановить монархію цезарей и погубили страну своимъ честолюбіемъ. Народы, которые порвали связь съ папскимъ престоломъ и повернулись спиной къ Риму, были гораздо счастливѣе, чѣмъ Испанія, дремавшая какъ нищенка у воротъ храма.

Отъ всѣхъ его прежнихъ вѣрованій у Габріэля осталась только вѣра въ Бога, творца міра. Но при этомъ его смущала астрономія, которою онъ занимался съ какой-то дѣтской восторжен-

ностью. Безконечное пространство, гдѣ, какъ онъ былъ убѣжденъ въ прежнее время, летали сонмы ангеловъ и которое служило путемъ для Мадонны, когда она спускалась на землю, вдругъ наполнилось милліардами міровъ, и чѣмъ болѣе изощрялись инструменты, изобрѣтаемые для изслѣдованія небесныхъ тѣлъ, тѣмъ число ихъ все возрастало, тѣмъ безпредѣльнѣе становилось пространство. Голова кружилась при мысли о такой безбрежности. Міры оказываютъ взаимное притяженіе другъ на друга, вращаются, совершая милліарды миль въ секунду, и вся эта туча міровъ падаетъ въ пространства, никогда не проходя дважды по одному и тому же пункту безмолвной безконечности, въ которой возникаютъ все новые и новые міры, также какъ все болѣе и болѣе совершенствуются орудія наблюденія. Гдѣ же въ этой безконечности мѣсто для Бога, создавшаго землю въ шесть дней, гнѣвающагося на два невинныхъ существа, созданныхъ изъ праха и оживленныхъ дуновеніемъ, гдѣ Богъ, вызвавшій изъ хаоса солнце и столько милліоновъ свѣтилъ съ единственной цѣлью освѣщать нашу планету, эту жалкую пылинку въ безконечности?

Богъ Габріэля, утратившій тѣлесный образъ и разсѣявшійся въ мірозданіи, утратилъ и другіе свои аттрибуты. Проникая собой безграничное пространство, сливаясь съ безконечностью, онъ становился неосязаемымъ для мысли призракомъ.

По совѣтамъ знакомыхъ студентовъ, Габріэль прочелъ Дарвина, Бюхнера, Геккеля,—и ему открылась тайна мірозданія, мучившая его послѣ того, какъ онъ пересталъ вѣрить во всемогущество религіи. Онъ понялъ прошлое нашей планеты, которая вращалась сотни милліоновъ лѣтъ въ пространствѣ, претерпѣвая всевозможныя катаклизмы и превращенія. Жизнь возникла на ней послѣ долгихъ предварительныхъ попытокъ, сначала въ видѣ микроскопическихъ формъ существованія,—мха, едва покрывающаго скалы, животнаго, въ которомъ едва замѣтны признаки элементарнаго организма. Постепенное дальнѣйшее развитіе совершалось, прерываемое катаклизмами. Жизнь земли—безконечная цѣпь эволюцій, смѣна неудавшихся формъ и организмовъ новыми, совершенствующимися, вслѣдствіе естественнаго подбора, вплоть до человѣка, который, высшимъ напряженіемъ матеріи, заключенной въ его черепѣ, вышелъ изъ животнаго состоянія и утвердилъ свою власть на землѣ.

У Габріэля ничего не осталось отъ его прежнихъ вѣрованій. Его душа была какъ бы опустошенной равниной. Послѣднее вѣрованіе, сохранившееся среди развалинъ, рушилось. Луна отка-

зался отъ Бога, какъ отъ пустого призрака, стоявшаго между человѣкомъ и природой. Но бывшему семинаристу необходимо было во-что-нибудь вѣрить, отдаться борьбѣ за какую-нибудь идею, употребить на что-нибудь свой проповѣдническій пылъ, которымъ онъ поражалъ всѣхъ въ семинаріи. Его стала привлекать революціонная соціологія. Прежде всего его заинтересовали смѣлыя теоріи Прудона, а затѣмъ дѣло его обращенія завершено было нѣсколькими воинствующими пропагандистами, работавшими въ одной типографіи съ нимъ, старыми солдатами коммуны, вернувшимися изъ ссылки или изъ каторги и возобновившими борьбу противъ существующаго строя съ удвоеннымъ жаромъ. Съ ними онъ ходилъ на митинги, слушалъ Реклю, Кропоткина, и ученіе Михаила Бакунина казалось ему евангеліемъ будущаго.

Найдя новую религію, Габріэль всецѣло отдался ей, мечтая возродить человѣчество экономическимъ путемъ. Прежде обездоленные надѣялись на блаженство въ будущей жизни. Но увѣрившись, что нѣтъ иной жизни, кромѣ настоящей, Луна возмутился противъ общественной несправедливости, осуждающей на нужду много милліоновъ существъ ради благополучія небольшого числа привилегированныхъ. Онъ увидѣлъ источникъ всѣхъ золъ во власти и возненавидѣлъ ее всей душой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ очень отличался отъ своихъ новыхъ товарищей мягкостью характера и ненавистью ко всякому насилію. Они мечтали только о томъ, чтобы устрашить міръ динамитомъ и кинжаломъ и заставить всѣхъ принять изъ страха новое ученіе. Онъ же, напротивъ того, вѣрилъ въ силу идей и въ мирную эволюцію человѣчества. Онъ доказывалъ, что нужно дѣйствовать, какъ апостолы христіанства, вѣря въ будущее, но не торопясь осуществить непремѣнно сейчасъ же свои надежды.

Побуждаемый жаждой прозелитизма, онъ покинулъ Парижъ черезъ пять лѣтъ. Ему хотѣлось видѣть міръ, самому изучить нужды общества и посмотрѣть, какими силами располагаютъ обездоленные для того, чтобы подготовить общество къ великому перевороту. Въ Лондонѣ онъ познакомился съ молодой больной англичанкой, горѣвшей, подобно ему, революціоннымъ пыломъ; она ходила съ утра до ночи по улицамъ рабочихъ кварталовъ, стояла у входовъ въ мастерскія и раздавала брошюры и листки, находившіеся въ картонкѣ для шляпъ, которую всегда носила въ рукахъ. Люси сдѣлалась вскорѣ подругой Габріэля. Они полюбили другъ друга глубокимъ, но спокойнымъ чувствомъ. Ихъ соединяла не страсть, а общность идей. Это была любовь революціонеровъ, всецѣло поглощенныхъ борьбой противъ обще-

ства и въ сердцѣ которыхъ не оставалось мѣста для другихъ сильныхъ чувствъ.

Луна и его подруга ѣздили по Голландіи, по Бельгіи, потомъ поселились въ Германіи, постоянно переѣзжая отъ одной группы товарищей къ другой, зарабатывая средства для жизни разными способами, съ легкостью приспособленія, отличающей всѣхъ международныхъ революціонеровъ, которые скитаются по свѣту безъ денегъ, терпя лишенія, но всегда находятъ въ трудныя минуты братскую руку, которая помогаетъ имъ стать на ноги и двинуться дальше въ путь.

Послѣ восьми лѣтъ такой жизни, подруга Габріэля умерла отъ чахотки. Они были въ это время въ Италіи. Оставшись одинъ, Луна впервые понялъ, какой опорой была для него подруга его жизни. Онъ забылъ на время свои политическіе интересы и оплакивалъ Люси, безъ которой жизнь его стала пустой. Онъ любилъ ее не такъ пылко, какъ любятъ въ его годы, но ихъ сроднила общность идей, общія невзгоды, и съ годами у нихъ сдѣлалась какъ бы одна общая воля. Кромѣ того, Габріэль чувствовалъ себя состарившимся раньше времени вслѣдствіе трудной, тревожной жизни. Въ разныхъ городахъ Европы его сажали въ тюрьму, подозрѣвая въ сообщничествѣ съ террористами. Полиція много разъ жестокимъ образомъ избивала его. Ему становилось труднымъ путешествовать по Европѣ, потому что его фотографическая карточка, вмѣстѣ съ портретами многихъ его товарищей, находилась у полиціи всѣхъ странъ. Онъ былъ бродячей собакой, которую отовсюду гнали палками.

Габріэль не могъ жить одинъ, послѣ того какъ привыкъ видѣть около себя добрые голубые глаза подруги, слышать ея тихій ласковый голосъ, поддерживавшій въ немъ духъ въ трудныя минуты, и онъ не могъ выдержать жизни на чужбинѣ послѣ смерти Люси. Въ немъ проснулась пламенная тоска по родинѣ, ему страстно захотѣлось вернуться въ Испанію. Онъ вспомнилъ о своихъ братьяхъ, точно прилѣпившихся къ стѣнамъ собора, равнодушныхъ ко всему, что происходитъ во внѣшнемъ мірѣ; они уже перестали даже освѣдомляться о немъ—забыли его.

Габріэль рѣшилъ тотчасъ же ѣхать въ Испанію, точно боясь умереть на чужбинѣ. Товарищи предложили ему завѣдывать типографіей въ Барцелонѣ, но, прежде чѣмъ поѣхать туда, ему хотѣлось пробыть нѣсколько дней въ Толедо. Онъ возвращался туда сильно состарившимся, хотя ему еще не было сорока лѣтъ, съ знаніемъ четырехъ или пяти языковъ, и бѣднѣе, чѣмъ онъ уѣхалъ оттуда. Онъ зналъ, что старшій братъ, садовникъ,

умеръ, и что его вдова жила вмѣстѣ съ сыномъ въ маленькомъ чердачномъ помѣщеніи въ верхнемъ монастырѣ и стирала бѣлье на каноников. Эстабанъ отнесся къ нему послѣ долгаго отсутствія съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ относился, когда Габріэль былъ еще въ семинаріи. Онъ очень интересовался путешествіями брата и созвалъ всѣхъ жителей верхняго монастыря послушать этого человѣка, который исходилъ весь міръ изъ конца въ конецъ. Въ своихъ разспросахъ Эстабанъ сильно путался въ географіи, такъ какъ зналъ въ ней только два дѣленія—на страны, обитаемыя католиками, и страны, гдѣ живутъ еретики.

Габріэль чувствовалъ жалость къ этимъ людямъ, прозябающимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не интересуясь ничѣмъ, что происходитъ за стѣнами собора. Церковь казалась ему огромной развалиной — какъ бы щитомъ животнаго, нѣкогда сильнаго и мощнаго, но которое уже умерло болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Тѣло его истлѣло, душа испарилась, и отъ него не осталось ничего, кромѣ этого внѣшняго щита, подобно раковинамъ, которыя геологи находятъ при раскопкахъ и по строенію которыхъ они стараются опредѣлить, каково было тѣло существъ, жившихъ въ нихъ. Глядя на церковные обряды, которые его прежде волновали, онъ чувствовалъ желаніе протестовать, крикнуть священникамъ, чтобы они ушли, потому что время прошло, вѣра умерла, и что если люди приходятъ еще въ храмы, то только по традиціи и изъ страха передъ тѣмъ, что скажутъ другіе.

Въ Барцелонѣ, куда Габріэль поѣхалъ изъ Толедо, жизнь его превратилась въ водоворотъ борьбы и преслѣдованій. Товарищи относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, видя въ немъ друга великихъ борцовъ „за идею“, человѣка, объѣздившаго всю Европу. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ революціонеровъ. Не было ни одного митинга безъ участія товарища-Луны. Его природный даръ краснорѣчія, обращавшій на себя вниманіе уже въ семинаріи, проявлялся съ огромнымъ блескомъ въ революціонныхъ собраніяхъ, опьяняя толпу въ лохмотьяхъ, голодную и жалкую, которая вся дрожала отъ возбужденія, слушая, какъ онъ описывалъ грядущее райское устройство жизни, когда не будетъ ни собственности, ни пороковъ, ни привилегированныхъ классовъ, когда работа будетъ наслажденіемъ и не будетъ другой религіи, кромѣ науки и искусства. Нѣкоторые слушатели, самые скептическіе, снисходительно улыбались, слушая, какъ онъ возмущался насиліемъ и проповѣдывалъ пассивное сопротивленіе, которое должно привести къ полной побѣдѣ. Онъ казался имъ идеологомъ, — но его все-таки ходили слушать, считая его

рѣчи полезными для дѣла. Пусть онъ говоритъ, а они, люди дѣла, съумѣютъ уничтожить безъ рѣчей это ненавистное общество, глухое къ голосу истины.

Когда начались взрывы бомбъ на улицахъ, товарищъ Луна былъ пораженъ болѣе всѣхъ другихъ неожиданной для него катастрофой;—однако, его же перваго посадили въ тюрьму въ виду популярности его имени. О, эти два года, проведенные въ крѣпости Монхуихъ! Они глубоко ранили душу Габріэля, и эта неизлечимая рана раскрывалась при малѣйшемъ воспоминаніи о томъ времени.

Общество обезумѣло отъ страха, и ради самообороны стало попирать всѣ законы совѣсти и человѣческаго достоинства. Въ культурной странѣ воскресло правосудіе варварскихъ временъ. Расправу съ революціонерами перестали довѣрять суду, который могъ бы оказаться слишкомъ совѣстливымъ для этого. Революціонеровъ отдавали въ руки полиціи, которая, съ одобренія высшихъ властей, возобновила систему пытокъ. Габріэль помнилъ страшную ночь, когда вдругъ въ его казематѣ показался свѣтъ. Вошли люди въ полицейскихъ мундирахъ, схватили Габріэля и повели вверхъ по лѣстницѣ въ помѣщеніе, гдѣ ждали другіе люди, вооруженные огромными палками. Молодой человѣкъ въ мундирѣ полицейскаго офицера, креолъ, съ сладкимъ голосомъ и небрежными, лѣнивыми движеніями, сталъ допрашивать его о террористическихъ покушеніяхъ, происходившихъ въ городѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до того. Габріэль ничего не зналъ, ничего не видѣлъ. Можетъ быть, террористы были изъ числа его товарищей, но онъ жилъ въ своихъ мечтахъ и не видѣлъ, что вокругъ него готовились акты насилія. Его отрицательные отвѣты раздражали полицейскихъ. Сладкій голосъ креола дрожалъ отъ гнѣва, и вдругъ вся шайка накинулась на него съ ругательствами и проклятіями и началась охота за несчастной жертвой по всей комнатѣ. Удары сыпались на Габріэля куда попало— на спину, на ноги, на голову. Нѣсколько разъ, когда преслѣдователи вталкивали его въ уголъ, онъ выскакивалъ у нихъ изъ рукъ и отчаяннымъ прыжкомъ, наклонивъ голову, перебѣгалъ въ противоположный уголъ. Но удары продолжали сыпаться на него со всѣхъ сторонъ. Минутами отчаяніе придавало ему силу, и онъ бросался на своихъ мучителей, съ намѣреніемъ вцѣпиться зубами—въ кого сможетъ. Габріэль хранилъ на память пуговицу отъ полицейскаго мундира, которая осталась у него въ рукѣ послѣ одной изъ этихъ послѣднихъ вспышекъ угасающихъ силъ.

Когда, наконецъ, мучители его устали, ничего не добившись

отъ него, его отвели обратно въ казематъ и забыли тамъ. Онъ питался сухимъ хлѣбомъ и страдалъ отъ жажды еще болѣе, чѣмъ отъ голода. Вначалѣ онъ молилъ изнемогающимъ голосомъ, чтобы ему дали напиться, потомъ пересталъ просить, зная, какой будетъ отвѣтъ. Ему предлагали дать сколько угодно воды, если онъ выдастъ имена виновниковъ покушеній. Все время ему приходилось дѣлать выборъ между голодомъ и жаждой... Боясь терзаній жажды, онъ бросалъ на полъ, какъ отраву, пищу, которую ему давали, потому что она была пропитана солью и усиливала жажду. У него начался бредъ, какъ у погибающихъ при кораблекрушеніи, которые грезятъ о прѣсной водѣ среди соленыхъ волнъ. Ему снились прохладные ключи, и онъ высовывалъ языкъ, проводилъ имъ по стѣнамъ каземата, думая, что погружаетъ его въ воду, и съ ужасомъ приходилъ въ себя. Разумъ его начиналъ мутиться отъ пытокъ; онъ ползалъ на четверенькахъ и стукался головой объ дверь, самъ не зная— зачѣмъ.

Его мучители какъ будто забыли о его существованіи. Они заняты были допросами новыхъ заключенныхъ. Сторожа молча приносили ему пищу, и проходили мѣсяцы, въ теченіе которыхъ никто не заходилъ къ нему въ казематъ. Иногда ночью до него доходили, несмотря на толщину стѣнъ, рыданія и стоны изъ сосѣдней камеры. Однажды утромъ его разбудили нѣсколько ударовъ грома, очень удивившіе его, потому что въ это время сквозь узкое окно пробивался лучъ солнца. Подслушавъ, что говорили сторожа у его дверей, онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Въ это утро разстрѣляли нѣсколькихъ заключенныхъ.

Луна ждалъ смерти, какъ единственной возможности избавленія отъ мукъ. Ему хотѣлось поскорѣе покончить съ этимъ призракомъ жизни въ каменномъ мѣшкѣ, среди физическихъ страданій и страха передъ жестокостью тюремщиковъ. Его желудокъ, ослабленный лишеніями, часто не могъ принимать пищи, и онъ отворачивался съ гадливостью отъ миски съ отвратительной ѣдой, которую ему приносили. Долгая неподвижность, отсутствіе воздуха, плохая и недостаточная пища довели его до смертельнаго истощенія и малокровія. Онъ постоянно кашлялъ, чувствовалъ стѣсненіе въ груди при дыханіи, и нѣкоторыя медицинскія знанія, которыя онъ пріобрѣлъ въ своемъ стремленіи все знать, не оставляли ему никакого сомнѣнія, что онъ кончитъ какъ бѣдная Люси.

Послѣ полутора года предварительнаго заключенія, онъ предсталъ на военный судъ вмѣстѣ съ цѣлой группой обвиняемыхъ,

въ томъ числѣ стариковъ, женщинъ и мальчиковъ. У всѣхъ были исхудалыя, блѣдныя, вздутыя лица и испуганное выраженіе глазъ—обычное слѣдствіе долгаго одиночнаго заключенія. Габріэль искренно хотѣлъ, чтобы его приговорили къ смерти. Когда прочли длинный списокъ обвиняемыхъ и названо было имя Луны, судьи свирѣпо взглянули на него. Этотъ обвиняемый былъ теоретикъ. По показаніямъ свидѣтелей выяснено было, что онъ не принималъ непосредственнаго участія въ террористическихъ дѣйствіяхъ и даже возставалъ противъ насилія въ своихъ рѣчахъ,—но все же извѣстно было, что онъ—одинъ изъ главнѣйшихъ анархическихъ агитаторовъ, и что онъ произносилъ часто рѣчи во всѣхъ рабочихъ обществахъ, посѣщаемыхъ виновниками покушеній.

Габріэль провелъ еще много мѣсяцевъ послѣ того въ одиночномъ заключеніи. По намекамъ сторожей онъ могъ приблизительно слѣдить за колебаніями въ рѣшеніи его судьбы. То онъ думалъ, что его сошлютъ вмѣстѣ съ товарищами по несчастью на каторгу, то ждалъ немедленнаго освобожденія, а то, по другимъ слухамъ, полагалъ, что предстоитъ массовый разстрѣлъ, и что онъ—въ числѣ осужденныхъ. Черезъ два года его наконецъ выпустили вмѣстѣ съ другими, осужденными на изгнаніе. Габріэль вышелъ изъ тюрьмы худой и блѣдный какъ тѣнь. Онъ шатался отъ слабости, но забылъ о своемъ состояніи отъ жалости къ другимъ товарищамъ, еще болѣе больнымъ, чѣмъ онъ, съ видимыми знаками пытокъ и варварскихъ издѣвательствъ. Возвращеніе на свободу воскресило въ немъ его прежнюю мудрую жалость къ людямъ и готовность простить всѣмъ. Наиболѣе неистовые изъ его товарищей готовились поѣхать въ Англію и измышляли планы мести за свои страданія. А Луна, напротивъ того, говорилъ, что нужно жалѣть слѣпыя орудія обезумѣвшаго отъ страха общества. Эти исполнители чужой воли думали вѣдь, что они спасаютъ свою родину, карая тѣхъ, кого они считаютъ преступниками.

Климатъ Лондона оказалъ плохое дѣйствіе на здоровье Габріэля. Его болѣзнь обострилась, и, по прошествіи двухъ лѣтъ, ему пришлось переселиться на континентъ, несмотря на то, что Англія съ ея абсолютной свободой была единственной страной, гдѣ онъ могъ жить спокойно.

Существованіе его сдѣлалось ужаснымъ. Онъ превратился въ вѣчнаго странника, котораго полиція гнала съ мѣста на мѣсто, сажала въ тюрьму или изгоняла по самому ничтожному подозрѣнію. Среди культурной Европы онъ принужденъ былъ вести су-

ществованіе средневѣковыхъ бродягъ. При его физической слабости это сдѣлалось невыносимымъ. Болѣзнь и жажда успокоенія побудили его вернуться въ Испанію, гдѣ стали относиться снисходительно къ эмигрантамъ. Въ Испаніи все забывается, и хотя власти тамъ болѣе жестоки и произволъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но зато тамъ, по природной инертности, не упорствуютъ въ преслѣдованіяхъ.

Больной, безъ средствъ, безъ возможности найти работу въ типографіяхъ, гдѣ хозяева боялись его, Габріэль впалъ въ нужду и долженъ былъ обращаться за помощью къ товарищамъ. Такъ онъ бродилъ по всему полуострову, прячась отъ полиціи и прося помощи у своихъ.

Онъ палъ духомъ, чувствуя себя побѣжденнымъ. Онъ не могъ болѣе продолжать борьбу. Ему оставалось ждать смерти, но и смерть медленно приближалась на его зовъ. Тогда онъ вспомнилъ о своемъ братѣ, единственномъ близкомъ существѣ, которое осталось у него на свѣтѣ. Онъ вспомнилъ безмятежную жизнь семьи въ верхнемъ монастырѣ, промелькнувшую передъ его взорами, когда онъ былъ въ послѣдній разъ въ Толедо, и рѣшилъ искать тамъ послѣдняго убѣжища.

Вернувшись въ Толедо, онъ увидѣлъ, что и въ этотъ тихій уголокъ прокралось горе, и что прежнее безмятежное благополучіе семьи нарушено. Но все же соборъ, безучастный къ несчастіямъ людей, стоялъ непоколебимо, и подъ его сѣнью Габріэль надѣялся умереть спокойно, скрывшись отъ всѣхъ преслѣдователей—и оставивъ за порогомъ свои мятежныя мысли и желанія, которыя навлекли на него ненависть общества.

Ему хотѣлось не думать, не говорить, сдѣлаться частью этого мертваго міра, уподобиться камню стѣнъ — и онъ вдыхалъ съ наслажденіемъ усыпляющій запахъ ветхости, который шелъ отъ древнихъ стѣнъ.

IV.

Когда Габріэль выходилъ на разсвѣтѣ изъ квартиры брата, чтобы погулять по галереѣ верхняго монастыря — первый, кого онъ встрѣчалъ, былъ всегда донъ Антолинъ — „Серебряный Шестъ". Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ губернаторомъ толедскаго собора, власти котораго подчинены были всѣ служители недуховнаго званія; онъ завѣдывалъ также всякаго рода не очень значительными работами въ соборѣ и наблюдалъ за порядкомъ въ самой церкви и въ верхнемъ монастырѣ; такимъ образомъ,

по милости кардинала архіепископа, онъ былъ какъ бы алькадомъ этого маленькаго населенія.

Ему отведена была самая лучшая квартира въ верхнемъ монастырѣ, а въ дни большихъ праздниковъ, во время торжественнаго обхода церкви, онъ шелъ впереди всего причта, въ ризѣ и держа въ рукахъ серебряный шестъ вышиной съ него самого; этимъ шестомъ онъ ударялъ въ тактъ по звонкимъ плитамъ. Во время обѣдни онъ обходилъ церковь и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы нигдѣ не нарушалась тишина, чтобы служащіе не разговаривали другъ съ другомъ. Въ восемь часовъ вечера зимой и въ девять лѣтомъ онъ запиралъ лѣстницу верхняго монастыря и клалъ ключъ въ карманъ, отрѣзавъ такимъ образомъ все населеніе верхняго монастыря отъ города. Если случалось, что кто-нибудь заболѣвалъ ночью, онъ милостиво открывалъ дверь и возобновлялъ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ.

Ему было лѣтъ около шестидесяти, онъ былъ маленькаго роста, сухой, съ гладкимъ, какъ бы отполированнымъ лбомъ, узкимъ лицомъ безъ морщинъ и острыми, безстрастными глазами. Габріэль зналъ его съ дѣтства. Онъ былъ, по его собственному выраженію, простой солдатъ церкви, котораго за долгую и вѣрную службу произвели въ сержанты съ тѣмъ, чтобы онъ уже не ждалъ дальнѣйшаго повышенія. Когда Габріэль поступалъ въ семинарію, дона Антолина какъ разъ только-что посвятили въ священники послѣ долгихъ лѣтъ службы въ соборѣ. За его слѣпую вѣру и за несокрушимую преданность церкви семинарскій совѣтъ всячески покровительствовалъ ему, несмотря на его невѣжество. Онъ былъ простой крестьянинъ по происхожденію и родился въ маленькой горной деревушкѣ въ окрестностяхъ Толедо. Толедскій соборъ онъ считалъ первымъ храмомъ въ мірѣ послѣ собора святого Петра, а богословіе казалось ему воплощеніемъ божественной мудрости, которая его ослѣпляла и къ которой онъ относился съ благоговѣніемъ полнаго невѣжды.

Онъ обладалъ тѣмъ святымъ невѣжествомъ, которое церковь такъ цѣнила въ прежнія времена. Габріэль былъ увѣренъ, что если бы донъ Антолинъ жилъ въ пору расцвѣта католичества, онъ былъ бы произведенъ въ святые, предавшись духовной жизни, или же примкнулъ бы къ воинствующей церкви и былъ бы ревностнымъ инквизиторомъ. Но, родившись во время упадка католичества, когда благочестіе ослабѣло и церковь уже не могла подчинять своей власти силой, Антолинъ прозябалъ въ неизвѣстности, занимая низшія должности въ соборѣ, помогая церковному старостѣ завѣдывать жалкими деньгами, которыя правительство давало на

содержаніе собора. Онъ долго и тщательно обдумывалъ всякій расходъ въ нѣсколько су, стараясь устроить такъ, чтобы святой храмъ, какъ разоренная знатная семья, могъ прикрывать приличной внѣшностью свою нужду.

Ему нѣсколько разъ предлагали мѣсто духовника въ женскомъ монастырѣ, но онъ былъ слишкомъ привязанъ къ собору, чтобы покинуть его. Онъ гордился довѣріемъ сеньора архіепископа, дружбой канониковъ и совмѣстной административной дѣятельностью съ казначеемъ и старостой, и не могъ поэтому не выказывать высокомѣрнаго превосходства, когда стоялъ въ рясѣ, съ серебрянымъ шестомъ въ рукахъ, и къ нему подходили деревенскіе священники, заходившіе въ соборъ, когда они пріѣзжали въ Толедо.

У него были слабости, свойственныя всѣмъ духовнымъ лицамъ. Онъ любилъ копить деньги и изъ скупости имѣлъ нищенскій видъ. Его грязная шапочка была всегда наслѣдіемъ отъ какого-нибудь каноника, который отдалъ ее за негодностью, и ряса его, зеленовато-черннаго цвѣта, была тоже такого же происхожденія. При этомъ однако, по слухамъ, ходившимъ въ верхнемъ монастырѣ, у дона Антолина были деньги и онъ давалъ ихъ въ ростъ. Впрочемъ онъ никогда не давалъ больше, чѣмъ два-три дуро самымъ бѣднымъ служителямъ церкви, и получалъ эти деньги обратно съ процентами, когда въ началѣ мѣсяца производилась уплата жалованья служащимъ. Скупость и ростовщичество соединялись въ немъ съ чрезвычайной честностью во всемъ, что касалось интересовъ церкви. Онъ безпощадно преслѣдовалъ за малѣйшую утайку церковныхъ денегъ и сдавалъ свои счеты церковному совѣту съ необычайной аккуратностью, раздражая даже церковнаго старосту высчитываніемъ каждаго гроша. Церковь была бѣдна—и отнять у нея хоть грошъ онъ считалъ грѣхомъ, заслуживающимъ вѣчныхъ мученій въ аду. Но и онъ, Антолинъ, какъ вѣрный слуга Господень, былъ тоже бѣденъ, и потому считалъ вполнѣ дозволеннымъ пустить въ ростъ деньги, которыя онъ успѣлъ скопить, отказывая себѣ во всемъ.

Съ нимъ жила его племянница Марикита, очень некрасивая, толстая, краснощекая дѣвушка, пріѣхавшая вести хозяйство своего дяди, о богатствѣ котораго дошли слухи и до ея деревушки. Въ верхнемъ монастырѣ она командовала всѣми женщинами, пользуясь властью дона Антолина. Самыя робкія, боязливыя изъ обитательницъ верхняго монастыря составили цѣлый дворъ вокругъ нея; чтобы снискать ея благоволеніе, онѣ убирали комнаты и варили за нее. Она же въ это время, въ монашескомъ платьѣ,

но очень хорошо причесанная,—это была единственная роскошь, которую разрѣшалъ ей дядя,—гуляла по галереямъ монастыря, надѣясь встрѣтить какого-нибудь случайно попавшаго туда кадета, или привлечь взоры туристовъ, поднявшихся для осмотра башни или „Залы Гигантовъ“. Она кокетничала—съ кѣмъ только могла. Властная и суровая съ женщинами, она нѣжно улыбалась всѣмъ холостякамъ, живущимъ въ верхнемъ монастырѣ. Тато, сынъ старшаго брата Габріэля, Томаса, былъ ея большой другъ. Она приходила къ нему въ отсутствіе дяди и подолгу болтала съ нимъ. Ей нравился граціозный мальчикъ, который готовился стать тореадоромъ. Габріэль съ его болѣзненнымъ лицомъ, съ таинственностью его далекихъ скитаній, тоже внушалъ ей большой интересъ. Она была любезна даже со старикомъ Эстабаномъ, въ виду того, что онъ былъ вдовецъ. Тато говорилъ со смѣхомъ, что видъ мужского костюма сводилъ съ ума бѣдную дѣвушку, которая жила въ домѣ, гдѣ почти всѣ мужчины носили юбки.

Донъ Антолинъ зналъ Габріэля съ дѣтства и говорилъ ему „ты“. Невѣжественный священникъ помнилъ блестящіе успѣхи Габріэля въ семинаріи и, видя его теперь жалкимъ и больнымъ, живущимъ въ монастырѣ почти изъ милости, все-таки относился къ нему съ прежнимъ уваженіемъ. Габріэль же боялся дона Антолина, зная его непримиримый фанатизмъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, предпочиталъ только слушать его и ничего не говорить самому, чтобы не выдать себя. Донъ Антолинъ первый потребовалъ бы его изгнанія изъ монастыря, еслибы узналъ объ его прошломъ, а Габріэлю хотѣлось пожить спокойно въ соборѣ никѣмъ неузнаннымъ.

При встрѣчѣ утромъ съ Габріэлемъ, донъ Антолинъ неизмѣнно предлагалъ ему одинъ и тотъ же вопросъ:

— Ну что, какъ здоровье?

Габріэль былъ на этотъ разъ настроенъ оптимистически. Онъ зналъ, что не можетъ выздоровѣть, но спокойная жизнь и заботливый уходъ брата, который силой кормилъ его каждый часъ, какъ птичку, остановилъ теченіе болѣзни. Смерть встрѣтила на пути большія преграды.

— Мнѣ гораздо лучше, донъ Антолинъ, — отвѣтилъ онъ.— А у васъ вчера удачный былъ день?

„Серебряный Шестъ“ опустилъ свои грязныя костлявыя руки въ глубины своей рясы, вынулъ оттуда три книжечки съ талонами, красную, зеленую и бѣлую, и сталъ переворачивать листки, считая тѣ, отъ которыхъ остался только талонъ. Онъ такъ бережно обращался съ этими книжечками, точно онѣ имѣли

большее значеніе для религіи, чѣмъ Евангеліе, стоявшее на аналоѣ въ церкви.

— Плохой былъ день, Габріэль. Теперь зима и мало туристовъ. Самый лучшій сезонъ—это весна, когда пріѣзжаютъ черезъ Гибралтаръ англичане. Они ѣдутъ на праздники въ Севилью, а потомъ заѣзжаютъ посмотрѣть нашъ соборъ. А когда устанавливается весеннее тепло, пріѣзжаютъ гости и изъ Мадрида и рѣшаются, скрѣпя сердце, заплатить свои нѣсколько су, чтобы посмотрѣть „Гигантовъ" и большой колоколъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, пріятно продавать билеты. Былъ одинъ день, Габріэль, когда я собралъ восемьдесятъ дуро... Помню, это было въ праздникъ Тѣла Господня въ прошломъ году. Марикитѣ пришлось зашивать карманы моей рясы, которые прорвались отъ тяжести пезетъ. Истинное было тогда благословеніе Господне.

Онъ съ грустью посмотрѣлъ на книжечки, опечаленный тѣмъ, что въ зимніе дни ему приходилось отрывать такъ мало листковъ... Всѣ его мысли поглощены были желаніемъ продать какъ можно больше входныхъ билетовъ для осмотра достопримѣчательностей и сокровищъ собора. Въ этомъ было единственное спасеніе церкви — этимъ современнымъ способомъ покрывались расходы собора, и донъ Антолинъ гордился тѣмъ, что именно онъ доставляетъ этотъ доходъ церкви и такимъ образомъ является до нѣкоторой степени опорой храма.

— Видишь эти зеленые билеты,—говорилъ онъ Габріэлю:— Это самые дорогіе: они стоятъ по двѣ пезеты и даютъ право осмотрѣть самое интересное въ соборѣ: сокровищницу, часовню Мадонны и „Очаво" — восьмиугольную часовню, гдѣ хранятся реликвіи. Всѣ реликвіи другихъ соборовъ—ничто передъ нашими: всѣ онѣ большей частью поддѣльныя. А вотъ эти красные билеты стоятъ только по шести реаловъ и даютъ право осматривать ризницы, коллекцію облаченій, часовни дона Альвареса де-Луна и кардинала Альбернозы, залу капитула съ портретами архіепископовъ — словомъ, цѣлый рядъ интереснѣйшихъ драгоцѣнностей. Кто не сунетъ руку въ карманъ, чтобы поглядѣть на все это!

Потомъ, указывая на послѣднюю книжечку съ талонами, онъ прибавлялъ почти презрительнымъ тономъ:

— Эти бѣлые стоятъ всего по два реала. Они даютъ доступъ къ „Залѣ Гигантовъ" и на колокольню. Ихъ покупаетъ простой народъ, который приходитъ въ соборъ по праздникамъ. Представь себѣ, что многіе возмущаются этой продажей билетовъ, говоря, что это грабежъ. И недавно еще пришли три

солдата изъ академіи вмѣстѣ съ нѣсколькими крестьянами и стали скандалить, требуя, чтобы ихъ пустили смотрѣть „Гигантовъ“ за два су. Точно мы милостыни просимъ! А многіе уходятъ, ругаясь и браня церковь, какъ язычники, и дѣлаютъ непристойныя надписи на стѣнахъ лѣстницы. Какія времена, какія ужасныя времена настали, Габріэль!

Габріэль улыбался и ничего не отвѣчалъ, а донъ Антолинъ, ободренный этимъ молчаніемъ, въ которомъ онъ видѣлъ сочувствіе къ себѣ, продолжалъ съ нѣкоторой гордостью:

— Это вѣдь я выдумалъ билеты, т.-е. собственно не выдумалъ, а впервые ввелъ въ употребленіе здѣсь. Ты вотъ бывалъ въ разныхъ чужихъ странахъ и знаешь, что всюду можно все осматривать... только за деньги. Сеньоръ кардиналъ, предшественникъ теперешняго — да сохранитъ его надолго Господь! —тоже много путешествовалъ и былъ человѣкъ съ новыми понятіями. Это при немъ устроили электрическое освѣщеніе въ соборѣ. Отъ него-то я и слышалъ, что въ Римѣ и другихъ городахъ музеи и разныя интересныя зданія всегда открыты для осмотра — только нужно платить за входъ. Для публики это большое удобство, такъ какъ она можетъ видѣть все, что ее интересуетъ, не обращаясь ни къ кому за протекціей. И однажды, когда я съ казначеемъ ломалъ себѣ голову, не зная, какъ покрыть всѣ необходимые мѣсячные расходы жалкой тысячью пезетъ отъ правительства, я предложилъ пускать въ соборъ публику для осмотра по билетамъ. Представь себѣ, что многіе были противъ этого. Протестовали каноники изъ молодыхъ, говоря что-то о торговцахъ въ храмѣ; протестовали и старики, доказывая, что если соборъ показывалъ даромъ свои сокровища столько вѣковъ, то нельзя теперь этого мѣнять. Они, конечно, были всѣ правы — вѣдь каноники всѣ умные и разсудительные люди, — иначе они не были бы канониками. Но въ это дѣло вступился покойный кардиналъ — царство ему небесное! — и капитулу пришлось принять нововведеніе. Потомъ всѣ были этому рады,— да и какъ было не радоваться! Знаешь, сколько денегъ было выручено въ прошломъ году за входные билеты? Болѣе трехъ тысячъ дуро — почти столько же, сколько даетъ намъ многогрѣшное правительство—и безъ всякаго ущерба для кого бы то ни было. Публика приходитъ, платитъ, осматриваетъ, что хочетъ, и уходитъ. Все это перелетныя птицы—больше одного раза никто не является. И что за бѣда заплатить какія-нибудь четыре пезеты, если за нихъ можно осмотрѣть знаменитѣйшій

соборъ въ христіанскомъ мірѣ, колыбель испанскаго католичества, толедскій соборъ... Шутка ли сказать!

Донъ Антолинъ устремилъ глаза на Габріэля; видя его загадочную улыбку, онъ принялъ ее за подтвержденіе своихъ словъ и сталъ продолжать свои изліянія.

— Не думай, Габріэль, — сказалъ онъ, — что я исполняю свое трудное дѣло безъ настоятельной необходимости. Кардиналъ мнѣ довѣряетъ, каноники относятся ко мнѣ хорошо, а казначей только на меня и возлагаетъ надежды. Съ помощью этихъ билетовъ мы имѣемъ возможность удовлетворять нужды собора, и онъ сохраняетъ прежнее величіе въ глазахъ посѣтителей. Въ дѣйствительности же мы бѣдны какъ крысы. Къ счастью, у насъ остались еще на черный день крохи отъ нашего прежняго богатства. Если вѣтеръ или градъ сломаетъ у насъ расписныя стекла оконъ, то у насъ остался еще большой запасъ такихъ же стеколъ отъ прежнихъ вѣковъ. Господи Боже мой!—вѣдь были времена, когда соборъ содержалъ на свои средства въ оградѣ храма мастерскія для живописи по стеклу, имѣлъ своихъ стекольщиковъ и другихъ ремесленниковъ, такъ что можно было предпринимать большія работы, не заказывая ничего на сторонѣ. Если у насъ порвется какая-нибудь риза, то есть въ кладовыхъ, для починки ея, остатки дивной парчи, съ вытканными на ней цвѣтами и фигурами святыхъ. Но когда-нибудь запасъ истощится. Что будетъ, когда разобьется послѣднее расписное стекло, когда не будетъ больше парчи для починки ризъ? Придется вставить въ окна бѣлыя дешевыя стекла, чтобъ оградить соборъ отъ вѣтра и дождя. Соборъ будетъ похожъ — да проститъ мнѣ Господь это сравненіе!—на харчевню, и канононики толедскаго собора будутъ славить Бога въ облаченіи деревенскихъ священниковъ.

Донъ Антолинъ иронически засмѣялся, точно будущее, которое онъ предсказывалъ, противорѣчило всѣмъ законамъ природы.

— Не думай,—продолжалъ онъ,—что мы бросаемъ деньги на вѣтеръ, или не стараемся извлечь деньги изъ чего только возможно. Вотъ, напримѣръ, соборный садъ, который былъ издавна собственностью твоей семьи, послѣ смерти твоего брата отдается въ аренду. Твоя тетка Томаса арендуетъ его для своего сына и платитъ двадцать дуро въ годъ,—и то ей уступили за такую небольшую цѣну, въ виду того, что она очень дружна съ его святѣйшествомъ; они—друзья съ дѣтства. Я работаю какъ каторжный, слѣдя за всѣмъ, что дѣлается въ соборѣ и въ мо-

настырѣ, чтобы нигдѣ не было никакихъ злоупотребленій... Молодежи вѣдь нельзя довѣриться. Я долженъ самъ забѣгать въ „Очаво", чтобы посмотрѣть, требуетъ ли твой племянникъ Тато билеты у посѣтителей при входѣ. Этотъ сорванецъ способенъ впускать народъ даромъ, чтобы потомъ получить больше на чай. Потомъ нужно бѣжать въ верхній монастырь, присмотрѣть за сапожникомъ, который показываетъ „Гигантовъ". Отъ меня никто не увернется, и никто не войдетъ, не заплативъ за входъ. Но зато уже я—увы!—давно не служу мессъ. Въ полдень, когда закрываютъ соборъ, я хожу тутъ по галереѣ, читая требникъ въ ожиданіи часа, когда снова откроютъ церковь и могутъ явиться посѣтители; тогда я спускаюсь внизъ. Это жизнь, не достойная благочестиваго католика, и если Господь не приметъ во вниманіе, что все это я дѣлаю для славы его храма, то я могу поплатиться за свое усердіе спасеніемъ души.

Донъ Антолинъ остановился на минуту, но сейчасъ же продолжалъ говорить дальше; онъ былъ неисчерпаемъ, когда рѣчь шла о финансовомъ положеніи собора.

— Ахъ, Габріэль,—продолжалъ онъ:—что̀ значитъ то, что̀ у насъ осталось, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ у насъ было... Вѣдь ты и почти всѣ здѣсь живущіе понятія не имѣете о томъ, какъ богатъ былъ нашъ соборъ,—у него были царскія богатства; временами даже онъ былъ богаче королей Испаніи. Ты съ дѣтства зналъ, какъ никто, исторію нашихъ знаменитыхъ архіепископовъ, но о томъ, какія богатства они скопили, ты ни слова не можешь сказать. Вы, ученые, не интересуетесь матеріальными подробностями... Знаешь ли ты, какіе дары мы получали отъ королей и отъ знатныхъ вельможъ,—сколько они завѣщали собору послѣ смерти? Я-то вѣдь все это знаю—все изучилъ по архивнымъ матеріаламъ, потому что меня это интересуетъ. Сколько разъ, когда мы съ казначеемъ ломаемъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ справиться съ самыми мелкими расходами, я бѣшусь, видя, какъ мы обнищали,—и утѣшаюсь въ то же время, вспоминая о минувшемъ богатствѣ. Вѣдь мы, Габріэль, были очень, очень богаты. Архіепископъ толедскій могъ бы надѣть на свою митру двѣ короны—я не говорю: три, изъ почтенія къ папѣ... Первый даръ принесъ король Альфонсъ VI послѣ того, какъ отвоевалъ обратно Толедо. Я самъ видѣлъ дарственную запись, великолѣпную, написанную на пергаментѣ готическими буквами. Добрый король даровалъ собору девять городовъ, которые я могу всѣ назвать тебѣ, съ мельницами, виноградниками, домами, лавками. Потомъ Альфонсъ VII даровалъ намъ восемь деревень за Гва-

далквивиромъ, нѣсколько замковъ и десятину со всѣхъ денегъ, которыя чеканились въ Толедо, — и все это предназначалось на облаченіе пребендаріевъ. Столько же и даже больше далъ намъ Альфонсъ VIII. А потомъ воинственный прелатъ донъ Родриго, который отвоевалъ у мавровъ много земель, далъ собору цѣлое княжество съ нѣсколькими богатыми городами... А кромѣ королей, сколько знатныхъ вельможъ осыпали насъ своими великодушными дарами — замками, землями, десятинами... Мы были сильны и безконечно богаты, Габріэль. Территорія соборныхъ владѣній была величиной въ большое княжество. У собора были владѣнія на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Не было провинціи во всей Испаніи, гдѣ бы намъ не принадлежало что-нибудь,—и все это усиливало славу Господню и благосостояніе служителей церкви. За все платилась десятина собору: за печеніе хлѣба, за уловъ рыбы, за право охоты, за чеканку монеты, за право прохода по дорогамъ. Крестьяне, не платившіе ни налоговъ, ни податей, были преданы королю, а для спасенія души охотно давали церкви одинъ снопъ — самый лучшій—изъ десяти. Хлѣба было у насъ такъ много, что онъ едва умѣщался въ амбарахъ. Какія это были времена, Габріэль! Жива была тогда вѣра, а это—самое главное въ жизни. Безъ вѣры не можетъ быть ни чести, ни добродѣтели. Ничего хорошаго не можетъ быть, когда угасаетъ вѣра.

Онъ остановился на минуту, тяжело дыша прямо въ лицо Габріэлю. Онъ весь проникся атмосферой собора и совмѣщалъ въ себѣ всѣ запахи храма. Отъ его рясы шелъ затхлый запахъ старыхъ каменныхъ стѣнъ, а дыханіе его пропитано было сыростью каналовъ и водосточныхъ трубъ.

Воспоминаніе о минувшемъ богатствѣ воспламенило старика, и онъ далъ волю своему возмущенію.

— И послѣ такого богатства, Габріэль, вотъ въ какую горькую нужду мы впали теперь! Я, слуга Господень, долженъ продавать билеты, какъ на бой быковъ; храмъ Божій уподобился театру, и мы должны радоваться приходу въ храмъ какихъ-то еретиковъ, недостойныхъ созерцать сокровища храма... Я долженъ имъ улыбаться, чтобы собрать что-нибудь на пропитаніе намъ...

Донъ Антолинъ не переставалъ плакаться на несчастную судьбу церкви, пока они не дошли до дверей его квартиры. Изъ дверей высунулось некрасивое лицо Марикиты, которая позвала его.

— Дядя,—сказала она, — довольно гулять. Шоколадъ осты-

нетъ. Пропустивъ дядю въ дверь, она, улыбаясь, обратилась къ Габріэлю и попросила его тоже зайти къ нимъ. Ей нравился этотъ болѣзненный таинственный пришелецъ изъ далёка, и она всячески старалась подружиться съ нимъ.

Габріэль отклонилъ ея приглашеніе, и когда она, наконецъ, ушла къ себѣ, онъ еще походилъ по галереѣ, прежде чѣмъ пойти выпить чашку молока, которую братъ приготовлялъ ему каждое утро.

Часовъ около восьми спускался донъ Луисъ, регентъ, всегда театрально завернувшись въ плащъ и откинувъ назадъ шляпу, которая окружала ореоломъ его большую голову. Онъ разсѣянно напѣвалъ что-то, и тревожно спрашивалъ, не началась ли уже служба, потому что ему грозили штрафомъ за постоянныя опаздыванія. Габріэль чувствовалъ симпатію къ этому священнику съ душой художника, который прозябалъ, занимая ничтожное положеніе въ соборѣ, и больше интересовался музыкой, нежели догматами вѣры.

Днемъ Габріэль поднимался въ маленькую комнатку, которую занималъ регентъ этажемъ выше квартиры Эстабана. Въ комнаткѣ этой помѣщалось все имущество музыканта: желѣзная кровать, которая осталась у него еще отъ временъ семинаріи, фисгармонія и два гипсовыхъ бюста Бетховена и Моцарта, а также кипа нотъ, переплетенныхъ партитуръ и нотныхъ листовъ.

— Вотъ на что уходятъ его деньги! —ворчалъ старикъ Эстабанъ, когда заходилъ къ регенту и видѣлъ разбросанныя по всей комнатѣ ноты.—Никогда у него не остается ни гроша денегъ. Чуть получилъ жалованье, сейчасъ же отправляется въ Мадридъ—покупать еще ноты. Лучше бы, донъ Луисъ, вы купили себѣ новую шляпу, хотя бы самую скромную, а то вы приводите въ ужасъ каноников своимъ нищенскимъ видомъ.

Зимой, регентъ и Габріэль уходили, послѣ обѣдни, въ эту комнатку наверху. Каноники, спасаясь отъ холода и дождя, гуляли по галереямъ верхняго монастыря, чтобы не лишать себя моціона, необходимаго для упорядоченности ихъ образа жизни. Дождь стучалъ въ окна, и при сѣромъ печальномъ свѣтѣ донъ Луисъ перелистывалъ страницы партитуръ и, тихонько наигрывая что-нибудь на фисгармоніи, разговаривалъ съ Габріэлемъ, который сидѣлъ на кровати, за неимѣніемъ второго стула.

Музыкантъ говорилъ съ воодушевленіемъ о своихъ любимыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Среди какой-нибудь восторженной тирады онъ вдругъ останавливался и начиналъ играть; мелодіи наполняли комнату и, спускаясь по лѣстницѣ, доходили

до гулявшихъ внизу, какъ отдаленное эхо. Потомъ онъ вдругъ переставалъ играть, обрывая игру въ самомъ интересномъ мѣстѣ, и начиналъ снова говорить, точно боялся, что его мысли разсѣются, прежде чѣмъ онъ успѣетъ ихъ высказать. Габріэль былъ первый человѣкъ изъ всѣхъ, кого онъ зналъ въ соборѣ, который слушалъ часами его изліянія, не тяготясь и не считая его сумасшедшимъ. Напротивъ того, замѣчанія, которыя онъ вставлялъ, прерывая дона Луиса, показывали, что онъ его слушаетъ съ интересомъ. Всѣ бесѣды кончались обыкновенно гимнами регента Бетховену, къ которому онъ относился съ благоговѣніемъ.

— Бетховенъ—Богъ,—говорилъ онъ.

Весь дрожа отъ возбужденія послѣ восторженныхъ гимновъ своему божеству въ музыкѣ, донъ Луисъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какъ я вамъ завидую, Габріэль,—говорилъ онъ,—что вы столько ѣздили по свѣту и слышали много хорошей музыки! Въ особенности въ Парижѣ... всѣ эти воскресные симфоническіе концерты—какое наслажденіе! Я разбираю, какъ могу, на фисгармоніи Гайдна, Моцарта, даже Вагнера. Но вѣдь это совсѣмъ не то.

Онъ разсказывалъ съ упоеніемъ о выпавшемъ на его долю, годъ тому назадъ, счастьи: кардиналъ-архіепископъ послалъ его въ Мадридъ для участія въ конкурсѣ органистовъ.

— Это была самая счастливая недѣля въ моей жизни, Габріэль, —говорилъ онъ.—Я одѣлся въ платье одного знакомаго скрипача и пошелъ въ Teatro Real слушать „Валькирію", а потомъ ходилъ въ симфоническіе концерты, слышалъ „Девятую симфонію" Бетховена. На меня музыка производитъ странное дѣйствіе. Она вызываетъ видѣнія разныхъ пейзажей—моря, котораго я никогда не видѣлъ, а иногда лѣсовъ или зеленыхъ луговъ съ пасущимися стадами. Когда я разсказываю объ этомъ здѣсь въ соборѣ, всѣ думаютъ, что я—сумасшедшій. Но вы, Габріэль, понимаете меня... Особенно яркія видѣнія вызываетъ во мнѣ „Девятая симфонія". Когда я слушаю „Скерцо", мнѣ кажется, что Господь Богъ и его святые ушли куда-то на прогулку и оставили небесныя селенія въ полномъ распоряженіи ангеловъ. И небесная дѣтвора прыгаетъ съ облака на облако, подбираетъ вѣнки цвѣтовъ, забытые святыми, и, отрывая лепестки, бросаетъ ихъ на землю. Потомъ одинъ открываетъ резервуаръ съ дождемъ, и воды небесныя проливаются на землю; другой отпираетъ громъ; удары его пугаютъ дѣтвору и обращаютъ ихъ въ бѣгство. А „Адажіо"!.. Можно ли представить себѣ нѣчто болѣе нѣжное, болѣе сла-

достные звуки любви? Никто на землѣ не умѣлъ такъ безгранично нѣжно любить... Слушая „Адажіо", я представляю себѣ фрески съ миѳологическими сюжетами, вижу прекрасныя бѣлыя тѣла съ нѣжными линіями, вижу Венеру, которую ласкаетъ Аполлонъ на розовыхъ облакахъ при золотистомъ свѣтѣ зари.

— Послушайте, донъ Луисъ, — прервалъ его Габріэль, — вы говорите не какъ правовѣрный католикъ.

— Но я говорю какъ музыкантъ,—просто возразилъ регентъ.—Я исповѣдую вѣру, въ которой я выросъ, и не размышляю о ней. Меня занимаетъ только музыка, про которую говорятъ, что она будетъ „религіей будущаго". Все прекрасное мнѣ нравится, и во всякое великое произведеніе я вѣрю какъ въ твореніе Господне. Я вѣрю въ Бога—и вѣрю въ Бетховена.

Эти часы, которые они проводили въ маленькомъ углу дремлющаго собора, очень сблизили Габріэля и дона Луиса. Музыкантъ говорилъ, перелистывалъ партитуры или игралъ на фисгармоніи, а революціонеръ молча слушалъ его, не прерывая своего друга и только иногда невольно обрывая бесѣду своимъ тяжелымъ кашлемъ. Это были нѣжные и грустные часы, во время которыхъ они взаимно проникали въ душу другъ друга, одинъ—мечтая уйти изъ собора, который казался ему каменной темницей, а другой, ушедшій отъ жизни съ больной душой и неизлечимо больнымъ тѣломъ,—радуясь отдыху въ прекрасной развалинѣ и скрывая изъ осторожности тайну своего прошлаго.

Когда они встрѣчались утромъ, разговоръ ихъ былъ почти всегда одинъ и тотъ же.

— Придете днемъ?—съ таинственнымъ видомъ спрашивалъ регентъ.—Я получилъ новыя ноты. Мы разберемъ то, что мнѣ прислали. Кромѣ того, я еще сочинилъ одну бездѣлушку...

Анархистъ всегда принималъ приглашеніе, радуясь, что можетъ быть полезнымъ этому парію въ искусствѣ, для котораго онъ былъ единственнымъ слушателемъ.

Съ испанск. З. В.

ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ

КОЗЬМЫ ПРУТКОВА *)

Спиритъ мнѣ держитъ рѣчь подъ гробовую крышу:
„Мудрецъ и патріотъ! Пришла чреда твоя;
„Наставь и помоги! Прутковъ! Ты слышишь?“—Слышу

Я!

Перомъ я ревностно служилъ родному краю,
Когда на свѣтѣ жилъ... И, кажется, давно-ль!?
И вотъ, мертвецъ, я вновь въ ея судьбахъ играю—

Роль.

Я власти былъ слуга; но, страхомъ не смущенный,
Изъ тѣхъ, которые не клонятъ гибкихъ спинъ,—
И гордо я носилъ звѣзду и заслуженный—

Чинъ.

---

[1]) Нашъ маститый поэтъ нѣкогда самъ принадлежалъ къ числу членовъ кружка, столь извѣстнаго и донынѣ подъ фирмою „Козьмы Пруткова“, изреченія котораго повторяются нами нерѣдко.—Въ своемъ письмѣ ко мнѣ Алексѣй Михайловичъ пишетъ теперь, между прочимъ: „Русская неразбериха дошла до того, что кому-то пришла мысль обратиться за совѣтомъ даже къ Пруткову, и я, 86-лѣтній старецъ, нахожу, что, хотя, безъ сомнѣнія, очень ограниченный, но вполнѣ искренній членъ „черной сотни“ былого времени долженъ отнестись (къ актамъ нашего времени) именно такъ, какъ отнесся, вызванный спиритомъ, почтенный Козьма Прутковъ“.—Нельзя не отдать справедливости этой тѣни Пруткова,—она, какъ увидитъ читатель, съ тою же откровенностью и безстрастіемъ, какими отличался и самъ Прутковъ, обратилась нынѣ и къ *управляемымъ*, и къ *правящимъ* переживаемыхъ нами дней.—*М. Ст.*

Я, старый монархистъ, на новыхъ негодую:
Скомпрометируютъ они—весьма боюсь—
И власть верховную, и вмѣстѣ съ ней святую—

Русь.

Торжественный обѣтъ родилъ въ странѣ надежду,
И съ одобреніемъ былъ встрѣченъ міромъ всѣмъ...
А исполненія его не видно, между

Тѣмъ.

Ужъ черносотенцы къ такой готовятъ сдѣлкѣ:
Когда на званый пиръ сберется сонмъ гостей—
Ихъ чинно размѣстить и дать имъ по тарелкѣ—

Щей.

И роль правительства, по мнѣ, не безопасна;
Есть что-то d'inachevé... Нѣтъ! Надо власть беречь,
Чтобъ не была ея съ поступкомъ не согласна—

Рѣчь.

Я, вѣрноподданный, такъ думаю объ этомъ:
Разъ властію самой надежда подана—
Пускай же просьба:—Дай! вѣнчается отвѣтомъ:—

На!

Я главное сказалъ; но, изъ любви къ отчизнѣ,
Охотно мысли тѣ еще я преподамъ,
Которымъ тщательно я слѣдовалъ при жизни—

Самъ.

Правитель! дни твои пусть праздно не проходятъ;
Хоть камушки бросай, коль есть на то досугъ;
Но наблюдай: въ водѣ какой они разводятъ—

Кругъ?

Правитель! избѣгай ходить по косогору:
Скользя, иль упадешь, иль стопчешь сапоги;
И въ путь не выступай, коль нѣтъ въ ночную пору—

Зги.

Давъ отдохнуть игрѣ служебнаго фонтана,
За мнѣніемъ страны попристальнѣй слѣди;
И, чтобы жертвою не стать самообмана,—

Бди!

Напомню истину, которая поможетъ
Моимъ соотчичамъ въ оплошность не попасть:
Что необъятное обнять сама не можетъ—

Власть.

Ученіе мое мнѣ кажется такое,
Что средь борьбы и смутъ инымъ помочь могло-бъ...
Для всѣхъ же вѣрное убѣжище покоя—

Гробъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Октябрь, 1907.
Тамбовъ.

НАШИ „КАДЕТЫ“ и „ЛѢВЫЕ“

Письмо въ Редакцію.

I.

Въ современной политической литературѣ нѣтъ двухъ словъ, которыя повторялись бы чаще въ связи одно съ другимъ, чѣмъ два термина: „кадеты“ и „лѣвые“, и при этомъ обыкновенно ихъ противополагаютъ одно другому. Между тѣмъ, для историка нашей эпохи, вѣроятно, представится величайшей загадкой, въ чемъ собственно было противорѣчіе этихъ двухъ группъ русскаго политическаго міра, и, напротивъ, какая общая черта связывала тѣ разнородные элементы, которые входятъ въ каждую изъ этихъ группъ. Казалось бы, что рѣзкая разграничительная линія русскаго общества—пропасть между прогрессомъ и реакціей, демократизмомъ и сословностью—лежитъ во всякомъ случаѣ правѣе конституціонно-демократической партіи, и не даромъ она часто убѣждаетъ „лѣвыхъ“ смотрѣть на нее, какъ на союзницу. Къ политической программѣ ея лѣвые врядъ ли могли бы прибавить многое, даже если бы имѣли возможность высказываться открыто до конца, и споры происходятъ больше въ области тактики; по соціальнымъ же вопросамъ, несмотря на коренное различіе въ исходной точкѣ у лѣвыхъ и ихъ противниковъ въ лагерѣ конституціоналистовъ-демократовъ, программы ближайшихъ реформъ весьма близко подходятъ однѣ къ другимъ. Конституціонно-демократическая партія никогда не была проникнута тѣмъ манчестерскимъ духомъ, какимъ страдали всѣ старыя либеральныя и радикальныя партіи

Европы; съ другой стороны, переходя на практическую почву государственныхъ реформъ, лѣвые должны считаться съ наличными условіями, дѣлать урѣзки въ своихъ принципіальныхъ программахъ, и, повидимому, было бы совсѣмъ не такъ трудно добиться единодушія даже по такому острому и запутанному вопросу, каковъ аграрный; разница проектовъ на ближайшее будущее—скорѣе въ количествѣ, чѣмъ въ качествѣ, и иногда въ оправданіе рѣзкихъ нападокъ на кадетскую партію, которая стоитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ лѣвыми, послѣднимъ приходится выдвигать не-политическій аргументъ личнаго недовѣрія. И въ этомъ аргументѣ лучше, чѣмъ во всѣхъ теоретическихъ спорахъ, сквозитъ невысказанное, но дѣйствительно глубокое разногласіе и непониманіе. Въ чемъ же лежитъ корень его?

„Лѣвые“ обыкновенно называютъ партію „народной свободы“ буржуазною и противополагаютъ ей себя, какъ истинныхъ народниковъ и демократовъ. Это относится уже не къ программѣ партій, а къ ихъ составу; имъ оправдываютъ „лѣвые“ и свое недовѣріе къ „кадетамъ“, и свое право на руководство обществомъ, и на выраженіе его подлинныхъ желаній. Этотъ аргументъ будущему историку будетъ столь же непонятенъ, какъ и весь споръ, ибо очевидно, что ни одна партія теперь у насъ не представляетъ собою строго сословной группы, но менѣе всѣхъ лѣвые могутъ гордиться однородностью состава. Если въ конституціонно-демократической партіи преобладаетъ интеллигенція всѣхъ ранговъ, то однако и она не лишена чисто демократическихъ, съ „лѣвой“ точки зрѣнія, элементовъ; даже на съѣздахъ партіи выступали делегаты-крестьяне, а съ другой стороны, лѣвыя партіи и фракціи состоятъ изъ такихъ же точно интеллигентовъ, какъ и кадеты: лѣвый адвокатъ ни по общественному положенію, ни по своей психикѣ, ни по обезпеченности, не отличается существенно отъ кадетскаго врача или профессора. Почему одинъ можетъ быть истиннымъ выразителемъ народныхъ идеаловъ, а другой—нѣтъ; въ какой степени первый больше заслуживаетъ довѣрія народа, чѣмъ второй? Между тѣмъ, именно интеллигентный элементъ играетъ въ лѣвыхъ партіяхъ руководящую роль, и иначе быть не можетъ, потому что не только у насъ, при политическомъ невѣжествѣ массы, но и на Западѣ Европы, и въ Америкѣ, политика всегда бываетъ удѣломъ людей болѣе обезпеченныхъ и имѣвшихъ время познакомиться со всѣми ея закоулками: она слишкомъ сложна теперь, чтобы крестьянинъ отъ сохи или рабочій отъ станка могъ превратиться въ политическаго лидера, за исключеніемъ незаурядныхъ личностей, разумѣется. И такимъ образомъ, лѣвыя партіи опровергаютъ самымъ существованіемъ своимъ доктрину, сводящую всю исторію человѣчества къ классовой борьбѣ и всѣ его стремленія—къ классовымъ аппетитамъ.

Принципъ, объединяющій „лѣвыхъ“ и противополагающій ихъ всѣмъ остальнымъ нашимъ политическимъ партіямъ, лежитъ глубже, чѣмъ какая-либо политическая или соціальная программа,—онъ связанъ съ различіемъ психическихъ типовъ человѣчества: многое въ страстной полемикѣ лѣвыхъ привносится въ нее изъ совсѣмъ иныхъ областей человѣческаго духа, и потому такъ неразрѣшимы противорѣчія, такъ безнадежны споры, остающіеся на плоскости чисто политическаго разногласія. Разница—и въ идеалахъ, и въ самомъ отношеніи къ жизни вообще. Дальнѣйшее различіе создается комбинаціей этого фактора съ историческими условіями, въ которыхъ выросли наши политическія партіи.

„Лѣвые“ отличаются отъ „кадетовъ“ тѣмъ, что имѣютъ не отрицательную или относительную, а абсолютную, положительную программу. Это покажется страннымъ тому, кто знаетъ, какъ рѣшительно они отрицаютъ все существующее, но на дѣлѣ это такъ. Разница способа рѣшенія политическихъ задачъ особенно бросается въ глаза при сравненіи ихъ именно съ кадетами, потому что послѣдніе идутъ далѣе всего въ своей критикѣ существующаго и тѣмъ, казалось бы, приближаются къ лѣвымъ. Вопреки простому здравому смыслу, но зато согласно со всей своей природой, люди того типа, изъ которыхъ формируется лѣвый флангъ нашей политической арміи, именно потому и чувствуютъ такъ явственно, что они стоятъ на другомъ берегу, и что кадеты такъ близко подходятъ съ своей стороны къ „берегу“.

Есть два способа рѣшать общественные вопросы. Можно, разоблачая до самой глубины всѣ изъяны существующаго, тѣмъ не менѣе отправляться въ своихъ планахъ реформъ отъ него, строить зданіе съ земли и даже, точнѣе сказать, — вытесывать его изъ того камня, какой находится на мѣстѣ постройки. Можно желать замѣнить все зданіе сверху донизу новымъ, можно разрушать безъ сожалѣнія, быстро, даже, можетъ быть, не отказываться и отъ насильственной ломки того, что̀ окончательно сгнило,—но, устраняя отжившее, предоставлять будущему просторъ творчества. Единственной заботой тогда становится создать только такія условія, гдѣ это творчество могло бы проявиться свободно. Если дѣло идетъ о политической реформѣ, то главнымъ предметомъ стремленій является введеніе демократической конституціи, которая должна дать народу просторъ самому высказаться, какъ онъ хочетъ устроить свою жизнь, и въ этой перестройкѣ жизни работа пойдетъ путемъ частичныхъ передѣлокъ, органическаго роста, при которомъ, даже если связь прошлаго съ будущимъ насильственно прервется на нѣкоторое время, она возстановится скоро опять. Такой типъ политиковъ получалъ много разныхъ названій, и лестныхъ, и обидныхъ — прогрессисты, постепеновцы, оппортунисты

и т. д., но важно не столько подобрать ему настоящее имя, сколько объяснить его психологически.

Въ основѣ такого политическаго міровоззрѣнія лежитъ реалистическій складъ ума и характера: впечатлѣнія жизни воспринимаются полнѣе, со всѣми своими красками, въ сознаніи отражается вся сложность явленій, инстинктивно чувствуются тѣ стороны жизни, которыя не поддаются точному учету, и самъ человѣкъ полнѣе отдается жизни, идетъ по ея теченію, можетъ быть, пассивнѣе, но глубже погружается въ нее, сохраняетъ каждую минуту живую связь съ окружающей дѣйствительностью. Отчасти благодаря болѣе полной гаммѣ, впечатлѣнія не вызываютъ такъ быстро реакціи и не даютъ въ умѣ немедленнаго вывода. Міровоззрѣніе складывается постепенно. Отсюда—большая жизненность всѣхъ ученій, построенныхъ на такихъ началахъ, но отсюда же—ихъ неполная стройность, отрывочность, иногда противорѣчивость, въ какой упрекаютъ ихъ противники: здѣсь жизненныя противорѣчія никогда не получаютъ полнаго разрѣшенія, потому что они неразрѣшимы на практикѣ; здѣсь всегда можно предлагать только палліативы, только отдѣльные принципы, которые постепенно, порождая за собою измѣненія и новыя принципіальныя построенія, видоизмѣняютъ общество въ рядѣ поколѣній. Вся сила этого направленія—въ его соотвѣтствіи жизни, умѣньи уловить біеніе ея пульса; слабость же его — въ опасности разбиться въ мелочахъ, не умѣть оцѣнить новый факторъ, при первомъ же его появленіи на жизненной аренѣ. Подобное отношеніе къ политическимъ вопросамъ можетъ быть симптомомъ природной склонности человѣка, можетъ быть результатомъ жизненнаго опыта, наконецъ—общественнаго положенія и занятій. Противникамъ этого „постепеновства“ всего болѣе нравится объяснять его буржуазнымъ эгоизмомъ, но объясненіе это такъ же наивно, какъ, напр., приписываніе революцій честолюбію агитаторовъ. Дѣло тутъ не въ оцѣнкѣ жизненныхъ благъ для себя, а въ общемъ чувствѣ жизни. Человѣкъ обезпеченный несомнѣнно имѣетъ лишній поводъ дорожить существующимъ порядкомъ, но это заставляетъ его скорѣе стать консерваторомъ и просто отрицать жизнь тамъ, гдѣ ея требованія для него непріятны, а такое настроеніе уже совсѣмъ другого порядка, чѣмъ то, о которомъ теперь идетъ рѣчь. Среди собственниковъ можетъ быть столько же фантазеровъ, какъ и въ другихъ классахъ, и напротивъ, трудящіеся, ежедневно чувствующіе на себѣ тягость жизни, борющіеся съ нею въ непрестанной схваткѣ грудь съ грудью, — тѣ скорѣе будутъ охвачены этимъ инстинктомъ жизни: поэтому едва ли не чаще всего это реалистическое отношеніе встрѣчается въ земледѣльческомъ классѣ. Сословіе, а еще болѣе профессія, вліяютъ тѣмъ, что опредѣляютъ образъ жизни человѣка, его

ежедневныя впечатлѣнія и степень близости къ жизненной практикѣ, которая служитъ высшимъ наставникомъ всякому человѣку.

Что извѣстный политическій реализмъ не составляетъ отличія имущихъ классовъ, доказывается лучше всего тѣмъ, что есть цѣлые народы, въ которыхъ онъ господствуетъ, благодаря то національнымъ особенностямъ, то исторіи: таковы были въ древности римляне, а въ наше время—англичане и духовно связанные съ ними американцы. Совершенно напрасно приписывать этому типу политиковъ особенную робость: названные нами народы переживали въ своей исторіи всякія революціи, только протекали онѣ иначе, давали другіе результаты, чѣмъ у народовъ иного типа.

Есть типъ человѣчества совершенно противоположный. Въ основѣ его лежитъ большая нервная впечатлительность, но съ менѣе полной воспріимчивостью. Жизненныя явленія вызываютъ сильную реакцію, но именно потому, что она сильна, она не даетъ полной гаммы ощущенія: одни тона совершенно заглушаютъ другіе; то, что въ жизни затушевывается деталями, выступаетъ въ сознаніи такого типа съ полной яркостью, но и съ обманчивой ясностью и односторонностью. Одинъ элементъ выдѣляется и глушитъ остальные. Это дѣлается, конечно, не намѣренно, даже не сознательно, такой процессъ протекаетъ за предѣломъ сознанія, совершается моментально при самомъ воспріятіи, и человѣкъ самъ уже не въ силахъ критиковать свое впечатлѣніе: оно ему дано прежде, чѣмъ онъ о немъ подумалъ; лишь послѣдующая рефлексія и пристальное изученіе явленія при условіи полнаго безпристрастія могутъ указать человѣку на ошибку его воспріятія. Картина явленія получается отраженною въ зеркалѣ личныхъ симпатій и антипатій, но зато, при большей бѣдности содержаніемъ, она интенсивнѣе: вниманіе не расплывается по всему многообразію жизни, а сосредоточиваетъ всю силу мышленія на одной сторонѣ. Если это дѣлаетъ человѣкъ геніальный, который умѣетъ чутьемъ угадать, что составляетъ дѣйствительно самое важное въ жизни, то плодомъ такого односторонняго воспріятія будетъ, можетъ быть, односторонняя теорія, но бросающая новый свѣтъ на явленіе, пролагающая новые пути и знанію, и практической политикѣ. Но это—при условіи геніальности. Въ иныхъ случаяхъ, подобная неправильная воспріимчивость вредна потому, что даетъ неполную, невѣрную картину жизни, вызываетъ переоцѣнку одной части, слабое вниманіе къ другой части.

Такъ какъ жизненное зло является здѣсь въ наиболѣе рѣзкой формѣ, а вопросъ о происхожденіи его и борьбѣ съ нимъ упрощается игнорированіемъ всѣхъ сопутствующихъ ему условій,—то человѣкъ такого типа склоненъ дѣлать быстрые практическіе выводы изъ своихъ впечатлѣній, сводить всѣ жизненныя явленія къ опредѣленной схемѣ и

бороться съ ними по возможности немедленно какими-нибудь разъ усвоенными пріемами. Если повышенная чувствительность связана съ способностью къ систематическому отвлеченному мышленію, то выводы, сдѣланные такимъ путемъ, будутъ держаться очень прочно, хотя бы даже послѣдующій опытъ показалъ невѣрность первоначальнаго построенія. У человѣка, лишеннаго этой отвлеченной основы, настроенія будутъ мѣняться при каждой смѣнѣ явленій, даже при одномъ и томъ же явленіи, по мѣрѣ того, какъ то одна, то другая сторона больше выступаетъ наружу и поражаетъ его воображеніе: это типъ людей, весьма часто наблюдающійся въ революціонное время,—они кричатъ громче всѣхъ при началѣ движенія, но первые же „ужасы революціи" отшатываютъ ихъ къ реакціи, а затѣмъ снова „ужасы реакціи" возбуждаютъ симпатію къ революціи. Такіе колеблющіеся никогда не играютъ самостоятельной роли въ политикѣ, а потому для насъ въ данную минуту и неинтересны. Напротивъ, способность къ самостоятельнымъ и прочнымъ построеніямъ, болѣе или менѣе основаннымъ на фактахъ въ ихъ субъективномъ воспріятіи, всегда составляетъ силу того типа, который можно бы назвать идеалистическимъ въ отличіе отъ реалистическаго. Реалистическій имѣетъ также свои идеалы, но въ практической политикѣ исходитъ прежде всего изъ жизни, да и идеалы формируетъ себѣ постепенно, скорѣе выращиваетъ, чѣмъ строитъ ихъ однимъ усиліемъ и по одному плану. Идеалистическій же типъ, напротивъ, исходитъ изъ такого идеала, который своеобразно отражаетъ то, что въ жизни есть болѣе рѣзкаго и яркаго. Потому-то эти идеалы такъ характерны для каждой эпохи; ихъ сила и притягательность въ томъ, что они, казалось бы, отвѣчаютъ на самые больные вопросы современности и предлагаютъ полное исцѣленіе отъ золъ, которыя въ данную эпоху даютъ себя чувствовать сильнѣе всего. А при осуществленіи этихъ идеаловъ (если дѣло вообще доходитъ до осуществленія) обнаруживается, что они односторонне восприняли жизнь, что предлагаемыя средства или не достигаютъ цѣли, или бьютъ дальше ея, влекутъ новыя непредвидѣнныя осложненія и страданія въ иныхъ областяхъ жизни, и за этимъ періодомъ наступаетъ разочарованіе, а затѣмъ новое созиданіе идеаловъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

Идеалистическій типъ дѣятеля можетъ имѣть различную окраску въ зависимости отъ того, преобладаетъ ли въ немъ склонность къ отвлеченному систематизированію своихъ впечатлѣній и выводовъ изъ нихъ, или—непосредственное возбужденіе отъ вида царящаго въ мірѣ зла, вмѣстѣ съ волевымъ импульсомъ къ его устраненію. Первое даетъ идеалиста-мечтателя, политическаго утописта, иногда философа права, закладывающаго фундаментъ новаго пониманія его. Второе даетъ

типъ, сходный съ религіознымъ проповѣдникомъ,—пророка съ гнѣвнымъ обличеніемъ современности, съ неостанавливающейся ни передъ чѣмъ жаждой немедленно истребить зло существующаго порядка и водворить царство справедливости.

Дѣйствуетъ ли человѣкъ подъ вліяніемъ господствующаго чувства или построенной имъ и кажущейся ему цѣльной, исчерпывающей теоріи общественнаго идеала,—онъ одинаково убѣжденъ, что его идеалъ представляетъ собою истину, и хотя бы общее научное міровоззрѣніе склонялось къ тому, чтобы отрицать возможность абсолютнаго идеала, все же, по крайней мѣрѣ для данной эпохи, составленный вышеуказаннымъ путемъ общественный идеалъ (всегда съ примѣсью нравственнаго, иногда религіознаго идеала) выдвигается какъ абсолютная и обязательная для всѣхъ истина. Отсюда—нетерпимость къ противному мнѣнію, обостреніе принципіальнаго разногласія до личной ненависти, отсюда—огромная энергія въ осуществленіи этого идеала, но и деспотическое отношеніе ко всему, что не укладывается въ рамки системы, и ко всѣмъ, кто недостаточно быстро воспринимаетъ ее.

Такое же противоположеніе двухъ различныхъ типовъ человѣчества замѣчается и въ другихъ областяхъ человѣческаго духа. Не говоря уже о религіи, которая одной стороной весьма близко подходитъ къ области политики, мы можемъ примѣнить сказанное, mutatis mutandis, напр., къ художникамъ и поэтамъ. Шекспиръ, охватывающій всю полноту потока жизни, передающій жизненныя явленія со всей ихъ красочностью и взаимными противорѣчіями, и Генрикъ Ибсенъ, ищущій идеальнаго героя, сильнаго духомъ и тѣломъ, дающій намъ цѣлую галерею олицетворенныхъ символовъ,—представляютъ подобныя противоположности.

Все нами сказанное можетъ послужить руководствомъ, чтобы разобраться въ борьбѣ идей и партій, кипящей вокругъ насъ.

Отбрасывая тѣ партіи и слои населенія, которыя борются за сохраненіе стараго режима, мы среди прогрессивныхъ элементовъ можемъ прослѣдить тѣ два главные типа, которые нами были подробно очерчены выше. Разумѣется, въ чистомъ видѣ ихъ встрѣтить трудно; разумѣется также, что не всегда человѣкъ точно выясняетъ себѣ свое собственное настроеніе и идеалъ, идя въ несоотвѣтственную партію: такимъ образомъ, к.-д. партія и даже союзъ 17 октября могутъ включать въ себѣ политиковъ идеалистическаго типа, попавшихъ туда по недоразумѣнію, подъ вліяніемъ окружающаго ихъ. Точно также и еще въ большей степени въ средѣ лѣвыхъ имѣется много политиковъ-реалистовъ, но преобладающимъ

типомъ лѣваго является именно идеалистическій типъ; въ противоположность имъ, „кадетъ“ — это реалистъ по преимуществу. Отсюда достоинства и недостатки обѣихъ партій, отсюда ихъ взаимныя обвиненія и во-вѣки непримиримое разногласіе: уравновѣсить эти два противоположныя начала въ человѣкѣ можетъ лишь на время геніальный мыслитель или пророкъ, но въ обыденной политической жизни они всегда будутъ противополагаться, и въ ихъ взаимной борьбѣ—залогъ развитія человѣчества. Современныя событія—только одинъ актъ вѣчной міровой трагедіи, и съ насъ достаточно, если мы постараемся правильно постигнуть смыслъ борьбы и взаимное отношеніе дѣйствующихъ лицъ, не мечтая о примиреніи ихъ.

„Лѣвые“ не даромъ, конечно, пріобрѣли репутацію профессіональныхъ отрицателей. Дѣйствительно, по отношенію къ окружающей исторической обстановкѣ они заявили себя непримиримо враждебными. „Въ существующемъ строѣ для насъ нѣтъ ничего святого“, — писалъ въ самый разгаръ движенія, 15 ноября 1905 г., „Сынъ Отечества“. Рѣзкость отрицанія проистекала изъ основного свойства людей этого типа: темныя стороны въ русской дѣйствительности такъ перевѣшивали свѣтлыя, несправедливость и угнетеніе такъ рѣзали глаза, что это ощущеніе стало для нихъ доминирующимъ; оно давало окраску всему ихъ міросозерцанію и въ немъ тонули тѣ немногія противоположныя черты, которыя можно было бы отыскать въ окружающей жизни. Въ основѣ всѣхъ ихъ программъ и рѣчей лежитъ именно чувство, аффектъ, ихъ протестъ идетъ изъ сердца еще болѣе, чѣмъ изъ разума. Это не значитъ, чтобы онъ былъ неразуменъ, но съ нимъ соединяется нѣкоторая неуравновѣшенность, которая неизбѣжна въ томъ, что имѣетъ своимъ источникомъ чувство. Отъ этого ихъ горячность, ихъ вліяніе, которое принадлежитъ всегда тѣмъ ораторамъ и писателямъ, которые сами глубоко чувствуютъ то, о чемъ пишутъ; отсюда—впечатлѣніе силы, ибо у нихъ хватаетъ смѣлости отрицать все, идти до конца, и рядомъ съ ихъ критикой „кадетская“ кажется трусливой, недоговоренной. Обаяніе лѣвыхъ держится тоже больше на чувствѣ, чѣмъ на стройной логикѣ, обдуманномъ и холодномъ убѣжденіи. Оттого оно иногда неожиданно для нихъ сразу падаетъ, впрочемъ не всегда безъ ихъ вины. Въ минуты глубокаго разочарованія въ прошломъ, отвращенія къ настоящему, масса склонна идти за тѣмъ, кто рѣзче всѣхъ разрываетъ съ прошлымъ, ибо кажется, что только рѣшительный ударъ можетъ исцѣлить общественное зло. Въ порывѣ общественнаго возбужденія недостаточно взвѣшиваютъ, насколько общество можетъ, при всемъ желаніи, оторваться отъ своего прошлаго; уроки исторіи другихъ народовъ забываются, и народъ живетъ какой-то неопредѣленной надеждой, что вдругъ все устроится

наилучшимъ образомъ. Многимъ кажется при этомъ, что именно такой полный кризисъ—лучшій моментъ, чтобы сразу цѣликомъ вырвать зло, чѣмъ растягивать процессъ преобразованія на десятки лѣтъ.

Но горячность отрицанія всегда приводитъ къ нетерпимости. Такъ какъ старый міръ осужденъ на погибель не только во имя народной пользы и исторической необходимости, но еще болѣе подъ вліяніемъ нравственнаго возмущенія его испорченностью,—то отношеніе къ нему принимаетъ характеръ той ненависти и отвращенія, какое питали первые христіане къ языческому міру. Отрекаться отъ стараго міра стало нравственной обязанностью; все, что сохраняло съ нимъ связь, было запятнано какъ бы косвеннымъ участіемъ въ его преступленіяхъ или по крайней мѣрѣ повинно въ терпимости къ нимъ. Этимъ объясняется антипатія лѣвыхъ къ кадетамъ. Очень мѣтко указалъ на это г. Пѣшехоновъ въ своей статьѣ „Почему имъ не вѣрятъ?“. „Кадеты“ всегда стояли слишкомъ близко къ старому порядку, вынуждены были подлаживаться къ нему, ибо нельзя было работать въ школѣ, въ земствѣ, на службѣ, если не признавать существующаго порядка. Но справедливо ли было осуждать теперь людей за то, что въ самую глухую пору реакціи они не ограничились совершенно безнадежнымъ тогда протестомъ, а шли работать на пользу народа въ тѣхъ рамкахъ, какія были тогда обязательны; само освободительное движеніе обязано этой черной культурной работѣ, и ежедневные компромиссы, къ которымъ она вынуждалась, могутъ вызвать только сочувствіе къ тѣмъ, кто склонялся подъ ихъ неизбѣжностью. Неосновательно было и то мнѣніе, будто лѣвые никогда не шли на такіе компромиссы: вся лѣвая печать могла работать только потому, что умѣла говорить эзоповымъ языкомъ, иногда прямо надѣвать маску сатиры или аллегоріи, чтобы проводить свои идеи, и о многомъ вопіющемъ принуждена была молчать. Но въ тѣ времена, когда иначе нельзя было жить, это казалось естественнымъ. Въ минуту торжества свободы всякій компромиссъ былъ объявленъ постыднымъ отступничествомъ, и людей, которые привыкли къ нему въ своей прежней дѣятельности, считали способными опять на него пойти. Лѣвые часто оправдывали свое недовѣріе классовымъ составомъ кадетской партіи, но первая же Государственная Дума показала, какъ пестръ былъ этотъ составъ, и лучшимъ отвѣтомъ на обвиненія слѣва были упреки справа, что кадетская партія жертвуетъ интересами богатыхъ классовъ, особенно землевладѣльцевъ, потому что сама не имѣетъ собственности. И то, и другое—не вѣрно. Недовѣріе вызывалось справа вполнѣ основательнымъ убѣжденіемъ, что общенародныя потребности для кадетовъ выше интересовъ обезпеченныхъ классовъ; слѣва же чувствовалась разница температуры политическаго настроенія. И въ своихъ крайнихъ пред-

ставителяхъ лѣвое направленіе доходило до того, что ставило кадетовъ на одномъ уровнѣ съ реакціонерами. Въ этомъ коренилась главная причина раскола русской оппозиціи немедленно послѣ манифеста 17-го октября,—что сыграло такую роковую роль въ освободительномъ движеніи.

Съ кадетской стороны, ненависть къ нимъ лѣвыхъ казалась всегда какимъ-то страннымъ предубѣжденіемъ: кадеты не отрицали справедливости протеста лѣвыхъ противъ существующаго строя, ни однимъ словомъ не обнаруживали склонности поддерживать настоящій режимъ, при первомъ же предложеніи портфелей въ министерствѣ гр. Витте—отъ нихъ отказались;—въ чемъ же могли упрекнуть ихъ лѣвые? Въ отсутствіи громкихъ словъ, рѣзкихъ выраженій? Но вѣдь для дѣла это было не существенно. Въ осторожности тактики, въ скептицизмѣ къ наивнымъ фантазіямъ лѣвыхъ? Но послѣдствія показали, какъ сильно ошибались лѣвые и въ своихъ силахъ, и въ настроеніи народа. Кадеты считали однимъ изъ своихъ главныхъ достоинствъ трезвость взгляда, но именно она-то больше всего претила лѣвымъ. Ее не стѣснялись объяснять трусостью, ограниченностью буржуазнаго міровоззрѣнія. „Страхъ революціи", который несомнѣнно встрѣчался у кадетовъ, потому что они отдавали себѣ отчетъ, какихъ жертвъ требуетъ революція и какъ рискованна ея игра,—этотъ страхъ служилъ вѣчнымъ поводомъ обвиненій и насмѣшекъ надъ кадетами; нежеланіе бросаться, очертя голову, въ революціонныя авантюры перетолковывалось въ смыслѣ отказа отъ всякой борьбы, чуть ли не въ тайной приверженности къ старому режиму.

Рѣзко отрицательное отношеніе къ современности является только однимъ изъ признаковъ лѣвыхъ политиковъ, и чувство негодованія при видѣ существующей несправедливости—только одна изъ причинъ ненависти ихъ къ окружающему. Гораздо глубже и важнѣе то свойство, которое было нами выставлено, какъ основная черта людей идеалистическаго типа,—способность создавать цѣльный идеалъ и склонность придавать этому идеалу абсолютное значеніе, стараться воплотить его въ жизнь. Психологически эта черта связана съ первой: если нынѣшнее такъ плохо, что его нужно истребить безъ остатка, то необходимо имѣть хоть какое-нибудь представленіе, чѣмъ замѣнить его; такъ какъ переворотъ предполагается внезапный или почти такой, то нельзя ждать, когда „выростутъ" новыя учрежденія; а съ другой стороны, если кому рисуется заманчивый образъ счастливаго будущаго, помѣхой которому стоятъ нынѣшнія общественныя учрежденія,—тому приходится отрицать и разрушать все существующее ради того,

чтобы очистить мѣсто своему идеалу; всякое перемиріе съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей кажется ему измѣной, всякій компромиссъ—преступленіемъ противъ Духа святого. Да и въ самомъ дѣлѣ, если предметомъ стремленій является связная система новаго общественнаго устройства, то малѣйшій остатокъ нынѣшняго историческаго строя будетъ нарушать гармонію цѣлаго и грозить испортить ожидаемый результатъ, какъ для вѣрующаго фанатика всякое даже незначительное уклоненіе отъ догмы, или отъ исполненія обряда, уже становится поводомъ осужденія на вѣчную гибель. Если какому-нибудь общественному строю приписывается волшебная способность упразднить зло и несправедливость въ человѣческомъ обществѣ, то это опять-таки связано съ тѣмъ же психологическимъ основаніемъ. То, что въ настоящую минуту гнететъ человѣчество, кажется наиболѣе ужаснымъ, нынѣшній строй—худшимъ изъ всѣхъ существовавшихъ, и въ силу той же односторонности мышленія и чувствованія вѣрятъ, что одна какая-нибудь формула, иное, противоположное нынѣшнему, начало, положенное въ основу общественнаго строя, исцѣлитъ человѣчество; что это начало въ свою очередь можетъ привести къ иной формѣ рабства и несправедливости—это обыкновенно упускается изъ виду. Чѣмъ сильнѣе выраженъ тотъ типъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, тѣмъ опредѣленнѣе, а потому и ограниченнѣе становится его идеалъ, и тѣмъ сильнѣе вѣруетъ онъ въ него, какъ въ панацею.

Въ наше время такимъ началомъ, противополагаемымъ нынѣшнему строю, такой панацеей является соціализмъ. Постепенно преобразуясь, онъ пріобрѣлъ опредѣленную догму, организовался подъ наименованіемъ научнаго соціализма и ставитъ себѣ уже очередныя практическія задачи. Что, несмотря на его научные аттрибуты—статистику, отвлеченную терминологію,—онъ не пересталъ быть идеалистическимъ ученіемъ, этого не отрицаютъ и нѣкоторые соціалисты, ибо общественныя науки еще недостаточно разработаны, чтобы допустить точное предвидѣнье, ихъ матеріалъ даетъ разные выводы, и современное научное міровоззрѣніе, построенное на эволюціонизмѣ, высказывается скорѣе противъ возможности такого переворота въ человѣческомъ обществѣ, послѣ котораго сразу наступитъ царствіе Божіе на землѣ; во всякомъ случаѣ ни одинъ ученый и философъ не подпишется подъ обѣщаніемъ Энгельса, что переворотъ будетъ „прыжкомъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Самъ Марксъ оперировалъ не научнымъ, а метафизическимъ методомъ, теперь окончательно отвергнутымъ наукой, а между его сторонниками до сихъ поръ идутъ пререканія относительно пониманія и предѣловъ примѣненія его доктрины. Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ критику ея, потому что не это насъ интересуетъ. Мы хотѣли только показать, что при-

верженность къ теоріямъ „научнаго соціализма“ вовсе не означаетъ отказа отъ идеализма,—напротивъ, только въ немъ доктрина почерпаетъ свою силу: атомистическая гипотеза или теорія происхожденія видовъ не въ силахъ вдохнуть въ своихъ послѣдователей тотъ энтузіазмъ, который мы видимъ въ соціалистахъ. Марксизмъ силенъ не тѣмъ, что изъ научныхъ данныхъ выводитъ теорію общественнаго развитія, ведущую къ соціализму, а тѣмъ, что составленному заранѣе идеалу и стремленію подставляетъ научный, яко-бы, несокрушимый фундаментъ; поддерживаетъ вѣрующаго обѣщаніемъ, что по самымъ непреложнымъ законамъ науки его идеалъ долженъ стать дѣйствительностью. Въ этихъ случаяхъ люди не требовательны къ способу аргументаціи и не склонны провѣрять факты,—„homines facile credunt quod sperant“,—говорили еще древніе римляне. Тѣ современныя теченія соціализма, которыя отклоняются отъ марксизма,—напримѣръ, наше соціалъ-революціонерство,—еще болѣе проявляютъ свою идеалистическую природу, отмежевывая широкое поле дѣятельности личной иниціативѣ и критической мысли.

Всѣ свойства, присущія идеалистическому образу мышленія и воодушевленной вѣрѣ въ извѣстные догматы, налицо въ соціалистическихъ партіяхъ, и это сближаетъ ихъ съ религіозными сектами. Соціалъ-демократія, имѣющая наиболѣе выработанную догму, отвѣчающую не на общественные только, но и на коренные вопросы человѣческой жизни, дающая не политическую программу, а цѣлое связное міровоззрѣніе, наиболѣе подходитъ къ типу секты, и возникшая на почвѣ ея догмы партія не только въ видѣ ироніи можетъ быть сравнена съ церковью: она во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно замѣняетъ своему стороннику церковь, ибо въ предѣлахъ ея онъ можетъ найти удовлетвореніе разнообразнымъ потребностямъ, если ея отвѣты вообще удовлетворяютъ его; связь, образуемая ею, сближаетъ тѣснѣе, чѣмъ всякая иная политическая партія; „товарищъ“, какъ титулъ всякаго члена партіи, въ отличіе отъ иновѣрцевъ, очень удачно символизируетъ нравственный цементъ, заложенный въ партіи. Эта связь даетъ возможность создать такую крѣпкую организацію, какою не можетъ похвастать ни одна другая партія, построенная по типу обычной политической организаціи, и въ этомъ—сила партіи, ибо, захватывая человѣка цѣликомъ, она можетъ безраздѣльно распоряжаться имъ и используетъ всѣ его силы и способности: для него партійная дѣятельность не спортъ, не выгодная афера и даже не простое исполненіе гражданскаго долга, какъ для членовъ иныхъ партій; она—служеніе истинѣ, нравственная обязанность, подвигъ почти въ христіанскомъ смыслѣ. Разумѣется, готовность къ подвигамъ можетъ вдохнуть только

безраздѣльная вѣра и въ истинность того идеала, которому человѣкъ служитъ, и въ неизбѣжность его торжества.

Та самая сила, которая прежде создавала церкви и ереси, теперь идетъ по другому руслу, но психологически измѣняется отъ этого весьма мало. Вотъ почему успѣхъ соціализма нельзя мѣрить тѣмъ же аршиномъ, что у другихъ партій: онъ идетъ гораздо глубже въ душу человѣка и вызываетъ напряженіе личной энергіи во много разъ большее, чѣмъ чисто политическая программа. Энергія „лѣвыхъ“ почти настолько же превосходитъ энергію „кадетовъ“, насколько тѣ въ свою очередь перевѣшиваютъ въ этомъ отношеніи „умѣренныя“ партіи. Искренній пылъ горячей вѣры дѣйствуетъ заражающимъ образомъ на окружающихъ, не говоря уже про то, что онъ скорѣе всѣхъ другихъ политическихъ ученій преодолѣваетъ всѣ преграды, искусственно воздвигаемыя на пути къ народу. Воодушевленіе заразительно,—это давно извѣстно и доказано успѣхомъ иногда совершенно сумасбродныхъ сектантовъ. Но даже тѣ изъ народа, кто не поддается самому ученію и не становится въ ряды партіи, выносятъ благопріятное впечатлѣніе отъ того рвенія и самопожертвованія, которое они видятъ въ этихъ преслѣдуемыхъ закономъ людяхъ. Что они выступаютъ защитниками народныхъ интересовъ, что начальство подкрѣпляетъ въ глазахъ народа ихъ авторитетъ своими преслѣдованіями, все это не такъ важно, не столько способствуетъ пріобрѣтенію довѣрія народа, какъ неподдѣльная искренность и отреченіе отъ жизненныхъ благъ и удобствъ, свидѣтелемъ котораго бываетъ народъ. И народъ привыкаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на безкорыстныхъ совѣтниковъ, видитъ, что они сами не извлекаютъ никакой пользы для себя лично изъ своей дѣятельности, и, оцѣнивая ихъ подвигъ, снисходительно смотритъ даже на такіе поступки, которые расходятся съ обще-установленными нравственными воззрѣніями, объясняя себѣ, что вѣдь это дѣлается не изъ корысти и не ради личнаго удовлетворенія. Отсюда тотъ удивительный на первый взглядъ престижъ, которымъ пользуются среди народа представители лѣвыхъ, иногда почти мальчики; отсюда непонятное для многихъ вліяніе партійныхъ организацій, которыя мѣстами представляютъ ничтожную кучку людей, никому неизвѣстныхъ и ничѣмъ невыдающихся,—вліяніе, которое такъ ярко обнаружилось на выборахъ въ Государственную Думу; отсюда же и терпимое отношеніе народа къ нѣкоторымъ проявленіямъ политическаго террора, несмотря на то, что по общему складу своихъ воззрѣній и по самому темпераменту своему русскій народъ вовсе не склоненъ къ такому способу дѣйствія.

Идеализмъ составляетъ лучшее, что есть въ лѣвомъ лагерѣ. Но этотъ же идеализмъ заключаетъ въ себѣ и отрицательныя стороны.

Когда онъ служитъ путеводной звѣздой въ лабиринтѣ жизненныхъ вопросовъ, когда онъ ставится достаточно высоко надъ жизнью, чтобы, съ одной стороны, освѣщать ее, а съ другой—быть вполнѣ застрахованнымъ отъ опошленія, онъ оказываетъ самое благотворное вліяніе. Когда же его содержаніе пытаются пересадить въ жизнь, не считаясь съ реальными условіями ея, то въ силу того, что идеалъ всегда является абсолютнымъ въ глазахъ своихъ послѣдователей, что онъ требуетъ полнаго осуществленія и не терпитъ рядомъ съ собой никакого конкуррента,—онъ превращается въ утопію, порождаетъ нетерпимость и влечетъ своихъ сторонниковъ къ дѣйствіямъ, которыя противорѣчатъ самому идеалу и низводятъ его съ пьедестала; въ глазахъ всѣхъ небезусловно преданныхъ ему—идеалъ становится отвѣтственнымъ за всѣ дѣянія своихъ ревнителей.

Все это наблюдается и у нашихъ „лѣвыхъ". Главная задача политической борьбы для нихъ — насажденіе новыхъ принциповъ общественнаго строя. Приближаясь въ нѣкоторыхъ пунктахъ весьма близко къ кадетской программѣ, они не уставали обличать „кадетовъ" въ отсутствіи „принципіальности"—и это особенно въ аграрной программѣ, т.-е какъ разъ тамъ, гдѣ менѣе всего можно было допустить перестройку всѣхъ отношеній на основаніи отвлеченныхъ принциповъ. По поводу принциповъ происходитъ непрерывное недоразумѣніе. Объявляя себя сторонниками коренного преобразованія общества на новыхъ началахъ, отрицающихъ частную собственность, соціалистическія партіи, за исключеніемъ максималистовъ, всѣ признаютъ, что время для этого преобразованія не наступило, и хотятъ только ввести хоть частичку новаго строя, напр., національзацію земли, или даже ограничиваются пока чисто политической реформой — демократической организаціей государственнаго строя. Поэтому оффиціально они отвергаютъ обвиненіе въ утопизмѣ, но на практикѣ, въ разгарѣ борьбы, соціалисты постоянно переходятъ границы, поставленныя ихъ программой—minimum, и когда они призываютъ народъ бороться съ существующимъ строемъ, громя эксплуатацію капиталистовъ и помѣщиковъ, они подразумѣваютъ, конечно, не одно введеніе только демократической конституціи, а полный соціальный переворотъ,—и такъ понимаетъ ихъ народъ. Если крестьянинъ ожидалъ, что землю ему дадутъ немедленно по созывѣ Государственной Думы, то съ другой стороны, во время декабрьскихъ забастовокъ 1905 г., фабричные рабочіе охраняли заводскія зданія и машины въ ожиданіи, что онѣ въ скорости отойдутъ въ ихъ владѣніе, и уже велись разговоры о новой расцѣнкѣ труда высшихъ служащихъ при новомъ режимѣ. Кажется, мало кто оцѣнилъ вліяніе этихъ разговоровъ на „поправѣніе" интеллигентнаго состава служащихъ нашей промышленности и на исходъ всего революціоннаго движенія. Мы не

РАБОТА БЮДЖЕТНОЙ КОММИССІИ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ ВТОРОГО СОЗЫВА.

Членъ Государственной Думы второго созыва (1906 г.) и предсѣдатель бюджетной ея коммиссіи, М. П. Федоровъ, издалъ составленный имъ сборникъ докладовъ [1]) коммиссіи, которая, какъ извѣстно, не окончила своей работы по разсмотрѣнію государственнаго бюджета на 1907 годъ, такъ какъ самая Дума была распущена. Въ вступительной „Памятной запискѣ" М. П. Федоровъ такъ формулируетъ цѣль своего труда:—„собрать, по возможности, что получило въ работѣ бюджетной коммиссіи до извѣстной степени законченный обликъ, и передать это въ наслѣдіе третьей Думѣ, дабы избавить ее отъ непроизводительнаго повторенія уже сдѣланной работы" (стр. 2). Кромѣ только-что цитированной „Памятной записки" редактора, въ сборникъ вошли доклады ряда подкоммиссій о смѣтахъ различныхъ вѣдомствъ, частью уже обсуждавшихся въ подкоммиссіяхъ и снабженныхъ объясненіями представителей соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, а слѣдовательно уже готовыхъ къ внесенію на разсмотрѣніе Думы, частью изъ проектовъ докладовъ, только подготовленныхъ къ разсмотрѣнію. Собранный матеріалъ, помимо указанной выше, спеціальной цѣли, имѣетъ и огромное общественное значеніе, такъ какъ представляетъ собою первый въ Россіи опытъ внесенія нашего громаднаго государственнаго бюджета на обсужденіе народныхъ представителей, а потому небезъинтересно познакомить съ нимъ возможно широкіе круги общества.

Первое, на что натолкнулись члены Думы при разсмотрѣніи бюджета 1907 г., это—ограниченность ихъ правъ разрѣшать или отвергать тѣ или другіе смѣтные кредиты. Согласно представленной Думѣ министромъ финансовъ справкѣ, въ силу правилъ 8 марта 1906 г. о порядкѣ разсмотрѣнія государственнаго бюджета, оказалось, что изъ 2.173 милліоновъ рублей обыкновенныхъ расходовъ—было: неподлежащихъ даже обсужденію въ Думѣ—28 милл. руб., и неподлежащихъ сокращенію—около 400 милл. руб.; обѣ эти категоріи, по принятому выраженію, окончательно „забронированы" отъ народныхъ представителей. Затѣмъ, идутъ расходы на сумму въ 659 милл. руб., основанные на разнаго рода узаконеніяхъ, относительно которыхъ Дума можетъ въ

[1]) „Доклады бюджетной коммиссіи второй Государственной Думы (недоложенные вслѣдствіе роспуска Думы). Изданіе подъ редакціей М. П. Федорова". Спб. Тип. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1907 (стр. 364). Ц. 2 р. 25 к.

законодательномъ порядкѣ возбудить вопросъ объ измѣненіи или отмѣнѣ ихъ. Насколько подобный способъ осуществимъ, можно судить уже по слѣдующему примѣру: расходы на мѣстныя полицейскія учрежденія обоснованы 518 титулами (узаконеніями); сколько же времени потребовалось бы Думѣ для одного пересмотра ихъ? Наконецъ, остальные 1.086 милл. руб. (50%) составляютъ категорію расходовъ, подлежащихъ свободному обсужденію Думы, т.-е. представляютъ собою такъ-называемую „незабронированную“ часть бюджета. Приблизительно въ той же мѣрѣ забронированы и кредиты на чрезвычайные расходы (299 милл. руб.). Затѣмъ, въ распоряженіи отдѣльныхъ вѣдомствъ имѣется свыше полумилліарда такъ-называемыхъ „спеціальныхъ средствъ“, изъ которыхъ на 1907 годъ ассигновано израсходовать 83 милл. руб. Распоряженіе этими средствами, по выраженію „Памятной записки“, составляетъ „какъ бы домашнее дѣло вѣдомствъ, о которомъ и Думѣ, и Государственному Совѣту, сообщается только общими цифрами для свѣдѣнія“ (стр. 10). Между тѣмъ, думская коммиссія, насколько было возможно, разобралась въ этихъ такъ-называемыхъ „спеціальныхъ средствахъ“, и оказалось, что 85% ихъ общей суммы по существу вовсе не подходятъ подъ понятіе „спеціальныхъ“, предуказанныхъ обосновывающимъ ихъ закономъ 1862 г., средствъ, а слѣдовательно, не только не должны быть забронированы, напротивъ, расходованіе ихъ, какъ суммъ, „безусловно принадлежащихъ казнѣ“, подлежитъ обсужденію въ Думѣ.

Тѣ 50% смѣты, которые составляютъ незабронированные расходы, распредѣлены по отдѣльнымъ вѣдомствамъ весьма неравномѣрно: для министерства Двора процентъ этотъ равенъ нулю, для св. синода—1, военнаго министерства—13, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ—19 и т. д.; всего значительнѣе онъ для вѣдомства путей сообщенія—99%; такимъ образомъ, расходы послѣдняго вѣдомства являются какъ бы почти цѣликомъ въ зависимости отъ рѣшенія Думы. Въ дѣйствительности же оказалось, что права Думы въ большей части смѣты и вѣдомства путей сообщенія сводятся къ простой формальности. Половина полумилліардной смѣты этого министерства состоитъ изъ окладовъ сотнямъ тысячъ служащихъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, сократить и даже измѣнить которые Дума, конечно, не могла бы; другая половина состоитъ большей частью изъ эксплоатаціонныхъ расходовъ тѣхъ же путей. Бюджетная коммиссія пыталась разсмотрѣть эту часть смѣты по существу, но съ первыхъ же своихъ шаговъ натолкнулась на рядъ препятствій, поставленныхъ ей со стороны правительства. Такъ, совѣтъ министровъ возсталъ противъ допущенія въ думскія коммиссіи экспертовъ, отказалъ въ предоставленіи журналовъ междувѣдомственныхъ совѣщаній по росписи, а государственный контроль не отклик-

думская коммиссія, чтобы разобраться въ хаосѣ цифръ, составляющихъ нашу государственную роспись. Если только подумать, что это—работа только одной изъ многихъ коммиссій Думы, работавшихъ не менѣе интенсивно, то легкомысленное и, къ сожалѣнію, распространенное обвиненіе Государственной Думы въ неработоспособности является болѣе чѣмъ неосновательнымъ. Дума работала, и не только много, но и умѣло, а что работа ея не нравилась защитникамъ порядковъ стараго, такъ-называемаго „приказнаго" строя—вина не Думы.

Заканчивая настоящую замѣтку, мы должны подчеркнуть мысль, которая красной нитью проходитъ по всему сборнику. Это—необходимость устраненія того тормаза, который препятствуетъ Государственной Думѣ серьезно заняться улучшеніемъ нашего государственнаго бюджета, а именно—необходимость измѣненія правилъ 8-го марта 1906 года. Правила эти, если и внесли нѣкоторую (если можно такъ выразиться) стройность въ порядокъ составленія росписи, то только въ томъ отношеніи, что, съ учрежденіемъ совѣта министровъ, сгладили прежнюю рознь между отдѣльными вѣдомствами и всѣхъ ихъ какъ бы сплотили ради защиты смѣты противъ критики народнаго представительства. Даже государственный контролеръ, этотъ обычный „противникъ бюджетныхъ вожделѣній остальныхъ министерствъ", изъ солидарности съ остальными членами кабинета, ничѣмъ не помогъ Думѣ, и въ настоящее время исчезла даже та видимость контроля, которая въ лицѣ его существовала ранѣе. Относительно же представителей народа, на судъ и утвержденіе которыхъ вносится бюджетъ, правила 8-го марта 1906 г. такъ „забронировали" его, что получается не болѣе какъ призракъ бюджетнаго права. Народнымъ представителямъ не только нельзя серьезно заняться переустройствомъ нашего государственнаго хозяйства, но, пока „правила" существуютъ, они обречены на постоянную мелкую борьбу за частичныя улучшенія бюджета, не касаясь его сути. Это ставитъ Государственную Думу въ совершенно невозможное положеніе: отъ нея требуютъ утвердить бюджетъ,—и въ то же время лишаютъ ее возможности реформировать его по существу; и Дума, утверждая бюджетъ, съ основаніями котораго она не согласна, несетъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія, которыя изъ того вытекаютъ,—наприм., заботу о покрытіи дефицита. Чтобы наше государственное хозяйство, наконецъ, вышло изъ того хаотическаго состоянія, въ которомъ оно въ настоящее время находится, будущей Думѣ, т.-е. нынѣшней, третьяго созыва, по мнѣнію авторовъ сборника, *необходимо добиваться коренного измѣненія правилъ 8-го марта 1906 года.*

И—вичъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1907.

Результатъ выборовъ въ третью Государственную Думу.—Комментаріи услужливой прессы.—Предстоящій „экзаменъ русскаго консерватизма".—Мѣстная реформа и московское дворянство. — Историческія параллели. — Ближайшія задачи третьей Государственной Думы. — Выборы въ Петербургѣ и Москвѣ. — Выборы отъ крестьянскихъ курій. — Новые террористическіе акты. — Статистика репрессій. — В. А. Грингмутъ †.

Со времени изданія новаго положенія о выборахъ не могло быть почти никакого сомнѣнія въ томъ, что третья Государственная Дума, въ противоположность двумъ первымъ, не будетъ оппозиціонной. Неяснымъ оставалось одно: какъ распредѣлится большинство между партіями, готовыми поддерживать правительство или идти еще дальше вправо. Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ возможнымъ только тогда, когда откроется Дума и сдѣлаетъ первые шаги въ ту или другую сторону. Только тогда можно будетъ провести демаркаціонную черту между „правыми", „монархистами" и членами „союза русскаго народа"—или, наоборотъ, признать, что такой черты вовсе не существуетъ и подъ различными кличками скрывается совершенно одинаковое содержаніе; только тогда можно будетъ узнать, чего хотятъ „октябристы", намѣренія которыхъ точному опредѣленію до сихъ поръ не поддаются.

Какою бы, однако, ни оказалась окраска думскаго большинства, какое бы мѣсто ни заняли въ немъ тѣ или другіе составные его элементы, выразителемъ господствующихъ въ странѣ теченій оно ни въ какомъ случаѣ служить не будетъ. Безпочвенны всѣ попытки доказать, что измѣнившійся составъ Думы свидѣтельствуетъ объ измѣнившемся настроеніи народа. Сравнивать можно только однородныя величины—а объ однородности здѣсь нѣтъ и рѣчи. Слишкомъ велико

различіе между условіями, при которыхъ происходили прежніе и нынѣшніе выборы. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, избирательный законъ 11-го декабря 1905-го года не задавался цѣлью обезпечить торжество той или другой категоріи избирателей. Онъ былъ построенъ на общихъ началахъ, вездѣ одинаково проведенныхъ; онъ ставилъ число выборщиковъ и депутатовъ въ зависимость отъ фактическихъ данныхъ—отъ численности населенія, отъ цифры уплачиваемыхъ налоговъ; онъ относился къ окраинамъ не иначе, чѣмъ къ центру; онъ не открывалъ слишкомъ большого простора административному произволу, не допускалъ тенденціознаго дробленія избирательныхъ коллегій. Выборы, произведенные на его основѣ, могли считаться приблизительно вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Ничего подобнаго нельзя сказать о выборахъ, въ которыхъ все искусственно: распредѣленіе депутатовъ между губерніями, распредѣленіе выборщиковъ между куріями, составъ и организація избирательныхъ съѣздовъ, способъ избранія депутатовъ, низведеніе такихъ крупныхъ центровъ, какъ Харьковъ, Казань, Саратовъ, Ростовъ-на-Дону, Тифлисъ, на одинъ уровень съ небольшими уѣздными городами. Если третья Дума мало похожа на первую и вторую, то объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ поворотѣ, совершившемся въ желаніяхъ и чувствахъ населенія, а въ составѣ и процедурѣ избирательныхъ собраній—въ непомѣрномъ увеличеніи числа выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ (и при томъ именно отъ *крупныхъ* землевладѣльцевъ, вслѣдствіе исключенія изъ землевладѣльческихъ избирательныхъ списковъ громадной массы мѣстныхъ крестьянъ), въ столь же непомѣрномъ уменьшеніи числа выборщиковъ отъ крестьянъ, въ привилегированномъ положеніи домовладѣльцевъ, въ избраніи депутата отъ крестьянъ не одними крестьянами, а всѣмъ избирательнымъ собраніемъ, отданнымъ во власть наименѣе прогрессивныхъ элементовъ.

Страна, по словамъ „услужающихъ" публицистовъ, „переутомлена борьбою и жаждетъ правильнаго законодательства... Оппозиція набила оскомину и наконецъ просто пріѣлась... Россія явно не желаетъ ни прежняго зрѣлища, ни прежнихъ дѣлъ или, точнѣе, прежняго бездѣлья. *Къ законодательству, къ работѣ, къ здоровому обновленію*—вотъ лозунгъ, который явно звучитъ въ выборахъ"! Да, страна утомлена—но, предоставленная самой себѣ, она едва ли выразила бы готовность отказаться отъ продолженія борьбы, пока не вполнѣ достигнута цѣль и не обезпечены пріобрѣтенныя блага. Да, страна жаждетъ правильнаго законодательства — но она ожидаетъ его не отъ тѣхъ, на чью долю досталась избирательная побѣда. Въ теченіе долгихъ лѣтъ законодателями являлись, de facto, единомышленники нынѣшнихъ побѣдителей—и если бы они *правильно* пользовались своимъ вліяніемъ

или своею властью, русскому народу не пришлось бы переживать эпоху страшныхъ испытаній. Если бы короткій, шестимѣсячный періодъ думскихъ сессій и можно было назвать—вопреки очевидности и справедливости—періодомъ *бездѣлья*, то какой эпитетъ слѣдовало бы примѣнить къ тѣмъ годамъ и десятилѣтіямъ, въ теченіе которыхъ, при дѣйствіи стараго режима, не двигались съ мѣста самые назрѣвшіе вопросы?... „Къ законодательству, къ работѣ“ призывала и въ первой, и во второй Думѣ значительная часть оппозиціи — и призывала не только словами, но и примѣромъ. Въ основѣ громаднаго труда, предпринятаго ею при самой неблагопріятной обстановкѣ, лежало стремленіе къ „здоровому обновленію“ Россіи—къ обновленію, котораго боятся правые всѣхъ наименованій и о которомъ робко говорятъ, ничего для него не дѣлая, октябристы... „Русскій консерватизмъ“—читаемъ мы дальше въ той же ликующей статьѣ—„стоитъ передъ великимъ экзаменомъ... До сихъ поръ онъ всегда былъ не у дѣлъ... Только теперь представители его подходятъ къ кормилу власти, черезъ полвѣка почти сплошного высмѣиванья и гоненія“. Гоненіе на консерваторовъ и консерватизмъ, продолжавшееся почти полвѣка— значитъ съ самаго приступа къ „великимъ реформамъ“! Сквозь какія очки нужно смотрѣть на наше прошлое, чтобы увидѣть въ немъ нѣчто столь далекое отъ дѣйствительности! „Экзаменъ русскаго консерватизма“ продолжается, съ небольшими перерывами, чуть не цѣлое столѣтіе, продолжается при полнѣйшемъ снисхожденіи къ экзаменуемымъ—и постоянно даетъ отрицательные результаты. „Кормило власти“ наши консерваторы не совсѣмъ выпускали изъ рукъ даже тогда, когда въ число экзаменующихся допускались, на короткое время и съ большими предосторожностями, сторонники другихъ направленій. Какъ бы блистательно послѣдніе ни выдерживали экзаменъ, оставаться за флагомъ приходилось именно имъ, а не разбитымъ и посрамленнымъ ими соперникамъ. Н. А. Милютинъ, С. И. Зарудный, А. В. Головнинъ, гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ быстро сходили со сцены, на которой прочно укрѣплялись и внѣшнимъ образомъ преуспѣвали гр. П. А. Валуевъ, гр. Д. А. Толстой, А. Е. Тимашевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, В. К. Плеве. Гонимыми—если не считать гоненіемъ кратковременное удаленіе съ высокаго поста—властные адепты русскаго консерватизма не были никогда, а гонителями бывали часто, очень часто. Немного они страдали и отъ „высмѣиванья“, которому неуклонно противопоставлялся щитъ цензуры. Не болѣе тяжелой была судьба добровольцевъ консерватизма, ломавшихъ за него копья въ печати. Сравнительно много преградъ пришлось встрѣтить только И. С. Аксакову— но, во-первыхъ, его консерватизмъ былъ „совсѣмъ особеннаго свойства“, съ немалой примѣсью своеобразной оппозиціи, а во-вторыхъ,

Столь же ясна для насъ, однако, и другая сторона медали: столь же ясно, что ничего не достигается обостреніемъ и учащеніемъ уголовныхъ каръ. Поразительны и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительны, въ этомъ отношеніи, цифры, сообщенныя недавно одною изъ петербургскихъ газетъ. Съ 17 октября 1905-го по 17-ое октября 1907-го года казнено по приговорамъ военныхъ судовъ 1.780 человѣкъ (въ томъ числѣ по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ — 1.144 человѣка). Къ каторгѣ за политическія преступленія приговорено 3.873 человѣка (въ томъ числѣ 605 — безсрочно), къ ссылкѣ на поселеніе — 502, къ тюрьмѣ и другимъ видамъ лишенія свободы—11.182 человѣка. Дальше идти по пути репрессій едва ли возможно—а между тѣмъ зло, противъ котораго онѣ направлены, скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Не пора ли отказаться отъ способовъ борьбы, столь явно нецѣлесообразныхъ?

Кончина бывшаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“, В. А. Грингмута, является безспорной потерей для реакціонной печати и для крайнихъ правыхъ партій. Какую роль онъ съигралъ въ русской общественной жизни — этого вопроса, когда еще свѣжа его могила, мы касаться не станемъ. Мнѣнія, представителемъ которыхъ онъ былъ, постоянно оспаривались на страницахъ нашего журнала — и намъ незачѣмъ теперь говорить о ихъ значеніи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1907.

I.

— Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. — Пушкинъ, т. I. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. С.-Петербургъ. 1907.

Какъ ни велики всѣ прежнія заслуги С. А. Венгерова передъ исторіей русской литературы,—предпринятое имъ теперь изданіе Пушкина безспорно явится самымъ монументальнымъ его трудомъ и болѣе всего обезпечитъ ему благодарную память въ русскомъ обществѣ. И по трудности задачи, и по цѣнности результатовъ это изданіе представляетъ своего рода чудо на нашемъ книжномъ рынкѣ, да не имѣетъ соперниковъ, вѣроятно, и на Западѣ. Удивленія заслуживаетъ уже самая широта и цѣлесообразность замысла—дать не только собраніе сочиненій Пушкина, но и, попутно, всестороннее изслѣдованіе его жизни и творчества,—и вышедшій теперь первый томъ даетъ возможность судить, съ какимъ высокимъ совершенствомъ, съ какой неистощимой любовью и энергіей осуществляется этотъ планъ. Только спеціалистъ способенъ въ полной мѣрѣ оцѣнить достигнутое здѣсь въ связи съ общими условіями, въ какія поставлено у насъ историко-литературное дѣло. Разработать въ подробностяхъ колоссальный планъ; дать провѣренный Пушкинскій текстъ; мобилизовать цѣлую армію изслѣдователей и комментаторовъ (а работниковъ у насъ мало, они лѣнивы и неисправны); подобрать иллюстраціи къ тексту, разсѣянныя по всевозможнымъ публичнымъ и частнымъ собраніямъ; наконецъ, добиться быстроты, внѣшней точности и изящества изданія, — все это въ соединеніи требуетъ отъ редактора такой любви къ дѣлу, такихъ знаній, такой настойчивости, какія встрѣчаются не часто. А каковы достигнутые результаты, объ этомъ можетъ дать представленіе даже

простой перечень содержанія перваго тома. Пушкинскій текстъ (Лицейскія стихотворенія и „Русланъ и Людмила") занимаетъ лицевую сторону страницъ, далеко не всѣхъ, оборотная отведена комментарію къ отдѣльнымъ пьесамъ; первыя 60 страницъ цѣликомъ и многіе десятки страницъ сплошь внутри тома заняты цѣльными статьями. Эти статьи дѣлятся по содержанію на четыре группы: 1) отдѣльные этюды о каждомъ моментѣ біографіи Пушкина, таковы: „Родъ Пушкина", „Дѣтство Пушкина", „Пушкинъ въ лицеѣ", „Первая любовь Пушкина", „Отъ лицея до ссылки" и пр.; 2) этюды о людяхъ, близкихъ Пушкину: „Сестра Пушкина", „А. И. Галичъ", „Кн. А. М. Горчаковъ", и др.; 3) этюды о поэтахъ, оказавшихъ вліяніе на Пушкина,—объ Оссіанѣ, Парни, Батюшковѣ; и наконецъ, 4) историко-литературныя введенія къ крупнымъ произведеніямъ Пушкина; такова обширная статья проф. Халанскаго, предпосланная „Руслану и Людмилѣ". Всѣ эти статьи написаны лучшими спеціалистами — В. Брюсовымъ, акад. Алексѣемъ Н. Веселовскимъ, Б. Модзалевскимъ, П. Морозовымъ, Э. Радловымъ, и т. д. Комментаріи къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ занимаютъ добрую треть тома. Наконецъ, иллюстраціонный матеріалъ поражаетъ богатствомъ, тщательностью подбора и замѣчательнымъ изяществомъ исполненія; въ книгѣ около 250 снимковъ, на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, частью неизданныхъ. Все это дѣйствительно дѣлаетъ новое изданіе г. Венгерова „Пушкинской энциклопедіей", цѣнной, притомъ, не только для большой публики, но и для историковъ литературы, для будущихъ изслѣдователей жизни и творчества Пушкина.

За внутреннія достоинства изданія достаточно ручаются имена редактора и его главныхъ сотрудниковъ. Разумѣется, не всѣ этюды одинаково цѣнны, но это касается преимущественно ихъ литературной стороны: въ смыслѣ полноты и свѣжести матеріала почти всѣ они, такъ же, какъ и примѣчанія, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Нельзя не пожалѣть, что по чисто-внѣшнимъ причинамъ редакторъ счелъ себя вынужденнымъ отнести во второй томъ статью объ исторіи Пушкинскаго текста, которую предположено было дать въ первомъ. Безъ нея трудно судить о принципахъ, которыми руководится настоящее изданіе при установленіи текста, — а въ этихъ принципахъ какъ-разъ все дѣло.

Мы должны предоставить спеціальной критикѣ подробный разборъ матеріала, предлагаемаго новымъ изданіемъ; намъ же хотѣлось бы здѣсь, на страницахъ общаго журнала, высказать нѣсколько пожеланій съ точки зрѣнія обыкновеннаго читателя, для котораго оно вѣдь преимущественно и назначается.

Самымъ слабымъ мѣстомъ изданія является, на нашъ взглядъ, его

недостаточная концентрированность. Въ подобномъ дѣлѣ строгое самоограниченіе — первое условіе успѣха. Пушкинская энциклопедія можетъ быть драгоцѣнной вещью только въ томъ случаѣ, если въ ней будетъ *все*, что касается Пушкина, и если въ ней не будетъ *ничего*, что непосредственно къ нему не относится. Между тѣмъ, изданіе г. Венгерова, вполнѣ удовлетворяя первой половинѣ этого требованія, сильно грѣшитъ противъ второй; оно страдаетъ, такъ сказать, неумѣстной щедростью, оно далеко выходитъ изъ рамокъ Пушкинской энциклопедіи въ область энциклопедизма вообще. Это обнаруживается на каждой страницѣ. Мы бы охотно пожертвовали всѣми этими безчисленными концовками, заставками, виньетками въ стилѣ XVIII вѣка, миѳологическими и галантными сценами Жило, Вато и пр.,—потому что это *не Пушкинъ*; мы бы охотно отказались отъ великолѣпныхъ снимковъ съ картины Делароша: „Наполеонъ передъ отъѣздомъ на Эльбу", и съ эскиза Вернэ: „Резиденція Наполеона на Эльбѣ",—потому что не ими вдохновлялся Пушкинъ, когда писалъ своего „Наполеона на Эльбѣ", т.-е. потому что это *не Пушкинъ*. Если Пушкинъ перевелъ изъ Кл. Маро восьмистишіе „Старикъ", то намъ интересенъ для сличенія только подлинникъ—стихи Маро, но намъ не нужны ни біографія Маро, ни его портретъ, которыхъ Пушкинъ, конечно, не зналъ, и точно такъ же намъ не нужны портреты и біографіи, подчасъ весьма обстоятельныя, многихъ другихъ иностранцевъ, имя которыхъ мимоходомъ упоминаетъ Пушкинъ, — всѣхъ этихъ Клеронъ, Шапель, Шолье, Грессэ и пр. Все это ни въ малѣйшей степени не уясняетъ намъ Пушкина, и всей этой ненужной роскоши мы далеко предпочли бы небольшую, но дѣльную сводную статью о томъ, что читалъ Пушкинъ въ лицеѣ, — статью, гдѣ въ мѣру дѣйствительной надобности нашли бы себѣ мѣсто и Грессэ, и Шаплэнъ, и др. Если всѣми этими энциклопедическими свѣдѣніями редакторъ имѣлъ въ виду ознакомить читателей съ духовной атмосферой, въ которой росъ Пушкинъ, то онъ тѣмъ самымъ даетъ намъ право предъявить къ нему рядъ требованій, имъ не исполненныхъ; мы можемъ тогда спросить, зачѣмъ нѣтъ въ первомъ томѣ особыхъ этюдовъ о состояніи русскаго общества въ періодъ юности Пушкина, о патріотическомъ настроеніи двѣнадцатаго года, о направленіяхъ въ русской поэзіи начала вѣка, и пр., и пр. Было бы смѣшно требовать такой обстоятельности отъ изданія *сочиненій* Пушкина: совершенно достаточно и того, что дается по всѣмъ этимъ вопросамъ въ общихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ,—но въ такомъ случаѣ и тѣ случайныя, разрозненныя и часто излишнія свѣдѣнія о французскихъ писателяхъ, даже не читанныхъ Пушкинымъ, или не повліявшихъ на него, не нужны. Пушкинъ—центръ; въ изданіи не должно быть ни одной черты, которая

Она была бы въ своемъ родѣ и совсѣмъ хороша, если бы авторъ скромно держался въ предѣлахъ той маленькой задачи, которую онъ поставилъ себѣ,—дать сводку печатныхъ матеріаловъ по нѣкоторымъ вопросамъ біографіи Тургенева. Къ сожалѣнію, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пожелалъ дать больше, и тѣмъ значительно повредилъ своей книгѣ, потому что *всѣ* его экскурсіи въ область психологіи или исторіи русской литературы оказываются совершенно неудачными и производятъ странное, подчасъ прямо непріятное впечатлѣніе. Такъ, г. Гутьяръ счелъ нужнымъ въ особомъ очеркѣ детально сопоставить взгляды Тургенева со взглядами Базарова по различнымъ вопросамъ морали, общественной жизни и пр., чтобы побѣдоносно доказать полную солидарность обоихъ. Трудно представить себѣ бо̀льшую путаницу понятій, нежели та, которая царитъ въ этой статьѣ. Въ общемъ, этотъ вопросъ давно рѣшенъ, и притомъ самимъ Тургеневымъ. Г. Гутьяръ, не замѣчая главнаго—именно, глубочайшей разницы во всемъ психическомъ строѣ обоихъ сопоставляемыхъ лицъ,—механически выписываетъ рядомъ сходныя заявленія Тургенева и Базарова—и торжествуетъ. При этомъ получаются курьезы самаго комическаго свойства. Тургеневъ оказывается чуть-чуть не религіознымъ человѣкомъ, да и о Базаровѣ мы узнаёмъ, что во второй половинѣ романа, если онъ и „не сдѣлался ближе къ области эстетической, художественной, то уже до признанія имъ универсальности чувства религіознаго и самой религіи оставался одинъ шагъ"! Да онъ подъ конецъ—если вѣрить г. Гутьяру—и бракъ сталъ одобрять; въ доказательство г. Гутьяръ добросовѣстно выписываетъ то мѣсто изъ сцены послѣдняго свиданія Базарова съ молодымъ Кирсановымъ, гдѣ Базаровъ, узнавъ о предстоящей женитьбѣ Кирсанова, заявляетъ: „Что-жъ! Дѣло хорошее"—и въ отвѣтъ на недоумѣніе Кирсанова поясняетъ свою мысль: „Видишь, что я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ; чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было". Недурная апологія брака! Но такихъ курьезовъ не оберешься. Такъ же несчастливъ г. Гутьяръ и въ своей попыткѣ (стр. 365 и далѣе) доказать, что Рудинъ — человѣкъ съ характеромъ, а отнюдь не слабовольный, какимъ его обыкновенно представляютъ. „Развѣ—говоритъ онъ — упорный, постоянный порывъ къ дѣятельности, проявляемый имъ (Рудинымъ), есть признакъ безхарактерности?"—и въ доказательство ссылается на слова Рудина, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Лежневымъ, онъ „началъ жить, принимался *за новое разъ двадцать*"!

Все это только смѣшно, но въ книгѣ г. Гутьяра есть и другіе пассажи подобнаго рода, при чтеніи которыхъ смѣхъ превращается

въ досаду. Какъ извѣстно, Тургеневъ во вторую половину своей жизни разошелся со многими старыми пріятелями. Иныя изъ этихъ ссоръ обусловливались опредѣленными поступками съ той или другой стороны, но въ большинствѣ случаевъ ихъ источникомъ являлся глубокій психологическій антагонизмъ. Таковы, напримѣръ, ссоры Тургенева съ двумя крупнѣйшими его современниками—съ Л. Толстымъ и Достоевскимъ. Долгъ историка въ такихъ случаяхъ—какъ можно глубже и съ строгой объективностью выяснить это коренное различіе натуръ, и, разумѣется, отнюдь не подобаетъ ему брать на себя роль прокурора. Но г. Гутьяръ именно счелъ себя призваннымъ къ такой роли. Въ своемъ необузданномъ панегиризмѣ по отношенію къ Тургеневу онъ—каждый разъ, когда ему приходится изображать подобную ссору — старается всячески уличить, осмѣять, затоптать въ грязь второе дѣйствующее лицо, чтобы тѣмъ ярче выставить благородство и добродѣтели Тургенева. Вся его статья объ отношеніяхъ Тургенева къ Толстому — сплошное глумленіе надъ Толстымъ, равно лишенное и любви, и пониманія. Собственныхъ мыслей о Толстомъ у г. Гутьяра нѣтъ; свою мысль онъ заимствуетъ у Тургенева. Послѣдній однажды выразился, что „Толстого страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу". Этому умному и, въ ограниченномъ смыслѣ, глубоко-вѣрному замѣчанію г. Гутьяръ, къ изумленію читателей, придаетъ универсальный смыслъ. Въ этихъ словахъ—говоритъ онъ—ключъ къ пониманію Толстого, *какъ человѣка и писателя*. „Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою всѣ упражненія (!) и скитанія Толстого, какъ не „самую отчаянную фразу"? Что значитъ его проповѣдь презрѣнія къ матеріальнымъ благамъ и удобствамъ при сознательномъ наживаніи сотенъ тысячъ? Что значитъ его призывъ къ безбрачію при многосемейности? Какъ понять его заявленіе ненависти къ литературной работѣ при несомнѣнной литературной плодовитости? Фраза и фраза, вызванная страхомъ, боязнью фразы".

Нѣсколько совѣстно выписывать эти грубыя строки, но онѣ почти обезоруживаютъ своей безсмысленностью. Какъ приплелъ г. Гутьяръ „страхъ фразы" къ „многосемейности" и пр.—этого, конечно, не пойметъ ни одинъ разумный человѣкъ. Но въ такомъ же духѣ онъ продолжаетъ на многихъ страницахъ. Онъ берется привести сколько угодно біографическихъ фактовъ относительно автора „Войны и Мира", указывающихъ, что *и образъ жизни* его былъ *столь же фразистымъ* до такъ называемаго переворота, происшедшаго съ нимъ, какъ и послѣ него". Что значатъ подчеркнутыя нами слова, это остается тайной и послѣ многочисленныхъ цитатъ, приводимыхъ нашимъ авторомъ. Изъ страха фразы г. Гутьяръ выводитъ и „болѣзненный скептицизмъ" Толстого, и его „удивительное самомнѣніе"; „отсюда же—

заявляетъ онъ—отсутствіе правильнаго міровоззрѣнія у гр. Толстого". Было бы интересно узнать, что̀ понимаетъ г. Гутьяръ подъ „правильнымъ міровоззрѣніемъ".

И все это дѣлается съ цѣлью возвысить Тургенева. Чрезъ всю статью проходитъ сравненіе Тургенева съ Толстымъ: Толстой суетенъ, поверхностенъ, болѣзненъ — то ли дѣло Тургеневъ! онъ все умѣетъ понять, ко всему относится терпимо, его скептицизмъ дѣйствительно глубокъ, онъ не расхолаживаетъ, а возвышаетъ, и т. д. Мало того: Толстой—почти невѣжественный человѣкъ, у него нѣтъ „настоящихъ знаній", тогда какъ Тургеневъ „всегда и всѣхъ поражалъ обширностью и глубиной своего образованія"; Тургеневъ всегда былъ окруженъ книгами, журналами, газетами, а Толстой иной годъ даже не выписываетъ ни одного журнала, ни одной газеты,—чего же больше? это ли не признакъ невѣжества? „Да и откуда было взяться образованію, даже стремленію къ образованію у графа Толстого"—при его скептицизмѣ? Словомъ, Толстой, оказывается, изъ рукъ вонъ плохъ,—если не безнравственъ, то, по меньшей мѣрѣ, не уменъ. То ли дѣло Тургеневъ!

Въ противоположность г. Гутьяру, мы отнюдь не чувствуемъ призванія судить Толстыхъ и прославлять Тургеневыхъ: съ насъ довольно любить ихъ и по нимъ учиться добру. Моральная строгость г. Гутьяра умѣстна, можетъ быть, въ классномъ наставникѣ при обсужденіи въ педагогическомъ совѣтѣ дурного поведенія того или иного ученика, но болѣе чѣмъ неумѣстна въ приложеніи ко всякому человѣку вообще и къ такому, какъ Толстой, особенно. Максъ Штирнеръ въ одной очаровательной маленькой статьѣ мастерски высмѣиваетъ „мѣщанское" міровоззрѣніе, которое о каждомъ человѣкѣ спрашиваетъ—не „что̀ онъ есть", а „что̀ у него есть": „есть у него деньги?" и точно такъ же: „есть у него добродѣтели?" — Г. Гутьяръ находитъ, что у Льва Толстого рѣшительно нѣтъ добродѣтелей.

Увы, онъ не находитъ ихъ и у Достоевскаго, а о Некрасовѣ что̀ ужъ и говорить! Статья объ отношеніяхъ Тургенева къ Некрасову—не что̀ иное, какъ списокъ грѣховъ и преступленій Некрасова, все равно — имѣвшихъ и не имѣвшихъ касательства къ Тургеневу. На протяженіи полуторы страницы терпѣливый читатель можетъ въ подробностяхъ узнать, какъ Некрасовъ въ началѣ своей издательской карьеры искусно обдѣлывалъ свои дѣлишки путемъ поминутнаго упоминанія о невзгодахъ своей юности: „Ровно три года я чувствовалъ себя голоднымъ"...—и тутъ же можетъ полюбоваться нравственнымъ возмущеніемъ г. Гутьяра, который, съ цифрами въ рукахъ, неумолимо доказываетъ, что въ дѣйствительности Некрасовъ голодалъ не три, а даже неполныхъ два года, и что къ тому же „передъ началомъ го-

лодовки" у него было въ карманѣ 150 руб., и даже не 150, а „рублей 300 по теперешнимъ условіямъ жизни". И такъ съ негодованіемъ все дальше и дальше, и опять въ итогѣ Некрасовъ выключается вонъ, а Тургеневу—похвальный листъ за благонравіе.

Къ сожалѣнію, какъ-разъ эта прокурорская статья сама представляетъ собою тяжелую провинность со стороны г. Гутьяра. Печатая въ 1907 году очеркъ объ отношеніяхъ Тургенева къ Некрасову, онъ *не знаетъ*, что еще въ 1904 г. была напечатана въ журналѣ, а въ 1905-мъ вышла и отдѣльнымъ изданіемъ цѣлая книга А. Н. Пыпина о Некрасовѣ, двѣ трети которой заняты разсказомъ именно объ этихъ отношеніяхъ—и текстомъ 60-ти писемъ Некрасова къ Тургеневу! Это не просто формальный пробѣлъ, какіе всегда возможны въ историко-литературной работѣ: книга Пыпина—дѣйствительно единственный полный и достовѣрный источникъ, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія о характерѣ дружбы и причинахъ разрыва между Некрасовымъ и Тургеневымъ. Если бы г. Гутьяръ познакомился съ нею, онъ былъ бы, вѣроятно, менѣе рѣшителенъ въ своихъ сужденіяхъ о низости Некрасова и терпимости Тургенева, и во всякомъ случаѣ, былъ бы вынужденъ изобразить ихъ отношенія менѣе односторонне и матеріально. Пыпинъ довольно глубоко вскрываетъ ту противоположность вкусовъ, убѣжденій и общественныхъ тенденцій, которая сдѣлала неизбѣжнымъ этотъ разрывъ, а опубликованныя имъ письма Некрасова къ Тургеневу полны такой искренней задушевности и такой глубокой скорби, которыя обязываютъ, по меньшей мѣрѣ, къ осторожности въ сужденіяхъ о его сложной личности.

Впрочемъ, надо замѣтить, что это—единственный крупный историко-литературный промахъ г. Гутьяра. Въ общемъ, онъ знаетъ свой матеріалъ, и если бы не выходилъ за его предѣлы—былъ бы въ своей скромной сферѣ дѣльнымъ работникомъ. Изъ мелкихъ пробѣловъ укажемъ одинъ, касающійся отношеній Тургенева къ Станкевичу. Въ литературѣ, кажется, еще не было указано, что сюжетъ разсказа „Несчастная" (1868 г.) былъ сообщенъ Тургеневу, по всей вѣроятности, Станкевичемъ. Въ письмахъ Станкевича къ Невѣрову за 1833 годъ [1]) можно найти взволнованный разсказъ о судьбѣ, мнимоестественной смерти и даже похоронахъ (какъ у Тургенева) той дѣвушки, мнимой дочери иностранца-музыканта Г., которую Тургеневъ въ своей повѣсти окрестилъ Сусанной (ея дѣйствительное имя было Эмилія). Какъ извѣстно, на послѣдней страницѣ повѣсти лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, говоритъ о своихъ неудачныхъ по-

---

[1]) „Н. В. Станкевичъ, переписка его и біографія", П. В. Анненкова. Москва, 1857, стр. 51—52, и письма, стр. 47—50.

пыткахъ заступиться за память Сусанны, послѣ ея смерти, передъ своими товарищами; онъ прибавляетъ: „Одного изъ нихъ, молодого студента-поэта, я однако поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

Но и надъ брошенной могилой
Не смолкнулъ голосъ клеветы..
Она тревожитъ призракъ милый
И жжетъ надгробные цвѣты!“

Эти стихи взяты изъ стихотворенія Станкевича: „На могилѣ Эмиліи“, напечатаннаго тогда же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти загадочной дѣвушки, и напечатаннаго въ 1834 г. въ „Денницѣ“. Возможно, конечно, что и самый эпизодъ, и стихотвореніе были сообщены Тургеневу не самимъ Станкевичемъ, а, напримѣръ, П. В. Анненковымъ.

III.

— Н. Денисюкъ. Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его время, жизнь и сочиненія. Москва. 1907. Стр. 112.
— Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Вып. первый. Москва. 1907. Стр. 175.

Г-нъ Денисюкъ называетъ свой трудъ „скромнымъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуетъ свою книгу (первую, съ сокращеніями перепечатанную и во второй), какъ „первую попытку дать достаточно полный очеркъ и характеристику времени, жизни и литературной дѣятельности гр. А. Толстого“. Какая ужъ тутъ скромность! Шутка ли: и впервые, и достаточно полно, и не только жизнь, но даже время и творчество! Обширная и смѣлая задача. Г. Денисюкъ кое-что забылъ и кое-чего не знаетъ. Онъ забылъ, что жизнь А. К. Толстого уже до него и не менѣе „полно“ описывалась не разъ: такова, напримѣръ, работа г. Левенстима, напечатанная въ прошломъ году въ нашемъ журналѣ, или дѣльная статья г. Кондратьева въ „Новомъ Пути“ за 1904 годъ. И не знаетъ онъ—ни того, какъ пишутся біографіи, ни матеріаловъ, какіе существуютъ для біографіи А. Толстого. Поэтому въ его книгѣ можно найти объ А. Толстомъ не больше, чѣмъ въ любомъ энциклопедическомъ словарѣ; но зато въ ней можно найти многое другое, а подчасъ весьма неожиданныя вещи.

Въ ней есть даже „идея“. Если взять извѣстное стихотвореніе А. Толстого: „Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный“, и развести его понятный смыслъ въ цѣломъ морѣ пустыхъ и невра-

зумительныхъ разсужденій, то получится „идея“ г. Денисюка. Не правда ли, какъ ново: А. Толстой—„эстетикъ“ и боецъ за свободу личности. Но г. Денисюкъ—основательный ученый; чтобы обосновать эту оригинальную мысль, онъ начинаетъ если не съ Адама, то съ до-Петровской Руси. На 24-хъ страницахъ читатель получаетъ исторію русской литературы отъ начала до А. Толстого. Здѣсь стройность изложенія борется съ оригинальностью мыслей; здѣсь можно узнать, что Петръ былъ космополитомъ, а послѣ него Россія подпала власти нѣмцевъ; что наша сентиментальная литература была подражательной, но, затѣмъ, живая, обыденная русская дѣйствительность, наконецъ, наполнила салоны русской художественной литературы“; что при Николаѣ одна только литература, „высоко поднявъ факелъ, освѣщала жалкую фигуру русской общественности“. Г. Денисюкъ вообще любитъ выражаться образно, и въ особенности чувствуетъ слабость къ персонификаціи; такъ, литература сороковыхъ годовъ, по его словамъ, „требуетъ новой жизни, сидя въ креслѣ и тепломъ халатѣ предразсудковъ своего времени“, тогда какъ литература шестидесятыхъ годовъ „забрасываетъ мочеными яблоками своего сарказма всѣхъ, кто не согласенъ съ нею“; наканунѣ Крымской кампаніи, „проклятые вопросы русской дѣйствительности росли, какъ комъ снѣга, стремящійся въ бездну“, а Ивана Аксакова „хотѣли заставить прокатиться на собакахъ и оленяхъ въ край, куда еще не ступало ни одно копыто телятъ, гоняемыхъ пресловутымъ Макаромъ“.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что пышная образность слога исключаетъ у нашего автора, какъ это часто встрѣчается, глубину и своеобразіе мысли. Ничуть не бывало: то и другое стоятъ у него въ полномъ согласіи. Если трудно своими словами изобразить стиль г. Денисюка, то его мысль уже совершенно не поддается вольной передачѣ. Поэтому да не посѣтуетъ на насъ читатель за обиліе цитатъ. Хотите ли знать, напримѣръ, почему наша литература сороковыхъ годовъ носила (чего, конечно, никто до сихъ поръ не подозрѣвалъ) „религіозно-нравственный“ характеръ? Г. Денисюкъ скромно предлагаетъ свое объясненіе: „Я полагаю,—пишетъ онъ,—что наиболѣе правильнымъ объясненіемъ религіозно-нравственнаго характера нашей литературы будетъ то, которое полагаетъ, что наше духовное развитіе обязано прежде всего византійскому вліянію. Славяно-русскій народъ вмѣстѣ съ пришедшей къ намъ византійской церковью подчинился и мыслительной силѣ тѣхъ священнослужителей-грековъ, которые перешли рубежъ нашей земли вмѣстѣ съ новосозданной русской церковью. Они принесли съ собой не мудрость греческихъ философовъ, а часословы и Библію. Нашъ мыслящій интеллигентный классъ выросъ подъ вліяніемъ византійскаго клерикальнаго класса“. Немножко нескладно

выражено, но зато какая глубокая, оригинальная мысль,—можно сказать,—цѣлое открытіе! И такихъ перловъ въ книгѣ г. Денисюка сколько угодно.

При такой остротѣ мысли и живости слога автору, конечно, не было никакой надобности изучать матеріалы для біографіи Толстого и его поэзію. Онъ взялъ общеизвѣстные факты его жизни, изложеніе которыхъ заняло бы пять-шесть страницъ, и на этой рѣдкой канвѣ вышилъ роскошные узоры собственной мысли и собственнаго краснорѣчія. Ѣдетъ ли Толстой въ Крымъ, въ Малороссію, въ Италію,—въ каждомъ случаѣ авторъ патетически изображаетъ дѣйствіе, какое должны произвести красоты данной страны на всякую чувствительную душу. А какія строки и страницы посвящены первой заграничной поѣздкѣ Толстого! Начинается такъ: „Трудно указать другое, болѣе развивающее умъ и чувство средство, чѣмъ путешествіе"; потомъ идетъ описаніе Италіи: „Взгляните на это небо, на эту растительность" и т. д.; затѣмъ, слѣдуетъ рядъ глубокомысленныхъ соображеній о сравнительныхъ удобствахъ кареты и желѣзной дороги для путешествія съ точки зрѣнія опасности, эстетики, морали и пр., и все это заключается конфиденціальнымъ сообщеніемъ: „Между нами будь сказано, я не высокаго мнѣнія о состояніи нравственности въ современномъ обществѣ, но не вижу, чтобы она процвѣтала и въ тѣ времена, когда у насъ не было Николаевской желѣзной дороги, когда пароходы не бороздили Волгу, когда наши барышни не прибѣгали къ прогулкамъ на велосипедѣ, какъ вѣрному средству выйти замужъ". Однако, и послѣ этого мысль читателя мучительно бьется надъ вопросомъ, чему же, наконецъ, г. Денисюкъ отдаетъ предпочтеніе: каретѣ или желѣзной дорогѣ? Чѣмъ оригинальнѣе мысль, тѣмъ большей она требуетъ ясности.

По поводу желѣзныхъ дорогъ г. Денисюкъ вспоминаетъ Рёскина. Онъ вообще любитъ опираться на авторитеты; вы найдете у него цитаты изъ Гизо, Зола, Маколея, Кондорсэ, даже изъ короля ганноверскаго Эрнеста-Августа. Вотъ образчикъ, какъ это дѣлается: врожденный характеръ, говоритъ г. Денисюкъ, „это та реальная цѣнность, вокругъ которой колеблются цѣна человѣка и, вообще, всѣ другія искусственныя вліянія",—и въ доказательство — цитата изъ „Юлія Цезаря": „Я совершенно не боюсь людей полныхъ, съ прекрасными волосами, но гораздо болѣе опасаюсь людей съ желтоватымъ цвѣтомъ лица и на видъ худощавыхъ".

Такъ, г. Денисюкъ по поводу А. Толстого написалъ оригинальную книгу. Собственно о жизни Толстого, если не считать нѣсколькихъ хронологическихъ датъ, можно узнать изъ нея только, что „фортуна, также какъ и фатумъ, покровительствовали счастливцу", а о про-

изведеніяхъ Толстого — что въ „Крымскихъ очеркахъ“ Толстой „съ поразительной картинностью рисуетъ картины южной природы“.

Мы руководились въ нашемъ отзывѣ тѣмъ непреложнымъ правиломъ, что въ каждой вещи надо искать ея сущность; сущность же первой книги г. Денисюка—комизмъ. Что касается его второй книги, то ея сущность—нелѣпость. Сводъ критической литературы о писателѣ имѣетъ смыслъ и цѣнность только тогда, когда эта литература располагается либо въ систематическомъ, либо въ хронологическомъ порядкѣ. Любопытно было бы видѣть, какъ съ поколѣніями мѣнялся взглядъ на поэзію Толстого; любопытно было бы противопоставить сужденіе тенденціозной критики о немъ сужденію эстетической; наконецъ, извѣстный интересъ представляла бы сводка всѣхъ отзывовъ о томъ или другомъ отдѣльномъ произведеніи или циклѣ произведеній Толстого. Ничего этого г. Денисюку не нужно. Первый выпускъ своего изданія онъ наполнилъ самыми разнородными и разновременными статьями: тутъ и общія характеристики А. М. Скабичевскаго и О. Миллера, и разборы отдѣльныхъ вещей Толстого—Н. М. Соколова; изъ десяти отрывковъ два относятся къ 70-мъ годамъ, шесть—къ 1890 году, одинъ (статья Н. А. Котляревскаго о Толстомъ, какъ сатирикѣ)—къ 1906-му; тутъ и критика съ точки зрѣнія общественныхъ идеаловъ, и критика чисто-эстетическая, словомъ—полная случайность. А въ такомъ видѣ сводъ отзывовъ о поэзіи Толстого можетъ служить, самое большее, только для справокъ, но въ историко-литературномъ отношеніи не имѣетъ никакой цѣны.

IV.

— А. Алферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка. Москва. 1907.

Эта книга носитъ подзаголовокъ „Хрестоматія“ и предназначается ближайшимъ образомъ для употребленія въ средней школѣ, но какъ вообще въ педагогическихъ пріемахъ кристаллизуются умственные навыки и тенденціи общества, такъ и эта книга является отраженіемъ нѣкоторыхъ общихъ началъ. Когда два извѣстныхъ педагога, вооруженныхъ широкимъ образованіемъ и превосходными спеціальными знаніями, задавшись цѣлью не выполнить какую-нибудь мертворожденную оффиціальную программу, а удовлетворить живымъ потребностямъ школы, приступаютъ къ составленію школьнаго руководства въ своей области, — можно заранѣе предположить, что они дадутъ лучшее, т.-е. то, что въ данный моментъ признается за наилучшее спеціалистами дѣла. Ближайшее знакомство съ книгою гг. Алферова и Грузинскаго вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе: она безу-

словно стоитъ на высшемъ уровнѣ, какого достигла у насъ исторія литературы, и слѣдовательно, благодаря своей педагогической прямолинейности, она является прекраснымъ показателемъ тѣхъ принциповъ, которые господствуютъ у насъ въ этой области. Съ такой точки зрѣнія мы и будемъ ее разсматривать.

Авторы не сочли нужнымъ объяснить въ предисловіи, что̀ они разумѣютъ подъ „русской литературой"; очевидно, они признаютъ этотъ терминъ общеизвѣстнымъ и достаточно опредѣленнымъ. Но такъ ли это? Не является ли, напротивъ, полная неопредѣленность этого термина однимъ изъ главныхъ грѣховъ нашей доморощенной „исторіи литературы"? Одно можно сказать: гг. Алферовъ и Грузинскій въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, слѣдовали установившейся традиціи и тѣмъ заранѣе обрекли себя на весь обычный рядъ ошибокъ, неизбѣжно обусловливаемыхъ ею.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ поближе содержаніе ихъ книги. Она открывается перепечаткой перваго нумера „Русскихъ Вѣдомостей", отъ 2 января 1703 года. Казалось бы, что̀ общаго имѣютъ съ „русской литературой" извѣстія вродѣ того, что „на Москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартировъ вылито 400", или, что „въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ"? Далѣе слѣдуютъ „Юности честное зерцало"—сборникъ правилъ обхожденія въ обществѣ, затѣмъ выдержки изъ письмовника: „Приклады, како пишутся комплименты разные"; еще дальше — выдержки изъ заграничныхъ путевыхъ записокъ Неплюева, Толстого, Матвѣева; затѣмъ, слѣдуетъ собственно литература: тутъ и Кантемиръ, и Тредьяковскій, и Ломоносовъ, словомъ—все, что̀ полагается, кончая Карамзинымъ, но тутъ же и записки Болотова, и семь страницъ выдержекъ изъ Екатерининскаго „Наказа", тоже, несомнѣнно, не имѣющаго никакого отношенія къ исторіи „русской литературы" въ XVIII столѣтіи.

Спрашивается, какимъ же объединяющимъ принципомъ руководились авторы, подбирая столь разнородный матеріалъ? Что это — не историко-литературная точка зрѣнія, ясно само собою. Разъясненія надо искать, очевидно, въ тѣхъ краткихъ авторскихъ введеніяхъ, которыя предпосланы каждому отрывку. Мы принуждены процитировать нѣсколько мѣстъ.

„Для историка русской культуры и въ частности литературы „Юности честное зерцало" представляетъ высокій интересъ, какъ живая картина нравовъ: составители... своими запретительными правилами обрисовали, какъ нельзя живѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности русскій человѣкъ того времени, появляясь въ обществѣ". Если здѣсь хотя формально упомянута и литература, то въ другихъ слу-

чаяхъ даже этого нѣтъ; о „Прикладахъ“ прямо сказано: „Вмѣстѣ съ „Юности честнымъ зерцаломъ“ книга характерна для стремленія Петра вводить европейскіе обычаи и формы жизни и въ домашній обиходъ, и въ частныя сношенія русскихъ людей“. Это совершенно вѣрно, но причемъ здѣсь „русская литература“? О путевыхъ запискахъ Петра Толстого читаемъ: „заграничныя его впечатлѣнія могутъ служить надежнымъ показателемъ, какъ воспринималась тогда представителями лучшаго русскаго общества западная культура“; о запискахъ Матвѣева читаемъ: „Впечатлѣнія Матвѣева даютъ ясно понять... отъ чего въ XVIII вѣкѣ русское высшее общество такъ увлечено было внѣшнимъ подражаніемъ европейскому великолѣпію“; письма Сумарокова къ Шувалову рекомендуются, какъ документъ, въ которомъ „прекрасно вырисовывается неопредѣленность положенія русскаго театра въ тѣ времена“, и т. д. и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ мотивировокъ мы вправѣ заключить, что авторы задались цѣлью представить въ своей книгѣ матеріалъ по исторіи русской культуры въ XVIII вѣкѣ. И добро бы такъ: это было бы цѣнно. Но этого нѣтъ: тамъ-и-сямъ вдругъ на первый планъ выступаетъ чисто-литературная точка зрѣнія, и культура оказывается ни при чемъ. Эта двойственность очень сильно сказывается, какъ мы видѣли, уже въ самомъ подборѣ матеріала; конечно, Державинскія оды „Богъ“, „Памятникъ“ и пр. внесены въ книгу не какъ матеріалъ по исторіи русской культуры въ XVIII ст.; любовныя пѣсенки Сумарокова рекомендуются, какъ важная „ступень въ развитіи стиха и стиля русской лирики“; помѣщеніе отрывковъ изъ „Бахаріаны“ Хераскова объясняется *литературнымъ* значеніемъ этой поэмы, какъ предшественницы „Руслана и Людмилы“, и пр.

Чтò же представляетъ собою книга гг. Алферова и Грузинскаго, озаглавленная: „Русская литература XVIII вѣка“ и предназначенная для уроковъ словесности? Вѣдь одно изъ двухъ: или подъ словомъ „литература“ надо разумѣть всю духовную культуру народа, поскольку она выражается въ словѣ, или этотъ терминъ надо брать въ узкомъ смыслѣ, какъ *художественное* изображеніе міра и души человѣческой въ словѣ. Въ первомъ случаѣ, авторы обязаны были обнять культуру всесторонне и равномѣрно; тогда для нихъ были бы равно важны поэзія и проповѣдь, художественная литература должна была бы служить для нихъ только однимъ изъ элементовъ, она должна была бы играть подчиненную роль, и выбирать изъ нея они должны были бы только тѣ образцы, которые характеризуютъ культурный уровень или эволюцію общества. Но ничего этого нѣтъ: они обходятъ молчаніемъ такіе существенные элементы культуры, какъ, напримѣръ, исторія религіознаго сознанія въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, масонство

и пр., и художественный матеріалъ у нихъ далеко преобладаетъ надъ чисто-культурнымъ, и стоитъ онъ у нихъ на одной плоскости съ послѣднимъ: стихотвореніе рядомъ съ правилами обхожденія въ обществѣ, трагедія—рядомъ съ „Наказомъ", какъ одинаковый по качеству матеріалъ для характеристики—чего? Психики русскаго человѣка въ XVIII вѣкѣ? Но эта психика многосторонняя. Намъ еще очень далеко до того, чтобы понять ея единство; да и какъ можемъ мы научиться понимать ее при такомъ способѣ изученія, когда матеріалъ не расчлененъ, когда поэзія, нравы, одежда, законодательство, религіозныя чаянія—все варится въ одномъ горшкѣ? И, прежде всего, какъ можно смѣшивать простое слово со словомъ художественнымъ, литературу вообще съ творчествомъ? Художественная литература безъ сомнѣнія представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи культуры, но тогда она и должна быть соотвѣтственно обрабатываема, совершенно такъ, какъ—правда, въ неизмѣримо меньшей степени—исторія одежды или исторія архитектуры у данной народности. Исторія художественнаго творчества имѣетъ собственную сущность, которая и должна быть изучаема самостоятельно, а разсматривать ее исключительно съ точки зрѣнія исторіи культуры или безъ разбора смѣшивать обѣ точки зрѣнія, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, настоящая книга, значитъ игнорировать эту ея подлинную сущность—эволюцію пріемовъ и средствъ художественнаго воспроизведенія дѣйствительности.

Мы далеки отъ мысли обращать этотъ упрекъ исключительно къ составителямъ разбираемой книги. Они очень хорошо сдѣлали то, что хуже дѣлалось до нихъ,—но они сдѣлали то же самое. Такъ искони разработывается у насъ исторія литературы, и ихъ книга является только удобнымъ зеркаломъ, въ которомъ отчетливо обрисовалось плачевное положеніе у насъ этой отрасли знанія.—М. Г.

V.

— „Чудеса и притчи Господни". „Книга пѣсни пѣсней Соломона", 1905—1906 гг. Константина Конаржевскаго.

Назначеніе этихъ двухъ книжекъ г. К. Конаржевскаго—не совсѣмъ понятно. Ихъ нельзя назвать популяризаціей Священнаго Писанія, ибо краткій, скупой на слова и щедрый на образы, языкъ Евангелія замѣненъ растянутымъ изложеніемъ автора, въ которое внесено много того, что на старомъ журнально-редакціонномъ языкѣ называлось „отсебятиной". Еще менѣе основаній видѣть въ нихъ попытку изложить стихами знойныя пѣсни Соломона, ибо, читая эти вирши г. Ко-

наржевскаго, невольно хочется повторить вопросъ Пушкина: „Послушай!.. что если это проза, да и притомъ дурная?..“

Такъ, передавая первое изъ чудесъ Господнихъ, авторъ пропускаетъ знаменательный разговоръ Христа со своею Матерью („что Мнѣ и Тебѣ, жено? еще не пришелъ часъ мой“) и въ то же время, отъ себя, вставляетъ цѣлый эпизодъ съ распорядителемъ пира, которому „нацѣдили бокалъ“ воды, обращенной въ вино, и онъ, „смакуя влагу“, нашелъ, что она „отличается добротой“..

Такъ, передавая сказаніе Ев. Марка (IV. 35—41) объ утишенной Христомъ бурѣ, авторъ растягиваетъ ненужными подробностями начало: вмѣсто „поднялась великая буря“—у него—„вдругъ набѣжалъ порывистый вѣтеръ; онъ волны подъялъ и озеро тотчасъ одѣлъ сѣдиною, и стали вздыматься, за ратію рать, могучія волны, взъярившись во тьмѣ“; и затѣмъ произвольно и бездарно онъ такъ сокращаетъ чудный въ своей простотѣ конецъ сказанія: „Онъ, вставъ, запретилъ дуть вѣтру, а ихъ вопросилъ: „отчего вы, съ малой вѣрой, боитесь всего?“—вмѣсто: „И вставъ, Онъ запретилъ вѣтру и сказалъ морю: умолкни, перестань! И вѣтеръ утихъ—и сдѣлалась великая тишина. И сказалъ имъ: что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры?“ — Не менѣе неудачно переданы и *притчи*. Достаточно указать на притчу о домѣ на камнѣ и пескѣ, гдѣ слова: „благоразумный мужъ“ и „человѣкъ безразсудный“, замѣнены неясными выраженіями: „довѣрясь уму своему“ и „по уму своему“ — и гдѣ слова „и домъ упалъ и было паденіе его великое“, замѣнены словами: „и домъ накренился, зловѣще кряхтѣлъ, и на бокъ свалился и больше не жилъ“!—Къ этому надо прибавить постоянное нарушеніе размѣра въ стихахъ, тавтологію и канцелярскій оттѣнокъ многихъ выраженій, напримѣръ:

„Скажи лишь слово—и здоровъ
Слуга мой будетъ“. Удивился
Спаситель сотника словамъ
И *такъ* къ Іудеямъ обратился:
„Глаголю истинно Я вамъ,
Такой Я вѣры беззавѣтной
И въ *Израилѣ* не нашелъ!..

„И сказалъ Іисусъ сотнику: иди, и какъ ты вѣровалъ, будетъ тебѣ“— говорится въ подлинникѣ.—„И молвилъ сотнику въ *отвѣтной, любезной рѣчи:* „подошелъ ко Мнѣ ты съ вѣрою, о, воинъ!—зато ты *милостью почтенъ:* иди домой и будь спокоенъ!“—говоритъ г. Конаржевскій.

Такъ, у переводчика Господь совѣтуетъ Симону Петру рыбу „ловить сѣтію“, — а послѣдній, вмѣсто словъ: „выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный“, говоритъ у переводчика: „Господь,

уйди отъ меня — прегрѣшенья мои снѣдаютъ и душу и плоть"...; — „волны заливаютъ ладью *водой*" (а то чѣмъ же онѣ могли бы еще заливать?), „вѣтеръ налетаетъ *стихійно*" и т. д.

Вотъ еще примѣръ гладкости и выразительности стиха у г. Конаржевскаго:

„Взялъ за руку дѣвицу и молвилъ ей: „отдамъ
Тебѣ твой духъ; встань, дѣва!" и дѣва поднялась.
И Онъ велѣлъ дать ѣсть ей. Отецъ ея и мать,
Христову внявъ велѣнью, должны были молчать,
Не говорить ни слова о томъ, какъ дочь спаслась".
(Лука. VIII. 40—56.)

Несмотря на то, что стихи, которыми изложена „Пѣснь пѣсней" (въ особенности глава VIII) значительно лучше и ярче тѣхъ, которыми переданы чудеса и притчи Господни,—они тяжелы и въ общемъ безцвѣтны. Восточная нѣга и чувственность, которыми проникнута вся эта книга, по какому-то недоразумѣнію считаемая „священною"— по плечу лишь истинному поэту—и послѣ удивительныхъ переложеній Л. Мея („Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ" и др.) предпріятіе г. Конаржевскаго является смѣлою попыткою, носящею въ уголовномъ правѣ названіе *покушенія съ негодными средствами.*

VI.

— „Пѣсни человѣка". Ѳедора Смородскаго. 1906 г.

Въ этой маленькой книжкѣ довольно странный человѣкъ поетъ сомнительнаго свойства пѣсни—о любви, о судьбѣ и о молодой жизни.—Авторъ пылаетъ любовью къ ландышу, которому посвящены почти всѣ стихи перваго отдѣла. „Въ душѣ моей *безбрежной*, тебѣ воздвигнулъ я чертогъ",—восклицаетъ онъ, обращаясь къ этому „чистому, бѣлоснѣжному, но *исполненному огня любви*" цвѣтку, къ этому „нѣжному и *страстному* херувиму" (?); — для него онъ „*недоступность* мая въ *святыню* обратилъ"... Но душа поэта, „нѣгой больная", поняла „мишурность чарующихъ силъ" и „мимолетность любви наслажденья", и онъ стоитъ предъ ландышемъ, какъ „несчастная руина", причемъ „ждетъ не дождется глина, когда жъ его, какъ сына, на вѣкъ сроднить съ собой!"

Пессимистическое настроеніе автора и желаніе его слиться съ глиной вполнѣ понятны (быть можетъ, въ послѣднемъ желаніи содержится мысль объ увѣковѣченіи себя въ скульптурномъ изображеніи), если прослѣдить „судьбу человѣка" по его дальнѣйшимъ стихо-

твореніямъ. Несмотря на то, что „исполняемъ мы законъ природы, данный противъ зла,—и жизни мы вливаемъ сокъ въ другія, свѣжія тѣла“, и что въ насъ живетъ „безмѣрность упованій, земли живое торжество, земли, съ трудомъ соткавшей ткани“ для нашего организма,—поэтъ говоритъ, что „въ моей душѣ потухли сны;—я старъ, глубоко старъ, — и вотъ еще—и вотъ чрезъ мигъ, бездымный небосклонъ поглотитъ мой туманный ликъ и мой увядшій сонъ“. Ранняя старость и старческое впаденіе въ дѣтство вполнѣ, впрочемъ, понятны, когда—

„Въ исканіяхъ развратности
„Всю жизнь мы расточили.
„Идемъ мы къ невозвратности,
„Къ безславью и могилѣ“...

Поэтому нельзя не согласиться съ авторомъ, когда онъ восклицаетъ:

„И вѣрится мнѣ:
„Съ теченіемъ дней
„Міръ будетъ вполнѣ
„Лишь няней дѣтей!“

Образчикомъ поэтической формы, въ которую облечены мечтанія г. Өедора Смородскаго, могутъ служить слѣдующіе отрывки:

„Возьми назадъ свои печали!
„Нѣтъ неизбѣжности въ мірахъ!
„Свободно жаждутъ свѣта дали
„И юной жизни *косный прахъ*!“

„И молилась жаба страстно,
„Чтобы, въ вѣчность перейдя,
„Стала и она прекрасна,
„Какъ *родной* цвѣтокъ *ея*“...

„Я радъ, хотя я таю, таю.
„Я умираю, но я радъ“—
„Такъ говоритъ о счастьѣ маю
„*Ароматическій* закатъ,
„И въ бирюзовой діадемѣ
„Рыдаетъ въ безднѣ голубой
„Объ ускользающемъ эдемѣ,
„О недоступности златой“...

Z.

VII.

— Проф. А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Эта превосходно написанная книжка извѣстнаго ученаго и профессора политической экономіи представляетъ для насъ интересъ преимущественно въ томъ отношеніи, что въ ней высказывается весьма радужный взглядъ на возможное будущее нашего мелкаго земледѣлія и горячо проповѣдуются нѣкоторыя мѣры, способныя, по мнѣнію автора, быстро поднять доходность русскаго крестьянскаго хозяйства. Авторъ ведетъ эту проповѣдь подъ вліяніемъ фактовъ наблюдавшагося имъ подъема мелкаго земледѣлія въ Италіи и потому, что указываемыя имъ техническія средства улучшенія крестьянскаго хозяйства не привлекаютъ къ себѣ должнаго, по его мнѣнію, вниманія нашихъ практическихъ дѣятелей. Задача пропаганды обусловила односторонность характера всего произведенія, въ которомъ аграрныя „нужды" русскаго крестьянскаго хозяйства указаны бѣгло и слишкомъ въ общихъ чертахъ, и все почти вниманіе автора сосредоточено на агрикультурныхъ недостаткахъ мелкаго хозяйства и вопросѣ о ихъ устраненіи „въ параллель тому, что отмѣчено было ранѣе (въ первой части книги) въ примѣненіи къ западно-европейскому хозяйству" (стр. 113).

Вопросъ о возвышеніи, при помощи техническихъ средствъ, доходности сельскаго хозяйства есть вопросъ не только агрономическій, но и экономическій. Агрономія указываетъ техническія средства увеличенія производительности земли; экономическою конъюнктурой опредѣляется—въ какой мѣрѣ представляется выгоднымъ это увеличеніе и какія именно преобразованія вѣрнѣе ведутъ къ цѣли поднятія доходности хозяйства. Если рѣчь идетъ о хозяйствѣ отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ населенія, то при оцѣнкѣ конъюнктуры достаточно принимать во вниманіе условія даннаго момента. Если же ставится вопросъ о поднятіи хозяйства цѣлаго многочисленнаго класса, то нельзя обойтись безъ оцѣнки того, какъ отразится на состояніи рынка массовое увеличеніе сельско-хозяйственныхъ произведеній и какіе именно виды этихъ послѣднихъ привлекутъ наибольшее число покупателей. Проф. Чупровъ устраняется и отъ всесторонняго разсмотрѣнія этого предмета. Вопросъ о возвышеніи интенсивности русскаго крестьянскаго хозяйства онъ изслѣдуетъ съ точки зрѣнія удобопримѣнимости предлагаемыхъ имъ техническихъ средствъ для увеличенія сбора травъ и зерна, и не останавливается на во-

просѣ о томъ, какія системы хозяйства и производство какихъ именно сельско-хозяйственныхъ продуктовъ обезпечиваютъ въ ближайшемъ будущемъ наибольшую доходность земледѣлія. Вопроса о скотоводствѣ, напр.,—главнѣйшей отрасли преобразуемаго крестьянскаго хозяйства на Западѣ—авторъ касается лишь какъ вопроса о доставленіи удобреній, и этому дорогому и сложному средству полученія удобрительныхъ матеріаловъ противопоставляетъ дешевое, простое и быстро дѣйствующее средство—минеральные туки. „Прежде раціональное земледѣліе основывалось главнымъ образомъ... на обширномъ скотоводствѣ, которое одно давало способъ поднять плодородіе земли", говоритъ А. И. Чупровъ. Это было доступно преимущественно крупнымъ собственникамъ и требовало „для своего полнаго дѣйствія болѣе или менѣе длиннаго срока". „Эти разсчеты существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходность земледѣльцевъ, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена", дѣйствующія „быстро,—можно сказать,—немедленно", и требующія небольшихъ затратъ (стр. 34). Примѣненіе этихъ средствъ и сокращеніе пара, связанное съ развитіемъ посѣва травъ и корнеплодовъ,—какъ для прибавки кормовыхъ средствъ, такъ и для поднятія урожайности полей, — вотъ „программа техническихъ улучшеній, съ очевидностью вытекающая изъ нынѣшнихъ условій крестьянскаго хозяйства" (стр. 108). „Переходъ къ минеральнымъ удобреніямъ—это самый легкій, удобный и вѣрный способъ быстро поднять урожаи" (с. 109). Урожаи земли у насъ такъ низки, что одного только подбора сѣмянъ достаточно для увеличенія ихъ на половину. „Но вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами" (с. 114). Ссылаясь на опыты Грандо, получавшаго, при затратѣ 23 рублей на удобреніе десятины земли, 183 пуда ржи, проф. Чупровъ замѣчаетъ, что если бы, израсходовавъ 20 р. на удобреніе, нашъ крестьянинъ получилъ даже вдвое меньше этого, то „и въ такомъ случаѣ ему было бы выгоднѣе издержать 20 р. на удобреніе, а не на аренду чужой земли" (с. 118). Повышеніе урожая достигаетъ здѣсь 100%.

Этотъ разсчетъ можетъ служить образцомъ экономическихъ соображеній автора относительно значенія предлагаемыхъ имъ мѣръ. Соображенія эти сводятся къ учету доходности преобразуемаго крестьянскаго хозяйства (начинающаго получать въ 1½—2 раза больше зерна), при существующихъ цѣнахъ хлѣба, причемъ вовсе не подымается вопросъ о томъ, не упадутъ ли значительно эти цѣны при быстромъ подъемѣ урожаевъ. Повышеніе сборовъ крестьянскихъ хлѣбовъ въ минимальномъ изъ допускаемыхъ авторомъ отношеній — на 50% — выразится приращеніемъ чистаго остатка зерна въ Европейской Россіи на милліардъ пудовъ. Когда же въ 1893—96 гг.,

вслѣдствіе благопріятныхъ атмосферныхъ условій и распашки новыхъ земель—сборъ этихъ хлѣбовъ увеличился сравнительно съ обычнымъ въ половину меньше того, что ожидается при осуществленіи предположеній проф. Чупрова,—цѣны хлѣба, какъ извѣстно, упали, и притомъ въ большей степени, чѣмъ выросли урожаи. А если бы это увеличеніе сборовъ было послѣдствіемъ не случайнаго каприза природы, а сознательной затраты хозяевъ на удобреніе, то суммы, выручавшіяся продажей зерна въ 1896 г., не окупили бы издержекъ производства.

Мы видимъ, что предложенныя авторомъ средства леченія недуговъ крестьянскаго хозяйства могутъ и не привести къ искомой цѣли обезпеченія мелкимъ земледѣльцамъ достаточно высокихъ доходовъ. Эта цѣль должна быть достигаема не путемъ простого повышенія урожайности полей и луговъ, а такимъ преобразованіемъ хозяйства, при которомъ подымающаяся производительность земли овеществляется въ продуктахъ, имѣющихъ вѣрный сбытъ и достаточно оплачивающихъ труды земледѣльца. У насъ болѣе и болѣе развивается товарное хозяйство; болѣе и болѣе благополучіе земледѣльца попадаетъ въ зависимость отъ спроса постороннихъ лицъ на его произведенія. Ростъ доходовъ цѣлаго и притомъ многочисленнаго земледѣльческаго класса, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе будетъ обусловливаться, поэтому, не простымъ фактомъ поднятія урожаевъ, а сложнымъ процессомъ приноровленія хозяйства къ ростущимъ и мѣняющимся потребностямъ рынка. Запросъ рынка можетъ возрастать пропорціонально нуждамъ земледѣльческаго населенія и имѣющимся у него средствамъ увеличенія производительности земли. Такъ бываетъ въ случаяхъ быстраго образованія промышленнаго класса, составляющаго рынокъ сбыта продуктовъ мѣстнаго хозяйства. Но запросъ извнѣ можетъ и не соотвѣтствовать напряженному состоянію внутри сельскохозяйственной сферы. Возможное по техническимъ условіямъ увеличеніе производительности земли не получитъ тогда достаточнаго осуществленія, и задача созданія, путемъ агрикультурныхъ мѣропріятій, благоденствующаго земледѣльческаго класса окажется висящей въ воздухѣ.

Изъ сказаннаго видно, что рекомендацію А. И. Чупровымъ нѣкоторыхъ средствъ поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства нельзя принимать за отвѣтъ на вопросъ о превращеніи бѣднаго земледѣльческаго класса Россіи въ зажиточный. Проф. Чупровъ просто напоминаетъ о нѣкоторыхъ быстро-дѣйствующихъ средствахъ, недостаточно оцѣниваемыхъ нашими общественными дѣятелями, и рекомендуетъ энергичное ихъ употребленіе. Съ этой точки зрѣнія получаютъ значеніе и разсчеты автора относительно возможныхъ доходовъ отъ новыхъ мѣро-

пріятій. Когда новые пріемы вводятся сравнительно немногими производителями, иниціаторы получаютъ крупные доходы, потому что данный продуктъ обходится имъ дешево, а сбываютъ они его по цѣнамъ, опредѣляемымъ издержками массоваго, болѣе дорогого ихъ приготовленія. Это привилегированное положеніе утрачивается послѣ того, какъ новый пріемъ получитъ всеобщее распространеніе, и при массовомъ его примѣненіи не придется пожинать тѣхъ плодовъ, какіе выпали на долю передовыхъ членовъ земледѣльческаго класса.

Послѣ сказаннаго, не трудно намѣтить задачи экономической науки въ вопросѣ о поднятіи благосостоянія класса русскихъ земледѣльцевъ. Нужно оцѣнить экономическія условія настоящаго и ближайшаго будущаго и открывающіяся такимъ образомъ перспективы для сбыта главнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній сопоставить съ тѣми массами товаровъ, какія будутъ выкидываться на рынокъ преобразующимся хозяйствомъ, охватывающимъ 20 милліоновъ производителей и 100—150 милліоновъ десятинъ земли. Лишь послѣ такого сопоставленія можно намѣтить сколько-нибудь опредѣленно общій планъ предстоящей реформы хозяйства и границы того, чего можно достигнуть сельско-хозяйственными средствами въ вопросѣ о поднятіи благосостоянія земледѣльческаго населенія страны.

VIII.

— А. Н. Анцыфоровъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Воронежъ. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

Однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ соціальной исторіи послѣднихъ двадцати лѣтъ слѣдуетъ считать развитіе сельской коопераціи, оказавшей огромную поддержку крестьянскому земледѣльческому производству. Въ то время, какъ передовыя партіи Западной Европы, считавшія, что онѣ борются за благо всѣхъ трудящихся, пѣли отходную мелкому земледѣлію и разглагольствовали о малоспособности индивидуалистическаго черепа крестьянина воспринять идею объединенія и сдѣлать ее орудіемъ преобразованія своего хозяйства, въ это время крестьяне Западной Европы быстро соединялись въ союзы и овладѣвали тѣми средствами культурнаго развитія, которыя составляли силу крупнаго производителя. „Кооперативная организація даетъ мелкому хозяину даже больше, — говоритъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія.—Она даетъ ему такія выгоды, которыми не можетъ пользоваться единичное крупное хозяйство“ (с. 503). Потому что, благодаря объему своихъ коммерческихъ и промышленныхъ операцій и громадности денежныхъ средствъ, объединенныя товарищества имѣютъ

возможность получать требуемые въ сельскомъ хозяйствѣ матеріалы по самымъ дешевымъ цѣнамъ, приглашать на свою службу наиболѣе свѣдущихъ техниковъ, примѣнять къ общественному производству самыя совершенныя приспособленія. Благодаря же пренебреженію барышами, кооперативныя кредитныя учрежденія доставляютъ своимъ кліентамъ болѣе дешевый кредитъ, чѣмъ тотъ, какимъ пользуются крупные землевладѣльцы въ частныхъ банкахъ. Вслѣдствіе такихъ преимуществъ кооперативной организаціи, уже теперь, когда кооперативное движеніе въ сельской средѣ находится еще, такъ сказать, въ юношескомъ возрастѣ, мелкіе крестьяне побиваютъ на рынкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. „Тамъ, гдѣ появляются кооперативныя молочныя, начинаетъ уменьшаться число предпринимательскихъ заведеній для переработки молока. Этотъ фактъ наблюдается повсюду въ Германіи и подтвержденъ статистикой страховыхъ учрежденій. Въ Даніи коопераціи совершенно вытѣснили частное предпринимательство изъ этой области, а датчане-предприниматели должны ѣхать въ Сибирь, чтобы выработать тамъ прибыль на производствѣ молочныхъ продуктовъ“ (с. 504). Наибольшее развитіе сельская кооперація получила въ Даніи, Германіи и Швейцаріи. Въ Германіи, въ 1905 г., находилось въ дѣйствіи около $19^1/_2$ тысячъ сельскихъ товариществъ съ 1,7 милл. членовъ, въ числѣ которыхъ 1,2 милл. были самостоятельными сельскими хозяевами. Кооперативная организація охватила, слѣдовательно, въ этой странѣ цѣлую половину самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Неудивительно, что эта страна послужила предметомъ изслѣдованій состоянія сельско-хозяйственной коопераціи авторомъ сочиненія, указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Менѣе развитія получила сельская кооперація во Франціи. Тѣмъ не менѣе и эта страна включена въ кругъ изслѣдованія А. Н. Анцыфорова. Авторъ находитъ поучительнымъ остановиться на этихъ двухъ странахъ потому, что одна изъ нихъ „по справедливости считается колыбелью современной сельско-хозяйственной коопераціи“, и на примѣрѣ этой страны лучше всего можетъ быть изслѣдованъ кооперативный кредитъ, составляющій базисъ, „на которомъ построена вся остальная сельско-хозяйственная кооперативная дѣятельность“. Франція же представляетъ образецъ для изученія уклоненій отъ правильной коопераціи, зависящихъ по преимуществу отъ обстоятельствъ, имѣющихъ временный характеръ.

Уклоненіе французской сельско-хозяйственной коопераціи отъ правильнаго типа учрежденій этого рода заключается въ томъ, что кооперативныя учрежденія не представляются во Франціи вполнѣ самостоятельными, а находятся какъ бы въ рукахъ профессіональныхъ организацій (синдикатовъ), руководимыхъ крупными землевладѣльцами

и ведущихъ активную экономическую политику въ духѣ аграріевъ. Къ хозяйственнымъ кооперативнымъ предпріятіямъ эти организаціи относятся, какъ къ средству привлечь къ себѣ крестьянъ и пользоваться этимъ для того, чтобы говорить въ печати и парламентѣ отъ имени всего сельско-хозяйственнаго населенія страны. Французскіе синдикаты, которымъ естественно покровительствуетъ буржуазное правительство Франціи, пріобрѣли большое политическое вліяніе и диктуютъ парламенту аграрную и финансовую политику, отвѣчающую интересамъ крупныхъ собственниковъ, которые во многомъ совпадаютъ съ интересами мелкихъ земледѣльцевъ. По исчисленіямъ свѣдущихъ лицъ, неземледѣльческое населеніе Франціи уплачиваетъ ежегодно въ видѣ налога на потребленіе отъ 437 до 504 милліоновъ франковъ, которые „земледѣліе получаетъ въ формѣ косвенныхъ пособій“. А поддержаніе одного только свекловичнаго и сахарнаго производства обошлось государственному казначейству въ теченіе 17-ти лѣтъ въ 800 милл. франковъ (стр. 274). Передъ каждымъ избирательнымъ періодомъ руководители синдикатовъ обращаются, при посредствѣ организованнаго ими учрежденія, къ кандидатамъ въ депутаты съ предложеніемъ дать отвѣтъ на вопросъ — принимаютъ ли они сообщаемую имъ аграрную программу, и съ предупрежденіемъ, что отказывающійся отъ нея „не получитъ ни одного голоса со стороны сельскаго населенія“ (стр. 267). Такъ какъ французскіе крестьяне не имѣютъ на мѣстахъ иныхъ интеллигентныхъ руководителей, кромѣ сосѣдей-землевладѣльцевъ и солидарныхъ съ ними священниковъ, то высказанная угроза оказываетъ дѣйствіе и провинціальные депутаты являются въ палату съ обязательствомъ поддерживать требованія аграріевъ.

Книга г. Анцыфорова составлена на основаніи не только литературныхъ матеріаловъ, но и данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ отводитъ особенно много мѣста центральнымъ кооперативнымъ организаціямъ, объединяющимъ мѣстные союзы. И это не покажется удивительнымъ, если вспомнить, что въ Германіи, напр., объединены 95% товариществъ, и центральные союзы играютъ такую роль, что г. Анцыфоровъ считаетъ возможнымъ выводить изъ нихъ „всю силу товарищеской организаціи“. „У кооперативнаго движенія—говоритъ онъ—есть много безсознательныхъ и сознательныхъ недруговъ, и необходимъ органъ, который былъ бы въ состояніи слѣдить за ихъ дѣятельностью и парировать ихъ иногла очень чувствительные удары“ (стр. 97). Такими органами служатъ центральные союзы. Эти союзы заботятся, затѣмъ, объ усовершенствованіи организацій дѣйствующихъ кооперативовъ (составляютъ примѣрные ихъ уставы, инструкціи служащимъ въ кооперативныхъ учрежденіяхъ, открываютъ курсы для подготовки дѣятелей въ этихъ учрежденіяхъ,

удовлетворяютъ всевозможные запросы товариществъ) и о пропагандѣ кооперативной идеи въ смыслѣ территоріальнаго распространенія товариществъ и расширенія функцій послѣднихъ. Значеніе спеціально-хозяйственной дѣятельности центральныхъ кооперативныхъ учрежденій опредѣляется тѣмъ фактомъ, что хозяйственныя операціи товариществъ получаютъ, благодаря участію центральныхъ организацій, болѣе крупные размѣры; а вѣдь этимъ обстоятельствомъ опредѣляются въ современномъ обществѣ успѣхъ хозяйственныхъ предпріятій и выгоды участниковъ послѣднихъ.

Большое вниманіе г. Анцыфоровъ удѣляетъ въ своемъ трудѣ статистическому матеріалу, и путемъ разработки послѣдняго выясняетъ многія интересныя стороны кооперативнаго движенія. По понятнымъ причинамъ матеріалъ этотъ касается главнымъ образомъ финансовой стороны, и разсчетами автора всего полнѣе выясняется поэтому дѣятельность кредитныхъ коопераций. Изъ разсчетовъ другого рода очень интересны попытки автора, путемъ прямыхъ и косвенныхъ данныхъ, опредѣлить соціальный составъ кооперативныхъ учрежденій и связь послѣднихъ съ мелкимъ земледѣльческимъ производствомъ. Приводимыя авторомъ цифровыя данныя вызываютъ иногда, однако, недоумѣнія. Такъ, намъ кажется страннымъ, что молочныя товарищества Германіи, объединяющія лишь 11—12% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ, даютъ тѣмъ не менѣе 40% производимаго въ странѣ масла.

А. Н. Анцыфоровъ разсмотрѣлъ въ своемъ сочиненіи дѣятельность кредитныхъ, закупочныхъ, молочныхъ, винодѣльныхъ коопераций и кооперативныхъ зернохранилищъ. Не можемъ не пожалѣть, что онъ не коснулся хотя бы вкратцѣ дѣятельности производительныхъ товариществъ иного рода, напр. винокуренныхъ заводовъ (числомъ больше сотни въ Германіи). Внѣ разсмотрѣнія автора остались также союзы для торговли яйцами, скотомъ и весьма многочисленныя въ Германіи товарищества для улучшенія скота ихъ членовъ. Несмотря на эту неполноту, трудъ г. Анцыфорова является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу экономическую литературу, разъясняющимъ многіе важные вопросы и кооперативнаго движенія самого по себѣ, и его связи съ общей экономической обстановкой.

IX.

— Проф. В. В. Есиповъ. Привислянскій край. Варшава. 1907. Ц. 50 к.

Изъ числа мѣстныхъ правительственныхъ статистическихъ учрежденій, варшавскій статистическій комитетъ, состоявшій въ завѣдываніи покойнаго проф. Симоненко, выдѣлялся многообразіемъ изслѣдованій о различныхъ сторонахъ, преимущественно объ экономиче-

скомъ состояніи польскаго края. Въ трудахъ этого комитета заключается, поэтому, масса хотя и не совсѣмъ точныхъ, но цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики современнаго положенія Царства Польскаго; а въ виду интереса, пробужденнаго въ русскомъ обществѣ къ нашимъ окраинамъ, и потому что этому обществу, въ лицѣ его представителей, придется разрѣшать важные вопросы, касающіеся послѣднихъ, — было бы очень желательно, чтобы данныя, разбросанныя въ десяткахъ томовъ трудовъ варшавскаго комитета, были сведены и переработаны въ форму, удобную для общаго пользованія. Можно было полагать, что такой именно цѣлью задался авторъ произведенія, составляющаго предметъ настоящей замѣтки, перу котораго принадлежатъ многія статьи въ трудахъ варшавскаго статистическаго комитета послѣднихъ двухъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, огромный статистическій матеріалъ этихъ трудовъ авторомъ почти не использованъ, а данныя о многихъ важныхъ явленіяхъ затемнены и искажены въ видахъ доказательства благодѣтельности для польскаго края политики русскаго правительства. „Общій ростъ матеріальной и духовной культуры въ Царствѣ Польскомъ — ростъ населенія, ростъ городовъ, колоссальное развитіе фабрично-заводской промышленности и сельскаго хозяйства, развитіе школьнаго дѣла и грамотности—объясняется *только* исключительными и особенными заботами нашего государства о населеніи его окраинъ"—такъ резюмируетъ г. Есиповъ (стр. 61) основную идею своего труда, изданнаго имъ не только на русскомъ, но, въ поученіе иностранцевъ, и на французскомъ языкѣ. Для оправданія этой идеи авторъ подчеркиваетъ и преувеличиваетъ свѣтлыя стороны польскаго быта, затемняетъ темныя его стороны и не брезгаетъ въ пользованіи завѣдомо невѣрными свѣдѣніями. Чтобы не быть голословнымъ—укажу два примѣра.

Никто не сомнѣвается въ благодѣтельномъ значеніи для крестьянъ Царства Польскаго аграрныхъ реформъ 1864—66 гг., когда два милліона душъ крестьянъ, пользовавшихся землею на правахъ барщинныхъ и чиншевыхъ, были обращены въ собственниковъ, а больше милліона безземельныхъ получили, хотя и небольшіе, участки земли. Но такое значеніе реформы не помѣшало образованію новыхъ кадровъ безземельнаго населенія, и покойный редакторъ „Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета", проф. Симоненко, изслѣдовавшій данный вопросъ, считалъ это очень печальной страницей новѣйшей польской исторіи. Исторія этой категоріи сельскаго населенія можетъ быть резюмирована слѣдующими немногими цифрами. Передъ крестьянской реформой безземельныхъ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ числилось 1,3 милліона душъ. Реформа постепенно низвела это число до 200 тыс.; но естественная эволюція частнаго крестьянскаго земле-

владѣнія создавала новые кадры безземельныхъ, и къ 1901 г. общее число послѣднихъ, проживавшее въ деревняхъ, достигло 1.250 тыс. душъ. Въ настоящее время число безземельныхъ поселянъ Царства Польскаго, вѣроятно, превзошло массу ихъ наканунѣ реформы. Какъ росли кадры безземельныхъ въ новѣйшее время—можно видѣть изъ того, что въ 1891 г. безземельные составляли $12^{1}/_{2}$% сельскихъ жителей, а въ 1901 г.—уже 15%. Таково дѣйствительное и, какъ видитъ читатель, мало утѣшительное состояніе вопроса о безземельномъ сельскомъ населеніи Царства Польскаго. Теперь посмотрите, какъ рисуется этотъ вопросъ въ изложеніи г. Есипова. Не приводя данныхъ о числѣ безземельныхъ поселянъ въ различные моменты новѣйшей польской исторіи и лишивъ этимъ читателя возможности критически отнестись къ его заключеніямъ, авторъ слѣдующими словами резюмируетъ движеніе категоріи безземельнаго населенія, обрисованное нами выше тремя-четырьмя цифрами. „Съ дальнѣйшимъ проведеніемъ въ жизнь указовъ 1864 г. количество безземельнаго сельскаго населенія постепенно сокращалось, и если безземельные *не исчезли вовсе*, то во всякомъ случаѣ относительныя цифры ихъ значительно понизились. Это *въ особенности* стало замѣтно въ послѣдніе годы XIX-го и въ первые годы XX-го столѣтія" (стр. 25). Между тѣмъ, въ эти годы относительное число безземельныхъ именно возвысилось, а не понизилось.

Еще свободнѣе проф. Есиповъ обращается съ цифрами въ вопросѣ о положеніи народнаго образованія. Указавъ, что грамотность въ губерніяхъ Царства Польскаго стоитъ выше, нежели въ остальной Россіи, авторъ прибавляетъ: „Все вышеизложенное, конечно, свидѣтельствуетъ о благопріятномъ ростѣ и развитіи дѣла народнаго просвѣщенія въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго, благодаря особеннымъ заботамъ по этому вопросу нашего правительства и тому обилію среднихъ и низшихъ школъ, какого не встрѣчается въ другихъ губерніяхъ имперіи. Эти заботы по школьному дѣлу проявляются самымъ наглядным образомъ въ суммѣ государственныхъ расходовъ на дѣло народнаго образованія, которая отпускается на привислянскій край нашимъ правительствомъ; причемъ и въ этомъ отношеніи край этотъ оказывается въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ многія другія губерніи" (стр. 41). Хотя въ книжкѣ г. Есипова имѣются свѣдѣнія о правительственныхъ затратахъ на народное образованіе въ 1905 г., и онъ могъ бы самостоятельно исчислить, какую сумму составляетъ этотъ расходъ по разсчету на голову населенія, причемъ оказалось бы, что при 11,3 милл. жителей Царства Польскаго расходъ министерства народнаго просвѣщенія, въ суммѣ 2.463 тыс. руб., составляетъ менѣе 22 коп. на одного жителя; но г. Есиповъ пред-

почитаетъ повторять цифру, относящуюся къ 1893 г., заимствованную изъ таблицы № 67-й сочиненія г. Яснопольскаго „О географическомъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ Россіи“, потому что эта цифра — 57 коп. на человѣка — много выше дѣйствительной. Мы не знаемъ, какимъ образомъ получена г. Яснопольскимъ послѣдняя цифра и не представляетси ли она опечаткой. Но если бы г. Есиповъ интересовался существомъ дѣла и заимствовалъ изъ „послѣдней таблицы“ цитируемаго имъ источника абсолютную сумму расходовъ министерства народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ въ 1893 г. въ 2.287 тыс. руб., и раздѣлилъ эту сумму на 8.150 тыс. жителей того времени, то оказалось бы, что это вѣдомство расходовало въ 1893 г., въ среднемъ, 28 коп., а не 57 коп. на одного жителя, и что за истекшія съ того времени 12 лѣтъ расходы министерства народнаго просвѣщенія въ польскомъ краѣ абсолютно возрасли менѣе, чѣмъ на 200 тыс. руб., а по разсчету на одного жителя уменьшились, какъ мы видѣли, до 22 коп., т.-е. на 1/5.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для характеристики разбираемаго нами труда г. Есипова, который, впрочемъ, и независимо отъ пріемовъ трактованія предмета представляется мало содержательнымъ и мало, поэтому, интереснымъ. — В. В.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анцыфоровъ, А. Н. — Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи. Ворон., 907. Ц. 1 р. 75 к.

Бальмонтъ, К. Д.—Жаръ-Птица—Свирѣль Славянина. М. 907. Ц. 2 р.

Бердяевъ, Н. — Новое религіозное сознаніе и общественность. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Берманъ, М.—Открытіе Татаринова. Паскаль: гидростатическій законъ. 20 рис. и чертежей. Спб. 908. Ц. 80 к.

Велиховъ, Б. — Теорія и практика пропорціональнаго представительства. Спб. 907. Ц. 1 р.

Вермишевъ, Ив.—Созидательный соціализмъ. Опытъ проекта и смѣты соціалистической колоніи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Верхэрнъ, Эмиль. — Обезумѣвшія деревни. Стихотворенія въ переводѣ. Н. Васильева. Въ пользу голодающихъ крестьянъ Поволжскихъ губерній. Казань. 907. Ц. (?).

Винаверъ, М.—Конфликты въ первой Думѣ. Спб. 907. Ц. 60 к.

Вишневскій, врачъ С. М.—Какъ намъ жить, чтобъ здоровымъ быть. Полный курсъ популярной гигіены и краткій курсъ анатоміи и физіологіи человѣка, приспособленный для среднихъ учебныхъ заведеній и пр. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-ое. Спб. 907. Ц. 1 р.

Гагенъ, В. А.—Право бѣднаго на призрѣніе. Т. I: Исторія и современное

положеніе законодательства объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Спб. 907. Ц. 3 р.

Гарнакъ, Ад.—Сущность христіанства. 16 лекцій. Съ нѣм. Л. М. Спб. 907. Ц. 1 р.

Гершензонъ, М.—П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Герье, В.—Вторая Государственная Дума. М. 907. Ц. 1 р. 30 к.

Голиковъ, Влад. — Кровь и слезы—Торжество смерти и зла—Маленькія поэмы. Спб. 907. Ц. 75 к.

Гофманcталь, Гуго фонъ.—Электра. Траг. въ 1-мъ д. въ стихахъ. Перев. О. Н. Чюминой. Спб. 907. Ц. 30 к.

Диканскій, М. Г.—Квартирный вопросъ и соціальные опыты его рѣшенія. Съ 138 рис. въ текстѣ. 908. Ц. 2 р.

Дриль, Дм.—Этюды по педагогической психологіи. Вып. 1. Роль чувства въ жизни души. Спб. 907. Ц. 75 к.

Задѣра, Г. П.—Право фельдшеровъ и фельдшерицъ на высшее медицинское образованіе. Спб. 907.

Замуравкинъ, д-ръ К. И.—Туберкулезъ яичка и придатка. Спб. 907.

Ивановскій, В. В. — Учебникъ административнаго права. Политическое право. Право внутренняго управленія. 2-ое изд. Каз. 907. Ц. 3 р.

Ивановъ, И. Е.—Очерки походно-боевой жизни во время боксерскаго возстанія въ 1900 г. Съ 12 рис. М. 907. Ц. 85 к.

——— Впечатлѣнія изъ военно-походной жизни за время оккупаціи Манчжуріи въ 1900—1903 г.г. Съ 16 рис. Спб. 907.

Ивановъ-Разумникъ.—Что такое „махаевщина“? Къ вопросу объ интеллигенціи. 908. Ц. 50 к.

——— Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX-го вѣка. Тт. I и II. Спб. 908. Ц. 3 р.

Карцовъ, Н. С.—Записки по педагогической психологіи. Для родителей и учащихся, начинающихъ заниматься вопросами воспитанія. Съ приложеніемъ общихъ основъ дошкольнаго обученія. Спб. 907. Ц. 70 к.

Карѣевъ, Н. — Введеніе въ изученіе соціологіи. Изд. 3-ье. Спб. 907. Ц. 1 р. 75 к.

Караскевичъ, С. (Ющенко).—Повѣсти и разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Корчемный, Вен.—Разсказы: 1. Лунная соната. 2. Записки стараго художника. Спб. 907. Ц. 1 р.

Костомарова, Александра.—Стихотворенія. Спб. 907. Ц. 1 р.

Лялина, М. А.—Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Маклаковъ, В. А., и *Пергаментъ*, О. Я.—Наказъ Государственной Думы (по работамъ второй Госуд. Думы), съ объясненіями. Спб. 907. (Изданіе неоффиціальное). Ц. 1 р.

Мастрюковъ, А. — Мы живемъ въ атомѣ. Философскій этюдъ. М. 907. Ц. 10 к.

Мѣшаевъ, В.—Охрана здоровья. Справочный указатель музея гигіены и санитарной техники. 2-е изданіе. М. 907. Ц. 60 к.

Нечаевъ, проф. А. В.—Сѣрносоляные ключи близъ Богоявленскаго завода. Спб. 907. Ц. 1 р.

Петражицкій, проф. Л. Г.—Теорія права и государства, въ связи съ теоріей нравственности. Т. I. Спб. 907. Ц. 2 р.

Поліевктовъ, М. — Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ ништадтскаго мира (1721—1725). Спб. 907. Ц. 2 р.

Прожанскій, Н. А.—Къ фармакологіи спермина-Пеля. Спб. 907.

Пыпинъ, А. Н.—Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4-ое. Спб. 908. Ц. 3 р.

Русановъ, Н. С.—Соціалисты Запада и Россіи: Фурье, Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Жюль Валлэсъ, В. Моррисъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Скворцовъ, И. В.—Русская исторія для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Слобожанинъ, М.—На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Сотенъ, О. фонъ.—Какъ вели войну Наполеонъ и Мольтке. Популярные очерки изъ военной исторіи XIX вѣка. Съ нѣм. Изд. С. Е. Коренева и К°. Спб. 907. Ц. 1 р.

Соузгетъ-Шэлеръ, Н.—Гражданинъ и его отношеніе къ государству. Книги, написанныя американцемъ, чтобъ побудить своихъ согражданъ внимательнѣе относиться къ своему участію въ дѣлахъ государства. Вып. I. Съ англ., п. р. В. В. Лермантова. Нарва. 907. Ц. 75 к.

Тарасевичъ, Л. А.—О голоданіи. Рѣчь, произнесенная во второмъ общемъ собраніи Х-го Пироговскаго съѣзда въ Кіевѣ. 907. Ц. 20 к.

Толстой, гр. А. К.—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого, т. IV. Изданіе 11-ое. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Тормазовъ, С.—Генезисъ смѣха и рѣчи. Спб. 907. Ц. 30 к.

Туганъ-Барановскій, М. — Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I: Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 3-ье изд. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Тумановъ, Г. М.—Характеристики и воспоминанія. Кн. 3. Тифл. 908. Ц. 50 к.

Уайльдъ, Оскаръ. — Флорентинская трагедія въ одномъ дѣйствіи. Перев. М. Ликіордипуло и А. Курсинскаго. М. 907.

Успенскій, М. М. — Обществовѣдѣніе въ начальной школѣ. Спб. 908. Ц. 10 к.

Фоминъ, А.—Чеховъ въ русской критикѣ. Опытъ библіографическаго указателя. Спб. 907. Ц. 50 к.

Фортунатовъ, А.—О статистикѣ. Учебное пособіе. М. 907. Ц. 30 к.

Франсъ, Анатоль. — Преступленіе Сильвестра Боннара. Съ франц. Ю. Бромлэй. М. 907. Ц. 1 р.

Хольцевъ, Л. С.—Современная Америка. Историко-географическій, политическій и экономическо-статистическій очеркъ С.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ. Съ картою и діаграммою въ текстѣ. Американскій Ежегодникъ. Годъ I. Нью-Іоркъ. 907. Ц. 3 р.

Цитовичъ, Н. М.—Принудительное отчужденіе и аграрный вопросъ. Кіевъ. 907.

Цыперовичъ, Г.—За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Колымскѣ. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Чичерина, С.—У приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки. Спб. 906. Ц. 2 р.

——— О приволжскихъ инородцахъ и современное значеніе системы Н. И. Ильминскаго. Спб. 906.

——— Какъ началось дѣло просвѣщенія восточныхъ инородцевъ. Спб. 907.

Шаховъ, А.—Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литературы XVIII вѣка, читанныя въ московскомъ университетѣ. Съ портретомъ и факсим. автора. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Шеръ, Александръ.—Разсказы. Т. I. М. 907. Ц. 1 р.

Шиптовъ, д-ръ, проф. А.—Эрнстъ Геккель передъ судомъ логики. Отвѣтъ автору: „Міровыя Загадки". Харьковъ. 907. Ц. 25 к.

Шоръ, А. С. — Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. — Геометрія въ задачахъ. Книга для учителей: а) начальныхъ школъ съ продолжительнымъ курсомъ; б) низшихъ и среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; в) профессіональныхъ школъ и курсовъ и т. п. 400 политипажей въ текстѣ. М. 908. Ц. 2 р.

Эліассонъ, Л. С., присяжный повѣренный.—Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности, съ изданными въ развитіе ихъ правилами и постановленіями и съ разъясненіями по законодательнымъ мотивамъ и по даннымъ судебной и административной практики. Спб. 908. Ц. 3 р.

Эритье, Луи.—Исторія французской революціи 1848 года и второй республики. Перев. п. р. и съ предисловіемъ П. П. Румянцева. Съ иллюстраціями. Спб. 907. Ц. 1 р. 80 к.

Ѳедоровъ, А.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Przyjaciołom W. Spasowicza. We Lwowie. 907.

— Въ Катковскомъ музеѣ. Записки стараго пансіонера (1875—1882 гг.). Вып. I. М. 907. Ц. 65 к.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Пособіе при изученіи теоріи словесности въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статьи: Е. Аничкова; А. Гернфельда; Д. Овсянико-Куликовскаго; В. Харціева и Д. Лезина. Харьк. 907. Ц. 2 р. 50 к.

— Доклады Бюджетной Коммиссіи Второй Государственной Думы, неразсмотрѣнные Думой вслѣдствіе ея роспуска. Изд. п. р. М. П. Федорова. Спб. 907. Ц. 2 р. 25 к.

— Записки Отдѣленія Русской и Славянской археологіи Имп. Русск. Археологическаго общества. Т. VII, вып. 2. П. р. С. Ѳ. Платонова. Спб. 907. Ц. 2 р.

— Записки Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археолог. Общ. п. р. барона В. Розена. Т. XVII, вып. IX (послѣдній). Спб. 907.

— Каталогъ книгъ, одобренныхъ для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ. Составл. редакціей „Педагогическаго Сборника". Спб. 907.

— Московскій Некрополь. Т. I: А.—I. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Спб. 907.

— Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка за 1905 годъ. Двадцатый отчетный годъ. Спб. 907.

——— по ликвидаціи Саратовско-Симбирскаго Земельнаго Банка за 1905 годъ. Спб. 907.

——— Особаго Отдѣла Дворянскаго Земельнаго Банка за 1905 годъ. Спб. 907.

— Отчетъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1905 годъ. (23-й отчетный годъ). Спб. 907.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковской Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1906 годъ. Харьк. 907.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго района Россіи за 1906 г. Харьк. 907.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Тт. XXIII и XXIV. Спб. и Юрьевъ. 907—906. Ц. по 3 р.

— Сборникъ педагогическихъ статей въ честь редактора журнала „Педагогическій Вѣстникъ", А. Н. Острогорскаго, по случаю 25-лѣтія его педагогической дѣятельности, п. р. П. В. Петрова. Спб. 907.

— Современныя конституціи. Сборникъ дѣйствующихъ конституціонныхъ актовъ. Т. II. Федераціи и республика. Переводъ п. р. и съ вступит. очерками В. М. Гессена и бар. Б. Э. Нольде. Спб. 907. Ц. 3 р.

— Труды по лѣсному опытному дѣлу въ Россіи. Отчетъ за 1906 годъ. Выпускъ I: А. Хитрово, Травяной покровъ лѣсосѣкъ въ Тульскихъ засѣкахъ. Вып. II: Г. Высоцкій, По степнымъ лѣсничествамъ и т. д. Вып. III: А. Тольскій, Матеріалы по изученію строенія корней сосны. Спб. 907.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1906 годъ. Годъ XI. Уфа. 907. Ц. 2 р.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1907 г.

Нѣкоторыя особенности внутренняго политическаго положенія Германіи.—Процессъ Либкнехта и германское правосудіе. — Вопросъ о борьбѣ съ милитаризмомъ предъ имперскимъ судомъ въ Лейпцигѣ. — Придворно-военная камарилья. — Дѣло графа Мольтке съ Максимиліаномъ Гарденомъ.—Конецъ Гаагской конференціи.

Въ Германіи и особенно въ Пруссіи замѣчается какой-то странный политическій застой, несмотря на широкое и свободное развитіе общественныхъ силъ, при высокомъ уровнѣ культуры, промышленности, науки и журналистики. Въ имперскомъ сеймѣ, какъ и въ прусской палатѣ депутатовъ, господствуютъ консервативныя и реакціонныя партіи; привилегированное дворянство, крупные землевладѣльцы и военный классъ заправляютъ государственными дѣлами и даютъ тонъ всей внутренней политикѣ. Правительство князя Бюлова упорно отрекается отъ всякихъ крупныхъ реформъ, соціальныхъ или политическихъ; оно по-прежнему видитъ свою главную задачу въ охранѣ интересовъ аграріевъ и въ борьбѣ съ соціалъ-демократіею. Либеральная оппозиція остается вполнѣ пассивною и бездѣятельною; она смиренно ждетъ доброжелательнаго поворота въ настроеніи правящихъ сферъ и не предпринимаетъ ни одного серьезнаго шага для самостоятельнаго практическаго осуществленія своихъ идей. Различныя оппозиціонныя группы заняты болѣе взаимными счетами и пререканіями, чѣмъ обсужденіемъ мѣръ для успѣшнаго противодѣйствія консервативному большинству. Соціалъ-демократическая партія, погруженная въ свою сектантскую обособленность, заботливо отмежевывается отъ либеральной буржуазіи и усердно направляетъ противъ нея свои стрѣлы, вмѣсто того, чтобы за-одно съ нею бороться противъ представителей реакціи. Отсутствіе единства въ лагерѣ оппозиціи обрекаетъ ее на безсиліе, и правительство избавлено отъ необходимости идти навстрѣчу требованіямъ и ожиданіямъ прогрессистовъ. Устарѣлый и явно несправедливый избирательный законъ, изданный въ половинѣ прошлаго столѣтія, до сихъ поръ еще сохраняетъ силу въ Пруссіи, и нѣтъ надежды на скорое его измѣненіе; реакціонная пресса находитъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ владычество крупныхъ плательщиковъ податей въ народномъ представительствѣ, и не разъ поднимался даже вопросъ о томъ, чтобы всеобщее избирательное право было отмѣнено и въ имперіи. Либералы разсчитывали на нѣкоторыя добровольныя

уступки со стороны правительства въ награду за свое выдающееся участіе въ пораженіи соціалъ-демократіи на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ; но взамѣнъ ожидаемой благодарности они получили отъ канцлера иронически совѣтъ—примкнуть къ консерваторамъ и образовать съ ними парламентскій „блокъ" въ видѣ противовѣса католическому центру. Удивительнѣе всего, что эта мысль о либерально-консервативномъ блокѣ серьезно обсуждалась и обсуждается въ либеральной печати, какъ нѣчто логически-допустимое и правдоподобное. Можно ли придумать болѣе наглядное доказательство политическаго оскудѣнія и упадка оппозиціи?

Послѣдствія этого жалкаго состоянія нѣмецкихъ либеральныхъ партій даютъ себя чувствовать и въ такой области, которая до новѣйшаго времени считалась гарантированною отъ разлагающаго вліянія нездоровой политической атмосферы. Правосудіе всегда стояло высоко въ Германіи; оно пользовалось дѣйствительною независимостью и не подчинялось соображеніямъ политической угодливости или партійности. Недавній процессъ Карла Либкнехта, разбиравшійся въ имперскомъ судѣ въ Лейпцигѣ, указываетъ на какую-то перемѣну въ этомъ отношеніи. Адвокатъ Либкнехтъ, извѣстный соціалъ-демократъ, сынъ одного изъ вождей соціалъ-демократической партіи, покойнаго Вильгельма Либкнехта, напечаталъ книжку о „милитаризмѣ и антимилитаризмѣ", въ которой изложилъ свои взгляды на всеобщую воинскую повинность и ея значеніе для рабочаго класса. Милитаризмъ разсматривается имъ какъ важнѣйшее орудіе господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, и устраненіе этого зла является настоятельною необходимостью для рабочихъ. Либкнехтъ предлагаетъ бороться противъ милитаризма исключительно законными средствами, не только въ печати и въ парламентѣ, но и при помощи спеціальной агитаціи, въ которой видная роль принадлежала бы вновь организованному „союзу рабочей молодежи"; эта пропаганда должна входить, какъ составная часть, въ общую классовую борьбу пролетаріата. Идеи военной забастовки и дезертирства, проповѣдуемыя французомъ Гервè, рѣшительно отвергаются авторомъ. Съ этой точки зрѣнія онъ разбираетъ способы легальныхъ выступленій противъ „внутренняго милитаризма", въ случаяхъ употребленія арміи противъ стачекъ рабочихъ и противъ освободительныхъ стремленій народа; затѣмъ говорится о „внѣшнемъ милитаризмѣ", создающемъ опасность войны между двумя культурными націями. Либкнехтъ допускаетъ, въ видѣ примѣра, германское вмѣшательство для подавленія русской революціи и останавливается подробно на гипотезѣ „возможной въ недалекомъ будущемъ" войны между Германіею и Франціею, причемъ ставитъ цѣлью антимилитаристской пропаганды предупрежденіе подобной войны прав-

ственнымъ вліяніемъ пролетаріата. Въ книжкѣ усмотрѣны были признаки „приготовленія къ государственной измѣнѣ“ или къ „опредѣленной попыткѣ насильственно ниспровергнуть существующій государственный строй“; книжка была арестована по распоряженію главнаго имперскаго адвоката, д-ра Ольсгаузена, и авторъ преданъ суду высшаго имперскаго суда, имѣющаго свою резиденцію въ Лейпцигѣ.

Въ прежнее время никому не приходило въ голову преслѣдовать судебнымъ порядкомъ писателей и журналистовъ, осуждавшихъ милитаризмъ или требовавшихъ замѣны постоянной арміи народною милиціею; на эту тему печаталось очень много статей и сочиненій, не менѣе рѣзкихъ, чѣмъ книга Либкнехта. Нападки на всю нынѣшнюю военную организацію, опредѣляемую понятіемъ милитаризма, свободно повторялись въ печати всѣхъ странъ и входили въ программы всѣхъ прогрессивныхъ и радикальныхъ партій; въ конституціонныхъ государствахъ признается вообще несомнѣннымъ право каждаго обывателя предлагать какія угодно реформы и подготовлять къ нимъ общественное мнѣніе, за которымъ остается послѣднее слово въ моментъ парламентскихъ выборовъ. Только прямыя воззванія къ насильственному нарушенію законовъ, какъ напр. къ военной забастовкѣ или къ дезертирству, подпадаютъ подъ дѣйствіе уголовныхъ каръ, и въ этомъ смыслѣ нельзя ничего сказать противъ тѣхъ судебныхъ процессовъ, которымъ подвергались проповѣдники антимилитаризма во Франціи. Въ данномъ же случаѣ дѣло идетъ о теоретическихъ разсужденіяхъ, хотя и направленныхъ къ извѣстной практической цѣли, но исключающихъ самую мысль о какихъ-либо противозаконныхъ или насильственныхъ дѣйствіяхъ; со стороны прокурорской власти требовался цѣлый рядъ искусственныхъ толкованій и натяжекъ, чтобы извлечь изъ книги Либкнехта матеріалъ для обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Для правительства было очень важно положить конецъ пропагандѣ, подрывавшей вѣру въ прочность и необходимость существующаго военнаго строя, и судебное вѣдомство согласилось на этотъ разъ взять на себя роль, несовмѣстимую съ задачами истиннаго правосудія.

Этотъ печальный выводъ неизбѣжно вытекаетъ изъ всего хода двухдневнаго судебнаго разбирательства по дѣлу Либкнехта. Процессъ имѣлъ съ самаго начала откровенно-тенденціозный или партійно-политическій характеръ: судъ, вслѣдъ за обвинителемъ, основывался не только на томъ, что напечатано въ книгѣ, но и на томъ, что въ ней будто бы не договорено или скрыто. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что возникновеніе войны съ Франціею было бы неудобнымъ моментомъ для проведенія принциповъ антимилитаризма, а прокуроръ нашелъ, что слово „неудобный“ поставлено, вѣроятно, по ошибкѣ, вмѣсто „удобный“; это поразительное толкованіе, предполагающее

опечатку тамъ, гдѣ ея нѣтъ и гдѣ авторъ ее положительно отрицаетъ, было молчаливо допущено и одобрено имперскимъ судомъ, вопреки самымъ элементарнымъ правиламъ юридической интерпретаціи. Обвиненіе противъ Либкнехта построено на своеобразномъ и совершенно произвольномъ истолкованіи словъ: „пропаганда" и „агитація", которыя непремѣнно означаютъ будто бы проповѣдь насилія. Либкнехтъ, какъ сказано въ постановленіи о преданіи его суду, подготовилъ изданіемъ своей книжки „измѣнническое предпріятіе—насильственное измѣненіе конституціи германской имперіи, именно устраненіе постояннаго войска посредствомъ военной стачки, въ связи съ подготовкою арміи для революціи, при помощи организованной, распространяющейся на всю имперію пропаганды подъ руководствомъ и контролемъ особой центральной коммиссіи, съ участіемъ кружковъ соціалъ-демократической молодежи, съ цѣлью разложенія и подрыва военнаго духа, послѣдствіемъ чего, въ случаѣ возникновенія непопулярной войны, была бы военная забастовка, связанная съ возможнымъ привлеченіемъ войскъ на сторону революціи; такимъ образомъ онъ не только указалъ средства и способы, могущіе привести къ осуществленію означеннаго измѣнническаго предпріятія, но требовалъ также скорѣйшаго примѣненія этихъ средствъ". Другими словами, подсудимый имѣлъ въ виду способствовать „разложенію и подрыву военнаго духа" путемъ пропаганды своихъ идей, и хотя онъ формально отвергаетъ военную забастовку, но послѣдняя могла бы оказаться неизбѣжнымъ практическимъ результатомъ успѣшнаго распространенія его взглядовъ; слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ могъ бы дѣйствительно совершиться фактъ государственной измѣны подъ вліяніемъ книжки Либкнехта, и авторъ подлежитъ отвѣтственности за возможныя въ будущемъ преступленія своихъ читателей. Съ такой точки зрѣнія можно бы объявить преступными и подлежащими уголовной репрессіи всякія вообще оппозиціонныя и реформаторскія идеи, ибо изъ этихъ идей могутъ быть сдѣланы кѣмъ-либо выводы о необходимости дѣйствій, предусмотрѣнныхъ уголовнымъ кодексомъ.

Суровое выступленіе судебной власти противъ Либкнехта значительно облегчалось тѣмъ, что онъ является почти единственнымъ представителемъ теоріи активнаго антимилитаризма и что въ этомъ вопросѣ онъ радикально расходится съ большинствомъ своей партіи; онъ неоднократно вносилъ на разсмотрѣніе соціалъ-демократическихъ партійныхъ съѣздовъ свои проекты объ устройствѣ агитаціонной коммиссіи для борьбы противъ милитаризма и настойчиво поддерживалъ эту мысль въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ, но неизмѣнно встрѣчалъ рѣшительный отпоръ со стороны наиболѣе вліятельныхъ коллегъ, особенно Бебеля и Фолльмара. Проекты отклонялись и иногда

довольно рѣзко, именно потому, что въ нихъ видѣли опасность постоянныхъ столкновеній съ государственною властью; и если противъ автора антимилитарныхъ проектовъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, то этимъ не затронута вліятельная и популярная въ народѣ соціалъ-демократическая партія, а между тѣмъ въ лицѣ Либкнехта будетъ данъ чувствительный урокъ всѣмъ возможнымъ его сторонникамъ и единомышленникамъ. Такъ разсуждали, повидимому, иниціаторы дѣла, и этимъ руководствовался имперскій судъ въ своемъ обвинительномъ приговорѣ. При допросѣ подсудимаго, президентъ имперскаго суда, д-ръ Треплинъ, старался выяснить содержаніе рѣчей, произнесенныхъ Либкнехтомъ на съѣздѣ въ Мангеймѣ и на происходившей тамъ же конференціи юныхъ рабочихъ; для всѣхъ было ясно, что авторъ судится не за опредѣленный проступокъ, совершенный изданіемъ его книги, а за цѣлое направленіе его мыслей, которое могло современемъ привлечь сочувствіе рабочихъ массъ.

По настоянію Либкнехта и его защитниковъ, вся книжка была цѣликомъ прочитана на судѣ; чтеніе продолжалось пять часовъ. Оказалось, что отдѣльныя „преступныя" мѣста книги приведены въ обвинительномъ актѣ въ извращенномъ видѣ: содержаніе ихъ излагается отчасти своими словами, причемъ автору приписано то, чего онъ вовсе не говорилъ; если въ книгѣ сказано, напр., о возможной въ будущемъ войнѣ съ Франціею, то въ обвинительномъ актѣ говорится, что „уже теперь, въ случаѣ войны съ Франціею и т. д." По поводу указаній Либкнехта на эту очевидную „некорректность" въ цитатахъ, главный имперскій адвокатъ или, по нашему, прокуроръ гордо заявилъ, что онъ не беретъ назадъ ни одного слова изъ написаннаго имъ въ обвинительномъ актѣ. Президентъ имперскаго суда нѣсколько разъ мѣнялъ формулировку обвиненія, чтобы остаться на почвѣ дѣйствительнаго содержанія книги; многочисленные вопросы, которые онъ предлагалъ подсудимому, наглядно доказывали, что дѣло идетъ о чисто-теоретическомъ спорѣ, а не о какихъ-либо дѣйствіяхъ, представляющихъ собою приготовленіе къ государственной измѣнѣ. Либкнехту ставилось въ вину, что онъ желалъ „измѣнить существенную основу конституціи, а именно постановленія, въ силу которыхъ императору принадлежитъ исключительное право объявлять войну и безусловное верховное командованіе арміею", а также отмѣнить прусскій законъ объ осадномъ положеніи при внутреннихъ безпорядкахъ; далѣе, онъ „требовалъ для народа права рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ",—т.-е. предметомъ обвиненія дѣлалось все то, что издавна содержится въ общей программѣ германской соціалъ-демократической партіи. Никакой законъ не возбраняетъ желать или даже требовать измѣненія существующихъ законовъ, хотя бы и конституціонныхъ; нужно только,

чтобы эти желанія и требованія высказывались въ легальной и корректной формѣ. О томъ, что Либкнехтъ нарушилъ какіе-либо законы въ этомъ отношеніи, не было и рѣчи во все время процесса; категорическое заявленіе его о необходимости держаться строго законной почвы ничѣмъ не было опровергнуто, и нельзя было указать въ его книгѣ ни одной фразы, которая противорѣчила бы этому заявленію. Либкнехтъ просилъ по крайней мѣрѣ въ точности опредѣлить, что̀ именно въ его книжкѣ принято за доказательство государственной измѣны; главный имперскій адвокатъ заявилъ, что вся книжка послужила матеріаломъ для обвиненія, и съ этимъ заключеніемъ согласился и судъ.

Допрошенный въ качествѣ единственнаго свидѣтеля, депутатъ Бебель объяснилъ, что взгляды Либкнехта не имѣютъ ничего общаго съ активнымъ антимилитаризмомъ Гервé, что оба они жестоко спорили между собою на международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Штутгартѣ, что онъ, Бебель, возставалъ противъ идей Либкнехта не только по соображеніямъ тактики, но и по существу, такъ какъ считалъ ошибочнымъ выдѣленіе милитаризма изъ всего существующаго государственнаго и экономическаго строя, съ которымъ должна бороться соціалъ-демократія; притомъ онъ имѣлъ въ виду, что весьма вліятельныя сферы охотно воспользовались бы такою спеціальною антимилитарною агитаціею для оправданія новыхъ усиленныхъ карательныхъ мѣръ и исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократической партіи. На вопросы защиты о предположеніяхъ, приписанныхъ Либкнехту обвинительною властью, Бебель отвѣчалъ, что еслибы кто-нибудь изъ соціалъ-демократовъ въ самомъ дѣлѣ высказывалъ такія предположенія, то его слѣдовало бы исключить изъ партіи или упрятать въ домъ умалишенныхъ. Ни объ измѣнническихъ замыслахъ на случай войны съ Франціею, ни о попыткахъ ограничить право верховнаго командованія императора Бебель никогда ничего не слыхалъ въ средѣ своей партіи; а то, что̀ Либкнехтъ предвидитъ въ будущемъ, несомнѣнно вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ партійной программы.

Въ заключеніе, послѣ дальнѣйшихъ принципіальныхъ вопросовъ, обращенныхъ президентомъ суда къ подсудимому, защита предложила прочесть два тезиса изъ знаменитаго трактата Канта о „вѣчномъ мирѣ“; главный имперскій адвокатъ протестовалъ противъ ссылки на „научную книгу, изданную сто лѣтъ тому назадъ“, но судъ допустилъ прочтеніе афоризмовъ, которые въ самомъ дѣлѣ лучше всякой защитительной рѣчи оправдывали подсудимаго. Вотъ что̀ писалъ Кантъ въ книжкѣ, изданной въ 1795 году: „Постоянныя войска должны современемъ совершенно прекратить свое существованіе, ибо они не-

прерывно угрожаютъ войною другимъ государствамъ вслѣдствіе своей готовности всегда являться вооруженными для военныхъ дѣйствій; побуждаютъ народы стремиться превзойти другъ друга въ количествѣ вооруженныхъ, которому нѣтъ границъ, и такъ какъ, благодаря употребляемымъ на это расходамъ, миръ становится наконецъ болѣе обременительнымъ и тяжелымъ, чѣмъ непродолжительная война, то они сами служатъ причиною наступательныхъ войнъ. Ни одно государство не должно насильственно вмѣшиваться въ устройство и управленіе другого государства". Однако, никто не привлекалъ Канта къ суду за его отрицательное отношеніе къ постоянной арміи. Этотъ доводъ, конечно, не убѣдилъ обвинителя, который въ своей рѣчи упорно поддерживалъ свое пониманіе книжки Либкнехта и требовалъ для автора назначенія высшей мѣры наказанія. Главный имперскій адвокатъ отнесся къ подсудимому необычайно строго; онъ находилъ виновность его вполнѣ доказанною и не усматривалъ въ его дѣлѣ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ; поведеніе его онъ считалъ „безчестнымъ", и потому предлагалъ заключить его въ смирительный домъ на два года, признать его лишеннымъ чести на пять лѣтъ и подвергнуть его немедленному задержанію. Послѣ защитительныхъ рѣчей адвоката Гаазе и самого Либкнехта имперскій судъ, въ засѣданіи 12 октября, присудилъ обвиняемаго къ заключенію въ крѣпость на полтора года.

Это судебное дѣло представляетъ собою нѣчто совершенно новое для Германіи: значеніе его выходитъ далеко за предѣлы простого политическаго процесса. Мы видимъ здѣсь симптомъ, внутренній смыслъ котораго не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Германское правосудіе впервые вступило на скользкій путь, который ведетъ къ отрицанію всякаго правосудія. Судъ, превращенный въ орудіе партійной борьбы, перестаетъ быть судомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Даже газеты, постоянно нападающія на соціалъ-демократію и не скрывавшія своего удовольствія по поводу осужденія Либкнехта, смущены нѣкоторыми характерными особенностями этого процесса. Имперскій судъ, какъ замѣчаетъ „Berliner Tageblatt", занимался ловкою діалектическою игрою, чтобы примѣнить къ дѣлу понятіе государственной измѣны; онъ игралъ этимъ понятіемъ съ большимъ искусствомъ, которое можетъ восхищать спеціалиста,—но простой обыватель невольно чувствуетъ при этомъ безпокойство. До сихъ поръ думали, что „приготовительныя дѣйствія", караемыя по уголовнымъ законамъ заключеніемъ въ смирительный домъ или въ крѣпость, должны быть именно дѣйствіями, а теперь оказывается, что и мнѣнія, изложенныя въ печатной книжкѣ, могутъ заключать въ себѣ измѣну по отношенію къ германской имперіи. Каждый, кто пытается изложить на бумагѣ свои

идеи о необходимыхъ реформахъ въ государственномъ строѣ, имѣетъ такимъ образомъ шансы нечаянно попасть въ ловушку государственной измѣны. Многія консервативныя газеты, какъ „Post", „Kreuz-Zeitung", „Deutsche Tages-Zeitung" и „Hamburger Nachrichten", требовали измѣненія избирательнаго закона для имперіи передъ послѣдними выборами въ имперскій сеймъ и, слѣдовательно, стояли за государственный переворотъ съ цѣлью измѣненія конституціи; и если держаться толкованія имперскаго суда, то эти газеты такъ же виновны въ „приготовленіи къ измѣнѣ", какъ и Либкнехтъ. Тѣмъ не менѣе судъ не обратилъ вниманія на эти примѣры, на которые указывалъ подсудимый; консервативнымъ и реакціоннымъ газетамъ предоставлено свободно оспаривать конституціонные законы, тогда какъ для оппозиціи эта свобода сужденій закрыта подъ страхомъ уголовныхъ каръ. „Процессъ Либкнехта—по словамъ „Berliner Tageblatt"—есть политическій актъ. Онъ не могъ совершиться безъ вѣдома и согласія правительства; поэтому и его политическія послѣдствія падаютъ на правительство". Но нельзя назвать нормальнымъ такое положеніе вещей, когда акты правосудія замѣняются политическими актами, совершаемыми по иниціативѣ или по желанію правительства.

Въ Германіи и Пруссіи нѣтъ самодержавія; но выдающаяся и предпріимчивая индивидуальность, стоящая во главѣ имперіи, имѣетъ около себя весьма опредѣленный и ограниченный кругъ придворныхъ и военныхъ лицъ, которыя такъ или иначе создаютъ и поддерживаютъ особое настроеніе въ высшихъ сферахъ и прямо или косвенно вліяютъ на текущую политику, помимо отвѣтственнаго канцлера и министровъ. Эта закулисная камарилья всегда существовала въ Берлинѣ и Потсдамѣ; она въ теченіе многихъ лѣтъ отравляла жизнь князя Бисмарка и значительно способствовала его паденію; съ нею должны были постоянно считаться его преемники, и нынѣшній канцлеръ твердо держится на своемъ мѣстѣ только потому, что умѣетъ сохранять хорошія отношенія съ особами, непосредственно окружающими императора Вильгельма II. Естественно, что малѣйшія попытки антимилитарной пропаганды, хотя бы вполнѣ легальной и открытой, вызываютъ негодованіе въ высшихъ военныхъ кружкахъ, господствующихъ при дворѣ, и отголоскомъ этого чувства было рѣшеніе пресѣчь агитацію въ корнѣ посредствомъ суроваго суда надъ ея иниціаторомъ и вдохновителемъ—рѣшеніе, которое пришлось исполнить имперскому суду въ Лейпцигѣ. Слухи о закулисномъ могущественномъ воздѣйствіи на оффиціальныхъ руководителей судебнаго вѣдомства и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ въ дѣлѣ Либкнехта, быть можетъ, преувеличены или невѣрны, но они вполнѣ соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ и отчасти объясняютъ нѣкоторыя странности этого про-

цесса. Самъ подсудимый заявилъ на судѣ, что обвинительный приговоръ предрѣшенъ, какъ ему хорошо извѣстно, и протестъ президента противъ его словъ былъ высказанъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя скорѣе подтверждали, чѣмъ опровергали намекъ Либкнехта.

Какъ бы то ни было, чрезвычайно вліятельная придворная камарилья существуетъ при Вильгельмѣ II и пользуется для своихъ цѣлей всѣми оригинальными особенностями его характера и темперамента, — и интимная жизнь этой камарильи очень ярко освѣщена другимъ судебнымъ процессомъ, несравненно болѣе громкимъ и пикантнымъ, чѣмъ дѣло безпокойнаго соціалъ-демократа. На судѣ фигурировали на этотъ разъ высшіе представители прусской военной аристократіи, генералъ-адъютанты, гвардейскіе офицеры, графы, князья; они своими показаніями раскрывали предъ публикою такія стороны своего быта, о которыхъ принято передавать только по секрету въ гостиныхъ. Приближенные фавориты Вильгельма II, князь Филиппъ Эйленбургъ, графъ Вильгельмъ Гогенау, графъ Куно Мольтке и другіе, образовали тѣсное кольцо около императора, подкупая его своею льстивою преданностью и всегдашнимъ заботливымъ вниманіемъ къ его личнымъ вкусамъ, взглядамъ и чувствамъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ императоръ былъ на „ты". Князь Филиппъ Эйленбургъ, давно извѣстный въ германскихъ свѣтскихъ кругахъ подъ именемъ „Фили", былъ любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ Вильгельма II; онъ занималъ высокіе посты еще при Бисмаркѣ, состоялъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ и въ послѣднее время жилъ въ своихъ прусскихъ помѣстьяхъ, гдѣ устраивалъ роскошныя охоты для императора. „Фили" былъ душою кружка, незамѣтно оттѣснявшаго монарха отъ постороннихъ элементовъ и державшаго его какъ бы въ плѣну. Максиміліанъ Гарденъ, талантливый и оригинальный публицистъ и критикъ, издатель журнала „Zukunft", собралъ интересныя свѣдѣнія объ этой высокопоставленной придворно-военной награде кликѣ и отчасти пустилъ ихъ въ ходъ съ цѣлью подорвать положеніе и репутацію фаворитовъ въ глазахъ самого иператора. Въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ „Zukunft", дѣлались, между прочимъ, весьма прозрачные намеки на то, что главное ядро придворной камарильи состоитъ изъ завѣдомыхъ педерастовъ, виновныхъ въ противозаконныхъ и противонравственныхъ дѣйствіяхъ; въ числѣ другихъ лицъ названъ и бывшій тогда берлинскимъ комендантомъ, графъ Куно Мольтке, которому также приписана какая-то половая ненормальность. Максиміліану Гардену представлялось особенно опаснымъ и страшнымъ для отечества то обстоятельство, что императора окружаютъ тѣснымъ кольцомъ люди съ извращенными половыми наклонностями и что въ этотъ исключительно-привилегированный кружокъ привлеченъ и совѣтникъ фран-

цузскаго посольства, имѣвшій такимъ образомъ возможность неоднократно говорить наединѣ съ императоромъ. Разоблаченія журнала „Zukunft“ были замѣчены публикою, но по обыкновенію не могли дойти до центральной фигуры, для которой они прежде всего предназначались; они служили предметомъ шутливыхъ разговоровъ въ обществѣ и въ офицерскихъ клубахъ, но въ сущности не достигали той цѣли, которую поставилъ себѣ Гарденъ. Нужно было случайное сцѣпленіе незначительныхъ событій, чтобы дать дѣлу внезапный толчокъ. Въ офицерскомъ казино, гдѣ былъ и кронпринцъ, происходилъ разговоръ о половыхъ извращеніяхъ и противоестественныхъ порокахъ между высокопоставленными лицами, причемъ дѣлались ссылки на статьи „Zukunft“; кронпринцъ заинтересовался содержаніемъ оживленной бесѣды, подошелъ къ ея участникамъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, просилъ достать ему соотвѣтственные нумера журнала; затѣмъ онъ обратился къ начальнику военнаго кабинета, графу Гюльзенъ-Гезелеру, съ просьбою доложить о разоблаченіяхъ императору, но графъ Гюльзенъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что въ числѣ затронутыхъ лицъ значится на первомъ планѣ князь Эйленбургъ, не состоящій на военной службѣ. Кронпринцъ рѣшился самъ поговорить съ отцомъ, хотя сюжетъ казался ему слишкомъ щекотливымъ; онъ представилъ императору нумера „Zukunft“ и сообщилъ ему о предметѣ всеобщихъ компрометирующихъ разговоровъ. Вильгельмъ II, съ свойственной ему быстротою рѣшенія, тотчасъ призвалъ къ себѣ начальника военнаго кабинета, фонъ-Гюльзенъ-Гезелера, и министра внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Голльвега; результатомъ продолжительнаго совѣщанія было немедленное увольненіе отъ занимаемыхъ ими должностей свитскаго генерала графа Вильгельма Гогенау, берлинскаго городского коменданта, графа Куно-Мольтке, и князя Филиппа Эйленбурга. Максиміліанъ Гарденъ былъ удовлетворенъ: ему удалось расторгнуть кольцо педерастовъ при дворѣ императора. Графъ Куно Мольтке сначала послалъ секундантовъ къ виновнику своихъ бѣдствій, но потомъ, по внушенію свыше, привлекъ Гардена къ отвѣтственности за клевету, чтобы очистить свое доброе имя отъ незаслуженныхъ будто бы обвиненій.

Дѣло разбиралось предъ судьею, д-ромъ Керномъ, при участіи двухъ шеффеновъ или засѣдателей — мясника и молочнаго торговца; процессъ могъ быстро кончиться примиреніемъ сторонъ, еслибы Гарденъ пошелъ на уступки и согласился печатно смягчить свои слова, — но этотъ упорный и прямолинейный обличитель не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отказываются отъ занятой разъ позиціи. Ему приходилось въ свое время подвергаться уголовнымъ преслѣдованіямъ за настойчивое исканіе правды; онъ дважды былъ осужденъ къ шести-

мѣсячному заключенію въ крѣпость за оскорбленіе величества и нѣсколько разъ долженъ былъ уплачивать денежные штрафы за обидные отзывы о разныхъ лицахъ въ печати. Максимиліанъ Гарденъ занимаетъ совершенно особое положеніе въ нѣмецкой журналистикѣ; онъ независимъ въ своихъ взглядахъ и литературныхъ пріемахъ, держится своихъ собственныхъ идей, не слѣдуетъ за модою и смотритъ на профессію журналиста, какъ на отвѣтственную функцію, влекущую за собою нерѣдко тяжелыя нравственныя обязанности. Это характерный, самобытный писатель, безусловно искренній, но неглубокій и иногда даже наивный; онъ серьезно вѣритъ, что благо отечества зависитъ отъ личнаго состава придворной камарильи, среди которой проводитъ Вильгельмъ II свои часы досуга. Гарденъ въ такомъ чистосердечномъ тонѣ и съ такою убѣжденностью говорилъ на судѣ о мотивахъ и цѣляхъ своихъ разоблаченій, что сомнѣваться въ его правдивости невозможно; онъ дѣйствительно думалъ, что удаленіе Эйленбурга съ его компаніею будетъ большою заслугою предъ государствомъ, и что способствовать этому нельзя иначе какъ путемъ публичнаго раскрытія „сексуальныхъ" тайнъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ своемъ журналѣ онъ раскрывалъ эти тайны только въ той мѣрѣ и въ тѣхъ границахъ, какъ это нужно было для достиженія извѣстнаго практическаго результата; но чѣмъ онъ руководствовался на судѣ, уже послѣ того какъ обличенные имъ педерасты были удалены отъ двора,—остается неяснымъ. Гарденъ погрузился въ область чужихъ грѣховъ и пороковъ и сталъ добросовѣстно выкладывать и анализировать ихъ предъ судомъ и всѣмъ нѣмецкимъ обществомъ, какъ будто только для того, чтобы подтвердить свои обвиненія и окончательно уничтожить противниковъ; однако многія подробности, на выясненіи которыхъ онъ настаивалъ, вносили лишь элементъ ненужнаго скандала и привлекали только любителей порнографіи. Дѣло разрослось до неожиданныхъ размѣровъ, при дѣятельномъ участіи сторонъ и ихъ адвокатовъ, которымъ судъ не имѣлъ повода препятствовать; предъ публикою развернулась тяжелая семейная исторія разведенной жены графа Мольтке, нынѣ г-жи фонъ-Эльбе. Несчастная нервная дама должна была вспоминать предъ судомъ самые мрачные эпизоды своего замужества, о которыхъ подробно допрашивалъ ее неутомимый и безцеремонный адвокатъ, д-ръ Бернштейнъ; всѣ свѣдѣнія объ ея бракѣ и объ отношеніяхъ ея съ мужемъ были заранѣе доставлены адвокату Гардена, и потому допросъ не былъ особенно обременителенъ для бывшей графини Мольтке: адвокатъ въ вопросительной формѣ разсказывалъ ей, что происходило у нея съ мужемъ десять лѣтъ тому назадъ, а ей оставалось только говорить: да, это было. Подробнѣйшее разслѣдованіе старинныхъ альковныхъ неудо-

вольствій между обоими супругами клонилось къ доказательству того, что графъ Куно Мольтке не любилъ женщинъ, избѣгалъ близости съ женою, съ которою жилъ правильнымъ образомъ не болѣе нѣсколькихъ дней, и питалъ глубокое эротическое чувство къ Эйленбургу, котораго называлъ даже заочно разными ласкательными именами, нѣжно цѣловалъ случайно оставленный имъ носовой платокъ, не стѣсняясь присутствіемъ своей семьи, и т. п. Матеріала по этой части было собрано на судѣ гораздо больше, чѣмъ требовалось для оправданія Гардена. Графъ Куно Мольтке не предвидѣлъ показаній своей бывшей жены и совершенно не былъ къ нимъ приготовленъ; жестокій цинизмъ тѣхъ никому ненужныхъ подробностей, которыя она сообщала или подтверждала, имѣлъ въ себѣ что-то болѣзненное, и расправа надъ злосчастнымъ обвинителемъ Гардена получила оттѣнокъ какой-то отвратительной экзекуціи, въ которой г-жа фонъ-Эльбе послушно исполняла предназначенную ей роль. Эйленбургъ и его друзья предавались какимъ-то оргіямъ съ мужчинами, которыхъ офицеры приводили иногда изъ гвардейскихъ полковъ; солдаты не смѣли противиться такимъ знатнымъ господамъ, какъ графъ Линаръ или графъ Вилли Гогенау, который былъ на „ты" съ самимъ императоромъ; послѣдній былъ также предметомъ особой влюбленности, и его называли заочно „милочкой" (Liebchen). Самъ князь Эйленбургъ не могъ быть допрошенъ на судѣ по болѣзни, хотя Гарденъ и его адвокатъ непремѣнно требовали его допроса и высказывали недовѣріе къ его болѣзненному состоянію; но и безъ того поднято было слишкомъ много грязи по такимъ частнымъ вопросамъ, которые въ сущности не имѣли прямого отношенія къ дѣлу. Что въ словахъ Гардена не было клеветы относительно Мольтке—это было достаточно убѣдительно доказано немногими фактами; все дальнѣйшее давало уже матеріалъ для другихъ уголовныхъ дѣлъ, которыя предстояло еще возбудить,—но обстоятельное разсмотрѣніе этихъ данныхъ должно было считаться преждевременнымъ, излишнимъ и едва ли справедливымъ при отсутствіи на судѣ замѣшанныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ упоминалось также имя одного иностраннаго дипломата.

Гарденъ былъ оправданъ, какъ и слѣдовало ожидать, и „камарилья" князя Эйленбурга съ товарищами была осуждена безповоротно, хотя и безъ спеціальнаго судебнаго разбирательства и безъ участія главныхъ подсудимыхъ. Но паденіе даннаго состава камарильи означаетъ ли устраненіе камарильи вообще? Въ недавно вышедшей брошюрѣ Эдуарда Гольдбека высказано по этому поводу нѣсколько совершенно вѣрныхъ мыслей. „Чѣмъ сильнѣе монархическая власть, тѣмъ сильнѣе камарилья. Кто стоитъ за сильную, могущественную монархію, тотъ желаетъ господства камарильи. Кто не хо-

четъ послѣдняго, долженъ сдѣлать соотвѣтственный практическій выводъ: нужно ограничить монархическую власть и обставить ее демократическими учрежденіями, расширивъ права общественнаго мнѣнія и парламента на началахъ народной свободы".

Вторая Гаагская конференція, послѣ четырехмѣсячныхъ усердныхъ занятій, разошлась 16-го октября (н. с.) среди общаго разочарованія и отчасти прямого неудовольствія участниковъ. Важнѣйшие вопросы и проекты, внесенные на разсмотрѣніе конференціи, были старательно отложены въ сторону или оставлены для будущаго,—за исключеніемъ единственнаго, сравнительно второстепеннаго проекта организаціи международнаго призоваго суда. Предложеніе о послѣдовательномъ совмѣстномъ сокращеніи чрезмѣрныхъ вооруженій одобрено лишь въ видѣ простого, безплоднаго пожеланія; англо-американскій проектъ обязательнаго международнаго арбитража, признанный очень хорошимъ въ принципѣ, сохранился только въ формѣ теоретическаго признанія полезности особаго „суда третейской юстиціи", составъ и устройство котораго будутъ установлены путемъ переговоровъ и соглашенія между державами. Англійскій проектъ запрещенія или ограниченія устройства подводныхъ минъ въ открытомъ морѣ отвергнутъ, и конференція такимъ образомъ санкціонировала одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ и безчеловѣчныхъ способовъ разрушенія, практикуемыхъ въ морской войнѣ и угрожающихъ не только самимъ воюющимъ сторонамъ, но и всѣмъ постороннимъ торговымъ націямъ. Крупные и спорные вопросы о военной контрабандѣ, о блокадѣ и разныхъ практическихъ особенностяхъ морской войны искусно обойдены для избѣжанія разногласія, и общіе результаты положительной работы конференціи оказываются крайне скромными.

Все осталось по прежнему въ области самыхъ жгучихъ проблемъ международнаго права, а между тѣмъ оффиціальнаго краснорѣчія и трудолюбія затрачено было очень много. Рѣшающая роль въ провалѣ главныхъ реформаторскихъ проектовъ принадлежала Германіи, въ лицѣ ея уполномоченнаго, барона Маршалля фонъ-Биберштейна, который неизмѣнно выступалъ съ своими холодными возраженіями противъ всѣхъ широкихъ замысловъ и аргументовъ англо-американскихъ представителей. Антагонизмъ между отдѣльными группами великихъ державъ выразился при этомъ съ достаточною ясностью. Третью конференцію мира предположено созвать въ семилѣтній срокъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Charles Baudelaire.* Lettres, 1841—1866. Paris, 1906, Ed. „Mercure de France". — *J. Crepet.* Charles Baudelaire. Paris, 1907. Léon Vanier, éd.

Творчество Бодлэра составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи французской поэзіи. До него классики преклонялись передъ идеаломъ гармоніи, а романтики признавали законъ страстей. Никакая двойственность, никакія переходныя настроенія, никакія сомнѣнія не нарушали строгаго спокойствія классической поэзіи и бурнаго экстаза романтиковъ. Явился Бодлэръ и создалъ новый міръ ощущеній въ поэзіи, создалъ „новый трепетъ", по выраженію Виктора Гюго, или, какъ говорилъ о Бодлэрѣ Сентъ-Бёвъ, открылъ въ области поэзіи нѣкую Камчатку, и на самомъ краю ея построилъ свой домикъ или, вѣрнѣе, свою юрту... Впослѣдствіи же оказалось, что міръ Бодлэра былъ Камчаткой только для тѣхъ, кого опередилъ поэтъ „Цвѣтовъ Зла"; для новѣйшихъ же поколѣній эта Камчатка сдѣлалась почти землей обѣтованной. При жизни Бодлэръ зналъ минуты славы, но не создалъ школы—онъ ни по натурѣ, ни по образу жизни не годился для роли учителя, maître'а, вродѣ Виктора Гюго, который любилъ окружать себя почитателями и послѣдователями. Бодлэръ чувствовалъ себя всегда чуждымъ всему окружающему, всячески ограждалъ себя отъ духовнаго общенія съ людьми, иронически относился ко всѣмъ, за рѣдкими исключеніями, и никогда не старался ни на кого вліять. Онъ создалъ самъ для себя замкнутый міръ красоты, жилъ въ немъ и воплощалъ свои переживанія въ поэзіи. Но, чуждый своимъ современникамъ, онъ сдѣлался близкимъ и понятнымъ послѣ смерти. Индивидуальныя ощущенія поэта, пресыщеннаго культурой, тоскующаго среди дѣйствительности, вошли въ духовный міръ позднѣйшихъ поколѣній, отвѣчая ихъ эстетическимъ идеаламъ, и отразились въ художественной литературѣ всѣхъ странъ. Бодлэръ — отецъ французскаго декадентства въ такихъ его представителяхъ, какъ Верлэнъ, Малларме. Онъ положилъ также въ значительной степени начало современному эстетизму. Въ настоящее время эпигоны декадентства и эстетизма впали въ шаблонность, но то, что опошлено внѣшнимъ подражаніемъ моднымъ формуламъ искусства и поверхностнымъ оригинальничаньемъ, воплотилось въ творчествѣ Бодлэра во всей своей органической самобытности.

Чтобы проникнуть въ міръ, созданный Бодлэромъ, нужно знать его

жизнь. Онъ вносилъ свою творческую индивидуальность въ одинаковой степени въ дѣйствительность и въ искусство. Онъ явился въ жизнь съ своей мечтой и жилъ вѣрный ей, страдая отъ соприкосновеній съ окружающимъ міромъ, вѣчно создавая себѣ средства обороны отъ скуки обыденности, отъ людей, успокоенныхъ въ преподанныхъ имъ формулахъ добра и зла. Въ „Цвѣтахъ Зла“ цѣлый отдѣлъ, заключающій въ себѣ лучшія изъ стихотвореній Бодлэра, носитъ заглавіе „Сплинъ и Идеалъ“, и эти два слова могутъ до нѣкоторой степени служить формулой жизни Бодлэра: „сплинъ“ опредѣляетъ его отношеніе къ „старой“ жизни, къ посредственности, пошлости и узости мыслей и чувствъ; „идеалъ“—это его культъ искусственныхъ экстазовъ, его мечта о воплощенной красотѣ. „Сплинъ“ Бодлэра породилъ все мятежное въ его жизни и въ его творчествѣ, какъ въ поэзіи, такъ и въ теоретическихъ писаніяхъ. Бодлэръ относился съ безпощадно строгой критикой къ общественной жизни своего времени, къ литературѣ и къ идеаламъ своихъ современниковъ, и, какъ мы увидимъ потомъ изъ нѣкоторыхъ примѣровъ, его критическое чутье, его литературный вкусъ были поразительно вѣрными. Многія его сужденія въ области литературы и искусства, казавшіяся въ свое время святотатственной хулой на признанные кумиры, совпадаютъ съ судомъ потомства. Бодлэръ—одинъ изъ побѣдоносныхъ иконоборцевъ въ литературѣ, и мятежъ его, его вызовъ всякому лицемѣрію, его походъ противъ рабства и пошлости въ искусствѣ и литературѣ—одна изъ его великихъ заслугъ.

Насколько „сплинъ“ и связанный съ нимъ мятежъ, характеризуя отношеніе Бодлэра къ дѣйствительности, важны своимъ разрушительнымъ вліяніемъ, настолько „идеалъ“ въ его творчествѣ, т.-е. жизнь въ мечтѣ, противоположной дѣйствительности, имѣетъ творческую созидательную силу: Бодлэръ съ его эстетическими экстазами, съ его исканіями святости въ земной красотѣ — предвозвѣстникъ современнаго мистицизма и эстетизма.

Эти двѣ крайности—сплинъ въ отношеніи къ жизни и идеалъ, осуществленный въ мечтѣ—проникаютъ собой творчество и жизнь Бодлэра. Въ настоящее время литература о Бодлэрѣ обогатилась новыми матеріалами, которые знакомятъ какъ съ внѣшними обстоятельствами его жизни, такъ и съ его внутренними переживаніями. Въ изданіи „Mercure de France“ вышелъ сборникъ писемъ Бодлэра къ его друзьямъ, ко многимъ писателямъ его времени и къ женщинамъ, съ которыми его связывали дружба и болѣе нѣжныя чувства. Нельзя читать безъ волненія объемистый томъ этихъ писемъ, въ которыхъ прежде всего бросаются въ глаза внѣшнія заботы его жизни—постоянный недостатокъ средствъ, принявшій трагическіе размѣры къ концу жизни поэта. Сколько пи-

семъ обращено къ друзьямъ, къ союзу писателей (Société des gens des Lettres), къ разнымъ чужимъ людямъ—съ просьбами одолжить иногда самыя ничтожныя суммы, съ просьбами отсрочить обязательства! Особенно удручающее впечатлѣніе производятъ письма послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ; живя въ Брюсселѣ и уже страдая мучительными припадками нервной болѣзни, отъ которой онъ и умеръ, Бодлэръ пишетъ друзьямъ, что „мечтаетъ о бутылкѣ хиннаго вина"—недосягаемой для него роскоши—и говоритъ, что не можетъ выполнить предписанія врача, не имѣя на что купить бутылку Виши. Одного изъ своихъ ближайшихъ друзей онъ шутливо укоряетъ за то, что онъ не оплатилъ полную цѣнность почтовой пересылки письма, такъ что за письмо пришлось доплатить почтальону,—а это тяжело отозвалось на его бюджетѣ. Кромѣ писемъ, рисующихъ нужду Бодлэра, въ особенности въ послѣдніе годы жизни, корреспонденція его, очень обширная, даетъ яркую характеристику его индивидуальности—его философскихъ и литературныхъ взглядовъ (въ этомъ отношеніи особенно интересны его письма къ Сентъ-Бёву), его характера, его отношеній къ людямъ. Чрезвычайно интересны его письма къ м-мъ Сабатье, съ которой его связывала сначала любовь, а потомъ искреннее дружеское чувство. Наибольшее количество писемъ, собранныхъ въ объемистомъ томѣ его корреспонденціи, обращено къ его другу и издателю „Цвѣтовъ Зла", Пулэ-Маласи, и въ этихъ письмахъ выясняется вся исторія литературной судьбы Бодлэра, видны трудности, съ которыми сопряжено было изданіе „Цвѣтовъ Зла" и другихъ произведеній Бодлэра. Обстоятельства личной жизни Бодлэра, его отношенія съ матерью—выясняются главнымъ образомъ изъ переписки Бодлэра съ его опекуномъ, нотаріусомъ Анселемъ, къ которому онъ постоянно обращался за деньгами, прося авансовъ въ счетъ доходовъ со своего небольшого капитала, ввѣреннаго Анселю для завѣдыванія.

Біографическіе матеріалы, заключающіеся въ корреспонденціи Бодлэра, послужили источникомъ для новой интересной книги о Бодлэрѣ, написанной Жакомъ Крепэ. Книга эта—не самостоятельный трудъ, а только переработка одной изъ самыхъ авторитетныхъ біографій Бодлэра, написанной Эженомъ Крепэ, отцомъ автора новой книги. Сынъ дополнилъ трудъ отца новыми данными, исправилъ неточности, и въ этой новой редакціи исторія жизни Бодлэра разсказана съ исчерпывающей полнотой. Знакомясь по изложенію Жака Крепэ съ обстоятельствами жизни Бодлэра и слѣдя по корреспонденціи поэта за тѣмъ, какъ отражались внѣшнія событія въ его душѣ, можно убѣдиться въ слитности его жизни и его творчества.

Шарль Бодлэръ родился въ 1821 году. Отцу его было шестьдесятъ-два года, а матери (второй женѣ отца)—двадцать-семь. Такой

чрезмѣрной разницѣ лѣтъ между его родителями Бодлэръ приписывалъ природную болѣзненность своего организма. Ему пришлось, кромѣ того, испытать и во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни печальныя послѣдствія слишкомъ поздняго второго брака отца. Шарлю Бодлэру было всего семь лѣтъ, когда умеръ его отецъ, и мать его черезъ годъ вышла замужъ за полковника Опика. Бодлэръ ненавидѣлъ своего отчима, хотя тотъ относился къ нему очень хорошо, гордился имъ и, не имѣя собственныхъ дѣтей, всячески старался устроить карьеру своему пасынку. Но Бодлэръ не цѣнилъ привязанности Опика, а сторонился его, какъ человѣка чуждаго ему міра, съ пошлыми понятіями и узкими житейскими интересами; объ отцѣ своемъ, о которомъ онъ сохранилъ дѣтскія воспоминанія, Бодлэръ думалъ, напротивъ того, съ нѣжностью. Отецъ Бодлэра былъ педагогъ, человѣкъ съ духовными интересами и съ революціоннымъ прошлымъ, другъ Кондорсэ — онъ принесъ ему ядъ въ тюрьму, чтобы спасти его отъ эшафота. Шарль Бодлэръ, чтя память отца, никогда не могъ простить матери ея второго брака и относился къ ней почти враждебно, пока она не овдовѣла. Послѣ того возобновились самыя нѣжныя отношенія между матерью и сыномъ. Первое воспитаніе Бодлэръ получилъ въ Ліонѣ, куда его мать переѣхала, когда туда переведенъ былъ ея мужъ. Шарля помѣстили въ закрытое заведеніе, и воспоминанія его объ этомъ времени—самыя тяжелыя. Онъ чувствовалъ полное одиночество среди чуждыхъ ему по духу товарищей, и тогда уже сдѣлался замкнутымъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что судьба обрекла его на одинокую жизнь. Эти тяжелыя впечатлѣнія дѣтства оставили слѣдъ въ его характерѣ, и онъ обвинялъ потомъ мать въ недостаточной чуткости къ особенностямъ его натуры и вообще въ недостаточной заботливости о немъ. „Имѣя такого сына, какъ я, — говорилъ онъ со свойственнымъ ему гордымъ самосознаніемъ,—нельзя выходить вторично замужъ". Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ ліонскомъ пансіонѣ, Шарль Бодлэръ продолжалъ ученіе въ парижскомъ лицеѣ Louis le Grand, такъ какъ къ тому времени мужа его матери перевели въ штабъ, и семья переѣхала въ Парижъ. Въ лицеѣ онъ учился хорошо, даже съ отличіями, чего трудно было ожидать отъ его недисциплинированной натуры, и въ девятнадцать лѣтъ сдалъ экзаменъ на баккалавра. Этимъ закончилось его ученіе, такъ какъ, рѣшивъ посвятить себя литературѣ, онъ заявилъ матери, что не станетъ готовиться ни къ какой профессіи. Мать его была въ отчаяніи отъ рѣшенія сына, и еще болѣе, чѣмъ она, огорчался полковникъ Опикъ, который мечталъ о блестящей карьерѣ для своего даровитаго пасынка и надѣялся помочь ему своими связями. Начались семейныя непріятности, но Бодлэръ не поддавался увѣщаніямъ и сталъ вести свободную праздную

жизнь, заводя знакомства въ литературныхъ кругахъ. Онъ познакомился съ Бальзакомъ, бывалъ въ литературныхъ кружкахъ, свелъ дружбу со многими начинающими писателями. Но самъ онъ не спѣшилъ выступать въ печати со своими поэтическими опытами, считая литературное творчество дѣломъ, требующимъ долгой подготовки. Свои вкусы и наклонности Бодлэръ проявлялъ въ жизни и пріобрѣлъ извѣстность среди друзей и знакомыхъ своими эксцентричностями. Тогда уже начался его „дэндизмъ". Впослѣдствіи этотъ дэндизмъ вылился въ самобытную философію жизни, но въ эту раннюю пору юношества онъ сводился къ внѣшнему оригинальничанью въ костюмѣ и манерахъ. Во всѣхъ воспоминаніяхъ о Бодлэрѣ, относящихся къ его юности, говорится о его одеждѣ, а также о другой чертѣ его дэндизма—о чрезмѣрной искусственной учтивости, которую онъ усвоилъ себѣ съ юности, какъ бы для обороны отъ интимности съ людьми.

Юношескій періодъ жизни Бодлэра закончился путешествіемъ въ Индію. Путешествіе это состоялось по настоянію его матери. Она хотѣла воспользоваться своей властью надъ сыномъ до его совершеннолѣтія, чтобы отвлечь его отъ пагубнаго, какъ ей казалось, образа жизни среди легкомысленной литературной молодежи. Она рѣшила, что далекое плаваніе можетъ оказать благотворное вліяніе на юношу. Собранъ былъ семейный совѣтъ, разрѣшившій взять шесть тысячъ франковъ изъ капитала на путевые расходы, и молодой Бодлэръ, согласившись на это путешествіе безъ особаго восторга, отплылъ изъ Бордо на кораблѣ, направлявшемся въ Калькутту. Капитанъ судна былъ пріятель отчима Бодлэра, и ему былъ порученъ надзоръ за молодымъ путешественникомъ. Изъ его письма къ генералу Опику извѣстна исторія этого плаванія. Путешествіе Бодлэра въ Индію окружено множествомъ легендъ, чему не мало способствовалъ самъ Бодлэръ, любившій мистифицировать довѣрчивыхъ слушателей. По однимъ разсказамъ „съ его словъ" онъ занимался поставкой скота для англійской арміи; по другимъ разсказамъ, тоже „съ его словъ", съ нимъ обращались возмутительнымъ образомъ во время плаванія. Есть разсказы о томъ, что его отправили въ Индію вслѣдствіе ссоръ съ отчимомъ, доходившихъ до дракъ. Затѣмъ разсказываютъ о его приключеніяхъ въ Индіи, о поѣздкахъ на слонахъ, о романѣ съ молодой негритянкой и т. д., но все это—совершенная фантазія. На самомъ дѣлѣ, какъ явствуетъ изъ самаго достовѣрнаго документа, изъ письма капитана судна къ Опику, путешествіе Бодлэра было непродолжительное и неудачное. Бодлэръ былъ въ отсутствіи всего десять мѣсяцевъ, изъ которыхъ плаваніе туда и обратно длилось мѣсяцевъ восемь. Въ общемъ онъ прожилъ въ разныхъ мѣстахъ стоянки корабля всего около двухъ мѣсяцевъ, и все время такъ тосковалъ, что капитанъ, видя, въ

какомъ онъ удрученномъ состоянiи, долженъ былъ согласиться на его возвращенiе гораздо ранѣе предполагаемаго срока. Все это капитанъ объясняетъ въ письмѣ къ отчиму Бодлэра. Трудно предположить, что путешествiе въ такихъ условiяхъ и въ такомъ настроенiи произвело на него сильное впечатлѣнiе,—и поэтому все, что говорится о влiянiи Востока на поэзiю Бодлэра — объ этомъ влiянiи говоритъ и Теофиль Готье въ своемъ предисловiи къ посмертному изданiю „Цвѣтовъ Зла" —преувеличено и произвольно.

Бодлэръ вернулся въ 1841 году въ Парижъ и сразу сталъ жить самостоятельной свободной жизнью. Въ это время онъ достигъ совершеннолѣтiя и получилъ въ полное владѣнiе наслѣдство, оставленное ему отцомъ—всего 75 тысячъ франковъ. Видя въ этомъ капиталѣ полную обезпеченность, Бодлэръ сталъ жить довольно широко—на свое горе, такъ какъ вскорѣ чрезмѣрныя обязательства сдѣлались источникомъ нужды, угнетавшей его до самой смерти. Къ этому перiоду, самому счастливому и плодотворному въ его жизни, относятся всѣ легенды о его странностяхъ, также какъ и всѣ дѣйствительныя переживанiя, связанныя съ выработанной имъ эстетической теорiей жизни и творчества. Отчасти подъ влiянiемъ нѣкоторыхъ типовъ англiйской литературы, съ которой Бодлэръ былъ хорошо знакомъ съ юности, но главнымъ образомъ подъ влiянiемъ чисто индивидуальныхъ чертъ характера, Бодлэръ создалъ идеалъ дэнди и всячески старался приблизиться къ этому идеалу. На поверхностный взглядъ отличительная черта дэнди—изысканность туалета, и, дѣйствительно, многiе современники Бодлэра вспоминаютъ именно про оригинальность его манеры одѣваться. Но, конечно, костюмъ его бросался въ лицо главнымъ образомъ потому, что онъ соотвѣтствовалъ своеобразной красотѣ его лица. Почти всѣ знавшiе Бодлэра въ то время говорятъ въ своихъ воспоминанiяхъ о его поразительной наружности. Его другъ Аселино передаетъ впечатлѣнiе, которое производилъ Бодлэръ своимъ лицомъ, говоря о портретѣ Бодлэра, написанномъ молодымъ художникомъ Деруа. Художникъ, по словамъ Аселино, вѣрно изобразилъ на полотнѣ безпокойное или, вѣрнѣе, внушающее безпокойство лицо молодого поэта, напряженный взглядъ большихъ глазъ, оригинальный костюмъ дэнди въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ и цилиндрѣ съ широкими плоскими полями. О томъ же портретѣ говоритъ и Теодоръ де-Банвиль, описывая въ восторженныхъ выраженiяхъ „неотразимо прекрасное" лицо молодого поэта, его „удлиненные глубокiе глаза", сверкающiе ни съ чѣмъ не сравнимымъ огнемъ—d'une flamme sans égale—изъ подъ восточныхъ темныхъ вѣкъ. Описанiя оригинальной одежды Бодлэра часто попадаются во всѣхъ воспоминанiяхъ о немъ, что, конечно, доказываетъ дѣйствительное желанiе Бодлэра производить впе-

чатлѣніе и, главнымъ образомъ, удивлять своей внѣшностью. Обособленность одежды—первый и самый поверхностный признакъ дэндизма у Бодлэра. Къ этому же разряду чертъ, т.-е. къ его стремленію воплотить идеалъ дэндизма, относится подмѣченная всѣми знавшими Бодлэра любовь къ тому, чтобы удивлять и мистифицировать своихъ друзей и знакомыхъ. Бодлэръ любилъ разсказывать небылицы о своемъ пребываніи въ Индіи, о своемъ романѣ съ негритянкой и т. д. Разсказывая знакомымъ о разныхъ своихъ странныхъ привычкахъ, онъ всегда спрашивалъ: „Васъ это не удивляетъ?“. Даже въ печальное время своего пребыванія въ Бельгіи онъ не отучился отъ привычки распространять про себя разныя выдумки, и такъ какъ въ чужой странѣ вѣрили всѣмъ слухамъ, которые онъ распускалъ про себя, то въ Брюсселѣ о немъ составилось мнѣніе, что онъ шпіонъ, что онъ занимается корректированіемъ порнографическихъ изданій и т. д. Онъ не безъ удовольствія писалъ объ этихъ слухахъ своимъ друзьямъ, такъ какъ радовался всегда возможности скрыть себя подъ какой бы то ни было маской. Такой маской была и утонченная вѣжливость Бодлэра въ обращеніи со всѣми. Его другъ Аселино приводитъ въ своемъ сборникѣ воспоминаній и анекдотовъ про Бодлэра примѣры его преувеличенной учтивости. Прося своего пріятеля зайти къ нему, онъ говорилъ: „Знаете ли вы, что съ вашей стороны было бы чрезвычайно любезно навѣстить меня?“ и т. д. Онъ часто останавливалъ выраженія вниманія и главнымъ образомъ любопытства къ себѣ вѣжливостью, пресѣкающей всякую экспансивность со стороны нежелательныхъ собесѣдниковъ. Конечно, рисовка оригинальностью костюма и напускной вѣжливостью, также какъ желаніе удивлять, доступны всякому фату, но у Бодлэра эта кажущаяся рисовка была отраженіемъ его міросозерцанія. Дэндизмъ Бодлэра—утонченный индивидуализмъ, идеалъ котораго свобода, т.-е. обособленность отъ людей. Дэнди скрывается подъ маской, чтобы оттолкнуть людей, удивляя ихъ несходствомъ съ ними. Отсюда—пристрастіе ко всякаго рода оригинальничанью. Дэнди—въ пошломъ значеніи этого слова—мелко самонадѣянъ и удовлетворенъ жизнью, поскольку она даетъ достаточную пищу для его тщеславія. Дэндизмъ Бодлэра—напротивъ того—пессимистическій. Бодлэръ—строгій судья жизни; онъ презираетъ людей и силенъ въ своемъ умѣньи презирать ихъ. Никто такъ ясно не видѣлъ зло и уродство жизни, никто не умѣлъ такъ извлекать на свѣтъ язву пошлости, какъ Бодлэръ. Противовѣсомъ ненавистной ему дѣйствительности была для него его мечта, отрицающая дѣйствительность,—отраженіе же своей мечты въ чувственномъ мірѣ онъ видѣлъ въ красотѣ, и красоту, какъ знакъ, какъ символъ нетлѣннаго идеальнаго, Бодлэръ возвелъ въ культъ въ жизни и въ искусствѣ. Но для того, чтобы кра-

сота соотвѣтствовала его мечтѣ, она должна была составлять какъ можно большій контрастъ дѣйствительности. Вотъ почему любовь къ искусственному и презрѣніе ко всему естественному составляютъ основу дэндизма, возведеннаго въ идеалъ Бодлэромъ. У Бодлэра любовь къ искусственному, исканіе ощущеній, идущихъ въ разрѣзъ со всѣми нормальными вкусами и чувствами, сказывается не только въ поэзіи, но и въ жизни. Онъ не только создалъ въ поэзіи новый міръ ощущеній и настроеній, но и дѣйствительно переживалъ ихъ.

Эта сторона его жизни, инстинктивное влеченіе къ необычайному и искусственному, также какъ столь же инстинктивное отвращеніе къ простымъ чувствамъ, сказывается въ его отношеніяхъ къ нѣсколькимъ женщинамъ, съ которыми онъ былъ близокъ. Изъ нихъ наибольшее вліяніе на жизнь и творчество Бодлэра имѣла женщина, ставшая его подругой съ самаго начала его самостоятельной жизни въ Парижѣ. Это была мулатка Жанна Дюваль, по описаніямъ друзей Бодлэра—некрасивая, курчавая, апатичная съ виду полу-негритянка, абсолютно неинтеллигентная и къ тому же алкоголичка. Когда она заболѣла вслѣдствіе невоздержности въ питьѣ,—Бодлеръ помѣстилъ ее въ лечебницу для алкоголиковъ, но ей тамъ стало тоскливо, и она вышла, далеко не излечившись. Бодлэръ снова поселилъ ее у себя, хотя характеръ ея сталъ невыносимымъ. Къ тому же она постоянно измѣняла Бодлэру, вызывая въ немъ отвращеніе своей неразборчивостью. Онъ зналъ, что она всячески его обманываетъ, зналъ, что онъ для нея только источникъ средствъ, и старался удовлетворять всѣ ея требованія денегъ, даже когда самъ сильно нуждался. Жанна очень рано состарилась, сдѣлалась разбитой параличомъ старухой,—и до конца жизни Бодлэръ заботился о ней, аккуратно вносилъ деньги за ея содержаніе въ лечебницѣ, и въ его письмахъ изъ Брюсселя къ друзьямъ часто попадаются просьбы справляться о состояніи здоровья Жанны и доставлять ей все, что ей можетъ понадобиться. До конца жизни Бодлэръ относился къ Жаннѣ съ трогательнымъ участіемъ. Что же привязывало его къ этой женщинѣ, совершенно чуждой ему по духу, а въ жизни ставшей для него источникомъ непрерывныхъ страданій? То, что она была для него воплощеніемъ „черной Венеры“, культъ которой его привлекалъ; то, что она соединяла въ себѣ все, что составляло его идеалъ красоты. Красота для Бодлэра—это то, что выходитъ изъ предѣловъ обыденности, и мулатка Жанна, съ ея темнымъ цвѣтомъ кожи, ея восточными ароматами, ея порочностью и холодностью—будила въ немъ сложныя чувства экстаза и омерзѣнія. Онъ передалъ ихъ въ „Цвѣтахъ Зла“, вводя въ поэзію ту пряность, ту жажду расширить область ощущеній контрастами добра и зла, радости и муки, которые не могли существовать въ поэзіи, живущей

цѣлостными чувствами. Необычайность и порочность возлюбленной сдѣлались для поэта символами дерзновеній человѣческой воли, срывающей всѣ цвѣты земного рая, дозволенные и недозволенные—въ особенности послѣдніе. Все въ странной красотѣ мулатки, въ ея холодности и жестокости—тайна, и тайна дорога пессимисту поэту: все, что существуетъ, кажется ему тлѣномъ, разлагающимся трупомъ (образы тлѣнія, подробности гніенія тѣла въ могилѣ постоянно повторяются въ стихахъ Бодлэра); прекрасна для него только мечта, и знакомъ ея является для него все странное, все искусственное, все противоположное нормамъ жизни.

Столь же характерны для философіи Бодлэра его отношенія къ другой женщинѣ, героинѣ болѣе идеальнаго романа, чѣмъ страсть поэта къ Жаннѣ, которую онъ называлъ вампиромъ и въ которой любилъ всѣ сложныя чары плоти. M-me Сабатьé, которую Бодлэръ полюбилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, была свѣтская женщина, собиравшая въ своемъ салонѣ всѣхъ выдающихся писателей своего времени. Бодлэръ полюбилъ ее возвышенной поэтической любовью и воспѣвалъ въ стихахъ обаяніе ея сердца, ея ума. Ей написаны стихотворенія: „A la toute belle...“, „Flambeau Vivant“, „Toute entière“ и много другихъ. Онъ страдалъ отъ ея холодности, но любилъ эти страданія. M-me Сабатьé, однако, не оставалась той неприступной богиней, которой онъ долго поклонялся. Она въ свою очередь увлекалась Бодлэромъ,—и эта отвѣтная страсть убила любовь поэта. Въ письмѣ, которое Бодлэръ написалъ m-me Сабатьé въ отвѣтъ на ея первыя страстныя письма, онъ очень жестоко разбиваетъ ея иллюзіи. Въ этомъ письмѣ онъ ясно высказываетъ свое враждебное отношеніе къ женской натурѣ, къ женщинѣ, какъ самостоятельному существу. „У меня, — пишетъ онъ — „ужасные“ (это слово онъ употребляетъ съ ироніей) — предразсудки по отношенію къ женщинамъ. Я *имъ не вѣрю*. У васъ прекрасная душа — но все-таки женская“... „Еще нѣсколько дней тому назадъ,—пишетъ онъ дальше,—ты была для меня божествомъ, что такъ удобно, и такъ прекрасно, и такъ неприкосновенно. А теперь ты женщина“... Отъ женщины же онъ бѣжитъ, потому что женщину можно ревновать, потому что женщина будитъ страсть—а страсть рабство, страсть недостойна свободнаго жреца красоты. „Вы причиняли бы страданія полюбившему васъ, если бы онъ былъ настолько глупъ, что придавалъ бы значеніе сердечнымъ страданіямъ“. Конечно, въ этомъ письмѣ есть свойственная Бодлэру нарочитость, желаніе удивить; но вмѣстѣ съ тѣмъ это письмо—драгоцѣнный документъ для характеристики Бодлэра. Онъ дѣйствительно недоступенъ чувствамъ, порабощающимъ душу и мирящимъ ее съ жизнью. Онъ жаждалъ ощущеній, углубляющихъ бездну между дѣйстви-

тельностью и мечтой, и потому такъ остро чувствовалъ красоту, связанную съ жестокостью, экстазъ, связанный съ омерзѣніемъ. Онъ боится чувствъ, прикрѣпляющихъ къ землѣ. „Подумайте, — пишетъ онъ въ самомъ концѣ письма,—унося съ собой ароматъ вашихъ плечъ и вашихъ волосъ, я уношу желаніе вернуться къ вамъ. Какое невыносимое наважденіе!“ Съ тѣхъ поръ — письмо это относится къ 1857 году— Бодлэръ продолжалъ до самой смерти бытъ другомъ той, которую онъ воспѣвалъ и которой поклонялся, какъ высшему существу, но любовь его остыла. Онъ любилъ отыскивать разныя рѣдкости, разные bibelots восемнадцатаго вѣка для m-me Сабатье, зная ея любовь къ красивымъ предметамъ и цѣня ея вкусъ. Но прежнее чувство безвозвратно исчезло. Онъ писалъ ей изъ Брюсселя дружескія письма, но она перестала волновать его душу. Она стала для него „женщиной“, т.-е. существомъ, покорнымъ природѣ, противоположнымъ идеалу дэнди и почти презрѣннымъ. Бодлэръ часто откровенно высказывалъ свою враждебность къ женщинѣ, какъ рабынѣ природы, и свое недовѣріе къ женскому уму и женскому художественному таланту. Въ письмѣ къ молодой тогда писательницѣ, Юдиѳи Готье, дочери его друга Теофиля Готье, онъ кается, благодаря ее за тонкій разборъ его книги, въ своемъ недовѣріи къ духовнымъ способностямъ женщины и привѣтствуетъ въ ней счастливое исключеніе. Бодлэръ ненавидѣлъ Жоржъ-Зандъ за ея примитивную полноту страстей и часто, нападая на пошлость чувствъ въ какомъ-нибудь художественномъ произведеніи, говорилъ, что такая грубость и сентиментальность достойны „la femme Sand“, какъ онъ презрительно называлъ Жоржъ-Зандъ. Духовный типъ женщины былъ чуждъ Бодлэру и вызывалъ въ немъ непріязнь;— женщина была для него жрицей сладострастья, и только тѣ женщины вдохновляли его воображеніе, въ которыхъ красота соединялась съ порочностью: ихъ обаяніе становилось для него знакомъ разрыва идеальнаго, небеснаго съ земнымъ, животнымъ; въ нихъ онъ чувствовалъ тайну божественности, скрытой въ тлѣнѣ. Поэтому въ красотѣ его привлекала не строгая правильность чертъ, а напротивъ того— всякое нарушеніе гармоніи, все привлекающее странностью, не успокаивающее, а тревожащее. Въ своемъ культѣ противоприроднаго онъ дошелъ до воспѣванія всѣхъ уродствъ, всего, что является какъ бы вызовомъ природѣ. Извѣстное его стихотвореніе „Великанша“ имѣетъ шутливо-ироническій оттѣнокъ, но и во всѣхъ другихъ обращеніяхъ къ женщинамъ въ „Цвѣтахъ Зла“ онъ воспѣваетъ черты, противоположныя нормамъ красоты. Прекрасное лицо и прекрасное тѣло женщины всегда будятъ въ немъ мысли о тлѣнѣ; онъ всегда какъ бы чувствуетъ въ живой красотѣ женщины запахъ раз-

лагающагося трупа — и тѣмъ острѣе ощущаетъ жажду нетлѣнности, вѣчно прекраснаго.

Кромѣ Жанны, вызывавшей въ немъ такого рода противорѣчивыя острыя ощущенія, и m-me Сабатье́, никакія другія женщины не оказали вліянія на его творчество, кромѣ еще одной еврейки, къ которой относится сонетъ „Une nuit, que j'étais près d'une affreuse juive". Эта еврейка—не вымышленное лицо, а дѣйствительно существовавшая женщина, Сара, которую знали нѣкоторые друзья Бодлэра. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній, не вошедшихъ въ „Цвѣты Зла", Бодлэръ воспѣвалъ странный взглядъ ея косыхъ глазъ и говорилъ, что всѣ глаза, ради которыхъ люди продавали свою душу, не стоятъ для него ея „еврейскихъ глазъ" (son oeil juif et cerné).

Наряду съ исканіемъ „ядовитыхъ наслажденій" въ любви, Бодлэръ искалъ и на другихъ путяхъ острыхъ ощущеній, удовлетворявшихъ его идеалу противоприроднаго и искусственнаго. Онъ зналъ „искусственный рай" Востока, т.-е. куреніе опіума и гашиша. Теофиль Готье, въ своемъ предисловіи къ посмертному изданію „Цвѣтовъ Зла", описалъ въ очень поэтичныхъ краскахъ собранія въ домѣ одного изъ общихъ друзей его и Бодлэра, Буассара, очень гостепріимнаго и богатаго человѣка, гдѣ избранное общество художниковъ, поэтовъ и красивыхъ женщинъ предавалось куренію гашиша. По письмамъ и дневникамъ Бодлэра видно, однако, что онъ никогда не злоупотреблялъ наркотическими средствами. Онъ понималъ, что для художника источникомъ наслажденій можетъ быть только его творческій духъ — а не аптека. Гашишъ былъ для него однимъ изъ многочисленныхъ его экспериментовъ въ области ощущеній, которыя онъ хотѣлъ обогатить всякими средствами, предпочитая все остро-индивидуальное—всему искусственно-общедоступному.

Лучшіе годы Бодлэра, его молодость, протекавшая въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, были наполнены, однако, не только культомъ ощущеній, но и работой. Бодлэръ началъ писать довольно рано, почти двадцатилѣтнимъ юношей, и скоро создалъ себѣ имя въ литературѣ. Но это не значитъ, что онъ прославился сразу своими стихами. Напротивъ того, онъ очень долго не печаталъ стиховъ. Онъ съ юности писалъ стихи, но чувствовалъ страшную отвѣтственность за нихъ, безконечно надъ ними работалъ, охотно читалъ ихъ въ обществѣ друзей,—но прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился выпустить ихъ въ свѣтъ. Онъ выступилъ въ литературѣ сначала въ качествѣ художественнаго и литературнаго критика. Сталъ онъ писать отчасти и вслѣдствіе необходимости зарабатывать деньги, такъ какъ, при его образѣ жизни, при его разорительныхъ привычкахъ щегольства, при его страсти постоянно мѣнять квартиры и каждый разъ обставлять

ихъ по своему вкусу, при его любви къ художественнымъ предметамъ, капитала его хватило на очень недолгое время. Встревоженные его расточительностью, мать и отчимъ добились оффиціальнаго назначенія опеки надъ легкомысленнымъ сыномъ. Опекуномъ назначенъ былъ по суду другъ семьи, нотаріусъ Ансель, и Бодлэръ, лишенный — къ счастью для себя — права распоряжаться остатками капитала, долженъ былъ ограничиваться періодическими, очень небольшими получками. Онъ постоянно предлагалъ разныя комбинаціи своему опекуну, съ цѣлью получать каждый разъ деньги до срока, но въ общемъ онъ получалъ очень мало и долженъ былъ искать литературнаго заработка. Съ этой цѣлью онъ сталъ писать отчеты о художественныхъ выставкахъ, и его первая статья, „Салонъ 1845 года", была блестящимъ дебютомъ. Бодлэръ съ юности любилъ искусство и изучалъ спеціально живопись. Потомъ онъ многому научился у своихъ друзей художниковъ, и въ особенности у такого тонкаго знатока искусства, какъ Теофиль Готье. А кромѣ того,—что наиболѣе важно,—онъ обладалъ тонкимъ вкусомъ. Наряду съ художественной критикой, Бодлэръ занимался и разборомъ литературныхъ произведеній съ такимъ же глубокимъ пониманіемъ дѣла. Бодлэръ создалъ свою самобытную эстетику, о которой можно въ значительной степени судить и по его жизни. Въ литературѣ и въ искусствѣ, также какъ и въ частной и общественной жизни, онъ былъ врагомъ всего посредственнаго и шаблоннаго, и умѣлъ высоко цѣнить самобытность таланта, самобытное отношеніе художника къ міру. Цѣлый рядъ его оцѣнокъ въ области искусства и литературы, идя въ разрѣзъ со вкусами его современниковъ, совпадаетъ съ сужденіями нашего времени. Онъ однимъ изъ первыхъ призналъ живопись Манэ. Затѣмъ, живя въ Бельгіи, которую онъ ненавидѣлъ, Бодлэръ полюбилъ только одного художника, Ропса, который отталкивалъ и пугалъ большинство своихъ современниковъ жестокой и извращенной фантазіей своихъ рисунковъ. Теперь и Манэ, и Ропсъ признаны большими художниками, и нравственная поддержка, которую оказалъ имъ при жизни Бодлэръ, свидѣтельствуетъ о проницательности его вкуса. Его литературныя сужденія казались парадоксальными, что не мѣшало ему очень увѣренно нападать на кумиры его времени. Онъ былъ искреннимъ поклонникомъ Бальзака, Флобера, Стендаля, любилъ Теофиля Готе, Мериме́, Леконта-де-Лиля и нѣсколькихъ другихъ мастеровъ языка, писателей съ глубокимъ отношеніемъ къ жизни. — „А все остальное (онъ употребляетъ для обозначенія „всего остальнаго" рѣзкое выраженіе: „racaille"),—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ изъ Бельгіи—мнѣ противно. Я ненавижу вашихъ академиковъ, ненавижу вашихъ либераловъ, вашу добродѣтель, ненавижу гладкій стиль, ненавижу прогрессъ. Не говорите мнѣ, по-

жалуйста, объ этихъ пустыхъ людяхъ (diseurs de rien)". Въ этихъ словахъ слышится сильное раздраженіе почти умирающаго, измученнаго болѣзнью поэта, обозленнаго къ тому же общимъ равнодушіемъ къ себѣ. Объ этомъ онъ тоже говоритъ въ довольно ясныхъ намекахъ въ томъ же письмѣ. „Неужели вы не знаете, — говоритъ онъ, — что поэзія глубокая, но сложная, горькая, холодно-сатанинская съ виду— менѣе всего по душѣ безгранично-ничтожной толпѣ?"

Ненависть къ шаблонности чувствъ возбуждала въ немъ непріязнь къ нѣкоторымъ знаменитымъ писателямъ, въ особенности къ Виктору Гюго. Онъ признавалъ въ немъ огромный стихійный талантъ и говорилъ объ этомъ въ печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выносилъ умственной банальности Гюго; въ одномъ письмѣ изъ Брюсселя, разсказывая о вечерѣ, проведенномъ въ домѣ Гюго, Бодлэръ удивляется тому, что талантъ совмѣстимъ съ глупостью. Онъ не выноситъ филантропическихъ фразъ Виктора Гюго, видя въ нихъ самообольщеніе возвышенными словами при холодности сердца. Кромѣ Виктора Гюго Бодлэръ относился очень критически къ Мюссэ, за его небрежный стихъ, и не любилъ Беранже за плоское содержаніе стиховъ. О томъ и о другомъ онъ выражается очень рѣзко въ своихъ письмахъ.

Былъ, однако, моментъ, когда Бодлэръ отвлекся отъ своей обособленности и примкнулъ къ движенію, охватившему всю страну, — это было въ 1848 году. Бодлэръ былъ друженъ съ нѣсколькими писателями и поэтами соціалистической партіи—съ Торэ и въ особенности съ Прудономъ, о которомъ онъ часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ. Бодлэръ цѣнилъ въ Прудонѣ его твердую вѣру и въ себя, и въ свое дѣло, и упрекалъ его только въ томъ, что онъ недостаточно отдѣлялъ себя отъ толпы, т.-е. не былъ дэнди—въ философскомъ смыслѣ слова. Подъ вліяніемъ друзей и захваченный общимъ революціоннымъ настроеніемъ, Бодлэръ сражался на улицахъ. Одинъ изъ его тогдашнихъ пріятелей разсказываетъ о томъ, какъ онъ встрѣтилъ въ одинъ изъ революціонныхъ дней Бодлэра на улицѣ съ ружьемъ. Онъ шелъ вмѣстѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ, былъ чрезвычайно возбужденъ, и когда они всѣ вмѣстѣ зашли въ кафè, то Бодлэръ сталъ во всеуслышаніе ораторствовать, защищая соціалистическія и революціонныя идеи. Этотъ революціонный эпизодъ въ жизни Бодлэра можетъ показаться несовмѣстимымъ съ его дэндизмомъ, съ его презрѣніемъ къ толпѣ и аристократическими замашками. Еще незадолго до революціи онъ нападалъ въ одной изъ статей объ искусствѣ на республиканцевъ за ихъ враждебное отношеніе къ роскоши и искусству. Бодлэръ объясняетъ въ одномъ изъ дневниковъ свое увлеченіе революціей жаждою разрушенія, которая всегда была въ немъ очень сильна. Затѣмъ, въ своей незаконченной книгѣ о Бельгіи, онъ говоритъ: „Мнѣ бы

хотѣлось испытать чувства не только жертвы, но и палача“... И въ другомъ мѣстѣ: „Я понимаю, что можно отречься отъ своего дѣла—чтобы испытать ощущенія тѣхъ, которые служатъ противоположному дѣлу“. Все это объясняетъ въ значительной степени психологію его революціоннаго увлеченія. Онъ переживалъ революцію какъ импрессіонистъ, которому дорого все, что волнуетъ душу.

И все-таки нельзя объяснить его участіе въ революціи исключительно эстетическими мотивами. Напротивъ того, онъ искренно примкнулъ къ открытому мятежу во имя свободы, такъ какъ его дэндизмъ былъ такой же жаждой свободы индивидуальной, какъ революція—жажда свободы народной. Нѣтъ ничего противорѣчиваго поэтому въ появленіи на баррикадахъ дэнди Бодлэра. Послѣ сраженія на улицахъ, Бодлэръ участвовалъ въ одной, не долго существовавшей, революціонной газетѣ, и ему приписываютъ самыя рѣзкія революціонныя статьи въ вышедшихъ нѣсколькихъ нумерахъ. Послѣ 2-го декабря Бодлэръ пересталъ интересоваться политикой, разочаровавшись въ силѣ революціоннаго духа, и съ той поры сталъ относиться съ озлобленіемъ къ либераламъ и всякаго рода прогрессивнымъ—на словахъ—общественнымъ дѣятелямъ, считая ихъ ничтожными фразерами, неспособными къ настоящему дѣлу.

Бодлэръ снова отдался всецѣло литературѣ. Еще до революціи 1848 года онъ началъ трудъ, отъ котораго не отвлекался въ теченіе шестнадцати лѣтъ, несмотря на свою любовь къ праздности. Только болѣзнь, закончившаяся смертью, помѣшала ему исполнить свою задачу до конца. Этотъ трудъ—переводъ сочиненій Эдгара По. Бодлеръ случайно прочелъ отрывокъ одного разсказа Эдгара По въ англійскомъ журналѣ—и былъ потрясенъ странной духовной близостью съ собой этого невѣдомаго писателя. Изучивъ послѣ того всѣ произведенія По, собирая свѣдѣнія о немъ, гдѣ онъ только могъ, Бодлэръ вскорѣ призналъ въ немъ своего духовнаго брата. Онъ разсказывалъ впослѣдствіи, что находилъ у По свои собственные замыслы выполненными въ обаятельной формѣ. И дѣйствительно, для Бодлэра, для котораго, тайна искусства заключалась въ умѣньи изумлять, внушать по произволу ужасъ или восторгъ, создавать настроенія, играть, какъ на музыкальномъ инструментѣ, на нервахъ читателя—для него творчество По было истиннымъ откровеніемъ. Онъ задался цѣлью прославить во Франціи своего духовнаго брата и предпринялъ переводъ его сочиненій на французскій языкъ, причемъ поэтичность перевода не уступала художественнымъ качествамъ подлинника. Переводъ По Бодлэромъ — одинъ изъ прекраснѣйшихъ образцовъ французской художественной прозы.

Стихи, вошедшие потомъ въ сборникъ „Цвѣтовъ Зла“, печатались

въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ — даже въ „Revue des deux Mondes“, причемъ академическій журналъ счелъ долгомъ сдѣлать къ стихамъ Бодлэра примѣчаніе, въ которомъ редакція объясняла, что хотѣла поощрить несомнѣнно талантливаго молодого поэта, хотя его талантъ и сказывается съ чрезмѣрной рѣзкостью тона. Собраніе стихотвореній Бодлэра, сборникъ подъ названіемъ „Цвѣты Зла“ (Fleurs du Mal) вышелъ только въ 1857 году. Тогда только Бодлэръ нашелъ издателя въ лицѣ своего молодого, предпріимчиваго друга, Пулэ-Маласи. Гонораръ, полученный Бодлэромъ за это первое изданіе, былъ самый ничтожный—двадцать-пять сантимовъ съ книжки,—но Бодлэръ былъ счастливъ, что книга появится въ изящномъ изданіи, самъ слѣдилъ за печатаніемъ, безъ конца правя корректуры, и почти замучилъ издателя своей требовательностью. Обширная корреспонденція Бодлэра съ Маласи по этому поводу показываетъ, сколько волненій и работы стоило автору это первое изданіе „Цвѣтовъ Зла“. Наконецъ оно вышло въ свѣтъ съ посвященіемъ Теофилю Готье, „au parfait magicien ès lettres françaises“, и подверглось судебному преслѣдованію за безнравственность. Процессъ Бодлера очень любопытенъ, напоминая отчасти процессъ автора „Мадамъ Бовари“. Авторъ „Цвѣтовъ Зла“ былъ присужденъ къ изъятію нѣсколькихъ стихотвореній изъ сборника и къ уплатѣ трехъ-сотъ франковъ,—которыхъ, впрочемъ, съ него потомъ не взыскивали. Въ смыслѣ успѣха процессъ, какъ это всегда бываетъ, послужилъ на пользу изданію. Второе изданіе вышло въ 1861 году, съ добавленіемъ новыхъ стихотвореній. Это было время, когда Бодлэръ находился въ зенитѣ славы, благодаря своимъ стихамъ, затѣмъ маленькимъ „стихотвореніямъ въ прозѣ“, статьямъ по искусству и переводамъ Эдгара По. Къ 1861 году относится одинъ эпизодъ, характерный для любви Бодлэра удивлять собой. Онъ поставилъ свою кандидатуру въ академію на одно изъ вакантныхъ въ то время мѣстъ. Сдѣлалъ онъ это отчасти изъ желанія поразить всѣхъ своимъ поступкомъ, а кромѣ того—съ принципіальной цѣлью добиться санкціи для той самобытной литературы, представителемъ которой онъ былъ. „Какъ вы не поняли, — писалъ онъ Флоберу,—что Бодлэръ — это значитъ Огюстъ Барбье, Теофиль Готье, Банвиль, Флоберъ, Леконтъ-де-Лиль, т.-е. чистая литература?“ Онъ даже дѣлалъ визиты академикамъ,—но все-таки, удовольствовавшись шумомъ, поднятымъ по поводу его кандидатуры, взялъ ее обратно до выборовъ.

Но время апогея творческой силы и славы Бодлэра было вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ близкаго и страшнаго конца. Бодлэръ много работалъ и переживалъ много волненій въ это время, такъ какъ сильно нуждался, напрасно стараясь извлечь пользу изъ своихъ изданій. Особенно плохо было ему, когда Пулэ-Маласи, снабжавшій его деньгами,

окончательно разорился изъ-за неумѣнья вести издательскія дѣла. Изнемогая отъ долговъ и страдая отъ первыхъ признаковъ нервной болѣзни, Бодлэръ напалъ на мысль читать лекціи въ Брюсселѣ и такимъ образомъ заработать много денегъ. Въ 1864 году, войдя въ соглашеніе съ однимъ бельгійскимъ литературнымъ обществомъ, обѣщавшимъ ему крупный гонораръ за лекціи, Бодлэръ переселился въ Брюссель. Но его надежды далеко не оправдались. Лекціи состоялись при почти пустой залѣ, такъ какъ бельгійское общество въ это время было мало интеллигентно, и лекціи объ искусствѣ никого не интересовали. Бодлэръ получилъ только половину обѣщанныхъ денегъ; продать свои книги, какъ онъ надѣялся, онъ тоже не смогъ, и тогда началась печальная жизнь въ большой нуждѣ. Бельгію онъ возненавидѣлъ, и свой гнѣвъ на нее излилъ въ книгѣ, которую, однако, не успѣлъ закончить. Письма Бодлэра изъ Брюсселя—очень печальныя и заняты болѣе всего просьбами устроить ему изданія его книгъ. Болѣзнь прогрессировала, и онъ описываетъ въ одномъ письмѣ свои ужасные припадки, во время которыхъ онъ падалъ, цѣпляясь за мебель, свои страшныя рвоты и головокруженія. Болѣзнь эта кончилась параличомъ памяти, и почти цѣлый послѣдній годъ жизни Бодлэръ провелъ сначала въ лечебномъ заведеніи, потомъ дома съ матерью, когда его перевезли въ Парижъ; все это время онъ не могъ произнести ни слова, и нельзя было понять, сопровождалась ли его афазія потерей сознанія, или же онъ понималъ все и тѣмъ болѣе страдалъ. Такъ онъ умеръ, не придя въ себя, 1-го сентября 1867 года.—З. В.

ЗАМѢТКА

Положеніе винодѣлія на югѣ Франціи.

— Michel Augé-Laribé, La viticulture industrielle du midi de la France. Par. 907.

Недавно вышла въ Парижѣ интересная книга, проливающая свѣтъ на положеніе винодѣльческой промышленности юга Франціи; она помогаетъ намъ уяснить себѣ главныя причины кризиса, вызвавшаго памятныя всѣмъ волненія.

Въ своемъ введеніи, Ожé-Ларибé утверждаетъ, что проблема „индустріализаціи" земледѣлія была затемнена и искажена разнаго рода политическими партіями. Либеральные экономисты—сторонники крупной собственности—очень скоро замѣтили, какую опасность представляетъ распространеніе соціализма среди рабочихъ крупной промышленности, и, боясь, чтобы этого не случилось съ сельско-хозяйственнымъ пролетаріатомъ, они стали укрѣплять въ умахъ преимущества мелкой земельной собственности.

Что касается соціалистическихъ партій, особенно во Франціи, то и онѣ допустили въ своихъ программахъ цѣлый рядъ противорѣчій. Сначала, говоритъ авторъ, онѣ осудили всякую частную собственность; когда же интересы избирательной борьбы выступили на первый планъ и заслонили собою почти всѣ другіе, пришлось подумать и о голосахъ сельскаго населенія. Тогда-то и появилась знаменитая аграрная программа Геда и Лафарга, въ которой, ко всеобщему удивленію, мелкой собственности обѣщались всякаго рода поддержка и защита.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ выясненію того, какъ отразился на деревнѣ притокъ капитала, и, въ частности, какую роль игралъ капиталъ въ винодѣльческой промышленности юга Франціи: разорилъ ли онъ въ-конецъ мелкую собственность, или она устояла и можетъ съ успѣхомъ бороться съ его вторженіемъ въ деревню. Вопросъ, разумѣется, чрезвычайно важный; онъ рѣшенъ лишь для тѣхъ, кто слѣпо слѣдуетъ отвлеченной схемѣ Маркса, опредѣленно имъ начертанной, впрочемъ, лишь для промышленности обрабатывающей.

Ожé-Ларибé пытается дать исторію винодѣлія до того филлоксернаго кризиса, съ котораго, собственно, и начинается проникновеніе капитала въ южную деревню. Винодѣліе особенно развилось въ тѣхъ мѣстахъ, которыя охватываются теперешними департаментами Одъ, Эро и Гардъ. Виноградъ родится здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни

было, и мѣстные крестьяне давно уже оставили культуру хлѣбовъ и оливковаго дерева. Но до самаго конца XVIII столѣтія внутреннія таможни и затруднительность перевозки не давали винодѣлію развиться въ достаточной мѣрѣ. Правительство боялось, что оно заполонитъ поля и не хватитъ хлѣба. До самаго 1789 года, всякій, кто желалъ обратить свою пашню подъ виноградъ, долженъ былъ сперва испросить на это разрѣшеніе отъ мѣстнаго интенданта. Въ концѣ XVIII вѣка, говоритъ Ожé-Ларибé, бочка вина, за которую платили 36 ливровъ въ Лангедокѣ, стоила въ Парижѣ не менѣе 500 ливровъ, и торговцы жаловались еще, что мало зарабатываютъ.

Въ XIX столѣтіи замѣчается небывалое расширеніе виноградниковъ; имъ отводятся постепенно лучшіе участки земли, на которыхъ раньше воздѣлывали хлѣбъ. Въ началѣ XX вѣка площадь подъ виноградомъ еще болѣе увеличилась, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

		Площадь			
	Всего земли въ гектар.	обраб. земли въ гектар.	Подъ виногр. въ гектар.	% всей земли.	% обраб. земли.
Деп. Эро	619.800	408.006	192.005	31,9	47
„ Одъ	631.824	395.083	131.035	20,7	33,2
„ Вост.-Пирен. .	412.211	217.268	66.000	16	30,45

Безпрерывному расширенію плантацій соотвѣтствуетъ увеличеніе производства вина. Деп. Hérault, напримѣръ, въ 1821 году производившій два милліона гектолитровъ, въ 1865 г. далъ больше 9 милліоновъ и дошелъ до 12 милліоновъ гектолитровъ въ 1900 году. До филлоксернаго нашествія, говоритъ авторъ, въ винодѣліи замѣчается преобладаніе труда надъ капиталомъ; ручной трудъ примѣняется рѣшительно вездѣ, удобренія—мало, дробленіе земельной собственности совершается безпрерывно, заработная плата подымается. Г-нъ Ожé-Ларибé даетъ таблицу средней поденной платы въ окрестностяхъ Монпелье съ 1750 по 1875 годъ. Изъ этой таблицы видно, что плата повысилась больше чѣмъ вдвое за 50 лѣтъ (съ 1820 по 1870 г.).

Послѣ появленія филлоксеры картина мѣняется: капиталъ замѣтно выступаетъ на первый планъ, всюду вводятся техническія улучшенія, и машина вытѣсняетъ ручной трудъ. Съ филлоксерой можно бороться двоякимъ образомъ: 1) особаго рода поливкою, и 2) употребленіемъ американскихъ лозъ, корни которыхъ не боятся филлоксеры. Оба способа требуютъ большихъ расходовъ: увеличенія числа рабочихъ, частаго удобренія, леченія болѣзней американскаго происхожденія, поливки и т. д. Все это даетъ перевѣсъ капиталу.

Новыя условія не вызвали, однако, сильной концентраціи земельной собственности; безъ сомнѣнія, число крупныхъ хозяйствъ увеличилось, но это увеличеніе объясняется, главнымъ образомъ, обраще-

ніемъ подъ виноградники многихъ пустырей. Вообще, мелкая земельная собственность оказывается довольно устойчивой и лучше выдерживаетъ натискъ капитала, нежели средняя: мелкій собственникъ очень часто имѣетъ подсобный заработокъ и меньше потребностей.

Кризисъ, переживаемый теперь винодѣльческимъ югомъ, много способствовалъ объединенію хозяевъ. Ассоціаціи эти ставили себѣ цѣлью удешевленіе закупки минеральныхъ туковъ и орудій труда, развитіе взаимнаго кредита, расширеніе рынковъ сбыта и т. д. На ряду съ ними стали возникать и укрѣпляться организаціи сельскаго пролетаріата. „Капиталистическій характеръ винодѣлія—пишетъ авторъ—совершилъ цѣлый переворотъ въ положеніи рабочихъ". Заработная плата сильно упала и никогда не достигала уровня 1870—75 гг. Распространеніе машинъ вызвало безработицу, которую еще углубилъ переживаемый кризисъ. Все это даетъ автору основаніе утверждать, что всѣ стихійныя вспышки и забастовки, имѣвшія мѣсто у винодѣловъ, легко объяснялись причинами чисто экономическими.

Синдикальное движеніе, возникшее было на югѣ, теперь падаетъ съ каждымъ днемъ; на конгрессы „Fédération des travailleurs agricoles" является съ каждымъ годомъ все меньше представителей. Чѣмъ же объяснить это? Толпы рабочихъ кинулись было въ борьбу, думая, что они—наканунѣ скорыхъ и великихъ побѣдъ: дѣйствительность жестоко обманула ихъ. Первыя забастовки быстро принесли имъ нѣкоторое удовлетвореніе; они думали, что такъ пойдетъ и дальше, что борьба не потребуетъ отъ нихъ жертвъ. Между тѣмъ, правительство съ одной стороны, хозяева съ другой—стали тѣснить и всѣми мѣрами подавлять возбужденіе среди рабочихъ. Рабочіе увидали, что хозяева, быстро оправившись отъ перваго замѣшательства, тоже организуются и противопоставляютъ силу силѣ, что для дальнѣйшей борьбы необходимы лишенія, жертвы и непреклонная энергія. На это были способны немногіе, и синдикальное движеніе такъ же быстро упало, какъ и возникло. Авторъ заключаетъ, что въ настоящее время его питаютъ лишь единицы, одушевленныя революціоннымъ пыломъ.

Такимъ образомъ, послѣднія волненія на югѣ объясняются не однимъ перепроизводствомъ, какъ думали. Корни движенія лежатъ глубже, въ самой природѣ и условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Мѣры, принятыя правительствомъ и парламентомъ, могутъ лишь нѣсколько смягчить тяжесть кризиса и отсрочить разореніе мелкихъ владѣльцевъ. Спасти ихъ можетъ только дружная кооперація при разумномъ содѣйствіи государственной власти.—М. А.

ПО ПОВОДУ
„ВОСПОМИНАНІЙ о И. А. ГОНЧАРОВѢ“

„Братья-писатели,—въ вашей судьбѣ—что-то есть роковое“,—сказалъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи Некрасовъ,—и справедливость этого печальнаго замѣчанія подтверждается жизнью не только во время земного существованія многихъ выдающихся писателей, но и послѣ ихъ смерти. Не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго года (мартъ), въ „Вѣстникѣ Европы“ было указано, какое „злостное покушеніе“ на добрую память И. С. Тургенева совершила г-жа Герритъ-Віардо, не постыдившаяся утверждать, что нашъ любвеобильный по отношенію къ нуждамъ окружающихъ писатель прожилъ 30 лѣтъ у г-жи Полины Віардо-Гарсіа въ качествѣ безплатнаго и неблагодарнаго нахлѣбника, ничѣмъ не отплатившаго пріютившей его семьѣ за нѣжный и трудный уходъ за нимъ и за расходы, сопряженные съ его леченіемъ. Достаточно,—сверхъ того, что̀ уже было приведено въ подтвержденіе этой нелѣпицы въ журналѣ,—достаточно пересмотрѣть письма И. С. къ его пріятелю Маслову, чтобы видѣть лживость заявленій г-жи Герритъ-Віардо. Не говоря уже о посылкѣ, по порученію Тургенева, мелкихъ суммъ въ нѣсколько сотъ франковъ г-жѣ Віардо, начиная съ 1862 г., нельзя не указать на то, что въ 1870 году, 4 іюня, онъ сообщаетъ Маслову, что оставленныя у него на сохраненіи акціи рязанской желѣзной дороги (очень впослѣдствіи поднявшіяся въ цѣнѣ) куплены имъ для „его милой Клавдіи Віардо“ и въ случаѣ его смерти должны быть доставлены г-жѣ Полинѣ Віардо; 20 октября 1873 г. поручаетъ ему изъ имѣющихся у него Тургеневскихъ денегъ еще купить на имя Віардо на пять тысячъ и присоединить ихъ къ уже имѣющимся;—а 30 января 1874 г. проситъ наросшіе купоны обратить въ деньги и прислать на расходы „по случаю свадьбы моей милой Диди“ (второй дочери г-жи Віардо). Все это не помѣшало клеветѣ на Ив. С. Тургенева.

Нынѣ, повидимому, насталъ чередъ И. А. Гончарова... Старые друзья и близкіе его знакомые, безъ всякаго сомнѣнія, съ крайнимъ недоумѣніемъ и горестнымъ удивленіемъ прочли воспоминанія объ Иванѣ Александровичѣ Гончаровѣ г. С. Шпицера, повѣствующаго о своей бесѣдѣ „съ вдовой Александрой Ивановной Т—тъ“ [1]). Многіе изъ насъ еще помнятъ, что у творца и живого воплощенія Обломова

[1]) Помѣщены въ „Биржев. Вѣдом.“, № 10.151, отъ 16-го октября с. г.

въ концѣ 60-хъ годовъ былъ слуга Т—ть, и что послѣ его внезапной смерти Иванъ Александровичъ Гончаровъ, соболѣзнуя положенію его вдовы съ тремя малолѣтними дѣтьми, оставилъ ее *служить* у себя, предоставивъ ей маленькое помѣщеніе черезъ площадку лѣстницы своей квартиры, и замѣнилъ ею умершаго ея мужа въ домашнемъ услуженіи при своемъ маленькомъ хозяйствѣ стараго холостяка. Съ годами, когда стали подростать дѣти, сердце Ивана Александровича откликнулось на ихъ чистую ласку, и онъ привязался къ нимъ, и, особливо, къ старшей дѣвочкѣ, глубоко и трогательно. Его заботамъ, просьбамъ, матеріальнымъ жертвамъ, ходатайствамъ—письменнымъ и словеснымъ—эти дѣти были обязаны своимъ воспитаніемъ и образованіемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за чѣмъ онъ слѣдилъ съ исключительнымъ вниманіемъ. Возможность дать имъ средства, чтобы подышать чистымъ воздухомъ и укрѣпить свои силы гдѣ-нибудь на дачѣ или на берегу моря сердечно радовала старика, которому въ этомъ нерѣдко помогали дочери его стараго друга, А. В. Никитенко. Давно замкнувшись въ своей маленькой квартирѣ на Моховой и ограничивъ свой кругъ знакомыхъ лишь немногими друзьями, Гончаровъ, не имѣя непосредственно-близкихъ родственниковъ и почти не видаясь съ болѣе отдаленными, сроднился съ мыслью объ обезпеченіи любимымъ имъ *чужимъ* дѣтямъ безбѣднаго существованія. Съ этой цѣлью онъ оставилъ все свое, нажитое литературнымъ трудомъ, состояніе—въ размѣрѣ около сорока-тысячъ рублей—сыну и двумъ дочерямъ—„*находившагося у меня въ услуженіи Курляндскаго уроженца Карла Т—тъ и оставшейся на моемъ призрѣніи вдовѣ означеннаго Т—тъ*“ (подлинныя слова завѣщанія), выдѣливъ послѣдней, какъ матери этихъ дѣтей, около шести тысячъ рублей по понятнымъ соображеніямъ деликатности. Нынѣ, однако, неожиданно для близко знавшихъ Гончарова, изъ вышеупомянутой бесѣды г. Шпицера оказывается, что А. И. Т—тъ изображена въ этой бесѣдѣ чѣмъ-то вродѣ вдовы знаменитаго писателя, и она повѣствуетъ, что не она жила въ прислугахъ у Гончарова, пріютившаго ея осиротѣлую семью, а онъ „*жилъ въ ея семьѣ*“, причемъ—„души въ ней не чая“—былъ съ нею настолько нравственно близокъ, что подвергалъ ея критическому разбору свои сочиненія и, даже, за нѣсколько лѣтъ до смерти ея мужа, повергалъ на ея судъ свой „Обрывъ“, читая его по возвращеніи изъ-за-границы, гдѣ онъ былъ написанъ. Изъ этой же бесѣды приходится узнать, что Тургеневъ,—а враждебныя отношенія къ нему Гончарова, обратившіяся въ своего рода манію, извѣстны всему литературному міру,—пріѣзжая въ Россію, каждый разъ бывалъ (конечно, тайно для всѣхъ) у своего недруга, проживавшаго въ семействѣ Александры Ивановны;—и что благовоспитанный и свѣтскій Григо-

ровичъ спрятался подъ столъ (!), когда въ опочивальню той же Александры Ивановны собирался войти ея жилецъ — Гончаровъ! Эти драгоцѣнныя для исторіи литературы, хотя и совершенно неправдоподобныя свѣдѣнія о своемъ милостивомъ отношеніи къ Гончарову Александра Ивановна оканчиваетъ ламентаціями по адресу литературнаго фонда и „литераторовъ“, виновныхъ въ томъ, что до сихъ поръ на могилѣ Гончарова нѣтъ памятника.—Литературный фондъ имѣетъ назначеніемъ помогать нуждающимся живымъ, а не ставить монументы мертвымъ. Литераторы же по большей части—люди недостаточные, живущіе тяжелымъ трудомъ, который не всѣхъ ихъ самихъ освобождаетъ отъ необходимости иногда обращаться къ литературному фонду. Быть можетъ, если бы собесѣдница г. Шпицера не умолчала—вѣроятно, по забывчивости — о полученныхъ ею и ея семьею по завѣщанію Гончарова 40.000 рубляхъ, то надо думать, что ему стало бы ясно, на чьей *нравственной* обязанности должна была лежать забота о постановкѣ памятника на могилѣ человѣка, чей образъ нынѣ рисуется въ такихъ, несоотвѣтствующихъ истинѣ, краскахъ. — Михаилъ Стасюлевичъ (душеприказчикъ И. А. Гончарова); Анатолій Кони (одинъ изъ свидѣтелей на его завѣщаніи).

24 октября 1907 г.
С.-Петербургъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1907.

Вторая годовщина манифеста 17-го октября.—Что позади и что рисуется въ ближайшемъ будущемъ?—Своеобразная юридическая аргументація возврата къ абсолютизму.—Загадочное толкованіе избирательнаго закона и избраніе г. Шмида.—Новая иллюстрація къ старой темѣ о законѣ и законности.

Только всего два года прошло съ историческаго дня 17-го октября 1905 года! А что осталось отъ того настроенія, которымъ тогда, какъ одинъ человѣкъ, было охвачено все русское общество? Куда дѣвались надежды на близкое возрожденіе экономическихъ силъ дошедшаго до отчаянія крестьянства? Гдѣ мечты о правовомъ укладѣ жизни, о призывѣ къ участію въ законодательствѣ свободно избранныхъ всѣмъ народомъ излюбленныхъ имъ лучшихъ людей, объ излеченіи ранъ, нанесенныхъ позорной войною, объ обновленіи законодательства, объ освобожденіи отъ путъ административнаго произвола?.. Все это далеко, далеко позади. Все это уже стало достояніемъ мемуаровъ и воспоминаній...

17-го октября 1907 года Петербургъ и Москва выбирали депутатовъ въ третью Думу—по закону 3-го іюня. „Вотъ краткій итогъ исторіи манифеста и исторіи русской конституціи за два года“ — писалъ со свойственной ему мѣткостью кн. Е. Н. Трубецкой въ № 40 „Московскаго Еженедѣльника“. „Трудно—говорилъ далѣе московскій публицистъ—выразить его точнѣе, яснѣе, опредѣленнѣе“... Дѣйствительно, вмѣсто возвѣщеннаго „дальнѣйшаго развитія начала общаго избирательнаго права“, жизнь дала законъ, расколовшій населеніе на массу, которая лишена возможности реальнаго воздѣйствія на выборы, и на привилегированные слои, отъ которыхъ однихъ, въ конечномъ выводѣ, зависитъ избраніе большинства состава „представителей народа“. Жизнь дала законъ, — который „руководительство“ выборами администраціей—руководительство вплоть до проведенія и устраненія отдѣльныхъ индивидуальныхъ кандидатуръ — возвелъ въ правовую норму. Свобода слова, собраній, союзовъ и неприкосновенность личности—есть, но только для одесскихъ „желторубашечниковъ“, для минскаго „архіерейскаго блока“, для дворянскихъ и новаго типа „земскихъ“ съѣздовъ, для печати, травящей евреевъ, для манифестацій союза русскаго народа, для пропаганды нелѣпаго утвержденія,

что защита началъ манифеста 17-го октября есть „преступное“ дѣяніе, за которое „виновные“ подлежатъ смертной казни...

Причина такихъ итоговъ кроется не въ одной неустойчивости намѣреній и обѣщаній правительства. Она въ значительной мѣрѣ—въ томъ безудержномъ полетѣ, который въ 1905 г. оторвалъ общественную мысль отъ земли, закружилъ и унесъ въ безбрежную высь. Съ этой выси на горизонтѣ показались, какъ легко и немедленно достижимыя,—обобществленіе орудій производства, соціализація земли, нестѣсненная никакими формами свобода и вѣра въ несокрушимость общественной энергіи, общественныхъ силъ и создавшагося общественнаго настроенія. Съ нея показался цѣлесообразнымъ переходъ къ „послѣднему выступленію“ — къ насильственному довершенію побѣды. Наступилъ періодъ эксцессовъ освободительнаго движенія. А за нимъ—такіе же эксцессы правительственной власти. И въ пылу борьбы власть утратила всякую устойчивость. Если не столь быстро, какъ революціонеры, она столь же далеко перешла въ обратную сторону черту, проведенную 17-го октября. Правительство еще говоритъ о манифестѣ, но его дѣйствія уже давно не имѣютъ съ манифестомъ ничего общаго. Оно откровенно отказалось отъ идеи представительства народа въ Государственной Думѣ, т.-е. вѣрнаго отраженія Думою воли народа, его воззрѣній, его требованій и идеаловъ. Можетъ быть, оно желало сдѣлать этотъ шагъ во имя торжества конституціонныхъ началъ въ рамкахъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ. Но, стремясь устранить изъ Думы анти-конституціоналистовъ слѣва, оно ввело въ нее еще болѣе опасныхъ для манифеста анти-конституціоналистовъ справа. Наканунѣ открытія третьей Думы русское общество стоитъ передъ вопросомъ: суждено ли этой Думѣ быть законодательной или законосовѣщательной...

Петербургъ оффиціальный, торговый, рабочій, учащій и учащійся, ничѣмъ не отмѣтилъ годовщины дня, который — думалось два года назадъ—навѣки врѣжется въ память всей Россіи, какъ день 19-го февраля. Въ прошломъ году на улицахъ висѣли хоть флаги. Въ нынѣшнемъ—и флаговъ не было... Въ церквахъ служились молебны въ память событія 17-го октября 1888 года... И день 19-го февраля, впрочемъ, ничѣмъ не отмѣчается.

Но какъ 19-ое февраля и теперь, черезъ сорокъ слишкомъ лѣтъ, вспоминается ежегодно въ каждой деревенской избѣ, безъ торжества и безъ всякаго внѣшняго проявленія воспоминанія, такъ навѣрное не забыли глухія, заброшенныя деревни молча помянуть 17-ое октября. Старыя истины лишь на время заслоняются выдаваемыми за истины новыми утвержденіями и теоріями. Россія—страна не экспансивнаго, шумно реагирующаго города и не бурной, придавленной машинами,

фабрики. Россія—страна мужика—темнаго, голоднаго, пассивнаго, но глубоко чувствующаго и глубоко воспринимающаго. Какія бы ожиданія ни рисовались въ близкомъ будущемъ, день 17-го октября, все-таки, останется историческимъ, поворотнымъ днемъ. Возможна формальная отмѣна манифеста. Возможна юридическая остановка—фактическая уже совершилась—въ прогрессѣ государственности и въ приближеніи бездушнаго права къ жизненной правдѣ. Но все это возможно на время. Разъ сознавшій себя человѣкомъ рабъ—не можетъ снова сдѣлаться рабомъ. Разъ сознавшій себя гражданиномъ крестьянинъ—не можетъ снова стать объектомъ мѣропріятій. Нашъ мужикъ созналъ себя гражданиномъ. Онъ это три раза въ теченіе двухъ лѣтъ показалъ на выборахъ. Гражданиномъ—неуравновѣшеннымъ, склоннымъ къ оцѣнкѣ явленій и государственныхъ задачъ подъ своимъ исключительнымъ угломъ зрѣнія и, конечно, неподготовленнымъ къ технической законодательной работѣ,—но твердымъ и упорнымъ въ лозунгѣ: „земли и воли". И сѣрый мужикъ даетъ вѣру въ возможность смотрѣть черезъ ближайшее будущее на нѣсколько отдаленное и видѣть свѣтлыя точки не въ туманной дали десятилѣтій...

Есть громадная опасность: неудовлетворенность познавшей себя личности и рѣзкія мѣры, чтобы вырвать безъ остатка „крамольный" духъ, могутъ разбудить въ мужикѣ звѣря. Тогда онъ не станетъ разбирать, кто октябристъ, кто соціалъ-демократъ, кто правый, кто лѣвый. Тогда онъ одинаково пойдетъ на всѣхъ, кто сытно ѣстъ, не спитъ на полу, кто читаетъ, кто пишетъ, словомъ—кто не мужикъ... Призракъ пугачевщины не скроется до тѣхъ поръ, пока правовой строй на началахъ свободы, равенства и торжества для всѣхъ одинаковаго закона не станетъ безповоротно неотъемлемымъ фактомъ нашей общественной и государственной дѣйствительности...

И. И. Барановъ, выставлявшійся кандидатомъ въ члены Думы по Петербургу отъ „союза русскаго народа", говорилъ сотруднику „Биржевыхъ Вѣдомостей" (№ 10.140): „Въ своей дѣятельности Дума должна твердо знать, что она является законосовѣщательнымъ органомъ, а не законодательнымъ. Ея дѣло—разсматривать законы и представлять ихъ на утвержденіе монарха, который остается неограниченнымъ самодержцемъ. По основнымъ законамъ, на основаніи ст. 4 и 222, Государю принадлежитъ верховная неограниченная и самодержавная власть, а потому всякое посягательство конституціоналистовъ, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всей Думы, на нее является тяжкимъ преступленіемъ, предусмотрѣннымъ ст. 99 уг. улож. и наказываемымъ смертной казнью".

Г. Барановъ на выборахъ потерпѣлъ неудачу. Съ другой стороны, судя по біографическимъ свѣдѣніямъ, печатавшимся о немъ въ газетахъ, онъ, повидимому, человѣкъ малоинтеллигентный, съ трудомъ разбирающійся въ правовыхъ вопросахъ и легко смѣшивающій то, что̀ въ законахъ написано, съ тѣмъ, что̀ ему хотѣлось бы въ нихъ видѣть и читать. Но и безъ г. Баранова третья Дума будетъ имѣть въ своемъ составѣ свыше тридцати союзниковъ, около того же числа именующихъ себя монархистами и не менѣе восьмидесяти „правыхъ", стоящихъ правѣе октябристовъ, т.-е. почти полтораста лицъ, въ данномъ вопросѣ охваченныхъ тѣми же желаніями и стремленіями и уже перешедшихъ отъ крика: „долой подлую конституцію!"—къ утвержденію: „конституціи нѣтъ"! „Конституція—наша погибель,—пишутъ „Московскія Вѣдомости";—и если бы 17 октября была дѣйствительно объявлена конституція, то съ тѣмъ вмѣстѣ была бы объявлена и погибель русскаго государства! *Къ счастію, этого не было*; дастъ Богъ, и не будетъ".

Въ „Гражданинѣ" г. Р. называетъ манифестъ 17-го октября „шарадой" и говоритъ, что распутать ее будетъ задачей третьей Думы. А самъ кн. Мещерскій забылъ еще недавнія свои сѣтованія о необходимости отмѣнить конституцію и теперь заявляетъ: „Во всякомъ случаѣ, манифестъ 3-го іюня сего года далъ понять Россіи, что правительство Государя, съ г. Столыпинымъ во главѣ, никакой конституціи не признаетъ, и что Государь остается, какъ былъ, Самодержавнымъ Монархомъ; онъ далъ это понять, говорю я, но категорически этого объявлено не было". Слѣдовательно, и „шарады" нѣтъ, а недостаетъ только „категорическаго объявленія". Но этого всего мало. Вопросъ о существующей формѣ правленія сталъ вопросомъ по меньшей мѣрѣ открытымъ и спорнымъ даже среди представителей правительственной власти. Мы имѣемъ въ виду тотъ „недавній эпизодъ", который—по передачѣ „Гражданина" (№ 76)—„явился въ одномъ изъ совѣщаній при (петербургскомъ) градоначальствѣ, подъ предсѣдательствомъ градоначальника, гдѣ большинство правительственныхъ членовъ по одному изъ разсматривавшихся дѣлъ признало существованіе въ Россіи конституціи, а градоначальникъ опротестовалъ это мнѣніе, высказавъ категорически, что никакой конституціи нѣтъ, и Государь какъ былъ, такъ и есть самодержавный монархъ". „Министръ-премьеръ—продолжаемъ передачу,—хотя на другихъ основаніяхъ, призналъ протестъ градоначальника правильнымъ и представилъ дѣло на рѣшеніе перваго департамента правительствующаго сената. Съ этой минуты создается для сената небывалое, съ основанія его Петромъ I, положеніе—обсуждать вопросъ: кто правъ—правительственные чиновники, признавшіе Русскаго Монарха, именующаго себя Самодержавнымъ и

основные законы о самодержавной его власти не отмѣнившаго, конституціоннымъ, или градоначальникъ, категорически не признавшій конституціи?"

Дѣйствительно, для сената создалось положеніе, если не небывалое, то, во всякомъ случаѣ, странное: давать толкованіе по вопросу, который не только не можетъ имѣть двухъ рѣшеній, но столь же ясенъ, какъ дважды два—четыре. Воспрянувшіе духомъ и поднявшіе голову абсолютисты строятъ свои софистическіе выводы, во-первыхъ, на титулѣ „самодержецъ", не исключенномъ изъ основныхъ законовъ, и, во-вторыхъ, на томъ, что „Учрежденіе о Императорской фамиліи" въ одномъ случаѣ говоритъ: „Царствующій Императоръ, яко *неограниченный* самодержецъ". Понятіе „самодержецъ" и прилагательное отъ него „самодержавный" подвергались самому детальному разбору въ общей и спеціальной печати, какъ въ періодъ подготовленія новыхъ, нынѣ дѣйствующихъ, основныхъ законовъ, такъ и непосредственно вслѣдъ за опубликованіемъ ихъ. Но и не вдаваясь въ историческія и филологическія тонкости, а чисто формально, на основаніи текста статьи 1 основныхъ законовъ изданія 1892 г., можно съ положительностью заключить, что понятія „самодержавный" и „неограниченный" по нашему праву не совпадаютъ. Эта статья, подъ заголовкомъ: „О существѣ Верховной Самодержавной Власти", гласила: „Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный". Слѣдовательно, на вопросъ: въ чемъ состоитъ существо верховной власти, или, иначе, какая существуетъ форма правленія?—законъ отвѣчалъ: существо верховной власти состоитъ въ томъ, что Императоръ есть монархъ самодержавный и неограниченный. Нынѣ, въ ст. 4-й основныхъ законовъ изданія 1906 г., подъ тѣмъ же самымъ заголовкомъ, значится: „Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть". На аналогичный вопросъ, слѣдовательно, законъ отвѣчаетъ: существо верховной власти состоитъ въ томъ, что Императору принадлежитъ самодержавная власть, но не неограниченная, т.-е., что самодержавная власть, какъ юридическое понятіе, допускаетъ ограниченія, предѣлы коихъ и изложены въ дальнѣйшемъ текстѣ закона. По отношенію къ народному представительству эти предѣлы обозначены, въ общемъ, ст. 7: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою". А конкретно—въ ст. 8, 86 и 87.

Ссылка на фактъ изданія новаго положенія о выборахъ, съ отступленіемъ отъ порядка, изложеннаго въ трехъ послѣднихъ статьяхъ, ровно ничего не доказываетъ, ибо никакой фактъ не можетъ быть принимаемъ въ основу толкованія права. И въ манифестѣ 3-го іюня совершенно ясно выражена исключительность избраннаго для изданія

выборнаго закона порядка, также какъ и исключительность вызвавшихъ этотъ чрезвычайный фактъ обстоятельствъ. Одинаково не выдерживаетъ критики разсужденіе, что опредѣленіе ст. 86 и 87 „не есть понимаемое въ конституціонныхъ монархіяхъ ограниченіе верховной власти, а лишь установленное Императоромъ, какъ это и указано въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 17 октября 1905 г., „правило", во всякое время могущее быть отмѣненнымъ". Фактически каждое „правило", какъ и каждый законъ, во всякое время могутъ быть и измѣнены, и отмѣнены. Исторія учитъ, что вездѣ и всюду бывали смѣны формъ правленія и совершались государственные перевороты. Но строить на фактической возможности государственныхъ переворотовъ отрицаніе твердости и незыблемости законодательныхъ правилъ и толкованіе дѣйствующаго закона—пріемъ, по меньшей мѣрѣ, оригинальный.

Что касается статьи 222, то желающіе возврата назадъ безъ формальнаго переворота не безъ намѣренія говорятъ о ней, какъ объ опредѣленіи основныхъ законовъ, и умалчиваютъ, что она находится въ томъ обособленномъ раздѣлѣ этихъ законовъ, который называется „Учрежденіе о Императорской фамиліи". Общее понятіе, конечно, охватываетъ частное, и такъ какъ „Учрежденіе" включено въ основные законы, то и ст. 222 есть законъ основной. Но, во-первыхъ, по содержанію, а во-вторыхъ, по времени изданія, „Учрежденіе" настолько занимаетъ исключительное мѣсто въ сводѣ основныхъ государственныхъ законовъ, что ни одно изъ его постановленій не можетъ быть трактуемо иначе, какъ только въ границахъ „Учрежденія". А потому называть ст. 222 основнымъ закономъ, не называя вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣла, къ которому она принадлежитъ, значитъ лишь запутывать вопросъ.

Въ основныхъ законахъ, Высочайше утвержденныхъ 23 апрѣля 1906 г., ст. 25 гласитъ: „Учрежденіе о Императорской фамиліи (Св. Зак. т. I ч. 1 изд. 1892 г., ст. 82—179 и прил. II—IV и VI), сохраняя силу Законовъ Основныхъ, можетъ быть измѣняемо и дополняемо только лично Государемъ Императоромъ въ предуказываемомъ имъ порядкѣ, если измѣненія и дополненія сего Учрежденія не касаются законовъ общихъ и не вызываютъ новаго изъ казны расхода". Изъ приведеннаго текста видно, что 23 апрѣля 1906 г. „Учрежденіе", какъ равно постановленія о порядкѣ наслѣдія престола и другія, перечисленныя въ ст. 24, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ постановленій основныхъ законовъ, подвергшихся полной переработкѣ, было оставлено безъ измѣненія. А затѣмъ,—что въ отношеніи „Учрежденія" монархъ сохранилъ за собой право личнаго его измѣненія и дополненія и предуказаніе для того порядка, т.-е. полный объемъ неограниченной власти. Въ отношеніи основныхъ законовъ вообще, монархъ

сохранилъ за собою исключительное право только „почина" пересмотра (ст. 8); слѣдовательно, раздѣлилъ свою власть съ законодательными установленіями. Въ отношеніи же „Учрежденія о Императорской фамиліи", если пересмотръ „не касается законовъ общихъ и не вызываетъ новаго изъ казны расхода", монархъ съ Думою и съ Государственнымъ Совѣтомъ своей власти не раздѣлилъ — ни власти почина, ни власти пересмотра. Онъ остался въ этой области законодательства, поскольку она не соприкасается съ другими, неограниченнымъ самодержцемъ. Отрѣшеніе неповинующагося члена Императорскаго Дома „отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ", — о чемъ собственно и трактуетъ ст. 222,—не касается законовъ общихъ и не можетъ вызывать новыхъ изъ казны расходовъ. А потому нѣтъ никакого логическаго противорѣчія съ общей конструкціей основныхъ законовъ въ начальныхъ словахъ ст. 222: „Царствующій Императоръ, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать" и т. д. Въ видѣ изъятія, въ данной области Императоръ дѣйствуетъ „яко неограниченный Самодержецъ". Это и опредѣляютъ начальныя слова ст. 222. А больше они ничего не опредѣляютъ, ибо изъятія не допускаютъ ни распространительнаго толкованія, ни распространительнаго примѣненія.

Изложенные соображенія и доводы до азбучности элементарны. И намъ, пожалуй, могутъ сказать, что мы ломимся въ открытую дверь. Въ другое время ихъ дѣйствительно было бы стыдно развивать съ такой подробностью. Но во время „неограниченныхъ возможностей", по выраженію г. Суботича, бываетъ, что и дважды два вдругъ окажется равнымъ пяти. Прозорливый г. Р. изъ „Гражданина" предсказываетъ, что сенатъ или „разъяснитъ" русскій режимъ въ духѣ людей, „готовыхъ мириться съ полуконституціей и полусамодержавіемъ", т.-е. „найдетъ лазейку между Сциллой и Харибдой, или рѣшитъ такъ, путемъ разногласій, что вопросъ пойдетъ на многолѣтнюю прогулку до перваго департамента Государственнаго Совѣта включительно".

Первоначальное сообщеніе о „недавнемъ эпизодѣ въ одномъ изъ совѣщаній при градоначальникѣ" было напечатано въ „Русскомъ Знамени" съ соотвѣтствующими направленію и тону газеты комментаріями. За это на газету былъ наложенъ штрафъ. А г. Дубровинъ обжаловалъ наложеніе штрафа въ сенатъ. Такимъ образомъ, сенатъ вдвойнѣ поставленъ въ необходимость сказать да или нѣтъ по коренному и самому мучительному вопросу минуты. Найти „лазейку", въ виду жалобы г. Дубровина, будетъ труднѣе. Съ общественно-политической точки зрѣнія особенно характерно слѣдующее мѣсто жалобы: „Если петербургскій градоначальникъ опасается возбужденія къ нему похвалами „Русскаго Знамени" за его вѣрность самодержавному царю

враждебнаго отношенія среди революціонеровъ, то пусть объ этомъ прямо и объявитъ, чтобы въ будущихъ статьяхъ редакторъ остерегался помѣщать что-либо, указывающее на преданность Д. В. Драчевскаго царствующему Императору, неограниченному самодержцу всероссійскому. Статья, за напечатаніе которой наложенъ штрафъ, восхваляетъ не какое-либо преступное дѣяніе, а законный, вѣрноподданный протестъ градоначальника, доказывающій неограниченное самодержавіе Государя въ Россіи" [1]).

Кромѣ общаго вопроса въ приведенной лукавой постановкѣ, г. Дубровинъ ставитъ еще два частныхъ, скорѣйшее разрѣшеніе которыхъ было бы весьма важно въ интересахъ „свободной" печати: какія учрежденія и лица подходятъ подъ понятіе „правительства", за возбужденіе враждебнаго отношенія къ которому обязательныя постановленія повсемѣстно угрожаютъ органамъ печати тысячными штрафами, и насколько власть наложенія административныхъ взысканій ограничивается цѣлью изданія въ 1881 г. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія? Второй вопросъ не новый. Онъ былъ уже на разсмотрѣніи сената по дѣлу, если намъ не измѣняетъ память, Келлера и разрѣшенъ въ тѣсномъ для представителей администраціи смыслѣ. Но въ практикѣ административной расправы это рѣшеніе основательно забыто.

Любопытно вспомнить, что̀ писали и говорили представители крайней правой, когда съ противоположнаго политическаго полюса шли стремленія возбудить въ Думѣ инціативу объ измѣненіи основныхъ законовъ. Теперь они говорятъ, что распутать „шараду" существующей формы правленія будетъ задачей третьей Думы. Распутать ее въ порядкѣ толкованія—внѣ власти Думы. Рѣчь можетъ идти только о томъ, чтобы распутать ее въ порядкѣ законодательномъ. А что для этого есть неодолимое препятствіе въ ст. 8 основныхъ законовъ—объ этомъ крайніе правые теперь не думаютъ и не говорятъ. И едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что попытки ниспроверженія существующаго государственнаго строя въ третьей Думѣ будутъ сдѣланы. Въ газетахъ уже промелькнуло извѣстіе, что правые члены Думы „готовятъ запросъ,—на какомъ основаніи представители правительства говорятъ о конституціи, когда власть самодержавнаго монарха считается неприкосновенной". Какъ отнесется къ подобнымъ попыткамъ думское большинство? Мы не имѣемъ увѣренности сказать, что большинство ихъ отвергнетъ. Въ общественныхъ кругахъ, изъ которыхъ сложилось это большинство, покорность и послушаніе развиты весьма сильно. Но кому покорность и чему послушаніе? Послушаніе дѣй-

[1]) Заимствовано изъ № 10130 „Биржевыхъ Вѣдомостей".

ствующему закону — всего меньше. Они привыкли улавливать звукъ камертона. Сейчасъ камертонъ сразу издаетъ неопредѣленную гамму звуковъ. Въ ней, однако, явственно слышится тонъ, зовущій къ возрожденію недавняго былого... Если попытки и не встрѣтятъ сочувствія большинства, то, все-таки, это не будетъ значить, что опасность переворота миновала...

„Наконецъ-то—возглашаетъ реакціонная пресса—выборы дѣйствительно дали лучшихъ людей, которые выведутъ страну“ и т. д... Среди этихъ „дѣйствительно лучшихъ“, членомъ Думы отъ минской губерніи избранъ Г. К. Шмидъ, бывшій флотскій офицеръ, осужденный въ 1891 году за тотъ видъ государственной измѣны, который называется шпіонствомъ въ мирное время. Обстоятельства избранія г. Шмида въ теченіе всей предвыборной кампаніи были предметомъ оживленныхъ толковъ въ газетахъ. Дѣйствительно, они заслуживаютъ вниманія, какъ съ юридической точки зрѣнія, такъ и съ общественной.

Еще до избранія выборщиковъ, нѣкоторые избиратели г. Минска подали заявленіе въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію о неправильномъ включеніи въ списки Г. К. Шмида и представили нумеръ „Правительственнаго Вѣстника“ за 1891 годъ, въ которомъ былъ напечатанъ приказъ объ исключеніи изъ службы офицера флота Шмида, присужденнаго по соотвѣтственнымъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Коммиссія, въ виду этого заявленія, Шмида изъ списковъ исключила. Онъ принесъ жалобу въ губернскую коммиссію. Послѣдняя въ экстренномъ засѣданіи 27 сентября отмѣнила рѣшеніе уѣздной коммиссіи. „На бывшемъ наканунѣ собраніи „истинно-русскихъ“ людей,—пишетъ корреспондентъ „Рѣчи“ (№ 232),—послѣ того, какъ были указаны заслуги Густава Карловича въ насажденіи патріотизма въ минской губ., нѣкоторыми было предложено употребить всѣ усилія къ тому, чтобы Шмидъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, и просить членовъ губернской коммиссіи идти на встрѣчу желаніямъ русскаго общества. Но и помимо этого члены губернской коммиссіи оказались въ такомъ положеніи, что были поставлены въ необходимость рѣшить вопросъ въ пользу Шмида. Дѣло въ томъ, что въ тотъ день губернаторомъ была получена телеграмма отъ товарища министра Крыжановскаго, въ которой, по порученію министра, указывалось „для свѣдѣнія и руководства“, что Шмидъ возстановленъ во всѣхъ своихъ правахъ, на что у него имѣются подлежащіе документы, и что его избирательное право неоспоримо“.

Какъ обладающій „неоспоримымъ“ избирательнымъ правомъ —

г. Шмидъ былъ избранъ въ выборщики, а затѣмъ и въ члены Думы. Телеграмма товарища министра внутреннихъ дѣлъ о возстановленіи г. Шмида во всѣхъ его правахъ настолько не согласовалась съ ст. 10 положенія о выборахъ, что когда о ней стало извѣстно въ столичной печати, она поставила газеты въ недоумѣніе: тотъ ли это Шмидъ, который былъ осужденъ за шпіонство? Не произошла ли ошибка въ лицѣ — мало ли въ Россіи Шмидтовъ, Шмидовъ и Шмитовъ? Легко могъ служить во флотѣ какой-нибудь другой Шмидъ и понести по суду наказаніе, допускающее возстановленіе избирательныхъ правъ. Въ теченіе недѣли или дней десяти нота недоумѣнія чувствовалась во всѣхъ толкахъ по дѣлу. Но время шло, а ни отъ самого г. Шмида, ни отъ „освѣдомительнаго бюро“ никакихъ опроверженій не появлялось. Напротивъ, раскрывались новыя подробности, съ несомнѣнностью устанавливающія полное тождество минскаго Шмида съ офицеромъ, продавшимъ семнадцать или шестнадцать лѣтъ назадъ, за десять тысячъ рублей планъ обороны Моонъ-Зунда. Наконецъ, въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана бесѣда съ бывшимъ прокуроромъ минскаго окружного суда, который категорически удостовѣрилъ, что никакой ошибки въ лицѣ нѣтъ. Единственно, что выставляли политическіе сторонники г. Шмида, это то, что онъ продалъ не настоящій планъ обороны, а имъ самимъ сфабрикованный.

Послѣднее могло бы имѣть значеніе лишь въ томъ отношеніи, что если бы г. Шмидъ совершилъ свое дѣяніе не въ 1890 или 1891 гг., а послѣ 1903 г., когда были установлены для военнослужащихъ повышенныя наказанія за шпіонство, то онъ не былъ бы приговоренъ къ смертной казни. Относительно же избирательныхъ его правъ—это обстоятельство безразличное. Ст. 10 дѣйствующаго положенія о выборахъ гласитъ: „Кромѣ указанныхъ въ предшедшей статьѣ (9) лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: 1) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія“. Изъ этого опредѣленія явствуетъ: во-первыхъ, что лишеніе избирательныхъ правъ опредѣляется „состоявшимся осужденіемъ“ за дѣянія, перечисленныя въ законѣ по роду, или вообще за такія, которыя влекутъ наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ правъ состоянія или съ исключеніемъ изъ службы; во-вторыхъ, что

состоявшееся при такихъ условіяхъ осужденіе лишаетъ осужденнаго избирательныхъ правъ безповоротно. Законъ прямо говоритъ: *„хотя бы* послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія" — и въ дальнѣйшемъ перечнѣ упоминаетъ какъ общее помилованіе, такъ и спеціальное. Г. К. Шмидъ подвергся по суду ссылкѣ на житье и соединенному съ этимъ наказаніемъ исключенію изъ службы. Слѣдовательно, въ его прошломъ есть „состоявшееся осужденіе", предусмотрѣнное первымъ пунктомъ ст. 10, и потому онъ безповоротно лишенъ права избирать и быть избираемымъ въ Государственную Думу. Какіе бы у него ни имѣлись „подлежащіе документы", они по точному смыслу закона не могутъ возстанавливать разъ утраченныхъ имъ правъ. Нормальна ли подобная безповоротность силы „состоявшагося осужденія"—вопросъ другой. Мы считаемъ ее ненормальной, ибо лицо можетъ имѣть въ своемъ прошломъ суровое осужденіе и не за позорное въ этическомъ смыслѣ дѣяніе, какъ измѣна или шпіонство. Но рѣчь идетъ не объ измѣненіи закона, а о примѣненіи.

На основаніи какихъ тонкихъ юридическихъ соображеній министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало выводъ о неоспоримости избирательныхъ правъ г. Шмида—для насъ—полагаемъ и для всѣхъ русскихъ юристовъ—совершенная загадка. Тѣмъ болѣе ее трудно разгадать, что поскольку статья 10 подвергалась „разъясненіямъ" во время выборовъ во вторую Думу, сенатъ всегда обнаруживалъ склонность отнюдь не къ льготному ея толкованію. Примѣровъ не нужно далеко искать: весьма яркіе приведены въ тезисахъ первомъ и четвертомъ, которые напечатаны подъ статьей 10 положенія съ разъясненіями, изданнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Невольно приходитъ на умъ, что не юридическія соображенія руководили въ данномъ случаѣ министерствомъ, а своеобразно понимаемыя политическія „заслуги": г. Шмидъ—организаторъ и глава минскихъ „истинно-русскихъ" людей.

Въ эпизодѣ съ г. Шмидомъ наши правые революціонеры показали послѣднюю степень извращенія государственныхъ, этическихъ и религіозныхъ понятій. Цитированная выше корреспонденція „Рѣчи" приводитъ текстъ объявленія, которое, 27 и 28 сентября, раздавалось въ г. Минскѣ. Въ этомъ объявленіи, подъ знакомъ креста и заголовкомъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его"—было напечатано: „Минское православное народное братство во имя Животворящаго Креста Господня съ великой радостью извѣщаетъ, что по милости Божьей Г. К. Шмидъ, несмотря на всѣ происки враговъ православія и русской народности, признанъ въ своихъ избирательныхъ правахъ. Подавая за него голоса на предстоящихъ выборахъ 30 сен-

тября, мы не только выполнимъ нашъ гражданскій долгъ, но и отблагодаримъ Господа Бога за дарованную намъ милость и дадимъ отпоръ той горсти позорящихъ русское имя людей, которые, утративъ всякій стыдъ, идутъ противъ насъ за то только, что мы остаемся вѣрными долгу, вѣрѣ и родинѣ". И это объявлялось по поводу признанія избирательныхъ правъ за человѣкомъ, совершившимъ шпіонство! Всякое кощунство отвратительно, но такого мы не помнимъ, чтобы приходилось часто читать...

При выборахъ членовъ Думы, г. Шмидъ былъ выставленъ кандидатомъ отъ „архіерейскаго" блока. (Кстати: исключительно любопытное и характерное названіе партійной выборной организаціи!) Вслѣдъ за его избраніемъ, „отъ группы 37 выборщиковъ поляковъ, евреевъ и рабочихъ подано было предсѣдателю и прочитано уполномоченнымъ У. Б. Крупскимъ слѣдующее заявленіе: „Мы, нижеподписавшіеся выборщики, считаемъ избраніе Г. К. Шмида членомъ Государственной Думы несовмѣстимымъ съ нашимъ достоинствомъ въ виду его прежней судимости за позорное для гражданина дѣяніе и поэтому вынуждены покинуть избирательное собраніе"... Чтеніе заявленія на послѣднихъ словахъ было прервано предсѣдателемъ. Всѣ выборщики поляки, евреи и рабочіе и нѣсколько русскихъ землевладѣльцевъ оставили залъ собранія". Такъ гласитъ телеграмма изъ Минска отъ 15 октября, на другой день появившаяся въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ.

Вѣроятно, эти 37 выборщиковъ не ограничились подачей заявленія и демонстративнымъ уходомъ изъ избирательнаго собранія и, сверхъ того, принесли жалобу на неправильное избраніе г. Шмида, какъ лица, утратившаго право быть выбраннымъ. Но если они и не принесли жалобы, избраніе Шмида навѣрное будетъ отмѣчено оппозиціей и станетъ предметомъ сужденій при повѣркѣ полномочій—сначала въ отдѣлѣ, а затѣмъ и въ общемъ собраніи Думы. Навѣрное же крайняя правая будетъ пытаться найти формальный поводъ, чтобы не допустить вопроса до всесторонняго выясненія. Но неужели это ей удастся? Хотѣлось бы вѣрить, что въ Думѣ не сложится большинства въ пользу оставленія въ званіи члена Государственной Думы, въ явное нарушеніе закона, лица, осужденнаго за измѣну или за мошенническую симуляцію измѣны... Въ первой Думѣ, членъ ея, г. Способный, едва ли не единственный тогда крайній правый, желая доказать необходимость сохраненія смертной казни, приводилъ измѣну какъ примѣръ, казавшійся ему уничтожающимъ всѣ доводы противниковъ кары лишеніемъ жизни. Прошло всего два года. Люди одного образа мыслей съ г. Способнымъ кощунственно возносятъ благодарственныя молитвы за дарованную имъ милость избрать измѣнника

своимъ представителемъ въ Государственную Думу. Вдвойнѣ знаменательное сопоставленіе. Во-первыхъ, можно ли найти еще болѣе вѣскій аргументъ противъ смертной казни? Во-вторыхъ, какъ далеко оставили позади себя „истинно-русскіе“ люди элементарное различеніе нравственнаго и безнравственнаго и пониманіе, что именно позоритъ русское имя...

Настоящія строки уже нами были написаны, когда мы прочли въ № 283 „Руси“ письмо въ редакцію изъ Минска за подписью: „Выборщикъ“. Беремъ изъ него нѣкоторыя выдержки: „Я былъ губернскимъ выборщикомъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Собрали насъ въ Минскѣ заблаговременно и помѣстили въ домѣ архіерея. Все время приходили къ намъ какіе-то люди и говорили, что они члены выборнаго комитета и говорили, что необходимо выбирать въ Думу Шмида. Другіе же приходили къ намъ и говорили, что Шмидъ былъ судимъ, былъ обвиненъ и сосланъ, и потому его не слѣдуетъ выбирать. Тогда многихъ изъ насъ по одиночкѣ вызывалъ къ себѣ архіерей и уговаривалъ, что Шмидъ судимъ не былъ и потому его нужно выбирать“... „Хотѣли мы выбрать полковника Лашкарева и писаря Грудинскаго, что уже были членами во второй Думѣ, да они отказались наотрѣзъ идти въ Думу рядомъ со Шмидомъ. Полковникъ Лашкаревъ на выборахъ, когда уже выбаллотировали Шмида, даже заплакалъ и сказалъ: „Это позоръ минской губ., выбирать того, кто продалъ планы крѣпости“,—заплакалъ съ нимъ и одинъ старый священникъ, который положилъ Шмиду бѣлый шаръ, слушая приказъ архіерея“.

Въ № 223 „Русскихъ Вѣдомостей“ былъ перепечатанъ изъ „Ферганскихъ Обл. Вѣд.“ въ высокой степени характерный приказъ и. д. начальника 3-й туркестанской стрѣлковой бригады:

„14-го сентября, въ 2 часа дня, во время прогулки подпоручика 10-го туркестанскаго стрѣлковаго батальона К. съ другими лицами по платформѣ станціи Андижанъ, мѣстный житель, сартъ Ахметжановъ, вломился въ компанію разгуливавшихъ, причемъ былъ отстраненъ подпоручикомъ К. Послѣ этого сартъ Ахметжановъ осмѣлился нанести ударъ подпоручику К., который въ свою очередь отвѣтилъ ударомъ шашкой по головѣ, причинивъ сарту Ахметжанову незначительную рану. Изъ этого случая усматриваю, что гг. офицеры во ввѣренной мнѣ бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. Обращая на это вниманіе гг. командировъ батальоновъ, требую, чтобы ими были приняты надлежащія мѣры къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ“.

Для слуха, привыкшаго отличать оттѣнки языка оффиціальныхъ

документовъ, здѣсь характерно не одно содержаніе приказа, но и отдѣльныя слова: „вломился" и „осмѣлился", когда рѣчь идетъ о сартѣ Ахметжановѣ, и „былъ отстраненъ", когда описываются дѣйствія подпоручика К. Но сравнительно съ тѣмъ, что усмотрѣлъ и. д. начальника бригады изъ „случая", имѣвшаго мѣсто на станціи Андижанъ 14-го сентября, это такія мелочи, о которыхъ не стоитъ говорить. Не фактъ нанесенія раны подчиненнымъ ему офицеромъ остановилъ на себѣ вниманіе генерала Л., а фактъ нанесенія раны „незначительной". Отсюда и. д. начальника бригады сдѣлалъ выводъ, что гг. офицеры во ввѣренной ему бригадѣ плохо владѣютъ оружіемъ. А отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію отдавшаго приказъ начальника, офицеръ долженъ былъ, при данныхъ обстоятельствахъ, обнаружить болѣе умѣлое обращеніе съ шашкой, т.-е. „раскроить черепъ" Ахметжанову или, иначе, убить его, или нанести ему рану „значительную". Этого конечнаго вывода не написано. Но онъ съ такой очевидностью вытекаетъ самъ собою, что приказа иначе навѣрное не поняли, и не могли понять, ни командиры батальоновъ, которымъ предъявлено требованіе принять надлежащія мѣры „къ обученію гг. офицеровъ владѣнію присвоеннымъ имъ оружіемъ", ни младшіе офицеры, ни мѣстные жители, для свѣдѣнія которыхъ приказъ напечатанъ въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ".

Юридическій остовъ „случая" весьма простъ. За дѣйствіемъ сарта Ахметжанова, „вломившагося" въ компанію разгуливавшихъ, послѣдовало „отстраненіе" его подпоручикомъ; затѣмъ Ахметжановъ нанесъ подпоручику ударъ, а подпоручикъ, въ отвѣтъ, ударилъ Ахметжанова шашкой, причинивъ ударомъ „незначительную" рану. Для полной ясности вопроса и въ виду гадательности, что скрывается за неопредѣленными понятіями: „вломился" и „былъ отстраненъ",—возможно случай еще болѣе упростить, т.-е. отбросить предшествующія дѣйствія подпоручика и сарта Ахметжанова и остановиться лишь на двухъ послѣднихъ актахъ. Возможно принять, что Ахметжановъ нанесъ ударъ безъ всякаго повода или, иными словами, что нанесенный имъ ударъ былъ первоначальнымъ моментомъ столкновенія. Такое дѣяніе Ахметжанова составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный 135 ст. мирового устава, такъ какъ ударъ былъ нанесенъ въ публичномъ мѣстѣ. Дѣяніе же подпоручика подлежитъ квалификаціи по второй части 1483 ст. уложенія о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ нанесеніе въ запальчивости или раздраженіи легкой раны. При этомъ, за силою 276 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, дѣло о названномъ офицерѣ подлежитъ начатію независимо отъ жалобы потерпѣвшаго и не можетъ быть окончено примиреніемъ. А причиненіе раны присвоеннымъ подпоручику К. оружіемъ, согласно 78 ст. воинск. уст.,

можетъ служить основаніемъ для назначенія усиленнаго наказанія. Только двѣ приведенныя статьи военно-уголовнаго законодательства имѣютъ отношеніе къ описанному въ приказѣ случаю. Во всемъ остальномъ онъ всецѣло подчиняется опредѣленіямъ дѣйствующаго законодательства общеуголовнаго.

Если бы случай имѣлъ мѣсто не въ Россіи, а въ Австріи, то преступность дѣянія подпоручика К, подлежала бы оцѣнкѣ и въ результатѣ ея, быть можетъ, устраненію на основаніи правилъ о необходимой оборонѣ. Австрійское общее законодательство, подобно нашему, не допускаетъ обороны чести. Но военно-уголовный австрійскій кодексъ содержитъ въ себѣ отступленіе. Пунктъ д. § 144 гласитъ, что офицеръ, употребившій оружіе для защиты своей личной чести, если онъ не вышелъ за предѣлы обороны, освобождается отъ наказанія. Такъ же точно, если бы въ Россіи, въ отношеніи посягательствъ на личность, дѣйствовало уголовное уложеніе 1903 г., а не уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., то нанесеніе раны Ахметжанову подлежало бы разсмотрѣнію съ точки зрѣнія наличности для подпоручика К. условій состоянія необходимой обороны. Ст. 45 уголовнаго уложенія говоритъ о допустимости обороны противъ незаконнаго посягательства на личныя блага вообще и тѣмъ объявляетъ непреступность обороны чести съ одной лишь оговоркой: если защищавшійся не превысилъ предѣловъ обороны „чрезмѣрностью или несвоевременностью защиты“. Но „случай“ произошелъ въ Россіи и при дѣйствіи уложенія о наказаніяхъ, которое въ ст. 101 признаетъ ненаказуемость дѣянія, совершеннаго въ состояніи необходимой обороны, только тогда, когда „дѣйствительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода оборонявшагося“. Что такая постановка вопроса не нормальна и что право обороны чести должно быть признаваемо уголовнымъ законодательствомъ—объ этомъ уже давно нѣтъ двухъ мнѣній у русскихъ криминалистовъ-теоретиковъ. Воззрѣнія ихъ, однако, до настоящаго времени въ практику жизни не вошли, ибо дѣйствующій законъ смотритъ иначе.

Такимъ образомъ, и то, что подпоручикъ К. совершилъ, есть безспорно дѣяніе преступное, отъ наказанія за которое онъ можетъ быть (по закону) освобожденъ исключительно въ порядкѣ помилованія. Тѣмъ болѣе преступнымъ былъ бы его „отвѣтъ ударомъ шашкой по головѣ“, если бы онъ въ полной мѣрѣ „владѣлъ оружіемъ“ и вмѣсто незначительной раны раскроилъ черепъ. Въ этомъ случаѣ онъ не былъ бы освобожденъ отъ отвѣтственности не только по нашему новому уголовному уложенію, но даже въ Австріи. Хотя наука уголовнаго права отказалась отъ математическаго, такъ сказать, соразмѣренія средствъ и способовъ защиты при оборонѣ со способами нападенія, однако и

наука, и всѣ положительные кодексы, обязательно обусловливаютъ ненаказуемость дѣянія предѣлами защиты или отраженія нападенія. Не забываетъ этого условія и австрійскій военно-уголовный кодексъ, который, исправляя дефектъ обще-уголовнаго законодательства, создаетъ для одной категоріи военнослужащихъ — для офицеровъ—несправедливую привилегію въ области общегражданскихъ юридическихъ отношеній.

Теперь посмотримъ на приказъ съ другой стороны. Предположимъ, что на той же или на сосѣдней станціи желѣзной дороги повторился аналогичный случай, но съ той разницей, что офицеръ 3-й туркестанской стрѣлковой бригады, помня смыслъ приказа, нанесъ ударъ съ обнаруженіемъ владѣнія оружіемъ въ полной мѣрѣ и убилъ сарта или русскаго — все равно. Можетъ ли такой офицеръ сослаться, въ свое оправданіе, на приказъ? Могутъ ли начальникъ, который его будетъ предавать суду, и затѣмъ судъ принять приказъ во вниманіе при рѣшеніи вопросовъ о направленіи дѣла, о вмѣненіи въ вину содѣяннаго и объ опредѣленіи наказанія?

Слова приказа такъ написаны, что при ссылкѣ на него обвиняемый легко можетъ услышать отвѣтный вопросъ: „Откуда вы взяли, что начальникъ бригады приказывалъ или хотя бы совѣтовалъ за оскорбленіе мстить немедленно оскорбителю смертью?“. Дѣйствительно, резолютивная часть приказа юридически неуязвима: она заключаетъ въ себѣ требованіе, предъявляя которое, начальникъ бригады ни на іоту не вышелъ за предѣлы законности и своихъ полномочій. Наблюдать чтобы подчиненные офицеры хорошо владѣли присвоеннымъ оружіемъ—его прямая обязанность. Обращать вниманіе командировъ батальоновъ на плохое владѣніе оружіемъ офицерами—также. Что же касается повода, то онъ формально безразличенъ: никакой законъ не ограничиваетъ поля зрѣнія военныхъ начальниковъ какимъ-либо опредѣленнымъ кругомъ, за гранями котораго они не могли бы ничего „усматривать“. Но сдѣлаемъ въ предположеніяхъ еще шагъ и допустимъ, что какъ предающій суду начальникъ, такъ и судъ, не станутъ закрывать буквою междустрочнаго смысла приказа. Положеніе дѣла отъ этого не измѣнится.

Ст. 15 книги VII свода воен. пост. „вѣдать всѣ уставы и законы государственные и содержать ихъ въ ненарушимой сохранности“ выставляетъ для всѣхъ военнослужащихъ, „какъ первый и главный предметъ, отъ котораго зависитъ правое и благонамѣренное направленіе всѣхъ дѣлъ“; а ст. 23 той же книги во главѣ общихъ обязанностей лицъ начальствующихъ ставитъ обязанность „наблюдать за точнымъ исполненіемъ во ввѣренной ему части всѣхъ до нея относящихся законовъ, военныхъ постановленій, Высочайшихъ повелѣній,

правилъ“ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ ст. 2 книги XXIII (уставъ дисциплинарный) отнюдь не допускаетъ слѣпого, неразсуждающаго, повиновенія начальнику. Она гласитъ: „При безпрекословномъ исполненіи подчиненными приказаній начальника, онъ одинъ отвѣчаетъ за послѣдствія своего приказанія“. Провозглашенный, однако, столь категорично принципъ повиновенія тутъ же ограничивается: „кромѣ лишь случаевъ—добавляетъ послѣ запятой текстъ 2 статьи,—въ военныхъ законахъ именно указанныхъ“; и въ скобкахъ: „Воин. Уст. о нак., ст. 69“. Слѣдовательно, въ случаяхъ, военными законами именно указанныхъ, при безпрекословномъ исполненіи подчиненными приказаній начальника, за послѣдствія приказанія отвѣчаютъ и подчиненные. Иными словами, въ такихъ случаяхъ подчиненный не обязанъ и, даже, не имѣетъ права исполнить приказаніе. А среди этихъ случаевъ въ законѣ прямо указанъ тотъ, когда подчиненные, „исполняя приказаніе начальника, не могли не видѣть, что онъ имъ предписываетъ нарушить присягу и вѣрность службы, или совершить дѣяніе явно преступное“. Офицеръ не только, подобно каждому гражданину, не имѣетъ права отговариваться невѣдѣніемъ закона, но, какъ начальникъ, долженствующій воспитывать подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ въ началахъ законности, обязанъ его знать и фактически не знать не можетъ, ибо до своего производства изучалъ главныя основанія правовыхъ опредѣленій вообще и уголовно-правовыхъ въ частности.

Какъ понимаетъ ст. 69 воинск. уст. военно-судебная практика— видно, напримѣръ, изъ рѣшенія главнаго военнаго суда 1889 г., № 95, коимъ признано, что нанесеніе дядькою, обучающимъ новобранцевъ, ударовъ обучаемымъ не освобождаетъ виновнаго отъ отвѣтственности, хотя бы злоупотребленіе это послѣдовало по приказанію начальника, такъ какъ виновный не могъ не сознавать явной преступности даннаго ему приказанія. Въ рѣшеніи 1893 г., № 62, главный военный судъ высказалъ свою руководящую мысль общимъ образомъ: „на основаніи 69 ст. не вмѣняется въ вину подчиненныхъ исполненіе такихъ приказаній начальника, которыя не нарушаютъ присяги и вѣрности службы и не заключаютъ въ себѣ ничего явно преступнаго, ибо совершеніе явныхъ преступленій, хотя бы и по распоряженію начальника, не можетъ быть оправдываемо ни требованіемъ дисциплины, ни обязанностью подчиненнаго безпрекословно исполнять приказанія своего начальства“. Изъ приведенной справки явствуетъ, что въ предположенномъ примѣрѣ большее, что будетъ въ состояніи сдѣлать судъ, это понизить наказаніе, назначенное закономъ за убійство или причиненіе тяжкой раны, на двѣ степени, въ виду 6-го пункта ст. 134 улож.

Но что будетъ для офицера, если онъ, при аналогичныхъ обстоя-

тельствахъ, руководствуясь велѣніями выше начальнической власти стоящаго закона, вовсе не обнажитъ оружіе или, обнаживъ его, сообразитъ силу удара съ обстановкою и причинитъ оскорбителю неопасную для жизни царапину? Нетрудно догадаться, что онъ услышитъ не только упрекъ, какъ подпоручикъ К., а испытаетъ и реальныя послѣдствія—конечно не по суду—неумѣлаго владѣнія присвоеннымъ оружіемъ... Приказъ, напечатанный въ „Ферганскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ",—яркая, кричащая иллюстрація. Онъ не представляется единичнымъ. Помнится, въ газетахъ появлялись однородные приказы. Помнится также, что въ послѣдніе два года было не мало подобныхъ случаевъ", кончавшихся смертельнымъ исходомъ, и законъ во всей суровости своей на нихъ не реагировалъ...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даніиловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему".

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

II. — Отъ Международнаго Комитета для помощи безработнымъ рабочимъ Россіи.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи предпринялъ изданіе литературно-художественнаго сборника, посвящаемаго въ Россіи памяти Александра Ивановича Герцена.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

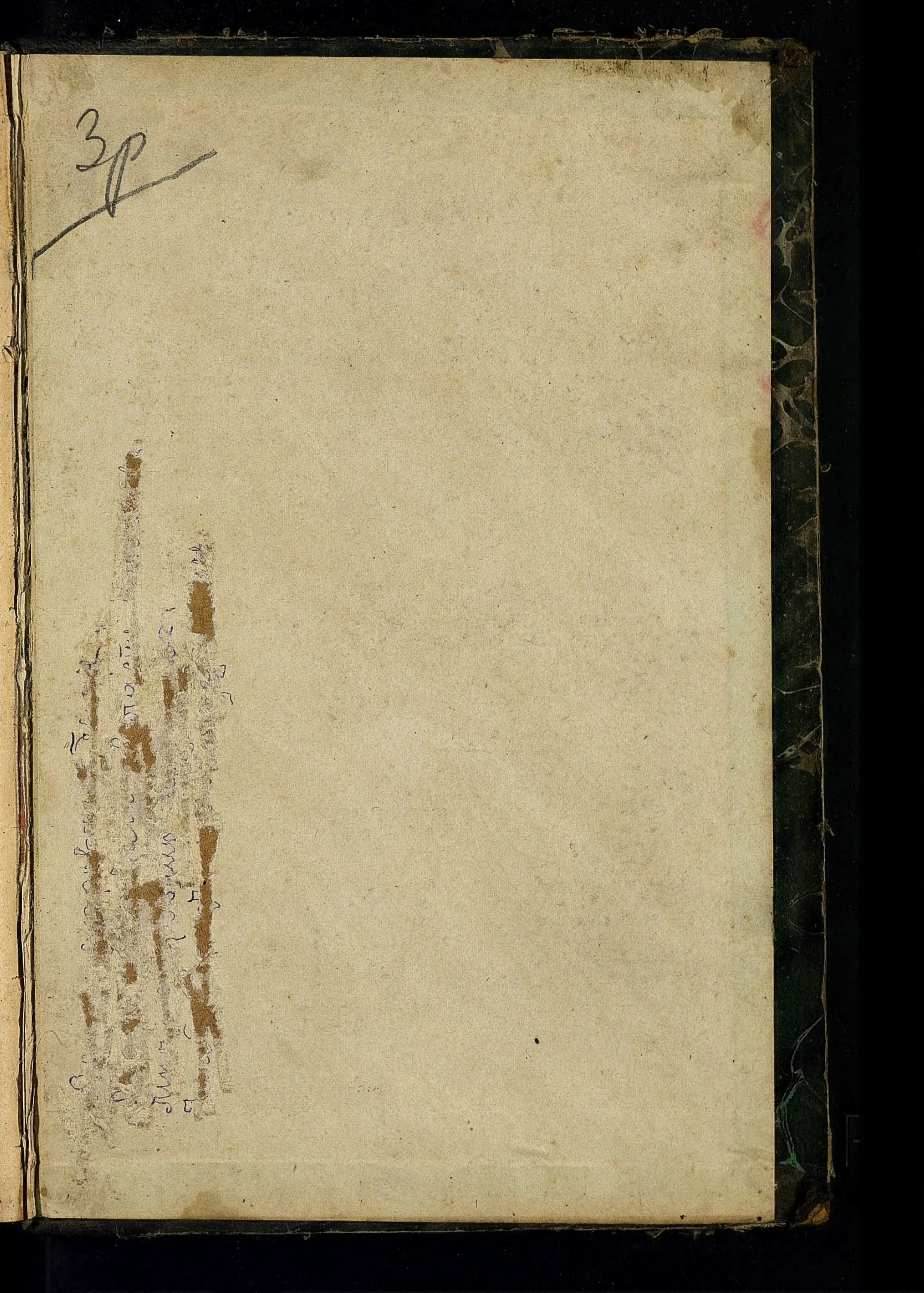
Сборникъ этотъ будетъ, конечно, безпартійнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партійности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партійныхъ литераторовъ, посвященныя нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и за-границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof., Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ, въ сборникѣ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ" и письма къ нему Карла Фогта, Карлейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предсѣдатель проф. *Н. Герценъ.*
Секретарь *К. Зминченко.*

3р

